Кучинский А.В.
Тюремная энциклопедия

OCR и сборка Палек, 1998 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Законы пишутся людьми. Они же, люди, и преступают эти законы, и так, видимо, будет продолжаться до конца времен. Только Никита Х. мог пообещать ошарашенным согражданам, что они, мол, скоро увидят последнего жулика (бойкие киношники, кстати, слепили по случаю фильм "Последний жулик").

Нет, не исчезли... Ни в застойные, ни в перестроенные времена - не исчезнут и теперь, во времена разгула свободы (свободного разгула) и беспредельных возможностей (всевозможного беспредела).

Судимостями, задержаниями, вытрезвителями "охвачено" нынче едва ли не все население страны. Милиционер на улице встречается чаще фонарного столба; водителя автомашины подстерегает притаившийся в кустах гаишник; к подвыпившему на свадьбе гражданину подкрадывается из-за угла "козлик" ПМГ... Наученный горьким опытом законопослушный гражданин спешит перейти на другую сторону улицы при виде милицейского наряда, помахивающего "дубинаторами"; вид автоматчика в подземном переходе вызывает боль в сердце и легкость в ногах. Это всего лишь кончики щупальцев гигантской правоохранительной системы, возлегающей в российских пространствах. Органы чувств ее - в кабинетах дознавателей и сыскарей, пищеварительные органы - в бесчисленных тюрьмах и лагерях всех режимов.

Кого только не переваривает тюрьма и зона!.. Впрочем, кого-то и действительно не может переварить. За решеткой и колючкой можно встретить и профессора, и буквально неграмотного мужика, инженера и рабочего, карманника и медвежатника, мошенника и грабителя. Кому тюрьма, а кому - мать родна... Один и за десять лет срока не может адаптироваться, войти целиком в ритм неволи; другой уже в КПЗ чувствует себя как рыба в воде.

Неприятием тюрьмы и зоны страдают в основном так называемые "интеллигентные" люди, севшие за махинации, по их мнению, вполне законные - без крови и взламывания сейфов, без отмычек и финских ножей. Именно эта часть зековского населения (меньшая часть!) видит в окружающем большинстве только "уголовников", отказывая им в праве на общение; отказывая себе в постижении так называемых "понятий" тюрьмы и зоны, на которых построена вся общественная и личная жизнь.

В этой книге сделана попытка информировать читателя о том, что его ждет, если он, к примеру, не стерпит кабацкого оскорбления и ответит на него по большому счету. Придется немного посидеть - вот и предлагаем вам ознакомиться с подробностями быта и основополагающими принципами тюремно-зоновского бытия.

Читателю предлагается антология знаменитых побегов, которые могли бы войти (если уже не вошли) в "золотой фонд" преступного мира. На земном шаре не существует тюрем и прочих мест лишения свободы, которые не знали бы дерзких побегов и не менее дерзких попыток к бегству.

Штурмы тюремных стен, захваты заложников, подкопы, перелеты на самодельных агрегатах, коварные подмены и переодевания - все это ждет читателя в данной книге.

Основной совет вы прочтете немедленно, в предисловии - дабы он не затерялся где-нибудь между строк этой книги.

Основной совет

Люди, с которыми вам (не дай Бог, конечно) придется сталкиваться в тюрьме и зоне, уже осуждены земным народным судом, приговорены им, справедливым, к разным срокам наказания. Постарайтесь не судить их второй раз; разглядите в них себе подобных; постарайтесь постичь сложные и простые одновременно "понятия"; оцените окружающий вас мир неволи как модель потустороннего общества; устраивайте быт уже в тюремной камере - тем легче будет все забыть.

Автор

Часть первая
"ОТ ЗВОНКА ДО ЗВОНКА"

ЗАДЕРЖАНИЕ, АРЕСТ

Вряд ли найдется в пределах России хотя бы один человек, в той или иной форме не сталкивавшийся с органами правопорядка (милицией), прокуратурой, судом. Впрочем, едва ли найдется и семья, в которой бы "никто никогда не сидел". С 1917 года раскрутилась карательная машина "нового строя" и не может остановиться до сих пор. Образы "колодников" и "каторжан в цепях" давно уже померкли перед страшными тенями жертв Соловков, Беломорканала, Магнитки, Колымы. А зловещие фигуры Ягоды, Ежова, Берии, "железного Шелепина", Семичастного, Щелокова, Андропова начисто перекрывают идиллические равнозначные фигуры прошлого - от князя Ромодановского до рядового начальника контрразведки деникинской армии.

Начиная с 1961 года (принятие нового Уголовного Кодекса) "верхушечный беспредел" сменился беспределом средних и низовых звеньев. Печально знаменитая 206 статья УК (хулиганка), по аналогу которой в царское время пороли розгами или держали до утра "в холодной", всосала в систему исправительно-трудовых учреждений многие тысячи перепуганных и удивленных граждан. Семейные конфликты стали заканчиваться "отсидкой"; злостные алиментщики, после первого же срока, начинали обрастать иными "судимостями"; "тунеядка" (209), "нарушение паспортного режима" (196) - не счесть статей, поставлявших рабсилу в ИТК всех режимов.

Нынешний Уголовный кодекс по многим статьям предоставляет возможность заплатить штраф (ну, какие-нибудь жалкие 100 минимальных окладов), а если не в состоянии заплатить, то можешь (и должен) отправиться по этапу в места "не столь отдаленные". К тому же гораздо больше стало поводов у "органов" для задержания гражданина - будь то отсутствие документов или наличие "толстой сумки" с "челночной" мануфактурой; присовокупим к этому "нетрезвый вид" - существует тенденция к задержанию граждан именно по "виду", а не по "состоянию".

Мягкая форма

Собственно задержание может производиться в мягкой и в жесткой форме. Ничего не подозревающий подследственный гражданин с подпиской о невыезде может быть "отправлен в ИВС (КПЗ)" - в случае, если он совершил преступление, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года. (См. "Приложение".) Это основания, а поводы всегда найдутся. Если вы не являетесь по повесткам (которые часто просто бросаются в почтовый ящик), исчезаете даже на короткий период из поля зрения следственных органов, продолжаете вести обычный образ жизни - например, кутите в ресторанах, раскатываете по городу на машине, встречаетесь с нежелательными (по мнению следствия) людьми, то вполне можете вместо подписки о невыезде получить наручники на запястья; из кабинета следователя вас уведут конвойные милиционеры. Останется лишь удивляться резкой перемене жизни: казалось ведь, так мирно беседовали с таким милым человеком, ничто не предвещало туч над головой. Это мягкая форма.

Жесткая форма

Задержанию в жесткой форме вы можете подвергнуться в любом месте: в квартире, в ресторане, на вокзале, на улице, в метро.

Обычно работники милиции, козырнув, просят предъявить документы. Рекомендуем не возмущаться: именно с возмущения "гражданина" начинается применение "жесткой формы" задержания. Возмущение (в зависимости от характера задерживаемого) может перерасти в "сопротивление работникам милиции (печально известная 191 статья бывшего УК - ныне ст. 317, 318,

319); оторванные форменные пуговицы (или, упаси Боже, погон) могут послужить достаточным основанием для возбуждения уголовного дела, возникшего в общем-то на пустом месте, при полном отсутствии каких-либо преступных мотивов.

Задержание, арест относятся к так называемым мерам пресечения. Они применяются в отношении обвиняемого, а в исключительных случаях - в отношении подозреваемого в совершении преступления. Правда, закон не расшифровывает "исключительные случаи", оставляя это право за "исполнителем" - милицейским "опером", следователем или судом.

Не давайте поводов

В общем, не давайте поводов для изменения меры пресечения с "лучшей" на "худшую"; помните, что, находясь на свободе во время следствия, вы - гражданин одного мира; момент вашего препровождения в подвал (чаще всего) ИВС (КПЗ) - момент перехода в другой мир, в котором еще предстоит адаптироваться, избавиться от депрессии, привести в порядок разбежавшиеся мысли, упорядочить собственную логику и заново выработать сценарий ответов на вопросы следствия. А ведь несомненно, что в 90% случаев следствию намного выгодней (особенно в отношении впервые попавшихся) мера пресечения в форме ареста. Гражданин находится в полной, безраздельной власти "органов"; уже сам выход на допрос кажется ему переменой к лучшему: из темной камеры КПЗ - в светлое помещение с привинченной к полу табуреточкой...

Психологические меры воздействия доводят человека эмоционального до нужной кондиции в очень короткие сроки. Впрочем, к "толстокожему" могут применить и физические меры. Это беззаконие на вполне законных основаниях ("хотел бежать", "хулиганские действия", "сопротивление работникам ИВС", "замахнулся на дознавателя" и т. д. и т. п.). Могут просто "отоварить" коваными сапогами по определенным местам тела (добейся потом "экспертизы"!); могут сделать "ласточку" (привязать или пристегнуть наручниками запястья рук к ступням ног - за спиной); может быть, не везде это делают, и уж конечно нет на этот счет никаких инструкций МВД, кроме запрещающих; но все же, все же...

Во всяком городе свои милицейские "традиции"; легенды о них передаются из уст в уста и надолго оседают в народной памяти. Короче: жаловаться будешь после, а здоровье потеряешь нынче...

Если гражданин уверен в своей невиновности, то лучшее, что он может сделать, - это не давать вообще никаких показаний до задержания и без адвоката. (См. "Приложение".)

Причем мотивы отказа необходимо занести в протокол допроса: это поможет удержать ретивых "работников" от возможной фабрикации материалов дела.

Не бери лишнего

Выдержать достаточно долгий путь борьбы за собственную свободу (имея в виду полную невиновность) может не всякий. Справедливости тяжело добиться в ограниченных кубометрах тюремной или иной камеры. Часто следствие предлагает, теряя доказательства по основному делу, взять "на себя" что-нибудь помельче. Мотивируется это "деловое предложение" просто: сидишь, дурак, задыхаешься в камере, того гляди - туберкулез или что похуже... А мы тебе гарантируем "двушку" (два года); ты ведь уже почти год отсидел? Еще один год - на одной ноге отстоишь. А на зоне - свежий воздух, санчасть, постель почище, помещение попросторней...

Удивительно, но находятся "граждане", принимающие подобные предложения! Впрочем, при нынешней многонаселенности тюрем и отсутствии всяких санитарных норм и средств беспредел тюремщиков и самих зеков - это закономерно...

Дубинки

Хотелось бы, в дополнение, сказать несколько слов о дубинках. В незабвенных "оттепельных" шестидесятых разрешили было милиции пользоваться дубинками в соответствии с законом;

милиционеры так резво взялись за дело, что дубинки пришлось отнять. Мотивировали, правда, якобы усмиренным хулиганьем, но по зонам-то чуть ли не каждый второй по 206-й чалился!

В области почек дубинка оставляет огромный кровоподтек, со временем чернеющий. Пользуются дубинками все "бойцы" многотысячной правоохранительной армии; впрочем, и рядовой гражданин может приобрести это чудо поздней перестройки в любом коммерческом ларьке.

"Вы арестованы!"

Итак, вежливо улыбнувшись, следователь прокуратуры говорит вам: "На основании статьи... Уголовно-процессуального кодекса России и в целях обеспечения нормальной работы следствия вынужден задержать вас с препровождением в изолятор временного содержания Н-ского УВД". Нажимается кнопочка, входит милиционер, и с этой минуты вы начинаете переставлять ноги по ступеням, ведущим вниз.

КПЗ (ИВС)

Название ИВС (изолятор временного содержания) не прижилось в зековском обиходе, как и, например, СИЗО (следственный изолятор) - как называли "тюрьмой", так и по сей день называют. ИВС (КПЗ) - это несколько камер при отделении милиции. В эти камеры и помещаются все задержанные и арестованные, а также пятнадцатисуточники. Иногда тут же "вытрезвляются" до утра подобранные ПМГ пьяницы, а чаще всего - просто выпившие люди, неосторожно покачнувшиеся в свете милицейских фар.

Внутреннее устройство

Половину, а то и две трети камеры занимает "спальное место" в виде сколоченного из досок прямоугольного, от стены до стены, порога. "Место" это густо покрыто надписями, рисунками, а также шахматно-шашечными полями, ячейками для игры в нарды и в "шиш-беш". Фигурки, шашки и "зары" (кубики) лепятся из пайкового хлеба. Часто в щелях между досками можно найти спички, "чинарики", а то и "мойки" (бритвенные лезвия), заботливо оставленные для братвы предыдущими арестантами.

Дверь в камеру железная, стандартно-тюремная (кормушка, волчок), те же засовы. Справа или слева от двери "параша" (бачок с крышкой для естественных отправлений), но нынче почти везде "параши" сменились чугунным "очком" - тут же и кран для умывания. Окон чаще всего нет, или они укупорены чередующимися слоями жести с мелкими дырочками. Никакой свет не проникает в это довольно мрачное помещение - царит полумрак, подсвечиваемый лишь тусклой лампочкой из зарешеченного окошка над дверью. Часов ни у кого нет; определить время можно лишь при передаче дежурства караульными или при раздаче скудной пищи, состоящей из чая, каши из загадочных злаков и сверхжидкого супа (баланды).

ОБЫСК (ШМОН)

Что взять с собой?

Если за вами "пришли" домой или если вы, отправляясь на очередной допрос, уверены в аресте, то не грех собрать подходящий для арестантской жизни "сидор" (просто мешок).

В этом качестве лучше всего подходит, скажем, чехол от одноместной брезентовой палатки: он достаточно вместителен, и не имеет запрещенного металла - "молний", пряжек, крючков; затягивается коротким шнуром.

Туда можно втиснуть две пары теплого белья, несколько трусов и маек, побольше носовых платков, темную (одноцветную) рубаху потеплее (байковую), кружку, ложку деревянную, спичек

побольше, табачку (сигарет) побольше, конверты, бумагу, карандаш, чай, простую еду - хлеб, масло, колбасу, сало и т. п.

Рюкзачок стал "сидором"

Автор этих строк в свое время явился на допрос к следователю прокуратуры в полной уверенности, что будет отпущен вчистую, как говорится. Но пришел не пустой, а с рюкзачком: собирался после дачи показаний на загородную рыбалку. Рюкзачок через полчаса после допроса получил название "сидор", ибо содержал в себе почти полный комплект разрешенных предметов и доступной пищи; не помешали и двадцать пачек "Примы"; топорик, правда, пришлось сдать на шмоне, а с ним походный мини-примус, работающий на сухом спирте. Эх, вспоминал я этот примус: какая все же для чифира нужная вещь!

К тому же один из милиционеров КПЗ проявил определенное милосердие: сам открывал банку тушенки из "сидора" - бывшего рюкзачка и подавал ее в обеденной миске. Мы делили этот достойный "грев" со стариком Худяковым, бывшим старшиной-торпедистом, кавалером двух орденов Славы, попавшим на свой новый, пятый или шестой срок отсидки после войны...

Можно еще "заныкать", "закурковать" (спрятать) нечто запрещенное заранее, но это делают люди бывалые, не зарекающиеся от тюрьмы: им советы эти не новы; первоходочники же, как правило, и сидеть в общем-то не собирались...

Лекарства брать не нужно: отберут. По заключению врача могут позволить лишь очки; будут давать что-то астматикам; диабетики, может быть, смогут выхлопотать поддержку в виде инсулина; короче, надеяться на медицину могут лишь так называемые "хроники" (и это везде - от ИВС (КПЗ) до самой зоны).

Шмон в КПЗ - это еще не шмон

Обыск (шмон) в КПЗ сводится чаще всего к изъятию запрещенных предметов, к которым относится все колющее, режущее и затягивающееся (ремни, галстуки, шнурки).

Деньги проносят и в тюрьму, но тут каждый старается сам кто во что горазд, хотя много и апробированных способов. Но, к сожалению, все апробированные способы давно известны опытным шмональщикам в тюрьме, на этот счет инструктируются солдаты ВВ.

Многое зависит и от личности обыскиваемого, потому что делатели шмона
- опытные психологи (аналогично, скажем, и таможенники со стажем), по движению глаз и неосторожным нервным движениям вас вычислят в первые же минуты и тогда уж "тряхнут" до внутренностей.

Хорошие сигареты вряд ли доедут с вами до тюрьмы. В КПЗ вам будут выдавать из ваших пачек по пять или десять (везде свои порядки) сигарет в день, а в день отправки "на тюрьму" выяснится, что вы за неделю скурили, все пять блоков своего "Мальборо" или "Винстона".

Поэтому будьте попроще: "Прима" и "Беломорканал" менее интересны работникам КПЗ, и у вас больше шансов появиться в тюремной камере с хорошим запасом курева.

Вообще, довольно странный подход у органов к определению запрещенных предметов; но если вспомнить, что не во всякой столовой на воле подаются вилки или, упаси Бог, ножи... Вилки, конечно, ни в КПЗ, ни в тюрьме ни к чему: ими просто нечего есть... Часто уже именно в КПЗ ощущается какой-то особый вкус пищи, особый запах жиров (если таковые вообще прибавлены) - лечебно-технического свойства. Хлеб почему-то все зеки называют "спецвыпечкой"; действительно, какой-то "спец" есть и в хлебе: его достаточно трудно проглотить, если он свежий, и почти невозможно разжевать, если он чуть зачерствел.

Шмон (обыск) в КПЗ как бы предваряет длинную вереницу тюремных и лагерных шмонов, предстоящих будущему заключенному. Многих вводит в заблуждение его поверхностность; в будущем тюрьма неприятно удивит.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ

"Уболтать" мента

Если вы живете в маленьком городе или арестованы и помещены в КПЗ в "своем районе", то шансы договориться с работниками КПЗ или даже со следователем - повышаются, "договориться" - имею в виду передачу забытых вещей, еды, курева или организацию вполне законного свидания с родственниками.

Караульным милиционером может оказаться приятель приятеля, племянник жены брата - да мало ли кто еще! Поэтому бывалые люди пользуются этим, особенно стараются "полосатики", идущие на "особняк" (об этом позже); когда открывается "кормушка" в камере КПЗ, такой хитроумный зек уже сидит на корточках возле нее и тут же начинает "убалтывать" мента:

"Послушай, командир, что-то мне лицо твое знакомо? Ты не с улицы Тимирязева?" "Да, с Тимирязева", - отвечает "командир". "Точно! - якобы радуется зек. - Ты Вани Бякина племяш!"

"Нет, я Тони Шерлушовой сын".

"Ты? Тонькин сын? Ништяк, командир! Мы с ней в девятом классе за одной партой сидели..."

Ну и так далее.

Дальше следует или попадание - или промах. При промахе милиционер начинает понимать, что его "внаглую" колпашат; он начинает грубить и в ответ получает полновесный "отлай", в котором все известные нецензурные выражения кажутся дамским набором из лексики придворного этикета. Причем говорится все это тем же тихим голосом и завершается довольно успокоительно: "Извини, командир, погорячился, нервы никуда, сам знаешь... Не бери в голову..."

Цель такого "убалтывания" ясна при "попадании": Тонькин сын неохотно, но все же соглашается сделать какое-нибудь доброе дело для "одноклассника" матери: позвонить, передать, принести... Впрочем, и без "убалтывания" настоящих знакомцев хватает... Конечно же по делу ничего передавать нельзя: органы не дремлют. Для караульного же передача записки (малявы) по делу означает голимую статью и минимум - позорное увольнение из рядов доблестной милиции.

Давление извне

Именно в КПЗ легко оказывается психологическое давление на подследственного-первоходку. К примеру, в камеру заглядывает милиционер и говорит первоходочнику:

"Слышь, эй, ты! Сидоров! Там двое приехали с управы - сейчас будут "колоть" тебя! Ты семнадцатого февраля где был?"

"В пивбаре, на Абрикосовой, пиво пил..."

"Ну, вот! А там в восемь вечера гражданина какого-то "замочили".

"Кормушка" захлопывается перед носом у вскочившего Сидорова, который остается "сам на сам" со своими нервными размышлениями о 17 февраля и о мифическом гражданине. Хорошо, если в камере найдутся добросердечные бывалые люди, успокоят, скажут: "Гонит (врет) мент, на понты хотят взять, пугают". Ведь через полчаса Сидорова могут дернуть на допрос по основному делу, а голова его будет забита мыслями о совершенно постороннем и скорее всего выдуманном убийстве.

Веселые люди

Легко переносится отсидка в КПЗ, если в компании сокамерников есть веселый человек, не "гонщик" (болтун), а хороший рассказчик, мастер прикола (смешного рассказа или поступка).

В 1984 году со мной в одной камере КПЗ ждал этапа "на тюрьму" некто Дима П., в общем-то взрослый уже мужик, сидевший раза четыре за разное... На третий день пребывания в "хате" он вдруг вскочил с "лежбища", застучал в "кормушку". Минут через десять "кормушка" открылась.

"Чего надо?"

"Командир, дай карандаш или ручку, гумагу (бумагу) тоже дай! Совесть замучила, хочу повиниться! Следак-то мой тута?

"Тута... Сейчас принесу бумагу, ручку..."

Через пять минут Дима уже рьяно что-то строчил на белом листе в полумраке, не обращая внимания на неодобрительные взгляды сокамерников. Отдав "гумагу" милиционеру, он снова улегся, сложив под головой руки.

Через минут пятнадцать "кормушка" снова открылась:

"Ты что ж, гад, на дурку косишь, что ли?"

"Ты че, командир, кто косит? Я всю правду изложил!" - встрепенулся Дима, подскочил к двери.

"А что ж ты пишешь тут, гондон! "Сознаюсь, что был вовлечен в шайку Ульяновым... он же Ленин... перевозили антисоветскую газету "Искра", героин, кокаин... Заправлял у них также Коля Бауман, еще Яков какой-то... где живут - не помню..." Ты че пишешь, а?"

В "хате" уже стоял дикий хохот.

Дело кончилось благополучно, а ведь, если подумать, могли, конечно, крутнуть по 190-1-й... Не крутнули. Дима-то был чернушник из чернушников, вечная 147-я статья (мошенничество) тогдашнего УК. Уж никак к нему не липла "антисоветчина" 190-1-й статьи.

Тяжелые люди

Плохо дело, если в камере находится человек, во что бы то ни стало решивший покончить счеты с жизнью. Его попытки, пусть даже (и чаще всего) неудачные, вгоняют остальное население камеры во всеобщую депрессию, озлобление. Вскрытые вены давно уже не помогают никому: вскрывайся! В "кормушку" заглянули: "Ну что, литр вытек уже? Хорошо! Сейчас в "Скорую" звякнем..."

Не лучше, если кто-то "косит" (симулирует) с благой целью "отмазаться" от срока через психушку. Некоторые пьют из отхожего места воду, мочатся на окружающих и т. п. Настоящий псих и то поприятней... Если статья не "тяжелая", то, конечно, есть возможность "свалить" через принудительное лечение в обычном дурдоме. Но "тяжелая" статья - это "спецбольница", учреждение "тюремного типа", с выродками санитарами, уколами неизвестными препаратами и жестким, "беспредельным" режимом.

КПЗ - недолгий срок, редко более десяти суток. В один прекрасный день начинают греметь засовы всех камер; на улице слышен глухой лай сторожевых овчарок и гудение автомобильных двигателей; матерятся солдаты и прапора. Это приехали специальные машины - "автозаки", это этап "на тюрьму"; сейчас отдадут мешки, и все поедут навстречу к еще одной (не последней) новой жизни.

Прежде чем мы запрыгнем в железную коробку автозака, сопровождаемые щелканьем овчарочьих зубов и подгоняемые прикладами и кулаками конвоя, обратим внимание на тех, с кем нам придется делить в течение продолжительного времени тяготы тюремной и лагерной жизни. На ком же, собственно, тюрьма держится?

Кто сидит?

В незабвенные годы "застоя" основную массу заключенных составляли так называемые "бытовики", т. е. совершившие преступления "в быту": один пырнул ножом соседа после третьего стакана водки; другой застал жену с хахалем и зарубил обоих топором, прихватив до кучи проклятую тещу; третий "забыл" про алименты и, к удивлению своему, неожиданно очутился с годом срока в ИТК общего режима; колхозники вынесли из колхозного амбара пару мешков комбикорма (выносили уже не раз и попали под "месячник борьбы с несунами" (показательный процесс); нервный гражданин оказал сопротивление работникам милиции (а всего-то и хотели: паспорт посмотреть) - получи три года!..

Колхозные поля, городские танцплощадки и дискотеки, рестораны и заводские цеха - основные поставщики рабочей силы во все управления ИТУ, в эти комбинаты по переработке человеческого материала в преступный.

Попадались и выродки, вроде Феди У., ходившего мастурбировать на детские сеансы в кинотеатры родного города, или Валентина С., изнасиловавшего собственную десятилетнюю дочь; таких были единицы, и часто они не доживали даже до тюрьмы (СИЗО), не говоря уже о зоне.

Столетний полицай

И уж совсем редкими гостями в тюрьмах были убийцы-маньяки, нынче расплодившиеся по России, как кролики в Австралии. Иногда вдруг обнаруживались бывшие полицаи и каратели.

В 1977 году в Симферополе проходил показательный процесс по делу двоих таких. Они содержались в одиночных камерах смертников; когда нашу камеру выводили на прогулку, автор этих строк уговорил "пупкаря" и заглянул в "волчок" одной из камер. По помещению 4 на 4 кв.м выгуливал себя, шаркая огромными войлочными тапками, тщедушный и, показалось, столетний старикашка. Голова его тряслась. В одной руке он держал пластиковую тарелочку, а в другой - такую же ложку. Тарелка тряслась вместе с рукой, и роба старикашки была забрызгана баландой.

"Сколько ему дали?" - спросил я пупкаря.

"А, вышак! Кассацию написал - отказали, теперь помиловку (прошение о помиловании) отправил... Откажут..."

"Хозяйственники"

Сравнительно большое число обитателей тюремных камер составляли так называемые "хозяйственники", т.е. арестованные за хищения или взятки. (Слово "коррупция" употреблялось тогда лишь в адрес американских сенаторов, итальянской мафии и акул тамошнего бизнеса.)

Суммы, проходившие по этим делам, впечатляли рядовых граждан, живших от зарплаты к зарплате в стабильном советском обществе. 10 тысяч рублей, 40 тысяч, 50 тысяч - такие деньги подводили обвиняемых под "расстрельные" статьи; впрочем, чаще они отделывались "десятками" и "пятнашками" в ИТК усиленного режима. Они не были "тузами" теневой экономики, просто оказались в один прекрасный день у некоей трещины или дыры, в которую сами собой сыпались незаконные (с точки зрения тогдашней системы) доходы.

Когда в сети ОБХСС попадался крупный "сазан" (вроде бывшего директора Елисеевского гастронома в Москве Соколова), то дело раскручивалось в рекордно короткие сроки (2-3 месяца) и, как правило, оканчивалось смертельным приговором. - Тем "хозяйственникам", которые не имели поддержки "с воли", достаточно тяжело было переносить условия лишения свободы: слишком уж контрастировала утерянная жизнь с вновь обретенной. Удовлетворение всевозрастающих потребностей сменялось вынужденным ограничением потребностей даже самых необходимых, "умственный труд" сменялся "тяжким физическим", а всеобщее уважение, замешанное на зависти, равнодушием, а то и презрением окружающих сокамерников, солагерников. Драма часто оборачивалась трагедией (см. главу "...Иные").

Новые и старые люди

Нынче контингент пребывающих в местах лишения свободы конечно же изменился... Хулиганы сменились рядовыми бандитами и рэкетирами, "хозяйственники" - горе-бизнесменами. "Бытовиков" меньше не стало; все так же рубят топорами изменивших жен и нагрубивших собутыльников по всей матушке-России.

Крадут же у хозяев приватизированной экономики ничуть не меньше, чем у былого застойного государства. Конечно, у хозяина красть опасней - он может обойтись и без милиции, своими силами, но... кто не рискует, тот не пьет...

Потому-то и переполнены сверх всякой нормы ИВС (КПЗ), СИЗО (тюрьмы), ИТК (зоны, лагеря) всех режимов. Меньше стало лишь бомжей, которые в былые годы сидели все поголовно, хоть и в разное время. Да они и сами садились - отдохнуть от голодной и холодной жизни. Теперь бомжи если и сидят, то лишь за преступление, так сказать, в чистом виде: кража, грабеж, мошенничество, убийство и т.д. и т.п.

В тюрьме и зоне все заключенные делятся по "мастям" (об этом мы расскажем в одной из последующих глав). Но если обходиться без "мастей", то теоретически можно было бы разделить зековский народ на три основных типа:

1) кто "стремился" в тюрьму (вольно или невольно);
2) кто сел по "обстоятельствам";
3) невинно осужденные.

В качестве иллюстрации в следующей дополнительной главе мы расскажем о нескольких реальных лицах, отбывавших в разное время разные сроки наказания. А после этого вновь перейдем к подробному описанию путешествия
- из кабинета следователя прокуратуры к вратам "шлюза" зоны.

Побеги

Бутырские хроники

В 1996 году в день выборов президента России из застенков московской Бутырки исчезла молодая девушка, которая до этого смиренно ожидала суда. Знаменитый следственный изолятор N 2, имеющий 225-летнюю историю и особый статус (тюрьма охраняется еще и как памятник архитектуры N 531), знает лишь четыре случая побега и одну попытку.

Первые два имели место еще в разгар монархии. Третий задокументировали в декабре 1992 года. Тогда из Бутырки, через крышу тюремного двора удачно скрылись двое зеков, уже приговоренных к сроку. Покинув прогулочную площадку, они незаметно достигли контрольно-пропускного пункта мебельной фабрики, которая примыкала к тюрьме, и так же незаметно миновали контролеров. Администрация Бутырки была настолько шокирована этой выходкой, что подняла на ноги все оперативно-розыскные структуры Москвы. Спустя несколько дней один из беглецов уже ехал в "воронке" обратно в тюрьму. Чуть дольше гулял его напарник. 17 апреля 1994 года СИЗО N 2 вновь был поднят по тревоге. В шесть утра двое головорезов, получивших длительные сроки за разбой, ухитрились спрятаться в хозяйственном дворе, среди стройматериалов. Обнаружив недостачу в рядах узников, охрана бросилась обыскивать обширные владения Бутырки. В 7. 15 утра зеков вытащили с хоздвора и определили в карцер.

И, наконец, четвертый побег, один из самых удачных и самых удивительных. При нынешнем обилии контрольных средств, телекамер и прочих электронных наворотов покинуть тюрьму обычным путем, то есть через коридоры, "предбанники", а тем более ворота, почти невозможно. После январских событий 1994 года, когда охрану питерских "Крестов" подло обманул убийца Данилин, подобным аферам должен был прийти конец. Но так и не пришел. Из женского корпуса (краткая справка: из восьми тысяч обитателей Бутырки каждый десятый - женщина) под конвоем вышла двадцатишестилетняя Светлана Сорокина, имевшая небогатую уголовную биографию, но яркую внешность, которая, видимо, и сыграла главную роль.

Света родилась в Таллинне, а когда ей исполнилось пятнадцать, в семье случился конфликт с отцом. Корни скандала покрыты тайной, но он стал судьбоносным в жизни Светланы. После долгих странствий по веселому и хлебосольному Кавказу, она на шесть лет осела в Саратове, где заочно окончила четыре курса юридического института. Недолго трудилась судебным секретарем. Затем Сорокина вновь пустилась в кочевую жизнь. Москва, на которую возлагались большие надежды, встретила ее враждебно, и здесь утомительные перемещения по городам и весям завершились. Светлану арестовали за грабеж и ношение огнестрельного оружия. Сценарий промысла был до обидного убог. Вместе со своим приятелем девушка трудилась возле обменного пункта валюты, "кидая" клиентов направо и налево. Вычислив простака, решившего обменять банкноту с портретом американского президента (обычно Франклина), она уговаривала совершить обмен вне пункта по более завышенному курсу. Приняв у клиента купюру, Сорокина начинала в уме что-то умножать, отнимать, делить, шевеля губами. Эту глубокомысленную операцию прерывал напарник, выныривающий из-за угла: "Атас, менты!" Лоху совали однодолларовую банкноту и скрывались. Пока жертва крутила "one dollar" с двумя дорисованными нулями, мошенники быстро терялись в толпе.

Но в один прекрасный день случилась осечка. В этот день и именно в этом пункте решил сдать "сотку" сотрудник милиции. Оценив его характерную наружность, которая пробивалась даже из-под штатского одеяния, Светлана отошла в сторону. Пересчитав рубли, мент удалился. К окошку подошла худенькая женщина и молча уставилась на табличку с курсом валют. После минутного колебания она согласилась продать сто долларов первой встречной девице. Однако в последний момент женщину что-то насторожило, и она попыталась забрать деньги. После секундной возни женщина завопила. Милиционер, решивший, на беду Сорокиной, вторично пересчитать деньги, но

уже за углом, вернулся на крик. Партнер Светланы, спешивший на выручку и увидевший крепкого, не по-летнему одетого субъекта, притормозил и, не мешкая, ринулся прочь.

При обыске у Сорокиной изъяли пистолет Макарова, который вызвал у арестованной бурю эмоций. "Меня подставили, ствол подбросили", - изрекла она заученную фразу в этом же кабинете и отправилась в СИЗО N 2. Следствие тянулось пятнадцать месяцев. За последние полгода Сорокина близко сошлась со своей соседкой по "каменному мешку". Валентина Воронцова проходила по делу о мошенничестве. Под бутырской стражей она уже отсидела срок, назначенный судом, и на днях должна была покинуть тюрьму. Этим фактом и воспользовалась ее здешняя подруга Сорокина. Начались чудеса, вполне пригодные для сценария кассового боевика. Светлана настолько очаровала соседку, что та подробно вывалила ей мельчайшие подробности своего уголовного дела и прочитала полный курс своей автобиографии. О том, что двигало Воронцовой, которая одной ногой уже стояла за тюремными воротами, можно лишь гадать. Возможно, ей посулили деньги, а возможно, сыграло роль тривиальное сочувствие. Богатая на жесты и мимику лица Сорокина могла без труда выдавить слезу и обставить дело так, что Воронцова первой бы заговорила об обмане. Версиями сыт не будешь.

Камера N 314, рассчитанная на 25 "посадочных" мест, была набита до отказа. Семьдесят три узницы от мала до велика месяцами томились в душной пропотевшей камере, дожидаясь суда, как спасения. Тошнотворный камерный смрад, пропитанный всевозможными выделениями, стал вечным спутником камер. Он пробивался в коридор, заставляя морщиться контролеров и конвой. Он впитывался в кожу, волосы, одежду, преследовал даже после бани. Этот запах запоминается на долгие годы. Попадая в камеру СИЗО, неискушенная тюрьмой женщина шокирована, раздавлена и тешит себя надеждой на скорый суд.

В день президентских выборов в СИЗО N 2, где имелись 434 камеры, было шумней обычного. Большинство узников имели право голоса, и многие из них решили исполнить свой гражданский долг. Наблюдатели, как со стороны коммунистов, так и со стороны демократов, строго следили за ходом выборов в Бутырке. Охрана была вынуждена ходить с избирательной урной по камерам и принимать от зеков бюллетени. В этом нештатном оживлении открылась дверь камеры N 314, и контролер скомандовал: "Воронцова, на выход". Высокая длинноволосая девица вышла из камеры и отчеканила информацию из карты подследственной Воронцовой Валентины Дмитриевны. В коридорном полумраке контролер принялась сличать фотографию с лицом Сорокиной. Сходство не было разительным, но в общих чертах подруги были похожи: тот же овал лица, длинные волосы, темные глаза. К тому же работник тюрьмы учитывал тот грустный факт, что советские застенки могут изменить человека до неузнаваемости. За шесть месяцев толстяки худели, кто-то седел, иному сворачивали в разборках нос или рвали губы.

Сорокина-Воронцова сдала под роспись казенное имущество, указанное в той же карте, и двинулась на выход. Впереди она должна была сдать короткий экзамен дежурному офицеру. Женщина-офицер вновь начала сверять снимок с "оригиналом" и вновь подмена осталась вне подозрений. Однако торжествовать победу было еще рано. Согласно служебной инструкции все, кто покидает стены СИЗО, должны пройти собеседование с кем-то из руководства тюрьмы. В тот день Сорокина предстала перед заместителем начальника СИЗО по хозяйственным вопросам. Тот держал в руках уже не карту подследственной Воронцовой, а ее уголовное дело. Девичья память не подвела. Она четко отвечала на вопросы, называя фамилию следователя и судьи, имена подельников, дату и место ареста Воронцовой... После допроса Светлана подписала все документы (не подкачала и роспись, заученная в камере) и, минуя еще ряд постов, оказалась на Новослободской улице.

Валентина Воронцова обещала сообщить об обмане лишь на следующий день. За это время ее счастливая подруга должна была покинуть Москву и убраться как можно дальше. Но вместо этого Сорокина не только осталась в Москве, но и плюнула на элементарную предосторожность. Ее приютила давняя подруга. Через неделю беглянка бойко торговала на Дорогомиловском рынке голландскими тюльпанами. Спустя три недели ее опознал оперативно-поисковый отряд...

Нет ничего хуже, чем непогода

Если бы семь лет назад почетному комбайнеру из глухой украинской деревни Леониду Сердюку сообщили, что через те же семь лет он начнет косить не только зерновые, но и "капусту". Сердюк

бы удивился. Тем не менее его судьба дала поворот, вырвала из родной Былбасовки и забросила в Харьков, где жил брат, старший инспектор ГАИ. Там 25-летний Леня окончил курсы кройки и шитья, но в ателье проработал чуть больше года.

О Сердюке-старшем история умалчивает. Младший брат был менее скромным и достиг высот. В подделке документов. Мозолистые крестьянские руки могли смастерить "ксиву", где ее хозяин значился кем угодно - рыбинспектором, товароведом, прокурором и т.п. Сердюк обладал потрясающей зрительной памятью. За два года он сформировал картотеку самых различных служебных удостоверений, где от руки набросал их основные параметры и цвет вклейки. Удалось переснять и красную книжицу брата. За свое изобразительное ремесло Сердюк брал деньги, сбывая липовые документы друзьям и знакомым. Такса зависела от статуса "ксивы". При себе Сердюк держал удостоверение штатного сотрудника украинского журнала "Перець", которое могло бы заменить дюжину иных. Едва "фельетонист" Сердюк ступал на порог магазина или базы, как глава ведомства начинал нервно подергиваться, хлопотливо перебирать на столе бумажки и заговорщицки подмигивать. Через полчаса Сердюк выходил со служебного входа, едва волоча тяжелую сумку или же грея в кармане парочку червонцев.

Доверчивых торгашей он бомбил по пяти областям Украины, пока не нарвался на директора обувного магазина, знавшего собкора "Перця" лично. Сердюка галантно вывели из магазина и усадили в милицейский "бобик" При обыске на его квартире были изъяты самодельные резиновые печати, настольный переплетный аппарат, листы красного коленкора и уже готовые вклейки. Особенно милицию поразила "ксива", выданная инспектору по личному составу облУВД. С левой страницы взирало доброе лицо Сердюка. Этим удостоверением, еще пахнущим типографской краской, Леонид Семенович намеревался облегчить себе общение с работниками милиции. Опасаясь, что энергичный и подвижный Сердюк пустится в бега, милиция поместила его в следственный изолятор. К тому времени вчерашний капитан степных кораблей уже обрел городские манеры, связную речь и аристократическую худобу лица. Но все же очаровать судей ему не удалось: ему присудили четыре года общего режима. Сердюк вернулся в общую камеру и стал дожидаться этапа. На третий день он внезапно потребовал встречи с заместителем начальника по хозчасти.

- Я художник, - орал он в кормушку во время очередного получения пищи. - Мне нужно двигаться, работать кистью, искать образ. Среди этих недоумков я завяну. А вы все будете отвечать!

После этой тирады мрачные "недоумки" провели на лице Сердюка несложную пластическую операцию. Одинокий художник не унимался. В конце концов ему таки пофартило. У главы тюремной хозчасти выдалась свободная минута, и он решил пообщаться с чудаковатым зеком. Сердюк был как всегда краток:

- Геннадий Анатольевич, - зек по дороге в админкорпус вытащил из контролера эти два слова. - Я не привык сидеть сложа руки. И скажу вам прямо: с пропагандой и агитацией в этой тюрьме дела обстоят не лучшим образом. Где плакаты о честном труде и чистой совести, где профилактические стенды, где, наконец, стенгазета о буднях тюрьмы? Я не поверю, что вы все пустили на самотек. Просто тюрьме не хватает человека с ярко выраженной индивидуальностью, который хотел бы отбывать свою трудовую повинность в вашей тюрьме. Этот человек сидит перед вами.

Сердюк действительно уже сидел в кресле, забросив ногу на ногу. Слушая весь этот бред, начальник ХОЗО не сводил глаз с припухшего лица. Под конец встречи он произнес лишь одно слово: "Уведите". О Леониде Семеновиче вспомнили через неделю. Поначалу ему вручили ведро с кистью и отправили на побелку забора. Затем он трудился в мастерской, готовя первомайские плакаты. Наконец он таки стал главным тюремным пропагандистом и агитатором. Первым его детищем был лозунг: "Заслужи трудом досрочное освобождение". И хотя буквы слегка косили и коричневая краска местами растекалась, плакат повесили на стене одного из корпусов. Пробный шар имел успех. Работа закипела. На фанерных листах и кусках холщовой ткани, найденных на хоздворе, стали появляться: "На свободу - с чистой совестью", "Не человек управляет трудом, а труд человеком", "За курение в неположенном месте вы будете строго наказаны". Пиком его творчества стала стенгазета в штабном клубе. Она называлась "Служить и охранять". Сердюк листал годовые подшивки в красном уголке, передирал положительные статьи о буднях исправительных учреждений и адаптировал их на здешний лад: изменял фамилии, города, квартальные показатели. В шкафу клуба Сердюк вдруг обнаружил пыльный фотоувеличитель и парочку треснувших пожелтевших ванночек. После такой находки он начал клянчить фотоаппарат, пока кто-то из офицеров не принес старую добрую "Смену".

Об агитационной затее СИЗО заговорили в облУВД. Корреспондент городской газеты наведался в тюрьму и потратил почти всю фотопленку. Он заставлял Сердюка встать рядом с газетой, вдумчиво склониться над очередным плакатом, таскать по двору фотоувеличитель, вешать на стену новый лозунг "Грубая пища - путь к здоровью" и тому подобное. Администрация тюрьмы с умилением взирала на инициативного редактора "Служить и охранять". Ему выделили кладовку, купили пленку и реактивы. Стенгазета посвежела. Ее стали украшать портреты некоррумпированных офицеров и сержантов, фоторепортажи с праздничных мероприятий, моменты вручения гуманитарной помощи. Бурная редакционная деятельность Леонида Сердюка продолжалась три месяца и прервалась с появлением в СИЗО нового сотрудника - младшего лейтенанта внутренней службы Коника.

О появлении на тюремном КПП новичка Сердюк узнал одним из первых. Для газеты как раз готовился материал о молодом пополнении. На редакторском столе даже нашли черновой вариант заметки со свежим незатасканным заглавием "Доверим вахту молодым". Как только новость о кадровом вливании коснулась ушей Сердюка, он начал спешно готовиться к побегу. Прежде всего он занялся "служебным удостоверением". Отыскав в красном уголке материалы партийной конференции, он содрал красный переплет и за час склеил добротную книжицу, где с внешней стороны красовался золоченый герб СССР, вырезанный с обложки Конституции СССР. Под гербом имелся золоченый текст "Свод директивных материалов...", в котором издали должно было угадываться совсем иное. Сложней оказалось с вклейками. Среди обширной агитационной литературы Сердюк едва нашел бумагу с бледно-зелеными знаками. Это был форзац книги "В помощь районному лектору".

На вырезанных прямоугольниках Леонид Семенович аккуратно вывел тушью все, что вызубрил на документе старшего брата. Затем он попросил одного из "шнырей" (тюремной обслуги) сфотографировать его на фоне свежевыбеленной бетонной стены. Из полученного снимка редактор вырезал свою физиономию и поместил ее в удостоверение. Последним ударом кисти была темно-красная печать. Поставив свою работу на стол, Сердюк отошел на некоторое расстояние. По его мнению, "ксива" имела эффект на расстоянии не ближе двух метров.

Потом наступила очередь униформы. Неделю назад удалось достать комплект тюремной одежды. Зек вывернул казенную куртку и задумался. Пришлось слегка изменить покрой. Пригодились курсы кройки и шитья. Края материи были прихвачены не нитками, а клеем. Разведя в ванночке темно-синюю гуашь, зек выкрасил робу и повесил ее сушиться в кладовке, в которую никто почти не заходил. К утру она высохла. Та же участь постигла и брюки, но в этот раз был выбран радикально черный цвет. Словно папа Карло, бывший портной выкроил из ватмана верх белой рубашки с воротником и рубашечной планкой. Из черного книжного переплета родился приличный галстук. Не остались без внимания и ботинки, также получившие черный цвет. Последним появился темный берет, перешитый из тюремной кепки. Под конец зек вынес из штабного клуба папку с поздравительным адресом в бордовой коленкоровой обложке. Все было готово к побегу.

Утром осужденный Сердюк как всегда вышел из камеры и двинулся на хоздвор. Через несколько часов молодой офицер Коник должен был заступить на вахту у тюремных ворот. Уединившись в мастерской, редактор местной газеты приступил к маскараду. Он продел голову в бумажный ворот и закрепил на нем коленкоровый галстук. Поверх была надета довольно симпатичная куртка, от соприкосновения с которой на руках оставались пятна краски. Куртка предательски шуршала и слегка обсыпалась, но откладывать операцию не хотелось. Как назло, осеннее небо затянуло тучами. В любой момент мог сорваться дождь, и модному одеянию пришел бы конец. Представив мутные потоки, стекающие с робы, галстука и, главное, берета, зек вздрогнул. Он собрался с мыслями, надвинул на глаза берет, вымыл руки, сжал в руке милицейское удостоверение и вышел из мастерской. Сердюку удалось незаметно выбраться с хоздвора. Впереди лежал контрольнопропускной пост N 1. В это время с неба упали первые капли дождя. Зек заспешил.

Чем ближе он подходил к дежурке, тем уверенней себя чувствовал. Возможно, потому, что играл ва-банк. Думы о последствиях провала таяли, уступая место наглости, граничащей с отчаянием. Когда до поста оставался десяток метров, сердце Сердюка остановилось, сперло дыхание. Зеку показалось, что на вахте кто-то из старой команды, которая отменно знала неформального идеолога в лицо. Но в следующую секунду вырвался вздох облегчения. У "главной

кнопки" дежурил незнакомый младший лейтенант, уши которого напоминали прямоугольные трапеции. Крашеный зек резко замедлил шаг, небрежно развернул "ксиву" и лениво пробасил:

- Следователь Забирко. Чепурной проходил или нет?

Взгляд офицера упал на книжечку и слегка заострился. Выждав мгновенье, зек сложил документ. Коник вопросительно уставился на Сердюка. Тот повторил вопрос.

- Кто такой Чепурной? - спросил дежурный.

- Адвокат, мать его так. Уже час его жду.

Осыпая бранью непунктуального адвоката, Сердюк пошел прочь. Он так же тайком вернулся на хоздвор и быстро переоделся в старую форму. Помаячив минут двадцать среди местной публики, он вновь закрылся в кладовке. Черед десять минут к посту N 1 вновь вальяжно шагал "следователь Забирко" с папкой в руке.

- Не было адвоката?

- Не было.

- Во мудак, а?

С минуту Сердюк бродил возле поста. Уже начинал моросить дождь. Зек решительно подошел к зарешеченной двери:

- Ладно, открывай калитку. Посмотрю на улице. Может, пропуск потерял. Дежурный офицер колебался. Сердце зека вновь сжалось. Поместив нес-
колько секунд, Коник положил руку на кнопку. Щелкнул электронный замок решетки. Чуть позже открылась наружная дверь. Сердюк был свободен.

Эта свобода длилась чуть больше часа. Дождь усилился. Чтобы не вызывать подозрений, беглый редактор должен был имитировать поиски адвоката. Проклиная все на свете, он походил туда-сюда вдоль тюремных стен и заспешил прочь. Можно было укрыться под козырьком одной из контор, расположенных возле СИЗО, но Сердюк рвался подальше от тюрьмы. Лишь психически больной позволил бы себе после побега пережидать внезапный дождь в сотне метров от осточертевших застенков. В любую минуту Сердюка могли хватиться, обыскать тюремные дворы и наконец сделать запрос на пост N 1.

Небо расколола молния, и хлынул ливень. Пробежав еще десяток метров. Сердюк сорвал берет и бросил в мусорную тумбу. На руках остался темно-коричневый след. Зек был уверен, что такой же след красуется на его стриженой голове, и надежда была лишь на дождь. Он не рискнул сесть в автобус, чтобы не пачкать пассажиров направо и налево. Темно-синие потеки залили белый ворот. Сердюк остановился, чтобы перевести дух, и нырнул под навес остановки. Под его ногами сразу же растеклась цветная лужица. Какая-то бабка во все глаза уставилась на него и открыла рот. Сердюк показал ей кукиш и побежал дальше. Через десять минут дождь прошел так же неожиданно, как и начался. Но это беглеца уже не радовало.

Леонид Семенович представлял из себя в лучшем случае странное зрелище. Короткостриженая голова с коричневыми пятнами на лбу и затылке, "облысевшая" куртка с отклеившимся рукавом, грязные клочья воротника, поверх которых свисал вздувшийся от воды галстук. В таком виде можно было продвигаться лишь глубокой безлунной ночью, да и то проселочными дорогами. К своему проигрышу Сердюк вдруг отнесся философски. Он побрел в подворотню, еще надеясь укрыться в какомто подвале. Навстречу ему бодро вынырнул милицейский патруль, прятавшийся от дождя под аркой. Все три сержанта вытаращили глаза и на мгновенье остановились. Где-то на ремне трещала рация. После краткого замешательства патруль обступил Сердюка, который был ко всему равнодушен.

- Вы здесь живете? - поинтересовался тот, что с рацией.

Леонид Семенович тупо смотрел перед собой. В его душе вдруг оборвалась невидимая нить, и, распахнув промокшую "ксиву", которую еще держал в руке, он истерически завопил:

- Я следователь Забирко! Я вынужден вас арестовать! Не трогать меня, не имеете права! Менты поганые, гады, гады, гады...

Сердюка вели под выкрашенные руки. Беглый зек изрыгал проклятия и твердил, что он редактор газеты и что он заставит всю областную милицию подать в отставку. Дежурный отделения, где истекающему краской субъекту выделили угол в коридоре, вначале сделал запрос в психиатрическую лечебницу. Офицер с интересом рассматривал мокрую книжицу, озаглавленную "Свод директивных материалов". На ней еще пробивалось "Забирко Михаил Дементьевич" и "..ель по особо важн..." Лучше всего сохранилась фотография три на четыре, с которой уверенно смотрел подозрительный тип.

Задержанного Сердюка попросили встать с пола и отойти от стены. Тот покинул загаженный угол и безучастно стал снимать холодную мокрую куртку. На свет явилась голая грудь в клочках грязного ватмана. Заодно дежурный попросил снять и странные брюки. Через минуту Леонид Семенович стоял в характерных казенных трусах. Ждать ответа из психбольницы офицер не стал. Он снял телефонную трубку, набрал номер следственного изолятора и передал дежурному сообщение о странном субъекте. В тюрьме об участи Сердюка даже не подозревали. Когда прозвучало слово "Забирко", дежурный Коник напрягся. Его трапециевидные уши в момент налились кровью. На его служебной карьере был поставлен крест.

В тюрьме забили тревогу. Оказалось, что бесследно исчез агитатор и пропагандист Сердюк. Его не нашли ни в кладовке под звучным названием "фотолаборатория", ни в красном уголке, ни в мастерской. На его рабочем столе валялись засохшие кисти, пакетики из-под химикатов, баночки с краской, обрывки ткани. Их хозяин словно растворился. Забрать голого художника-оформителя приехали лишь после обеда.

ПОЕЗДКА В АВТОЗАКЕ

Приемка этапа

Прием этапников из ИВС в автозак (и далее - в СИЗО (тюрьму) осуществляется конвоем внутренних войск. Начальник конвоя буквально осматривает передаваемых ему "граждан" на предмет побоев, ярко выраженных болезней (температуры и т.п.). Может и не принять кого-то, если неправильно оформлены документы, есть жалобы (отобрали вещи, не вызвали врача). Это не нравится работникам ИВС (КПЗ), им обязательно нужно разгрузить камеры, отправить в тюрьму всех, кому положено там быть. Впрочем, обычно договариваются все три заинтересованные стороны: работники ИВС возвращают, скажем, отобранные незаконно сигареты (или дают из своих запасов), гражданин - зек - берет назад претензии, а начальник конвоя дает "добро" на погрузку. Автозак - специальная машина-фургон, разгороженный внутри решетками плюс по бокам два т.н. "стакана" для одиночных заключенных, которых по той или иной причине нужно изолировать от общей массы. Иногда это просто женщины.

Как сельди в бочке

10-15 пассажиров в автозаке - достаточно просторно; но бывает, экономя бензин на ездках, набивают под сорок человек; ну, держитесь, сердечники, астматики и просто пожилые преступники!

Вперед в таком случае лучше не лезть (по возможности); последнему, у решетки, легче дышать. Были случаи: придавливали в жаркую погодку сердечников - во двор тюрьмы они мешками вываливались из автозака.

Иногда придавливают нарочно: какого-нибудь извращенца (особенно неумолима зековская братва, если преступление совершено в отношении ребенка). Часто менты сами помещают подобную сволочь не в отдельный "стакан", а в общую массу. "Задохнулся на этапе, сердце слабое, ничего не поделаешь". Тюрьма спишет, а суду - работы меньше; или зоне - забот...

Многие из подобных случаев - легенды, обросшие красочными подробностями, но родились-то они из реальных фактов...

Раскачка

Фургоны некоторых автозаков делятся надвое перегородкой вдоль - едут две группы заключенных. Это делается для того, чтобы обезопасить конвой от раскачки автозака. Раскачка (с последующим переворотом и падением автозака) - один из способов борьбы бесправного зека за свои малые права.

Овчарки

При погрузке в автозак используются служебные овчарки. Скажем, фургон уже полон, а остается еще человек десять. При помощи команды "Фас!", кулаков и прикладов "солдатиков" и эти десять вбиваются в плотную массу "пассажиров". Хорошо, если тюрьма находится в этом же городе: 20-30 минут езды в сдавленном состоянии выдержать все-таки можно. Но могут везти и далеко - например, в областной центр из района, килòметоов сто...

Конвоиры

Многое зависит от начальника конвоя и от самого личного состава.

В застойные времена зеков-россиян частенько сопровождали "русофобы" - прибалты или жители среднеазиатских республик. Если с азиатами еще можно было договориться, то прибалты, особенно литовцы, просто свирепствовали. Один из таких "солдатиков" аргументировал свою ненависть так: "Рюский, сволотшь, отнял у меня свободную Литву!" При этом его не смущал комсомольский значок на собственной гимнастерке и присутствие среди этапников двоих "антисоветчиков".

Да и со "своими", русскими, договориться было тоже нелегко. Известная поговорка "вологодский конвой шутить не любит" часто получала реальное воплощение в виде битья прикладами в самые неожиданные места.

Но все же как бы ни было велико расстояние от ИВС (КПЗ) до ворот СИЗО (тюрьмы), - это один из самых кратких периодов жизни подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или уже осужденного гражданина. Часто главный путь - от тюрьмы до зоны - длится месяцами тряски в "столыпинском" вагоне - например, по разнарядке из Питера в Амурскую область. Но это уже другая история, другая глава.

Побеги

"Черный ворон"

15 сентября 1994 года в Москве из автозака - автомобиля для перевозки заключенных - сбежало четверо подследственных. Дело близилось к полудню, когда на Рублевское шоссе выехал "ГАЗ-53". В боксированном салоне между зарешеченными камерами находился вооруженный пистолетом конвоир. Его напарник сидел в кабине водителя, не спуская глаз с сигнальной лампы. Внезапно она замигала. Завизжали тормоза, и младший лейтенант внутренней службы Махеев выскочил из кабины. Расстегнув кобуру, он открыл дверь автозака и увидел перед собой вороненый ствол Макарова. Один из зеков сумел выломать замок решетки и обезвредить конвоира. Тот лежал на грязном полу без сознания.

- Ключи! Ключи давай! Глухой или как?

Отобрав у шокированного охранника связку, зек перебросил ее своим корешам, а сам спрыгнул вниз и в считанные секунды обезоружил младшего лейтенанта. Затем подбежал к водителю, который уже начинал проявлять любопытство, выволок его из кабины и вместе с охранником загнал в камеру салона. Вновь щелкнули запоры, захлопнулась дверь. Заключенные ехали на следственный эксперимент из следственного изолятора. Как выяснилось позже, мысль о побеге возникла спонтанно. Бывший слесарь, а ныне профессиональный вор Григорьев заметил, что запоры на решетке доживают свой век. Перемигнувшись с братвой, которая парилась в соседних боксах и которая начала оттягивать внимание на себя (а попросту затеяла возню, напоминающую разборки), он разломал замок, вырвался в коридорчик и двумя-тремя ударами свалил охранника. Потом нажал аварийную кнопку вызова.

Получив на руки два пистолета, зеки бросились к припаркованной на обочине "Волге". Ее водитель испуганно заторопился, прыгнул за руль и повернул ключ. Однако беглецы уже были рядом. Шофера положили на асфальт у бордюра. "Волга" сорвалась с места и понеслась в сторону Кутузовского проспекта.

Пленники автозака подняли шум. Они кричали и били ногами по металлическим бокам "ГАЗа". Прохожие спешили пройти мимо, опасаясь, что из мрачного серого авто с единственным

зарешеченным окном в любой миг могут вырваться стриженые субъекты. Дверь автозака открыл наряд милиции. Последний побег из автозака на дорогах Москвы случился четыре года назад. 12 июля 1990 года по аналогичному сценарию действовали шестеро подследственных.

Автозак (его также именуют и "черный ворон") пришел на службу тюремной системе еще в 20-е годы. До этого заключенных переправляли пешим этапом. Людными городскими улицами шла колонна, сопровождаемая усиленным конвоем. Это было зрелище. Организованная толпа зеков под лай собак и окрики перекрывала проезд, надолго загораживала тротуары, вызывала массу зевак. В середине 20-х автозаки, впрочем, как и обычные грузовики, для России еще были редкостью. Горьковский автозавод не мог угнаться за аппетитом ГУИТУ СССР (Главного управления исправительнотрудовых учреждений). Поначалу спецавтомобиль был пустым стальным загоном, в который зеков набивали, словно селедку в банки. Это имело свой резон. Когда ноги и руки зажаты соседними телами, и ты стоишь, помимо воли вытянувшись в струну или же скорчившись у стенки, возникает лишь мысль доехать в добром здравии. Зек, решив бежать, физически не сможет продвинуться к двери или попытаться раздолбить днище. Положение рук и ног изменялось лишь на дорожных ухабах.

Чуть позже появились скамейки вкруговую у стен. Конвой не имел права сопровождать подследственных (подсудимых или уже осужденных) внутри салона: их просто вталкивали внутрь и закрывали стальную (иногда бронированную) дверь. "Воронок" имел зловещий серый цвет и строгую внешнюю конфигурацию. После войны, когда страна вновь бодро зашагала под барабаны и трубы, его стали окрашивать в обыденные тона. На стальных стенах появлялись надписи "Мясо", "Хлеб", "Аварийная служба газа", "Пейте советское шампанское!" и тому подобное.

Автозак совершенствовался. В его задней части появился узкий стальной бок. Этот одноместный шкаф служил для особо отличившихся зеков, скажем, склонных к побегу. Бывало, в салоне ехал лишь один подследственный, запертый в камеру, под присмотром трех-четырех охранников, сидящих на лавках у стен. При малейшей попытке освободиться из-под стражи конвой имел право стрелять на поражение. Предупредительные выстрелы в спецавтомобилях запрещены.

Под конец автозак разгородили узкими камерами по обе стороны, оставив коридор для охранника. Существуют автомобили для особых перевозок. В одном из них - с бронированным днищем и стенами - возили на судебный процесс Вячеслава Иванькова. За неделю до первого заседания была получена информация, что Японца попытаются отбить в пути следования. В автозаке, где сидел закованный в наручники Иваньков, несли караульную службу три офицера, которые поддерживали постоянную связь с кабиной и эскортом сопровождения. В эскорте имелись автоматчики и две сторожевые собаки. Несмотря на эту предосторожность, вора в законе повезли отдельным маршрутом, который был получен перед самым выездом.

В 1982 году в окружной суд Бруклина бронированный автомобиль вез главного бухгалтера фирмы, через которую отмывались деньги американской мафии. Обвиняемый сидел в клетке, его руки были прикованы наручниками к решетке, охрана велась двумя полицейскими и двумя агентами ФБР. За автомобилем следовали две патрульные машины и три дорожных инспектора на мотоциклах. Вся эта процессия на огромной скорости неслась улицами, слегка притормаживая у светофоров. Во время переезда один из полицейских внезапно выхватил пистолет с глушителем и всадил по пуле в головы троих охранников. Затем отстегнул бухгалтера и заставил его переодеться в полицейский мундир. На запросы, которые по переговорному устройству шли в салон каждые пять минут, предатель-полицейский отвечал: "Олл райт". При подъезде к светофору они попытались вырваться из автомобиля, который открывался снаружи. Полицейский несколько раз выстрелил в замок, но он не поддался. Тогда он подал сигнал остановиться. Когда открылась бронированная дверь, сержант полиции и мафиози начали палить из пистолетов и уложили еще троих конвоиров. Однако автоматная очередь, выпущенная из машины сопровождения, смертельно ранила обоих. Автоматчик, который отвечал за жизнь подсудимого так же, как и прочие охранники, принял бухгалтера за полицейского.

Сбежать из автозака трудно, во время посадки или высадки - еще трудней. В открытые двери зеков загоняют в бешеном темпе, чтобы они не успели даже сориентироваться, не то что рвануть сквозь цепь "вертухаев". Оглушенный криками "Вперед! Быстро! Вперед!" и подталкиваемый сзади, он в считанные секунды пробегает эти жалкие метры свободы сквозь живой коридор охраны. Попытка к бегству - это риск потерять зубы или внутренний орган. С обеих сторон надрываются огромные поджарые псы, натасканные на этот контингент.

В конце 80-х в маленький сибирский городок (Тюменская область) привезли на следственный эксперимент двоих заключенных, которые обвинялись в убийстве пенсионерки М. После процессуальных формальностей зеков вновь погрузили в машину и отправили в СИЗО. На шестом километре автотрассы один из них ухитрился достать конвоира заточкой, переданной кемто во время эксперимента. Пика вошла под сердце. Конвоир зашатался, сделал два-три шага и упал. Оставшись без надзора, уголовники самодельным крюком вытащили из кармана лежащего в коридоре прапорщика ключи от камер и наручников. Раненый "вертухай" успел подать сигнал тревоги. Машина мгновенно остановилась. Однако наружный охранник не спешил открывать дверь, а громко спросил о причине остановки. В ответ - тишина. Он постучал - эффект тот же. Так и не добившись ответа, конвоир бросился в кабину и приказал водителю гнать автозак до первого милицейского патруля. Возле поста ГАИ машину окружили три сотрудника милиции и охранник. Открыв дверь, они увидели в глубине салона двоих освободившихся зеков, которые прикрывались телом окровавленного "вертухая". Огнестрельного оружия при нем не было. Зек приставил заточку к горлу заложника и приказал милиции положить пистолеты на землю. Те не шелохнулись и продолжали целиться в зеков. "Еще секунда - и я перережу ему глотку!" - закричал бандит. Второй жался за спину своего товарища, боясь оказаться на линии огня.

Инспекторы ГАИ пистолеты не бросили, но заткнули их обратно в кобуру. Зеки потребовали передать им все оружие в салон. Милиция колебалась. Автомобиль продолжал стоять с включенным двигателем. Водитель, которого уголовники не видели, не был вооружен. О нем вспомнили только тогда, когда двигатель резко взвыл. "Эй, ты, полегче! Вали сюда!" - закричал тот, что сзади. Но было поздно. Автозак дернулся и резко рванул вперед. Зеки повалились на клетку. Пользуясь секундным замешательством, ближайший из милиционеров подскочил к дверям и за свисающую ногу выволок истекающего кровью заложника из машины. Зек с заточкой беспомощно замахал руками, заспешил вперед, но было поздно: пленник свалился на землю. В следующий миг на бандитов вновь смотрели пистолетные стволы...

Вагон им. Столыпина

Еще одна тюрьма на колесах - вагонзак, который в официальных бумагах именуется как специальный вагон для перевозки заключенных, а среди зеков зовется "столыпинским" (или просто "Столыпиным"). Во времена каторги этапы проходили пешим порядком и на повозках в лошадиных упряжках. Перевозить арестантов поездами тогда считалось неоправданной роскошью. Длинные каторжные колонны шли в Сибирь или еще дальше - на Сахалин, останавливаясь в пересыльных допрах для отдыха, пополнения продовольственных запасов и смены казенного обмундирования. В конце прошлого века многие ссыльные отправлялись по этапу в вагонах третьего и четвертого класса. На окнах купе крепились двойные решетки и убирались все режущие предметы. На этом и заканчивалось переоборудование обычного вагона. Поначалу купе принимало всего четверых, затем шесть, десять и так далее.

История вагонзака такова. Впервые его запустили в 1908 году при Столыпине (кому и обязан он своим вторым неформальным названием). В спецвагонах возили переселенцев, которых депортировали в восточные регионы России. По обе стороны вагона имелись подсобные отсеки, которые со временем превратились в карцеры. Вагон был ниже пассажирского, но выше товарного. В начале 30-х годов пассажирами спецпоездов были не столько поселенцы, сколько заключенные каналоармейцы.

В спецвагоне для зеков отведено не девять купе, как обычно, а пять. Остальные - для караула и обслуги. Арестантские купе отгорожены от коридора не фанерной перегородкой, а решеткой, сквозь которую просматриваются вагонные камеры. Косые прутья тянутся от пола до самого потолка. От строгого караульного глаза тяжело укрыться даже на третьей полке. Средние полки переоборудованы под сплошные нары с отверстием для лаза у дверей. На верхних багажных полках также лежат зеки. Окна коридора, по которому гуляет "вертухай", закрыты такими же косыми решетками. В купе, где едут зеки, вообще нет окон. Вместо них - небольшая слепая выемка, также закрытая изнутри решеткой. Сложно угадать маршрут поезда. Зеки ориентируются по станционным динамикам, которые объявляют посадку на тот или иной поезд. Скажем, прозвучало "Поезд "МоскваПавлодар" отходит со второго (первого, десятого) пути", и состав спустя несколько минут тронулся - есть вероятность, что зеки действительно отправляются в Казахстан. По вокзальным

рупорам опытный зек определит вокзал (Казанский, Ярославский, Курский и т.д.), а значит, и направление состава - восточное, северо-восточное или же прочие.

Этап по железной дороге длится от нескольких суток до нескольких недель, в зависимости от конечной станции назначения. Тюремные дела конвой получает в запечатанных конвертах с небольшим вырезом, где читается место отбытия наказания. Большего вагонным вертухаям знать не положено. Случается, что зек изловчится и прочитает город или край на каком-нибудь деле, которое несет по коридору охранник. Когда знаешь направление - ехать веселей.

Посадка в вагонзак проходит в таком же бодром темпе, что и в спецавтомобиль. К вагонным дверям подъезжает вплотную - дверь к двери - автозак, открываются двери, в метровом промежутке выстраивается караул и начинается знакомая процедура. Поток зеков порциями переливается в коридор вагона, где происходит посадка в четвертое купе, затем в третье, и так до первого. Второй конец коридора блокирован не только закрытой дверью, но и конвоем. Загрузка зеков происходит на отдаленном перроне, подальше от любопытных глаз. Внешне такие вагоны напоминают багажные или почтовые.

Бежать из "столыпинского" вагона намного тяжелей, чем из автозака или пенитенциарной недвижимости - тюрьмы либо колонии. На попытку побега влияют многие факторы, которые характерны только для вагонзака. Во-первых, все купе просматриваются из коридора, и конвоир следит за зеком, даже не открывая дверь. Во-вторых, прыгать на скорости очень рискованно, а сходить или сползать во время стоянки - глупо. На каждой остановке из вагона выходят по два солдата и внимательно обследуют стенки и днище вагона (по крайней мере, обязаны это делать). И еще. В дороге, какой бы длинной она ни была, заключенный покидает купе только для оправки. Но и эти считанные минуты, пока он дуется в туалете, его караулят три человека. Александр Солженицын сравнивал оправку в вагонзаке с ответственной и даже боевой операцией для караула. В вагоне выставляются два поста - один в конце коридора, чтобы зек не бросился туда, другой - возле туалета. Третий солдат открывает и закрывает дверь купе. По отдельности справлять нужду было не принято. Ее также совершают по расписанию. Охранник отодвигает решетчатую дверь и орет: "Вперед! По одному!" Дверь в туалете приоткрыта, и солдат внимательно смотрит, чем зек там занимается. За первым зеком к туалету бежит второй, на смену ему - третий и так далее. Инструкция запрещает выпускать контингент по двое или по трое. Иначе уголовники могут броситься на конвой, обезоружить и затеять бунт.

Чем дальше уходит состав от средней полосы России, тем беднее становится растительность, суровее климат и длиннее отрезки между населенными пунктами. Если поезд взял курс на Заполярье, зек вряд ли "сделает ноги" под Воркутой или даже Печорой. Не привлекает его и таежная зона. Другими словами, на побег идут в первые дни этапа. Продолбить пол или перепилить стальной прут за это время сложно. Но возможно.

Октябрь 1981 года. В спецпоезде N 239, который следовал на Западный Урал, возникло ЧП. В полшестого утра сквозной караул вагона N 206/5689 нашел совершенно пустым третье купе. В полу зияла дыра. Беглецы двумя сапожными ножами, переданными с воли, проковыряли нижнюю обшивку вагона и проломили днище. Отверстие находилось немного правее центра, почти у самой решетки. Поэтому риск оказаться под колесами был невелик. Однако был риск в другом. В купе ехали матерые рецидивисты, которых этапировали в Соликамск на перековку. Трудовые будни на особом режиме никому не улыбались. Урки подозревали о конечном пункте высадки и решили сойти накануне.

Двое зеков, лежа на нижних нарах, ковыряли пол, еще двое на третьем ярусе следили за коридором. Когда в коридорном проеме возникал "вертухай", "стрема" тихонько покашливал. Дыра мгновенно накрывалась темно-серой тряпкой. В мутном 25-ваттном освещении широкая тряпка сливалась с фоном и была неприметной. Конвой проходил, и работа возобновлялась. Чтобы выдолбить отверстие, в которое мог бы протиснуться человек среднего телосложения, ушли сутки. В пути поезд сделал единственную остановку в Горьком. Солдатиксрочник, стараясь не запачкать свою форму, нагибался и брезгливо заглядывал под вагон. В это время та же самая серая тряпка уже была закреплена снаружи днища. Пройдя вдоль вагона, служивый успокоился.

Поезд дал гудок, тронулся в путь и стал набирать скорость. По составу уже был дан отбой. В конце коридора в караульном купе слышались голоса и смех. Раз или два прошел по коридору начальник караула. Ктото тяжело потопал в туалет и начал там отхаркиваться. Спустя несколько километров в третьем купе началось десантирование. Зеки сдернули тряпку. Внизу грохотали колеса ("вертухаи" старой закваски могут на слух еще в коридоре определить: пробит пол или нет),

и шпал уже не было видно. Первый зек ушел под днище, когда поезд стал резко замедлять скорость. Он обмотал голову черной курткой и полез головой вперед. Под днищем он зацепился руками за что-то и стал затягивать ноги. Через минуту зек висел под вагоном, упершись пятками в край дыры. Еще миг - и он упал спиной на полотно. Второй рецидивист также дождался торможения и также окунулся в холодную ночную тьму. Через двадцать минут в купе никого не было.

Обнаружив пустое купе, караул объявил тревогу. Состав уже успел отъехать почти на сотню километров. Розыскные группы прочесали этот отрезок и собрали шестерых зеков чуть ли не у самого полотна. Один из них сломал шейный позвонок, второй раздробил голову о стальную перетяжку, третий содрал всю кожу на спине и затылке и быстро терял кровь. Остальные три выглядели получше, но быстро передвигаться не могли. Седьмого беглеца нашли в пяти километрах от железнодорожной насыпи. Он сильно повредил плечо, быстро выдохся и едва-едва ковылял к поселку. Зек оглянулся на выстрел за спиной и, шатаясь, остановился. На его посиневшем от боли и холода (в октябре уже срывался снег) лице уже ничего не читалось. Выяснилось, что он раздробил ключицу и вывихнул плечевой сустав. Когда кто-то из конвоя, не приглядевшись, саданул его прикладом в спину, беглец потерял сознание. Последний блатной десантник оказался счастливчиком. Он получил сильные ушибы, но они не помешали ему добежать до автотрассы, остановить грузовик, груженный кирпичом, и отъехать на нем почти на шестьдесят пять километров. Беглеца арестовали только на третьи сутки после побега.

В годы расцвета Главного управления лагерей, когда шла миллионная демобилизация в трудовую армию страны, во все уголки Родины мчались переполненные составы. В купе, куда с горем пополам были втиснуты десятка два зеков, говорить о побеге считалось дурным тоном. Блатные авторитеты с самого начала оккупируют средний ярус, самый спокойный и удобный, и мечтают поскорей добраться до лагеря. Остальные зеки жмутся внизу и на багажных полках, мечтая о том же, только менее умиротворенно. При такой тесноте и духоте попасть в карцер - везение. Карцер вагонзака - последнее купе, разделенное перегородкой на два узких помещения с нижней и верхней полкой. Пол и стены карцера отделаны стальным листом, разрезать который можно лишь газосваркой. Как правило, там изолируются наиболее опасные элементы, могущие замутить массовые беспорядки или убежать.

Армейский устав строго карал конвой за побег их подопечного. Многих солдат зеки-беглецы отправили в дисциплинарный батальон. Не удивительна та жестокость (временами подогретая национальным вопросом), которой встречали беглого арестанта. Если опытный беглец, уже прошедший через мясорубку смертельной ненависти, чувствовал, что кольцо вокруг него сжимается и его вот-вот сцапают, он спешил совершить новое преступление. Камера - порой единственный способ сохранить и здоровье, и жизнь. Устав внутренней службы пугает солдат дисциплинарной или уголовной ответственностью, которой ему, в случае ЧП, не избежать.

Был давний случай, когда на одном из заполярных перегонов вспыхнул вагон. Поговаривали, что зеки готовили чифир и замкнули вагонную проводку. Возможно, огнеопасную небрежность проявил кто-то из охранников или проводников. Коридор запылал, и начальник караула мгновенно подал сигнал тревоги. Через несколько минут поезд остановился. Погасить огонь огнетушителями не смогли, слишком обширной была площадь поражения. Зеки истошно вопили и просили открыть дверь. Огонь уже подобрался к решеткам и начинал лизать стенки купе. Начальник охраны поезда отозвал весь личный состав и приказал срочно изолировать вагон. С обеих сторон крепления отсоединили, и вагон остался догорать в одиночестве. Он наполнился предсмертными криками. Кое-кто уже выламывал обугленную перегородку, продирался сквозь пол или крышу. Тут же последовала команда: "Оцепить вагон! Стрелять на поражение! Если хотя бы один уйдет в тайгу - отдам под суд все отделение".

Зеки, вырвавшиеся из пламени, получали пулю от конвоя. Безусые солдаты, глядя во все глаза и дрожа от мысли, что кто-то из уголовников скроется, добросовестно косили живые горящие факелы. Вот с протараненной крыши на насыпь рухнул человек и, развернув к офицеру обоженное лицо, завопил: "Не стреляйте! Я ногу сломал. Я не буду бежать!" Это были его последние слова. Те, кто наблюдал весь этот кошмар с крыши вагона, кричали: "Менты поганые! Отребье вонючее! Стреляй, падла. В меня стреляй". Вагон успешно догорел. Никто из зеков так и не спасся, но и не убежал в дремучую тайгу.

А впереди лежал Тайшет...

Купе проснулось от чьих-то робких стенаний. Это скулил зек Бражник, скрючившийся на нижнем ярусе. Он ворочался, икал, подпрыгивал и наконец скатился на пол. Еще миг, и по купе разнесся характерный запах свежего дерьма.

- Ты че, баклан, в натуре?! - засуетились на второй полке. - Гарнир понес, что ли?

Зек катался по полу и выл от боли. Стоявший в наряде сержант быстро подошел на шум. Он потянул носом воздух и брезгливо поморщился.

- Не могу, старшой, - жалобно повернул к нему голову зек. - Умираю. Еще утром прихватило. Думал, копыта отброшу. Дай на толчок схожу. Еще немного - и лыжи в угол поставлю.

В купе послышался чей-то визг: "Ты мне своим повидлом штаны уделал!". Кто-то отчаянно плевался. Вдруг раздался хрип и странное хлюпанье. Судя по всему, больного зека вырвало. Купе оживилось еще больше. Его шестнадцать пассажиров суетливо топтались, возились, перекладывали вещи с места на место.

- Выведи его, командир! - не выдержал рецидивист Синько. - Он уже и так обверзал все будь здоров. На хрена нам всю дорогу его говно нюхать в натуре?

Из караульного купе выглянул старшина:

- Что там у тебя, Пронь?

- Да черт один в купе наделал. Вонь стоит - спасу нет.

- Тащи его на парашу. Потом пусть майкой и языком пол протрет, фу, даже сюда слышно.

С этими словами старшина опять исчез в своем купе. Он торопился: шашки уже были расставлены. Поплевав на пальцы, начальник караула двинул вперед свою черную армию на белую гвардию сержанта Козуба. Двое рядовых наблюдали за шашечными баталиями, отпуская глубокомысленные комментарии. Сержант постоял возле купе, затем повернулся и громко крикнул по коридору:

- Андреев! Стань у туалета. Сейчас я этого артиста выпущу.

Из купе вышел солдат, расстегнул кобуру и стал в метре от вагонного сортира. Сержант открыл замок и резко рванул дверь. Умирающий Бражник вяло выполз в коридор и чуть не плача заспешил к туалету. За несколько шагов до цели зек вдруг споткнулся и едва не растянулся на полу. Казус не ахти какой. Конь на четырех ногах - и тот не всегда ровно скачет. Все было бы ничего, но зек, потеряв равновесие, начал искать правой рукой, щедро выпачканной в блевотине, а то чем и похуже, точку опоры. И нашел ее на солдатской груди. Солдат проводил больного странным взглядом. Затем посмотрел на запачканный китель. Сержант коротко и сочувственно заржал:

- Что, аксельбанты навесил? Тут и не такое бывает.

Рядовой Андреев, выходец из рафинированной интеллигентной семьи, побелел и, скорчив страшную гримасу, зашел в туалет вслед за зеком. Забыв обо всем на свете, кроме остатков арестантского обеда на своей груди, он повернулся к зеку, который уже корчился на унитазе, спиной. В ту же секунду солдат получил глубокий удар в шею. Заточка вошла сверху вниз, рассекая шейный позвонок и пробивая глотку. Горло Андреева издало последний в его жизни звук - хрип и бульканье.

- Не бей, начальник! - визжал в туалете зек, вытаскивая из кобуры пистолет. - Я застираю, бля буду, застираю. Не надо ногами!

Сержант расхаживал в коридоре, с интересом слушая глухие удары и стоны. Затем вяло посоветовал:

- Хватит! А то еще и впрямь подохнет.

Андреев полулежал на унитазе, воткнув остекленевший взгляд в потолок. Пока все шло по плану. Бражник передернул затвор, засунул пистолет под майку, выпачкал свое лицо кровью солдата и, так же покачиваясь и держась за живот, вышел из туалета. Увидев окровавленного зека, сержант присвистнул и прокричал:

- Ты, я вижу, его с аппетитом отремонтировал. Домывайся и сходи к лекарю за таблеткой!

Сержант распахнул дверь перед многострадальным Бражником и в ту же секунду залетел в купе. Еще в полете он напоролся на мощный удар по голове и лишился чувств. В полумраке купе братва облапала сержанта и вытащила пистолет. "Вперед", - прошептал Синько, держа пистолет перед собой и неслышно ступая по коридору.

Когда в проеме караульного помещения выросли два вооруженных зека, никто из охранников даже не шелохнулся. Паралич их длился секунду, не больше. В два ствола зеки расстреляли караул. Пока Синько добивал раненных, Бражник метнулся в сторону купе обслуги, распахнул дверь и

опустошил обойму в проводника. Последнего солдата, худого двадцатилетнего паренька, он задушил на нижней полке.

Очухавшись и едва оторвав голову от пола, сержант Пронь увидел перед собой пистолетный ствол. В тот же миг чей-то ботинок врезался в его скулу. Потом еще. Сверху сыпалось злобное шипение, предвестие новых пинков. "Почему я здесь? - сержант с трудом ворочал мозгами, опасаясь, что вскоре шевелить уже будет нечем. - Где караул?" Словно угадав его мысли, чей-то голос резко бросил:

- Скоро, тварь, своих догонишь! Но прежде ты пожалеешь, что не помер маленьким.

Один из зеков, гадко хихикая и дрожа всем телом, начал резать лицо солдата каким-то острым предметом. Он полосовал щеки, нос, лоб, стремясь зацепить глаза. Пронь едва уворачивался от ударов, которые становились все размашистей. Он не обращал внимание на боль и с тихим ужасом рисовал в мыслях свое будущее. Чтото теплое ударило в его лицо, потекло за ворот. Это помочился истеричный зек.

- Вешай легашей! - завопил он тонким противным голосом.

Сквозь туман в глазах сержант вдруг увидел перед собой старшину внутренних войск с пистолетом наголо. Синько уже успел переодеться в служебную форму, на которой расплылись пятна крови. Урка носком ботинка перевернул Проня на спину, нацелил пистолет в голову и хрипло спросил:

- Где ближайшая остановка?

Расклеив ссохшиеся от крови губы, охранник простонал:

- Который час?

- Ты глухой, падла! - зек-истерик ударил его в лицо ногой. - Когда остановка следующая?

- Около семи утра должны быть в Красноярске...

- Потом?

- Потом Тайшет.

- Этап в Тайшетлаг или дальше?

- Точно не знаю. Пока в Тайшет.

- Где ключ от сквозного прохода?

- У дежурного помощника начальника поезда.

- Когда он заявится?

- Не знаю. По-разному.

Синько опустил пистолет и вышел в коридор. Там хозяйничал Бражник, отпирая дверные засовы. "Не толпись на коридоре, братва, - кричал он. - Свободы на всех хватит". "Ты поршни пойди сполосни, - загоготал кто-то.

- Кормоприемник уже не болит?" Зеки дружно хохотали, а Бражник, криво улыбаясь и засунув пистолет в штаны, направился в туалет. Синько, который уже взял бразды правления в свои руки, опять расквартировал пассажиров по купе, но двери запирать не стал. Дослав в пистолет полную обойму, он быстро направился в конец коридора. Лицо зека вдруг изменилось: он что-то вспомнил. Вернувшись в первое купе, он на миг посмотрел в глаза сержанта и нарочито устало выжал:

- Извини, мент, я забыл про тебя.

С этими словами Синько, не целясь, дважды выстрелил солдату в голову. Затем опять зашагал к тамбуру. Сквозной проход был закрыт и взят в решетку. Ломать дверь никто не решился. Интересно, слышали выстрелы в соседнем вагоне или нет? Синько глянул на часы, снятые с руки убитого солдата. Было без четверти три. До Красноярска оставалось совсем немного. В тамбуре появился посвежевший Бражник. Из его черных брюк по-ковбойски торчали два пистолета. Он спросил:

- Как уходить будем, старшина? С подножки, брызгами?

В окне поезда тянулась черная тайга, присыпанная ноябрьским снегом. Бражник припал к стеклу и поежился. Одна только мысль, что доведется уйти в эту холодную строгую ночь, которая уже привыкла съедать человека на поздний ужин, вызывала дрожь. В темноте скорость поезда казалась огромной. Бражник повернулся и кивнул в сторону запертой двери:

- Может, на лапку возьмем?

Синько ничего не ответил. Все было ясно и так. Урки решили играть ва-банк и тихо дождаться дежурной проверки вагонных караулов. Завладев нужным ключом, они могли бы вагон за вагоном продвигаться к паровозу и в конечном итоге проехать Красноярск без остановки и сойти где-то на пригородном полустанке. Дальше надо распыляться мелкими группами. Сейчас главный козырь -

неожиданность. Урки даже не подозревали, сколько вагонов отделяет их от машиниста и какой объем стрелковых работ им предстоит...

В соседнем тамбуре хлопнули дверью, послышались тяжелые шаги. В дверях сухо завертелся ключ. Кто-то вошел в межвагонный отсек и опять вставил ключ. Синько напрягся, повернулся к тамбуру спиной и закопошился у решетки первого купе. Еще миг, и на пороге коридора показался дежурный офицер, сопровождаемый солдатом. "Старшина" не спеша и как бы нехотя повернулся к офицеру и начал стрелять с двух стволов. Из караульного купе вырвалась еще одна порция свинца: стрелял Бражник, рванувший дверь перед самым носом гостей. Несмотря на оглушительную пальбу, ухо Бражника все же уловило странный звук в тамбуре. По спине мигом запрыгали мурашки. Опасаясь наихудшего и крикнув "Не стреляй!", он выскочил в коридор, перепрыгнул через окровавленные, искромсанные пулями тела. Сквозь пороховой дым он заметил солдатскую спину, исчезавшую в тамбуре соседнего вагона. Бражник выстрелил ей вдогонку, но пуля лишь оторвала щепку у дверей сквозного прохода. От бессилия зек со всего маху врезал кулаком по дверям и застонал от боли.

Синько, успевший заменить отстрелянные обоймы, спросил одними глазами: "Что?" Взор Бражника красноречиво ответил: "Дерьмовей не бывает". Даже с убогой фантазией можно было представить, какой переполох сейчас царит в соседнем вагоне, а может, уже и в целом эшелоне. Игра пошла не по их правилам.

- Отцепляй вагон. Брага! - дрожа как бы от нетерпения, крикнул Синько. - Я иду братву подымать.

Урка склонился над расстрелянным капитаном и начал торопливо искать ключ. Однако ключа не было. Судя по всему, его унес второй солдат, оставленный в тамбуре. Брага уже хлопотал в межвагонном пространстве, подсвечивая себе зажигалкой. Грохот колес усилился, заглушая звук выстрела. Брага лишь дернулся, уронил зажигалку и вывалился в тамбур. Синько истошно заорал, выпустил в черный грохочущий проем всю обойму и бросился обратно в коридор. Споткнувшись о труп дежурного, он распластался на липком от крови полу. Если бы Бражник уже не покоился в мире теней - две пули вошли ему затылок и висок, - то наверняка услышал бы еще один залп, выпущенный сквозь обшивку вагона. Соседний караул не спешил входить в чужой вагон, оголяя свой пост. Личный состав вагонного караула ждал инструкций, которые вскоре поступили от начальника поезда.

Охрана по обе стороны взбунтовавшегося вагона заняла глухую оборону. Сквозной проход был блокирован. Открыв боковые двери, два автоматчика дали очередь вдоль вагона, отрезая зекам последний путь к спасению. Спасению в таежных дебрях. Холодный цинизм и рассудительность Синько бесследно улетучились. Урка носился по коридору и поднимал на бунт братву. Но верные еще вчера кореша реагировали вяло и с явной неохотой. Их интуиция, отточенная многолетним режимом, подсказывала, что "банкет" проигран. Теперь начиналось новое время. Время искать козлов отпущения.

- Веселей, братишки! - орал на весь коридор рецидивист Синько, размахивая пистолетом и пританцовывая на месте. - Мы еще попляшем. Мы еще подиктуем мусорам свои язушки.

- Это не Москва, Гаврилыч, - заметил старый зек со второго купе, скупо и неприятно улыбаясь. - Это тайга. Здесь отвечают пулями. Они будут гнать эшелон, пока не рассветет, и остановятся на перроне, где тебя раскрошат два-три взвода автоматчиков. Ваши не пляшут, Гаврилыч.

- И что же ты предложишь, Зуб? А? Выломиться хочешь? В солнечный Тайшет рвешься?

Синько затрясся и начал палить в потолок. Купе зашевелились. Истеричный зек, полосовавший лицо сержанта, вытащил из кобуры капитана пистолет и торжественно заявил:

- Я с тобой, Гаврилыч. Никто же не знает, что мы ментов заделали. Пусть купят у нас их жизни. А мы поторгуемся.

В коридор вышли еще пять-шесть человек. Кто-то затащил из тамбура холодеющего Бражника и принял из его руки пистолет. Эшелон N 402 с десятью трупами на борту шел на большой скорости. За все это время он ее даже не сбавил. Вероятно, диспетчеры красноярской железной дороги уже были в курсе событий и давали поезду зеленый свет. Наконец ход паровоза начал замедляться. Впереди показались огни какой-то одинокой таежной станции. Длинно и грустно запищали тормоза. На перронах по обе стороны пути стояли машины с мощными прожекторами. Яркими лучами они сопровождали седьмой вагон. Наконец эшелон остановился. Из грузовиков высыпали солдаты с автоматами и выстроились в цепь вдоль опального вагона. Человек в форме майора отделился от автомобиля, подошел к вагону впритык и прокричал:

- Выходить по одному! Ложиться лицом на землю, руки за голову. Но перед этим выбросить на перрон восемь пистолетов. Я жду!

В вагоне стояла тишина. Наконец из караульного помещения захлопали выстрелы, и кто-то крикнул:

- У нас ваши менты. Если хотите, мы можем выбросить их вам по частям. Вместо пистолетов. Нам терять нечего.

Майор минуту думал, затем вновь повернулся к окну:

- Покажи мне кого-нибудь из них. Чтобы я видел.

В купе помолчали. Патом тот же голос отозвался вновь, но уже не так уверенно:

- Твои бойцы вгретые. Если поезд сейчас не поедет, мы их опустим, распишем и по новой опустим. Устраивает?

- Повторяю последний раз, - майор, казалось, ничего этого не слышал.

- Для тебя лично. Выходить по одному. Никто штурмом вагон брать не будет. Через пять минут мы отцепим боковые стяжки и взорвем вагон. Забросаем гранатами. Даю слово офицера.

Вагон загудел. Вновь грянул выстрел, но уже в коридоре. Особо нервные запаниковали: "Не надо, мы выйдем". Но дверь так и не открывалась. За ней слышалась возня, ругань и наконец очередной выстрел. После непродолжительной борьбы дверь вагона тяжело отворилась, и из нее выпало чье-то тело. Это был рецидивист Синько, еще сжимающий пистолет в правой руке. Левой он держался за бок, куда несколько секунд назад вошел нож. "Первый!" - крикнули из темноты. Два солдата направились к Синько. Тот приподнялся на локтях. Зарычал и слишком резко зашевелил пистолетом. Сухо затрещал автомат, и зек уткнулся лицом в запорошенный снегом перрон. Солдаты услужливо оттянули труп в сторону. Раздался приказ: "Следующий". Заключенные по одному осторожно выпрыгивали из вагона и падали на землю. Их обыскивали и отволакивали в темноту. Из окна караульного купе вылетели шесть пистолетов и шлепнулись в снег. "Еще один", - приказал майор. После короткой паузы выбросили последний пистолет. Из вагона не вышел только один заключенный. Он лежал в коридоре, скрюченный предсмертной судорогой. На его шее виднелся толстый солдатский ремень. Истеричный зек так и не успел подсобить Синько.

Над тайгой загорался робкий сибирский рассвет.

Летучий голландец N 001/76040

24 февраля 1987 года в четвертом часу ночи спецэшелон N 934 МВД СССР прибыл в Ленинград и остановился на дальнем перроне Московского вокзала. Он вернулся с двухнедельного турне Ленинград-Новосибирск-Ленинград. Главными пассажирами состава были вчерашние узники "Крестов", выгруженные в городах Урала и Сибири. Обратно состав специального назначения возвращался налегке.

В окнах караульного купе зажегся свет, заскрипели прихваченные ночным морозом двери, загрохотали подножки. Припухшие от сна лица солдат и офицеров пытались рассмотреть в зарешеченном окне перрон. По вагонам прошла команда: "Выгружайся! Ленинград!". Охрана поезда, не торопясь, высыпала наружу. Только в вагоне N 001/76040 стояла гробовая тишина. Сквозь темное окно не пробивалась тусклая лампочка. Само же окно зияло осколками. Прапорщик из соседнего вагона потянулся, глубоко вдохнул колючий воздух и забарабанил по двери:

- Подъем! Хватит дрыхнуть!

Вагонзак не отреагировал. Прапорщик подозвал солдата, и тот загрохотал в дверь прикладом автомата. Потоптавшись несколько минут возле дверей, солдат заметил разбитое окно. Прапорщик ругнулся и озабоченно прошелся вдоль вагона. Затем вернулся к дверям, вытащил пистолет, поставил ногу на подножку:

- Фесенко, иди за мной. А ты - встань у дверей.

В нос ударил теплый казенный запах, который не выветривается годами. В свете бледной лампы прапорщик увидел длинный коридор с зарешеченной правой стороной. Дверь караульного купе была приоткрыта. На полу виднелся чей-то сапог. Прапорщик передернул затвор и ногой толкнул дверь. На грязном, промокшем от крови полу валялась груда тел, прикрытая двумя матрацами. Прапорщик даже не стал их пересчитывать. С возгласом "Ни хрена себе!" он выскочил из вагона, приказал солдатам стеречь вход и бросился по перрону к начальнику поезда.

- Кто-то уложил весь наряд в пятом вагоне, - выпалил он майору, тяжело дыша.

- Куда уложил? - не понял тот.

Вскоре они бежали к вагонзаку, который теперь смахивал на летучий голландец. В караульном купе покоились семь трупов в форме внутренних войск. Еще один лежал в кухне. Все были убиты из пистолета. В стенах и окне виднелось множество пулевых отверстий. Палили - будь здоров. Через час в вагоне показалась следственная бригада Северо-Западного УВД на транспорте.

Это не было дерзким побегом. Никто из зеков не выламывался из купе и не плевался свинцом по солдатам. Сквозной караул перебил рядовой Артурас Сакалаускас, единственный, кого не досчитались в охране поезда. Оружейный шкаф, где хранились восемь пистолетов Макарова, опустел на пять стволов и пять запасных обойм. Последнюю остановку перед Ленинградом поезд делал еще минувшим днем в Вологодской области на станции Бабаеве. По тревоге был поднят Ленинградский гарнизон, выделивший на поиски беглеца свыше двухсот человек. УВД Ленинграда и области пустило по следу Сакалаускаса десятки розыскных групп. Точкой отсчета стала станция Бабаеве, где, судя по всему, и сошел дезертир-убийца.

К тому времени солдат в шинели застреленного им прапорщика странствовал по Вологодской области, останавливаясь на постой у добрых людей под видом командировочного. После очередного такого визита сердобольная семья не досчиталась в своем гардеробе гражданского пуховика, кроличьей шапки и брюк. Сакалаускас не забыл переложить по пистолету в карманы пуховика. Остальные три легли в черный "дипломат". Артурас был готов стрелять по каждому, кто попытается его задержать или даже проверить документы. Сообщение о восьми трупах в спецэшелоне замелькало в прессе, ежедневно фото убийцы появлялось на телеэкране. Беглец был обречен. Он сумел добраться до Ленинграда, но не больше. Варшавский вокзал, от которого шли поезда в родную Литву, прочесывался военными и милицейскими патрулями, в кассах перед кассирами стояла фотография рядового Сакалаускаса, то же самое творилось и в аэропорту. Солдат бесцельно колесил в автобусах по городу, пока его не узнал кто-то из пассажиров. В автобус, где он ехал, вошли трое в штатском, незаметно подошли со спины и попросили предъявить документы. Через минуту Артурас уже в наручниках покидал салон. Черный "дипломат" с тремя пистолетами нес оперативник. На поиски Артураса ушло четыре дня.

В отделении милиции дежурный офицер приказал солдату вывернуть карманы. Тот с готовностью сунул руки в пуховик и вытащил два пистолета с полными обоймами и патронником. Капитан замер и стал бел как полотно. Остолбенели и оперативники, которым даже в голову не пришло, что можно расхаживать по городу с пистолетами в наружных карманах. Убийца спокойно положил оружие на стол и тихо произнес:

- Все. Больше у меня ничего нет.

Мотивом бойни в вагонзаке стали, выражаясь казенным языком, неуставные отношения между военнослужащими действительной срочной службы разных сроков призыва. А попросту говоря - дедовщина. Чтобы проверить показания Артураса, дознавателям пришлось объехать множество зон, где высаживались пассажиры вагона N 001/76040. Маршрут спецэшелона был обширен: выехав из Ленинграда, он взял курс на север и шел к Новосибирску по сложной северной траектории. Через вагонные камеры прошли попеременно полторы сотни зеков, которые свидетелями выступать не спешили. Рецидивист М. был немногословен:

- Ничего писать и говорить не буду. Я думаю, что разберутся и без меня. Скажу лишь одно. То, что вытворяли ваши "вертухаи", редко встретишь даже на зоне. Так обращаются только с лидерами.

Из уголовного дела:

"...23 февраля 1987 года около 15.00 Манхуров Джамалов подняли с постели отдыхавшего после несения дежурства Сакалаускаса и потребовали пройти с ними в туалет. В туалете они с применением угроз, сопровождавшихся избиением, заставили Сакалаускаса расстегнуть брючный ремень и стащили с него брюки до колен. После этого Манхуров стал удерживать Сакалаускаса, создавая тем самым условия, чтобы насильственно совершить акт мужеложства. Однако Джамалов не смог этого сделать по причине преждевременного семяизвержения. Во время попытки изнасилования Сакалаускас потерял сознание. Продолжая издевательства над ним и глумление, Манхуров и Джамалов поднесли к оголенным местам ног Сакалаускаса зажженные спички, а когда он от боли очнулся, Джамалов пригрозил ему, что позже его изнасилует весь личный состав сквозного караула. После ухода Манхурова и Джамалова из туалета Сакалаускас помылся и сменил кальсоны. Кальсоны, испачканные спермой Джамалова, выкинул по пути следования из окна. Проходя по коридору, он увидел, что начальник караула спит, а металлический ящик с пистолетами не заперт.

Воспользовавшись этим обстоятельством, он зашел в купе, похитил два пистолета и в туалете зарядил их. После этого направился в купе для личного состава караула. Проходя мимо купе начальника караула, Сакалаускас, опасаясь, что Пилипенко проснется, произвел выстрел ему в голову. Затем прошел в купе, в котором к тому времени находились военнослужащие Семенов, Нечаев, Джамалов, Гатауллин, Синицкий, Манхуров и проводник Дашкиев и играли в карты. Остановившись в проеме дверей купе, которые были открыты, держа два пистолета в руках, он начал стрелять из них по находившимся в купе военнослужащим и проводнику. Когда патроны в пистолетах закончились, Артурас Сакалаускас, бросив один из них на пол, прошел в купе начальника караула, взял там из металлического ящика третий табельный пистолет, перезарядил пистолет, находившийся у него, и вновь пошел в купе личного состава.

К этому времени дверь в купе оказалась закрытой. Сакалаускас произвел несколько выстрелов через дверь, а также в потолок в направлении багажного отделения, где находились Семенов и Нечаев. После этого он открыл дверь и продолжил стрельбу в раненых. В это время прапорщик Пилипенко, придя в сознание, вышел из купе. Сакалаускас, увидев его, произвел несколько выстрелов в прапорщика.

Раненый Пилипенко пытался убежать в направлении помещения кухни, однако Сакалаускас произвел несколько выстрелов ему вдогонку. Смертельно раненный прапорщик упал на пол коридора напротив кухни. По окончании патронов в пистолетах Сакалаускас бросил их и взял еще два пистолета в купе начальника караула, вновь подошел к купе личного состава и продолжил стрельбу в находившихся там лиц. Раненый начальник караула Пилипенко, пытаясь спрятаться, заполз в помещение вагонной кухни, где впоследствии умер от полученных ранений и острой кровопотери. Всего Артурасом Сакалаускасом было произведено 46 выстрелов, 33 достигли цели, 18 - стали смертельными.

Убедившись, что расстрелянные им лица мертвы, Сакалаускас забросал их матрацами. Потом зашел в купе начальника караула и переоделся в форму прапорщика, похитив также его "дипломат" с личными вещами и деньги. Уложив в "дипломат" пять пистолетов, он снял у проводника Дашкиева наручные часы, а в помещении кухни, где находился труп Пилипенко, Сакалаускас взял для себя продукты, которые также сложил в "дипломат". Свое обмундирование сжег в топке вагона. На станции Бабаеве Вологодской области поезд произвел остановку, и в 16.35 Сакалаускас покинул вагон, захлопнув при этом за собою дверь".

"Деды" издевались на глазах зеков. Те поначалу с интересом взирали на истязания, отпускали пошлые остроты, а иногда подбадривали. Для заключенных это было едва ли не единственным развлечением, которое напоминает комедию или трагедию. Но чем дальше шел этап, тем противней становилась вся эта картина даже для зеков. "Во, менты чудят, - слышался чей-то голос из-за решетки. - Уже бы кокнули его, что ли. Совсем озверели, сучары".

Нечаев, который любил надевать миску с горячим супом на голову Артураса и делать "велосипед" (способ издевательства, при котором спящему между пальцами ног закладывают бумагу, тряпку или вату и поджигают), получил три пули в голову и умер мгновенно. Повар Гатауллин, который засыпал в порцию "духа" полстакана соли или песка, а также часто лишал его завтрака или обеда, умер от трех огнестрельных ранений головы. Старший сержант Семенов, он же - заместитель начальника сквозного караула, макал Артураса лицом в унитаз, порвал ухо, ставил в наряд на десять часов, лишал сна и просто бил. За это он принял одну пулю в затылок и две в грудь. Проводник Михаил Дашкиев был добродушным и "духа" не трогал, но под раздачу также попал.

Можно сказать, что Артурас завалил проводника случайно. Когда убийца менял обоймы, проводник торопливо закрыл дверь. Это настолько всполошило стрелка, что он, не задумываясь, выпалил в тонкую пластиковую дверь целую обойму.

Дальнейшая судьба Сакалаускаса сложилась более чем странно. В ней столько белых пятен, версий и домыслов, что расставить все точки над "i" не могут до сих пор. На заключительном этапе следствия убийцу направили в Москву на психиатрическую экспертизу в институт имени Сербского. Уже были полностью подготовлены тринадцать томов уголовного дела и обвинительное заключение, с которыми должен был ознакомиться подследственный после возвращения из Москвы. Спустя два месяца судебно-психиатрический институт признал солдата здоровым. Перед этапом в ленинградские "Кресты" Артураса поместили в "Матросскую тишину", откуда его должен был забрать конвой. Но конвойная бригада все не ехала. Создавалось впечатление, что об убийце восьмерых человек попросту забыли.

В камере столичного следственного изолятора Сакалаускас провел почти месяц. В конце концов его привезли в Ленинград, однако в очень странном состоянии. Тюремные психиатры видели в этом обыкновенную симуляцию. Тем не менее Артурас, который до этого сотрудничал со следствием и охотно давал показания, на последних допросах глядел куда-то в стену и выдавал лишь несвязные обрывки фраз. После долгих процессуальных мучений его отправили на повторную экспертизу. На этот раз врачи нашли у пациента "отчетливо выраженные признаки болезненного расстройства психической деятельности. Больной представляет особую опасность для общества. Нуждается в направлении на принудительное лечение со строгим режимом содержания".

Оценить состояние Сакалаускаса, то есть определить - годен он к расстрелу или нет, брались многие клиники. Его перебрасывали из палаты в палату, из клиники в клинику почти три года. Последним диагнозом стали такие строки: "Хроническое психическое заболевание с непрерывно прогрессирующим течением. Нуждается в принудительном лечении с общим режимом наблюдения". Больного отправили в Литву. Еще через два года его адвокат публично заявил, что психический недуг Артураса был вызван искусственным путем. Якобы в "Матросской тишине" ему вводились сильнодействующие психотропные вещества, разрушающие психику человека.

ТЮРЬМА

Прибытие автозака

Автозак остановился: послышалось лясканье сдвигаемых ворот так называемого "шлюза"; машина въезжает в "шлюз" - закрываются первые ворота, и открываются еще одни. Автозак въезжает во двор тюрьмы. Все меняется: интонации голосов конвоя, лай овчарок, запахи. Если успеешь оглянуться вокруг, то увидишь иные цвета, иные камни. Конвоиры равнодушно-спокойны, однако в содружестве с тюремщиками могут "нагнать жути": напустить овчарку на кого-нибудь, наподдать прикладом по ребрам. Роптать бессмысленно: "нагнетание жути" - испытанный элемент тюремной практики.

Боксы

Из автозака заключенные переходят в боксы: начинается "сборка". Боксы - небольшие камеры площадью от 1 квадратного метра с узкой скамьей или выступом вдоль стены. В них помещаются заключенные перед этапом, перед вводом в камеру, во время вызова к следователю или адвокату и т.п.

Сборка

Сборка - действие, мероприятие, аналогичное, скажем, одновременной записи данных новорожденного в роддоме и его регистрации в ЗАГСе. На "новорожденного" заводится дело; в специальную карту при нем заносятся его особые приметы, татуировки, шрам от аппендицита. Обязательно - дактилоскопия (отпечатки пальцев), медосмотр.

От первичного медосмотра в СИЗО (тюрьме) может зависеть очень многое. Занесенная в медкарту болезнь, а тем более инвалидность помогут выхлопотать медпомощь, лекарства на долгом пути от тюрьмы до зоны, а в самой зоне - получить соответствующую работу. Впрочем, раньше практиковалось снижение 1-й группы инвалидности до 2-й, 2-й - до третьей, а 3-й - до "возможности легкого труда".

Абсолютными льготами по инвалидности пользуются лишь явно увечные - безногие, слепые, безрукие или находящиеся в двух шагах от "гробового входа". Иногда и у одноногих отбирают деревянную ногу или протез - до этапа на зону, по усмотрению врачей.

Шмон в тюрьме

Шмон (обыск) в тюрьме резко отличается от поверхностного капэзэшного шмона. Из подошв обуви выдергивают супинатор (железную пластину, пригодную для изготовления заточки), заставляют присесть раздетого догола зека, раздвинуть ягодицы; ощупывается досконально вся одежда.

Существует множество способов проноса денег и запрещенных предметов в тюрьму и зону, они достаточно подробно описаны в детективно-тюремной беллетристике. К тому же еще до тюремных ворот многие из этих способов становятся известны первоходочникам от бывалых людей. Как мы уже говорили, отбираются в основном предметы, могущие послужить орудием самоубийства и убийства. Впрочем, если и не хочется ни кончать с собственной жизнью, ни прерывать чужую, то все-таки запрещенный предмет - "мойка" (лезвие), гвоздь или катушка ниток дают ощущение некоей победы над тюрьмой, дают чувство свободы и независимости...

В свое время я ухитрился довезти от КПЗ и пронести в зону ни разу не пригодившуюся мне половинку ножовочного полотна; всякий раз прохождение шмона с полотном оборачивалось неделей хорошего настроения.

Стрижка

Парикмахер превращает гражданина в тюремного зека: борода, часто усы, вообще - волосы - состригаются, бреются. До суда по закону стричь наголо нельзя, но в тюрьме стрижка обычно аргументируется вшивостью, чесоткой и т.п. Между прочим, стриженный наголо подсудимый вызывает у судьи и "кивал" (народных заседателей) вполне закономерные ощущения. Лысая голова может обернуться лишним годом срока.

Фото

Фотограф увековечивает "нового человека" для тюремного дела и всевозможных регистрационных карт. В тюрьме все иное, особое - так и эти фотоизображения в фас и в профиль (необязательно даже быть лысым) превращают симпатичное лицо в преступный образ: меловые щеки полупокойника, остекленевшие глаза... Это касается не только фото на входе в тюрьму - фото для справки об освобождении точно такое же.

Транзитка

Часто после обработки отправляют в транзитную камеру. Там могут быть шконки для сна и отдыха (о них позднее), а могут - и старинные коммунальные нары в два этажа (они сохранились во многих пересыльных тюрьмах).

Именно на сборке, а точнее - в боксах и в транзитных "хатах" (камерах) человек впервые сталкивается с законом и беззаконием (беспределом) тюремно-лагерного мира. Дело в том, что именно в транзитках зековский народ проходит сплошными потоками и исчезает в неизвестных направлениях. Сколачиваются временные группировки беспредельщиков, обирающие первоходочников и просто бессловесных зеков. Иногда происходят и кровавые разборки: встречаются фуфлыжник (должник) с кредитором, разномастные враги...

Впрочем, этот период жизни зека богат и положительными впечатлениями. Люди иногда сходятся мгновенно, взаимные симпатии за короткий срок перерастают в уважение и дружбу, зек по-братски поддерживает зека.

Никогда не забуду Валерика Зангиева, осетина из города Алагир, "подогревшего" меня десятью пачками сигарет, полотенцем и "марочками" (носовыми платками) перед разводом по постоянным "хатам". Наш ночной разговор ("базар") в транзитке питерских "Крестов" не просто скрасил существование, а дал мне лично длительный заряд бодрости и пополнил скудный запас сведений о тюремной жизни.

Баня, прожарка

Перед раскидкой по постоянным "хатам" (камерам) все зеки в обязательном порядке проходят две санитарные процедуры: баню и т.н. "прожарку". Зеков отправляют в баню, о которой мало что можно сказать; в некоторых тюрьмах это заведение вполне сравнимо с подобными заведениями на воле, в других - напоминают помывочный пункт эпохи военного коммунизма (кусочек мыла величиной с мизинец и никаких мочалок).

Вещи едут на крючках в дезинфекционную прожарочную камеру (от вшей и т.п.). Вместе с вшами (если таковые имеются) гибнут также пластмассовые пуговицы, синтетические волокна; одежда приобретает изрядно помятый облик. Можно, конечно, договориться с зеком-обслугой: кто откажется от пачушки сигарет? И одежда останется целой. Но опять же и вши не пострадают...

Постельные принадлежности

Перед самым входом в "хату" государство выдает своему гражданину казенные атрибуты: постельное белье (две простыни, одеяло, наволочку), матрас, полотенце, иногда, зимой, нижнее белье (солдатские кальсоны с завязками внизу и нижняя рубаха, майка, трусы. Кальсоны эти мало кто носит, но зато они хорошо горят, доводя до кипения чифир в казенной алюминиевой кружке. Одеяло превращается в теплую безрукавочку; из простыни можно нарезать полосы для запуска "коня" в "хату" ниже этажом. Вычтут, конечно, за порчу какие-то деньги, но это когда будет! А польза - вот она, сей час!

Вход в камеру

Наконец по три-четыре человека ведут пупкари (надзиратели) по мрачным коридорам тюрьмы, передают коридорным дежурным. Звякают засовы, скрипят замки, открывается тяжелая дверь, покрытая стальным листом, - вы протискиваетесь, с трудом удерживая матрас и мешок, в камеру; пупкарь подталкивает, энергично запирает дверь - и на вас устремляется десяток пар глаз тех, с кем вам отныне придется делить тяготы и скромные радости тюремной жизни.

Можно лишь посмеяться, вспомнив "входы в хату" из советских и нынешних кинофильмов. Ангельских лиц не увидишь в настоящей тюрьме, но и рожи вроде Доцента из "Джентльменов удачи" - большая редкость.

Сейчас во многих тюрьмах разрешены телевизоры. Если "хата" большая (в Бутырке, например), то телевизор не помеха. Но трудно представить "ящик" в маломерной и переполненной "хате" питерских "Крестов". (На тюремной "фене" (жаргоне) "телевизор" - шкафчик настенный без дверок, с полками, на которые кладутся пайки, кружки и все остальное, аналогичное.)

Встреча новенького нынче происходит кое-где абсолютно равнодушно, без всякого интереса. По свидетельству очевидца - на его появление в "хате" никто даже не повернул головы, настолько "граждане" были увлечены просмотром очередного "сеанса" аэробики или шейпинга. (Кстати, "сеанс" потюремному - изображение женщины в обнаженном или полуобнаженном виде, эротика, порнография. Раньше это были открытки, рисунки, теперь же "сеанс" можно раскавычивать - слово обрело буквальное воплощение.)

Встречают по-разному, входят тоже... Кто - как в дом родной, а кто - как будто падая в некую бездну, со страхом и неведением.

"Хата" (камера)

Разные тюрьмы, разные "хаты". Тюремный закон - один для всех. Имею в виду не писанные на бумаге инструкции МВД и статьи Кодекса, а десятилетиями вырабатываемый негласный закон, или, как еще говорят, "понятия". Именно "понятия" (а они как бы шире закона) определяют основные принципы сосуществования огромного числа зеков России в тюрьмах и зонах.

Знакомство с "понятиями" (или отсутствием таковых) начинается с тюремной камеры (хаты).

Многие "первоходочники", особенно - малолетки, уверены, что право сильного, практикуемое на улице (дискотеки, тусовки), - и есть основа тюремного закона. Результатом этого заблуждения

является, например, так называемая "прописка", распространенная в "хатах" общего режима и у малолеток.

Подлянка

В некоторых следственных изоляторах (СИЗО) существуют процедуры встречи и испытаний несовершеннолетних правонарушителей, прибывших в камеру.

Чтобы определить, что представляет собой прибывший в камеру новичок, бывалые молодые арестанты разработали систему испытаний, с помощью которой устанавливают, знает ли он обычаи, поступки, правила поведения в определенных ситуациях камерной жизни.

Эти обычаи и правила, знание которых свидетельствует о близости человека к преступной среде, называются "подлянкой". Если новичок их знает, то это говорит о том, что он сознательно шел на преступление и готовил себя к тому, что окажется в ИТУ, а значит, с ним нужно держаться как с равным. Если новичок не знает подлянки, он может подвергнуться унижениям.

Изучение прибывшего в камеру начинается с расспросов о его биографии. Кто его родители, с кем дружил. Есть ли у него кличка. Кличка сама по себе создает определенное положительное отношение к нему. Если нет клички, то применяется обычай "кидать на решку", то есть кричать в окно: "Тюрьма, дай кликуху!" Если новичок соглашается на эти процедуры, всем становится ясно, что он - неопытный человек, и ему дается кличка, как правило, презрительная. Это первый шаг к подавлению и даже травле неопытного человека.

Следующим приемом проверки является реагирование, например, на брошенное полотенце, одежду и т.п. Если пришедший обладает познаниями в подлянке, то он должен не только не поднять этот предмет, но и наступить на него и вытереть ноги. Осведомленный о сущности подлянки не поднимет упавшее мыло во время туалета. Иногда при передаче мыла новичку подлянщик специально роняет его. Если новичок поднял его, то этим самым "поклонился" (покорился). Правило такое: "Не я ронял, не я должен поднимать".

Затем наступает следующий этап проверки такого новичка под видом различных игр, как правило сопряженных с физическим воздействием. Применяется игра в "Хитрого соседа". Суть ее заключается в том, что ему завязывают глаза, предупредив, что кто-то из двоих сокамерников будет бить его книгой по голове до тех пор, пока он не угадает бьющего. Однако удары наносят не двое, а сам распорядитель. Естественно, что не знающий этого подросток никогда не угадает ударяющего и "игра" может перерасти в избиение. Знающий этот обычай угадает с первого раза и будет избавлен от истязания.

Не менее жестокой является игра "Посчитать звезды". Новичку завязывают глаза, ставят на табурет, затем выбивают табурет из-под ног и спрашивают, сколько звезд он увидел при падении. В соответствии с названной цифрой он получает количество "морковок", т.е. ударов мокрым полотенцем, свернутым в жгут. Знающий еще до игры заявляет, что никаких звезд он не увидит, и освобождается от проверки.

Аналогичное назначение имеют и другие игры: "Солнышко", "Самосвал", "Лихой шофер", "Велосипед" и т.д.

После названных испытаний, если новичок не выдержал их, он зачисляется в разряд "чуханов".

Такому подростку под угрозой расправы предлагается на выбор либо чистить парашу, либо съесть кусок мыла. Если соглашается на первое предложение, его зачисляют в разряд "помоек", "ложкомоек". Во втором случае он становится "чушкарем".

В подлянке существует обычаи, с помощью которых лидеры обирают подростков. Так, намереваясь попросить новичка подать что-либо из ящика для продуктов, более опытный сокамерник кладет там, например, сахар так, чтобы он при открывании дверцы упал и таким образом "опоганился". Взамен "опоганенного" сахара он требует возмещения в многократном размере.

"Прописка"

Ни вопросы, ни загадки не требуют большого ума и сообразительности. На стене изображен тигр: "новенькому" предлагают подраться с ним, и он сбивает о стену кулаки до крови под насмешки сокамерников. (А всего-то навсего надо было сказать: "Пусть он первый ударит").

Могут спросить: кем хочешь быть, летчиком или шахтером? Если шахтером, то должен пролезть по полу под всеми шконками (После этого к тебе и относиться будут соответственно: под шконками спят "чушки", "петухи" и прочие "низкие" масти). Летчиком? Полезай наверх и прыгай вниз головой на шахматную доску с ферзем в центре. Конечно, удариться лбом о ферзя не дадут, поймают, но кто из новеньких знает об этом?

"Прописка" хоть и груба, примитивна, но, конечно, скрашивает однообразное течение тюремной жизни. Беда в том, что она часто превращается в беспредел. Шуточная жестокость оборачивается жестокостью настоящей; нарушаются "понятия"; страдают в общем-то без вины виноватые...

На "прописку" есть и ограничения: она не делается зекам старшего возраста (примерно от тридцати лет), больным и т.д. Впрочем, нынче это "мероприятие" становится редким явлением в тюрьмах. "Прописки" и раньше-то не было в "хороших", "путевых", "правильных хатах"; здесь тоже развлекались, но преобладали в общем-то безобидные приколы.

"Правильная хата"

В такой "хате" живут по "понятиям". С тобой поздороваются, но не станут расспрашивать о перипетиях дела, а объяснят элементарные правила камерного распорядка (они во всех тюрьмах одинаковы в общих чертах, различаются лишь в мелочах).

Скажем, в "хатах" одной из тюрем "телевизоры" (шкафчики) были с шторками, поэтому садиться на "парашу" (унитаз) при открытых шторках было нельзя. Хотя во многих тюрьмах эти "телевизоры" вообще без шторок.

Правила жизни в "хате" вполне соответствуют обычным правилам общежития на воле. Во время еды других - не садись на унитаз; мой руки перед едой, не садись за стол в верхней одежде. Не свисти. Не плюй на пол. Аккуратно ешь хлеб, не роняй его, как и ложку ("весло"), кружку, шлюмку (тарелку).

Никто никому не прислуживает, никто никому ничего не должен. Камеру убирают все, в порядке очереди.

Чем строже режим, тем меньше мата. Не потому, что зеки, так сказать, "исправляются", перевоспитываются: меньше мата - меньше риска быть неправильно понятым. Вставленное в речь "для связки" известное слово "бля" может быть истолковано собеседником как оскорбление, имеющее прямой адрес. И уж тем более нельзя никого посылать на..., это тягчайшее из оскорблений. Поэтому, скажем, рецидивисты, отбывающие срок на особом режиме, почти не используют нецензурных выражений и беседуют в основном тихими и ровными голосами, никому не мешая и не вызывая отрицательных эмоций.

Первоходочники, конечно, злоупотребляют остатками "вольной лексики". Поэтому спорные ситуации часто разрешаются с помощью кулаков. Желательно, чтобы эти ситуации вообще не возникали, поэтому лучше всего первое время присматриваться к поведению тех, кто, хотя бы на прикидку, ведет себя по "понятиям".

С каким бы чувством вы ни переступали порог тюремной камеры (хаты) - это теперь ваш дом. А дом нужно обживать и благоустраивать. Нужно учиться "маленьким хитростям" тюремного быта и ни в коем случае не считать тюрьму "транзитом" собственной жизни. Если ваш срок - три, четыре, пять лет (ведь не пятнадцать!), то все равно это весьма приличный отрезок жизни: вот тут-то к месту знаменитый афоризм Н. Островского, вернее, его часть: "...и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно" (конец цитаты).

УСТРОЙСТВО ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Настоящий зек стремится благоустроить свою жизнь с первых дней пребывания в неволе - в тюрьме. Кто-то наклеивает на стену возле шконки портрет эстрадной дивы ("сеанс"), другой кроит какието, казалось, бессмысленные занавесочки; третий утепляет одеяло кусками старого пальто - и

т. д. и т. п. Все аккуратно разложено, никакого беспорядка в камере, никакой, по возможности, грязи. Никто не ставит ботинки под изголовье и не кладет носки под подушку...

Живность

Большое место в жизни зека занимает борьба с насекомыми, которых в тюрьме представляют в основном клопы и тараканы. С клопами борются огнем и водой: выжигают, поливают кипятком и т. д., но ненадолго отступив, кровососы переходят в контрнаступление еще большими силами: десантируются на людей с потолка, нападают маневренными группами по 810 клопов сразу. На место погибших "бойцов" тут же встают новые.

Иногда зековский коллектив не выдерживает в прямом смысле кровопролитной битвы и призывает на помощь химические войска в виде зека из хозобслуги, с резервуаром хлорофоса. Вместе с клопами под удар попадают и зеки, которых заталкивают в камеру через час после дезинфекции...

С тараканами бороться бесполезно, если они есть. В "Крестах", например, распространены тараканы большие и черные: настолько большие, что когда они грызут завалявшийся сухарик, то слышен зловещий хруст. Эти гиганты в общем безобидны; в некоторых "хатах" им давали имена: Аркаша, Бим, Мандела, Хачик и др.

Вши в тюрьме редкость; вшивого тут же выгоняют в прожарку вместе с матрасом сами зеки.

Мыши чаше всего забава, если, конечно, нет среди сокамерников чересчур рьяного мышененавистника... Крысы - такая же редкость, как и вши, а другой живности нет вовсе.

Досуг (поделки, приспособления)

Времени на досуг много - оно все твое. Заняться нечем: азартные игры - удовольствие не для всех, книги тоже. Многие мастерят из подручных материалов всевозможный ширпотреб: авторучки из носочных синтетических ниток, шахматные и иные фигурки из хлебного мякиша, окрашенного табачным пеплом, крестики из расплавленного полиэтилена.

Художники расписывают "марочки" (носовые платки): кому парусные корабли, кому портреты любимых, кому - Кинг-Конг, трахающий красавицу...

Можно сшить тапочки или утеплитель на поясницу - из одеяла; можно...

Впрочем, нынешняя "демократизация" коснулась и тюрем: в некоторых СИЗО гонят самогон, заквашивая плесневеющий хлеб в полиэтиленовых кульках. Во многих камерах есть телевизоры, они и скрашивают существование - футболом, боевиками и навязчивой эротикой музыкальных клипов.

Книги и газеты

Книги в тюрьме есть.

Некоторые даже читают их: в основном это отечественная и зарубежная классика без многих страниц, использованных на самокрутки и на изготовление игральных карт. Иногда удается сговориться с библиотекарем-разносчиком, он может исполнить заказ на определенную литературу: ведь о тюремных и лагерных библиотеках ходят легенды. В 1985 г. я видел в лагерной библиотеке собрание сочинений Станиславского, брал для прочтения "Бесов", сборник статей Ролана Барта по лингвистике, Леви-Стросса; романы "На ножах" и "Взбаламученное море" Писемского... Попробуй найди в те годы в штатной городской библиотеке... изъятый из фондов роман Г. Владимова "Три минуты молчания".

Можно выписать газеты и журналы. Раньше выписывали больше, теперь меньше: не та цена. Возможностей скрасить тюремно-лагерную жизнь много, везде они разные. Меняются времена, меняются нравы - избитая, но верная сентенция. Многое зависит и от администрации, которая или ужесточает систему запретов, или дает какие-то поблажки. Делается это чаще всего произвольно, ибо никак не может повлиять на т.н. "дисциплину" и общий порядок жизни.

ОБЩЕНИЕ С ПЕРСОНАЛОМ

Помощнички

К "персоналу" тюрьмы относятся все, кто носит форму внутренних войск (надзиратели, корпусные старшины, оперативники-"кумовья", врачи и медсестры), а также зеки хозобслуги (баландеры пищеблока, разновидные шныри-уборщики, электрики и санитары, сантехники, банщики, парикмахеры и фотографы).

Для зеков хозобслуги существуют все льготы "козлов" зоны, однако всегда есть опасность нарушений, за которые могут отправить в зону - это этап, боксы, "столыпинский" вагончик, пересыльные тюрьмы - и опасность быть узнанным и в лучшем случае покалеченным.

Зеков, оставленных отбывать срок в СИЗО, конечно, хорошо кормят - за счет остальной братвы, томящейся в душных камерах. Раздача пищи развратит любого: один баландер раздавал сахар, соорудив второе дно в ковшике и уменьшив пайку на треть; другой привязал к черпаку большую недоваренную рыбу, и всякий, кто видел эту рыбу через "кормушку", думал, что она попадет ему в шлюмку (миску). Однако рыба сваливалась вниз и висела на веревочке. "Эх, - думал зек, - не попала, гадина..." За такие фокусы с едой, конечно, могут жестоко наказать. Но и баландер в безвыходном положении: ведь сахар выдает другой, более упитанный "козел", и сахару этого не хватит на всех, если придерживаться нормы... И себе надо прибавочку сделать. И рыбку съесть...

Наказать могут мгновенно: выплеснут в лицо горячую кашу, а затянут в "кормушку" - глаз выбьют или надругаются самым похабным образом.

Через баландеров, однако, передают малявы (записки) в другие "хаты". Движимый подсознательным страхом раздатчик пищи иногда доносит маляву по назначению, но чаще - в оперчасть. Исключение составляют, может быть, лишь авторитетные отправители и адресаты, могущие согнать баландера с "жирного" места, нажав на неведомую блат-педаль... Иных моментов соприкосновения с этой частью персонала у правильного зека нет. Ну, баня, фото, прожарка...

Начальнички

Персонал в форме намного ближе к зеку. В тюрьме строгих правил пупкарь (надзиратель) заглядывает в камеру через глазок довольно часто. Если что-то показалось подозрительным - открывает "кормушку" и смотрит через нее. Если происходит что-то из ряда вон выходящее - зовет подмогу и с ней входит в камеру.

Начинается шмон (обыск) - незапланированное мероприятие, нарушающее жизнь зеков самым бессовестным образом. Отнимаются в первую очередь самодельные карты, всяческие поделочки и острорежущие и колющие предметы. В зависимости от настроения пупкарь может засветить кому-нибудь подвернувшемуся под руку деревянным молотком по ребрам. Таким молотком проверяют "решку" (решетку) - как звенит? нет ли надпила? - и "кабуру" (стену) - нет ли подкопа?

Однако тот же самый пупкарь за определенную сумму принесет в камеру все, что угодно: чай, водку, сигареты. Или на самых выгодных для себя условиях обменяет вышеуказанное на хорошие вещи. Скажем, новорусский красный "лепень" (пиджак) ушел бы, наверное, пачек за 5 индийского чая... Ну ладно, за 10... А кожаная "бандитка" - за литр суррогатной водки в грелке... "Рыжье" (золотые изделия) ценится выше, но предлагать его опасно: могут провернуть шмон и "отмести" товар без отдачи.

Многое в жизни зека зависит от пупкаря. (На юге их называют почему-то "цириками".) Пупкарь ведет зека на прогулку, к врачу; в его власти - вовремя оказанная медпомощь, пусть она и примитивна. Он может передать если и не маляву (хотя и такое возможно), то хотя бы сообщение родным: жив, мол, здоров, передайте курево и побольше сала. Пупкарь принимает жалобы и заявления, первым реагирует на объявленную голодовку или вскрытые вены, иногда просто беседует на различные темы с кем-нибудь из зеков. "Уболтать" его как мента из КПЗ довольно сложно: в тюрьме служат люди опытные. Они в общем-то "сидят", но бессрочно. Попадаются легендарные личности вроде прапорщика по кличке Маргарин в Каширской тюрьме, которого помнят до сих пор многие поколения зеков.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, МАМА...

Довожу до вашего сведения...

Милиции не обойтись без сексотов, стукачей, топтунов, тихарей - всевозможных агентов, доносчиков, провокаторов. Знакомство с этой частью мира тюрьмы и зоны у новоявленного зека начинается иногда уже в КПЗ. Возможно, в каких-то камерах ставят (и ставили) подслушивающие устройства, но, видимо, чтобы получить важную информацию, нужно еще и разговорить жертву "стука". А для этого требуется свойский бывалый "паренек", желательно - прилично татуированный и умеющий славно "ботать по фене". Именно на такого напоролся один мой знакомый, и не в КПЗ, не в тюремной камере, а в коридорчике прокуратуры, куда явился на допрос. Следователь сказал: обождать... Тут же уныло отсиживался на стуле видавший Крым и Рым дядя, подначивший наивного моего товарища на разговор. Сам "дядя" вел этот разговор в основном через "век свободы не видать" и "бля буду" и популярно и авторитетно разъяснил, что нужно делать, чтобы не сесть. Проговорили они битый час, после чего "дядя" зашел к следователю (по очереди, братан!). Вскоре "дядя" вышел из кабинета и исчез, а приятель из того же кабинета отправился в КПЗ - и на долгие пять лет в зону усиленного режима. Так закончилась его встреча с так называемой "вольной наседкой".

"Наседки" - непременный элемент той части тюрьмы, где обитают подследственные. Они "работают" в четком взаимодействии с милицией, прокуратурой и тюремной администрацией. Они вызывают на разговор, втираются в доверие к "объекту" и выуживают из него сведения для дознавателей. Это может быть информация о местонахождении краденых вещей, "подельников", оружия - да чего угодно! Судьба их, в случае разоблачения, незавидна: хорошо, если просто надругаются, не станут ломать ноги, руки, позвоночник; душить полотенцем. Если "наседка" успеет выломиться с хаты, застучит руками и ногами в железную дверь, то ее спасут контролеры: переведут в безопасное место: в санчасть, в другую камеру...

Само понятие "стукач" долгое время ассоциировалось у нас в основном с "политикой"; в основном это было стукачество примитивное: кто-то что-то где-то сказал о ком-то или о чем-то; написал нечто выходящее за рамки идеологии... сообщить об этом в "органы" мог вполне обычный, но чересчур бдительный гражданин. Но, видимо, существовали (и существуют) не просто "стукачи", а профессиональные сексоты. В котельной, где я работал, местная милиция сжигала как-то раз ненужную документацию: в этой куче много было чего интересного. На глаза мне попалась карточка на выбывшего (умершего) сексота - вполне официальный документ. Особенно удивила графа "В какой преступной среде может работать (ненужное зачеркнуть). И далее следовало: "молодежь, наркоманы, таксисты". К карточке были приколоты корешки расходных ордеров, все почему-то на 30 рублей...

Зоновские стукачи делятся на должностных и подневольных. Завхоз отряда, шнырь, нарядчик и другие, подобные им, должны докладывать администрации (начальнику отряда, оперу) о происходящем. Поэтому никому и в голову не придет вести опасные разговоры в их присутствии. Куда опаснее стукачи из "своих", попавшие в эту "струю" под угрозами "кумовьев" (оперчасти), запуганные, буквально зомбированные своим страхом. Они могут делить с тобой кусок хлеба, пить чифир, беседовать на жизненные темы
- и тут же сдавать "с потрохами" всю подноготную. Помнится, какой-то доброхот подслушал мой разговор с приятелем: тема была сугубо церковная
- нынче безобидная. А тогда, в 1985 году, я едва не загудел в ШИЗО. "Куму" церковная тема не понравилась, и он провоцировал нас с приятелем на откровенную грубость. Кто конкретно "стукнул" - я так и не узнал. Отделался лишением "ларька". А приятель - лишением краткосрочного свидания...

Расправа со "стукачом" в зоне такая же, как и в тюрьме. Если повезет
- могут расколоть на голове табурет или сделать "Гагарина": затолкать в тумбочку и сбросить со второго или третьего этажа. Еще безобидней - групповое надругательство и опущение до разряда "петухов".

В общем, "стукаческий" хлеб тяжел и горек, и участь их незавидна. Редкий из них доживает до мемуарного возраста.

А распознать "стукача" - проще простого. Сидит он, как будто письмо пишет. Бормочет: "Здравствуйте, дорогие мама и папа!.." А загляни через плечо - а там: "Довожу до вашего сведения..." Попался, голубчик!..

А если серьезно - избегайте, особенно в тюрьме, опасных разговоров, касающихся вашего "дела". По тюремно-лагерным "понятиям", никто не имеет права расспрашивать вас о перипетиях дела, если вы под следствием; да и в зоне это не принято, равно как и вопросы о статье: мол, за что? где? как? Кому надо, узнает все сам, без вашей помощи.

ОБЩЕНИЕ С ТЮРЬМОЙ

Иногда вновь прибывшему предлагают взять "погонялово" (кличку) - крикнуть с решки: "Тюрьма, дай кличку!" И тюрьма откликается: одни отвечают серьезно ("Косой!" "Сизый!" "Чума!"), другие хохмят, предлагая клички типа "Петушок", "Козлик", "Полкан" и т.д. и т.п. За это и сами облаиваются другими "хатами". Так забавляются первоходочники и малолетки.

Общение с соседней камерой везде осуществляется по-разному. Можно откачать в унитазе воду и общаться как по телефону, а то и передавать всякую всячину: курево, "малявы" и т.д. В одной из камер "Крестов" ухитрились разобрать кладку в вентиляционном отверстии и даже обменивались рукопожатиями. Можно склеить из газеты трубу и запускать стрелу с ниткой на решку противоположного корпуса (видел спецов: выдували стрелу очень далеко и очень точно). Менее распространено перестукивание, хотя это самый надежный способ.

Тридцать букв алфавита без "е" и мягкого и твердого знаков помещаются в такой таблице:

1	2	3	4	5	6
А	Е	л	Р	Х	ы
Б	Ж	м	С	Ц	э
В	З	н	Т	Ч	ю
Г	И	о	у	Ш	
	я д	К	п	ф	
	Щ				

- один удар - пауза - три удара - пауза - два...

К примеру, буква "Д" пять ударов; буква "М" - удара. И так далее...

В некоторых старых тюрьмах ухитрялись разбирать потолочные перекрытия и проникали в камеры ниже этажом, как в романе "Граф Монте-Кристо". Из тюрьмы в тюрьму ходят легенды о таких проникнивениях в женские камеры: "Эх, братва! Что там было!" В таких легендах есть доля правды, на пустом месте ничего не рождается...

С женщинами можно пообщаться заочно, покричать им, они ответят, могут даже спеть что-нибудь радостное или печальное. В Выборгской тюрьме из мужского отделения бани пробурили отверстие в женское и видели в него - да что, собственно, такого можно увидеть сквозь метровую толщу и дырку два сантиметра в диаметре?!!

В той же тюрьме запуливали малявы на улицу, переговаривались с подружками, приехавшими поддержать дорогого человека.

Сейчас, говорят, в некоторых тюрьмах за определенную мзду пупкарь может сводить зека в другую "хату" - пообщаться с "кентом" (другом). Да и к женщинам, наверное, водят... Главное, живым оттуда прийти.

ФОРМЫ БОРЬБЫ ЗЕКА ЗА СВОИ ПРАВА

Зек имеет право жаловаться.

Впрочем, в недавние еще времена на жалобы почти не обращали внимания. Зек требовал прокурора по надзору, а оперчасть присылала тюремного "пожарника": он выслушивал претензии и обещал наказать виновных, что-то разрешить и т.п. Однако грамотные жалобы иногда имели действие.

Один мой знакомый в ответ на сорванный крест написал четыре бумаги: Горбачеву, Патриарху Московскому и всея Руси, Генеральному прокурору и почему-то Валентине Терешковой. Жалобы никуда не отослали, конечно, а крест вернули, хотя за сутки до этого начальник оперчасти обещал из жалобщика сделать "католика": "Подвешу к трубе: ты у меня, рожа, без почек останешься!" Сейчас, слава Богу, кресты не срывают...

Что-либо просить у администрации чаще всего бесполезно. То, что тебе положено на законных основаниях, - они сами дадут, а исключение из правил делать не будут, даже если это допускается законом и инструкциями МВД.

Можно объявить голодовку. Однако согласно "понятиям", ее нужно довести до конца. Так же как и в остальном: пригрозил - исполни, достал нож - бей. Жестоко, может быть, но иначе нельзя. Потому что снятая безрезультатная голодовка дает администрации повод не реагировать на подобные протесты других зеков.

Некоторые зеки вскрывают вены: на эти штуки менты перестали реагировать уже давно. Более впечатляет вскрытие брюшной полости и вываливание собственных кишок в алюминиевую шлюмку - перед изумленным и испуганным пупкарем. Но это для серьезных людей. К тому же существует точный способ исполнения этого действа, не все с ним знакомы. Это не харакири, не ножичком специальным делается, а заточенным "веслом" (ложкой)...

Глотают и эти самые "весла" - с целью попасть в санчасть, уже в зоне - сварочные электроды.

Сейчас в тюрьмах участились бунты, но ничего хорошего они зекам не сулят. Временные послабления, временные нормы питания. Месяц прошел - все возвращается на круги своя. Однако нельзя отрицать право зека на протест в любой форме: бывают исключительные обстоятельства, когда только бунт способен изменить тяжелое положение большинства.

Подавляются бунты, как в тюрьме, так и в зоне, жестоко. Под мясорубку карательных мер попадают все без исключения: одних убивают, других сажают, третьих избивают до частичной потери здоровья.

Есть еще один способ борьбы: забастовка. Но в условиях зоны этот способ легко провоцируется администрацией в бунт: у оперчасти всегда найдутся помощники-провокаторы, да и весьма велика возможность нервного срыва практически у любого зека...

При любой форме протеста, если руководствоваться тюремно-лагерными "понятиями", необходимо стоять до конца. Сломленная натура теряет уважение. А потеря уважения - увеличивает тяготы тюремной (и зоновской) жизни вплоть до невыносимых...

ФОРМЫ БОРЬБЫ АДМИНИСТРАЦИИ С ЗЕКОМ, ОТСТАИВАЮЩИМ СВОИ ПРАВА

Если говорить о зоне и тюрьме как о модели свободного общества, в которой концентрируются все пороки и положительные стороны, то легко можно предугадать любые изменения - как в инструкциях МВД, так и во внутреннем смысле "понятий". Демократизация, либерализация - с одной стороны; беспредел с другой; также и наоборот...

Основные формы подавления в тюрьме и в зоне - карцер, пониженное питание, лишение передач и свиданий, физическое насилие, унижения различных видов, вплоть до угрозы перевода (в тюрьме) в "петушиную хату". Да и в некоторых зонах практикуются такие методы.

Нет ничего страшнее "пресс-хаты". Это специальная камера, в которой отсиживаются приговоренные (по тюремному закону) зеки: стукачи, фуфлыжники, крысятники и просто отмороженные мордовороты, возжелавшие вкусить возможных благ и боящиеся зоны как огня... Тут вытаптывают из "почтальона" воровскую маляву, денежный грев, выбивают показания или местонахождение денег из особо упрямых подследственных. Сплошь и рядом существование "пресс-хат" отрицается, но и подтверждается многочисленными свидетельствами прошедших этот ад земной. Вот что происходило в одной из "крытых" (истинных тюрем), по свидетельству очевидца:

"...Людей с этапа, подозреваемых в том, что они провозили деньги или иные ценности, кидали "под загрузку" после распределения в какую-либо из "пресскамер", где их избивали до полусмерти, забирали все вещи, которые были при них, и все более-менее ценное. Деньги обычно провозили в желудке: их запаивали в целлофановые гильзы и глотали. В "пресс-камерах" об этом знали. Людей, которых закидывали с этапа, "лохмачи" привязывали к батарее, заставляли оправляться под

контролем и держали до тех пор, пока не убеждались, что все деньги вышли. Золотые зубы или коронки вырывали изо рта или выбивали. Все награбленное "лохмачи" оставляли себе, а избитого и ограбленного заключенного... передавали надзирателям. Золото, деньги и другие ценности передавали оперу, закрепленному за данным корпусом. Этот опер снабжал "лохмачей" чаем и куревом. Утаить что-либо от опера "лохмачи" не могли, ибо "опер" ("кум") периодически вызывал каждого в отдельности на беседу и узнавал все..." ("Завтра", N 4, 1997, "Путь к свету", В. Податев.)

Возможно существование и т.н. "подпрессовывающих" камер, где создается, с целью воздействия на упрямца, невыносимая обстановка с все нарастающим давлением. Это потоньше, чем прямое выбивание, но тоже действует...

Карцер - пониженное питание, холод (или жара), сырость и туберкулез в перспективе. И надзиратели в карцерах особые: некоторые поливают пол водой, другие - самого зека... Лучше не попадать в карцер или в ШИЗО (в зоне); впрочем, лучше вообще не садиться в тюрьму.

Однако если попал - приходится терпеть, ибо по-простому сократить какие-либо сроки представляется невозможным. Шконка в карцерах закрывается в стену и на замок до 23 часов (как и на армейской гауптвахте), лежать нельзя, сидеть сложно... Чтобы зеки не особенно рассиживались в дневное время, в одной южной тюрьме пол сделали так называемой "шубой": такому проведению досуга позавидовали бы матерые йоги... На южных зонах морят в ШИЗО жарой, а на севере - холодом.

В сравнении с карцером и ШИЗО, ПКТ и "пресскамерой" всевозможные "лишения" кажутся со стороны детскими наказаниями. Однако когда человека, отсидевшего половину срока (5-7 лет), неожиданно лишали первой же положенной посылки, это было для него тяжелейшим ударом - даже более моральным, чем материальным...

Среднее звено администрации (пупкари, рядовые "кумовья", прапорщики) чувствует себя в местах лишения свободы вершителем судеб - их "непогрешимость" и Папе Римскому даст сто очков вперед.

Один мой знакомый угодил в карцер только по той причине, что был из города С. А именно в этом городе получил по морде начальник оперчасти - во время летнего отпуска. Другого отправили по этапу в город В., на Дальний Восток, только потому, что фамилия его совпадала с названием города: "кум" пошутил - и бедолага трясся в "столыпинском" вагоне долгих три месяца, прошел Крым и Рым многих пересылок, в том числе и беспредельную Новосибирскую...

Противостоять беспределу "администрации" можно лишь с помощью полного спокойствия во всем, при любом проявлении протеста: будь это законные жалобы и заявления или "незаконные" глотания электродов. Тут зеку ничего не потребно, кроме собственной воли, хотя с Божьей помощью лучше обойтись без насилия над своими внутренними органами и больше давить на внутренние органы "системы".

Несомненно, что "Система" та же, что и десять - пятнадцать лет назад. А двадцать лет назад начальник оперчасти одной из зон с гордой злобой говорил автору: "Я - сталинский сокол!"

РАЗДЕЛЕНИЕ: КАСТЫ, МАСТИ, РАЗРЯДЫ

В местах лишения свободы заключенные делятся на несколько довольно замкнутых групп. Это блатные, мужики, козлы и неприкасаемые, парии тюрьмы и зоны - петухи (гребни, пивни, шкварные, опущенные, обиженные), пернатые, кочеты и т.д. и т.п.

Рассмотрим сначала весьма длинную историю происхождения этих каст.

РАЗДЕЛ I

Короли и пешки

"Сучья война"

Когда появились воры в законе, никто точно сказать не может. Также сложно проследить, откуда взялось это словосочетание. На этот счет имеется несколько версий. По самой стойкой из них, такое звание носит преступник, принятый в воровской тайный орден и соблюдающий все его

законы. Воры в законе - не только элита криминального мира, это его лидеры. Они полностью отвечают за порядок в тюрьмах и колониях, формируют новые преступные кадры, выступают в роли третейских судей и во многих случаях даже распоряжаются жизнью обычных зэков. Большинство криминалистов и криминологов считает, что воры в законе появились в начале тридцатых годов. По крайней мере, до Октябрьской революции и в первый десяток лет после нее это понятие нигде не появлялось. Предводители блатного клана родились в эпоху наибольшего подъема тюремно-лагерного искусства молодого СССР. Ничто с такой быстротой и охотой не создавалось, как Главное управление лагерей, возведенное, прежде всего, из экономических соображений. Бесплатная рабсила, помноженная на многомиллионную массу, осваивала рудники, строила каналы, магистрали и города. При управлении лагерей существовали ученые, изучавшие физиологию человека, чтобы до минимума сократить продовольственные и прочие расходы на могучую армию зэков, растянувшуюся по всей территории Советского Союза.

Длительные сроки заключения превращали тюрьмы и лагеря в дом родной, требовавший порядка или, хотя бы, его подобия. Огромная пронумерованная армия нуждалась в своих генералах, в рычагах внутреннего управления. Появление лидеров приветствовали все: и администрация лагерей, и сами зэки, особенно политические, страдавшие от уголовной братии. Неформальными надзирателями становились воры в законе, вышедшие из жиганов и урок. И те и другие относились к элите блатного мира.

Многие исследователи криминального мира считают, что зона сама выбрала своих вожаков. Но наряду с этим мнением есть еще одно, и довольно любопытное. Лидеров вполне могли создать сами чекисты, народ, как известно, находчивый и изобретательный. Так как тысячным конвоям и В ОХРам наводить порядки в миллионной толпе с каждым годом становилось все сложнее, ставку сделали на самую развитую и самую авторитетную категорию уголовников-рецидивистов - карманников и шулеров. Их втянули в борьбу за власть, а победившим эту власть предоставили. Вся эта многоходовая комбинация проигрывалась в чрезвычайном секрете, втайне от самого ГУЛАГа. О своей тайной миссии не подозревали даже воры в законе, настолько умело исполнили эту закулисную интригу отцы НКВД. Якобы они и приплюсовали "в законе" к уже имеющимся "ворам". По другой версии, законниками стали называть себя сами лидеры, создавшие и чтившие свои воровские законы.

Воровской орден креп и развивался, пополняя свои ряды новыми вожаками-профессионалами. Кадровая политика была жесткой. Вором в законе мог стать далеко не каждый, даже из числа матерых уголовников. За несколько лет в тюрьмах и лагерях исчез внутренний хаос, царивший на каторге и в новоиспеченных лагерях. К режимному распорядку зэков прибавился воровской устав, запрещавший резать и душить друг дружку просто так, ради скуки, воровать у соседа, дебоширить и отлынивать от работы.

Нарушители карались жестоко. Самыми тяжкими грехами здесь считались оскорбление или убийство вора в законе. За этим почти всегда следовала смерть. Любой из рядовых уголовников считал за честь отомстить за преждевременную кончину вора: это объяснялось шкурным интересом, то есть "продвижением по службе". Администрация тюрем и лагерей сквозь пальцы смотрела на проделки и обычаи воров и старалась не вмешиваться. Законники не работали, питались за двоих, спали на лучших нарах и следили за порядком в зоне.

Появился общак - воровская касса для грева (поддержки) больниц, карцеров, пересылок, СИЗО. Воры в законе облагали данью всех зэков. Выигравшие в карты или кости обязаны были платить налог с выигранной суммы. Платили деньгами, папиросами, спиртом, хлебом. Лагерным общаком распоряжались смотрящие.

За все ЧП воры в законе лично несли ответственность перед сходкой (или сходняком) - высшим органом воровской власти. Только сходка принимала в свои ряды новых членов, распоряжалась воровской кассой, назначала и снимала смотрящих, а также карала самих воров в законе. Причем лишить лидера жизни мог только равный по званию, то есть такой же вор в законе.

После Великой Отечественной войны государство объявило войну ворам в законе, которых, по оперативным данным НКВД, уже насчитывалось несколько тысяч. В официальных инструкциях и переписке выражение "вор в законе" старались не употреблять. Уголовной элите даже придали другую уголовную окраску и стали называть "организованной преступностью". Лишь за принадлежность к ворам в законе можно было получить срок. Воров принуждали отказываться от своего высокого, потом и кровью добытого звания. Сломленные воры становились отказниками

(ссученными) и вполне могли погибнуть по приговору сходки, ушедшей в глубокое подполье. В воровском клане возникло противостояние, переросшее в "сучью войну".

Появились так называемые польские воры - криминальные лидеры, добровольно отошедшие от классических законников. Карающая длань державы, привыкшей воевать, каленым железом выжигала криминальных лидеров. Воровскому братству приходилось уже не карать предателей, а просто выживать. Тем временем ряды польских воров пополнялись развенчанными (бывшими законниками, лишенными сходкой воровского венца), осужденными за предательство Родины и обычными бандитами. Новоиспеченный клан воров оказался менее щепетильным в кадровых вопросах и мог наградить воровским венцом любого, кто имел реальную силу в уголовном мире. Между ворами в законе и польскими ворами началась борьба за власть в зоне и за воровской общак, который хранился не только в лагере, но и на свободе. Законники, предпочитавшие смерть безвластию, были сильнее и зачастую побеждали. Доходило до того, что польские отказывались переступать порог зоны, где правили воры в законе. Они охотно шли в актив и помогали администрации лагеря (таких именуют суками или кукушками).

Раскол в воровских рядах продолжался. Те, кто отошел от законников, но не примкнул к польским, принялись создавать в тюрьмах и лагерях свои кланы. Но они были малочисленны, слабы и власти практически не имели. К ним относились анархисты, ломом подпоясанные, красные шапочки, чугунки и др. Воров в законе они боялись и стычек с ними тщательно избегали.

Законники расправлялись с польскими беспощадно. Последних то и дело находили повешенными или с заточкой в сердце (коронный удар вора в законе). Администрация лагерей была бессильна. Законникам накручивали срок, держали их в карцерах и даже переводили в другие лагеря, но польские тихо вымирали. Были и такие, кто пытался отречься и от польского венца, но двойные предатели умирали еще быстрее. Естественно, случались жертвы и среди законников. Но в основном отказники работали тихой сапой - пытались скомпрометировать вора в законе, подорвать его авторитет, вызвать массовое недовольство его положением в лагере.

Наконец в 1955 году государство сказало "брэк". Враждующие кланы разошлись по отдельным спецлагерям. Начальникам спецлагерей строго запрещалось переводить воров из ИТК в ИТК. Через год МВД СССР образовало экспериментальный лагерь, где содержались лишь воры в законе. То есть собрали всех медведей в одну берлогу. (Такая "берлога" - Соликамская ИТК-6, именуемая в народе "Белый лебедь", - действовала и в 80-х). Это был "ход конем" - воры начали грызть друг дружку. Спецзона даже не пыталась заставить вора работать - вор скорее взял бы заточку, чем кайло или лопату.

Эксперимент заключался в другом. МВД по официальному заказу ЦК КПСС и Совета Министров СССР попыталось перековать рецидивистов, заставить их письменно отречься от закона. Другими словами, добровольно снять с себя воровской венец - "корону". В первый год эксперимента, когда использовались методы и кнута, и пряника, на путь исправления стали лишь единицы. Активисты) решившие досрочно освободиться, начали рассылать воровские письма-"малявы" во все отряды. В малявах просили следовать их примеру и трудиться на благо государства. Посланиям вняли еще несколько воров. Говорят, что активистов убили еще по дороге домой. К концу пятидесятых в СССР от прежнего воровского ордена 30-х осталось лишь три процента. После этого карательная машина успокоилась и торжественно объявила о кончине последнего вора в законе. Исправительно-трудовая система и милиция стали жить по принципу "как бы": воров в законе как бы не существовало, зэками правили как бы начальники отрядов, воровская элита превратилась в как бы обычную преступную группу. Тем не менее, власть в зоне по-прежнему принадлежала ворам в законе. Сердцем тюремно-лагерного архипелага - Колымой - правил тогда московский законник Ваня Львов, сидевший в лагере у бухты Ванино. Колымские зэки (колымаги) утверждали, что его опасался даже стотысячный ВОХР. Притом Ваня Львов слыл интеллигентом: не пил, не курил и заставлял шестерок доставать для него Достоевского и Чехова. И с тем, и с другим классиком вор готов был поспорить насчет сахалинских традиций, описанных в "Записках из мертвого дома" и в "Острове Сахалин". Спустя несколько лет куратор Колымы Иван Львов был убит наемником.

КОРОЛИ И ПЕШКИ

Воров в законе как клан игнорировали до середины 80-х годов. С началом перестройки государственные мужи были просто обязаны придумать новые методы борьбы с криминалом. Для

законников началась очередная "ночь длинных ножей". Один из сотрудников центрального аппарата МВД 30 января 1986 гола встретился со старейшиной уголовного клана Василием Бабушкиным по кличке "Бриллиант" в Соликамской ИТК-6 ("Белом лебеде"). Семидесятилетний вор-рецидивист слыл легендарной личностью и стоял у истоков создания воровского братства. Большую часть своей жизни - свыше 40 лет - Бриллиант скитался по пересылкам, тюрьмам и лагерям. Он был из той небольшой когорты воров в законе, которые не отреклись от звания и клана. Говорят, что в 1954 году по приказу сходки Бабушкин собственноручно отправил на тот свет троих завязавших законников. За всю жизнь он ни дня не проработал на государство и до войны курировал несколько зон на Урале и Сахалине. Последние годы Бриллианта содержали в камере-одиночке и тщательно скрывали его местонахождение. Камеру начисто лишили дороги (воровской связи) и в контролеры ставили самых верных офицеров внутренних войск, чтобы полностью оградить живую легенду от внешнего мира. После этой встречи Бриллиант прожил недолго. Обстоятельства его смерти остались загадкой. Предполагают, что его задушил наемный убийца.

Во время встречи, которая длилась несколько минут и о которой спустя семь лет писали газеты. Василий Бабушкин сказал:

"Не списывайте все преступления на воров и не делайте из них козлов отпущения. Мы несем свои крест чистоты воровской жизни. Она чище, чем вся ваша государственная конюшня. Сегодня вы нас в петлю толкаете, а завтра, когда мы уйдем, удавка затянется на вашей шее. Я не случайно парюсь в одиночке. Сижу без грева. А все потому, что хотел собрать общий сход. Братва должна понять, что нам грозит разложение, нас хотят натравить друг на друга. Откуда этот ветер дует? Похоже, с Запала. Видно, опасаются нашей идейной сплоченности и хотели бы нас разобщить. Сиволапые (антисоветчики - авт.) топтали зоны, потом двинули за кордон. А там сообщили, что значит в России сила нашего братства. Вот вспомнилось! Я встречался с Буковским на централе во Владимире. Он хотел тогда втянуть братву в политику, чтобы преступный мир поддержал диссидентов. Но у нас нет хозяев, а у них у всех хозяева на Западе. Наша позиция пришлась не по вкусу политическим. И теперь для них преступный мир, как и Россия, словно кость в горле".

Сегодняшнее количество воров в законе, скажем, в России, назвать сложно. Воровской клан умеет беречь свои тайны, и данные о них получают лишь оперативным путем с помощью агентуры и технических средств. Особо богат на законников Кавказ, где высший воровской титул можно приобрести за деньги. В тамошних ИТУ воров в законе больше, чем гае бы то ни было. Выходцев с Кавказа прозвали лаврушниками и апельсинами (вероятно, намекая на скороспелость).

До 80-х годов элита уголовной преступности, как таковая, не изучалась. Лишь с приходом к власти Юрия Андропова, корифея разведки и контрразведки, МВД и КГБ стали создавать зачатки агентурной сети в местах лишения свободы. Многие секретные агенты себя не зарекомендовали: уж слишком работа пыльная. Сексоты (секретные сотрудники) то и дело "падали с нар", "натыкались на штырь", "давились языком" и просто исчезали, так и не успев подготовить первый отчет.

Специалисты из МВД России предполагают, что лишь Москва имеет более 100 воров в законе. По России и странам СНГ их может быть свыше тысячи. Оперативная картотека ФСБ содержит информацию о 300-400 законниках: фамилии, клички, биографии, криминальный рейтинг, нынешнее место обитания.

Сложно назвать число законников еще и потому, что изменились значение понятия "вор в законе" и сам закон. Воры в загоне

Идею создания исправительно-трудовых лагерей нового типа предложил Сталину в 1927 году Нафталий Френкель, турецкий еврей. Советский Союз уже имел лагерную систему, призванную "исправлять через труд", но она была несовершенна. Советский зэк рассматривался прежде всего как преступник, а не как дешевая рабсила.

Нафталий Френкель родился в Константинополе. После окончания коммерческого института он открыл в Донецкой губернии предприятие по торговле лесом. Фирма находилась в Мариуполе.

Коммерческие начинания Френкеля имели головокружительный успех. Спустя несколько лет, он заработал первый миллион, на который были куплены пароходы. В Мариуполе Нафталий Аронович издавал собственную газету "Копейка" и продавал ее по предельно низкой цене. Издательское дело прибыли не сулило. Газета издавалась с единственной целью: обгадить конкурентов. На родину в Константинополь Френкель вернулся с началом Февральской революции. Вместе с Френкелем в Турцию перекочевал и весь его капитал.

О предприимчивом лесоторговце ГПУ вспомнило в середине 20-х годов и уже не забывало до самой его кончины. Через своих турецких агентов Главполитуправление предложило

сотрудничество. А именно: организовать в СССР под именем Нафталия Френкеля биржу по скупке драгметаллов и художественных ценностей. Эмигрант согласился и вернулся в Россию. Пока биржа имела успех, он пребывал на свободе и был неуязвим. Когда биржевые сделки начали затухать. Френкеля арестовали и отправили на Лубянку. По всей видимости, там и родился план по возведению новых лагеоей и реконструкции старых. Чтобы избежать Соловков. Нафталий Аронович решил доказать свою нужность и незаменимость для молодого советского государства. Ему удалось, используя старые связи в ГПУ, передать письмо со своими расчетами верхним чинам политуправления.

Френкеля все-таки отправили на Соловецкие острова. Но пока он шел по этапу, его письмо заинтересовало некоторых должностных лиц. По прибытии в соловецкий лагерь Френкеля поселили в отдельное помещение, приставили адъютанта и поручили руководить экономическим отделом лагеря. В 1928 году на Соловках уже внедрялась четкая схема по использованию человеческих ресурсов с максимальной отдачей и минимальными затратами. Френкель опробовал свои идеи, создав предприятия по изготовлению обуви. Он мог свободно перемешаться по лагерю, наблюдая за рабочим процессом и изучая микроклимат зоны.

В 1929 году Нафталия Ароновича пожелал увидеть сам Иосиф Виссарионович. На остров прилетает самолет и уносит изобретателя-рационализатора в Москву. Беседа со Сталиным шла при закрытых дверях. Когда двери открылись, Френкель имел особые полномочия и развернул свое бурное воображение на полную мощность. Он предложил ввести в лагерях обязательную трудовую повинность для каждого зэка (если он не болен и не пребывает в карцере), установить наряды и нормы. Для особо трудолюбивых зэков предусматривалось досрочное освобождение или дополнительный паек. По мнению Френкеля, порядок в зоне должен поддерживаться изнутри. Для этого необходимо сделать ставку на категорию зэков, которая имеет силу и лагерный опыт. Реальную силу и богатый тюремно-каторжный опыт имели профессиональные уголовники, а именно урки (авторитетные воры). Администрация лагерей получила негласные инструкции использовать воров, но никакие соглашения с ними не заключать. В качестве эксперимента выбрали Беломорстрой, где Френкеля ждала необычная должность - начальник лагерных работ.

За заслуги в строительстве Беломорканала бывший турецкоподданный получил новое назначение и возглавил строительство БАМлага. А за саму плодотворную идею Нафталию Ароновичу вручили орден Ленина.

Блатные распоряжались в зонах, посмеиваясь и подтрунивая над лагерным начальством. Культ воров служил не только для трудового порядка, но и для подавления массовых волнений среди "врагов народа". Блатарей, словно десант, выбрасывали в конфликтные зоны, где преобладали политзаключенные или где местная воровская власть дала сбой. Александр Солженицын в романе "Архипелаг ГУЛАГ" описал прибытие "блатного десанта" в кенгирский лагерь (Казахстан):

"Перед первомайскими праздниками в 3-й мятежный лагпункт... хозяева привезли и разместили шестьсот пятьдесят воров, частично и бытовиков (в том числе много малолеток) ". Прибывает здоровый контингент! - злорадно предупреждали они Пятьдесят Восьмую ("фашистов " - Авт.) - теперь вы не шелохнетесь". А к привезенным ворам воззвали: "Вы у нас наведете порядок!" И хорошо понятно было хозяевам, с чего нужно порядок начинать: чтоб воровали, чтоб жили за счет других, и так бы поселилась всеобщая разрозненность. И улыбались начальники дружески, как они умеют улыбаться только ворам, когда те, услышав, что есть рядом и женский лагпункт, уже канючили в развязной своей манере: "Покажи нам баб, начальничек!"

Свое новоселье в Кенгире воры отметили еще в карантинном бараке: разломали тумбочки и развели костры. Когда начальство попыталось закрыть "здоровый контингент" на ночь, уголовники позабивали замки щепками. Лагерь для них напоминал курорт. Ранним утром в промзону они шли вместе с политическими, но там они раздевались и загорали. Воровская молодежь нашла свое развлечение - забирала у надзирателей фуражки, с криками носилась по крышам бараков, а ночью пугала вертухаев (охрану на вышке). Она бы и в женский лагпункт полезла, но мешал охраняемый хоздвор.

"Когда режимные офицеры, или воспитатели, или оперуполномоченные заходили на дружеское собеседование в барак блатных, воришки-малолетки оскорбляли их лучшие чувства тем, что в разговоре вытаскивали из их карманов записные книжки, кошельки или с верхних нар вдруг оборачивали куму фуражку козырьком на затылок - небывалое для ГУЛАГа обращение! - но и обстановка сложилась невиданная ".

В 1954 году власть воров в законе стала ослабевать. Тогда они решили разыграть свою карту и полностью установить в советских лагерях воровскую власть. Лучшие блатные силы, не попавшие под амнистию 53-го (кто-то же должен держать порядок), стали организовывать в зонах массовые беспорядки (размораживать зону). В Кенгире они начались 16 мая 1954 года. Накануне блатные пошли на союз с политическими, которые пообещали им не мешать. По команде паханов мятежники вооружились палками, выстроились в шеренги и двинулись к охраняемым воротам хозяйственного двора, за которым находился женский лагерь.

Администрация растерялась и попросила помощи у "фашистов". Надзиратели бегали по баракам и кричали: "Ребята! Смотрите! Воры идут ломать женскую зону. Они идут насиловать ваших жен и дочерей! Выходите на помощь! Отобъем их!" Политзэки сдержали слово, данное блатным, и остались в бараках. Тем временем блатные подошли к воротам. Но их ломать не пришлось. Ворота широко распахнулись, и навстречу зэкам вышли солдаты. Они были безоружны, но пустить в ход палки уголовники не решились. Мятежников стали оттеснять к стене, и тем в конце концов пришлось ретироваться. Отступление прикрывал град камней, летящий в солдат с крыш бараков.

Эта выходка для воров осталась безнаказанной. Администрация лагеря решила простить законникам очередную проказу. Но глубокой ночью воры решились на реванш. Блатные протаранили бревном ворота и проникли в хоздвор. Там нашли рельс и пробили дыру в женскую зону.

Терпение у хозяина иссякло. Некто капитан Беляев со взводом автоматчиков вломился на территорию хоздвора, и при свете осветительных ракет они принялись расстреливать блатных. Такого "обращения" с ворами ГУЛАГ доселе не видывал. Автоматчики шли цепью за убегающими бунтарями. За ними следовали солдаты и докалывали штыками раненых. В последних рядах шли надзиратели и ломами добивали тех, кто шевелился.

Паханы мужественно перенесли первое поражение и отдали приказ возводить баррикады. Ломались вагонки, из досок мастерились щиты, готовились камни. Под утро блатные были готовы к новому сражению. Но его не последовало. Остановил кровопролитие министр внутренних дел Казахстана. Спустя несколько часов в Кенгир прилетел заместитель Генерального прокурора Вавилов и один из высоких чинов ГУЛАГа Бочков. Они пообщались с мятежниками, пообещали удовлетворить все требования блатных (даже посещать через пролом женский лагпункт) и покарать инициаторов расстрела. Но радовались блатари недолго. К вечеру надзиратели законопатили пролом и начали возводить дополнительные огневые рубежи в запретных зонах.

С приходом темноты опять последовал бунт. На помощь блатным пришли "фашисты". Из рогаток перебили все фонари и стали бить столами по колючему заграждению. С вышек застрочил пулемет и уложил нескольких зэков на месте. Но бунтовщикам удалось развалить стену в соседний лагерный пункт и проникнуть в хоздвор. Там нашелся строительный инвентарь, которым крушили все подряд. Кирками проломили стену тюрьмы и выпустили узников на свободу (относительную). Перепуганные надзиратели бросились бежать.

Мятежники укрепились в лагере и заняли круговую оборону. Они забаррикадировали входы, подготовили новую порцию камней, выставили своих часовых на крышах бараков. Прибывшему для переговоров руководству МВД зэки передали свои требования: установить восьмичасовой рабочий день, разрушить внутренние стены между лагпунктами, не запирать бараки, снять с окон решетки и т.п. Генеральские чины улетели в Москву. Спустя несколько дней размороженный лагерь взяли штурмом. Часовых на крыше барака сняли снайперы. В зону, ломая стены, ворвались танки, волоча за собой мотки колючей проволоки. За танками вошли автоматчики и расстреливали за любую попытку сопротивления.

Кенгирский бунт был самым мощным среди лагерных беспорядков 1953-1954 годов. Равновесие было нарушено. Силовые ведомства начали контратаку на лагерных паханов, большинство из которых были ворами в законе. Для законников наступала эра перековки.

С началом перестройки на долю лагерных блатарей выпало новое испытание. МВД СССР и КГБ СССР, объявив борьбу с преступниками среди государственных чинов, не забыли и о чинах уголовных. В то время начинался небывалый доселе процесс сращивания блатного контингента с органами власти и правопорядка. Обновляющаяся держава вдруг "обнаружила" воров в законе и открыла "второй фронт" - напустила на них КГБ, которого наделила дополнительной функцией - борьбой с коррупцией и оргпреступностью.

Очень скоро чуткий воровской клан обнаружил на себе чье-то неусыпное внимание. Угроза шла от нового противника, пугавшего своей неизвестностью. Это были уже не менты.

По инициативе ПГУ КГБ СССР в регионах, где наблюдалась высокая концентрация исправительно-трудовых учреждений (Урал, часть Казахстана, Сибирь, Донбасс), начали создаваться новые оперативные подразделения. Они должны были внедриться в зоны и установить полный контроль над ними.

Чекисты взялись за дело с привычной энергией и творческим огоньком. Легче всего поддались вербовке мужики (работяги) и суки (активисты). Но они не могли подступиться к "закулисной" жизни зоны. Тогда КГБ, обладавший богатейшим опытом и арсеналом спецсредств, принялся за окружение законников. Иногда удавалось склонить к сотрудничеству самого вора. Сценарий вербовки оригинальностью не отличался и сводился к примитивному, но эффективному шантажу. Авторитету обещали этап в небезызвестный "Белый Лебедь", где его ждала перековка с пристрастием. Только на этот раз перевоспитывать рецидивиста будет не МВД, а другое ведомство. Его асы в считанные дни гарантируют "покаяние", письменное "отречение" от всего на свете и подписку о сотрудничестве. После такого комплексного подхода законнику придется остаток своей жизни бежать от блатных санкций. Наиболее впечатлительные авторитеты, уяснившие, что "другое ведомство" может и зайца заставить курить (если долго бить), снизошли на определенный контакт. Сотрудник КГБ, стараясь не перегнуть палку, требовал от законтаченного вора скромной услуги: держать порядок в зоне и не мешать агентурному внедрению.

В 1987 году рыцари плаща и кинжала опутали сетью внегсотов (внегласных сотрудников) почти все ИТК строгого, особого и крытого режимов. Через лагерных агентов чекисты пытались подступиться к уголовным лидерам, вплотную приблизиться к командному пункту теневого бизнеса. На советские зоны начал опускаться оперативный контроль. Блатные заволновались, началась "охота на ведьм". Воры подозревали друг друга в измене и сотрудничестве с комитетчиками, которых причисляли к ментам. Почти на всех сходняках объявляли о новом гаде и требовали блатную санкцию. Лагерные паханы, обладавшие сверхъестественным чутьем, выявляли внегсотов (комитетских сук) и запускали торпеду (зэка, проигравшего в карты собственную жизнь), который инсценировал несчастный случай или открыто убивал комитетчика в назидание другим.

В 1988 году МВД СССР в лице В. Бакатина начало открытое наступление на блатарей. Но уже служебными инструкциями. В лагерях ужесточалась дисциплина, урезался суточный паек для штрафников, тюремный карцер стал доступнее. Если раньше пахан мог преспокойно жить в палате лагерной санчасти как "туберкулезник", целый день смотря телевизор и читая прессу, то теперь ему грозил возврат на нары. Когда же вору удавалось доказать свою "болезненность и немощность", ему предлагали облегченные условия труда. Все заканчивалось саботажем и водворением в штрафной изолятор. На исправительно-трудовые учреждения посыпались проверки на предмет выполнения инструкций МВД.

Наконец воры пошли в контратаку и решили использовать свой главный козырь - разморожу зон. Они разослали по всем ИТК призывы к массовым беспорядкам. Сотрудникам МВД удалось перехватить несколько подобных посланий. Вот одна из маляв, подписанная шестью законниками:

"Бродяги! Нас хотят затоптать и ссучить. Покажем ментам и сукам, кто в зоне хозяин. Готовьте веселье".

Воры разыграли свою карту. По колониям строгого и особого режимов, по тюрьмам и СИЗО прокатилась мятежная волна. Отрицали заставили мужиков прекратить работу, зоны вовсю стали греться спиртным и наркотиками. В Нижнем Тагиле разморозились все семь колоний, к ним присоединились другие уральские лагеря. Вспыхнул бунт в московской Бутырке. Не остался в долгу и Донбасс. В Дзержинской колонии во время медосмотра несколько зэков захватили в заложники двух женщин-врачей. Для подавления мятежа в Днепропетровской тюрьме внутренних войск оказалось недостаточно, и на подмогу бросили ОМОН. На борьбу с мятежниками бойцы выходили без огнестрельного оружия и вступали в рукопашную схватку.

На Урале в особо опасные лагеря этапировали законников, с которыми сотрудники МВД нашли общий язык. Так было в ИТК-5, ИТК-40, ИТК-17. Прибыв в зону, воры начали насаждать свой авторитет, компрометировали организаторов бунта, избивали и калечили отрицал, выгоняли работяг в промышленную зону. Восстановив порядок, новые паханы тем самым прибрали зону к своим рукам и продиктовали свои условия. Все вернулось к исходным позициям.

Силовым структурам пришлось ослабить хватку и под лозунгами демократических преобразований начать в зонах эти самые преобразования. Были введены щадящие формы режима. На вечерней поверке разрешили присутствовать в спортивной одежде, а летом в локальных секторах зэк мог носить спортивную обувь и рубашку с короткими рукавами. Был упразднен

нагрудный знак и разрешена прическа "полубокс". Увеличился суточный паек, пересмотрен график свиданий с родней. Зэку разрешили называть "гражданина начальника" по имени и отчеству. Тем не менее, с 1988 года в системе УВД стали создаваться отряды специального назначения для борьбы с массовыми беспорядками и терроризмом в зонах) а также поиска и задержания беглецов. Формировался спецназ из офицеров внутренних войск, прошедших боевую подготовку. Спецназ возглавили мастера рукопашного боя, бывшие офицеры-афганцы, руководители ОМОНов. Если раньше в случае ЧП в зону входили солдаты внутренних войск, вооруженные пластиковыми щитами, то теперь врывался спецназ, призванный не охранять, а усмирять зэков.

В пригородах на полигонах УВД выстроили "эрзац-лагеря" - возвели сторожевые вышки, установили запретполосы и колючие заграждения. На этих макетах бойцы отрабатывали все боевые операции с использованием спецсредств. В случае настоящего ЧП они незаметно проникали в мятежную зону по специальному "коридору", созданному охраной, локализовывали и ликвидировали конфликт. При мятеже из толпы вычленялись подстрекатели, звуковыми и световыми эффектами создавалась паника, толпа разбивалась на несколько частей и укрощалась. Отряды вооружили спецсредствами, бронеодеждой, радиофицированными шлемами, снайперским оружием, пистолетами Стечкина, позволяющими вести автоматическую стрельбу. В штате отряда появился офицераналитик, составляющий схемы предстоящей операции. Новое подразделение превратилось в такую грозную силу, что его стали привлекать и для "гражданских" ЧП.

Офицеры спецназа были далеки от тайн лагерной иерархии, от воровских обычаев, интриг и званий. В отличие от кумов, вертухаев и хозяина (начальника ИТК), они перевидели за свою службу столько крови и смертей, что души их огрубели. Я лично знаком с бойцами спецназа. Эти ребята жили по своим законам, имели свое братство, застрелили и прикончили ножами далеко не одного уголовника. Блатари при задержаниях убивали их товарищей. Офицерам было попросту плевать, кто находился перед ними - законник, мужик или петух. Перед ними был зэк. Рассказы о блатных законах, уставах и санкциях воспринимались, словно добрая сказка о советской тюрьме. Конфликт с паханом офицер мог разрешить мордобоем или членовредительством, и его бы беспокоило только одно обстоятельство: признает ли прокуратура его действия правомерными?

Георгий Подлесских и Андрей Терешонок в книге "Воры в законе" описали массовый беспорядок в нижнетагильской ИТК-5, где пребывал законник по кличке Хорь:

"Хорь, Загребенников Алексей Васильевич, 1956 года рождения, осужден в 1984 году по ст. 144, ч. Ill, 198, ч. II УК РСФСР к 7 годам лишения свободы, наркоман. Коронован в качестве вора в законе в тюрьме Златоуста 2 декабря 1989 года. В феврале 1990 года препровожден в ИТК-5 Нижнего Тагила. Отличался лояльным отношением к администрации колонии, насилие порицал. В 1991 году при проведении режимного мероприятия в ИТК был избит спецназовцами, которые заставили его на виду у всей зоны бежать босиком через плац. Проведенной экзекуцией был напуган. Предложил свои услуги администрации колонии: готов был позвонить в ИТК-40 и повлиять на местных авторитетов в зоне, чтобы они при работе спецназа не оказывали сопротивления. Однако у офицера спецназа, случайно оказавшегося рядом, видно, было не самое лучшее настроение. Мало ли огорчений у служивого человека. Короче, вместо благодарности получил Хорь мощнейший удар в челюсть. При обыске же у него было изъято 100 плиток шоколада, несколько бутылок коньяка, большое количество сигарет. Хорь пытался возражать против обыска, ссылаясь на то, что он-де вор в законе, и был снова избит тем же спецназовцем, как видно, слабо разбиравшимся в преступной иерархии. Что и говорить, неважный выдался денек!"

Устав блатного братства

Воровские законы 30-х и 90-х годов сильно отличаются. Явление вполне объяснимое. За последнее десятилетие страну перевернули вверх дном. Чего уж тут удивляться, что перестройка коснулась и воровской братии. Часть законников вновь устояла и по сей день продолжает чтить классические традиции братства. Таких называют нэпманскими ворами. В новые воры пошли те, кто приспособил законы на новый лад. По мнению оперативников, вражды между кланами не наблюдается: они решили друг другу не мешать и ограничились лишь обоюдным презрением.

Первый закон воровского братства запрещал вору трудиться. На свободе он должен воровать, в лагере - сидеть, причем в прямом смысле. Прибыв в зону, вор сразу же попадал в отрицали, нарушая режим и отказываясь работать.

Известный всему миру московский законник Слава Иваньков (Япончик), получивший в 1982 году 14 лет за рэкет, был доставлен на Колыму, в одну из колоний строгого режима. Через три месяца за отказ работать его сослали в Тулунскую тюрьму. За первые несколько лет отсидки на крытом режиме Японец свыше сорока раз водворялся в ШИЗО и карцер. В его деле администрация иркутской тюрьмы день за днем фиксирует: "Отказался приступить к работе". Каждый раз, выйдя из карцера, Иваньков писал заявление начальнику тюрьмы и прокурору, где жаловался на условия содержания:

"Прошу предоставить мне любую физическую работу, так как хочу накопить средства на своем лицевом счете. Почти все время меня держат в карцере и штрафном изоляторе, придираясь по каждому поводу и отстраняя от трудовой деятельности ".

В очередной раз Иваньков попал в карцер за то, что избил сокамерника и запустил стулом в голову сотрудника тулунского ИТУ.

Воры новой формации в большинстве случаев предпочитают работать. Они учреждают фирмы и компании, открывают сеть ресторанов и казино (как это сделал московский вор в законе Витя Калина, получивший корону не без помощи самого Япончика). Известны случаи, когда преуспевающие российские банки приглашали на работу воров в законе. Авторитет занимал должность руководителя службы безопасности и сам устанавливал себе месячное жалование. Торг, как правило, был неуместен. Взамен вор возвращал банку долги. Он даже в руки не брал гражданско-процессуальный кодекс. Ему было достаточно лишь названия фирмы-должника и фамилии директора...

Тот же Японец, поселившись в США, открыл в Бруклине несколько собственных фирм. Годовые доходы составляли миллионы долларов (чистоплотность финансовых операций - вопрос отдельный). Иванькову удавалось еще заниматься в Хабаровском крае золотодобычей и контролировать судовую компанию Приморья.

Второе классическое правило воровского братства - не имей семьи. До 70-х годов законникам запрещалось жениться, иметь детей и даже поддерживать связь с родителями. Считается, что известная татуировка "Не забуду мать родную" имеет несколько иной смысл. Под "матерью" понималась воровская семья, которая вскормила и воспитала авторитета. В зоне или тюрьме воры в законе могли переписываться лишь друг с другом или письменно отдавать приказы. В 1964 году сорокалетний рецидивист Бакин, коронованный на Урале, загадочным образом получил письмо от матери (родня не должна знать о месте отсидки законника). Тяжелобольная мать, в последний раз видевшая сына двадцать лет назад, просила его приехать, чтобы повидаться перед смертью. Длинное письмо растрогало вора, и он, досидев оставшиеся два года, едет в родной поселок

Мать умерла у Бакина на руках, отписав единственному сыну дом и всю домашнюю живность. Вопреки воровскому обычаю, вор не посмел бросить хозяйство. Он устроился шофером в колхозе и вскоре женился на продавщице сельмага. В самый разгар безоблачной семейной идиллии вор получает приказ явиться на сходку куда-то на север России. Проигнорировать маляву мог лишь самоубийца. Вор отправляется в путь и домой больше не возвращается. Спустя полгода, его труп находят в Северодвинске. Вор умер от выстрела из пистолета, который нашли рядом. В кармане была записка приблизительно такого содержания: "В моей смерти прошу никого не винить. Я сам выбрал этот выстрел". Графологи установили, что это - почерк рецидивиста Бакина, и следователь местной прокуратуры отправил дело с пометкой "самоубийство" в архив. Некоторые кинокритики считают, что именно эта история натолкнула Шукшина на создание известного кинофильма "Калина красная".

Сегодняшнему вору в законе позволяют жениться, заводить детей и чтить родителей. Иногда отец или мать даже помогают добыть сыну воровской венец. Так было с Витей Калиной, мать которого была связана с Вячеславом Иваньковым - "Японцем".

Воровской устав запрещал законнику окружать себя дорогими вещами - особняком, автомобилем и тому подобным, носить любые украшения (единственным украшением должна быть лишь татуировка) и копить личные деньги. Образ жизни вора старой закваски лаконично выразил главный герой известной комедии "Джентльмены удачи": "Ты - вор. Украл, выпил - в тюрьму. Украл, выпил - в тюрьму". Действительно, часть своей добычи законник отдавал в обшак, а на остальные - гулял. Разгульная жизнь обычно длилась не более гола. Затем вор был обязан возвратиться в "дом родной": сначала в СИЗО, затем в зону.

Это правило оказалось едва ли не самым болезненным для законника. Даже среди нэпманских воров то и дело появлялись автолюбители, пижоны и поклонники частных коллекций. О новых

ворах даже говорить не приходится: большинство из них предпочитают роскошь традиционному босоногому скитанию. Новый вор, хотя и не боится зоны, все же старается ее избежать. По оперативным данным МВД, шестая часть нынешних законников вообще не имеет судимости, что вызвало бы шок в 30-е или 50-е голы. Но самым диким, по мнению нэпманов, является возможность просто купить воровскую корону, которая всегда добывалась кровью, и не только чужой

Сегодняшний вор разъезжает в шедеврах мирового автомобилестроения, возводит трехэтажные особняки, в просторечии называемые "спортзалы". Он окружает себя телохранителями, ибо жизнь законника еще никогда не была в такой опасности, как сегодня (самому же вору до сих пор запрещено носить какое-либо оружие). Шестидесятилетний Павел Захаров по кличке Циpуль, предполагаемый держатель московского общака, возвел в престижнейшем районе Подмосковья трехэтажный особняк и отгородил его двухметровым бетонным забором. Два года назад боевое подразделение ФСБ штурмовало мощную обитель Паши Циpуля и удивилось роскоши старейшего российского вора в законе - немецкая сантехника, новейшая видеоаппаратура и огромная библиотека редких книг. При обыске у законника обнаружили пистолет. На следствии Циpуль заявил, что пистолет ему подбросили опера, дабы скомпрометировать перед братвой...

Новые воры, в отличие от своих "отцов", сами на дело почти не ходят. Рэкет и всевозможные финансовые махинации они поручают своему окружению
- пехоте. Засадить авторитета в зону сегодня крайне сложно: свидетелей, как правило, не бывает, никаких документов, кроме своих маляв, вор не подписывает. Если же его все-таки арестовывают, мгновенно вмешиваются влиятельные лица. Тот же Павел Циpуль, подозреваемый в рэкете и хранении оружия, спустя пару месяцев после начала следствия обвинялся лишь в употреблении наркотиков.

Любопытна и судьба Япончика. В 1981 году при аресте (который без стрельбы не обошелся) Иванькову вменялся целый "букет" случаев рэкета. К концу следствия в его уголовном деле фигурировал только один вооруженный налет. Да и то едва удалось доказать его на суде. Впервые в отечественном судопроизводстве судью взяли под круглосуточную охрану, а самого Японца из "Матросской тишины" на процесс везли сложными маршрутами, опасаясь нападения на спецконвой.

Это был триумф столичной Фемиды. Иваньков отправился в зону. А через шесть лет начался поход за его освобождение. В Президиум Верховного Совета РСФСР пошла лавина писем в защиту узника иркутского допра. Туда же направляются и два депутатских запроса, которые председатель ВС России направляет в комитет по помилованию. Вопросом освобождения Японца занимался и Верховный Суд в лице зампреда А. Меркушева,

Первое ходатайство об амнистии Московский городской суд отклонил. Это решение никого не удивило: в начале 90-х правительство начало наступление на российских бандитов. В системе МВД России и бывших союзных республик уже создавались отделы по борьбе с оргпреступностью. Однако, в конце концов, законнику смягчили приговор на пять лет, и в ноябре 1991-го он возвратился в Москву. Через три месяца американское посольство в России вручает Японцу визу. В марте он поселяется в США, а в июне 1995 года вора в законе арестовывает ФБР

Связь с милицией, прокуратурой или КГБ воровской клан презирал и карал. Законнику позволялось хитрить во время следствия, имитировать контакт с сыскарями, чтобы запутать дело или отвести улар от другого авторитета, но не более. Воровская клятва "Бля буду!" плавно перешла в "Легавым буду!". Добрая часть блатных наколок посвящалась сотрудникам милиции и прокуратуры: "Бог создал вора, а черт - прокурора". "СЛОН - смерть легавым от ножа". "За все легавым отомщу". "Смерть прокурору!". "ЛОРД - легавым отомстят родные дети" и прочие. Общаться с милиционером вне стен СИЗО для вора было большим западлом. Честных оперов уважали, хотя и ненавидели ("у вас своя работа, у нас - своя"). Тех, кто купился на воровскую подачку - презирали и ненавидели вдвое сильнее. Законник даже не смел помочь умирающему менту, скажем, попавшему в аварию. Он был обязан если не добить, то хотя бы равнодушно пройти мимо.

За связь с ментами или гэбухой могла последовать самая серьезная блатная санкция - смерть. Известен случай (его мне рассказал много лет спустя бывший розыскник, подполковник в отставке), когда в 1972 году воронежского законника Владимира Губанова по кличке Глупый удалось шантажировать при допросе. Следствие раскрыло мокруху, которую он совершил. Шесть лет назад, еще до своей коронации, тот убил во время кражи хозяина квартиры, проснувшегося не вовремя. Губанову грозила смертная казнь. Вору обещали помочь спрыгнуть с вышки в обмен на его рассказ

о подельниках. Точнее, лишь об одном из них - скупщике краденого (барыге). Сначала Глупый обсуждать этот вопрос отказался. Но когда дело уже отправилось в суд, он заволновался. На допросы вора уже не вызывали. Через контролера следственного изолятора Глупый незаметно передал записку, в которой просил встречи со следователем.

Через два дня Глупого вызвали на последний в его жизни допрос. Следователь лишь развел руками: поздно, мол, гражданин Губанов, дело закончено. Вор избежал расстрела благодаря адвокату, сумевшему на суде переквалифицировать "умышленное убийство" на "тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть". Рецидивист получил 13 лет и в чудесном настроении отправился в зону. Но контакт с ментом не прошел незамеченным. Через несколько месяцев его труп нашли в мехцехе, с расплющенной под прессом головой. Резюме прокуратуры - нарушение правил по технике безопасности.

Среднеуральский вор в законе по кличке Седой, который за два дня навел порядок в бунтующей ИТК-17 и который подозревался в сотрудничестве с КГБ, был заочно приговорен к смерти. Дальнейшая судьба Седого неизвестна. Многие считают, что Седого убили.

Новые воры также избегают личных связей с милицией, не говоря уже о приятельских отношениях. Подкуп должностных лиц они ведут через свое окружение и об этих процедурах стараются не распространяться.

Законникам запрещалось служить в армии, интересоваться политикой, тем более состоять в партии или комсомоле, посещать добровольные народные дружины и воевать. Косились даже на тех, кто читал прессу - вор должен лишь воровать.

В комсомол или КПСС уголовнику попасть и так было почти невозможно, даже при всех его стараниях, а в Вооруженные Силы рецидивистов не призывали. Так что эти догмы выполнялись законниками наиболее успешно. В годы войны многие воры продолжали сидеть в лагерях, трудившихся на военно-промышленный комплекс. Часть авторитетов вместе с другими уголовниками попала на передовую. В окопах отрицал почти не было: военно-полевой суд расправлялся со строптивым зэком в считанные минуты, по закону военного времени. Хотя недавно мне попались мемуары бывшего офицера МВД, который в 1941-1942 годах ведал штрафными батальонами в Украине. Некто майор Земляной утверждал, что воры в законе и на передовой имели привилегии. Охрана из молоденьких призывников их просто боялась. Автор вспоминает случай, когда юный лейтенант расстрелял законника за отказ подняться в атаку. На следующий день молодой лейтенант во время очередного наступления погиб - "шальная" пуля попала ему в голову, к тому же в затылок...

Даже в окопах законники ухитрялись держать порядок не хуже ВОХРа (правда, в том случае, если в штрафроте преобладали уголовники). Примечательно, что криминальных авторитетов успешно использовали даже эсэсовцы в концлагерях. Законники, сражавшиеся на фронтах Великой Отечественной войны, стали называться автоматчиками.

В 50-х годах на очередной воровской сходке один из авторитетов внезапно заявил, что среди присутствующих есть кавалер орденов Славы. Воры даже растерялись, настолько необычным оказалось заявление. Попросили назвать кличку. "Пускай сам назовется", - ответил вор. Обвинение такого рода очень серьезно, ибо плюсовался еще и обман. Законник должен доказать обвинение, иначе оно будет расценено как оскорбление. Доказывать не пришлось. Пятидесятилетний вор Анатолий Черкасов признался: грешен, мол, защищал страну, награждали за отвагу. "Точно за отвагу, ерша не гонишь?"
- спросила братва. - "Не гоню". Блатной санкции не последовало. Предлагали ударить по ушам, то есть разжаловать с воровской должности, но затем решили отпустить Черкаса с миром. Западла-то ведь не было.

Что же касается политики... Два года назад во время выборов в местные органы власти баллотировался начальник СИЗО. Его избирательным участком был... его же следственный изолятор. Выборы прошли успешно, но оппонент начальника СИЗО обжаловал результат выборов. Дескать, зэки не вправе голосовать. Дело дошло до областного суда, где в конце концов подследственных приравняли к морякам и солдатам, которые по капризу судьбы не могут выполнить свой гражданский долг по месту прописки. Депутатский мандат начальнику СИЗО восстановили. Глядя на всю эту избирательную кампанию, авторитеты лишь посмеивались, но не вмешивались. К ним даже не приближались с избирательной урной.

Воров в законе пытались и пытаются (пока весьма неуспешно) использовать политики. Об этом свидетельствовал незадолго до своей смерти Бриллиант, которого, по его словам, пытались

подкупить диссиденты. Новых воров интересует не политика, а отдельные политики. В них можно вложить деньги, как в обычное выгодное предприятие, сулящее доход общаку.

Газеты же воры почитывали всегда. Не читали, а именно почитывали. Особенно карманники. В прессе часто пишут о предстоящем скоплении народа где-то на выставке, концерте или, скажем, массовом гуляний "Проводы зимы". Очень полезная хроника.

Вор в законе обязан беречь свою честь и заботиться о своем авторитете. На любое оскорбление он обязан ответить. От этого может просто пострадать его уголовная карьера.

В одной из колоний строгого режима некто Романцев находился на правах положении, то есть, приближенного к законникам (положенец мог в любой момент стать вором, а мог и не стать). Он выиграл в карты крупную сумму у другого авторитета, но тот отдавать деньги не спешил. Романцев имел полное право опустить должники или даже убить. В любом случае он должен был отреагировать. Поймав проигравшего в тихом месте, он вытащил тесак и приказал: "Снимай штаны". Побледневший зэк, оправдываясь и дрожа, стал расстегивать одежду. В этот момент в подсобку забежал случайный свидетель Ващенко, из мужиков (активистов, желающих досрочно освободиться). Ващенко и здесь решил отличиться - выбил нож и разнял зэков.

Романцев был оплеван дважды. На следующий день во время пересменки он внезапно вклинился во встречный поток осужденных и нанес ножом единственный удар. Ващенко скончался на месте. Романцев, не прячась, спокойно вернулся в свою смену и пошел дальше. На суде он сказал следующее: "Я обязан был пришить этого козла. Иначе сам стал бы козлом. Если бы он выжил, я бы опять его подрезал".

В Тулунской тюрьме Японец едва не убил сокамерника, который, не успев понять, кого к нему подселили, поспешил нагрубить.

В одном из московских ресторанов, расположенном в Лужниках, произошла ссора между законником Калиной и обычным уголовным авторитетом Мансуром. Причина пьяного инцидента оказалась пустяковой. Просто двум крутым гостям в одном ресторане гулять было тесновато. Услышав ругательство в свой адрес, Калина воткнул в Мансура нож и спокойно ушел. Через два года Калину расстреляли. Но не по приговору суда, а с подачи неизвестного заказчика.

И, наконец, последний закон воровского братства - вор обязан играть во все без исключения азартные игры. Будь то карты, кости или рулетка. Картам на зоне отводилась особая, ритуальная роль. Они стали символом зэковского досуга (в карты умудряются играть и вне досуга). Конкретного автора у воровского кодекса нет - это коллективное творчество. Он писался для того, чтобы его выполняли. Нарушителей закона постигали наказания, так называемые, блатные санкции.

Корона воровской империи

Чтобы стать вором в законе, мало быть уголовным авторитетом и чтить воровской кодекс. Нужно пройти коронацию, или посвящение в законники. Это непросто - нужно соблюсти ряд формальностей, которые сохранились и по сей день.

Например, авторитет, положенец или пацан, входящий в окружение законников, замахнулся на воровской титул. Прежде всего, ему нужно заручиться двумя письменными рекомендациями от воров в законе. Причем законный стаж поручителей должен быть не менее трех (по другой информации - пяти) лет. После этого кандидат сообщает ворам о своих намерениях. По всем тюрьмам, следственным изоляторам и колониям рассылаются письма - малявы, они - же - ксивы. В них сообщается, что имярек по кличке такой-то собирается короноваться. Письма идут дорогой - тайной лагерной почтой, которая не менее оперативна, чем обычная почтовая связь. Каждый, кто знает о кандидате что-нибудь нелицеприятное, случай, порочащий воровскую честь, должен немедленно сообщить в "отдел коронации". Вспоминаются грешки и двадцатилетней давности.

Поводов для компры может быть множество: подозрительное досрочное освобождение, карточный долг, прощенное оскорбление, задушевная беседа с опером и прочее. Был случай, когда один из пацанов, прославившийся в зоне конфликтами с администрацией, подал прошение на коронацию. Его поручителями выступили два известных вора. Кандидатура претензий не вызывала. Но на отправленную маляву вдруг пришел ответ из далекой колымской колонии. Один из зэков вспомнил давний, очень давний случай. Оказалось, что претендент на воровской венец еще в пятнадцатилетнем возрасте был опущен в ВТК, где сидел за кражу. Вскоре пришло из харьковского СИЗО подтверждение от другого зэка. Причину опускания воры выяснять не стали. Хватило лишь

одной компры, самой позорной из всех. Кандидата разжаловали в обиженные - забитую и забытую касту зоны. За то, что подставил воров-поручителей. Вскоре его еще и опустили во второй раз. В конце концов, он повесился.

История весьма поучительная. Авторы рекомендательных маляв в ответе за тех, кого рекомендуют. Поэтому кандидату очень сложно скрыть характерную историю из своей биографии. Рано или поздно она станет всеобщим достоянием. Многие не проходят эту дистанцию и получают прозвище сухарей. Вторая попытка, как правило, также заканчивается неудачей.

Если же претендент достоин воровской короны, назначается коронация. Ее могут провести и на свободе, и в зоне. Хотя большим уважением пользуется коронация в колонии или тюрьме. Некоторые из воров считают, что венец нужно вручать только в тюремной больнице или на пересылке.

О деталях самого процесса известно немногое. О самой воровской короне также ничего не известно. Скорее всего, это символ, а не ритуальный инструмент. Далее следует клятва новоиспеченного вора в законе. Он обязуется соблюдать законы и беспрекословно принять смерть в случае предательства. Вору торжественно наносят татуировку: сердце, пробитое кинжалом - "смерть за измену". В воровском клане существуют еще наколки, указывающие на законника. Скажем, парящий орел с короной над головой (его накалывают на груди), карточные масти внутри креста, подключичные звезды. Но их наносят после коронации.

"Симулировать" вора в законе невозможно, не говоря уже о том, что очень опасно. Вора, прежде всего, выдают манеры, нажитые годами. Он ведет себя как законник, лишь переступив порог СИЗО или колонии. К тому же зэки узнают о его прибытии еще раньше. Это - закон преступного мира. Пока вор едет по этапу, для него уже готовят нары возле окна и достают "смокинг" - лагерную униформу поопрятней (зона обязана знать габариты прибывающего лидера). В тумбочке - двойной паек и курево.

Если вор получил венец недавно и еще не популярен, зона может устроить проверку. Скажем, узнать о последнем сходняке или даже задать провокационный вопрос. От того, как вор поведет себя с зэками, а главное, с администрацией, зависит его будущее.

Если ты косишь под вора, то играешь со смертью, и на руках у смерти все козыри. Обман раскрывается быстро, и обманщик теряет сон в догадках: что же с ним сотворят. Могут, конечно, и не убить, но прежнего здоровья уже не будет. Однажды над вором-дурилкой издевались так, что он, потеряв рассудок, бросился в запретную зону и был застрелен часовым на вышке. Если же самозванец выколол на своем теле знак вора в законе (скажем, подключичные звезды), его шансы выжить приближаются к нулю. Перед смертью могут огнем выжечь - зачеркнуть - татуировку.

История воровской коронации богата неожиданностями. Авторитет из Твери Север короновался дважды: кавказскими ворами (их называют еще пиковыми) и славянскими. Воровскому венцу покорны все возрасты. Его можно получить и в 23, и в 60. Были случаи, когда вора короновали и развенчивали в один день, посвящали в лидеры заочно...

К чудесам воровской коронации в 80-х годах прибавилось еще одно чудо
- статус вора в законе можно просто купить. И не за большие деньги, а за очень большие деньги, которые вносятся в общак. Ортодоксальных воров, коронованных лет тридцать-сорок назад, подобная "поправка" привела бы в ужас. Известны случаи, когда богатые криминальные авторитеты получали венец без единой ходки в зону.

К деньгам добавляли воровской венец не только по идейным понятиям. Во-первых, авторитет, рэкетирующий фирмы и отмывающий деньги через банковские счета, уже не мог быть потесненным конкурентами, что называется, за здорово живешь. За вором теперь стоял мощный клан с длинными руками и многолетним опытом человеческого истребления. Когда погибает законник, воровской мир начинает свое расследование и выносит свой приговор. Согласно обычаю, за смертью вора должна следовать смерть убийцы. При заказной ликвидации ищут и убивают как заказчика, так и исполнителя. Во-вторых, вор становился смотрящим на каком-то хлебном участке (иногда участком был целый район или даже область), выбивая деньги на общак. В-третьих, вора могут пригласить для разрешения споров, часто хозяйственных, между преступными группировками ("как скажет - так и будет"). И, наконец, четвертая выгода. Фартовая воровская жизнь может когданибудь дать трещину, и законнику придется идти в зону. Гораздо приятнее это делать коронованным, чем обычным криминальным авторитетом.

Но в "поправке" есть один недостаток. Специалисты из МВД считают, что воры, коронованные за деньги (их называют скороспелками), умирают чаще, чем воры классические. Судить о причинах никто не берется.

В сентябре 1994 года в Донецке возле знаменитого кафе "Червоный кут" был расстрелян известный сорокалетний уголовный авторитет международного масштаба Эдуард Брагинский, носивший кличку "Чирик". Этимология этого прозвища для многих так и осталась загадкой. Имеется предположение, что его он получил за свое украшение: массивный амулет из червонного золота, с которым никогда не расставался. Утверждают, что ранее Эдик носил кличку "Червонный", которая затем укоротилась. Брагинский был вором в законе и имел влиятельных покровителей во всем мире. Он часто выезжал в Париж, Мадрид, Сан-Франциско, Нью-Йорк, сумел установить контакты на Сицилии, контролировал часть производственного и торгового бизнеса и порой выполнял роль третейского судьи. Любимым его автомобилем был кабриолет с откидным верхом. Охраной он себя никогда не окружал, заявляя этим, что он фаталист. Не носил Брагинский и оружия.

Короновался Чирик в Москве за крупную сумму, которую перевел в общак. За несколько дней до смерти он вернулся из морских краев отдохнувшим и загорелым.

Брагинский стоял в подъездном дворике кафе с двумя приятелями, когда в "Червоный кут" вошел молодой человек в спортивной одежде и красной бейсболке, из-под которой спускались на плечи длинные волосы. В руках у прохожего был пакет. "Закрыто", - сообщила официантка и тут же увидела перед собой короткий автомат. Посетитель улыбнулся опешившей женщине и последовал к выходу во дворик. Чирик, в черных с отблеском брюках и полосатой безрукавке, стоял спиной. По внезапно вытянувшимся и побледневшим лицам своих собеседников, которые стояли лицом к выходу, он понял - происходит что-то серьезное. Брагинский повернулся. В мгновение ока пакет был сдернут и отброшен в сторону. Последнее, что увидел Чирик, был ствол, направленный в его сторону. Очередь прошила Брагинского насквозь. Двое его спутников получили тяжелые огнестрельные ранения и вскоре были доставлены в больницу. Незнакомец, даже не пытавшийся спрятать свое лицо, так же спокойно вышел и скрылся на автомобиле.

Киллер стрелял из укороченного пистолета-пулемета типа "Узи". Вскоре эксперты точно установили марку оружия: автомат "Волк" - чеченская новинка, производимая в Чечне на легальных условиях. Автомат поместили в донецкий музей МВД под стекло. Рядом покоилась записка: "Из этого автомата был убит известный "вор в законе" Э. Брагинский по кличке Чирик". Проводить Эдика в последний путь прибыли авторитеты ближнего и дальнего зарубежья. За роскошным гробом следовала добрая сотня иномарок.

Блатные санкции

Вора коронует сходка, она же и развенчивает провинившегося. Любая блатная санкция, вплоть до пощечины, проводится с ведома сходки. Вор не имеет права сам наказать вора. Он должен созвать сходку и предъявить санкцию. Прикрытием для сходок зачастую служат массовые мероприятия - свадьбы, юбилеи или похороны. Воровской сбор могут назначить и в лесу, но безопасней его вуалировать под официальный прием. Тем более, что иногда просто пытаются совместить приятное и полезное. Если это похороны законника, то сходка не только проводит товарища в последний путь, но и решит, кто займет вакантное место. О "повестке дня" большинство воров не знает, расспрашивать же не принято: вор должен быть готовым ко всему, даже к самому худшему. На сходняках обсуждается судьба общака, уголовная стратегия на ближайшее время, расправа над предателем, передел зон влияния, очередной претендент на корону. Все воры имеют одинаковый голос и пользуются равными правами. Если сорок лет назад сходку мог созвать любой из воров, то теперь она назначается общиной - группой из нескольких законников. Сходки бывают двух видов: местные и краевые. Все зависит от "повестки дня", от важности вопроса, который будет обсуждаться.

Сходку назначают и в зоне, чтобы решить насущный вопрос, не ожидая звонка. Раньше у воров была традиция собираться в тюремных больницах под видом пациентов. Лечебное учреждение, опять-таки, выбиралось в зависимости от вопроса. Воров свозили то в городскую, то в областную, а порой и в республиканскую больницы. Там братва могла расслабиться, выпить за редкую встречу и уж потом приступить к делам. Здесь же в одной из палат порой вручалась и воровская корона.

Известная столичная тюрьма Бутырка помнит забавный случай, когда в конце 80-х в ее стенах состоялся воровской сходняк. Воры в законе под видом родственников и друзей пришли навестить подследственного, также вора в законе. В "скромных передачах" были коньяк, икра, ветчина и прочая изысканная еда. В самый разгар застолья прибыл спецназ и арестовал всех, кроме самого виновника сходки - тот содержался под стражей уже не первый месяц. Но вскоре "родственники и друзья" были на свободе...

Приговорить вора к смерти вправе лишь краевой сходняк, а развенчать, то есть лишить воровского звания, может и местный. К блатным санкциям у воров подход особый. Провинившегося вора могут постигнуть три вида наказания.

Первый из них - пощечина. Ее, как правило, дают за оскорбление. К тому же публично, во время сходки. Уклоняться или бить в ответ наказанный вор не смеет. Безобидная, на первый взгляд, кара без последствий не остается: авторитет вора уже пошатнулся, по миру расползется слух - битый, мол. За очередную провину, которая раньше сходила с рук, может последовать вторая санкция - удар по ушам.

Бить по ушам - лишать воровского титула. Участь развенчанного вора зависти также не вызывает: он отстраняется от лакомого куска - общака, лишается рэкетируемого участка, а в зоне перемешается из угла или от окна поближе к центру. Экс-вор выживает уже самостоятельно, ибо другой воровской группировки подобного размаха (как, скажем, польских воров середины 50-х) нет. Он не сможет переметнуться и к бандитам, которые не любят законников, а те отвечают взаимностью. Развенчивают за обман, западло, а также нарушение воровского закона.

Московский вор в законе по кличке Монгол (фамилию его часто путают, называя Кольцовым. Корьковым и Коньковым) пика своей уголовной популярности достиг в начале 70-х годов, когда его молодцы из числа боксеров, борцов и штангистов бомбили цеховиков. После десятилетней отсидки Монгол УДВОИЛСЯ в рэкет и заставил с собой считаться всех авторитетов Москвы. Под его началом ковал свою рэкетирскую биографию и Слава Иваньков, получивший к тому времени звание мастера спорта по боксу. Но внезапно воровская звезда закатилась - на очередном сходняке Монгола развенчали. Как вор в законе. Монгол пользовался лагерным общаком, который заметно похудел. Подозрение пало на шестидесятилетнего Монгола.

Законник Андреев, имевший погоняло Кирза, лишился титула за то, что выступил на судебном процессе в роли свидетеля. Воровские понятия разрешали вору быть лишь подсудимым. Развенчанных воров еще называют прошляками.

Третья блатная санкция, самая жесткая - смерть. Ею карают только за измену. Предателем считается тот, кто сдал подельников, пошел на сотрудничество с милицией, похитил общак, убил вора в законе без санкции сходняка, вышел из воровского клана и, наконец, завязал.

Кстати, о выходе из клана. Воровским законом предусматривается и такая акция, но лишь в исключительных случаях. Отойти от дел вор может лишь по болезни, серьезной болезни. Недомогание в счет не берется: им страдает добрая часть воров - тюремно-лагерный режим здоровья не прибавляет. Когда вор "бракуется" медкомиссией ИТУ. физически не в состоянии посещать сходки и идти на дело, он может попросить братву отправить его на пенсию. Братва сама проведет "врачебно-трудовую экспертизу" и отпустит вора с миром и почестями. Воры не лишаются титула, а лишь переименовываются на вор в короне. Но во всех случаях судьбу больного законника решает братва, а не он сам. В противном случае он - изменник.

Изменник приглашается на очередную сходку, даже не ведая, что на повестке дня - его жизнь. Вор, обнаруживший предателя, оповещает об этом братву. Собравшиеся воры требуют подтверждений. Затем слово дается подозреваемому. Если он не сумеет доказать, что это - ложь, дела его плохи. Был случай, когда подозреваемый вор сначала наградил обидчика пощечиной, а лишь затем доказал свою невиновность. После этого братва одобрительно загудела. Поэтому, собирая сходняк, вор-обвинитель запасается уликами, чтобы не подорвать собственный авторитет.

Если предатель уличен, братва выбирает способ казни. Иногда стараются имитировать самоубийство. Жертве предлагают исполнить вторую часть воровской клятвы, раз первая была нарушена: беспрекословно принять смерть за измену.

С самоубийцей меньше пыли. Тут и посмертная записка типа: "В моей смерти прошу никого не винить", и пистолет в руке, и единственная дырка в голове. Изменнику вручают пистолет с одним патроном. Выбора у вора нет, и он даже рад такой казни, ибо порой карают еще хуже. Считается, что такая смерть - везение.

Если вор, чувствуя свою кончину, не явился на встречу

- назначают еще и палача. Среди законников бывает свой ликвидатор, работающий под "несчастный случай". Он поумнее, с фантазией, имеет в своем репертуаре дюжину способов отправить жертву на тот свет так, чтобы в милицейской сводке и в дальнейшем следственном деле стояло: "в результате ДТП", "в результате неправильного обращения с огнем" или т.п. Их жертвы "курят в постели", "не умеют плавать", "неосторожны на дорогах", "пользуются самолечением". Иногда эти киллеры имеют в своем арсенале соблазнительных девиц, которых подсовывают жертве. После бурной ночи с красоткой ей (жертве) уже не проснуться.

Сходняк может выбрать такой способ казни, что лишь диву даешься. Все зависит от вины. В Тюменской области помнят случай, когда приговоренного запихнули в отрезок строящегося нефтегазопровода и заварили вход. Чтобы доползти к выходу, пришлось преодолеть десяток километров. Когда через неделю вор увидел свет, то нормально соображать уже не мог Он долго лечился у психиатров, искололся транквилизаторами, но обрести прежнее душевное спокойствие так и не сумел. Вор боялся темноты, шарахался от металлических предметов, в тесных помещениях с ним случалась истерика, везде чудился запах ржавчины. Лишь с помощью гипноза из больного удалось вытащить историю с нефтегазопооводом, но это лечения не продвинуло. Наконец, промучившись два гола, пациент во время очередного ночного кошмара выбил окно и выпрыгнул с четвертого этажа психлечебнипы,

В 30-х годах особой ПОПУЛЯРНОСТЬЮ пользовались "бетонные боты" смертника ставили в таз и заливали бетоном, затем бросали среди болота или сталкивали в ставок. Казнь родилась именно в России, а не среди американских или итальянских гангстеров. Однажды вору выкололи глаза, отрезали язык и вбили по гвоздю в уши, якобы за то, что он сдал свою обману и указал на общак. На разборку вор не явился и попытался спастись бегством. Палач настиг его в поезде. Говорят, что казнь проходила прямо в купе. Закончив процедуру, палач оставил на столике записку: "Имеющий уши - да не услышит, имеющий очи - да не увидит" Дальнейшая судьба изувеченной жертвы неизвестна.

В зоне казнь происходила, как правило, в промышленном секторе, среди механизмов, агрегатов, котлов и печей. Здесь киллеру есть где развернуться. Он может и не работать под несчастный случаи, а специально устроить показуху, дабы другим неповадно было. Головы жертв попадают в шестерни и под прессы, животы натыкаются на штыри, причем раз десять. Приговоренный может взять "на язык" 380 вольт переменного тока или оказаться под тонной "внезапно" рухнувшего штабеля бревен

В конце 80-х криминальный лидер Среднего Урала по кличке Седой был приговорен к смерти заочно. В 1988 году по тюрьмам и лагерям прошла волна саботажа и даже открытых бунтов: уголовники пытались захватить власть в зонах и диктовать МВД свои условия. Как и в былые времена, силовикам вновь пришлось искать помощи у законников (имеется компетентное предположение, что воры специально разморозили лагеря, то есть устроили массовые беспорядки). Руководство МВД пошло на переговоры с Седым и этапировало его в среднеуральскую ИТК-17, где уже несколько недель подряд зэки пьянствовали и срывали работу. За два дня Седой прекратил пьянки и выгнал саботажников в промышленную зону. Наиболее активные отрицалы-подстрекатели поплатились здоровьем: их законник бил лично, без помощи шестерок.

Восстановив порядок, Седой получил от администрации обещанные права и полномочия. Фактически он стал хозяином колонии строгого режима. Вору даже удалось, не покидая зоны, взять под контроль свердловских бандитов, часть наркобизнеса и ряд промышленных предприятий Урала. Вскоре его аппетит стал мешать не менее крупному лидеру - законнику по кличке Хазар. Последние годы оба вора шли по лагерям рука об руку и доверяли друг другу. И вдруг Хазар обвиняет Седого в предательстве и сотрудничестве с КГБ. На очередном сходняке он объявляет Седого гадом. Это было равносильно смертному приговору. Сходка проходила в лагере, и прибыли на нее лишь несколько воров (к тому же земляки Хазара), но авторитет обвинителя был настолько высок, что воровской суд твердых доказательств не потребовал. Хазар разослал малявы по тюрьмам, лагерям и СИЗО. Начиналась охота на гада, которого, по законам уголовного мира, обязан ликвидировать любой законник, находящийся рядом. Администрации ИТК-17 пришлось упрятать Седого в штрафной изолятор. Защищали его вяло: кому приятно иметь под боком секретного сотрудника КГБ. Седой понимал, что местная сходка Хазара не имела права выносить такой приговор, но его жизнь действительно оказалась под угрозой. Хазар принадлежал к лаврушникам (ворам с Кавказа) и не особо соблюдал воровские традиции славянского крыла. Многие считают, что в среднеуральском

конфликте схлестнулись не столько коммерческие интересы, сколько национальные. Вскоре Седого этапировали за пределы ИТК-17, и его дальнейшая судьба для многих неизвестна.

В последние годы среди новых воров появилась четвертая блатная санкция - финансовая. Принцип ее прост: подставил - плати. Штрафы назначает опять-таки воровская община. Наказывают рублем, гривней или долларом за опоздание на сходку, за срыв сделки, за то, что наследил. Сумма иногда достигает миллиона долларов.

В былые времена убить вора-изменника мог лишь равный по титулу, то есть вор в законе. Теперь нравы и законы изменились. Новые законники, привыкшие все делать чужими руками, верны себе и в этом вопросе. Для казни зачастую приглашается киллер со стороны. Среди изменников попадаются настолько крутые, что нанимают нескольких убийц, знакомых с гранатометами, снайперским стрелковым оружием и взрывными работами. Вора могут сопровождать телохранители и возить бронированный автомобиль. Заколотить такого в трубу или расплющить прессом голову весьма проблематично.

Суд воровской жесток, но упразднить его никогда не пытались. Однажды один известный законник самодовольно заметил: "Кто судит от имени государства? Судебная коллегия из нескольких человек. Вора же судят полсотни воров, а то и больше. Все они присяжные с равноправным голосом".

Кони на стенах

Без оперативной связи воровской клан не выжил бы. Кто владеет информацией, тот владеет миром. Воровская почта родилась еще до революции. "Малины" общались между собой с помощью связного, который был неприкасаемым. Независимо от текста письма, ударить курьера, а тем более убить, никто не смел. В своих посланиях паханы (главари) воровских группировок договаривались о совместных налетах, сообщали о стукачах и просто делились новостями. Тогда же стали выращивать и голубей, используя их в роли связного. Вскоре письма стали шифровать. Воровской жаргон стал первым способом шифровки такой информации. Затем возникла нательная символика - татуировки.

Как общаются между собой нынешние уголовники на свободе, представить не сложно. С развитием радиосвязи и промышленных шифраторов и дешифраторов началась новая эпоха уголовных коммуникаций.

В зоне общаться сложнее. Тюремно-лагерные дороги - связные каналы - существуют десятилетиями. Каждая камера СИЗО или тюрьмы подключена к дороге. Если камера не имеет связи, ее называют пустой или лунявой. В ней содержатся стукачи, обиженные и опущенные, с которыми держать связь считается западлом. По наружной стене здания протянуты длинные веревки: вертикальные и горизонтальные. По этим веревкам постоянно гонят коней - передают мешочки, где спрятаны малява, сигареты или деньги. Иногда малявы шифруются, а иногда и нет: все зависит от ее важности.

Письмо обычно шифруют с помощью буквенного кода. По дороге идет полная белиберда, но адресат знает, что значение имеет лишь пятая (вторая, шестая) буква. Шифр могут усложнить решеткой - специальным шаблоном, который поворачивается по тексту в нужном направлении. У каждого рецидивиста есть свой графический опознавательный знак, который ставится вместо подписи. Вор может ограничиться и своей кличкой в конце малявы.

За дорогу отвечают опытные уголовники. Часто администрация обрывает веревки и забирает коней, тогда несколько дней уходит на то, чтобы вновь наладить дорогу и пошить новые мешочки. Все материалы для этого, как правило, уже имеются.

Зэки могут перекрикиваться и даже переплевываться. Многие камеры имеют тонкую длинную трубку, куда заряжается скрученная в конус бумажка. Во время коротких прогулок на стенах и плаце иногда появляются замысловатые каракули, которые кто-то из зэков сможет прочитать.

Но лучшая связь - через контролеров. Если сотрудника СИЗО или тюрьмы нельзя подкупить, его шантажируют. В уголовном мире есть группы специалистов, собирающих компру на персонал изолятора, ИТУ и ВТК. Несколько лет назад на Урале во время шантажа был арестован некто Баранов, бывший офицер контрразведки. Он пытался завербовать контролера СИЗО, угрожая обнародовать его давний прокол (что-то связанное с супружеской изменой). Контролер попросил день на раздумья и по приходу домой позвонил своему начальнику... На вторую встречу Баранов

также явился с компрой - фотоснимками и аудиокассетой. При обыске на его квартире обнаружили еще несколько подобных дел.

Контролера могут и спровоцировать: вручить взятку и записать эту сцену на видеопленку. Но все эти приемы слишком известны и часто не срабатывают. Самый верный путь - подкуп. Подогретые баландеры передают записки из камеры в камеру и не отбирают "духовые ружья". В малявах подследственные договариваются со своими подельниками о показаниях, зэки обсуждают очередную кандидатуру на воровскую корону, а воры решают более важные проблемы: какую зону греть, кого мочить и сколько взять из общака на личные расходы. Покидая СИЗО или тюрьму, ее обитатели обязаны передать своей смене все каналы связи и всю компру (если таковая имеется) на персонал.

Во многих колониях законники создали свою агентурную сеть. Взяв под контроль тысячные толпы зэков и шантажируя администрацию, они знали все, что творится в их владениях. Доходило даже до того, что в кабинеты лагерных следователей и оперработников подбрасывали "жучки" - приборы аудиоконтроля, которые давали возможность прослушивать допросы и телефонные разговоры.

В некоторых лагерях Урала сидели зэки-связисты такой квалификации, что ухитрялись подсоединяться к коммутатору ИТК. Незаметно пробравшись в телефонный узел, они ставили специальные перемычки и проводили параллельные линии. Каково же было удивление администрации, когда с АТС пришла квитанция за разговоры с Москвой, Чебоксарами, Соликамском, Свердловском, Мадридом и Гамбургом.

В последние годы МВД сильно ужесточило подбор кадров для УИНа (Управления по исполнению наказаний). Службы внутренней безопасности стараются найти проколы персонала раньше, чем о них узнают зэки. Постоянная ротация кадров не позволяет сотруднику УИН долго задерживаться на одной должности или на одном участке. Несколько лет назад был арестован прапорщик Артемовского СИЗО N2, который служил в изоляторе связным. Он даже сумел передать в одну из камер ножовку и напильник. Прапорщик получил три года и отправился в колонию.

Сегодня сакраментальную маляву вытесняет мобильная связь. Авторитету некогда ждать, пока послание дойдет до адресата. Лежа на нарах, он наберет по сотовому телефону номер и отдаст все инструкции. Сотовой дороге доступна почти любая точка планеты в течение минуты.

Бабки общаковые

Воровской клан напоминает громадное предприятие с мощным капиталом, опытными кадрами, региональными представителями и уставом. Управляет фирмой воровской совет - сходняк. Как и любая фирма, воровской клан имеет свои кассы. Общаки бывают двух видов - лагерные и свободные.

Лагерная касса формируется внутри зоны и служит для грева карцеров и изоляторов, подкупа кумов, закупок спиртного и наркотиков, а также для личных расходов лидера, В каждом отряде существуют шнифты - местные кассы, за которые головой отвечают шнифтари - группа зэков, назначенных вором в законе. Они и собирают со всего отряда дань на общак: сигареты, чай, продукты, деньги и разную туалетную утварь. Размер дани устанавливает сходка.

Помимо общих поборов, берется налог с карточных игр. В 70-х годах за каждый стук (игру) в очко зэки отчисляли рубль, буру - два рубля, терц - пять. Налог оплачивал проигравший.

Но основной приход в лагерный общак был из свободных касс, расположенных на воле. Они грели целые зоны небольшими суммами, но регулярно. Воровская дорога принимает деньги почти ежедневно. Однажды охране тобольской тюрьмы удалось перехватить маляву следующего содержания:

"Привет хабаровской братве. Балованы и балясину получили. Спасибо. Роба на кукане у Мюллера, туфля не капает". Письмо подписали девять воров в законе. Оно означает, что деньги и продукты получены, законник Роба под наблюдением у начальника лагерной оперчасти, который взяток не берет.

Вот еще одно характерное письмо по поводу общака. Малява писалась Славой Иваньковым и адресовалась зэкам иркутской зоны:

"Бродяги 16-ой хаты БУРа, приветствую вас. С пожеланиями всего самого Доброго и Светлого - Вячеслав "Япончик ". Ввиду того, что сегодня один из вас выходит в зону, гоню на вас еще 400 рублей (четыреста), которые хотели отправить на крытую с Заурбеком. Но, к сожалению (а может, и

к лучшему), загнать их ему не представилось возможным. Говорю к лучшему, потому что, как мне сообщили, Заурбека по приходу на крытую менты посадили спецом к кошкам в хату, и потому у него могли возникнуть сложности. Тем более, он еще не достаточно опытен. Короче, эти 400 рублей также в зоне, сообща с Бродягами вложите назад в общак, вместе с предыдущими 200 рублями, что я загнал вам в прошлый раз. Попутно поясню за эти 200 рублей: их дали, выдали Руслану как Вору, а ему их не положено, ибо он не Вор. Думаю, все понятно. Короче, деньги в сумме всего 600 рублей (шестьсот) гоню назад в казну. У меня все потихоньку. Благодарю вас за внимание и заботу. Примите мои самые добрые пожелания. С ув. - Вячеслав "Япончик ".

До 70-х годов в общак платили не только зэки, но и целые лагеря. Суммы были небольшие - до 150-200 рублей с зоны. Таким образом, ИТК общего, усиленного и строгого режимов грели зоны особого и крытого (тюремного) содержания. После того, так свободные общаки превратились в мощные финансовые структуры, такая необходимость отпала.

В первые годы своего существования свободный общак пополнялся добровольными взносами воров. Своим уловом делились карманники, грабители, домушники, фальшивомонетчики, шулеры и прочий уголовный элемент. Собранные деньги на очередном сходняке клали в тайник. Им мог служить сейф, спрятанный в каком-то заброшенном месте. Воры выбирали кассира и вручали ему ключи от сейфа. Хранитель общака только тем и занимался, что оберегал кассу.

Разумеется, хранилище было символическим: любой шнифер или медвежатник (взломщик сейфов), знающий о тайнике, мог в считанные минуты его распечатать. Но воровская касса была "знаменем полка". Любого, кто надругается над общаком - запустит лапу или обчистит - ждала смерть. Когда воровские ревизоры выявляли недостачу, начиналось целое расследование. Обычно спрашивали с кассира. Иногда общаковые деньги замораживали - клали на длительное хранение. Например, их могли закопать на кладбище под видом свежей могилы.

Был случай, когда в 50-х годах кассир тайком взял из общака небольшую сумму. Пропажа обнаружилась случайно. Вор божился, что собирался вернуть деньги через неделю, после воровского скока (кражи). Братва понимающе кивала, но кассира все же убила. Новые законники переносят эмоции на второй план, предпочитая им четкий экономический расчет. Когда один вор вернулся из тюрьмы и купил на общаковые деньги без ведома братвы трехэтажный особняк, сходняк пожурил за западло. Затем ему было приказано продать дом, вернуть в общак деньги и заплатить штраф, который был вдвое выше самого долга. На все давались сутки. Опешивший вор просил уменьшить штраф или хотя бы дать отсрочку, но братва не отступила. Чтобы не умереть, он воспользовался своим правом законника и взял из общака кредит под бешеные проценты. Погасив долг, вор стал работать на возвращение кредита. Говорят, что он все-таки расплатился и остался жив.

Современные свободные общаки могут существовать в виде легальной финансовой структуры, но в основном их прячут в глубокое подполье. Банковский счет могут арестовать, к наличности же подобраться почти невозможно. Лет семь назад воровские деньги клали на сберкнижки, которые выписывались на весьма респектабельных лиц без уголовного прошлого. Таких вкладов в одном городе могло быть и десять, и сто.

Сегодня, по мнению оперработников, воры стараются хранить наличность, притом твердую валюту, которая в меньшей степени подвержена инфляции. Такую кассу охраняют не один и не два человека. По некоторым данным, число хранителей свободного общака порой достигает двадцати бойцов, которых выбирают на сходняке. Стеречь кассу - дело почетное и довольно прибыльное. Эту миссию поручают фанатикам, самым преданным воровскому делу законникам. О месте хранения денег и способе их получения знает лишь охрана (ее называют сообщаковой братвой). Они ложится на дно и живет на конспиративных квартирах по фальшивым паспортам. Система безопасности общака продумывается настолько, что заговор внутри сообщаковой братвы ничего не даст. Притом воры-охранники имеют право убить любого законника, даже самого авторитетного, который попытается запустить руку в кассу. Разрешаются разборки и внутри охраны, вплоть до ликвидации.

Лагерный общак не идет ни в какое сравнение со свободным общаком, который оперирует миллионами долларов. Один авторитетнейший законник после прибытия в США получил от долгопрудненских воров почти 400 тысяч долларов для "поддержания штанов". Говорят, что, получив сумму, вор разочарованно вздохнул: он ожидал больше.

Свободный общак финансирует крупнейшие операции наркобизнесменов, подкупает должностных лиц высокого ранга, выплачивает пенсии семьям погибших авторитетов (сейчас они колеблются от 1000 до 5000 долларов в месяц), оплачивает услуги осведомителей в органах МВД и

прокуратуры. Деньгами местного общака распоряжается воровская община, состоящая из нескольких законников; судьбу региональной кассы, из которой финансируются крупномасштабные преступные операции, решает региональный сходняк.

Огромные суммы воровской мир тратит на экономический шпионаж. Высококлассные спецы, большинство из которых получили знания (и звания) в школах МВД, КГБ и ГРУ, проводят "рентген" заводов, концернов, страховых компаний, МП, ТОО, 000, получая об объекте все данные. Досье с информацией о мощностях, фактической деятельности, активах, месячном и годовом обороте, прибыли, автомобиле руководителя и его любимых сигаретах, а также вся компра кладутся на стол "крестного отца". Рука аналитика уже отметила слабые звенья и вписала рекомендации.

Пацаны, быки, шестерки

Пацаны, шестерки, быки и громоотводы - лагерная прислуга вора в законе. Нередко они служат законникам и на свободе, но там их услуги иного характера. В этом ряду самое выгодное положение у пацанов.

К пацанам относят отрицал, симпатизирующих ворам. Когда вор размораживает зону, то есть затевает массовые беспорядки, пацаны служат ударной силой, подстрекая мужиков на пьянство и саботаж.

Мужиками (или работягами) называют тех, кто стал на путь исправления, добросовестно работает и не конфликтует с персоналом ИТК. В мужики чаще всего попадают зэки, осужденные впервые, цеховики и расхитители, далекие от примитивной уголовщины. Мужики записываются в актив, пытаясь заслужить досрочное освобождение. В колонии создаются два мощных лагеря из пацанов и мужиков. Новичок, если он не "профессионал", должен принять одну из сторон. Во время лагерных бунтов пацаны по заданию авторитета не пускают мужиков в промзону, спаивают их водкой (иногда насильно) и провоцируют на драки. Мужики менее организованы и на массовый отпор не идут.

Наиболее преданных и авторитетных пацанов воры берут в свое окружение. Особое внимание уделяют молодежи, из которой выковывается достойная смена. Пацана могут признать положением, то есть потенциальным кандидатом на воровской венец. Многие клятвы во время коронации начинались словами: "Я как пацан, который хочет служить воровскому братству..."

Шестерки служат для общих услуг: передают записки) собирают деньги, ежедневно проводят влажную уборку возле нар вора, достают сигареты и спиртное, доносят о непорядке, трудятся за вора в промзоне, обстирывают и даже вслух читают книги.

На свободе многие шестерки становятся паханами и возглавляют преступные группы. Некто Григорий Вербило в ИТК-29 прислуживал вору в законе, три года давал за него план в арматурном цехе и брал на себя все режимные провины законника. Выйдя из зоны, Вербило открыл в Челябинске фирму и стал торговать спиртным. Он ездил на иномарке и имел двоих телохранителей. Через год Гриша загремел в СИЗО за мошенничество и наркотики, которые нашли при обыске. Получив десять лет, он отправился в ИТК и опять попал в пристяжь: там свои порядки и обычаи.

В зоне шестерки обязаны защищать вора, исполняя роль телохранителей. В случае его несанкционированного убийства или увечья отвечает пристяжь. Авторитеты часто набирают в прислугу лиц, имеющих опыт охранной деятельности.

Быки - прямые исполнители наказаний. Их также называют солдатами и посылают туда, где нужна грубая физическая сила. К примеру, опустить, отдубасить, а иногда и прикончить неугодного зэка. Ряды быков стараются пополнять здоровенными детинами, которые могут напугать впечатлительного мужика или суку одним своим видом. Умом быки не блещут, и среди них даже встречаются дебилы, признанные судебными экспертами психически здоровыми.

Самые опасные среди быков - так называемые торпеды. Это смертники, "камикадзе", которые выполняют задание любой ценой, даже если придется расстаться с жизнью. В торпеды может попасть карточный игрок, проигравший свою жизнь. Такие игры очень популярны у преступников и называются "Три звездочки" (иногда "Три косточки"). Смертельный кон наблюдался еще в лагерях довоенной эпохи. Повышенную тягу к нему изучало большое количество психологов, но короче всех объяснил ее сам торпеда, некто Корсун, убивший по воровскому приказу лагерного активиста:

"Я с 12 лет играю в карты. Для азартного игрока важен не выигрыш, а чувства, которые ты испытываешь во время игры. Чем выше ставка, тем сильнее холодок в животе, и громче екает сердчишко. Это как наркотик: чтобы иметь кайф, надо поднимать дозу. Царские офицеры щекотали

нервы "русской рулеткой", а я - карточной ставкой. Причем могу ведь и выиграть. Месяц назад я проиграл жизнь. Кому именно, не скажу - убьют. Суда не боюсь. Дальше зоны не пошлют, а вышка не грозит. По законам Украины вышка дается за умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами. У меня же таких нет: корысти я не преследовал, жертва не мучилась, беременной или малолеткой ее не назовешь..."

Если "камикадзе" отказывается выполнить приказ, то есть вернуть карточный долг, он об этом быстро жалеет Более подробно об уголовных карточных обычаях - в главе "Пять тузов в одной колоде". Торпеды могут убивать не только в зоне, но и на воле. Но заказ на ликвидацию должен быть изначально выполним. Если победитель поручит зарезать главу африканской республики или прикончить "объект" на днях гае-то в Череповце, когда торпеде еще три года до звонка, - это западло.

Иногда торпедам поручают убить милиционера, прокурора или госдеятеля (скажем, депутата). В таких случаях шансы получить "вышку" возрастают до предела. Поэтому перед смертельным коном игроки нередко оговаривают все нюансы.

И, наконец, последний представитель воровской пристяжи - громоотвод. Он защищает авторитета с юридической стороны: берет на себя его преступления. Подставу стараются проводить очень тщательно и грамотно, так как самих признаний громоотвода для следствия мало. Следователь может; пришить и липовое дело, записав плюс в свой актив, но тогда оно имеет большие шансы развалиться на суде.

Роль громоотводов могут исполнять шестерки или торпеды, реже быки и пацаны.

Пять тузов в одной колоде

В тюрьмах и лагерях карты занимают особое место. Такие старинные русские забавы как терц, очко, сека, рамс, бура и стос укоренились в зонах еще в начале 30-х. Тогда и начали писаться законы карточной игры "не путать с правилами игры). Карты стали вершителями зэковских судеб: за одну ночь они делали богачами и разоряли, калечили и убивали, делали петухом или парашником. Но в них продолжают играть, ибо обязаны это делать. Уголовный авторитет приходит к зэку вместе с карточным фартом. Если ты не игрок, то, в лучшем случае, - мужик.

Законы воровского братства обязывали законника знать все азартные игры вплоть до рулетки и "Блэк Джека". Свою судьбу вор в законе, находящийся на воле, мог испытать в шалманах и катранах - притонах для азартных игр (сегодня к ним присоединились казино). Когда вор переступал КПП лагеря или тюрьмы, вместе с ним приходили и карты. Сегодняшние авторитеты не брезгуют традиционными лагерными играми, но уже могут дуться и в "покер", и в "преферанс", и даже в "бридж".

Каковы же законы лагерной игры? Речь будет идти о жестких традициях, которые пришли в зону 60 лет назад и соблюдались десятилетиями. Прежде всего, играть нужно под интерес, иначе это запало для барака. В "банк" ставили деньги, табачные изделия, спиртное, предметы туалета и одежду. Играть на постельное белье и паек во многих лагерях строго запрещалось: их считали неприкосновенным имуществом и называли кровью. Если авторитет узнает, что кто-то поставил на кон подушку, простыни или хлеб, следовала расправа: воровские быки могли отмолотить обоих зэков, обложить штрафом или отлучить их на месяц от карточных баталий. Но иногда карточным азартом бывает охвачена вся зона, и тогда на обычаи попросту плюют.

Академик Дмитрий Лихачев, сосланный в конце 20-х годов на Соловки, в своей статье "Карточные игры уголовников" писал:

"В общих ротах бывают случаи проигрышей паек хлеба на месяц и больше вперед. В 13-й роте зимой (1930 год. - Авт.) картежная игра достигла огромных размеров. Сперва играли на барахло и тряпки, потом на пайки хлеба) дальше - на обеды и ужины. Проигранное даже "под ответ " переходим из рук в руки и, наконец, скопилось у трех лучших игроков камеры. Проиграли в общей сложности 150 человек. Некоторые оказались "в замазке " на целых три месяца. Были устроены собрания ротным начальством, на которых предлагалось прекратить выплату долга, т.к. люди едва могли держаться на ногах от голода, но никакие уговоры не привели ни к чему. Когда вопрос ставился на голосование, то все проигравшие голосовали за отдачу проигранных пайков. В конце концов, по почину санчасти, пришлось прибегнуть к принудительному кормлению в коридоре и обыскивать после еды, чтобы хлеб не "затыривали" (хлеб, например, прятали в пах)".

Играть можно и в долг - под ответ. В этом случае оговаривался срок, когда долг будет погашен. Надувать партнера - себе же во вред. С должником поступали круто - пускали по кругу. Победитель, не дождавшийся в положенный день денег, курева или тряпок, объявлял о западле ворам. Те уже решали, что сотворить с должником. Обычно его били целой группой. Назначались шесть-семь бойцов, которые становились в круг. По центру находился заигранный с вытянутыми по швам руками. Отбиваться или защищаться он не имел права: за это назначалась дополнительная кара. Процесс назывался "расплатиться красным". Проштрафившегося игрока избивали до тех пор, пока его партнер не остановит экзекуцию. Если проигрыш был большой, жертву могли и искалечить. После круга долг списывался - должник расплатился. Зона ставила его в один ряд со стукачами и педерастами, а это еще хуже, чем мордобой.

Был случай, когда законник проиграл двести рублей. Расплатиться на месте он не смог. Садясь играть, вор рассчитывал на шестерку, посланного за деньгами полчаса назад. Когда гонец наконец прибыл и сообщил, что денег нет, Должник молча пошел в переплетный цех и острым ножом отрезал два пальца на левой руке. Замотав пальцы в носовой платок, он отдал их победителю. Это была равноценная замена. Для зэка играют роль не столько деньги, сколько сама игра и лагерный обычай. Расплатившись пальцами с партнером, вор жестоко избил шестерку, который подставил его.

Со временем экзекуции должников изменялись. В 60-х годах заигранного мог избить его партнер, не дожидаясь вердикта авторитетов. Мордобой проходил публично, и должник все так же стоически терпел удары. Затем казнь стала изощренней: картежнику насильно наносили татуировку похабного содержания. Могли выколоть матерщину или нарисовать козла с картами, подписав: "Я играю как козел". Были случаи, когда кололи татуировку на лоб или щеку. С владельцем такого клейма посмел бы соорудить банчок лишь его "коллега".

Все чаще мордобой заменялся процессом менее болезненным, но более постыдным. За невозвращенный долг могли опустить. Победитель имел право собственноручно совершить половое насилие, а мог и пожаловаться авторитету. Тот выделял "сексуальных агрессоров", которые и опускали проигравшего. Последний становился петухом и перебирался в петушиный угол. Опущенного зэка могли наградить татуировкой пассивных гомосексуалистов: пчелами на ягодицах или чертом, раздевающим женщину. Вскоре появилась наколка, указывающая, что зэка опустили именно за карточные долги: карточные масти на ягодицах. В последние годы массовые казни должников в ИТК утратили былую популярность. Зачастую выбивать долги приходится одному победителю, за которым сохраняется былое право избить, опустить, наколоть. От того, как он сумеет выбить долг, во многом зависит и его авторитет. В главе "Устав воровского братства" я упоминал о положение Романцеве, который убил соседа по отряду лишь за то, что тот помешал ему опустить должника. "Иначе я сам стал бы козлом", - пояснил Романцев на судебном процессе.

Особой популярностью в зоне пользуется игорная ставка для всеобщей потехи. Например, проигравший садится на верхние нары и целый час орет какую-нибудь глупость. Или всю ночь спит, сидя. Туг уж фантазиям нет предела. Один картежник доигрался до того, что в самый разгар рабочей смены вдруг вышел на центр цеха и стал читать детские стихи. Молоденький сотрудник ИТК опешил и побежал за подмогой. Чтеца-декламатора доставили в санчасть. Лежа на койке, он продолжал отдавать долг. Отчитав положенное время, зэк объяснил свою "немощь" и отправился в ШИЗО. В 30-е годы на Соловках была в моде ставка "1000 тараканов": проигравший должен поймать 1000 насекомых и предъявить их "счетной комиссии". Иногда охота за тараканами затягивалась на неделю, а то и больше.

Каждая карточная партия облагается определенным налогом, который идет в воровской общак. Сумма устанавливается законниками и для всех игр разная. При подсчете зэки бумагой и карандашом не пользуются: дефицит, да и рискованно. Очки "записывают" спичками, выкладывая их в символическом порядке (скажем, спичка вдоль - пятьдесят, поперек - сто). При сложных арифметических действиях игроки могут нанять "счетчик" - зэка, который будет прибавлять и отнимать, умножать и делить. Услуги счетчика оплачиваются.

О лагерных играх Дмитрий Лихачев вспоминал так:

"Все игры вообще делятся на "фраерские" и на "шпанские" - "свои ". Шпанских игр не много: штос или стос, в произношении шпаны, иначе говоря "разбойницкая ", бура, рамс и терс (или терц). Все прочие - фраерские. Жулик может играть в фраерские игры, но только с фраером же и "для понта ", если он хочет сойти за фраера из каких-либо целей, между прочим, и для того, чтобы его "наколоть" на приличную сумму. Для этого он подтасует, сдаст и сыграет, как заправский фраер.

Низшие разряды шпаны - "вшивки " или так называемые "веселые нищие" играют еще в очко, петуха, и эти игры довольно распространены в их среде, но настоящие "духовые" смотрят на них с презрением. В довоенное время с картами сильно конкурировала ныне почти исчезнувшая игра в кости. Из картежных игр бура и рамс проникли в воровскую среду позднее. Наибольшим и почти единственным распространением в Соловках пользуются две игры: стос и бура. Из них излюбленнейшая - стос. Игроки из "своих" уверяют, что удобства и достоинства этой игры заключаются в том, что она играется очень быстро и в любой момент, в случае какого-нибудь шухера, может быть прервана, тогда как терц и рамс требуют спокойной обстановки. Наиболее азартные - стос и терц. Бура - "легкая игра ", не для серьезных игроков. Шпанский стос отнюдь появляется фраерской игрой на случай. Бывают мастаки, которые умудряются из десяти "сеансов " - шесть выигрывать наверняка. Соль всего дела заключается в чрезвычайно интересном явлении узаконенного в известной мере шулерства. Сговариваются играющие очень быстро: "Игра есть?" - "Есть!". Моментально появляются карты".

Раньше колода карт ("библия" или "колотушка") изготавливалась вручную. Из библиотечной книги вырывались листы, разрезались на прямоугольники и склеивались между собой для плотности. Если клея под рукой не было, делался специальный мыльный раствор. "Рубашка" карты затиралась: уничтожался текст и прочие опознавательные знаки. С другой стороны накладывался трафарет и наносилась краска. Трафаретом служил плотный картон с вырезанными острой бритвой цифрами, фигурками и мастями. Карточное клише берегли особо. Иногда в зоне имелся переплетный цех, тогда колода мастерилась намного быстрее и выглядела более элегантно. В казармах и камерах, как правило, запасались несколькими "колотушками" - для добровольной сдачи контролеру, который часто заходил лишь с одной фразой: "Карты сдать". Если зэки изображали удивление и непонимание, следовал шмон, и они лишались всех колод. Это уже вошло в традицию. Сотрудники ИТК уже не пытались застукать игроков, а просто периодически изымали инструмент.

С развитием карточной полиграфии кустарный промысел оказался не у дел. В зону стали поступать фабричные колоды на 52 карты, которые годились и для очкариков (игроков в очко), и для любителей терца. Доставались "колотушки" такими же путями, как и малявы, деньги и спиртное.

Тарелочка с дырочкой

Самая презираемая каста зоны - опущенные и обиженные. В нее попадают пассивные гомосексуалисты, лица, осужденные за половые преступления, и жертвы насилия в самой зоне.

Опушенных называют петухами, маргаритками, вафлерами и отводят для них отдельную территорию, так называемый петушиный угол. В казарме петухи ложатся у дверей, в камере - у параши или под нарами. Иногда их заставляют сооружать ширмочки, дабы полностью оградиться от лагерного изгоя. В столовой есть петушиные столы и лавки, где питаются лишь опущенные. Если обычный зэк сядет в петушиное гнездо, он становится законтаченным и лишается былого уважения.

Прибыв в ИТК или СИЗО, опытный уголовник прежде всего выясняет для себя, где ютится обиженная братия, чтобы не сесть в лужу. Петух обычно меченый: одет неопрятно и грязен (ему запрещается мыться в бане и туалетных комнатах вместе со всеми). В столовой он пользуется специальной посудой: в мисках, кружках и ложках сверлятся дырки, и, чтобы суп или чай не выливался, петух затыкает дырку пальцем. Уголовники часто вместо "опустили" говорят "подарили тарелочку с дырочкой".

Опущенным и обиженным поручают самую мерзкую работу: чистить туалет, выносить парашу, обслуживать помойные ямы. Если петух отказывается, его могут избить ногами (бить руками нельзя), окунуть лицом в парашу, или даже убить. Многие опущенные не выдерживают истязаний и сводят счеты с жизнью.

Разговаривать с петухом - западло, общаться с ним можно лишь половым путем. Идти в промзону бедняга обязан в хвосте колонны, ему запрещено приближаться к нормальному зэку ближе, чем на три шага, а тем более - заводить разговор. Петух обязан уступать дорогу, плотно прижимаясь к стене. Любой огрех чреват мордобоем.

Причин для опускания много. Сделать отбросом зоны могут еще в следственном изоляторе, притом лишь за то, что ты нагрубил авторитету или стал качать свои права. Как правило, такое допускают новички, привыкшие командовать на свободе. Бывали случаи, когда "дарили тарелку с дыркой" за внешний вид, скажем, за смазливость, жеманность или чрезмерную интеллигентность.

Пассивные гомосексуалисты и насильники малолетних попадали в касту автоматически. Сокамерники еше в СИЗО узнают сексуальную ориентацию и статью, по которой обвиняется "новобранец".

Психиатры, изучавшие внутренний мир маньяков, утверждают, что почти каждый из них бывал жертвой сексуальных домогательств. То ли в армии, то ли в ИТК. Ростовский Чикатило и краснодарский Сливко были опущены в воинской казарме, иркутские маньяки Храпов и Кулик - в лагерной. Наблюдения показали, что большинство сексуальных убийц ранее имели судимость за изнасилование или развращение малолетних. По мнению психиатров, лагерный обычай сильно усугубляет патологические процессы в психике насильника и в несколько раз обостряет половую агрессию. В петушином гнезде извращенец может превратиться в сексуального убийцу.

В 1980 году Иван Христич из Мариуполя попал в зону за изнасилование малолетней. Суд попытался обуздать сексуальную озабоченность Ивана Ивановича пятью годами лишения свободы. Освободившись через два года, похотливый дядя Ваня направился на стройки народного хозяйства Мариуполя. Было тогда ему около сорока. Заодно Иван решился построить и семью, женившись в 1984-м. Первые годы совместной супружеской жизни протекали более-менее спокойно. Потом Христич стал звереть. Он заманивал малолетних соседок по подъезду в свою обитель, обещая показать попугайчиков, и развратничал с ними. Через полгода он изнасиловал четырехлетнюю девочку, затем зверски избил ее, вновь изнасиловал и, наконец, задушил. Спрятав растерзанное тельце в водонапорной башне, садист преспокойно вернулся домой и опять принялся за "показ попугайчиков".

Арестовали Христича в 1992 году. В процессе следствия выяснились некоторые подробности его лагерного прошлого. В зоне усиленного режима Ивана опускали четырежды. В петушином братстве он провел два с половиной года (полгода в СИЗО): чистил туалеты, убирал мусор, пятьшесть раз был избит уголовниками. Молча сносил побои, ишачил за двоих и в конце концов заработал досрочное освобождение. Знавшие Христича раньше утверждают, что он вернулся из колонии другим: замкнутым и домоседом.

С момента задержания и до окончания судебного процесса Христич вел себя так, словно постоянно ждал удара в лицо. Не плевка, а именно удара. Он очень боялся боли. Его глаза не молили о пощаде, они просили одного: не бить. На допросах Иван Иванович не запирался, охотно посвящал следствие во все подробности случившегося. Рассказал, как, придя домой, старательно отстирывал в холодной воде пуловер, забрызганный детской кровью, как тер щеткой пятна на брюках, как осторожно, стараясь не запачкаться, бросал поруганное тело в колодец насосной. Казалось, беседуешь не с человеком, а с механизмом. Христича расстреляли в 1994 году.

Красноармейского маньяка Федотова, расстрелянного в 1993 году, зэки опускали трижды. Он попал в ИТК за развращение малолеток, к тому же мальчиков. После петушиной службы Федотов вернулся домой и вскоре изнасиловал малолетнюю. Затем расчленил в ванной комнате труп и по частям утопил в привокзальных туалетах...

Пассивного педераста зона метит татуировкой - выкалывает синяк под глазом или наносит определенный рисунок. Утаить клеймо практически невозможно, и петух остается им на вечные времена. Прибывая в очередной раз в СИЗО или НТК, он обязан прежде всего уточнить, где здесь петушиный угол. В случае утаивания и обмана опущенного могут убить те, кого он законтачил своим общением.

С петушиным клеймом случались и грустные курьезы. Легкомысленные и законопослушные обыватели выкалывают себе на бедра, плечи или грудь что придется, лишь бы рисунок был покрасивее да позабавнее. Скажем, руку с распустившейся розой, музыкальный инструмент или перстень с сердцем. Очутившись по капризу судьбы среди зэков, он с удивлением слышит в свой адрес: "Вафлер". Петух то есть.

Начинается сущий ад, и попробуй докажи, что ты не петух. Зачастую с такой наколкой и впрямь опускают. В зоне мигом отыщется активный педераст. Или сам авторитет, желая разгрузиться, воскликнет: "Клевый бабец. Трогать после меня". Дожив до свободы, петухи часто избавляются от татуировки, выжигая ее или меняя "сюжет". Перстень вафлера заштриховывают полностью - получается новый символ ("от звонка до звонка"). После этого от тюрьмы нужно зарекаться. Опытный уголовник сразу обратит внимание на "грязный" рисунок и уточнит прошлое по лагерной почте...

К обиженным относят зэков, которых отвергли, но не опустили. Например, законтаченных в общении с петухами, карточных должников, отцеубийц, развратников или просто доходягу, не

умеющего за себя постоять. Таких называют парашниками. Они по лагерному рангу выше петухов, но уборка туалета их не минует. Парашника в любой момент могут наградить посудой с дырками.

Опускание - процесс стандартный: двое или трое держат, один насилует. Иногда жертве цепляют на спину порнографический снимок для возбуждения. Если кандидата в петухи скрутить не удалось, пускаются на хитрость. Дождавшись, пока он заснет, зэки мастурбируют на его лицо или проводят членом по губам. После этого по лагерю или СИЗО объявляется, что полку вафлеров прибыло. Так поступали с бандитами, пошедшими против воров (см. главу "Воры и бандиты").

Долгое время опущенные были полностью бесправными. Их ставили ниже легавых, сук и козлов. Но их клан стал приспосабливаться к зоне, создавать свой устав и свою иерархию. Это происходило не во всех лагерях и тюрьмах. Опытные зэки считали, что больше всего петухов на общем и усиленном режимах, и называли такие зоны козлиными. Чем строже режим, утверждали они, тем меньше вафлеров и больше шансов им выжить.

На строгом и особом режиме среди опущенных зачастую имеется петушиный пахан, так называемая "мама". Он распределяет места в петушиных углах, руководит чисткой туалетов и дисциплиной внутри отверженного клана. Он же и поставляет "телок" для прочей уголовной братвы. На строгом и особом режиме беспричинно избить обиженного или опущенного не принято. Петуха могут ударить за непромытую парашу или попытку завести разговор с авторитетом, но это бывает не так часто: мама внимательно следит за порядком и сам наказывает виновного. В нынешних колониях обиженные даже ухитряются играть между собой в карты в своем углу.

Но самым любопытным является то, что петухи, пытаясь выжить, заставили с собой считаться. Они стали защищаться после того, как истязания достигли апогея: их заставляли есть испражнения и языком вылизывать парашу. Доведенная до отчаяния жертва шла на самоубийство, но не обычным путем. Петух выбирал наиболее злобного уголовника и бросался ему на шею, целуя и облизывая. Шокированный зэк убивал или калечил изгоя, но сам становился законтаченным. Былое уважение мигом улетучивалось, и посрамленный уголовник вскоре пополнял ряды обиженных.

Петушиный клан мог реагировать на беспредел и более организованно. Например, петух, проигравший свою жизнь, становился торпедой, исполнял желание победителя. Тот же мог поручить должнику законтачить авторитета, допустившего беспредел. Выбора у торпеды не оставалось - должника за отказ прикончили бы сами петухи.

Выйдя из ИТК на свободу, парашники, козлы и петухи становились серьезной опасностью для воров. Лагерные унижения порождали у большинства из них чувство ненависти, а у многих - желание отомстить. Опущенные бандиты вновь брались за оружие и начинали охотиться за ворами и их окружением: шестерками, быками, пацанами. Порой погибали те, кто лишь упоминал о своей связи с ворами.

Вор из Таганрога Борис Исаев по кличке Муся был застрелен на следующий день после возвращения из ИТК. В него пустили две пули, причем в пах. Вор умер от потери крови. По мнению оперативников, его прикончил некто Бобров, отбывавший наказание в той же ИТК. Лагерная оперчасть выяснила, что Боброва дважды опускали. При задержании убийца застрелился.

Лидер уралмашевской преступной группировки Гриша Цыганов, промышлявший в Екатеринбурге рэкетом, враждовавший с законниками и погибший от руки неизвестного убийцы, привлекал в ряды своих боевиков бывших зэков, изнасилованных в лагерях. Такие бойцы охотнее истребляли воровскую братву: ненависть побеждала страх перед ворами.

Тайная хирургия

Лагерные мостырки

Чтобы избежать этапа или работы, зэкам часто приходится симулировать болезнь. Для этого существуют специальные рецепты, которые уголовная братия разработала и опробовала еще во времена каторги. Этими хитростями стали пользоваться и в зонах ГУЛАГа. Законники симулировали заболевание, чтобы попасть в больницу, где, по воровской традиции, назначался сходняк. В зависимости от масштабов сходки, медучреждения могли быть разные. Поэтому была разной и тяжесть "недуга".

По старым воровским законам, короновать зэка позволялось лишь во время пересылки иди в тюремной больнице. Кандидату на почетный титул приходилось что-то с собой делать, чтобы

вызвать озабоченность врачей. Случалось, претендент в погоне за титулом даже причинял себе увечья и попадал в больницу на вручение венца.

Симуляцию болезни или намеренное членовредительство зэки называют мостырками (или мастырками). Их перечень настолько объемен, что потянул бы на хороший сборник лагерных рецептов. В 1987 году исследователь советского лагерного быта Жак Росси издал в Лондоне "Справочник по ГУЛАГу". Автор не обошел вниманием и мостырки. Наиболее популярные выглядят так.

В женских лагерях самым простым и приятным средством избежать работы считалась беременность. Осужденные женщины провоцировали мужской персонал лагеря на близость и старались скрыть интересное положение до момента, когда проводить аборт никто не рисковал. Беременная зэчка освобождалась от трудовых будней на несколько месяцев.

К чуть ли не повседневным рецептам относилось обильное потребление воды, которое могло закончиться водянкой. Чтобы вызвать жажду, зэки ели соль целыми кусками. Учащенное сердцебиение вызывалось водным настоем табака, который пили три раза в день.

Чтобы сымитировать тяжелую гнойную рану, зэк разрезал кожу и вводил в надрез нитку, которой чистил зубы. Инфекция делала свое дело, и спустя два-три дня рана пугала самого симулянта.

Болезненным, но эффективным, считалось прижигание полового члена. Морщась от боли, зэк обрабатывал детородный орган горящей сигаретой. Ранки смахивали на сифилисные язвы, и мостырщик отправлялся в венерическое отделение. Симуляция гонореи переносилась не менее болезненно: в мочеиспускательный канал с помощью шприца вводили жидкое мыло, вызывающее раздражение слизистой и подозрительные выделения.

Если кипяток лить на ногу или руку не прямиком, а через тряпку, обваренная кожа напоминает своей припухлостью и равномерной краснотой гангрену.

Острое кишечное отравление или дизентерию имитировали тем, что съедали несколько кусков обычного мыла. Кто не мог проглотить мыло, пил мыльный раствор. Через несколько часов появлялись рези в животе и сильный понос.

Желающие получить высокую температуру вводили под кожу керосин. Кроме температуры, появлялись фурункулы, которые также можно было использовать при выборе "диагноза".

В сустав руки или ноги загонялись иглы. Сустав распухал, синел и подпадал под признаки перелома конечности. Высококлассная мостырка определялась лишь рентгеном.

Доходило и до намеренного членовредительства. Во время сильных морозов из окна выставлялись пальцы рук (реже ног). Отморожение часто заканчивалось ампутацией пальцев или даже кисти. Глотались зубные щетки, гвозди, ложки. Бывало, зэки собственноручно отсекали пальцы, мостыря производственное увечье.

Чтобы избежать этапа, зэки применяли мостырку, даже не пытаясь имитировать заболевание. Скажем, прибивали гвоздем к деревянному полу или табурету мошонку, повреждая только кожу. Несколько дней уходило на то, чтобы "отсоединить" зэка. Прошедшие мостырку отмечают ее относительную безболезненность. Случалось, что мостырщик зашивал нитками рот.

Оттянуть этап можно и с помощью химического карандаша. Достаточно растереть грифель и засыпать им глаза, чтобы вызвать временную слепоту.

Еще зэки симулируют недуг, чтобы не попасть в карцер. Каждое постановление на посадку в карцер должна подписать санчасть. Мастерски исполненная мостырка обеспечивает перевод на более легкую работу во время очередного медосмотра на соответствие трудовой категории. Их три: ТФТ (тяжелый физический труд), СФТ (средний), ЛФТ (легкий).

О популярности и коварстве лагерных мостырок вспоминал и Солженицын в "Архипелаге "ГУЛАГ":

"Другое дело - мостырка, покалечиться так, чтоб и живу остаться, и инвалидом. Как говорится, минута терпения - год кантовки. Ногу сломать да потом чтоб срослась неверно. Воду соленую пить - опухнуть. Или чай курить - это против сердца. А табачный настой пить - против легких хорошо. Только с мерою надо делать, чтоб не перемостырить да через инвалидность в могилку не скакнуть. А кто меру знает?.. "

"Ремонт болтов"

Так называют в зоне подпольную операцию по вживлению в половой член пластмассового шарика, призванного подарить партнерше или партнеру незабываемые ощущения. Подобное хирургическое вмешательство в мужское достоинство наблюдалось еще в дореволюционных допрах. Спустя полвека, способы и инструментарий лагерных "хирургов" не изменились. Несмотря на болезненность операции и ее осложнения.

Тонкости тайной лагерной хирургии, некогда популярной среди зэков, отразил Игорь Губерман в своих "Прогулках вокруг барака".

Пластмассовый шарик, вживляемый в член, назывался спутником. Спутник помещался не один (стоило ли из-за одного затевать всю возню?), а две-три такие крупные фасолины делали пенис скорее орудием пытки, чем наслаждения. Обладатели спутников любили рассказывать, как кричали от счастья их подруги.

Теперь о самой операции. В большом грязно-буром куске хозяйственного мыла аккуратно вырезали маленькое отверстие. Вместо ножа зэки использовали черенок алюминиевой ложки, остро заточенный о бетонный пол. Над вырезанной в мыле ямкой плавили на горящей спичке целлофановый пакет. Издавая мерзкий запах и пуская едкий дым, пакет плавился и капал в отверстие. Когда ямка заполнялась, зэки ждали, пока целлофановая масса остынет. Затем кусок мыла разрезался тем же черенком от ложки и вытаскивался образовавшийся твердый сгусток, который начинали долго-долго шлифовать о бетонный пол камеры. Терли кусочек до тех пор, пока он не превращался в большую гладкую фасолину.

После этого за дело брался местный "хирург". Его основной инструмент
- обточенная ручка от зубной щетки. Бритву использовать нельзя: надрез должен быть рваным и неровным. Пациент клал член на стол, за которым обычно камера ела, и двумя пальцами оттягивал на нем, распластывая по столу, кожу у основания головки. Эксперт по спутникам наставлял острие ручки зубной щетки и сильно бил сверху. В роли молотка фигурировал самый толстый том из книг, находящихся в камере. Ассистент (эксперт-оператор), не обращая внимания на кровь, быстро заталкивал в рваную щель фасолину-спутник. Рану немедленно засыпали растолченной таблеткой белого стрептоцида и перевязывали подручной тряпкой. Часто бинтом служила разорванная майка.

Спутники носились недолго и вырезались лагерными врачами после первого же медосмотра: этого требовала ведомственная инструкция. Зэки это хорошо знали и пытались дотянуть до свидания со своей подругой. Врачи же - в целях воспитания "гуманного, неозлобляющего и разумного" - старались вырезать спутник не сразу при поступлении зэка в лагерь, а только за час перед свиданием, когда приехала к нему жена и он пришел на обязательный перед свиданием врачебный осмотр.

В нынешних зонах "ремонт болтов" встречается значительно реже. Если же он проводится, то не средневековыми - методами, а с помощью хирургического скальпеля и дезинфицирующих средств.

РАЗДЕЛ II

НАТЕЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ

От швейной иглы до электрической бритвы

Нательные рисунки с использованием красящих веществ, вводимых под кожу, появились в Европе в начале XIII века. Их использовали балаганные артисты, демонстрируя перед публикой разукрашенное тело. Затем татуировки перекочевали в цирковое искусство с той же целью. Необычное художество имело такой успех, что через несколько десятилетий оно воспринималось как нормальное явление. Предприимчивые парижане первыми открыли мастерские по нанесению татуировок. Мастера сами изготовляли красящее вещество, которое вводилось клиенту под кожу за умеренную плату.

Предполагают, что родина татуировки - Гаити, где племена отмечали нательными символами совершеннолетия, юбилеи, половую зрелость. Импортировал ритуальную достопримечательность мореплаватель Кук. Слово "татуировка" произошло от полинезийского "тату" ("рисунок"). Нательная символика использовалась уголовным миром как средство связи и носитель информации. Татуировка стала своеобразной визитной карточкой преступника, которую трудно испортить, а еще труднее потерять.

По наколкам блатари делили мир на "своих" и "чужих", на воров и фраеров. В нательной символике закладывались криминальное прошлое, число судимостей, отбытый или назначенный по судебным приговорам срок, воровская масть, отношение к административным органам, склонности, характер, национальность, вероисповедание, сексуальная ориентация, место в уголовной иерархии и даже эрудиция.

В прошлом веке уголовная полиция европейских стран, в том числе и России, начала изучать нательную символику преступников, формировать каталоги татуировок и проводить их анализ. Но тогда наколки воспринимались лишь как внешние приметы. В начале XIX века сыщик уголовной полиции Парижа Э. Видок предложил систему идентификации преступника, построенную на особых приметах. Была создана картотека на парижский криминалитет с указанием фамилий, биографий, кличек, адресов, преступных связей и внешних особенностей. Тогда же в Сюрте (службе криминальной безопасности) появился художник-криминалист, который делал наброски с лиц уголовников. За двадцать лет службы Видоку и его подчиненным удалось накопить более четырех миллионов карточек. Примечательно, что сам Эжен Видок в прошлом был преступником.

Новый виток в развитии идентификации произошел в середине прошлого века, когда в брюссельской тюрьме впервые принялись фотографировать осужденных преступников и вносить их в картотеку. Настоящую же революцию в криминалистике провел Альфонс Бертильон. Он предложил измерять подследственных (существовало одиннадцать различных измерений), брать отпечатки пальцев и ввести "словесный портрет".

Ч. Ломброзо, работая врачом в одной из тюрем Италии и создавая психологические портреты заключенных, одним из первых отметил автобиографичность наколок. Наблюдения итальянского криминолога вошли в его знаменитый альбом уголовных типажей. Ломброзо считал, что по нательным узорам (впрочем, как и по всем человеческим деяниям) можно судить о личности их владельца.

Толкование татуировок становилось для полиции обычным инструментом в борьбе с преступностью. Но мгновенной отдачи не было и был" не могло. На изучение нательной живописи требовались десятилетия, и к новому направлению постепенно охладели. Его отнесли к разряду кабинетных теорий. Полиция лишь регистрировала татуировки, относясь к ним, как к обычным особым приметам преступника. Каталогом пользовались, когда нужно было установить личность погибшего, идентифицировать или опознать преступника, объявить розыск и т.д.

Начиная с 30-х годов в Советском Союзе ситуация несколько изменилась. Татуировки были вынуждены изучать, потому что они стали своеобразным орудием уголовного мира. Ни в одной стране мира зэки не были настолько сине-фиолетовыми, как у нас (конкурировать с ними могли лишь японские якудзи или воины китайских триад). Корни этого феномена кроются там же, где и корни всей тюремно-лагерной субкультуры. Еще пять-шесть лет назад криминалисты из Америки, Германии, Франции скептически относились к каталогам татуировок и снисходительно отказывались от информационной помощи в этом вопросе.

Сегодня СНГ успешно проэкспортировало преступность в Западную Европу и США. В структурах криминальной полиции многих стран созданы "русские отделы", призванные бороться с "четвертой волной". В русских кварталах наступило время отстрелов, и полицейские чины все чаще натыкались на трупы с характерным нательным рисунком или на расписанного с ног до головы вымогателя, прошедшего "лагерные университеты" в России. Волей-неволей пришлось заняться изобразительным искусством блатного мира.

Всю информацию о татуировках МВД попыталось вложить в несколько иллюстрированных каталогов и рекомендации к ним. Это наследие издавалось, хранилось и использовалось под грифом "ДСП" - для служебного пользования. Лишь в начале 90-х годов несколько сотен татуировок стало достоянием неискушенных граждан, появившись в массовых изданиях благодаря творческому усердию российских офицеров-криминалистов Бронникова, Болдаева, Дубягина и др., изучавших нательную живопись десятки лет и имевших в своих частных коллекциях не одну тысячу рисунков и фотоснимков.

Распространение клейма на теле преступников началось по инициативе государственных органов много веков назад. Отличительный знак обычно наносился на лицо (у женщин - на грудь Или плечо) и мало чем напоминал произведение искусства. Скажем, на лбу российского каторжанина выжигался знак, в котором угадывалось слово "кат". Со временем уголовный клан помог сыскным структурам и сам стал метить своих представителей. В начале XX века татуировки получили распространение на Сахалине, в Петрограде, Москве, и в основном среди воров.

Нательный рисунок имел скрытый смысл и указывал прежде всего на принадлежность к конкретной преступной группе. Это помогало быстро установить связь с вором своей масти.

Развитие нательной символики длилось почти полвека, и к 50-м годам блатной мир имел свои блатные законы татуировки. Тогда же утвердилось жесткое право на ношение определенного рисунка согласно статусу в тюремнолагерной системе. Тело зэка превратилось в его личное дело, которое прочитать мог далеко не каждый. Шла регулярная борьба за достоверность символики, за чистоту нательной информации. "Самозванцы" строго наказывались, вплоть до членовредительства или опускания. За "симуляцию" лагерного авторитета могла последовать даже смерть. Блатари пытались защитить свои наколки от подделок, изобретая новые символы, не приметные, но обязательные детали рисунка.

Однако лагерная живопись не была догмой. Изобразительное творчество поощрялось, зэки с удовольствием наносили репродукции картин и фотографий, клялись на своем теле в любви и верности дамам, напоминали о мести за измену, благодарили страну и вождей за "счастливое детство" и т.п. Но существовали символы, за которые их владелец обязан был отвечать. Особенно блатари ненавидели приблатненных, тех, кто старается подражать или выдает себя за вора.

Многие молодые парни безо всякого тайного умысла в романтическом порыве выкалывали безобиднейшие на первый взгляд рисунки - обнаженных женщин, кошек, кинжалы и прочее. Они даже не пытались кого-либо копировать, а лишь придавались своим буйным фантазиям. Когда парни по капризу судьбы попадали в зону, то в первые же дни во время водных процедур их ждала неожиданность. Вначале им задавалась пара вопросов, затем следовало резюме: "Фраер облатованный". Оказалось, что татуировки до обидного точно напоминали воровские знаки различия. Объясняться с блатарями бесполезно. Получилось, что зря был клеймен...

Существует несколько способов нанесения татуировки в зоне. Лучшим и непревзойденным красящим веществом считается китайская тушь. Но долгие десятилетия она была недоступной для большинства зэков. На ранних этапах ИТУ использовали пасту для шариковых ручек или, на худой конец, тушь, приготовленную из сажи, сахара и мочи. Инструментом для введения красителя служила обыкновенная спичка, к которой нитками приматывались две-три швейные иглы. Если же игл в камере не было, использовались скобы тетрадей или книг. Их разгибали и затачивали о бетонный пол или стену. Более удачным инструментом считались медицинская игла или шприц, в которые можно было заправить тушь.

Самостоятельно татуировка наносилась редко: прибегали к помощи специалистов. Подобные услуги были не из мелких, и лагерный художник за свое мастерство брал относительно солидный гонорар. Вначале на коже набрасывался контур рисунка, затем приступали к "иглоукалыванию". Опытные спецы наносили татуировку без предварительной подготовки.

Позже стали использовать "трафаретную печать". На толстом куске картона рисовали утвержденный эскиз и утыкали его иглами. Трафарет прикладывали к телу и били по нему сверху. После этого в многочисленные ранки втиралось красящее вещество.

Любое искусство требует жертв. Нательная живопись также. Первое неудобство татуировки проявляется спустя несколько часов. Краснеет и вспухает кожа, усиливается боль, может повыситься температура. Если опасную инфекцию не занесли, болезненный процесс длится от нескольких дней до нескольких недель: каждый организм реагирует на инородное вещество по-своему. Но случалось, что вместе с иглами или тушью в организм попадали венерические заболевания или другая инфекция. Владелец татуировки попадал в санчасть. Доходило и до хирургического вмешательства, когда клейменому пациенту с диагнозом "гангрена" ампутировали конечность. В худшем случае он погибал от заражения крови. На свободе, вне зоны, подобные эксцессы случаются среди наркоманов.

Сегодняшние механизмы для "кожной гравировки" шагнули далеко вперед. Используется электробритва или специальное приспособление, действующее по принципу швейной машинки. До и после процедуры кожа обрабатывается одеколоном или спиртом. Пасту и мочу с сажей сменила первосортная китайская тушь, которую доставят в лагерь сотрудники ИТУ за небольшое вознаграждение. Единой систематизации татуировок не имеется. Классифицировать их можно по многим признакам. В первую очередь - по тематике рисунков, среди которых встречаются религиозные, лирические, исторические, политические, порнографические. Часто тематика переплетается: исторический сюжет подается в порнографическом исполнении, религиозные соседствуют с политическими (горящее распятие с надписью "Верь в Бога, а не в коммунизм") и т.п.

Татуировки разделяют и по расположению их на теле. Самым популярным местом для живописи остается грудь. На ней размещаются обнаженные женщины, соборы, лики святых, библейские персонажи, черепа, животные (в том числе тигры и львы), черти, могильные кресты, распятия, портреты вождей, птицы, пауки, звезды лагерных лидеров, рыцари и гладиаторы.

Спина служит для церковных колоколов, подков, пауков, музыкальных инструментов, скелетов, гладиаторских поединков. На руках и ногах выкалывают кинжалы, змей, кандалы, якоря, корабли, опять-таки пауков, наколенные звезды отрицал.

И, наконец, голова. На лоб наносят свастику, все тех же пауков, аббревиатуры, короткие фразы, цифры (даты или статьи Уголовного кодекса). Текстовые татуировки (аббревиатуры, афоризмы и блатные изречения) встречаются на всех частях тела, включая веки и половые органы.

Можно систематизировать наколки по манере и сложности исполнения: художественные, фрагментарные, орнаментальные, символические, текстовые. Художественную татуировку обычно наносит "гравер" высшего разряда. Она требует усложненного инструмента и детальной проработки. При умелом подходе на теле рождается целая панорама. Особенно преуспела в художественной нательной живописи французская школа, впервые применившая цветную тушь.

В 30-х годах французский уголовник Шарль Брижо создал на своей груди настоящий шедевр: порнографическую картину в цвете. Когда Шарль ритмично напрягал мышцы, татуировка приходила в движение. С началом войны Брижо лишился своей гордости. В одном из концентрационных лагерей, куда его депортировали из оккупированного Парижа, немецкий офицер заприметил наколку. Спустя несколько дней ее владельца убили, осторожно сняли кожу, обработали и украсили ею папку эсэсовца. В концлагерях подобные шедевры встречали с удовольствием и имели с них свой доход.

Татуировки классифицируют по половому признаку (женские, мужские и "разнополые"), по сексуальной ориентации, по скрытому значению и т.п.

Каталог наколок огромен и исчисляется десятками тысяч. Чтобы понимать "фиолетовый язык", нужно изучать его десятилетиями, а то и научиться "говорить" на нем. Этот раздел книги может дать лишь общее представление о характере и классификации татуировок. Здесь использован уже изученный материал, ставший достоянием гласности. Это не путеводитель по блатным просторам, хотя большинство приведенных татуировок "сняты" именно с блатарей. Возможно, они остановят кого-то от приблатненного клейма, которое может стоить здоровья, а то и жизни.

Сводный каталог

Во многих мужских татуировках фигурируют женщины. При этом рисунок совсем не обязательно символизирует любовь или лирические чувства. Для уголовной живописи характерно отсутствие смысловой привязки к рисунку или тексту. Полуобнаженная женщина с цветком может символизировать жестокость, благозвучное "БОГ" означает "был осужден государством", а наколка кота указывает на "коренного обитателя тюрьмы".

В этой главе приведен показательный каталог татуировок, которые чаще всего встречались среди профессиональных уголовников.

1. Полуобнаженная женщина в гусарском одеянии, сидящая на пушке с горящим факелом в руке. "В мире прекрасны два явления - любовь и смерть". Символизирует верность женщине и скрытую угрозу мести за измену. Наносится на грудь или спину.

2. Обнаженная женщина, привязанная к пылающему столбу. "Смерть за измену". Означает, что носитель наколки был осужден за убийство женщины. Поленья могут означать срок наказания. Место татуировки - грудь, бедро.

3. Палач, казнящий обнаженных женщин. Татуировка иногда дополняется аббревиатурой "БОГ" (см.). Символизирует ненависть к законам и админорганам.

4. Женщина и дьявол. "Любовь и ненависть (добро и зло) всегда рядом". Означает, что владелец татуировки попал в места лишения свободы из-за женщины. Наносится на грудь или бедро.

5. Женщина на крыльях. Татуировка небольшого размера, наносится на запястье. Символизирует удачу, фарт, случайное везение. Чаще всего встречается у воров.

6. Обнаженная женщина с горящим факелом в руке, тюремная решетка, змея, крест, человеческий череп, топор, Деньги/Ничто не вечно в этом мире". "На все воля Божья". Татуировка лагерного авторитета. Может сопровождаться текстом о бренности мирского существования. Наносится только на грудь.

7. Фрагмент колючей проводки. Обобщенный символ, указывающий на то, что владелец татуировки прошел исправительно-трудовое учреждение. Наносится на запястье.

8. Палач с топором, полуобнаженная женщина, плаха. Татуировка встречается у лиц, осужденных за убийство родственника (или родственников). Вторичное значение - "Смерть изменнице". Наносится на грудь.

9. Средневековый шлем. Символ борьбы, братства, решимости. Вначале наносился лишь на запястье, теперь встречается на плече и бедре. Указывает на вора или грабителя.

10. Штык. Старейший символ воровского мира. Символизировал угрозу, предостережение, силу. Наносился на запястье, предплечье, иногда на бедро. Татуировка встречалась среди рецидивистов. Сегодня наблюдается крайне релко.

11. Обнаженная женщина, распятая на кресте с надписью "Аминь". "Я сполна отомстил за измену". Абстрагированный символ мести (не обязательно женщине). Наколка наблюдается среди воровских лидеров и наносится на грудь или бедро.

12. Тюремная решетка, роза и кинжал. Хозяин наколки отбывал срок за хулиганство в воспитательно-трудовой колонии. Наносят на предплечье или плечо. Если кинжал и роза без решетки - "Кровь за измену".

13. Голова девушки. Совершеннолетие встретил в ВТК". Место татуировки
- плечо, реже - грудь.

14. Обнаженная женщина на крылатом колесе. "Колесо фортуны". Символизирует веру в удачу. Наносят на грудь.

15. Череп, пробитый кинжалом, роза, змея, обвивающая кинжал. Воровской символ. "Наша жизнь - борьба". Корона над змеей указывает на татуировку воровского авторитета - вора в законе, положенца, смотрящего. Встречается на плече, реже - на груди.

16. Крест с цепью. Выкалывается в верхней части груди и указывает на веру в свой рок. Если крест изображен в виде трефовой масти, то хозяин наколки - вор.

17. Обнаженная женщина, обвитая змеей, с яблоком в руке. Библейский сюжет о змее-искусителе. "На преступление толкнула женщина". "Женщина-искуситель". Наносится на грудь, плечо. Татуировка иногда встречается среди пассивных гомосексуалистов (обычно на спине).

18. Рука с тюльпаном, обвитая колючей проводкой. "В ВТК встретил 16 лет". Место татуировки - плечо.

19. Руки в кандалах, держащие розу. "18 лет встретил в ВТК" (кандалы символизируют "полноценного уголовника"). Наносят на плечо. Две последние татуировки распространены также среди женщин.

20. Русалка на якоре. Встречается у моряков и у лиц, отбывавших наказание за изнасилование или развратные действия. Реже наблюдается у пассивных гомосексуалистов. Татуировка наносится на грудь или спину.

21. Вилы. Один из старейших преступных символов России. Сначала он служил отличительным знаком крупных малин и воровских авторитетов. Его оставляли на тюремных стенах, используя как средство связи. Позже стал наноситься на плечо, бедро или предплечье. Символизирует угрозу, силу. Сейчас встречается редко.

22. Восьмиконечная звезда. Татуировка лагерных авторитетов - воров в законе, отрицал, паханое. Наносится под ключицу.

23. Полуобнаженная женщина, сидящая на магическом шаре. Над головой - полумесяц. Символизирует веру в потусторонние силы. Наносится на грудь и на спину. Встречается у мусульман и евреев.

24. Медведь, держащий средневековый топор с изображением трефовой масти. Указывает на медвежатника - взломщика. Может также означать, что осужденный отбывал наказание на "лесоповале" - в ИТУ, специализирующихся на заготовках леса. "Закон - тайга, черпак - норма, медведь - прокурор".

25. Скрещенные стрела и ключ. Символ квартирного вора - домушника. Наносится на предплечье или бедро. 26. Женщина с обнаженной грудью и прижатым к губам указательным пальцем. "Silentium!" - "Молчание!" Символизирует недоверие к женщине. "Пока в миру существуют женщины, тайн не будет". Наносится на грудь.

27. Звезда Давида, обвитая крылатой змеей. Владелец татуировки - еврей и принадлежит "крылатым" - лагерным авторитетам.

28. Сабля без ножен. Татуировка символизирует агрессивность и тайную угрозу. Наносится на предплечье, запястье. Сабля в ножнах означает, что уголовник "завязал". Встречается очень редко.

29. "Не люби деньги - погубят, не люби женщин - обманут, а люби Бога (или свободу)".

30. Женщина, пистолет, деньги, бутылка, шприц, нож, карты. "Вот, что мы любим" или "Вот, что нас губит". Символизирует разгульную жизнь, расточительство.

31. Лев в окружении средневекового оружия - меча, топора, лука, стрел, булавы. Символизирует силу и власть. Лежащая перед львом книга означает мудрость. "Жесток, но справедлив". Татуировка авторитетов. Наносится почти всегда на грудь.

32. Летящий демон. Рисунок может дополняться надписью "Fatum" (рок). Наносится на грудь и означает жестокость. "Мой бог - злой Демон". "Грехи оплатит сатана". Встречается у быков, бойцов, отрицал.

33 и 34. Татуировки наркоманов. Джинн, вылетающий из кувшина. Наносится на грудь, плечо или переднюю часть бедра. Паук в паутине может выкалываться на голове под волосами. Паук без паутины означает карманника.

35. Три карты, пробитые стрелой. Нательный знак карточных шулеров.

36. Орел на вершине горы. Символ власти и свободы. Татуировка лагерных авторитетов.

37. Черт. Наколка относится к так называемым "оскалам" и символизирует ненависть к административным структурам. Наносят на грудь. Сопровождается текстами антигосударственного содержания.

38. Амур с луком, змей-искуситель, голуби, пробитое стрелой сердце. Художественная татуировка. "Искушен тобой навеки". Наносится на грудь или спину.

39. Дракон, летящий над замком. Татуировка встречается у расхитителей государственной или коллективной собственности, "цеховиков". Означает также полную конфискацию имущества. Наносится на грудь и спину.

40. "КОТ - коренной обитатель тюрьмы". Изображение кота наносят рецидивисты, сравнивающие себя с этим животным. В кошке сочетаются гордость и привязанность к дому (дом вора - тюрьма). Рисунок может сопровождаться текстами типа "И вот я дома".

41. Символ власти фараона. Сначала встречалась лишь у лагерных авторитетов. Затем татуировку стали накалывать воры, перепродающие краденые вещи. Сейчас встречается редко. Наносилась на руки.

42. Горящее распятие с женщиной. "На преступление толкнула женщина". "За измену отомщу". "Осужден за убийство женщины".

43. Бегущий олень. "Я родился свободным и умру свободным". Наносится на грудь и указывает на склонность к побегу.

44. Рыцари. "Сила и верность". Наносится на грудь.

45. Ковбой с голой девушкой на коне. Рисунок может сопровождаться аббревиатурой "ОМУТ" ("От меня уйти трудно"). Означает склонность к риску и авантюрам. Татуировка наносится на грудь.

46. "Cowgirle" - девушка-ковбой. "Миром правит золото и дерзость". Распространена среди злостных нарушителей лагерного распорядка.

47. Женщина, роза, кинжал. "Месть за измену". Место татуировки - предплечье.

48. Женщина со шпагой, нанизывающая сердца. "Разбила сердце". "Сердцеедка". Татуировка посвящена даме сердца и наносится на грудь или бедро. Встречается также у женщин. Число сердец указывает на количество покоренных мужчин.

49. Женщина в подкове, обвитой колючей проводкой. "Тюрьмой обязан женщине".

50. Рука в кандалах, сжимающая нож. "Руку - вору, нож - прокурору". "Меня исправит расстрел". Символизирует жестокость, насилие. Наколка встречается у отрицал, паханое.

51. Крест, объятый пламенем, с надписью "Верь в Бога, а не в коммунизм". Политическая татуировка. Как правило, ее наносили политзаключенные (см. главу "Политические татуировки").

52. "Вот что от нас осталось". Владелец татуировки много лет провел в тюрьмах и лагерях (число колючек на проволоке может указывать на исправительно-трудовой стаж). Вторичное значение татуировки - "За все легавым отомщу". Встречается на груди и спине.

53. Зэк, плачущий за решеткой. "Будь проклят тот от века и до века, кто тюрьмой решил исправить человека". Наносится на грудь или спину. Как и предыдущая наколка, указывает на лагерного старожила. Ну, мент, погоди!

54. "Ну, волк, погоди!" Карикатура на сотрудника милиции. Часто волка изображают в форменной фуражке, кителе и с портупеей. Наносится на бедро и поясницу.

55. Пляшущие скелеты. Символизирует риск, бесстрашие, презрение к смерти. Впервые татуировка появилась в Мексике и была "импортирована" в Советский Союз в 60-х годах. Место наколки - плечо или грудь.

56. Нептун. Сила и власть. "Жалость к человеку унижает вора". Рисунок встречается и у моряков.

57. Индеец. "Лишен гражданских прав". Подобные татуировки наносили политзаключенные и диссиденты.

58. Парусник. "Вечный бродяга" или "Вечный странник". Указывает на гастролера. Белые паруса означают вора, черные - гопника. Иногда число мачт указывает на количество судимостей. Наносится на грудь и бедро.

59. Дерущиеся быки. "Кто сильнее, тот и прав". Символизирует агрессию, борьбу за власть. Наносят лагерные авторитеты. Рисунок может сопровождаться текстом. Место татуировки - грудь.

60. Голова тигра. "Жестокость и ярость". Носителями татуировки выступают быки и бойцы (лица, чинящие физическую расправу по приказу вора в законе). Встречается на груди и плече.

61. Латинская буква "D", тигр, держащий в лапе череп, корона, пиковая масть. Символизирует насилие. Татуировка характерна для гопников.

62. Гладиатор. Наносится быками и бойцами. Чаще всего - на грудь. С меча может стекать кровь, что указывает на бойца со "стажем".

63. Пират с ножом в зубах. На ноже надпись "ИРА" ("Иду резать активистов"). Татуировка встречается у отрицал. Лагерный актив - Служба внутреннего порядка ("СВП"). Эту службу отрицалы называют "Сука вышла погулять" и "Суке вышла половина" (досрочное освобождение).

64. Руки в кандалах, сжимающие крест с распятием Иисуса Христа. Символизирует веру в блатное братство, преданность воровскому делу.

65. Монах с гусиным пером. Указывает на "писаря" - карманного вора, совершающего кражи с помощью острозаточенных предметов - бритвы, монеты, кольца.

66. Орел с чемоданом в когтях. Означает гастролера. Если в лапах женщина - "Осужден за изнасилование". Наколка может свидетельствовать о склонности к побегу.

67. Женщина со змеей на шее. Подразумевает жестокость и насилие. Встречается у восточных народов.

68. Наполеон. Символ власти и авантюризма.

69. Жук. "Желаю удачной кражи". Татуировка воров-карманников. Она наносится между большим и указательным пальцами. Вместо жука может изображаться паук без паутины или блоха.

70. Рука с кинжалом, пронизывающая дьявола. Наколка антисемитов. "Бей жидов, спасай Россию!", "Убийство еврея не преступление, а очищение мира от посланников Сатаны". Подобные татуировки считались политическими и уничтожались.

71. Черт с мешком. "Было счастье, да черт унес". Владелец татуировки имеет большой воровской опыт.

72. Женщина с обнаженной грудью. На груди - амулет в виде буквы "М" и короны. "Месть за измену". Символизирует агрессивность, насилие, жестокость.

73. Плачущая муза. Татуировка символизирует скитание, непризнанный талант, разочарование. Встречается также у женщин.

74. Грифон. "Хранитель тайн". Распространен среди восточных народов.

75. "Отбывал наказание на Севере".

76. Орел меж двух деревьев разных климатических поясов. Означает вора-гастролера и склонность к побегу. Череп в когтях символизирует насилие.

Текстовые татуировки

Афоризмы, блатные изречения, аббревиатуры и отдельные слова, наносимые на тело, дополняют нательный рисунок или же существуют самостоятельно. Тексты встречаются на всех частях тела, многие из них имеют скрытый или вторичный смысл и требуют пояснений. Ниже приведены наиболее популярные текстовые татуировки.

А ну-ка, девушки! (наносится в области полового члена).

А тебе дорога вышла - бедовать со мною, повернешь обратно дышло - пулей рот закрою.

Бакланом быть, баклуши бить.

Баклуши бить, водку не пить.

Без любви и женской ласки... дней (наносится возле полового члена).
Без нужды не доставай, без славы не всовывай (наносится возле полового члена).
Белая смерть (сопровождает изображение шприца, паука в паутине, джинна, вылетающего из кувшина).
Береженого Бог бережет.
Бог далеко, а жизнь близко.
Бог создал вора, черт - прокурора.
Бог создал три зла - черта, бабу и козла.
Боже, дай мне силы.
Боже, спаси обжору (наносится на живот).
Боже, суди меня не по делам моим, а по милосердию моему.
Больше пуда не клади (располагается между лопаток. Может дополняться текстом на животе: "Меньше пуда не клади).
Бросай меня крепче, жизнь, пусть удача нежит слабых.
Будешь ночью много спать, перестанешь воровать.
Будьмо! (дополняется изображением украинского козака с чаркой в руках).
Будь проклят тот от века и до века, кто тюрьмой решил исправить человека.
Было счастье, да черт унес.
Былое и думы.
Везде бывал, но дом родной не забывал (имеется в виду тюрьма).
Верните мне в юность обратный билет - я сполна заплатил за дорогу.
Весь мир бардак, все бабы - бляди.
Вечный бродяга (может дополняться парусником, который символизирует гастролера).
Вино и женщины (сопровождается рисунком обнаженной женщины с бокалом в руках).
В каждом удаве таится кролик.
Влюбляйтесь. Был и я таким, как вы.
Вновь они (я) дома (наносится на ногах).
Вот что нас губит или Вот что мы любим (сопутствует изображению карт, денег, женщин, пистолета и т.п.).
Все продается.
Все, что осталось у меня (наносят возле полового члена).
Все, что от нас осталось (дополняется черепами и скелетами).
Все, что уйдет, то не наше.
Всех баб не персе...ь, но стремиться к этому надо.
Вставай, дурак, халтура есть (наносится возле полового члена и может дополняться изображением женщин, поднимающих член канатом).
Всюду был, а где - забыл.
Всю жизнь в тюрьме.
Где начинается любовь, там кончается свобода.
Горе побежденным (дополняется изображением тигров, сражений, гладиаторов).
Господи, спаси меня от друзей, а с врагами я и сам справлюсь.
Да взойдет на грешного Божья благодать.
Дай (место текста - ладонь).
Дай, Боже, волю...
Дай е...ь (наносится на фаланги пальцев обеих рук таким образом, что фразу можно прочесть, лишь сцепив руки в замок).
Девственность излечима.
Дело верное, решение смелое.
День для ученых, ночь для нас.
До 12 не буди (наносится на веках).
Дома хорошо, когда есть деньги.
Дурнее бабы зверя нет.
Е... нужду и горе тоже.
Если горя ты не знала, полюби меня.
Если любишь, верь и жди.
Если хочешь пить и жрать, надо много воровать.

Если хочешь поработать - ляг, поспи, и все пройдет.
Если хочешь быть здоровым, занимайся делом клевым.
Жажда мести (наносится на руках и дополняется изображением кинжалов, черепов и т.п.).
Жена красивая - чужая, любовница - всегда моя.
Жена простит, любовница отомстит.
Женская забава (наносится возле полового органа).
Жизнь моя, иль ты приснилась мне.
Жизнь прошла мимо.
Жил грешно, умру смешно.
Забава (встречается на половом члене).
За веру и правду - счастье до гроба.
За верность - любовь, за предательство - смерть.
Задирайте, девки, юбки - ... (мужское имя) вышел на свободу (встречается вариант: "Задирайте, девки, юбки, я освободился").
Заморили, суки, заморили, загубили молодость мою.
Звони, отец, в колокола, твой сын вернулся на свободу.
Здесь нет конвоя (дополняется изображением могильного креста или церкви).
Измену не прощу.
Каждому свое, а мне - твое.
Как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок.
Ключ от дамских сердец (наносится по низу живота).
Краток миг наслаждений.
Крови нет, менты попили (встречается на внутренней стороне предплечья. Вариант: "Крови нет, один чифирь").
Кто не был лишен свободы, тот не знает ее цены.
Кто сильнее, тот и прав.
Лучше смерть от ножа, чем от руки правосудия.
Любви все возрасты покорны (может дополняться изображением решетки, скелета).
Люби свободу, как жизнь.
Люблю только маму.
Люблю тебя, как мать родную (посвящается тюрьме).
Люблю свободу, презираю смерть.
Любовь зла, полюбишь и козла.
Люди гибнут за металл.
Меня не забывай, попадешь в рай.
Мертвые не потеют (вариант: "Мертвые не кусаются").
Миром правит золото и дерзость.
Мир дому моему (подразумевается ИТК или тюрьма).
Мы победим вас (варианты: "Мы победим!", "Мы не умрем!").
На луну за планом (татуировка наркоманов. Рядом с текстом изображается черт, летящий на ракете).
Не все ошибки исправляются.
Не встану на колени (наносится на колени отрицалами).
Не жди меня, береги себя, говорю любя.
Не забуду мать родную.
Не лезь в душу (наносится на груди),
Не люби деньги - погубят, не люби женщин - обманут, а люби свободу (вариант: "Не рви цветы - завянут, не люби женщин - обманут").
Не перевелись еще на Руси богатыри (текст часто сопровождается изображением рыцарей или сражений).
Не печалюсь, не грущу, дело верное ищу.
Не смотри - не преступник.
Не спешите на работу, а спешите на обед (наносится на ноги. Часто в таком виде: первая часть фразы - на правой ноге, продолжение - на левой).
Не уверен - не обгоняй (наносят на спине или затылке).
Нет в жизни счастья, как в п... дубов.

Не умеешь пить - не умеешь жить.

Не ходи, стуча, делай дело сообща.

Ну, мент, погоди! (может сопровождаться карикатурой на сотрудника милиции, изображенного в виде волка из мультфильма).

Нрав человека - его рок.

Обжора (место татуировки - живот).

О, Боже, мать, но где же правда?!

Она всех рассудит (сопровождается изображением богини правосудия Фемиды, реже - изображением церкви).

Они споткнулись об Уголовный кодекс (наносят на ноги).

Они спят (на веках).

Они устали, но до пивбара дойдут (на ногах).

Они устали ходить под конвоем (на ногах).

Они, устали, но х... догонишь! (на ногах).

Остановите Землю, я сойду, здесь подлый мир, здесь нет свободы.

Преступившие закон в долгу не любят оставаться.

П... не Бог, но помогает.

Прошлое меня обмануло, настоящее терзает, будущее приводит в ужас.

Перед Богом чист (возможен вариант: "Перед людьми я виноват, пред Богом чист").

Пока люблю, я счастлив.

Пока существуют женщины на свете, тайн не будет.

Полюби меня страшного, каяться не будешь.

Полюби меня, бродягу, не раскаешься.

Помни о смерти (возможен вариант по-латински).

Почему нет водки на Луне У (на блатном жаргоне "отправиться на Луну" означает "быть расстрелянным". Текст может сопровождаться изображением черта, сидящего на полумесяце с бутылкой).

Почитай веру, но знай меру.

Привет парикмахеру (напоется на голове под волосами).

Пустой рот, болит живот.

Прошу как ангел, е... как черт.

Пусть ненавидят, но пусть боятся.

Пусть подлости прощает Бог, а я не Бог, я не прощаю.

Раб КПСС (варианты: "Раб СССР", "Раб МВД").

Рожденный воровать не будет щи хлебать.

Рожден без счастья (возможен вариант: "С малых лет счастья нет).

Руку - вору, нож - прокурору.

Свобода (может дополняться изображением статуи Свободы, орла, чайки, голубя).

Святого в этом мире нет, но есть закон, тюрьма и судьи, что загубили жизни цвет, ломая молодые судьбы.

Сделано в СССР (может размещаться на всех частях тела. Встречается на половом члене вместе со знаком качества).

Сильному ясно, слабому опасно.

Смерть врагам, жизнь ворам (вариант: "Смерть ментам, жизнь кентам").

Снова я у хозяина (дополняется изображением решетки).

Совесть - для других, башли - для себя.

Совесть - хорошо, а деньги - лучше.

Туда, где нет труда (наносится на ногах).

Тюрьма для зэков - университет преступности.

Тяжело любить, когда любовь не замечают.

Тюрьма - не школа, прокурор - не учитель.

Тяжелый крест мне пал на долю, тюрьма все счастье отняла.

Фас (место татуировки - половой член. Там же встречаются "Хам", "Х..).

Храни любовь, цени свободу.

Хочешь жить, давай дружить (наносится на запястье).

Хочу жить, хочу любить, но на свободе.

Х... тому, кто рад горю моему.
Цени любовь и дорожи свободой.
Человек, помоги себе сам.
Человек человеку - волк.
Шагая весело по жизни, клопа дави и масть держи.
Шли к любимой, попали в ад (наносится на ногах).
Шути любя, но не люби шутя.
Я вас люблю (место татуировки - веки).
Я помню мать мою старушку.
Arrive ce guil pourra (фр.) - Будь что будет.
A tout prix (фр.) - Любой ценой.
Audacesfortuna kuvat (лат.) - Счастье сопутствует смелым.
Battle of life (англ.) - Борьба за жизнь.
Buvons, chantons et aimons (фр.) - Пьем, поем и любим.
Cache ta vie (фр.) - Скрывай свою жизнь.
Cave! (лат.) - Будь осторожен!
Cercando И vero (ит.) - Ищу истину.
Contra spent spero (лат.) - Без надежды надеюсь.
Croire a son etoile (фр.) - Верить в свою звезду.
Da hin ich г.и House (нем.) - Здесь я дома.
Debellare superbos (лат.) - Давить гордыню непокорных.
Due cose belle ha il mondo Amore e Morte (ит.) - В мире прекрасны два явления: любовь и смерть.
Du sollst nicht erst Schlag erwarten (нем.) - Не жди, пока тебя ударят.
Eigenthum ist Frerndenthum (нем.) - Собственность есть чужое.
Ет Wink des Schicksals (нем.) - Указание судьбы.
Errare humanum est (лат.) - Человеку свойственно ошибаться.
Est quaedamflere voluptas (лат.) - В слезах есть что-то от наслаждения.
Ex voto (лат.) - По обещанию; по обету.
Faciam ut mei memineris (лат.) - Сделаю так, чтобы ты обо мне помнил!
Fatum (лат.) - Судьба, рок.
Fecit (лат.) - Сделал, исполнил.
Finis coronat opus (лат.) - Конец венчает дело.
Fu... е поп е! (ит.) - Был... и нет его!
Gaudeamus igitur, Juvenea dum Sumus (лат.) - Возвеселимся же, пока мы молоды.
Gnothi seauton (греч.) - Познай самого себя.
Grace роир moi (фр.) - Пощады (прощения) для меня!
Guai chi la Tocca (ит.) - Горе тому, кто ее коснется.
Gutta cavat Lapidem (лат.) - Капля камень долбит.
Help yourself (англ.) - Помоги себе сам.
Hoc est in votis (лат.) - Вот чего я хочу.
Homo homini Lupus est (лат.) - Человек человеку волк.
Homo Liber (лат.) - Свободный человек.
I hac spe vivo (лат.) - Этой надеждой я живу.
In vino veritas (лат.) - Истина в вине.
Killing is not Murder (англ.) - Умерщвление - не убийство.
La donna e mobile (ит.) - Женщина непостоянна.
Le devoir avant tout (фр.) - Долг прежде всего.
Magna res est amor (лат.) - Великое дело - любовь.
Malo mori quam foedari (лат.) - Лучше смерть, чем бесчестье.
Ne cede malis (лат.) - Не падай духом в несчастье.
Noli me tangere (лат.) - Не тронь меня.
Now or never (англ.) - Сейчас или никогда.
Omnia mea mecum porto (лат.) - Все мое ношу с собой.
Per aspera ad astra (лат.) - Через тернии к звездам.
Quefemme vent - dieu le veut (фр.) - Чего хочет женщина - то угодно Богу.
Quod licet Jovi, поп licet bovi (лат.) - Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку.

Sans phrases (фр.) - Без лишних слов.
Sena dubbio (ит.) - Без сомнения.
Suum cuique (лат.) - Каждому свое.
To be or not to be (англ.) - Быть или не быть.
Ta ne cede malis, sed contra audehtior (лат.) - Не покоряйся беде, но смело иди навстречу.
ПЫ bene, ibi patria (лат.) - Где хорошо, там и родина.
Vale et me ama (лат.) - Прощай и люби меня.
Veni, vidi, vici (лат.) - Пришел, увидел, победил.
Virginity is a luxury (англ.) - Девственность - роскошь.
Vivere militare est (лат.) - Жить - значит бороться.
Wait and see (англ.) - Поживем - увидим.
Wein, Weib und Gesang (нем.) - Вино, женщины и песни.
Weltkmd (нем.) - Дитя мира.

Татуировки-аббревиатуры

АА - ангел ада.
ДГМД - Адольф Гитлер - мой друг.
ДЛЕНКА - а любить ее надо, как ангела.
АЛЛЮР - анархию люблю любовью юной - радостно.
АМУР - ТНМН - ангел мой ушел рано - так начались мои несчастья.
АРБАТ - а Россия была, а теперь?
БАРС - бей актив, режь сук; бей активистов, режь стукачей.
БЕРЛИН - буду ее ревновать, любить и ненавидеть.
БЕС - бей, если сможешь.
БЖСР! - бей жидов, спасай Россию!
БЛИЦС - береги любовь и цени свободу.
БОГ - бог отпустит грехи; был осужден государством; боюсь остаться голодным; буду опять грабить; будь осторожен,
грабитель; бойтесь огня, гады.
БОГИНЯ - буду одной гордиться и наслаждаться я.
БОМЖИЗ - богом охраняемый, молитвой живущий и замордованный.
БОНС - был осужден народным судом.
БОСС - был осужден советским судом; был осужден Советским Союзом.
БОТН - буду отныне твоя навеки.
ВЕРМУТ - вернись, если разлука мучает уже тебя.
ВИМБЛ - вернись и мне будет легче.
ВИНО - вернись и навсегда останься.
ВНТСЧ - вор не торгует своей честью.
ВОЛК - вот она, любовь какая; вору одышка (отдышка) - лягавым крышка; волю любит колонист.
ВОР - вождь Октябрьской революции.
ВОРОН - вор - он рожден одной ненавистью.
ВОСК - воля ослабнет - скоро конец; вот она, свобода, колонисты.
ВУЗ - вечный узник зоны; веселым умру зэком.
ГОРН - государство обрекло (в) рабы навеки.
ГОТТ - горжусь одним тобой только; готова отдаться только тебе.
ГУСИ - где увижу, сразу изнасилую.
ГУТОЛИСТ - губы устали твердить о любви и сильной тоске
ДЕРПН - деру, е..., режу партийных нахлебников.
ДЖОН - дома ждут одни несчастья; души жидов, они - несчастье.
ДЖОНКА - дома ждут одни несчастья - капризы алкаша.
ДИССИК - дави иуд, сексотов, сук и коммунистов.
ДМНТП - для меня нет тебя прекрасней.
ДНО - дайте немного отдохнуть; дайте нам отдышаться.
ЕВА - е... весь актив.

ЕВРОПА - если вор работает - он падший арестант.
ЕЛКА - его (ее) ласки кажутся ароматом; если любовь коварна - атас.
ЖЕРН - жизнь есть рабская неволя.
ЖНПСМ - живу на помойке, спаси меня.
ЖНССС - жизнь научит смеяться сквозь слезы.
ЖОВМ - жопа одна - вас много (наносится насильно).
ЖУК - желаю удачных краж; жизнь украли (укоротили) коммунисты.
ЖУР! - живи, уркаган, роскошно!
ЗВОНОК - знай воров - они научат очень круто.
ЗЕК - здесь есть конвой.
ЗЛО - зэк любит отдыхать; завет любимого отца; знала любовь однажды; за все легавым отомщу.
ЗЛОБО - за все легавым отомщу больно очень.
ЗМЕЯ - зачем мужчина - есть я.
ЗУД - здесь учат драться.
ЗУБ! - здорово, урки-блатари!
ЗУБР - злые урки берегут рабов.
ИГРА - иду громить, резать активистов (аббревиатура встречается редко).
ИРА - иду резать актив; иду резать активистов.
ИРАК - иду резать актив коммунистов.
ИРИС - и раб, и стукач (наносится насильно).
ИРКА-ЕНТР - и разлука кажется адом - если нет тебя рядом.
КАТ - каторжный арестант-тяжеляк; каторжник.
КЕНТ - когда е..., надо терпеть.
КИСБТ - как истосковалось сердце без тебя.
КЛЕН - клянусь любить его (ее) навек.
КЛИН - когда любишь - измену наказывай.
КЛИН-ОБОЗ - как люблю и ненавижу - один бог об (этом) знает.
КЛОТ - клянусь любить одного (одну) тебя; когда любишь - обиды терпишь.
КОМС? - как одной мучительно, слышишь?
КОСУМ - когда опять счастье улыбнется мне.
КОТ - коренной обитатель тюрьмы; как одной трудно; кто отогреет тоску.
КРЕСТ - как разлюбить, если сердце тоскует.
КТЯБНН - как ты я больше не найду.
КУБ? - кто умрет быстрей?
КУБА - когда уходишь - боль адская.
КЯСОД! - как я скучаю о доме! как я скучаю о детях!
ЛБЖ - люблю больше жизни.
ЛЕБЕДИ - любить ее буду, если даже изменит.
ЛЕБЕДУН - любить ее буду, если даже уйдет навсегда.
ЛЕВ - люблю ее вечно; люблю е... веселых; лягавых е... весело.
ЛЕДИ - люблю, если даже изменит.
ЛЕС - люблю ее сильно.
ЛЕТО - люблю ее только одну.
ЛИМОН - любить и мучиться одной надоело.
ЛИР - любовь и разлука; люблю и режу.
ЛИС - любовь и смерть.
ЛИСТ - люблю и сильно тоскую.
ЛИЯ - любовь и я.
ЛОМ - люби одного меня; любимая, отпусти меня.
ЛОН - люблю общество наркоманов.
ЛОРА - любовь однажды родила ангела; любовь обошла раба-арестанта.
ЛОРД - легавым отомстят родные дети; любовь один раз дается; лагерные орлы радуют друзей; люби, отец, родных детей; люблю один родимый дом.
ЛОТ - люблю одну тебя; любопытный очень ты.
ЛОТОС - люблю одну (одного) тебя очень сильно.

ЛСД - любовь стоит дорого.
ЛСКЧВ - люби свободу, как чайка воду.
ЛТВ - люби товарищ, волю; люблю только волю; люблю тебя вечно; люблю только вольных; люблю тихо воровать.
ЛУЧ - любимый ушел человек.
ЛЮБА - любовь юности была ангельской.
МАГ - мой Адольф Гитлер.
МАГНИТ - милая, а глаза неустанно ищут тебя.
МД - милая дуреха.
МЕЛ - моя единственная любовь.
МЖДВА- меня ждут давно в аду.
МИР - меня исправит расстрел.
МНСЗС - мне не стыдно за себя.
МОЛЧУ - моя одержимая любовь (и) чувства умерли.
МОРС - мы опять расстаемся счастливыми.
МТКН - менты - тупые козлы народа.
МТС - менты - тупые скоты.
НЕБО - не (грусти), если будешь одна.
НЕБО-ЗЯВР - не (грусти), если будешь одна, знай - я всегда рядом.
НИЛ - нельзя изменять любимым.
НИНА - не (была) и не (буду) активисткой.
НИНС - никогда изменить не смогу.
ОМУТ - одно мое утешение - ты; от меня уйти трудно.
ОПЛНЗ - орлом поднебесным лечу над землей.
ОРВЕА - Октябрьская революция - величайшая еврейская авантюра.
ОСА - оставьте смерть активистам.
ОСМН - останься со мной навсегда.
ОСТ - опять стану твоей.
ОСТРОВ - останься со (мною), твой радостный остров во (мне); отчаянной страстью тоскует раздутый огонь во (мне).
ПАПА - п...ц активистам, привет анархистам.
ПВА - презираю ваш актив.
ПВРС - пусть вкалывают рабы Совдепии.
ПЕС - плохо ее слушался.
ПИВО - прости и вернись обратно.
ПИЛОТ - помню и люблю одного (одну) тебя; помни, люблю одного (одну) тебя.
ПИНГВИН - прости и не грусти, виноватого искать не надо.
ПИПЛ - первая и последняя любовь.
ПОНТИ - помни обо (мне) - ненавижу тебя, иуду.
ПОСТ - прости, отец, судьба такая.
ПРАВИЛА - правительство решило арестовать всех и лишить амнистии.
РДМВСНН - рожден для мук - в счастье не нуждаюсь.
РИТМ - радость и тоска моя.
РОКЗИСМ - Россия облита кровью зэков и слезами матерей.
РОСТ - рано остался сиротой тирана; радость одна - стрелять тиранов.
САПЕР - счастлив арестант - после его расстрела.
САТУРН - слышишь, а тебя уже разлюбить невозможно.
СВАТ? - свобода вернется, а ты?
СВЕТ - страсть выдыхается - если тревожно.
СГВ - Северная группа войск (армейская татуировка).
СЕНТЯБРЬ - скажи, если нужно, то я буду рядом.
СЛИЧЖВР - смерть легавым и чекистам, жизнь ворамрецидивистам.
СЛЖБ - смерть легавым, жизнь блатным.
СЛЖН - смерть легавым - жизни нет.
СЛОН - с любимым одним навеки; смерть легавым от ножа; с (малых) лет одни несчастья; сердце любит одну навеки; суки любят одно начальство.

СНЕГ - сильно нравятся единственные глаза.
СОН - со (мной) одни несчастья; счастье обходит несчастных; самая озорная нахалка.
СОН-ВХ - самая озорная нахалка - всегда хочет.
СОС (SOS) - спасите от суда; спасаюсь от сук; спасаюсь от сифилиса; суки отняли свободу; спаси, отец, сына.
СС (SS) - сохранил совесть.
СС-КГБ - сукины сыны - кодла государственных бандитов.
СС-ММ - суперсекс - моя мечта; суперсексотов - могу (мочу) молча.
СП - смерть погонам.
СПВ - слава павшим ворам.
СТОН - с тобой одни несчастья; счастье тонет от нечистых; сердцу ты один нужен.
СТОП - счастье тому, от (кого) польза.
СУМЕРКИ - сумею уберечь милую, если разлука как испытание.
СЧАК - суки - часто активисты.
СЭР - свобода - это рай.
ТЕНИС - ты есть - нежность и слезы.
ТИГР - тюрьма - игрушка; тебя, изменницу, готов разорвать; товарищи, идем грабить ресторан.
ТИН - ты или никто.
ТИНД - ты и никто другой.
ТМЖ - тюрьма мешает жить.
ТМОН - ты мне очень нравишься.
ТОБОЛ - тобой одна больна остывшей любовью.
ТОМСК - ты один моего сердца коснулся.
ТОХИС - ты очень хорош и славен.
ТРОН - ты - радость одна навеки.
ТУЗ - тюрьма у нас забава; тюрьма учит закону; тюрьма уже знакома; тюремный узник.
ТУЗ-СС - ты уже знаешь - суперсекс.
ТУМР - тайга укроет меня, родная.
УЗ: ВУСК - узник зон: Воркуты, Урала, Сибири, Колымы.
УТРО - ушел тропою родного отца.
ХЛЕБ - хранить любовь единственную буду; Христос лелеет бедолаг.
ХМБИС - хранит меня бог и судьба.
ХРИСТОС? - хочешь, радости и слезы тебе отдам, слышишь?
ХТКПТ - хрен тому, кто придумал тюрьму.
ЦЛИБИС - цени любовь и береги истинную свободу.
ЦМОС - цель мою оправдывают средства.
ША! - шали, арестант!
ШАМПАНСКОЕ? - шутка, а может, просто адская насмешка, скажи, как оценить ее?
ШПДЗМ! - шали, пацан, да знай меру!
ЭВЖМС! - эликсир вечной женской молодости - сперма!
ЭЛЕКТРОН - эта любовь единственная, которую ты разожгла, останется навеки.
ЭПРОН - Эрот, подари радость одной ненасытной.
ЭТАП - экскурсия таежных арестантских паханов.
ЭХО! - Эрот, хочу отдаться! эх, хорошо (бы) обожраться! этого хватит одной!
ЮВ - ВТК - юный воспитанник - воспитательно-трудовой колонии.
ЮДА - юный друг Адольфа.
ЮДВ - юный друг воров.
ЮГ - юный грабитель; южный грабитель; юный громила; юный гастролер.
ЯБЛОКО - я буду любить одного, как обещала.
ЯВА - я вые... актив.
ЯВТПК - я выпью тебя по капле.
ЯД - я дождусь.
ЯДРО - я дарю радость однажды.
ЯЛТА - я люблю тебя, ангел.
ЯНИН - я научен изменой навеки.
ЯННА - я надеюсь на амнистию.

ЯНПТС - я не продажная тварь совка.
ЯПОНИЯ? - я прощу обиду, не изменю, ясно?; я прощаю обиду, не измену, ясно?
ЯР - Я - решился!
ЯРД - я решил драться.
ЯРДС - я рождена для счастья.
ЯРМО - я рождена мучиться одна.
ЯСССССВД - я съел свою совесть с соплями в детстве.
ЯХОНТ - я хочу одного (одну) навеки тебя.
ЯХТ - я хочу тебя.
ЯХТА - я хочу тебя, ангелочек.
ЯХТТ - я хочу только тебя.

Необходимо отметить, что толкование аббревиатур не является чем-то нерушимым и неизменным. Оно может быть произвольным.

Многие сокращения трактуются по-разному (КОТ, СЛОН, ТИГР, БОГ, БАРС и др.). В главе приведены наиболее распространенные интерпретации. Истинное значение текстовых сокращений знает лишь их непосредственный владелец.

Женские татуировки

К наколкам женщины-уголовницы прибегают значительно реже мужчин. Каталог женских татуировок беднее и свидетельствует о том, что нательная живопись в женских колониях и женской блатной среде самостоятельного развития не получила.

Принципиальных отличий между мужскими и женскими татуировками не замечено. Женщины предпочитают орнаментальный тип наколок, которым присущи сентиментальность (цветы, птицы, солнце) и простота исполнения. Художественные татуировки встречаются редко. Возможно, это объясняется врожденным стремлением ухаживать за своей кожей. Некоторые татуировки уголовницы переняли у мужчин. Например, "От звонка до звонка", "Начал воровать", "Совершеннолетие встретил в ВТК" и т.п.

Нынешние преступницы в отличие от своих блатных предшественниц подходят к способу нанесения наколки очень щепетильно. Молодые женщины предпочитают механизированные инструменты, действующие по принципу швейной машинки (в лагерях ими служат электробритвы). Наиболее популярные места для татуировки - живот, ноги (под коленями), верхняя часть груди. Хотя среди преступниц есть мастерицы подобного изобразительного искусства, за помощью обращаются к мужчинам (за исключением тех случаев, когда женщина находится в местах лишения свободы). Женщины стараются использовать более совершенные технологии для нанесения рисунка, нежели мужчины.

1. Целующиеся голуби. "Любовь и нежность". Наносят на поясницу или плечо. Рисунок может сопровождаться именем избранника или датой встречи.

2. Женщина верхом на дельфине с бутылкой в руке. "Бегущая по волнам". "Без любви блуждать по морю". "Прощай и люби меня". Символ скитаний и разгульного образа жизни. Встречается на верхней части груди, бедре и пояснице.

3. Сердце, пронзенное стрелой, в орнаменте цветов. "Сердечная рана". "С тобой навеки". Если на сердце видны капли крови - "Прощу обиду, но не измену".

4. Ромашка. Символ любвеобильности и принадлежности нескольким мужчинам. Число лепестков может указывать на количество мужчин, с которыми имела связь (в том числе и преступную) владелица татуировки. На лепестках может наноситься мужское имя.

5. Мужская голова. "Память о любимом". Образ символичен и не предполагает обязательного внешнего сходства. Реже встречаются и нательные репродукции фотоснимков. Рисунок может сопровождаться именем или инициалами избранника. Наносится на живот.

6. Летящий аист с девочкой на спине. Означает одиночество, покинутость и грусть. Встречается у матерей-одиночек. Наносится на поясницу.

7. Обнаженный мужчина с короной в руках, стоящий перед обнаженной женщиной. Перед мужчиной - сундук с драгоценностями. "Было все, будет все". "Законы не для меня". Носители татуировки - воровки. Татуировка также встречается у мужчин и символизирует непорочную, чистую любовь.

8. Кинжал, обвитый змеей. "Начала воровать вместе с мужчиной". Приподнятая голова змеи означает дерзость. Опущенная голова змеи означает, что владелица татуировки "завязала". Второй вариант встречается очень редко. Наносится на плечо или бедро. Татуировка заимствована у мужчин-воров.

9. Чайки, парящие над морской гладью. За горизонтом - солнце. "Свобода". "Это сладкое слово "свобода".

10. Скрипичный ключ и могильный крест на фоне тюремной решетки. "Жила весело, умру весело". "Жила грешно, умру смешно". Может указывать на разгульную жизнь в прошлом, тоску по утраченной молодости. Наносится в зрелом возрасте. Место татуировки - бедро, голень.

11. Колокольчик, опутанный колючей проволокой. "От звонка до звонка". Указывает на то, что преступница не получила досрочного освобождения. Знак отрицал.

12. Яблоко - библейский символ искушения. Татуировка посвящена определенному событию в жизни. "Искушена Виктором", "Искушена наркотиком".

13. Целующиеся мужчина и женщина. Татуировка встречается у любвеобильных, чувственных и избалованных мужским вниманием женщин. Рисунок может дополняться текстами типа "Маша + Миша".

14. Черт, держащий (дарящий) ромашку. "Грешница изза любви". Второе значение - "Верю в рок".

15. Плывущий лебедь. "Потеряла невинность". Встречается текст на итальянском "Senza amare andare sul mare" ("Без любви блуждать по морю"). Символизирует чистоту чувств, верность. Наносится на низ живота.

16. Ласточка, летящая с письмом в клюве. Символизирует верность близким, тоску по свободе, надежду на скорое возвращение из мест лишения свободы. Может означать "Освободила амнистия".

17. Череп, обвитый змеей и увенчанный короной. "Предала свекровь". Татуировка также может символизировать агрессивность. Пиковая масть на короне и сердце означают насилие.

18. Женщина, летящая на ангельских крыльях. Указывает на профессиональную воровку-гастролера. Рисунок может дополняться текстом. Наносится на живот, бедро, реже - на верхнюю часть груди.

19. Голова ребенка. Символ материнских чувств. Татуировка встречается у осужденных женщин, оставивших на свободе малолетнего ребенка (или детей). Может сопутствовать уменьшительное имя сына или дочери. Наносится на плечо или живот.

РАЗДЕЛ 3

Уголовная империя

Блатари на свободе

Вне зоны жесткой уголовной иерархии практически не существует. Преступников принято делить лишь по видам их квалификации: домушники, громилы, гопники, карманники, каталы, угонщики, аферисты, медвежатники, шнифера, фармазонщики, блинопеки и т.д. К узкой специализации воровской мир начал стремиться в конце прошлого века. Постепенно преступность становилась профессией. Время вносило свои коррективы, многие криминальные профессии исчезали, такие как голубятники (воры сушившегося белья), скамеечники (конокрады), витринщики (крадущие с витрин), поездушники (воры на экипажах). Возникали новые - наперсточники, рэкетиры, ликвидаторы, мошенники с финансовыми ресурсами, компьютерные "взломщики". Сегодняшний криминальный мир полностью преобразился.

Серьезной угрозой для общества были и остаются профессиональные уголовники узкого профиля, которые оттачивают свое мастерство годами, как на свободе, так и в колониях. Это рецидивисты, судимые по своим профилирующим статьям. Наблюдения показали, что многие из них более развиты и эрудированны, чем служебный персонал тюрьмы или колонии. Объясняется такой феномен просто: положение обязывает. Высококлассный домушник, помимо уголовного права, искушен слесарным делом, чтобы изготовить отмычку или фомку, радиотехникой, чтобы обезвредить сигнализацию, архитектурой гражданских сооружений, вопросами расценок на бытовую технику и драгметаллы, психологией. Зэки с большим исправительно-трудовым опытом

неплохо знают историю КПСС, географию, советскую поэзию и литературу: в зоне время убивается или картами, или книгой.

В конце прошлого века преступники начали организовываться в небольшие группы по "интересам" (малины), во главе которых стояли паханы. Малины имели свои хазы, лежбища, притоны, служащие для ночлега, развлечений и хранения краденых вещей. Обычно и малину входило от трех до десяти человек. Преступная группа имела узкую специализацию (масть) и свою территорию (город, район). Для серьезных операций малины объединялись. Пахан засылал к соседнему пахану своего курьера с письмом, написанным феней (уголовным жаргоном), или назначал стрелку, где обсуждался будущий скок или налет.

В условиях свободы воровскую иерархию составляли лишь урки и оребурки, то есть крупные и мелкие воры, которые друг от друга не зависели. Позже возникши жиганы, примкнувшие к уголовной элите. До прихода организованной преступности (в дореволюционной России к таковой относилось разве что конокрадство. Российские конокрады, благодаря своему трехвековому опыту и традициям, напоминали "государство в государстве") борьба за власть в уголовном мире наблюдалась лишь в тюрьмах и лагерях. Блатари (профессиональные уголовники) старались придерживаться принципа: украл сам - дай украсть другому. С развитием теневой экономики и частного капитала началась война за контроль над ними. Деловой и блатной мир стали братьями-близнецами: говорим "бизнес" - подразумеваем криминал, говорим "криминал" - подразумеваем бизнес.

По данным уголовного розыска, сегодняшний блатной мир насчитывает более тридцати "родов деятельности". Остановимся на основных, которые развивались десятилетиями и которые не утратили своей "актуальности" и сегодня. Стоит упомянуть и о фраерских, не воровских профессиях, некогда презираемых блатным миром, но сегодня тесно соседствующих с ним (бандиты, ликвидаторы). Преступный мир становится все совершенней, благодаря деньгам, опыту и научно-техническому прогрессу.

Карманники

В начале века карманники ("щипачи") считались высшей аристократией преступного мира. Многие исследователи криминальной среды считают, что воры в законе вышли из карманников и карточных шулеров. Карманники и шулера всегда боялись каторги, тюрем и лагерей, где физический труд сводил на нет годы упорных тренировок. Попадая в зону, они отказывались трудиться и всячески оберегали свои руки. Чтобы выжить в неволе, карманным ворам и карточным мошенникам оставалось лишь захватить власть в свои руки.

В 20-х годах молодая, но энергичная советская милиция даже изобрела оригинальный метод борьбы с карманниками и шулерами - попросту ломала им пальцы. Сегодня эта воровская квалификация растеряла былое уважение и лидирующее значение в блатном мире. Исключение составляют лишь марвихеры. Карманные воры имеют свою татуировку: паук без паутины между большим и указательным пальцами руки.

Карманником экстракласса, марвихером, нужно родиться. Одних пальцев мало. Нужно получить от природы определенного склада нервную систему, мгновенную, точную реакцию, соответствующее устройство пальцев, ладоней, локтей и плеч, а также необходимую артистичность. И это - только задатки. Требуются годы упражнений, чтобы воровской талант развился. В начале века в Англии и Франции существовали специальные школы, готовящие марвихеров. Начинающий вор тренировался на манекенах, одетых соответственно сезону. На втором этапе ученик должен был незаметно вытащить кошелек у своего товарища, и лишь затем учитель приступал к индивидуальным занятиям. Режим и дисциплина были очень жесткими, ослушника могли даже подвергнуть телесным наказаниям - избить палкой. Иногда карали за простую небрежность в "работе".

Кузницей воровских кадров в России считался СанктПетербург, вырастивший Сашу Макарова ("Пузан"), Полонского ("Инженер"), Шейндлю Соломониак ("Сонька Золотая Ручка"). О марвихере Полонском ходили легенды, которые вскоре подтверждались в полицейских (а затем и милицейских) протоколах. Полонский родился в Варшаве и криминальную биографию начал с карточного шулерства. Инженер имел удивительные пальцы и не менее удивительную пластичность. Поселившись в Петербурге, шулер сменил квалификацию и стал изымать финансовые излишки у знатных господ. Он мог вытащить часы из чужого кармана лишь затем, чтобы узнать время. В первые годы советской власти французские воры прислали к марвихеру

своего эмиссара с весьма щекотливой просьбой. Ему предложили прибыть в Париж всего на несколько часов, дабы снять колье с английской титулованной особы. Все расходы, подводку и сбыт украшения брала на себя французская сторона. В качестве аванса карманнику передали крупную сумму. Остальное причиталось после кражи.

По приезде во Францию Инженер получил на руки документы посла, которого задержали и обчистили до этого в дороге. Под видом полпреда иностранного государства Инженер попал на торжество в американское посольство. О подробностях приема ничего не известно. Вскоре он покинул торжественный прием, а затем и Францию. Судя по скандалу, возникшему в посольстве после скромного отбытия Инженера, операция прошла успешно. По загадочным причинам карманник бросил свое призвание и стал налетчиком. Возможно, живость характера, присущая полякам, мешала ему заниматься одними лишь карманами. Полонский принадлежал к самым авторитетным уркам Петербурга. Говорят, что он знался с Ленькой Пантелеевым и решил повторить судьбу великого налетчика. На животе у Инженера имелась татуировка "Боже, я помню, что у меня есть мать". Не исключено, что под "матерью" подразумевалось блатное братство. Наколка "Не забуду мать родную" возникла лишь в 30-х годах и действительно посвящалась воровской братве. Уточнить смысл наколки не довелось. В начале 20-х годов банда Полонского совершила вооруженный налет на Сбербанк и унесла 350 тысяч рублей. Во время облавы в центре Петрограда Инженер был убит двумя выстрелами в голову якобы при оказании сопротивления.

Карманников делят по способу и месту кражи.

Ширмачи накрывают карман (ширму), портфель или сумку жертвы плащом, перекинутым через руку. Пока рука под плащом чистит клиента, свободная рука отвлекает внимание - жестикулирует, машет кошельком или газетой. Вместо плаща иногда используется большой букет цветов.

Трясуны работают в давке, чаще всего в общественном транспорте. Они прижимаются к "объекту" и начинают резкими, но точными ударами выбивать из внутренних карманов бумажник (владельцы "паркеров" в автобусах и троллейбусах не ездят). Вся процедура занимает не больше минуты.

Писари режут карманы и сумки острыми предметами - бритвой или заточенной монетой, иногда - кольцом с заостренным краем. В этом случае кошелек выпадает сам. Среди писарей есть так называемые хирурги, которые используют для кражи скальпель. Если жертва учует писаря и поднимет скандал, карманник может в отместку разрезать ей одежду. Отличительный знак писаря - татуировка в виде монаха, пишущего книгу гусиным пером.

Рыболовы используют в своей работе рыболовные крючки. Им поддевают кошелек из кармана или покупку из сумки. Часто рыболов действует в поездах, забравшись на верхнюю полку и запуская крючок в имущество нижнего соседа.

Щипачи, в отличие от предыдущих категорий карманников, выходят на дело целой группой и предпочитают массовые мероприятия - демонстрации, гуляния, рыночную торговлю. Пока одни щипачи отвлекают жертву, другие обирают ее карманы и сумки. Затем "команды" меняются ролями. При шухере карманные воры могут оттеснить возмущенную жертву, отвлечь внимание и даже организовать комедию с криками: "Держи вора!".

Самый презираемый среди карманников вор - дубило (или дупло). Он похищает из хозяйственных сумок и авосек колбасу, хлеб, молоко и прочие продукты питания.

По месту кражи карманники делятся на колесников, магазинщиков, кротов, рыночников, улочных и театралов.

Колесники (резинщики) чистят карманы в общественном транспорте, кроты - в метро (по данным ГУВД Москвы, кроты предпочитают работать во второй половине дня, притом в вестибюлях, а не в переполненных вагонах. Их не пугает "закрытость" метрополитена, которая не дает вору шансов скрыться в случае провала), улочные - на остановках, возле киосков и просто в уличной толпе.

Марвихеры, интересующиеся лапотниками (бумажниками) знатных господ, особенно иностранцев, предпочитают киноконцертные комплексы, театры, дорогие рестораны, презентации, светские рауты и даже похороны. К ним же относятся театралы. Театралы регулярно следят за афишами, газетными объявлениями и светской хроникой, чтобы не пропустить очередное представление или презентацию. В последние годы из-за участившихся карманных краж доступ на презентации начали ограничивать пригласительными билетами, но воры умудряются достать и эти приглашения.

Слухи о благородстве профессиональных карманных воров, в том числе и марвихеров, сильно преувеличены. История не знает случаев "справедливого" отъема частной собственности. Воры вытаскивали хлебные карточки во времена голода, похищали талоны на молоко у матерей-одиночек, сегодня они могут при удобном случае лишить старушку последних грошей.

Больше всего вор-карманник боится плотских искушений и старости. Обильные застолья и бессонные ночи, проведенные в дамском обществе или за партией в преферанс, притупляют реакцию и бдительность. Курение и переедание сказываются на чуткости пальцев. Старость ко всем перечисленным неудобствам прибавляет еще и закостенелость движений. Теряющий сноровку рецидивист должен либо уйти на "преподавательскую работу", обучая "достойную смену", либо использовать прополь (сообщников). Когда вор идет тырить по карманам с помощниками, то ему достаточно лишь выдернуть бумажник и незаметно сбросить его прополи.

Поймать карманника очень сложно. Уголовный сыск часами сопровождает его по людным местам, ожидая тех нескольких секунд, когда вор запустит руку в карман или дамскую сумочку. Взять его можно только на кармане. Опер должен находиться рядом, чтобы вовремя схватить руку и призвать на помощь понятых.

Карманник прекрасно знает букву закона и держится подальше от лиц характерной наружности. Поэтому оперативно-поисковые отряды укомплектовываются сотрудниками, чья внешность не соответствует стереотипу блюстителя законности. Опытный карманник не клюнет на простака в дорогом прикиде, у которого соблазнительно оттопыриваются карманы с буквально вываливающимся бумажником и который слишком уж отрешенно смотрит в окно автобуса. Это может быть провокацией: где-то рядом стоят розыскники с заблаговременно приглашенными понятыми. В подобном случае вор может даже отыскать взглядом оперов и поздороваться с ними.

Каталы

К элите блатного мира относятся мошенники, получающие доход от игорного бизнеса. Их называют каталами. Ныне этот бизнес частично легализовался, а до недавнего времени все азартные игры проводились в подпольных помещениях - катранах.

Каталы произошли от профессиональных карточных шулеров, начавших объединяться еще в царской России. Большинство карточных мошенников были выходцами из высшего света, многие занимали солидные должности, имели чины и звания. Но на каторгу они попадали крайне редко. Шулера, которых постигла-таки участь узника, заставили с собой считаться даже в неволе и выделились в обособленную касту - "игроков". Они оказались наиболее образованными среди лагерного окружения и к концу 20-х годов установили в зоне власть шулеров и карманников, породившую воров в законе. Вероятно, им помогла объединиться родственная близость профессий. Случалось, что марвихеры преподавали уроки в карточных притонах, обучая ловкости пальцев. Они же научили шулеров срезать кожу с кончиков пальцев, чтобы повысить чувствительность "инструмента". Карточного мошенника можно отличить по перстневой наколке с изображением червовой масти. В нижней части перстня - косая штриховка.

До 70-х годов большинство законников были шулерами. Когда в 1955 году началось массовое наступление силовых структур на воров в законе, многие из них стали маскироваться под дешевых карточных мошенников или охранников катал.

Шулеров принято делить на пять категорий.

Самая уважаемая и респектабельная - катранщики. Они содержат игорные притоны, которые посещают дельцы теневого бизнеса. В 70-х годах при катранах служила целая бригада подводчиков, заманивающая в катран цеховиков и подпольных миллионеров.

Гусары играют в общественных местах - парках, кафе, ресторанах, на вокзалах и пляжах. Среди них выделяются майданщики и гонщики. Первые промышляют в поездах, вторые - в такси.

Паковщики появляются и в катранах, и в общественных местах. Главная их особенность состоит в самой игре. В начале паковщик обыгрывает партнера подчистую, затем позволяет ему отыграть треть или половину всей суммы и под каким-то безобидным предлогом останавливает игру. Ставка делается на психологию партнера, который не подозревает шулерства и обязательно захочет отыграться. Такой прием называется "катать вполовину".

Шулера-финансисты имеют дело не с карточной колодой, а с денежными суммами. Они кредитуют игроков, погашают и перекупают долги, работая под высокий процент. Для возвращения

долгов существует группа так называемых жуков - шулерских боевиков. Они же следят за поступлением "налога" в воровской общак и карают обманщиков.

При игре у шулера-игрока в подмастерьях состоят заряжающий (или ковщик колоды), подтасовывающий карты в определенном порядке и сообщник, оказывающий психологическое давление на противника, отвлекая его внимание и мешая сосредоточиться. У шулеров также имеется своя разведка и охрана, обеспечивающие безопасность игры.

Часто шулера садятся играть между собой, чтобы повысить свой профессиональный уровень. Игра ведется под интерес и разрешает применение всех шулерских приемов ("игра на шанс"). Если один из партнеров замечает подвох, он может остановить игру. При этом он должен объяснить или повторить примененный шулерский прием. Тогда он сразу выигрывает. Когда мошенники договариваются играть без обмана, такая игра называется в лоб или лобовой.

Шулерских приемов много, часть из них безвозвратно устарела. Но есть классические, не утратившие известности и по сей день. Для современных катранов они уже непригодны, но широко применяются гусарами и майданщиками, а также популярны в местах лишения свободы.

Немецкий криминалист Альберт Вайнгард в конце прошлого века начал исследовать шулерский мир Германии, Франции и России. Иногда он под видом азартного игрока посещал клубы и сам становился жертвой обмана, заводил приятелей среди шулерской братии. Все наблюдения Вайнгарда вошли в его книгу "Уголовная тактика. Руководство к расследованию преступлений", изданную в дореволюционной России. Шулерским приемам посвящена часть параграфа "Мошенничество при карточной игре" (стиль оригинала сохранен):

"1. Помеченные карты. Их метят или во время игры, или еще заранее. Чтобы сделать распознаваемыми отдельные карты, подрезывают их края, скашивают их с той или другой стороны или слегка закругляют наружу или вовнутрь; или делают их шероховатыми посредством быстрого проведения острием ножа в том или другом месте. Поверхности карт, большей частью их рубашка, метятся нанесением маленькой точки или штриха краской, чернилами или карандашом; или делают иголочный прокол, а это место затем заполняется воском; наконец, слегка загибают один угол.

2. Мошеннические приемы:

Расположение карт одной колоды в известной последовательности, чтобы при игре по предыдущей карте угадывать последующую.

Подмена лежащей на виду немеченой колоды карт на меченую или же подкладывание или удаление нескольких карт. Шулер для скрытия карточных колод часто употребляет особые карманы, которые приделаны спереди на внутренней стороне сюртука.

Фальшивое тасование ("делать салат"). Шулер делает вид, будто он тасует, в действительности же он оставляет карты на прежнем месте. Карты распределяются в нужном порядке, и колода делится пополам - на четные и нечетные карты. Четные подтачивают с концов. При фальшивом тасовании шулер захватывает ровно половину и укладывает так, что каждая карта попадает на свое место. Затем опять берется половина и опять всовывается через одну. При следующей тасовке карты оказываются в нужном порядке.

Фальшивое снимание. Шулер устраивает искусственно так, что другой снимает на совершенно определенном месте. Для этой цели он кладет одну карту таким образом, что она высовывается из-за других; или он сгибает верхнюю часть колоды так, что она лежит на нижнем ровном слое карт в виде моста; или же он сгибает верхнюю часть колоды вовнутрь; во всех этих случаях партнер почти всегда невольно снимает на определенном, желательном для шулера месте.

Или же шулер дает партнеру снять произвольно, только кладет снятую часть снова на другую так, что карты ложатся совершенно так же, как и прежде.

Вытягивание неверхней карты. Шулер отодвигает большим пальцем левой руки немного назад верхнюю или несколько других карт, а затем вытягивает вместо верхней нижнюю карту.

3. Зеркало для распознавания чужих карт. Шулер употребляет для этого стенное зеркало или блестящие металлические предметы, находящиеся на карточном столе, например: блестящий портсигар; никелевую оправу трубки; металлический самовар; с помощью этих отражающих предметов он узнает при сдаче карт, что получил партнер.

4. Незаконное содействие других лиц. Пособники шулера таковы: Человек, который подсовывает ему фальшивые (заготовленные) карты и после игры ловко убирает их; в клубе это проделывается зачастую каким-нибудь служащим или лакеем, в частных кружках - подчас членом семейства, а иногда и самим хозяином дома.

"Иуда ", который заглядывает жертве в карты и посредством условленных знаков показывает шулеру, как он должен играть. Например: кладет один или несколько пальцев на стол, причем один палец означает "бубны", два - "кресты" и т.д., а также взглядами в сторону, вниз, вверх, перебиранием пуговиц, кашлем и откашливанием, ударением на известных слогах при разговоре, различными способами держать сигару: в правом или левом углу рта, в правой или левой руке, выпусканием дыма и т.п. ".

В высокопробных катранах подобные махинации не применяются. Завсегдатаи игорных домов даже снимают очки перед игрой, чтобы партнер не увидел отражения его карт (Америка помнит шулера, который обладал воистину орлиным зрением и видел карты в глазах соперника). Нынешние каталы шагнули гораздо дальше. Ловкость рук утратила лидирующее значение в игорном бизнесе, уступив место техническим средствам.

В 1990 году в Кишиневе был раскрыт респектабельный игорный дом, который посещали не только блатари, но и госдеятели. При тщательном осмотре милиция обнаружила электронные "навороты": в игральный стол был вмонтирован сканер, позволяющий "читать" карты партнера. В Санкт-Петербурге существовал катран, в стенах которого имелись оптические системы, дающие возможность определять карточную сдачу. В рулетке могут использовать магнитный шарик или слегка деформировать ячейку. В большинстве цивилизованных стран полицейские структуры имеют специальные отделы по борьбе с преступлениями в игорном бизнесе. Задача этих отделов состоит не в охоте за подпольными катранами, а ловле мошенников в легальных игорных домах.

В конце 80-х годов среди катал появились наперсточники, использующие вместо карт и костей каучуковый шарик и три наперстка. Многие наперсточники в прошлом были шулерами, по каким-то причинам отошедшие от карточного бизнеса. Бригада наперсточников состояла из нижнего (гоняющего шарик), верхних ("крыши") и боковых (имитирующих случайных прохожих-счастливчиков). Игра проходила весело, с различными шутками и прибаутками нижнего наперсточника. По тем временам игровые ставки были высокие: за первый поднятый наперсток - 25 рублей, за второй - 50 рублей. Вместо наперстков иногда использовались три карты ("шариком" служила четвертая).

За наперсточниками стали появляться "платочники", "веревочники" и прочие "остапы бендеры" уличного бизнеса. Некоторые их коллеги стали применять электронные игры: "слоники", "ипподром", "лототрон". К профессиональным каталам они не относились и получили название "золоторотцы".

По данным МВД, в 1992 году в странах СНГ насчитывалось до 30 тысяч профессиональных катал. С 1993 года уличный игорный бизнес начал затихать, и сегодня его можно встретить в виде лотерей. Нынешние катаны экстракласса перекочевали в казино (некоторые даже открыли их), а разрядом поменьше все также промышляют в подпольных карточных притонах.

Домушники и шнифера

В дореволюционной России квартирные кражи считались низкопробным ремеслом. Лишь начиная с 50-60-х годов домушники вышли в почетный ранг блатного мира. Милицейская статистика свидетельствует, что каждая вторая кража индивидуального имущества совершается из квартиры. Опытный домушник совершает скок не чаще одногодвух раз в месяц. Это объясняется серьезной подготовкой к краже. По мнению опытных воров, главное в их деле - выдержка. "Хату за хатой берут или наркоманы, или сопливая молодежь, наблатыканная в ВТК или в козлиных зонах. Такие долго не гуляют",
- заметил домушник с сорокалетним стажем Виктор Цысь.

Сначала вор выбирает "объект". Многим домушникам помогает наводчик (его также называют подводчиком), который вычисляет "мишень". Вызвать интерес может владелец автомобиля, женщина в дорогой шубе, челночник. Вору порой достаточно взглянуть на входную дверь или окна, чтобы выбрать подходящую квартиру. Замызганная незатейливая дверь, окна с грязными мятыми шторами (или вообще без таковых) говорят сами за себя. Мощная металлическая дверь заставляет задуматься. Такую квартиру взять труднее, но шкурка выделки стоит.

Часто наводчики используют так называемый хоровод. Вначале они расклеивают в подъездах объявления следующего содержания: "Уважаемые жильцы! 16 ноября будет проводиться дезинфекция мусоропровода от грызунов и насекомых". Далее жильцам предлагается обработать входные двери и отдушины имеющимися средствами от тараканов. 16 ноября наводчик (обычно -

молодая симпатичная девушка) ходит по квартирам и повторяет объявление. Такая процедура никого не удивляет: жильцы предупреждены заранее. Минутного разговора и мимолетного взгляда на дверное устройство достаточно, чтобы определить финансовое благополучие семьи, тип входных замков, наличие сигнализации и т.п. "Санитары" могут и не развешивать объявления, но вероятность, что им откроют дверь, уменьшается.

Часто наводчик "работает" под представителя власти. Скажем, милиционера, который предлагает жильцам установку сигнализации. С человеком в форме принято беседовать не на лестничной клетке, а, как минимум, в коридоре. "Засветить" такой хоровод не просто: наводчики знают телефоны службы охраны и действующие расценки на установку сигнального устройства. Тем более, что сами органы вневедомственной охраны действуют подобным же образом, поручая сотрудникам агитацию своих услуг.

Выбрав "объект", домушник устанавливает наблюдение. По адресным данным выясняется номер телефона; слежка и опрос дают сведения о составе семьи, наличии домашних животных, режиме рабочего дня.

Есть три способа проникновения в помещение. Первый из них - подбор ключей или отмычек, называемых в блатной среде мальчиками. В последние годы, однако, появились замки, открыть которые с помощью отмычки и "чужих" ключей почти невозможно. Второй путь - взлом. Воровской арсенал фомок (их ласково именуют "абакумыч") очень богат. Но он меркнет перед хитроумными приспособлениями, позволяющими распечатать любое помещение. Известны случаи, когда толстую металлическую дверь взламывают домкратом, способным поднять до пяти тонн. Им же можно разрушить и стену. Наконец, существует возможность проникновения через форточки, окна и балконную дверь. Этим промышляют очкисты или ветрянщики.

Часто добычей домушников становится квартира, оставленная без присмотра на несколько дней или недель. Обнаружить такой "объект" труда не представляет. Достаточно проследить за окнами в вечернее время, почтовым ящиком или показаниями электросчетчика.

Преступных асов присутствие хозяев не смущает. Они чистят обитель под их храп. Кражу, которая зовется "С добрым утром!", совершают на рассвете, когда человеческий сон наиболее крепок.

Похищенные вещи вор сдавал барыгам - скупщикам краденого, которые сотрудничали не только с домушниками, но и с другими похитителями частной собственности. Старые воровские барыги предпочитали держаться воров и опасались гопников и бандитов. Нынешние скупщики менее переборчивы и скупают все подряд и у всех подряд.

В последнее время к домушникам стали причислять блатарей, бесцеремонно врывающихся в дом и присваивающих имущество на глазах у хозяина. Это уже не кража, а грабеж. Квартирные воры старой закваски избегают осложнений и к насилию стараются не прибегать. Они предпочитают работать в одиночку, в отличие от громил - квартирных воров, объединяющихся в группу налетчиков. Громилы могут ночью связать хозяина или разыграть хоровод, чтобы выманить его из квартиры. В последнем случае используются телефонные звонки из "райсобеса", "совета ветеранов", "опорного пункта милиции" и т.п.

Кражами из государственных учреждений - магазинов, сберкасс, бухгалтерий и т.п. - занимались шнифера и медвежатники. Обычно их интересовали сейфы, которые медвежатники открывали отмычками, а шнифера - путем взлома.

Охотники за сейфами работали как в одиночку, так и в группах. Знаменитая питерская банда Гриши Краузе, бомбившая в 20-х годах сейфы и несгораемые шкафы по всему Петрограду, состояла из восьми-десяти человек. В группе шниферов имелись специалисты по отжиму наружных дверей, сбыту похищенного, взлому денежного хранилища. Отмычками и булавками Григорий Краузе своих орлов не баловал и предпочитал фомку, напоминающую огромный консервный нож.

Параллельно с Краузе в Петрограде орудовала команда Морозова по кличке "Кобель" и Дубровского по кличке "Альфонс Доде". Среди шниферов мелькали даже столичные уголовные знаменитости, прибывшие в город на Неве с гастролями. Месячный улов каждой группы достигал трехпяти сейфов и измерялся сотнями тысяч рублей. К 1925 году эти банды были обезврежены.

Среди медвежатников в 20-30-х годах прославились москвич Дорофеев по кличке "Тулуп" и ростовчанин Борис Петерсон. Последний в прошлом был учителем музыкальной школы.

Сегодня профессии шнифера и медвежатника уже не считаются такими хлебными, какими они были в недалеком прошлом. Технические средства опережают их мастерство. Многие фирмы стремятся хранить наличную выручку вне офиса, подальше от налоговых структур, нанимают

охрану или же приобретают такие сейфы, которые фомкой или отмычкой не вскроешь. Но шнифера не опускают рук, обзаводятся автогеном и караулят учреждения попроще.

Угонщики и гопники

Начиная с 60-х годов, в СССР стали появляться стойкие преступные группы, похищающие автотранспорт с целью его дальнейшей перепродажи. Группа состояла из уголовников, каждый из которых имел свою специализацию. Данный воровской принцип не изменился и сегодня.

Кроме непосредственных похитителей автомобилей, в преступных группах имеются автослесари, изготовители фиктивных техпаспортов, сбытчики транспорта, перегонщики. Группы имеют постоянных клиентов, которые заказывают марку, цвет, а иногда и год выпуска автомобиля. Самым популярным объектом для угонщиков сегодня считаются "Жигули". Затем идут "Волги" и престижные иномарки. Наименьший процент угона среди "Запорожцев", "ЛУАЗов" и "Таврии". Раскрываемость угонов низкая, что говорит о высокой организации воровского процесса.

Угонщики высокого класса ведут базу данных, куда заносятся сведения об автомобиле и его владельце. Часто они пытаются заполучить уже готовую электронную базу, имеющуюся в облГАИ, и подсоединиться к каналам оперативного обмена информацией. Если эти задачи ими решаются, борьба с преступниками еще больше усложняется.

Но еще большую опасность для владельцев транспорта представляют гопники - любители грабежа и разбоя. Такого разгула автомобильного гоп-стопа, как в 90-х годах, не припоминают даже ветераны-сыскари. Автогопники ведут настоящую охоту за частными автомобилями. Они высаживают, а то и убивают водителей, затем перегоняют машины в мастерские, которые нередко принадлежат угонщикам. Там автотранспорт проходит традиционную обработку: перекрашивается, переваривается, а иногда просто разбирается на запчасти. Параллельно фабрикуется под авто и новый техпаспорт.

Такой почерк работы не вписывается в обычные стереотипы воровского автобизнеса. Тем не менее, блатной мир не брезгует транспортным разбоем. Существует несколько приемов автомобильного гон-стопа.

Чаще всего преступники садятся в авто в роли пассажиров, выезжают за город и, угрожая оружием, высаживают водителя. Это самый безболезненный и безобидный для шофера разбой. Иногда они просят остановить машину в безлюдном месте ("пиво давит, братуха"), оглушают ее владельца и кладут тело в придорожных кустах. Известны случаи, когда частника привязывали к дереву или усыпляли хлороформом. Убивают владельца машины в крайнем случае, например, при яростном сопротивлении. Встречаются и разбойникипсихопаты. Труп жителя Донецкой области Николая Супруненко нашли в моспинской лесопосадке, привязанным к дереву. За несколько дней до этого он выехал на "Волге" и не вернулся. По словам медэкспертов, смерть наступила от рвотной асфиксии: жертва захлебнулась собственной рвотной массой. Ни алкоголя, ни токсичных веществ в желудке не обнаружили. Когда через три дня нашли убийцу (к тому времени "Волга" уже была в Луганске), тот заявил: "Убивать не хотел, хотел лишь усыпить его эфиром. Смочил марлю и прижал к лицу, а он захлебнулся".

Иногда гопников интересует сам груз, стоимость которого может в несколько раз превышать стоимость автомобиля. Под особым прицелом были и остаются челночники.

Дорожный гоп-стоп не увядает. Автомобили, имеющие высокую цену и стойкий спрос, давно превратились в лакомый кусок для гопников. Водитель сам возит с собой тысячи долларов. Стал расти спрос и на большегрузы. Водителю предлагают калым - перевезти десяток холодильников в здешний поселок. А в дороге его постигает та же участь, что и его коллег на легковых авто. Бывают в разбойной практике и курьезы. В 1994 году в "Жигули" Сергея Родионова из Запорожья подсели двое. Пассажиры мешкать не стали и накинули удавку сразу же после старта. "Без шума, приятель. Вези, куда скажем". Водитель, у которого с самого утра было прескверное настроение, сплюнул и с криком: "А, черт, все там будем" до предела нажал на газ. "Жигули" выскочили на встречную полосу. Налетчики опешили и крепче затянули удавку: "Не дури, парень! Убьем!". В ответ Родионов еще больше увеличил скорость и понесся в лоб трансформаторной будке. Налетчики, отчаянно матерясь, открыли двери и выпрыгнули на ходу. В последнюю секунду "Жигули" вильнули в сторону, избежав страшного столкновения. Гопники тем временем лежали на трассе и корчились от боли: один сломал тазобедренный сустав, другой - руку и ключицу. Удавка отлетела

метров на двадцать. Вскоре раненых подобрала милиция и повезла в травмопункт. Они оказались особо опасными рецидивистами с солидным опытом дорожных разбоев.

Еще один случай мне рассказал прапорщик воздушнодесантной части, стоящей под Калугой (фамилии не помню). По милицейским сводкам он не проходил. В одну из ночей 1995 года прапорщик на "Жигулях" добирался к своей сестре в Ростов. Когда до города оставался десяток километров, в свете фар вдруг возникла такая картина. На дороге лежал человек, а возле него суетились девушка и мужчина. Увидев автомобиль, девушка отчаянно замахала рукой. Водитель, разумеется, остановился. Но, когда он вышел из машины, то увидел пистолет, направленный ему в лоб. "Сбитый пешеход" тем временем с ехидной ухмылкой поднимался. В руках он держал предмет, похожий на обрез. Десантник преподавал в своей части рукопашный бой и в мгновенье ока сломал руку, целящуюся в него из пистолета. Спустя секунду рядом валялся и владелец обреза. Представитель Вооруженных Сил России хотя и был благороден, но наподдал и молодой налетчице. Затем спокойно продолжил свой путь. Он выбросил отобранное у налетчиков оружие в ближайший ставок. Заявлять в милицию прапорщик не стал.

Дорожные готики - народ нетерпеливый. Они не любят неделями пасти автомобиль, заказанный покупателем, и повышать квалификацию угонщика: угон, как и квартирная кража, требует большего профессионализма, чем грабеж и разбой.

Мастера гоп-стопа, в том числе и автомобильного, наносят на плечо или предплечье комбинацию из латинской буквы "D", тигра, держащего в лапе череп, короны и карточной масти "пик". Среди перстневых татуировок гопника отличает "паук в паутине" (на спине паука - крест). Особо злостные гопники метят перстень человеческим черепом.

Харьковский гопник Белявский, расстрелянный в 1993 году за три убийства на донбасских трассах, во время судебного заседания сказал: "Я не люблю красть, я люблю отбирать. Это по-мужски. Вор и бандит рискуют не на равных. Может быть, я так говорю потому, что вора из меня просто не получилось. Я слишком велик и неуклюж для форточки, темперамент не позволяет днями караулить хату или машину. Бывает, сам процесс мне нравился не меньше, чем результат. Это, наверное, звучит дико, но это правда". При судебно-психиатрической экспертизе Белявского мнения врачей разошлись, но, в конце концов, его признали вменяемым.

Следует отметить, что блатные избегали насилия и предпочитали работать пальцами, а не кулаками. Гопники и бандиты в воровской среде презирались, а большинство опытных уголовников, особенно карманники и шулера, старались не иметь с ними общих дел. В зоне воровская власть считала своим долгом подчинить гопников и бандитов, но это удавалось далеко не всегда.

Кукольники, фармазоны, блинопеки и др.

Несмотря на то, что мошенники до недавнего времени представляли аристократию блатного мира, среди них существуют квалификации, от которых воровская элита держалась на расстоянии. Я говорю "до недавнего времени", потому что высший эшелон криминала сегодня представлен другими фигурами, речь о которых пойдет ниже.

Кукольники. Этот тип мошенников использует "куклу"

- пачку нарезанной бумаги, имитирующую деньги, или грубо подделанные банкноты. "Куклу" используют при купле-продаже товара, денежном обмене и размене. Чаще всего кукольники встречаются на рынках и возле пунктов обмена иностранной валюты (менялы).

При обмене валюты, как правило, применяют однодолларовую банкноту с дорисованными нолями (а могут и не утруждать себя художеством). Предлагая купить сто или больше долларов по выгодному курсу, кукольник отдает их владельцу рубли или гривни. Пока продавец пересчитывает сумму, в руках менялы оказывается купюра номиналом "One Dollar". Далее - дело техники. Развязка бывает разная. Сумма в рублях может быть неполной, и жертва потребует вернуть ее деньги. Панический возврат может спровоцировать "милиционер в штатском", подошедший к участникам незаконного обмена.

Ломщики надувают при пересчете денег. Чем больше купюр в "стосе", тем легче ломщику работать. Пачка с деньгами ломается по-разному. Чаще всего нижняя часть пачки незаметно складывается вдвое и прячется в рукав или карман. Выявив "недостачу" мошенник возвращает деньги. В бытность "Березок" ломщики работали с чеками.

Существуют и вещевые "куклы", имитирующие полноценный товар. Их используют мелкие мошенники, которые наживаются на пенсионерах и инвалидах и к блатарям не принадлежат. Представляясь работниками райсобеса и различных фондов, они продают "куклу" вместо продуктов питания. Раньше вещевых кукольников называли басманщиками. Жуликов, которые занимаются сбором пожертвований, именуют сборщиками или подъездниками.

Особой популярностью в былые времена пользовались фармазонщики, которые проводили различные махинации с рондолем и стеклом, выдавая их за драгоценности, как правило, краденые. Бригады фармазонщиков промышляют и сегодня на вокзалах, рынках, в поездах.

Блинопеки. Так называют фальшивомонетчиков. На блатном жаргоне "печь блины" означает "подделывать деньги". Тайные "монетные дворы" настолько законспирированы, что обнаружить их очень сложно. Часто фальшивомонетчикам приходилось вести монашеский образ жизни, скрываясь в подземных типографиях. В дореволюционной России подпольные станки по частям завозились в монастыри и там монтировались. Сами мошенники жили в монастырях под видом монахов.

Специальность блинопека в блатном мире особой популярностью не пользуется. Фальшивомонетчики держатся подальше от общества, в том числе и воровского. Этого требует сам промысел - преступление ведь общегосударственного значения. За "монетными дворами" охотится не только милиция, но и спецслужбы, имеющие в уголовной среде своих агентов. Поэтому блинопеки отгораживаются от внешнего мира надежными посредниками, которые даже не подозревают о месте расположения "монетного двора".

Известны два способа подделки денег: частичная и полная. В первом случае подлинную купюру изменяют таким образом, чтобы казалось, что она имеет более высокое достоинство. Скажем, дорисовывают или наклеивают лишний ноль. При полной подделке блинопек стремится достичь максимального сходства с настоящей банкнотой. В этом случае используется типография, фотография, электрография, ксерография, ризография.

Советским блинопекам (их называют еще граверами) до международного класса далеко. Видимо, сказался ограниченный доступ к достижениям мировой полиграфии. Они обычно трудятся не над купюрами с изображением президентов и королев, а над дензнаками стран СНГ, применяя двусторонний офсетный способ печати, реже - цветное ксерокопирование. Производители копировального оборудования в ксероксах повышенной сложности монтируют защитные фотоэлементы, реагирующие на доллары, франки, марки, фунты и прочую твердую валюту. А расходы на цветное копирование рублей, карбованцев, лат и т.п. не оправдали бы затею.

Особо бедствовали мошенники в 1991-1994 годах, когда инфляция сводила на нет все их завоевания. По оперативным данным МВД, наиболее крупные подпольные типографии фальшивомонетчиков располагаются на Кавказе и в Польше. На украинском карбованце и рубле специализировались чеченские, польские и белорусские блинопеки.

Воры и бандиты

С середины 80-х годов, когда кооперативы росли, как грибы, помимо государственного рэкета, контролировавшего доходы с помощью ОБХСС и фининспекции, появились боевики, выбивающие деньги на общак. Подобные криминальные группы существовали и ранее. Они в основном занимались цеховиками, владельцами подпольных производственных мощностей, выпускающих левую продукцию. Пик теневого цехового бизнеса пришелся на середину 70-х годов. Воровская братия быстро находила эти минизаводы и облагала их данью. Вся выгода рэкета заключалась в том, что потерпевший лишь за редким исключением заявлял в милицию. Так как процесс вымогательства носил хаотичный характер и нередко из-за воровского аппетита заканчивался кровью, осенью 1979 года в Кисловодске состоялась крупнейшая по масштабам сходка воров в законе и акул теневого бизнеса. Именно в Кисловодске обоюдными усилиями установили единую таксу: десять процентов с прибыли подпольного цеха. В свою очередь, воровской мир предоставлял теневикам свои услуги.

С возникновением частного капитала в поле зрения воров в законе очутились председатели кооперативов и директора малых предприятий, пытавшиеся поначалу платить лишь государственным чиновникам. Но очень скоро большинство из них заимели вторую бухгалтерию. Вскоре туда была включена и статья расходов на братву. Процесс слияния бизнеса с преступностью шел обычным порядком. Предприниматель и эмиссар законников быстро находили общий язык.

Формула была проста: или ты платишь, или перестаешь заниматься бизнесом. Первые предпочитали первое.

Вскоре у воров возникли серьезные конкуренты - бандиты.

Законников, пытавшихся сохранить монополию на рэкет, стал оттеснять от кормушки молодой клан рэкетиров, вышедших из спортзалов и колоний, где сидели за разбои. Бандитам было начихать на воровские законы и мораль, а также на порядок, царивший в рэкете. Они вторгались на чужую территорию, бомбили всех подряд и не останавливались перед убийством. Бандиты стремились работать не головой, а руками. Проблему решали тем, что устраняли ее причину, то есть человека. За стол переговоров они садились редко: зачем терять время, когда можно нанять киллера или самому взять автомат. Если раньше для рэкета искали нечистоплотную фирму, то теперь вычисляют лишь новое предприятие. Не успеет магазин, киоск или колбасный цех отметить месячник своего существования, как в дверях вырастают угрюмые "шкафы". После "Здрасьте" у них идет: "Кому платите?".

Волну отстрелов, которая пошла по России и Украине, приписывают именно бандитам. Многие из них преуспели настолько, что стали криминальными авторитетами, а некоторые даже "крестными отцами". Война между ворами и бандитами длилась недолго. Законники подвинулись. Им пришлось считаться с бандитами: автомат уравнял шансы.

Организованная преступность не терпит анархии. Как и всякая структура, она стремится к порядку и стабильности в своих рядах. Кровавые междоусобицы ей не выгодны экономически. Любая война - это, прежде всего, расходы. Уголовный мир, имеющий своих людей во всех органах государственной власти, скрупулезно контролирует свой и чужой бизнес. До полного согласия между ворами и бандитами далеко. Законники считают бандитов дебилами и называют отмороженными. Новые воры уважают такой эффективный инструмент в своей работе, как физическую ликвидацию, но пользуются им осторожно. По воровскому закону насилие должно применяться лишь в крайнем случае - когда задета честь вора или его жизни угрожает прямая опасность, а также в случае измены. Воры не любят оружия, бандиты окружают себя целым арсеналом, даже бронетехникой.

Известный на Урале бандит, выходец с Кавказа по кличке Казбек, лишился жизни из-за того, что был горяч и не умел держать себя в руках. Во время очередного рэкетирского наезда на свердловского бизнесмена Казбек едва не изнасиловал его жену. Предприниматель сразу же доложил о выходке законнику по кличке Антип. Мол, плачу браткам исправно, но о другом с ними я не договаривался. Вор в законе явился к Казбеку за объяснением, но горячий рэкетир попросту послал вора. Антип был последним, кто видел Казбека живым.

Один из криминальных авторитетов Москвы Сергей Мамсуров, который не имел воровского звания и слегка перекрывал кислород ворам, сам страдал от уголовного беспредела. Незадолго до кончины Мамсуров сказал: "Отмороженные бомбят всех подряд, думая, что власть можно добыть кровью. Они хотят получить все сразу, притом немедленно. Дебилы опасны тем, что их поступки нельзя прогнозировать". Мансур также не любил и законников, многих считал недалекими и закомплексованными (сам Мамсуров имел высшее экономическое образование, увлекался философией и даже писал стихи). Об одном из них, Валере Длугаче по кличке Глобус, которого убили в собственном "Мерседесе", Мансур отзывался так: "Кто он такой был? Тракторист из Нижегородской губернии, который бомбил всех подряд, который, не имея ни грамма ума, возомнил, что он всех круче, что он уже крестный отец".

Сергей Мамсуров возглавлял охранную фирму "Секьюрити Форд" и, по данным московской милиции, рэкетаровал рыночную торговлю. При аресте у его боевиков изъяли автоматы, пистолеты, гранаты и взрывчатку. Когда пришли за самим Мансуром, он застрелился. Что же касается Глобуса, то его не любили сами воры. Он действительно слыл беспредельщиком: мог бесцеремонно влезть на чужую территорию, обложить данью первую попавшуюся фирму, забросать гранатами чужой офис. Длугача короновали кавказские воры, так называемые пиковые. Они же и предъявили ему блатную санкцию. Один из воров дал Глобусу пощечину, когда тот пришел на сходку пьяным, да еще в компании с дамами. Длугача ликвидировал снайпер, поджидавший его у дискотеки "У ЛИС'Са". Многие считают, что смерть вора заказал кто-то из воров.

В случае неноняток вор в законе ищет не самих бандитов, а того, кто за ними стоит. Нередко за бандитом стоит такой же бандит. Структура рэкета везде одинаковая, но получатели разные. В Москве, скажем, доминируют воры в законе, в Санкт-Петербурге - бандиты.

Еще труднее ворам и бандитам ужиться в зонах. Колоний и тюрем бандиты боятся, ибо там власть почти всегда воровская. Лидеру достаточно подозвать шестерку или быка и отдать приказ. После этого с боксером-рэкетиром может приключиться какая-то хворь. Мышечная масса и навыки рукопашного боя здесь ему не помощники: зона действует тихой сапой. Во сне спортсмены сваливаются с верхних нар и, почему-то, всегда на голову; или во время смены на них вдруг падает ведро с цементом. После этого бандит ведет себя правильно, если остается жив.

Но есть зоны, где бандиты создали свои группировки, призванные противостоять воровской власти. В основном, это колонии строгого режима. Если на особом режиме сидят рецидивисты, которые мощным здоровьем никогда не отличались, то на строгий попадают рэкетиры, гоп-стопники, разбойники и лица, осужденные за чистый бандитизм. Профессия вынуждает их быть богатыми, но здоровыми. Такие группировки добывают власть силой. Сегодня воровской авторитет держится на полувековых традициях, бандитский - на животном страхе.

Бандитов в зоне называют бойцами и спортсменами. Особо крутые сразу попадают в отрицали, плюя на работу и режим, некоторые, желая досрочно освободиться, могут даже стать активистами, что, однако, не мешает им втихомолку поколачивать зэков. Бойцы занимают в отряде круговую оборону и даже выставляют ночной пост, чтобы воровские быки не перекололи их заточками.

Такая картина наблюдается в российских и украинских колониях. На Кавказе и в Средней Азии власть полностью принадлежит ворам. Сотрудники МВД России исследовали тамошние лагеря и признали, что за законниками идут 90-100 процентов осужденных.

В "бандитских" зонах воры на прямые стычки с бойцами не идут и вступают в холодную войну. Бандитов, которых воры считают дебилами, стали просто подставлять. Умный вор зашлет к отмороженному провокатора, который подкинет ему наркотики или порнооткрытки и тайком настучит администрации. Боец попадает в ШИЗО, и провокатор принимается за другого. На дебилов ищут компромат, пускают слух, что их пахан - педераст, и прочее. Лагерный опыт почти всегда побеждает. Но именно "почти". Были случаи, когда бандиты подстерегали законника и насиловали, то есть опускали. После такой позорной процедуры вор терял всякое уважение даже среди шестерок.

В 1993 году в одном донбасском ИТК строгого режима сидел боец Клюев по кличке Крюк. Он принадлежал к бандитам старой закваски, далеким от рэкета, киднеппинга и заказного убийства. Крюк всего этого просто не застал. Последний срок Крюк получил за два года до начала перестройки. Половину жизни он прожил в колониях разных режимов и дислокаций. Исправительно-трудовую биографию начал ковать в шестнадцать лет. В 1975 году Клюев слыл мастером "гоп-стопа". Несмотря на юный шестнадцатилетний возраст, он носил пиджак 54 размера при росте 182 сантиметра. С такими габаритами можно было без труда чистить прохожих еще до наступления глубокой ночи. До первого судебного приговора акселерат Клюев ухитрился ограбить 12 человек в рекордные сроки - три дня. Взяли Серегу в ресторане, где он кутил в развеселой компании. Рассказывают, что, увидев милицию, Крюк заказал для стражей порядка "Шампанского". Бандит грабил всех подряд: магазины, сберкассы, цеховиков, завмагов. Его видели то в Ростове, то в Сочи, то в Кишиневе. Крюк почти всегда работал один.

В 1981 году бандита арестовали. При задержании Крюк открыл стрельбу, но обошлось без жертв. Спустя два года, он получил от правосудия на "полную катушку". Мокрухи в его похождениях не нашли и налетчику дали 15 лет строгого режима с полной конфискацией. В зоне Клюев стал отрицалой, что называется, в полном объеме: он презирал и кумов и воров. Ни одним из них он не подчинялся. Рассказывают, что однажды он отдубасил трех воровских быков и сел за это в ШИЗО. Затем что-то произошло. Отсидев две трети срока Крюк совершает побег. По одной из версий бандит спасался от законников, которые приговорили его к смерти. Некоторые утверждают, что Крюка опустили. Он сбежал через вентиляционные системы.

На свободе Крюк прожил три месяца. Спецназ вычислил бандита в лесопосадке, где он ожидал своего человека с деньгами и фальшивым паспортом. Взять живым беглеца не удалось. Увидев камуфлированных бойцов, Клюев начал палить из пистолета и даже ухитрился ранить двоих. Затем бросился бежать и попытался захватить заложников на автобусной остановке. Лишь девятая пуля покончила с ним навсегда.

Ликвидаторы

Есть человек - есть проблемы, нет человека - проблем нет. Сколько стоит ликвидировать человека, однозначно никто не ответит: прайс-листа нет. Среди бандитов бытует мнение, что подобных расценок вообще не существует: торгуйся и договоришься. Сумма зависит от статуса "объекта" и класса исполнения заказа. Почти всегда они взаимосвязаны. Профессия и должность будущей жертвы особой роли не играют. Для исполнителя важна степень ее защищенности, для заказчика - сохранение инкогнито. Заказчик меньше опасается государственной Фемиды, чем расследования, которое будет проводить криминальный мир. Последний ведет разбирательство по каждому факту преждевременной кончины уголовного авторитета, тем более вора в законе. Он сам кладет на весы все "за" и "против" и сам выносит свой приговор, по своим кодексам. Он тоже не терпит анархии.

Осенью 1995 года бывший начальник разведки гвардейского корпуса полковник Николай С. заплатил ликвидатору из Волгограда 30 тысяч долларов, чтобы тот убрал челябинского бизнесмена, державшего сеть магазинов. Получив деньги, исполнитель отправился на Урал, отыскал жертву и... рассказал ей все. Затем сказал: "Заплатишь столько же - будешь жить". На следующий день гостя из Волгограда задержали. Был арестован и полковник. При обыске на его квартире изъяли снайперскую винтовку и АКМ.

Летом 1996 года руководителя крупного пермского банка убрали за 50 миллионов рублей. Сумма небольшая, если учесть, что работали два киллера. По пять тысяч долларов на каждого. Для банкира маловато. Но он практически не имел охраны и личных телохранителей. Заказ исполняли украинские наемники, прошедшие предварительную школу в Чечне. Кстати, один из чинов ФСБ, давая интервью, однажды заметил, что самой высокой репутацией среди наемных убийц пользуются именно украинские и прибалтийские. Вопреки сложившимся традициям киллеров арестовали. Под тяжестью предъявленных улик они рассказали о сумме "контракта" и даже о заказчике. Но тот лишь пожимал плечами и твердил, что это - "чудовищная провокация".

Убрать обычного человека по бытовым мотивам (месть, виды на жилплощадь и прочее) - пара пустяков. Здесь и впрямь расценок нет: при желании можно вложиться и в ящик водки. Если, конечно, заказчик настолько богат, чтобы оплачивать дешевые убийства. Донецкий киллер, отзывавшийся на кличку Струк, первую свою жертву - женщину из Авдеевки - убрал всего за 500 долларов. Он выстрелил ей в голову из пистолета. Струк был наемник среднего класса, притом серийный. После четвертого убийства его арестовали и быстро установили заказчиков. Убийство жительницы Авдеевки заказала ее знакомая, решив таким образом уладить квартирный вопрос за 500 долларов. Она получила 10 лет, киллер - исключительную меру наказания,

Исполнитель обычно старается работать без дополнительных жертв и осложнений. Анализ отстрелов показывает, что у каждого ликвидатора есть свои методы "работы", но есть и некоторые правила, которые высококлассный киллер пытается выполнять всегда. Вот некоторые из них.

Стремятся убрать лишь "объект" и избегают побочных жертв. Свидетель устраняется в исключительном случае. Одно и то же оружие используется как можно реже. Пистолет, карабин или автомат оставляется на месте убийства, какими бы дорогими они ни были. Применяется, как правило, ворованный автотранспорт. После совершения убийства его бросают или сжигают где-нибудь за городом. Прежде чем сказать "да", ликвидатор наведет справки об "объекте": он не возьмется за то, что может испортить.

Бизнесмен чаще всего боится обращаться за помощью к бандитам. Те могут запросто донести о его намерениях намеченной жертве и тут же слупить с нее деньги за убийство его самого. А могут просто взять гонорар якобы для киллера и сказать потом, что тот погиб или "засветился". Предпринимательская элита всеми этими поисковыми процедурами не занимается. Она может поручить подобное дело своему сотруднику, который имеет соответствующие связи. Скажем, начальнику охраны, которому обычно доверяют, как самому себе. (Ну, может, чуть поменьше). У того всегда есть что сказать, у кого спросить и что посоветовать. Некоторые уголовные авторитеты даже не прибегают к услугам киллера, а собственноручно ликвидируют конкурента.

Так кто же все-таки выбирает профессию киллера? Именно профессию, а не случайно подвернувшуюся работенку. Трудный вопрос. Монографий на эту тему нет. Разговорчивому носителю какой-либо конкретной информации об обычаях, связях, конспиративных квартирах, методах контактов и т.п. самому может угрожать преждевременная кончина. Специалист, который в силу своей работы раскрывает убийства с признаками заказного, рискнул условно разделить киллеров по классу и способу исполнения заказа.

Киллер, который чаще всего попадается или погибает, как правило, ранее судимый (драка, разбой, грабеж). Большими умственными способностями он не наделен. Психика травмирована то ли армией, то ли колонией. Пользуется оружием, купленным у проверенного продавца. Процессу убийства уделяет намного больше внимания, чем отходу. Самое любимое оружие - автомат: особой меткости не нужно. Ликвидирует авторитетов средней защищенности и работает на заказчика, который о последствиях не беспокоится и сильно тратиться не желает.

Особо котируется ликвидатор, работающий под "несчастный случай" и пускающий следствие по ложному пути. Такой киллер сбивает жертву самосвалом (дорожное происшествие), поджигает дом (курение в постели), травит лекарством (передозировка), прибегает к старому доброму хипесу или инсценирует самоубийство иного рода. Ликвидаторы такого типа состояли на службе у воров в законе, исполняя блатные санкции.

Третий тип - настоящий мастер своего дела, самый высокооплачиваемый. Как правило, отличник боевой и спортивной подготовки, прошел школу в отрядах спецназначения МВД, ФСК, СБУ (а может, еще и КГБ). Ускоряет вхождение в профессию или становится толчком к ней служба в "горячих точках". Люди подобного рода к смерти привыкают довольно быстро и за счет государства обучаются искусству убивать.

Один известный психолог в конце 80-х, анализируя "вьетнамский и афганский синдромы", писал, что самым страшным для бойца является привычка к потерям. Как к своим, так и к чужим. Души бойцов черствеют. Они становятся все менее и менее чувствительны и ранимы. Часто понятия "добро и зло" для них неразличимы. Смерть и увечья своих братьев по оружию вырабатывают стойкую ненависть к противоположной стороне под названием "враг". Человека они воспринимают, как объект. Ненависть со временем притупляется, но частично переносится на окружающий мир. Она живет в подсознании. Человек даже не замечает этого. Он уже ничего не боится и презирает смерть. Единственный недостаток такого киллера - он психически неуравновешен.

Полковник Николай С., находясь в СИЗО Челябинска и проходя по делу о заказном убийстве, на допросе сказал: "Попытался решить кадровый вопрос комплектования батальона разведчиков корпуса, которые занимались подготовкой к выполнению боевых задач в Чеченской Республике. Наши проблемы оставались, жизни людей ценились меньше, чем какие-то железки. Такое положение дел взвинтило во мне чувство обиды за погибших друзей и подчиненных, а также за тех, кого вновь пытались выпихнуть на убой, не обеспечив необходимым, ссылаясь на трудности в стране. Видел, как одни изнывают от изобилия, а другие должны влачить полунищенское существование. Страна, разделившая общество на родных детей и пасынков, уготовила последним роль своих защитников. Это сильно сказалось на моем психическом состоянии, толкнуло на необдуманный, гнусный поступок. К сожалению, я это понял поздно, но, к моей радости, не слишком поздно для того, чтобы человек лишился жизни". Люди подобного рода часто бывают не связаны семьей в силу своей бывшей профессии. После увольнения в запас (то ли по состоянию здоровья, то ли по выслуге лет) они часто оказываются неприспособленными к гражданской жизни и гражданским профессиям. Особенно, если прежней службе отдавались целиком, с фанатизмом. На пенсию Минобороны или МВД прожить невозможно. Тем более, если ты не генерал, и даже не майор... Таким же образом общество поступает и со спортсменами, потенциальными рэкетирами. Из бывшего же стендовика мог бы получиться превосходный киллер: он годами стрелял по движущимся мишеням.

Из этой категории киллерами становятся единицы, но эти единицы неуязвимы и наиболее высокооплачиваемы. Спецназ дает широкий профиль: ты и взрывник, и снайпер, и водолаз, и альпинист, и врач, и водитель, и даже летчик. Не они ищут работу, а она их. Перед убийством основное внимание уделяется последующему отходу. Само же убийство - дело технически несложное. А со своей совестью можно договориться.

Поймет лишь русский офицер?

Для уголовного спрута любой мир тесен. Спрут внедряется на чужую территорию, которую он считает за "край непуганых идиотов". Настало время пугнуть. В 1993-1994 годах полицейские ведомства европейских стран и США принялись поспешно создавать или укреплять уже созданные отделы по борьбе с преступлениями, которые совершают выходцы из стран бывшего СССР.

Полиции Франции, Германии, Австрии даже обращались в некоторые вузы МВД с просьбой готовить для них за их же счет будущих офицеров полиции. Ибо понять русского уголовника порой сможет лишь русский офицер милиции.

Спустя несколько месяцев после суда над Япончиком, мировая общественность вновь содрогнулась от аппетита российского спрута. На этот раз героем дня оказался Интерпол. С его помощью в Женевском аэропорту был арестован глава "солнцевской" группировки Сергей Михайлов по кличке Михась. Он уже собирался сесть в свой "Роллс-Ройс", когда рядом оказались четверо в штатском. На дюжих руках бывшего борца классического стиля звякнули наручники, и Михася усадили в полицейский автомобиль. Арест проводили офицеры четырех разных стран, где шел усиленный розыск Михайлова.

По мнению Интерпола, Михась входит в десятку самых опасных международных преступников. Его обвиняют в торговле наркотиками, незаконном приобретении собственности (Михась владел недвижимостью в Швейцарии, Израиле, Англии и России) и даже убийстве. Спецслужба Израиля обвиняет Михайлова в причастности к убийству владельца ночного клуба Виктора Аверина. Следствие также считает, что он контролирует 17 ночных клубов Западной Европы и занимается экспортом российских проституток, которые вывозились за рубеж, как танцовщицы и топ-модели (по данным Интерпола, лишь за последние два года в станы Западной Европы прибыли четырнадцать тысяч "жриц любви"). В боевом распоряжении Михася якобы находятся свыше тысячи "солнцевских" молодцев, готовых выполнить любой приказ своего предводителя.

Многие западные газеты сообщили об очередной поимке "вора в законе", гастролирующего в качестве полпреда российской мафии по всему миру. Сергею Михайлову готовилась участь его московского земляка Славы Япончика. Но на этот раз пресса погорячилась с воровской короной Михася. Михась никогда не был вором в законе. Он даже не пытался заполучить этот титул. Видимо, он ему был попросту не нужен. Михайлов никогда даже не сидел в тюрьме или, на худой конец, в лагере. Он лишь однажды получил три года условно за мошенничество. Михась имитировал кражу своего мотоцикла, а затем получил по страховому полису с Госстраха деньги.

Московская милиция несколько раз арестовывала Михася по подозрению в рэкете и убийстве. В вымогательствах он обвинялся вместе с Сергеем Тимофеевым по кличке Сильвестр (Сильвестр - уголовная легенда Москвы. Многие причисляли его к ворам в законе, хотя компетентных сведений о его коронации нет. Имеется предположение, что Сильвестр все-таки был коронован в Бутырке, но затем развенчан, буквально спустя несколько часов. В 1994 году Тимофеева взорвали в его же "Мерседесе"). Но доказать причастность Михася к уголовщине не смогли.

Как и Япончик, Сергей Михайлов известен своими пожертвованиями в адрес русской православной церкви. Он родился в подмосковном Солнцево на Новопеределкинской улице. Через тридцать пять лет он приказал отлить колокол для местной Новопеределкинской церкви с памятным текстом: "От солнцевской братвы". Этот благотворительный жест взяли на вооружение и адвокаты подследственного. Один из них сказал: "Сергей Михайлов - честный бизнесмен, который финансирует русскую православную церковь".

Напуганный зловещей славой российского спрута, швейцарский следователь Жорж Зеннон, который занимается в Лозанне делом Михайлова, пожелал сменить свое служебное помещение. Теперь окна его кабинета выходят во двор полицейского управления. Но и этого Зеннону показалось мало. Было введено дублирование документооборота, усилена охрана управления и самого следователя. Теперь швейцарская полиция готова нанести сокрушительный удар по российской мафии, которая, по ее мнению, начала завоевывать даже Швейцарию, этот очаг миролюбия и патриархальности.

Едва Запад оправился от "коммунистической угрозы", как на горизонте замаячила русская братва, известная своей вспыльчивостью и нетерпеливостью. Чуть-что не так - в ход идут пистолеты, автоматы, гранаты и гранатометы. Со стороны русских, у которых все не слава Богу, надвинулась криминальная угроза. Несмотря на то, что посольства США и западноевропейских стран с каждым годом ужесточают условия эмиграции россиян, брава продолжает рваться к загнивающему капитализму.

Воодушевленная всем этим американская пресса, желая хоть как-то просветить своих сограждан в тонкостях русской мафии, принялась публиковать очерки об ее "отцах", комментарии специалистов из числа бывших и даже импровизированные словари современной блатной фени. Последние должны были представлять лексический запас русского гангстера. Словарик современ-

ной фени, напечатанный в "Нью-Йорк ньюсдей", насчитывал всего десяток слов, которые сопровождались английской транскрипцией и толкованием. Вот некоторые из них:

Шпана (shpan-ah), блатной (blat-noj), стукач (stew-koch), руководство (rok-o-vod-steh-voh), безысходность (bez-eekhod-nost), "играть на человека" (e-grat-nah chil-o-vek. Имеется в виду карточная игра).

Превратное представление о российском уголовном мире, не правда ли?

"Мужики"

Это самая многочисленная лагерная прослойка. "Мужиками" живут в зоне и тюрьме как случайные люди ("бытовики"), так и преступникипрофессионалы, не примкнувшие ни на воле, ни за решеткой к какой-либо преступной группировке.

"Мужики" тянут срок, вкалывая до седьмого пота, но при случае не упустят возможности обхитрить начальство с его невыполнимым планом и бригадира с его приписками ("туфтой").

Еще совсем недавно зоны с промпроизводством выдавали "на-гора" всевозможную продукцию в неимоверных количествах: от детских пластмассовых игрушек до телевизоров. Игрушки быстро ломались, телевизоры не показывали, на "лесных командировках" после зеков оставались многие гектары двухметровых пеньков. Однако результат был, была и прибыль. Ибо любые потери перекрывались сверхнормой.

Мой знакомый С. рассказывал, как пытался выполнить норму: накрутить нужное количество матрасных пружин. Без перекуров и обеденного перерыва, на суперскоростях накручивал С. проклятые пружины; уже скомандовали съем с работы; в последнюю секунду, подгоняемый матюками прапорщика С. все-таки последний виток накрутил - и выспорил пачку чая.

В нерабочее время "мужик" живет обычной жизнью каторжанина: отоваривается в ларьке, ремонтирует износившуюся обувь и одежду, ходит в баню. Развлекается: играет в карты, если есть на что; в нарды, в домино и в шахматы. Большинство потребляет чифир: по кругу, по два глоточка, в компании кентов-земляков. "Мужик" не сотрудничает с начальством, не участвует в разборках блатных. Однако есть и среди "мужицкого сословия" личности, влияние которых на дела зоны весьма и весьма велико, а слово имеет "блатной" вес.

Но по зоновской жизни, "мужик" - пахарь. Это, если так можно выразиться, фундамент зоны. Гегемон, одним словом...

Блатная "надстройка"

Это не всегда и не везде многочисленная, но обязательно самая влиятельная "группа граждан" в тюрьме и в зоне, состоящая обычно из профессионалов преступного мира и просто "романтиков с большой дороги", принявших "бродяжью" (ничего общего с бомжами!) веру как единственно возможный способ существования.

На вершине "блатного мира" - "воры в законе", представляющие собой закрытый от постороннего взгляда "орден" с многочисленными тайнами и ритуалами. Вор в законе чаще всего и не крадет ничего, а лишь дергает нити и нажимает кнопки и рычаги блатного, преступного мира.

Ситуация: в зоне нет вора: "смотрящий" по той или иной причине отпускает вожжи; уменьшается пайка; растет трудовая норма, беспредельничает низовой "блат-коллектив". "Мужики" ропщут: скорей бы вор такой-то приехал. Наконец дождались: вор прибыл этапом, вошел в зону. Начинается наведение порядка: повар брошен в котел с кипятком (выжил, сучара!), держатель общака, разбазаривший святые деньги, "сломился" в ШИЗО или в ПКТ; буграм (бригадирам) строго указано; "смотрящий" получил по ушам (снят с должности, лишен прав), "козлы" в страхе; "мужикам" - некоторое облегчение, по справедливости. В общем, небольшое наведение порядка. Не всегда так бывает, но в идеале - должно быть. Ибо, по понятиям, главные обязанности вора в законе или "смотрящего" в зоне - забота о стабильном, бесконфликтном и относительно сытом существовании зеков, недопущение превращения "нормальной" зоны в "красную" - с

административным и "козлячьим" беспределом. Иногда "авторитетные блатные" месяцами чалятся в ШИЗО, в ПКТ, едут с добавочным сроком в "крытую" ради воровских идеалов и тюремно-лагерных догматов.

Все, кто вступает в конфликтные отношения с администрацией на основе "понятий", называются "отрицаловкой". Унизительно носить на робе бирку с фамилией (ныне отменены) - конфликт; отказываешься выполнять невыполнимую норму - конфликт; не хочешь делать зарядку - конфликт... и т.д. и т.п. А конфликты заканчиваются ШИЗО и последующим давлением оперчасти. Отрицаловка - не обязательно блатные, это могут быть и "мужики".

Иерархическая лестница блатного мира такова: воры в законе, авторитеты, "смотрящие", "блаткомитет" из особо приближенных, рядовые - "бойцы", "боксеры", "гладиаторы" и т.д.

"Козлятник"

Завхозы, библиотекари, фотографы, повара и вообще любая упитанная обслуга - это "козлы". Они носят "косяки" (красные повязки или нашивки СПП, СВП, СК, КВР). "Козлы" - актив зоны. Они "твердо встали на путь исправления", хотя какой может быть путь исправления, если есть "козлы" с пятью-шестью "ходками" на строгий режим? И всякий раз "козел" - вновь "козел".

Ясно, что "козлы" пользуются в зоне всевозможными поблажками, а человек - слаб... Многие вступают на скользкий козлячий путь из слабости духа, нежелания общаться с уголовниками. Другим хочется быть сытыми, меньше работать - что-нибудь убирать, подметать, чистить (говно, например). Еще одни - запуганы оперчастью.

В некоторых зонах всем вновь прибывшим зекам выдавали телогрейки с уже нашитыми "косяками". Не надел - отрицаловка, марш в ШИЗО! И так могло продолжаться длительное время, до полной победы - зека или оперчасти.

Из "козлов" в "мужики" дороги нет. И из блатных можно опуститься, а ниже "козлов" - только "петухи".

Неприкасаемые

К этой "теме" со всех сторон повышенный интерес. Неприкасаемые - это "петухи", то есть настоящие или "опущенные" в ходе отсидки педерасты, "сексуальное меньшинство". В условиях свободы педерастия и гомосексуализм получили весьма широкое распространение. Они не прячутся нынче и не скрывают свои "убеждения"; более того, среди них есть весьма "уважаемые" и известные люди. Кто их уважает - это другой вопрос...

В условиях тюрьмы и зоны "петух" - самое унижаемое и гонимое существо,

"...По некоторым сведениям, с реформы исправительно-трудовой системы 1961 года - в зонах стал распространяться обычай: наказание в виде насильственного обращения виновного в педерасты. Некоторые ветераны ГУЛАГа считают, что этот обычай придумали опера - он стал их оружием в борьбе с отрицаловом". (В. Абрамкин, Ю. Чижов. "Как выжить в советской тюрьме", Красноярск, 1992 год.)

Действительно, в лагерной литературе, описывающей предшествующие годы (до 1961 г.), довольно редко встречаются представители "сексуальных меньшинств". Это, конечно, не означает, что их не было вовсе: были, но как "добровольцы", поддавшиеся на уговоры чересчур "озабоченных" удовлетворением сексуальных нужд.

Одно ясно: "петухи" определились в тюрьме и зоне как массовое явление действительно с 1961 года - с начала разделения системы лагерей на "режимы" (общий, усиленный, строгий и особый). Конечно, практики опера не придумали "петухов": просто не стали мешать "распространению"...

Общий режим вбирал в свои колючие сети бестолковых в общем-то молодых и здоровых людей. Они начали вариться в собственном соку, применяя к зоновской жизни те верхушки "понятий", что успели собрать на воле, в боксах СИЗО и в КПЗ. Медленно нарастал беспредел, который охватил к 80-м годам наибольшее количество ВТК ("малолеток") и зон общего режима.

Наибольший процент "опущенных" давали "малолетки", на втором месте - тюрьмы (камеры общего режима, первоходочники) - опять же по причине нарастающего идиотизма "прописочной" травли. По старым "понятиям" тюрьмы и зоны, нельзя "опустить" зека в наказание за что-либо. В

нынешние времена снизилось количество "опущенных" ни за что, по произволу сокамерников. Кстати, те, кто часто "опускал", - тоже недалеки от возмездия. Чересчур активная заинтересованность "петухами" вызывает у солагерников вполне обоснованные подозрения; частые уединения кого-нибудь в каптерке с "петухом" чреваты неожиданной "предъявкой" ("А что это вы там делали два часа, а?").

Крысятники (крадущие у своих), фуфлыжники (не отдавшие карточный долг), стукачи, особо активные беспредельщики - наиболее вероятные, в перспекгиве, кандидаты в "петухи". Обманывают и приглянувшихся "простецов" - возможны сотни способов "уболтать" наивного первоходочника. Но такой обман - тоже своего рода "косяк" (нарушение тюремно-лагерного закона), "прощаемый" лишь до поры...

В зонах общего режима "петухи" составляют иногда целые отряды. Жизнь их адская: их забрасывают камнями, загоняют на деревья, заставляют рыть норы и спать в них. Намного меньше "петухов" на строгом режиме. В хорошей зоне они раскиданы по разным отрядам и спят у самого входа в барак. У них отдельная посуда, отдельные столы в столовой, отдельная работа. С ними нельзя здороваться за руку - вообще прикасаться. Давать им что-либо можно - сигарету, например...

Руководит "петухами" главпетух, через которого осуществляется общее (блатное) управление этой частью зоновского мира.

Кроме истинных "петухов" в этой группе неприкасаемых находятся и так называемая "чухна", "чушки", сами сломившиеся к "петухам" по причине "самоопущения" - нечистоплотности, тотальных "косяков" и т.д.

Подгруппы

Есть еще небольшие группы зеков, незамкнутые какими-то рамками, а определяемые как "класс" лишь в словесном выражении. Так, среди "мужицкого сословия" есть группы "упирающихся рогом" ("быки", "рогометы"), то есть работающие бесхитростно и тупо до седьмого пота, на грани "косяка", ибо любое перевыполнение плана чревато повышением самой нормы. Есть бессловесные пожилые зеки, не имеющие никакой поддержки ни изнутри, ни извне, называемые рьяной молодежью презрительно "мышами" и "овцами", "старыми мухоморами".

"Барыги", торгующие чаем, да и вообще - всем, что есть, обыкновенные спекулянты. Это публика ругаемая и поносимая за глаза всеми: пашущими "мужиками" и блатными. Однако именно через них попадает в пределы зоны чай, доставляется водка. Цена на эти и другие "предметы первой необходимости" устанавливается не сама собой, "сверху", "командным методом": "свободный рынок" с конкуренцией в зонах не в чести. Барыга, самовольно взвинтивший цену, рискует быть ограбленным, искалеченным, а то и убитым.

"Маклеры" - вечно что-то меняющие, выкручивающие льготы, лекарства, конфеты, тряпье. Они сродни барыгам.

Взаимоотношения всех строго, как мы видим, определены "тюремно-лагерным законом". У всех свое место, очерченное четкими границами. Впрочем, если не забыть, что зона - модель общества, то можно предположить, что происходящее на свободе (купля-продажа, рост цен, уличный и милицейский беспредел) зеркально отражается за колючей проволокой. На свободе неизменны моральные принципы - однако они попираются сплошь и рядом. В тюрьме и зоне непоколебимы "понятия" и "наказы" воров в законе - видимо, и они игнорируются некоторой наиболее "отмороженной" частью каторжанского социума. Слава Богу, если не везде это так...

АЗАРТНЫЕ ИГРЫ

Карты в тюрьме и в зоне - одна из немногих возможностей скрасить тягостный "досуг", разнообразить вялотекущую жизнь острыми впечатлениями. Именно карты подводят зека к конфликтной черте - независимо от везения или умения. Выигрываешь - приобретаешь врага или, в лучшем случае, недоброжелателя. Проигрываешь - сам становишься подобным. Любая игра проходит в пике до нервного срыва с психопатическими вскриками, угрозами и оскорблениями.

"Двадцать одно" (никогда не называется - "очко"), "тридцать одно" ("бура"), стос, терц - неполный перечень самых распространенных игр в тюрьме и зоне.

Все игры сопровождаются огромным количеством неписаных правил и "примочек" (нюансов), которые нужно знать досконально. В затруднительных случаях играющие обращаются к авторитетному "катале", к "авторитету", вору в законе.

В карты никогда не играют просто так. И никогда не говорят: сыграем "просто так", ибо это выражение означает игру на то, что ниже спины. Говорят: играем "без интереса" или "под интерес".

Играют обычно один на один. Время - по договоренности, до отбоя например... Или - пока есть ответ в денежном или вещевом выражении. В долг (на представку) играют один раз. Проиграл - плати, нет - значит, ты ставил фуфло (см. Приложение-словарь), ты - фуфлыжник и тебе дорога - в "козлятник", в "петушатник" или под нож кредитора.

Изготовление карт в тюрьме - мастерское действо подручными средствами. Пережевывается и протирается сквозь носовой платок хлеб - получается отличный клейстер; склеивается бумага, режется прямоугольниками, (книги, газеты, тетради), - и по трафаретам наносится рисунок (всегда найдется шариковый стержень).

В зонах же всегда найдется монопольная колода фабричного изготовления.

Азартными в тюрьме и в зоне являются все без исключения игры - шахматы, шашки, домино.

(В зоне забивают не "козла" а "барана). Все играют "под интерес", пусть и небольшой: сигаретки, конфетки...

При игре очень важное значение придается "словам" - карточным терминам, жаргонным выражениям ("фене"). Никого не удивляет нынче слово "штука", означающее тысячу. Однако в лагере при игре в "двадцать одно" под сигаретки проигрывающий партнер неожиданно спросил: "Ты сколько ставишь?" - "Две штуки", - ответил другой и бросил на кон сигареты. И проиграл. Проигрывавший ранее предъявил ему счет - две тысячи (штуки) сигарет - 100 пачек, огромное количество по лагерным меркам. Нашлись и "очевидцы". Лишь после длительной разборки с участием авторитетных блатных решено было переиграть до "ответа". Выиграл в конце концов тот, кто допустил "косяк" с двумя "штуками". Но могло повернуться и по-иному, многое зависело от личностей игроков и настроения авторитетов.

Играют и в нарды. Это практически разрешенная игра в зоне. Но проигрыши равнозначны карточным, а страсти - не менее жестоки. Российский зек быстро овладел этой азиатской игрой, представляющей смесь случайности (вбрасываются два кубика на вариант хода) и тонкого расчета. Говорят, это любимая игра (после шахмат) экс-чемпиона мира Анатолия Карпова. Но, думаю, за колючкой нашлись бы мастера, раздевшие бы и Карпова - вплоть до казны Фонда Мира.

Есть и хорошие шахматные самоучки, но более всего - шашистов. К зеку Виталику Э. приехал сразиться майор из управления, чемпион МВД, мастер спорта - и проиграл под улюлюканье едва ли не всей зоны. А на Виталика, сбросив шкуру "офицерского благородства", наехали "кумовья" (оперчасть). Благо, что срок у него подходил к "звонку" - отделался десятисуточным в ШИЗО...

Азартные игры - один из основных источников неприятностей и конфликтов в тюрьме и зоне, как со стороны ментов, так и между партнерами.

Карточный синдром

Тюремные игры имеют богатую историю. Они были едва ли не основным развлечением. Профессиональный преступник не мог обойтись без холодка в своем животе, без которого не мыслилось ни одно серьезное преступление, и охотно переносил это ощущение азарта в камеру. Карточные игры вору сопутствовали всегда. Ими он не только зарабатывал на жизнь, но и гадал на фарт, проверял благосклонность фортуны и попросту развлекался.

Вместе с картами в тюремных камерах появились и другие игры. Многие из них родились именно в тюрьмах, где изворотливый арестантский ум искал для себя все новых и новых развлечений. Игры сливались воедино, комбинировались, отходили, вновь возвращались. Безобидные ставки граничили с истязаниями, деньги - с побоями. В каменных стенах играли в кости, домино, спички, монеты, бумажные купюры, металлические пуговицы, щепки, хлебные шарики, устраивали тараканьи бега и крысиные бои... Однако на первом месте по-прежнему оставались карты. После посещения сахалинской каторги Чехов, наблюдавший местные карточные сражения, заметил:

"Ссыльный развлекается тайно, воровским образом. Чтобы добыть стакан водки, который при обыкновенных условиях обходится только в пятак, он должен тайно обратиться к контрабандисту и

отдать ему, если нет денег, свой хлеб или что-нибудь из одежи. Единственное духовное наслаждение - игра в карты - возможно только ночью, при свете огарков, или в тайге. Всякое же тайное наслаждение, часто повторяемое, обращается мало-помалу в страсть; при слишком большой подражательности ссыльных один арестант заражает другого, и, в конце концов, такие, казалось бы, пустяки, как контрабандная водка и игра в карты, ведут к невероятным беспорядкам. Как я говорил уже, кулаки из ссыльных на тайной торговле водкой и спиртом наживают состояния; это значит, что рядом с ссыльным, имеющим 30-50 тысяч, надо искать людей, которые систематически растрачивают свою пищу и одежду.

Картежная игра, как эпидемическая болезнь, овладела уже всеми тюрьмами; тюрьмы представляют собою большие игорные дома, а селения и посты - их филиальные отделения. Дело поставлено очень широко, и говорят даже, что здешние картежники-организаторы, у которых при случайных обысках находят сотни и тысячи рублей, ведут правильные деловые сношения с сибирскими тюрьмами, например, с иркутской, где, как выражаются каторжные, идет "настоящая" игра. В Александровке уже несколько игорных домов; в одном из них, на 2-й Кирпичной улице, произошел даже скандал, характерный для притонов подобного рода: застрелился проигравшийся надзира тель. Игра в штосе туманит головы, как дурман, и каторжный, проигрывая пишу и одежду, не чувствует голода и холода и, когда его секут, не чувствует боли, и, как это ни странно, даже во время такой работы, как нагрузка, когда баржа с углем стучит бортом о пароход, плещут волны, и люди зеленеют от морской болезни, в барже происходит игра в карты, и деловой разговор мешается с картежным: "Отваливай! Два с боку! Есть!"...

Позднее, уже при советской исправительно-трудовой системе, карточным баталиям посвящались рифмованные творения. Это были и песни, и просто стихи. Вот некоторые из них, рожденные на Соловецких островах в середине 20-х годов:

После завтрака играют.
Вновь открылось казино,
Игроков везде хватает,
Игроков везде полно.
Тот за печкой притаился
И пыхтит как паровоз.
А другой в углу забился,
Четко мечет в чудный "стос".
Моментально карты лепят,
Невозможно передать.
Если взводный их отымет-
Наготове есть опять.
Вдруг, как кошки, разбежались:
"Шухер", братцы, мы горим!"
Два несчастные попались,
Захватил их командир.

В общем числе внугрилагерных правонарушений картежная игра занимает одно из первых мест. С картежной игрой сопряжена целая группа различных огрехов - растраты, отказ работать, проматывание казенного имущества и тому подобное. Азарт не могут подавить даже карцером:

Игра в буру азарт наводит-
Играют триста, как один,
И карцер вечно заполненный,
И только виден черный дым...
За что сидят? А все за карты,
Ломают склад, тащат муку,
Администрация их ловит,
Сажает в маленьку тюрьму...
(Стенгазета "Труд" N 2, 18 марта 1926 года).

Бура

Обычно играют двое. Раздается на руки по три карты, остальная колода кладется рубашкой вверх и одна карта высвечивается козырем. Каждому игроку надо набрать тридцать одно (не меньше) очко взятками. Туз

- одиннадцать очей (очки сокращенно и умилительно называют - очи). Десятка - десять очков. Король - четыре, дама - три, валет - два очка. Остальные карты "очей" не приносят. Начинает ходить тот, кто раздавал. Он может пойти с двух карт, если у него две карты одной масти. Партнер должен либо побить эти карты (по старшинству масти либо козырем), или сдать взятку, т.е. любые две карты сбросить крапом вверх, не раскрывая.

Недостающие карты игроки берут из колоды, и игра продолжается. Кто взял взятку, тот и ходит опять. Карты из колоды берутся по одной. Одну карту берет один игрок, за ним берет одну карту другой... пока у каждого на руках опять не станет по три карты. Если же вдруг у игрока на руках сразу три козыря, то он объявляет: "Бура!". Игра заканчивается его победой. Он собирает и раздает вновь. Закончился как бы один кон.

Игроки могут договориться и каждый кон оценить в деньгах. Сыграв двадцать конов, они могут сделать взаимозачет и расплатиться друг с другом. Если на руки приходят не козырные все три карты одной масти, то игрок объявляет: "Молодка" и заходит вне зависимости от очередности хода. В середине игры каждый игрок вправе объявить: "Игра сделана". Тем самым он прерывает игру и подсчитывает очки, которые он набрал взятками (и с учетом сноса партнера).

Если при этом у него набирается тридцать одно и больше очков - то он выиграл данный кон. Если же нет - кон выигрывает партнер. При одновременном наборе одинаковых мастей ходит тот, кто перед этим взял взятку. Если у обоих партнеров пришла бура (три карты козырной масти), то выигрыш у того, у кого больше и сильней карта. Вышеприведенные правила буры считаются классическими и вполне устоявшимися, однако в различных регионах могут иметь место некоторые расхождения.

Играют тридцать шесть листов. Значение карт: туз - одиннадцать очей, десятка - десять и так далее. Валет - два очка, дама - три, король - четыре.

Очко

В игре могут участвовать достаточно много человек. В самом начале игры определяется первый банкуюший

- тот, кто будет сдавать карты и выставлять начальную сумму денег в банк. Обычно все желающие банковать поднимают карты "на старшего", то есть "вслепую" берут какую-то часть карт из колоды и переворачивают. У кого оказалась самая старшая карта (туз, к примеру), - тот и начинает банковать. Если у кого-то еще на руках такая же по старшинству карта, то раскрывают карты дальше... Пока у одного не окажется старше, чем у партнера. В начале игры определяется минимальная сумма банка и минимальный "бой", то есть часть банка, которую можно "бить" (отыгрывать).

"Стук" - это объявление банкуюшего, что данный кон и раздача карт является последней. Обычно он объявляется тогда, когда в банке собирается денежная сумма, в десять раз превышающая первоначальную. До "стука" банкуюший не может прекратить сдавать карты, если только кто-то из игроков не "ударил" по всему банку и выиграют.

Что происходит в момент "стука"? Игра идет так же, но когда последний (по правую руку от банкуюшего) игрок ударил (выиграл или проиграл) и в банке остались деньги - то все они переходят к банкующему. После этого право банковать переходит к другому игроку. И все начинается сначала.

Раздача карт. Банкующий должен тщательно перетасовать карты, последней руке (тому, кто сидит от него справа) дать срезать колоду. Затем с верха колоды банкующий раздает по одной карте всем игрокам. Себе карту он сдает в последнюю очередь. Далее нижней картой он "зарезает" колоду (то есть отделяет свою карту, которую он кладет поперек колоды).

Теперь уже все карты вытаскиваются снизу колоды. Игроки командуют, давать ли им еще карты, или хватит. Смысл - набрать двадцать одно очко. С каждой новой картой, полученной из колоды, возрастает вероятность и "перебора", то есть когда все карты на руках дают больше, чем двадцать одно очко. Перебор - проигрыш. Игрок обязан тут же показать открытыми все карты и доложить ту сумму в банк, которую он "бил" (играл). Если будет перебор у банкующего, то игрок

выигрывает и забирает сумму, которую он "бил" (играл). Все отыгравшие карты банкующий укладывает сверху колоды (как и свои собственные).

Каждого нового игрока он спрашивает: "На сколько идешь (бьешь)?". Обычно игроки бьют какую-то часть банка: третью часть, половину или весь банк. Условия, конечно, простые. Если выиграл игрок - то он берет эту часть банка себе. В случае его проигрыша - он доставляет эту ставку в банк. Очень важно банкующему спросить игрока о том, какую часть банка он намерен "бить" до того, как тот заказал следующую карту.

Если у игрока и банкующего окажется одинаковый по значению набор очков, выигрыш считается в любом случае за банкуюшим.

Если у игрока сразу выпал набор в двадцать одно очко, в этом случае он объявляет о своем наборе и банкующий не имеет права производить набор для себя.

Есть и такой вариант в игре. Игрок набрал уже несколько карт и боится брать еще одну карту "в открытую" для себя. Он может попросить банкующего дать ему одну карту "в темную" и играть себе. Банкуюший начинает сдавать карты себе. Тут есть несколько вариантов. Если банкуюший сделал перебор - то выигрыш остается за игроком (на это игрок и рассчитывал!). Когда банкуюший "остановился", он просит игрока открыть карты. Если там перебор, то игрок проиграл. Если вышло при такой игре одинаковое количество очков - то выиграл банкуюший. Если у игрока и банкующего выпало двадцать одно очко, то выигрывает игрок, ибо считается, что его очко "в темную" пришло раньше.

Существуют еще разные мелкие варианты в этой игре. Некоторые игроки договариваются считать, что любые пять картинок подряд означают двадцать одно очко. Некоторые над обычным очком пытаются установить "суперочко" (к примеру, два туза). А у других - два туза означают всего лишь перебор (кстати, два туза именуют почему-то "красной Москвой").

Иногда на банкующего пытаются наложить какието запреты. К примеру, если он набрал уже пятнадцать очков - то обязан тащить еще одну карту, якобы он на пятнадцати не может останавливаться. А на семнадцати очках он, наоборот, не имеет права больше вытаскивать очередную карту, то есть обязан "стоять". Некоторые игроки запрещают после каждого кона банкующему тасовать колоду. Он ее просто переворачивает, сдает игрокам, себе, зарезает и начинает снизу тащить карты на новом кону. Конечно, эти хитрости устанавливают те игроки, которые внимательно смотрят, в каком порядке были набраны карты предыдущего кона, сложены банкующим, и на следующий кон они уже смогут выстроить весь порядок карт.

Могут соблюдаться какие-либо дополнительные правила и налагаться штрафы на банкующего.

Самая жестокая ошибка банкующего следующая. Банкуюший раздал всем игрокам по одной карте, удачно сыграл с большинством игроков... но забыл самого последнего игрока, сидящего по правую руку (или даже двух игроков!). Вот банкомет объявляет "стук", собирает карты и начинает их тасовать. Но тут игрок, у которого осталась одна карта, спокойно спрашивает: "Хорошо тасовал?" "Ну да". "А это что такое?" Игрок показывает одну карту, которую банкуюший забыл потребовать в предыдушем коне.

Таким вот образом банкуюший страшно обидел игрока и не дал ему сыграть в предыдушем коне, возможно, и выиграть все деньги на кону. Банкующий обязан отдать весь банк этому игроку, а карты и право банковать переходят к следующему по очереди игроку. Если обиженных игроков больше, чем один, то они делят деньги банка в равных долях между собой.

Правила достаточно просты. Эту игру любят шулеры, так как когда они банкуют, то могут долго держать карты в своих руках. Они приберегают одного или двух тузов и в нужный момент могут как сдать очко (двадцать одно) себе, так и дать крупную карту противнику - чтобы у него выпал перебор. Очень удобно играть наколотыми картами. Шулер запросто ощупывает пальцами нижнюю часть карты, определяя по наколотым значкам ее достоинство, и сдает противнику или себе необходимые очки.

Иногда посторонним (болельщикам, которые окружают игроков) разрешают "примазываться". Что это значит? Если другие игроки не возражают и не возражает банкуюший, то посторонний на какой-либо карте осторожного игрока просит разрешения "примазаться". Он тянет вместе с игроком карту (вернее, просит банкующего вытащить им). Он в данном случае принимает решения и будет расплачиваться с банкующим. Сам игрок бьет, скажем так, одну десятую банка, так как, на его взгляд, карта неудачна. А примазавшийся бьет половину банка. Они вдвоем советуются, брать или не брать еще одну карту, затем дают команду играть банкуюшему. Банкуюший играет как обычно. Если он выигрывает - то примазавшийся доставляет свою сумму примазки, а игрок - свою. Если

банкующий проиграл, то они берут из банка каждый свою часть денег. Обычно на "стуке" не разрешают примазываться (против, как правило, банкуюший).

Иногда право "примазаться" используют по договоренности в отношении постороннего, но очень нужного человека. Если игра происходит на квартире у катраншика или не было карт, но их кто-то принес, то для него могут сделать льготу.

При игре в "триньку" льготой могут быть фиксированные сборы с каждой крупной "свары". При игре в "очко" примазавшийся несет такую же ответственность, как и игрок, и они вместе принимают решение по выбору карт, иначе они могут "подставить" один другого специально, в пользу банкующего. А иногда, кстати, примазчики как раз и играют в пользу банкующего; проигрывая сами, они вовлекают в проигрыш и игрока.

Рамс

Перед началом игры определяется сдающий, который сдает по пять карт и открывает козырь, кроме того, пять карт откладывает в "прикуп". В этой игре важно не оказаться сдающим карты, так как партнер в случае плохих карт может заменить их на "прикуп", а сданные "зарыть" в колоду. Если пришел козырной туз, то ходят с него обязательно, иначе игрок получает пять штрафных очков. Если туз лежит на "вскрыше", то есть обозначает масть, то ходят королем. Если на одних руках имеются козырные дама и король (марьяж, то обязателен заход с одной из этих карт. Нарушение этою правила тоже штрафуется пятью очками. Целью игры является списание 15 очков, которые записываются каждому игроку перед началом игры

Каждая взятка оценивается в одно очко. Если приходят два валета одного цвета, то списывается пять очков. Если у обоих партнеров соберутся по два валета одного цвета, то списывает очки тот, у кого есть козырной валет. По договоренности в таких случаях перед началом игры могут очки списывать оба партнера. Если одному из партнеров пришли 5 карт одной масти ("рамс"), то он списывает 5, а партнер записывает себе 5 штрафных очков. Если "рамс" козырной, то эти очки удваиваются. Если в процессе игры партнер не взял ни одной взятки, то ему начисляется пять штрафных очков, и кроме этого, он должен уплатить заранее определенную сумму ("прокат"). Выигрывает тот, кто списал ровно 15 очков. Если он списал больше, например, 17, то ему записывается 17 штрафных очков

Третями

Оба партнера имеют по колоде карт. Для того, чтобы определить, кто будет метать карты, партнеры договариваются, какая карта мечет. Если, например, произносится фраза: "Молодка мечет", то метать карты будет тот, кому выпала младшая карта. Если "Старший по стосу мечет", то метать карты будет тот, кому выпала старшая карта. Значение карт идет от семерки до туза. После растасовки колоды партнер своей картой "подрезает", т.е. разделяет, колоду противника. После подрезки он же выбирает любую карту из своей колоды и кладет ее отдельно, но не показывает противнику. Задача игроков: поймать выбранную карту, для чего мечущий карты открывает нижнюю карту из своей колоды ("нечет"). Если она не совпала с отложенной, то открывает карту для партнера также из своей колоды ("чет"). Ловля карт может быть цветной, полуцветной и простой. Если выпала карта одной масти и одного значения с отложенной, то выигрыш составляет 100% от ставки ("цветная"), если выпала карта одного цвета, то выигрыш - 2/3 ставки ("полуцветная"), если выпала только одного значения, то выигрыш составляет 1/3 ставки. Выигрывает тот, на чью сторону выпала соответствующая карта. При игре "третями" используются следующие шулерские приемы:

1. "Кидать метлу". Если игра ведется картами малого размера, то при тасовке мечущий карты игрок оставляет скрытно в руке несколько разных карт. Когда "чет" и "нечет" он выбросил по несколько карт и они не совпали с ловленной, то он в "нечет", т.е. в свой ряд, выбрасывает одну из спрятанных карт, значение которой не совпадает с ранее выброшенными, т.е. вероятность совпадения с ловленной возрастает во много раз, так как всего может быть только восемь вариантов. Если и эта карта не совпала, то в ряд противника ("чет") он бросает из спрятанных карту,

совпавшую по значению с ранее выпавшими, т.е. не дает ему выиграть, а себе снова бросает карту, не бывшую в ходу.

2. Делаются пометки карт ("крапление"). В данном случае карты имеют пометки, определяемые чаще всего на ощупь. Например, каким-либо способом он помечает карты, имеющие значение на "Д" (девятка, десятка, дама), другим - помечает нечетные карты, младшие, старшие и т.д. Играть можно, не видя партнера, выкрикивая значение и масти карт.

Тринька

Эта игра имеет также второе название - "сека". Из колоды в 36 карт отбираются простые карты с тузами (без картинок). Если картинки оставляют, то это будет "сека". В колоде таким образом остается 24 карты, и максимальное количество игроков - восемь человек. Перед самым началом игры определяется сдающий. Обычно это делают подъемом на "старшего". Игроки поднимают каждый группу карт, а затем переворачивают. У кого самое большое значение, тот и будет первым сдавать карты. А затем сдает тот, кто выигрывает кон.

Если у двух или у трех игроков оказались самые крупные карты, к примеру, тузы, то каждый раздвигает (снимает) эту карту, и за ней сравниваются следующие карты. И так до тех пор, пока у кого-то не окажется старшая карта относительно противника. Когда игроков много, то определяется сдающий обычно следующим образом. Один из игроков перетасовывает карты, а затем сверху начинает высвечивать значение карт, приговаривая: "Стол, хозяин, ты, он, тот" и т.д. Под "столом" понимается самая первая снятая карта. Под "хозяином" - сам сдающий в данный момент. Каждая следующая карта - это значение для каждого последующего игрока. Карты вынимаются до тех пор, пока не выпадет первый туз. Возникает как бы своеобразная считалочка. На кого выпадает туз, тот и может начать тасовать и сдавать карты.

Карты тасуются в произвольном порядке. Но обязательно надо "срезать" под правую от себя руку (если вы сдаете). После "срезки" надо тут же начать раздавать карты по одной слева направо. Каждому игроку раздается по три карты. Если в момент раздачи вдруг комуто "засветится" карта по вине сдающего, это не считается большой погрешностью. В этот момент сдающий обязан спросить: "Заменить?". А принимающий карты решает, оставить карту или попросить заменить. Но предыдущие карты свои он, конечно, не должен смотреть и видеть. Замена карт производится произвольным вытягиванием из середины колоды, а заменяемая карта подкладывается в самый низ колоды.

Иногда принимающие карты могут попросить специально "засветить" их карту: таким образом пытаются изменить ход игры, спутать противника (а вдруг там выпадает крупная карта) и т.п. Игроки, которым выпадают первыми по три карты - те могут "затемнить". Игрок в этом случае в карты не смотрит, а бросает в банк какую-то сумму (обычно она равна одной или двум ставкам в банк) и говорит: "Темню". Это значит, что он как бы первым уже не вступает в игру, предоставляя это делать следующим за ним игрокам. Остальные игроки берут свои карты, раскрывают их для себя и принимают решение. У каждого игрока есть несколько вариантов продолжения. Если значение очков на картах маленькое, то можно карты бросить, не раскрывая их, и сказать: "Упал". На данный кон этот игрок выбывает. Если игрок решил играть дальше, то ему надо ставить на кон уже сумму не меньшую, что была "затемнена". А если этот игрок решил "вскрыться" (открыть значение карт противнику, сидящему от него по правую руку), то обязан ставить сумму, превышающую "затемненную" сумму ровно в два раза. Игрока, который "затемнил", может сразу за ним сидящий игрок "перетемнить". В этом случае бросается еще большая сумма в банк, а условия для всех остальных игроков остаются такими же.

Когда все игроки по первому кругу отреагировали и сделали свои ходы, то только тогда могут в свои карты посмотреть и тот, кто "затемнил", и тот, кто "перетемнил". Теперь и они решают, что же им делать. Или "упасть" (выбросить карты), или продолжать играть, делая ставки. Ставки могут только повышаться и быть никак не меньше "затемненной" или "перетемненной" суммы. Игрокам, которые "затемнили" ("перетемнили"), выпадет только одно преимущество. Они имеют право "скрываться" игроку под свою правую руку за "затемненную" ("перетемненную") сумму, а остальные игроки "скрываются" только за удвоенную сумму этих значений.

Очки считаются по мастям. Если на одной масти у вас выпадает, к примеру, туз, десятка, девятка - то это значит, что к вам пришла самая большая "тринька" (три масти) суммой в тридцать

очков. Туз, как и во многих играх, принимается за одиннадцать очков. Самую большую "триньку" могут перебить только два сочетания карт. Это три шестерки, а их в свою очередь бьют три туза. Никакие больше сочетания карт не считаются "триньками": "три девятки", "три восьмерки" и т.п. Исключение составляют три десятки. Но при этом сочетании игрок может в любой момент игры "вскрыться" и потребовать только пересдачи карт на данный кон. То есть, его карты ничего не значат, кроме десяти очков одной из десяток, но он может требовать пересдачи. При этом уже нельзя забирать из банка деньги, которые все "проходили" в данном розыгрыше. Если игрок с тремя десятками на руках в "темную", не раскрывая карт, сумел провести игру на данном кону и всех победил, то он забирает банк и не обязательно ему требовать пересдачу. А это может быть в случае, если он бросил в банк крупную ставку, остальные испугались - "упали", а он таким образом остался один, и можно никому не раскрывать значение карт.

Очки считаются только по мастям. Одной масти: туз и десять - это двадцать одно очко. Одной масти: семь и восемь - это пятнадцать и т.д. Два туза, две шестерки и т.п. ничего не значат, кроме как по одному значению этих карт: одиннадцать, шесть и т.д. Игроки начинают ходить слева направо от сдающего. Тот в свою очередь спрашивает: "Ваше слово?". Те принимают решение и начинают "падать" или "ходить". "Ходят", бросая в банк сумму, которая равна или больше ставки в банк перед началом игры. Предположим, играли "по копеечке". Каждый обязан был поставить в банк свою "копеечку". Принимая решение играть, теперь игроки кидают дальше в банк, приговаривая: "Дальше копеечку... дальше дал". Карты при этом каждый держит, закрыв и никому не показывая. Тот игрок, который хочет сравнить свои очки с соседом, сидящим по правую руку, бросает сумму, которая была только что поставлена перед ним (не ниже), и говорит: "Скрываюсь". Два игрока сравнивают свои очки. У кого меньше - тот выбывает.

Так игра проходит до тех пор, пока не останется самый последний игрок, который имеет на руках самое большое количество очков. Он и забирает банк, делает первым новую ставку, просит остальных тоже делать ставки, а затем вновь тасуют колоду, срезают и раздают выигравшим. Раздающий карты проверяет правильность внесения ставок в банк до раздачи карт. Если он начал сдавать карты, а банк оказался неполным, кто-то забыл поставить свою ставку и не признается в этом, то раздающий обязан выяснить это, и если добровольно никто не вспоминает о своей забывчивости, то он сам пополняет банк. Перед раздачей банк должен быть обязательно полным, то есть соответствовать сумме всех ставок играющих игроков.

Когда идет игра и игроки увеличивают ставки, то может быть и предельная сумма, т.е. "потолок", который нельзя перекрывать. Это делается в интересах малоимущих игроков, которые должны иметь шанс "открыться" и сравнить свои очки перед тем, кто хотел бы их деньгами "задавить" и бросает для этого крупные суммы в банк при очередном ходе. О таком "потолке" можно заранее договориться перед началом игры. Обычно этот "потолок" устанавливается в пределах 50-100-кратного повышения над обычной самой минимальной ставкой в банк. Если ставка по одному доллару, то "потолок" устанавливается обычно в сто долларов.

Одним из главных компонентов игры является фаза "свары". "Свара" может получиться естественным путем, когда играющие "вскрывались", и осталось два (или три) игрока с одинаковыми очками. Предположим, у одного игрока оказались бубновые восемнадцать очков, а у другого - крестовые восемнадцать. Что это значит? Это значит, что они "варят" банк. У них есть два пути. По обоюдному согласию они могут разделить данный банк пополам (или на три части, если "варят" втроем). Или же приглашают остальных игроков внести сумму, равную половине банка. Сами они, конечно, ничего не добавляют в банк. В этом и есть преимущество "заваривших", они как бы "выдаивают" остальных игроков.

Очень часто "свары" делаются специально. Два игрока бросают большие ставки, вынуждая других "упасть", не "открываясь". Когда же они остаются вдвоем последними, то один из них может пригласить другого: "Варим?". Другой отвечает: "Давай заварим!". Они бросают карты в колоду, не раскрывая их значения. А затем идет обычная процедура. Сумма банка подсчитывается, делится пополам, и определяется "входная ставка" на "свару", равная половине данного банка. Чтоб теперь принять участие в очередном туре игры, каждый игрок доставляет новую ставку. "Заварившие" принимают ставки от игроков, бросают их деньги в новый банк. После этого двое заваривших определяют, кому из них сдавать. Они поднимают на "старшего". Каждый захватывает какую-то часть колоды, а затем уже высвечивает самую нижнюю карту. У кого по очкам "старшая", тот и имеет право на сдачу.

Тасовка, срезка и сдача происходят точно так, как и в обычном кону. Если забыли потянуть на "старшего", забыли "срезать" и т.п., то любой вправе тут же заявить о пересдаче карт. На "сваре" карты раздаются только тем, кто "заварил" и кто доставил в банк недостающую сумму. Желание "варить" - это добровольное решение. Кто-то не хочет "варить", кто-то не желает доставлять в банк - в этом случае никто не неволит. Эти игроки пропускают данную "свару", ждут розыгрыша, а потом опять принимают участие в игре. При "сваре" два или несколько игроков могут сложиться и поставить необходимую сумму, чтоб иметь право в игре. Это разрешается. Кому-то из них сдаются карты, и они все вместе принимают решение: "падать", "ходить" и т.д.

На "сваре", так принято большинством, нельзя "темнить" и делать то, что позволяется при этом. В момент "свары" (до раздачи карт) могут некоторые партнеры объединяться. Они друг друга спрашивают: "Набздем?" Это значит, что банк и шансы делятся пополам. Кто из них выиграет, тот делится половиной банка.

Вот и все классические правила в "триньке". В отдельных регионах, конечно, приняты какие-то небольшие отклонения. Где-то определяют, что самым высоким сочетанием надо принимать три шестерки, а не три туза. Где-то не устанавливают "потолок" при проходе и т.д. Но обо всем этом игроки договариваются перед началом игры, дабы устранить дальнейшие недоразумения и конфликты.

Тэрс (терс, тэрц)

Как правило, в этой игре участвуют два человека. По старшинству или меньшинству определяется раздающий карты, который сдает по 9 карт и открывает козырь. В следующей партии сдает тот, кто взял последнюю взятку. Цель игры - набрать более 530 очков. Сочетание трех карт одной масти подряд называется тэрсом (7, 8, 9, 8, 9, 10, дама, король, туз и т.д.).

Если у партнера на руках тоже тэрс, то выигрыш определяется по старшинству карт. Если выпали 4 карты подряд одной масти ("кварт"), т0 записывается 40 очков (два "тэрса") и добавляется еше 50 очков, т.е. "кварт" дает 90 выигрышных очков. Если пришло 5 карт ("пятерик") - то записывается 260 очков; при 6 картах ("шестерик") - 530. Если пришли козырные король и дама ("марьяж"), то партия прекращается, и их владельцу записывается 20 очков.

Если у одного из партнеров оказалось 4 короля, или 4 дамы, или 4 туза, то ему записывается 100 очков; если 4 валета, то - 200 очков. Если игроку попала козырная семерка, то он заменяет ее козырем, лежащим на "вскрыше". За незамен - 100 штрафных очков. Эта семерка достается тому, кто набирает карты из колоды последним. Если даже по забывчивости игрок будет играть восемью картами вместо девяти, то он штрафуется 100 очками (соответственно, если семью - то 200). В случае, если игрок взял из колоды более 9 карт, то он объявляется проигравшим.

Самой старшей картой при игре в "тэрс" является козырной валет. Если он пришел в конце игры, то дает выигрыш в 30 очков, а если в начале или в середине - то 20 очков и право на сдачу карт в следующей партии. Второй по старшинству картой считается козырная девятка. Она дает 13 очков. После розыгрыша колоды подсчитываются очки в набранных картах: валет (не козырной) - 1 очко, дама - 2 очка, король - 3 очка, десятка - 10, туз - 11, девятка козырная - 13, валет козырный - 30 (20). Остальные карты при подсчете в очках не оцениваются. Всего при подсчете на двух партнеров приходится 150 очков, если валет козырный пришел в конце игры.

Байбут

Азартная игра в кости. В зависимости от сочетания выпавших цифр определяется выигрыш или проигрыш. Они бывают двойные или одинарные. Двойной выигрыш - 6х6, 5х5. 3х3. Одинарный выигрыш - 5х6. Двойной проигрыш - 4х4, 2х2, 1х1. Одинарный проигрыш - 1х2. Все остальные сочетания не действительны, и бросок повторяется. Играют на деньги, вещи или желание.

Тюремный козел

Камерная игра со спичечным коробком, который на краю кровати или нар подбрасывается щелчком вверх. Если коробок упал этикеткой вверх, игроку начисляется два очка, на ребро - 5, стоя

- 10 очков, тыльной стороной - 0 очков. Надо набрать 50 очков. Игроки с многолетним опытом умудряются выбрасывать каждый раз на ребро. Поэтому сражение между искушенными соперниками неинтересно. Игра может вестись на деньги, вещи, продукты питания, щелчки. Обычно в игре участвуют двое, но бывает, что к "тюремному козлу" подключается вся камера. Он удобен тем, что требует нехитрого инструмента, такого как спичечный коробок.

Хитрый шофер

Камерная игра, в которой новичку завязывают глаза и заставляют на стуле имитировать действия водителя в определенных ситуациях. Скажем, кто-то кричит: "Красный свет!", и "шофер" обязан нажать ногой "тормозную педаль". В процессе игры ему объявляют дорожные знаки, моделируют различные транспортные ситуации, предлагают поломку автомобиля. Звучат окрики: "Поворот направо", "Въезд запрещен", "Обгон запрещен", "Старушка на дороге" и тому подобное. На команду "Легавый светофор" подопытный зек должен приложить ладонь к виску, мило улыбнуться и сделать неприличный жест. Если "хитрый шофер" допускает промашку, внимательная братва опрокидывает его в "кювет", скажем, в таз с водой.

Шмен (шмевдэмэ)

Игра на деньги по сумме цифровых значений на денежных купюрах. Игроки договариваются, какая цифровая комбинация считается выигрышной: по общей сумме цифр, по числу четных или нечетных, по разнице чисел и тому подобное. Как правило, победитель забирает купюру проигравшего.

"Двенадцать бумажек"

Лагерная игра, распространенная в ВТК. В эту игру вовлекают неопытного новичка, фамилию которого пишут на двенадцати бумажках. На первой пишется, где спрятана вторая, на второй - третья и т.д. Человек, чья фамилия написана на бумажке, становится "слугой" нашедшего, то есть выполняет его желания. Способы игры разные, принцип - один: сохраняется жесткая последовательность, при которой цепь бумажек приводит к заранее определенной жертве.

"Белая береза"

Это не столько игра, сколько игорная ставка. До недавнего времени в зонах пользовались успехом карточные игры, где проигравший выполнял желание победителя. Схожая ставка наблюдалась и при игре в домино "Двадцать четыре удовольствия". При ней проигравший также обязан выполнить любое желание выигравшего. Скажем, весь день он должен был отвечать на любой вопрос словами: "Крякни в тину". Особый конфуз при этом возникал, когда собеседником проигравшего зека становился кто-нибудь из сотрудников тюрьмы или лагеря. Вот живой пример, который произошел на Свердловской пересылке и лег в мемуары бывшего рецидивиста:

"Я сидел в тесной потнючей камере и ждал вызова на этап. Вчера я проигрался и сегодня с раннего утра начал отдавать долг. Это были не деньги или казенные шмотки. Это были слова "скворцы прилетели". Несмотря на всю безобидность фразы, вся камера целое утро потешалась, задавая глупые вопросы. И на каждый я громко гундосил: "Скворцы прилетели". Через час эта потеха всем надоела, и меня больше не трогали. И надо же было этому случиться: именно сегодня и именно меня вызвали на этап. Я этого ждал и больше всего боялся. Когда мы садились играть, то условились, чтобы фраза, за которую сразу же можно схлопотать по морде, на кон не ставилась. "Скворцы" - далеко не самое худшее. Бывало, что заставляли читать детское стихотворение или пункты Устава ВЛКСМ, принесенного из библиотеки для изготовления сигарет.

Ну, так вот. В дверях показался прапорщик и назвал мою фамилию. Это не было вопросом, и я молча подошел к дверям. "Вертух" спросил: "Шмотки собрал?" "Скворцы прилетели" - с

готовностью выпалил я. Я не видел братву, но чувствовал, что она давилась со смеху. Прапорщик тупо поглядел на меня и наконец выжал: "Что?" Запахло дерьмом. Скворцы, говорю, прилетели. Его глаза сузились, губы побелели и вытянулись в нитку. Казалось, еще миг - и он бросится на меня. Но вместо этого контролер сухо поинтересовался: "Какие скворцы?" Черт бы побрал этих скворцов. Проклиная свою долю и слыша, как закатываются сокамерники, я повторил фразу. Прапорщик был новеньким. Те, кто годами ходят по тюрьмам (мы - сидим, они ходят), знают, что выкидываются штуки и похлеще. Скажем, плюнуть в рожу дежурному офицеру. Подобные ставки среди братвы не катят, но их могут просто спровоцировать для какого-то азартного рогомета. При мне был такой случай. Бедолаге разнесли витрину так, что неделю шапка не налазила. Он похлопал офицера по фуражке и сказал: "Ну что, мент, службу дрочишь?" Дежурный поправил фуражку и приказал двум инспекторам завести зека в карцер для беседы...

"Скворцы прилетели" - повторил я. На помощь растерянному прапору подоспел конвоир, здоровенный рыжий детина. Он врезал мне между лопаток так, что я полетел в коридор. "Воруши копытами, гнида!" - прорычал он. И хотя хохочущая от души камера осталась позади, я продолжал повторять: "Скворцы прилетели". Я даже не думал жульничать: это могло бы плохо кончиться. Поэтому я честно отрабатывал свой долг и в этапном строю, и в карцере, куда меня таки запихнули. Игра есть игра".

Иногда проигравший орет глупость с верхнего яруса. Или всю ночь спит на полу. Тюремная фантазия не знает границ. Один картежник доигрался до того, что в разгар трудового дня, ровно в полдень, как и требовал того победитель, вдруг вышел в центр заводского цеха и начал читать стихи:

Я маленькая девочка,
Я в школу не хожу.
Я Ленина не видела,
Но я его люблю.

После короткой паузы четверостишие повторилось. И так далее. Ровно десять минут. Мастер подошел к "девочке", обложил его со всех сторон матом и вновь направил к токарному станку. Обрабатывая деталь, заключенный продолжал твердить о своей любви к Ленину. Безнаказанно эта шалость не прошла: десять минут - это все-таки десять минут. Дело могло бы закончиться тривиальным штрафом, но на дворе стоял 76-й год, и дедушка Ленин еще был в почете. Вместе с кожей сдирались политические татуировки и пресекались любые словестные поползновения в адрес вождей гегемона. Мастер побежал за подмогой. Чтеца-декламатора показали врачу. К тому времени зек уже закончил монотонно твердить свое и молчал, как рыба. Врач даже не стал его осматривать. Услышав, что заключенный психически здоров, "вертухаи" бодро поволокли его в ШИЗО. И хотя тот во все горло сознавался, что просто отдал карточный долг, попариться в изоляторе зеку пришлось. На том и разошлись.

В 30-е годы в Соловецких лагерях была в ходу ставка "100 тараканов" (1000 тараканов или что-то в этом роде): проигравшего обязывали отловить сотню барачных насекомых и предъявить их "счетной комиссии". Зек мог неделю ползать по бараку с банкой в руках, охотясь на тараканов. Игра имела и санитарный успех. Иногда охота за тараканами затягивалась на месяц. В зависимости от количества насекомых. Вместо тараканов могли фигурировать пауки или крысы.

Тюремные правила запрещают загадывать желания, которые позорят честь арестанта или же несут угрозу его жизни. Был случай, когда трое зеков предложили проигравшему поцеловать петуха. Должник спокойно послал их на три буквы. "Ты что же, падла, платить не будешь? - оскалился один из зеков и угрожающе двинулся вперед. - Целуй гребня. Иначе опустим прямо здесь!" Неудачливый игрок двинул зека кулаком между глаз. Бойцов разняли и через "коней" обратились за советом к авторитету. Вскоре деды правильной хаты передали маляву, в которой советовали разобраться с теми, кто придумал такое позорное задание.

Бывали случаи, когда проигрывали самих себя. Проигравший становился на день, неделю или месяц (а случалось, что и навсегда) рабом победителя. Академик Дмитрий Лихачев, отбывающий наказание в соловецких ротах, вспоминал:

"Лор, "бояруюший" (ухаживающий, уговаривающий) шпаненка, специально завлекает в игру и выигрывает у него "последнее". Такой, проигравший себя в карты, допускает в отношении себя различные, самые дикие извращения. Проигранный таким образом попадает в положение полной отчужденности
- он не имеет права ни с кем разговаривать, прикасаться к посуде и тому подобное.

В старое время обычными были случаи проигрыша "марух" (любовниц). Сейчас это уже постепенно выводится. Проигрыши самих себя или вообще "последнего" чаще всего происходят из так называемой "амбиции". Если "схлестнутся" двое, имеющих друг на друга злобу, или если играющие почему-то считают для себя позором проиграть, игра может зайти очень далеко. Проигрывают золотые зубы, которые после игры выдираются клещами или выбиваются молотком. Проигрывают пальцы, играют на ухо и т.п. Происходят своеобразные картежные дуэли.

Мстящий старается заставить своего партнера "влезть на рогатину", то есть заставить его проиграть что-нибудь такое, что он не сможет выплатить, или причинить ему существенный ущерб. Но такая игра, хотя и считается вполне "законной", однако может остаться небезнаказанной. Часто случается, что кто-нибудь из присутствующих мстит, но мстит также законно - картами.

Бывает, что проигравший кричит в окно или трубу в течение 5-10 минут: "Я дурак, я дурак..." Отсюда и выражение: "проиграться в трубу". Очень часты игры "на песню, на сказку", но играют на эти веши, конечно, только с теми, кто действительно мастерски поет или рассказывает. Какой-нибудь певец поет до тех пор, пока "фарт" не поворачивается в его сторону, и поет старательно, потому что в этом его хлеб. Выдумки в этом роде неисчерпаемы. Впрочем, такие вещи на Соловках не процветают - здесь игра носит гораздо более "деловой" характер".

Игра на человеческую жизнь называется "три звездочки" или "три косточки": смотря на чью жизнь идет игра - свою или чужую. Очень часто блатной мир играл на жизнь "четвертого" ("пятого", "шестого" и т.д.). Проигравшему поручают убить человека, которого укажут победители. Это может быть стукач, надзиратель или проштрафившийся зек. Чаще всего игра на жизнь пятого идет на свободе. Тогда круг потенциальных жертв значительно расширяется. Трупом может стать даже случайный прохожий.

Зеки могли выбрать жертву, полагаясь на случай. Могут заказать смерть того, кто первым выбросит окурок в ту урну, кто купит в киоске те папиросы, кто первым выйдет из трамвая. Когда-то очень популярной была метка скамеек в скверах. На ней мелом рисовался крест, и кто на него сядет, тот должен умереть. Разумеется, уголовный розыск мучился в догадках о мотивах насильственной кончины. Метка лавок стала настолько популярной, что просочилась в народные массы. В 50-60 годах мирные граждане шарахались от крестов, как черт от ладана. А рецидивисты тем временем опять трудилась за карточным столом.

В пятидесятых годах "пятым" стал даже Марк Бернес. Судя по всему, за то, что сыграл ссученного вора в новом фильме. Тогда МВД прессовало воровскую масть по высшему разряду, и советский послевоенный кинематограф не мог остаться в стороне от этого процесса. Выполнить волю братвы поручили рецидивисту по кличке Бурлак. В тот вечер он остался без копейки и в порыве азарта поставил на кон "жизнь пятого". Бурлак проиграл кон. Дальнейшую судьбу киллера и его провал я описал в книге "Антология заказного убийства".

В сегодняшних тюрьмах и колониях карточные игры преследуют скорее меркантильные цели, чем развлекательные. Утрачивает былую силу и чувство блатной мести. Меняется мир - меняется жизнь. Меняется жизнь - изменяются ставки.

Боковой ветер

Шулерские приемы родились вместе с игральными каргами. Совершенствовать "боковой ветер" (именно так называют шулерские манипуляции) очень сложно, изобрести новые приемы - практически невозможно. В арсенале карточных мошенников превалируют классические методы, которые сохранили свою актуальность и на сегодняшний день. Многие приемы, популярные, скажем, в начале века, ныне устарели. На смену им пришли технические ухищрения, где все чаще и чаще фигурирует электроника: в игорных домах под зеленое сукно закладываются сканеры, в стенах монтируются видеосистемы, даже в самих картах уже наблюдались металлические вкрапления, на которые реагировал сверхчувствительный прибор в часах шулера. Но классика осталась классикой. Она незаменима там, куда доступ техническим наворотам ограничен. Одним из таких мест попрежнему остаются тюрьмы и колонии. Ниже приводятся популярные шулерские приемы и понятия, стареющие, но еще не утратившие своей актуальности.

"Крап" - пометка игральных карт, благодаря которой игрок располагает их в нужном порядке и, зная их значение, составляет при игре нужное для себя сочетание. Дефекты на картах должны быть незаметны для противников. Такая пометка может быть "на глаз", "на ощупь". Игральные карты,

продаваемые в магазинах, годятся не для всех игр, в частности, для тех, где нужное расположение карт зависит от растасовки. Поэтому такие карты "затачиваются", иногда расклеивают, удаляя внутренний слой, и в зависимости от вида игры "заряжают". Крупные шулеры подчас берут в магазине несколько колод карт, затачивают их и возвращают продавцу, договорившись с ним о том, что когда они будут покупать карты, продавец подаст им именно эти колоды. Такой прием применяется с целью убеждения противника в том, что игра будет идти без обмана. Сведущие люди поговаривают, что высококлассные шулеры имели "своих" продавцов практически во всех магазинах, где шла торговля игральными картами. Но эта механика уже отошла в прошлое: сегодня карточные колоды можно встретить на каждом шагу. Ими торгуют в киосках, магазинах, с лотков и базарных прилавков. Когда шулер имеет дело не с меченой колодой, он попытается ее "закрапить" во время игры, по мере оборота карт. Скажем, ногтем проведет черточку у края карты. После чего эта карта уже определяется на ощупь. Шулеры, работающие таким способом, постоянно удаляют кожу с кончиков пальцев, повышая таким образом их чувствительность.

Внешняя сторона карт, так называемая "рубашка", состоит из переплета ромбов и множества тонких линий. Это своеобразные "дактилоскопические" признаки карт: типография не может и не пытается повторить одну и ту же комбинацию линий на двух и более картах. Другими словами, каждая "рубашка" имеет свой отличительный знак, распознать который и пытается шулер. Он покупает множество колод и формирует из них одну. В новой комбинированной колоде достоинство карт четко разграничивается. Например, "рубашка" тузов имеет цельные ромбы, десятки - половинчатые, короли - слегка подрезанные и т.д. Часто крапят колоду добавочными линиями. При фабричной печати используются красные и зеленые линии различной толщины. Утолщая ту или иную линию, можно разграничить карты по мастям. Пиковая масть
- толстая линия в правом углу, червовая - в левом. Та же ситуация и с зелеными линиями. Еще один из приемов крапления колоды - образование толстой и тонкой точки в белом ромбе, что вырисовывается в правом углу. Большая точка вверху ромба - пики, внизу - трефы, справа - черви, слева
- бубны. Ставя маленькую точку возле большой, можно пометить практически все карты - от туза до шестерки (если колода в 32 карты - семерки).

"Держка" - один из технических приемов шулеров: сдача партнеру вместо верхней или нижней карты - другой. Держка может проводиться "на глаз", "на щуп", смотря по тому, каким образом помечены карты, а также "угловою", "верховою" и "боковою", в зависимости от места пометки карты, которого касается пальцами шулер, вытаскивая ее из колоды.

"Заправка" - умышленный проигрыш с целью разжигания азарта у "лоха" при игре в карты, а также незаметная пометка карт.

"Кидать метлу" - шулерский прием, используемый при игре "третями", когда мечущий карты игрок подбрасывает противнику карты уже отыгранные, чем лишает партнера шансов на выигрыш.

"Коцка" - крапление карт, как правило, четырех тузов и четырех десяток, у которых лицевая сторона шероховата в одном направлении. Все остальные карты с тыльной стороны шероховаты в другом направлении. При тасовке такие карты слипаются, и опытный игрок знает, какая карта у него под рукой; пометка карт с помощью расплавленного парафина, в который опускаются все углы карты. При этом нужные карты имеют больший или меньший угол, что позволяет игроку определять их значение.

"Боковая точка" - способ пометки карт, при котором карты затачиваются сбоку, что позволяет при тасовке располагать их в нужном порядке и манипулировать теми из них, которые выгодны шулеру.

"Братское окошко" - отверстие прямоугольной формы в первом слое игральной карты со вставленными внутрь передвигающимися знаками, с помощью которых можно изменять значение карты в нужном для шулера сочетании.

"Двойниковая точка" - способ пометки, при котором нужные карты с одного из углов осторожно затачиваются на фаску, т.е. под углом к торцевой части карты, затем по диагонали затачиваются, но уже с другой стороны. Если такие карты сложить друг с другом, то они как бы склеиваются, а от-точенные под углом торцы образуют острый угол и при тасовке такие карты не разъединяются, что позволяет шулеру манипулировать ими. Иногда такая заточка делается по всей боковой части карты, что позволяет вести растасовку их сбоку, а в первом случае - только с угла.

"Мебель" - сообщник шулера, не умеющий применять шулерские приемы, но принимающий участие в картежной игре, когда мало партнеров. Как правило, он разыгрывает из себя рискованного

игрока. Расчет с ним ведется только для вида. В то же время он получает определенный процент с выигранной шулером суммы.

"На глаз" - способ пометки игральной карты, который позволяет игроку определить ее значение по внешнему виду. Наиболее простой пометкой является нарушение глянцевой поверхности карты ластиком. Такие пометки может заметить под определенным углом освещения лишь тот, кто их сделал.

"На щуп" - пометка игральных карт, значение которых определяется на ощупь пальцами игрока. Наиболее простые пометки - наколки, сделанные на уголках карт, но это, как правило, у неопытных игроков. В других случаях применяется "заточка", иногда углы нужных карт слегка затираются наждачной бумагой. Иногда углы карт расклеивают, между слоями закладывают мельчайшие крупинки стекла, и карту снова склеивают. Крупинка стекла или песчинка могут быть вклеены и в другие места карт. Можно помечать карту маленькой точкой бесцветного клея в определенном месте. В других случаях карту расклеивают и из нее либо удаляют внутренний слой, чтобы она была тоньше, либо внутрь вклеивают бумагу, и карта становится толще.

"Перевод" - шулерский прием при игре в "очко", заключающийся в том, что, собрав большой банк, шулер дает условный знак своему партнеру идти на всю сумму и сдает ему нужные карты. Это позволяет шулеру оставаться вне подозрения окружающих, хотя в действительности он перевел свой выигрыш партнеру, с которым затем делит его. Иногда таким сообщником может быть и "мебель".

"Переворачивать вольт" - шулерский прием, позволяющий вернуть колоду в первоначальное положение.

"Свист" - способ пометки игральной карты, заключающийся в том, что по краю определенных карт (в торцевой части) проводят тупым ножом, отчего края карты почти незаметно выступают и при движении, соприкасаясь с другими картами, издают отличительный звук, что позволяет шулеру определять значение карты и пускать ее в ход для обыгрывания жертвы.

"Семериковая точка" - расположение в колоде семи разных по значению карт, которые "заточены" и благодаря этому легко вытасовываются. Используя эти карты при игре "третями", игрок, откладывая их на свою сторону, ловит карту партнера, имея гораздо больший шанс на выигрыш.

"Сигналист" или "телеграфист" - сообщник шулера, подглядывающий в карты жертвы и сигнализирующий о них условными знаками или фразами.

"Скользок" - шулерский прием, при котором нужное значение карты обозначается дополнительным знаком, приклеивающимся к ней в нужный момент.

"Смена" - незаметная подмена колоды карт другой, в которой часть карт подделана или растасована в нужном для шулера порядке (чаще всего при игре в "триньку").

Изначально подтасованная колода карт называется "материал". С нее шулер начинает сдавать карты на стол. Противникам сдается крупная карта, однако себе и своему партнеру шулер сдаст выигрышную комбинацию, которая часто отличается лишь на одно очко. Начинается азартный торг, в банк бросаются все новые суммы, но итог кона уже определен. Шулер может сдать себе и проигрышную карту. Например, если заметил подозрительность в поведении игроков. Проиграв, он благоразумно выходит из игры, завершая карточную встречу своим поражением.

"Сплавка" - прием, с помощью которого неопытного игрока, имеющего деньги, вовлекают в картежную игру. Опытный шулер "обыгрывает" всю компанию, в том числе и новичка, а затем под благовидным предлогом УХОДИТ. Оставшиеся для зашифровки своей причастности к проигрышу устраивают обсуждение игры, ищут причины "провала", а затем покидают проигравшего, пообещав "расплатиться" с обидчиком. Выигрыш делится между шулером и сообщниками.

"Спуск" - шулерский прием при игре в карты, когда вместо одной подкидываются две карты.

"Стирами" называют игральные карты, как таковые, а также карты со стертыми или дорисованными значениями. Ими шулеры пополняют неполную колоду.

"Съемная галантина" - игральная карта, на которую слегка приклеивается лишний знак. Если игроку необходимо изменить значение карты, он незаметным движением снимает этот знак и получает комбинацию карт в свою пользу.

Шулерский прием, с помощью которого колода карт разделяется в нужном для игрока порядке, называется "Тевде". Например, в одну часть откладываются карты на "Т" (туз, тройка), в другую на "Д" (девятка, десятка, дама). Можно разделить на четные и нечетные или в ином порядке, имеющем закономерность, что позволяет шулеру манипулировать картами.

"Скользкие карты". Колоду кладут на некоторое время в сырое место, чтобы гуммиарабик, входящий в фабричную краску, размягчился и стал липким. Сдавая карты, шулер крепко прижимает большим пальцем левой руки колоду. Простые карты (от шестерки до десятки) скользят быстрее, картинки с большей площадью закраски - медленнее. Для усиления скользящего эффекта шулер иногда намазывает картинки легким слоем мыла, остальные карты - размельченной канифолью.

Самый популярный шулерский прием - фальшивый съем колоды. Колоду держат в левой руке и разделяют ее на две равные части. Затем кладут правую руку на колоду, зажимая нижнюю кучку карт между большим и средним пальцами правой руки. Теперь верхняя кучка будет находиться между мизинцем, указательным и средним пальцами левой руки. Продолжая держать нижнюю кучку правой рукой, не сжимая ею верхней кучки, стараются левой рукой быстро и незаметно продвинуть верхнюю кучку вниз. После съемки кучки могут и должны иметь различные положения в зависимости от дальнейшей цели. Они могут быть скрещены вместе или же наискось, разделены по одной в каждой руке или разделены указательным пальцем правой руки и находиться в одной руке. Две кучки карт могут быть соединены в левой руке так, чтобы фигуры нижней кучки были обращены к фигурам верхней. В этом случае предполагается, что одна кучка закрыта другой, и они находятся в левой руке шулера.

Прием фальшивой съемки карт одной рукой - это один из сложных приемов, которым владеют картежные шулеры. Колоду карт необходимо держать в левой руке и разделить ее на две кучки, сжав верхнюю часть между сгибом большого пальца и основанием указательного пальца, а нижнюю - между этой же частью ладони и первыми суставами среднего и безымянного пальцев. Потом указательным пальцем и мизинцем с одной, средним и безымянным пальцами с другой стороны зажимается нижняя часть колоды. Продолжая держать большой палец в том же положении, разгибают остальные пальцы и приводят нижнюю кучку карт в особое положение. В этом положении карты нижней кучки перевернуты, то есть обращены фигурами вверх: но они всетаки остаются между указательным пальцем и мизинцем, с одной стороны, и между средним и безымянным - с другой.

Далее большой палец немного отгибается, и опускается верхняя кучка, придержанная указательным пальцем и мизинцем, и в это же время надвигается на большой палец нижняя кучка карт. В этом положении нижняя кучка перешла наверх, и фигуры карт в обеих руках обращены вниз. Затем большой палец вынимается из промежутка между двумя кучками, он положен сверху карт, отодвинув обе кучки к основанию большого пальца так, чтобы они ровно закрывали одна другую и составляли как бы одно целое, то есть одну кучку. В указанном положении обе кучки еще отделены указательным пальцем и мизинцем. Теперь же остается лишь разогнуть эти пальцы и быстро вынуть их, чтобы все карты соединились в одну кучку.

У группы шулеров существует своя система сигнализации, так называемые "маяки". Вот некоторые из них. Поглаживание подбородка означает "Подойди ко мне". Когда прикладываются пальцы рук ко лбу или плечу, следует быть осторожным: где-то рядом находится милиция. Знаком опасности считается и жест, имитирующий стряхивание с груди крошек или соринки. Дважды отщелкнув с лацкана пиджака невидимую пыль, сообщник шулера предупреждает: "Будь внимателен". Если шулер быстро сжал и разжал кулак, это значит, что он успел "зарядить" (подтасовать) колоду карт. Его партнер теперь может уверенно повышать ставки. Неразжатый кулак говорит: "Крой всеми деньгами". Кроме условных жестов шулеры нередко используют зашифрованные фразы, шутки, прибаутки - внешне безобидные, но имеющие особый смысл. Например, задумчивые изречения "Такой раздачей сыт не будешь", "На валет и зверь бежит", "А мы вас дамочкой" и тому подобное могут означать все что угодно.

Как уже говорилось, шулерские приемы и традиции уходят в далекое прошлое. Они наблюдались и на каторге, и в арестантских ротах, и в исправительных домах. Способы обмана были примитивны (если сравнивать их с нынешними). Скажем, шулер тасовал колоду, но не по-фраерски (складыванием широких боков), а складыванием концов в концы. Обычно во время тасовки тайком изучалось и расположение карт в колоде. Опытный игрок обязательно анализирует психологию соперника и подтасовывает нужные карты "на низок" или на верх колоды, в зависимости от того, как обычно снимал партнер. В свою очередь и партнер принимал оборонительные меры. Он старался выбрать карту, предварительно гадая по своей колоде. Впрочем, это, конечно, не обязательно. Выбрав карту, играющий подрезал ею стасованную колоду. Затем следовал традиционный вопрос: "Стос готов?" Если партнер замечал, что подрезкой сбита его подтасованная колода и опрокинуты его расчеты, он имел право отказаться. Такая подтасовка, если

ее не замечали, вполне позволялась - недозволительна только метка карт. Во избежание этого "свои" карты всегда при сдаче вытаскивали снизу колоды. Существовал целый ряд способов обыгрывать противника в стос. Фраера называли их шулерскими, а "свои" просто "шансами".

При одном из наиболее распространенных шансов, так называемом "баламуте", карты располагались в нужном порядке. Тасовка производилась таким образом, что те Карты, которые в нее всовывались, - из нее же и вынимались, а потом ставились на прежнее место. Получалось впечатление настоящей тасовки, а в конечном результате колода оставалась нетронутой. В некоторых случаях для той же цели делался так называемый "клин"

- те карты, которые при подобной тасовке должны оставаться нетронутыми, слегка подрезались с угла вдоль карты так, что карта становилась немного уже. При тасовке вытаскивались только те карты, которые не подрезаны.

Почти то же, что и "баламут", представлял из себя так называемый "пятерик". Но он был сложнее и служил для тех, кого нельзя было взять на "баламут". Вместо клина часто делался так называемый "запус". Колода подбиралась в нужном порядке и потом делилась пополам - в одну часть собирали все нечетные карты, а в другую - четные. Четные карты слегка подтачивались с концов стеклом или бритвой. При тасовке следовало захватить ровно половину (16 карт) и вкладывать их так, чтобы каждая карта попадала через одну на свое место. В следующий раз бралась опять половина и опять всовывалась через одну. При следующей перекладке карты снова попадали на свои места. Такая тасовка требовала большой сноровки. Она шла очень быстро и давала полную иллюзию настоящей. Когда партнер снимал колоду, что могло спутать игру, одна из половинок слегка сгибалась в руке, а потом колода еще раз незаметно перекладывалась на старое место.

При игре в "стос" чрезвычайно важно знать, какая карта падает "в лоб" (первая), и правильно выбрать ее при подрезке. Для этой цели существует целый ряд способов. Например; из колоды выбираются все валеты и слегка сгибаются с углов. При подрезке стараются попасть под карту, на которой лежит валет. Теперь валет угадан.

Если колода новая, рубашку карты натирают воском до блеска и при подрезке, когда колода снимается, на рубашке получается смутное отражение нижней карты, которая должна идти "в лоб". В некоторых случаях на части карт - предположим, на всех "фигурах" - с краю делаются легкие надрезы или так называемый "ерш" (слегка зазубренные края карты натираются воском), который легко нащупать рукой подрезывающему (при подрезке карту следует держать несколько косо и "щупать" края верхней карты).

Играющий приблизительно ориентировался в том, какая карта упадет "в лоб". В самодельных картах возможно "насыпное очко". В обычной семерке место, в котором в восьмерке должно быть очко, натиралось сальной свечкой и из него переводилось через трафаретку очко из сажи жженого белого хлеба. Получалась обычная восьмерка. Если необходимо сделать семерку, очко быстро стиралось. Однако клееное очко и "галантину" шулеры применяли редко, ибо эти приемы были слишком известны.

Многие шулеры имели свои личные наработки и производственные секреты, которыми поделиться не спешили. Партнер, заметив, что его "берут даром", имел право в любое время остановить игру: "Твой номер старый". В этом случае он должен был указать способ, каким его обыгрывали. Если он указывал его правильно, то выигрыш полностью оставался за ним.

Прописка

Прописка в нынешнем ее понимании - издевательская проверка новичка, который впервые попал в места лишения свободы. Она вошла в моду в 30-е годы и была далека от истязаний.

Классическая тюремная прописка - своеобразный экзамен для новобранца. Она знает множество примеров и хитрых уловок, которым подвергался испытуемый. Скажем, тюремная этика не позволяла зекам допытываться у новичка, кто он, когда и за что попал в камеру. Не поощрялось и любопытство по поводу числа ходок. Но для проверки его лагерного опыта братва затевала развлечение. Как правило, прописка начинается с вопросов. Едва зек-новичок переступал порог, оказываясь один на один с абсолютно чужим миром, как к нему подходил какой-то шустрый малый и участливо спрашивал:

- Мать продашь или в задницу дашь?

Столь странное знакомство имеет множество разновидностей: "Тебе привет от Прасковьи Федоровны передали?", "Что будешь кушать - мыло со стола или хлеб с параши?" От того, какой будет ответ, зависела и судьба зека. Правильный ответ отрицает любой выбор или же показывает ознакомленность с подобными традициями: "Мать не продается, жопа не дается". "Ссу стоя, сру сидя" ("Прасковья Федоровна" на воровском жаргоне - тюремная параша), "Стол не мыльница, параша не хлебница". Таких характерных вопросов масса.

Но это только словесный экзамен. Гораздо хуже для новичка, если с ним начинают производить подозрительные манипуляции. Например, ему подавали нитку: "Перевяжи яйца и прыгни с верхних нар". Зек должен был снять штаны, обмотать ниткой мошонку, вскарабкаться на верхний ярус, закрепить конец нитки и сигануть вниз. Опытный арестант без боязни и стеснения проделывал эту хитрую процедуру: нитка обязательно должна была порваться. Новоприбывшему зеку могли приказать повторить "подвиг Гастелло" с третьего яруса. Опытный зек прыгал вниз головой и падал на руки братвы. Новичок робко отнекивался и в конце концов оказывался избитым.

Тюремный закон запрещал травмы при прописке. Но это было до недавнего времени. Неписаные блатные традиции еще сохранились в "черных" (воровских) зонах. Однако в "красных" зонах и камерах, где власть держат фраера (бандиты, убийцы, вымогатели и др.), прописка уже давно стала не столько экзаменом, сколько развлечением. Издевательство над зеком встречается там. где нет жестких тюремных обычаев.

Три товарища

Игра, в которой новичку предлагают выдергивать одну из трех спичек, зажатых в ладони. Если он вытянул самую короткую, то он с завязанными глазами должен угадывать, кто наносит ему удары. В большинстве случаев "спичечный шулер" изначально обрекает игрока на поражение. Все спички оказываются короткими.

Вот один из фрагментов игры в следственном изоляторе.

К новоприбывшему зеку, с опаской взирающему на всех и вся, подходят два человека:

- Не грусти, земеля. Давай сыграем.

- Я не хочу играть.

- И я не хочу, и он не хочет. Но надо. Тебя нужно прописать.

И начинается сцена традиционного игрового истязания. Угадать ударившего зека невозможно, так как опытные зеки имеют договор между собой. Новичка колотят с каждым разом все сильней. В правильных хатах эта игра не популярна, так как почти обязательно подразумевает жестокость. В беспредельной камере - другое дело. По тюремным правилам в "три товарища" сражаются до первой крови, но в пылу азарта очень легко перейти дозволенную черту. Под конец игры новичка могут ударить по гениталиям или в глаза. Все зависит от настроя "экзаменаторов". Случалось, что после такой прописки начинающий зек поступал в санчасть.

Проверка зрения

Камерная игра, распространенная среди несовершеннолетних. Новичку предлагают закутать голову в пиджак и через рукав угадывать различные предметы. Зек послушно набрасывает пиджак, один из "окулистов" услужливо поддерживает рукав, чтобы испытуемый мог наблюдать через узкое отверстие за предметами, которые поочередно подносятся к рукаву. Из пиджака доносится глухое: "коробка спичек", "карандаш", "дуля" и так далее. В один из моментов, когда новичок немного расслабляется и действительно принимает все происходящее за игру, кто-то наливает в рукав воду. Случается, что перед рукавом снимают штаны и показывают "пациенту" половой член. Тот правильно называет этот предмет и тут же получает в глаз теплую противную струю.

Разновидностью этой игры может быть и такая ситуация, которую называют "Пропади, копейка". Трое зеков, среди которых и новичок, растягивают за края пиджак. В середину пиджака бросают монету, и ведущий, играющий роль фокусника, обещает незаметно похитить монету. Кто первый заметит пропажу монеты, тот и выиграл. "Фокусник" начинает громко бубнить: "Пропади, копейка. Пропади, копейка..." Новичок во все глаза наблюдает за копейкой, а в это время кто-то из игроков, поддерживая пиджак лишь одной рукой, расстегивает штаны и мочится на новичка. Тот

замечает подвох, когда штаны полностью намокли. Он отбрасывает пиджак, но облегченный зек уже успел застегнуть штаны. Камера давится со смеху, а мокрый зек поспешно и с отвращением сдирает с себя штаны.

"ШАРЫ" И "УЗДЕЧКИ"

С тюремной камеры начинается приобщение новоявленного зека к садо-мазохистской "хирургии", специализирующейся на вживлении в детородный орган так называемых "шаров". "Шары", по убеждению любого зека, способствуют наиболее полному удовлетворению женщины во время физической близости. Самому "шароносителю" они, вероятно, доставляют лишь моральное удовлетворение.

Делаются "шары" из оргстекла (зубная щетка); обломок затачивается до размеров от 3 до 20 мм в диаметре, полируется тщательнейшим образом... Для операции нужен хорошо заточенный гвоздь-сотка или "весло". Дезинфицируется "инструмент" кипятком (как и сам "шар"). Пациент кладет член на гладкую поверхность (скамья, например) и оттягивает вправо или влево крайнюю плоть. По оттянутому месту "хирург" бьет "инструментом"; в кровоточащее отверстие вставляется "шар". И перебинтовывается в меру чистым носовым платком. Хорошо, если удается выпросить у заглянувшего в камеру медика (лепилы) таблетку стрептоцида: "послеоперационный" период часто протекает в форме сепсиса (заражения крови); орган утолщается до размеров ноги. Иногда и во время самой "операции" "хирург" промахивается (что-нибудь под руку сказали) и попадает гвоздем точно в вену. Это "фильм ужасов"...

Ставят также и "уздечки": пробивается дырочка внизу; сквозь нее протягивается леска; дырочка не зарастает: теперь на нее можно подвесить все, что угодно, вплоть до золотой серьги...

В зоне эти операции почти безопасны, потому что гораздо легче достать медикаменты и перевязку. Но в зоне практикуют еще и "уникальную" операцию по закачиванию под кожу полового члена вазелиновой смеси, увеличивая толщину органа до неимоверных размеров. Делается и "розочка" - методом рассечения крайней плоти на четыре части...

Есть зеки, носящие в штанах буквально "кукурузный початок": двадцать, тридцать, сорок шаров - кто больше?..

А еще, говорят, вживляют в член свежеотрезанные крысиные уши... по бокам...

ДЕЛА ПРИКОЛЬНЫЕ. СПОРЫ

"Приколы", "романы" (с ударением на "о") - занимают, как и азартные игры, значительное место в жизни зека. Есть истинные мастера приколов, умеющие заворожить массу слушателей увлекательнейшим рассказом из собственной жизни, переложением кинофильма или попурри из того и другого. Не надо путать мастера прикола с "гонщиком", "гонщик" даже из правдивого рассказа делает бесстыдное вранье; слушателей же обмануть невозможно: "Все, Васятка, подвязывай "базар", не гони гусей... Пусть лучше Бирюк приколет что-нибудь..."

В одной из камер СИЗО города С. дожидался этапа на зону Дядя Семен (кличка), бывалый зек с шестнадцатилетним стажем строгого режима. Однажды его внимание привлекла проскользнувшая в поисках пищи мышь, и Дядя Семен, откашлявшись, проникновенным голосом поведал сокамерникам историю о том, как семь лет тому назад он ждал этапа в Ростовской тюрьме, и прикормил в камере крысу, и дал имя - Машка, и крыса эта выходила из щели под стеной на его голос. "Скажу, бывало, негромко так: "Машка! Машка!" Смотрю - нарисовалась, родная... Положу сухарик - подбежит, понюхает - и носик в сторону. Обижается, падла... Я тогда ей сырку голландского шматок - мать дачку подогнала три дня тому... Машка к сыру, подбегает - и передними лапками, одна о другую, потирает: рада, сучара, донельзя... Кентовались мы с ней месяц - не разлей вода! А тут этап: с вещами! на выход! Я сидор собрал, Машку зову: "Машунь! Машунь!" Гляжу: выходит. "Прощай, Машка!" - говорю. А она на задние лапки встала, смотрит грустно... А из правого шнифта (глаза) - по щеке слезинка, махонькая такая..."

Тут Дядя Семен замолчал. Возникла общая пауза, после чего чей-то робкий голос произнес: "А что? У меня был кот..." - последовала еще одна, не менее увлекательная история.

Такие Дяди Семены ценимы в зоне, их охотно приглашают чифирнуть - это солидные люди, не допускающие никакой клоунады даже в самом развеселом приколе.

"Интеллигентные люди" ценятся как рассказчики лишь в том случае, если они входят "своими" в общий зековский круг. Лишь по прошествии некоторого времени к их знаниям начинают относиться, что называется, по заслугам, обращаются с просьбами юридического характера, разрешают с их помощью сложные вопросы и споры "культурного свойства". Ни должность, ни ученое звание не могут, как на свободе, заставить себя уважать. В зоне нет ни докторов наук, ни директоров, ни офицеров, ни десантников, ни каратистов. Есть все те же - блатные, "мужики", "козлы" и "петухи". Это следует запомнить.

Спорить ("мазать") на что-нибудь за что угодно - вещь опасная. Выпускник института культуры, (отмотавший, правда, уже два срока за квартирные кражи) не обходил ни одной литературной темы. Его подловил бывалый "мужик" Н. Разговор шел ни о чем, пустопорожний. На устах "культурного" мелькнуло: "...А Лев Толстой в "Войне и мире" написал..."

На что Н. заметил:

"Войну и мир" Чехов написал".

Заспорили.

"Культурный" сбегал в библиотеку, принес книгу:

"Видал?"

"Ну, - ответил Н. - А ты - видал?"

"Что?"

"Ну, как Лев Толстой "Войну и мир" писал? Ты что, очевидец?"

Авторитет отряда на разборке этого дела (100 рублей) признал правым Н., дабы проучить всем надоевшего спорщика...

Приколы, споры, азартные игры сводятся опять к тому же - необходимости жесткого контроля за своим поведением и особенно - словами. Ведь досуг зека, если исключить карты, и состоит в основном из долгих ночных разговоров после круговой кружки чифира. Кто вспоминает, что было, кто - предполагает, что будет...

К жанру прикола относятся также и всевозможные розыгрыши и камерные феерии.

Как известно, в "Крестах" камеры небольшие по площади. От двери до решки - 3,5-4 м. Зеки одной из камер склеили из газет длинную трубу, один конец вывели, отогнув жалюзи, за решку, в ночное звездное небо, другой конец приставили к "глазку". Потом постучали в дверь:

"Командир! Подойди, командир!"

"Командир" подошел нехотя и первым делом, согласно Уставу, заглянул в "глазок". Увидев вместо освещенной камеры с зеками созвездия Северного полушария, "командир" бросился бежать за подмогой. Пока суд да дело, труба была спущена в унитаз без остатка. Ошалевшего "командира" послали на обследование к психиатру.

В тех же "Крестах" малолетки в одной из камер исхитрились замазать хлебным мякишем все щели и отверстия, напустили в камеру воды и устроили небольшой и довольно глубокий бассейн...

В камерах общего режима новичкам предлагают написать заявление типа: "Прошу отвести меня на вещевой рынок вверенного вам учреждения для продажи и обмена ненужных вещей", "Прошу внести меня в список автобусной экскурсии по городу Ленинграду (1984 г.)", "Прошу выдать топор для обработки под швабру деревянного бруска". Пупкари знают о розыгрышах, и это их тоже развлекает... Другие приколы гораздо более жестоки: для них выбирается в качестве жертвы какой-нибудь безответный сокамерник. Во время сна к члену жертвы (это может быть и палец в мягком варианте) привязывается шнурок, на другом конце которого - грязный ботинок. Ботинок ставится на шконку перед закрытыми глазами бедняги. Проснувшись, тот отбрасывает ботинок в сторону - и т.д. и т.п. В другой камере соорудили чучело, положили его на шконку, так, чтобы из-под одеяла торчали сапоги. При пересчете оказалось, что зеков на этаже на одного больше. При повторном пересчете - на одного меньше. Шум, гам, ментовская разборка. В общем, как в тюрьме, так и в зоне достаточно возможностей и объектов для юмора и сатиры, для фарса и гротеска; но как ни называй, жанр один - "прикольный".

ДОРОГА В ЗОНУ

Наконец свершилось! Ваша кассационная жалоба не удовлетворена (т.е. вам ни прибавили, ни убавили срок), и теперь остается только ждать: защелкают засовы, замки, скрипнет дверь, и деловитый пупкарь выкрикнет вашу фамилию и добавит: "С вещами!"

Путь в зону может быть и короток, и весьма долог. "Столыпинский" вагон цепляют обычно к так называемым "пятьсот-веселым" поездам, которые не спеша передвигаются по каким-то немыслимым круговым веткам, объезжая озера и возвышенности. Иногда поезд (вернее, сам вагон) поднимается на север, затем спускается на самый юг и оттуда берет курс на Дальний Восток. Впрочем, ни зекам, ни конвою ВВ некуда спешить: солдат спит - служба идет, зек спит - срок идет. Но хорошо, если вагон заполнен зеками по норме - можно спать, сидеть, испытывая лишь вполне переносимый голод, жажду и малую нужду. Пайка этапника и состоит в основном из не в меру соленой рыбы и хлеба - вода же подается лишь по просьбе. И по желанию конвоира. Так же удовлетворяется и малая нужда. Если чересчур упорно настаивать на выводе в "туалет", то конвоир, при выводе, может отоварить по почкам рукояткой пистолета или пнуть сапогом побольнее.

Беда, если вагон переполнен. Сам трясся в полустоячем положении пять (!) суток из Крымской в Ростовскую область (около 700 км), подпитывая организм вонючей хамсой. Правда, в Керчи конвоир-узбек поддался уговорам и за десять рублей согласился принести братве две бутылки привокзального самогона. Стало веселей, но не легче...

Норма "купе" "столыпинского" вагона - 18 человек. Запросто могут разместить, опять же с помощью овчарок, кованых сапогов и приладов, в два раза больше.

Заводят и выводят - из "двери в дверь", из автозака в "вагонзак" (так называется "Столыпин") - и обратно. Несколько раз пересчитывают. В больших городах погрузка-выгрузка происходит где-нибудь на запасных путях, в стороне от людей; в провинции не стесняются: выведут на перрон вокзала и посадят на корточки - под дула автоматов и овчарочьи зубы.

Дальнейшие "похождения" на пути в зону продолжаются в пересыльных тюрьмах или в транзитных отделениях СИЗО. Именно в транзитных "хатах" и происходят, как мы уже говорили, разборки с обнаружившимися врагами, фуфлыжниками и стукачами. Вполне возможен и некоторый беспредел со стороны: первоходочники с набитыми "сидорами", в добротной "вольной" "кишкатуре" (носильных вещах) - объект для нехилой наживы. Это может быть и предложение обмена: серую робу на ваш джинсовый костюмчик, рубаху х/б на ваш модный батничек. Ватничек на батничек, одним словом... А могут и "наехать" при отказе...

На каждой пересылке шмон. Запрещенные предметы если не "отмели" в Выборге, "отметут" в Кирове (Вятке), прошел Вятку - в Перми уж точно "ограбят"...

Первоходочник в транзитке обуреваем мыслями о неизвестной ему зоновской жизни. Ажиотаж пересылки (все время кого-то дергают - вызывают - "С вещами!") действует и на крепкую психику... Бывалый зек готовится к зоне, расспрашивает по возможности тех, кто знает подробности "вариантов": как работа? как кормят? как ведут себя "козлы"? силен ли ментовский произвол?.. Бывает, что зоны, как говорится, стоят бок о бок, а по режиму различаются, как Артек и Бухенвальд.

И вот - снова автозак. Он не переполнен, он за каких-нибудь двадцать минут домчит до ворот лагерного "шлюза", и снова изменится ваша жизнь - на этот раз конец ("звонок") этой жизни (если, конечно, ничего не случится) точно определен приговором суда. В этом что-то есть мистическое; только особо избранным святым Господь открывает время кончины и перехода в иной мир. А тут - почти две тысячи грешников знают точный день и час своего перехода - в не менее, если так можно выразиться, иной мир.

Карантин

Вновь прибывших с усмешечкой рассматривают прапора, солдаты. Тут же тусуются деловитые зеки с нашивками на рукавах: "козлы" административной обслуги. Они заполняют какие-то бумаги, разговаривают с ментами как с равными, иногда даже на повышенных тонах. Это, так сказать, "вершинные", "горные козлы". Именно они - первые в очереди на УДО (условно-досрочное освобождение). Когда вас заведут в зону, вы навряд ли еще раз, до конца срока, встретитесь с этой частью лагерного мира. В карантинном дворике - оживление. За сеткой тусуются подосланные заинтересованными людьми "маклеры". Они предлагают разного рода бартер, уговаривают не сдавать на склад ничего (пропадет, мол...). И действительно - пропадает. При входе в зону сдаешь

приличный костюм индпошива и новые итальянские черные туфли, а "по звонку" (окончание срока) получаешь того же цвета, но все иное: в твоих вещах уже кто-то "откинулся".

Впрочем, нынче на многих зонах (из-за нехватки финансов) "вольные" вещи не отбираются, казенную робу не выдают. Кожаная куртка, шаровары "адидас", кроссовки "Рибок" - все как на свободе... Более того, не хватает средств одеть ментов-стажеров: они тоже шныряют по зонам в кожаных куртках и т.п. На одной зоне их даже поколотили - перепутали с "бойцами" из враждебной группировки, уж дали оторваться стальными шконочными полосами...

Зоновская "милиция" тоже "нагоняет жути" на вновь прибывших. Для бывалых людей это дело привычное...

В карантине могут продержать несколько дней, фиксируют отрицаловку, "убалтывают" подходящих зеков в "козлятник".

Зоновский шмон не менее тщательный, чем тюремный. Тут есть мастера своего дела, пожилые контролеры с многолетним стажем. Эти "волки" ощущают купюры, как экстрасенсы. Контролер по кличке "Миноискатель" и не ощупывал вовсе: сразу доставал из потайных мест деньги, металл, наркоту. Изза этого бывали "непонятки" - шмонаемый был уверен, что его сдали с потрохами те, кто "заряжал".

Распределение

Распределение по отрядам, по работам происходит по-разному. Иногда это делают два-три человека: "хозяин", начальник "промки" (рабочей части зоны), "кум" (начальник оперчасти... Иногда собирается за большим столом целая кодла: кроме вышеперечисленных - медсанчасть (главлепила), директор школы, всевозможные мастера и начальники участков, отрядники и т.д.

Входящий зек называет статью, срок, специальность... Если есть - инвалидность.

- Журналист, значит? - говорит радостно "хозяин", поворачивая голову на толстой шее к начальнику промки.

- Ну что, - отвечает тот, - пойдет журналист на "журналы", резать будет...

А "журналами" назывались многотонные стопы листовой стали, подлежащие резке по невыполнимой, как обычно, норме.

На известной мне зоне особо котировались строители всех специальностей: было довольно много выездных объектов. Выгоднейшее дело - дешевый труд и "излишки" стройматериалов, из которых с помощью тех же подневольных строителей в короткие сроки можно сковырнуть небольшое ранчо у реки.

Распределили - и выдают матрас, постельное белье, кружку, ложку. Главшнырь ведет в отряд, передает зека завхозу, который точно определяет принадлежность зека к той или иной группе. Делает вывод: давать место или этот зек сам себе его найдет - после того, как представится "блатко-митету".

В бараке всегда найдутся люди, которые введут новичка в курс дела. Заискивающий барачный шнырь расскажет охотно о всех нюансах быта; какой-нибудь не вышедший по болезни на работу зек сообщит последние новости и заочно представит соседей. Из каких городов больше, из каких меньше, много ли "зверей" (азиатов и кавказцев); как кормят; в чем ущемляют; каков отрядник...

Вечером барак наполнится шумом и табачным дымом: вернутся из промки труженики...

Барак

Это каменное или деревянное здание - одноэтажное чаще, но если и пятиэтажное, все равно называется бараком. Такие же, по конструкции, шконки, как и в тюрьме: рама 1,8х0,5 м, ножки 0,5 м. Второй ярус - на высоте 1-1,5 м, бывает и третий... Но вместо продольных и поперечных стальных полос - чашек всего лишь обычная сетка - у кого простая, "солдатская; у кого "поблатней" - панцирная...

Вечером, когда все на местах, в бараке стоит нескончаемый гул слившихся воедино голосов. Одни играют в азартные игры, в другом углу гоняют чифир; кто-то подельничает - режет самодельным резаком симпатичную шкатулочку, которую обменяет потом на чай; человек десять сразу хохочут над приколом; иные - крепко спят под этот, казалось, непереносимый гвалт.

Табачный дым стоит столбом. Но все ко всему привыкли. Слава Богу, тепло. Окурки, бумажки бросают в проход между рядами шконок - шнырь уберет. Впрочем, в условиях табачного дефицита из окурков вытряхивается табачок в специальную баночку из-под какого-нибудь монпансье. Иногда устанавливается такой порядок: днем мусор бросается в мусорные ведра, а ночью, после отбоя, в проход. Но это тонкости...

Какой-нибудь котенок в бараке - частная и неприкосновенная собственность. Коля Ш., вернувшись после смены в барак, обнаружил, что у котенка Прапора, жившего возле шконки, выбит глаз и сломана лапка. Через полчаса был найден обидчик, которому Коля вогнал под ребро заточку, сделанную из отвертки. "Аж рукоятка сломалась!" Дело обошлось: котоненавистник отделался санчастью, Колю не сдал, вину свою признал, а котенок оклемался - хоть и хромал потом до самой смерти.

Угол барака - блатное место. Там обычно спит (живет) "смотрящий", авторитет. Рядом - его приближенные. Да и все нижние места имеют свою блатную степень - кроме разве что шконок у самого входа, на которых обосновываются "петухи" (это на строгом режиме). Кстати, нижнее место имеет, конечно, плюсы: можно прилечь на шконку вздремнуть, можно играть на ней в карты или в нарды, можно беседовать с кентом, попивая "купеческий" (просто крепко заваренный) чай. Однако есть и минусы: к чересчур общительному кенту все время приходят в гости, садятся на шконку, будят для разговора или чифирнуть - трудно отказать и тем более грубо. Не забудем, что "посылать на..." в зоне и тюрьме - тягчайшее оскорбление, иногда карающееся смертью. Верхняя же шконка как бы более "твоя": ну кто полезет наверх пить чай?

Нынче на некоторых зонах нижние места продаются: нечем заплатить - спи весь срок наверху, куда завхоз положил. Конечно, уважаемого кента-землячка свои примут по-человечески, и без места он не останется; а что делать без поддержки?

Зек с понятиями сам представляется авторитетным, которые быстро вычисляют его возможности и способности. По их меркам в таком случае и будет кроиться его дальнейшая жизнь.

На общем режиме (южная зона) придумали ход: вновь прибывшего помещали на "блатную" нижнюю шконку в непосредственной близости от угла, где жил "путевый". И в зависимости от поведения новичка оставляли его - или постепенно передвигали в сторону выхода, по верху...

Особенно любят угловые или нижние места кавказцы: "блат" - их страсть, вторая жизнь.

Умывальник и "дальняк" (туалет) - иногда на улице, но чаще - в самом бараке, отдельное помещение. Тут, в умывальной, обычно заваривают чай - с помощью "машины" - нагревателя из двух металлических пластин (трансформаторные, или, если есть, бритвенные лезвия). Когда полбарака начинает заваривать чифир, включая с десяток мощнейших "машин", то в бараке снижается освещенность, а иногда вообще выбиваются пробки, горят распределительные щиты.

Ночью по отрядным баракам ходят контролеры - группой, три-четыре человека, светят фонарем в лицо, будят тех, у кого в карточке красная полоса "побегушника" (склонен к побегу). По ходу дела будят всех, перебивают короткий сон у рабочего люда...

Чай

Чай - любимейший русский напиток. Явившись из стран Юго-Восточной Азии, он обрел в российских пределах вторую родину. Великими русскими писателями, драматургами, композиторами и художниками запечатлены различные моменты чаепитий - на их фоне происходили комедии, драмы и трагедии шекспировского накала. По свидетельствам очевидца, в XIX веке в Москве самовар и заварка чая имелись и у самого бедного. За чаем купцы обговаривали миллионные сделки, за чаем вершились сватовства. По количеству потребляемого чая лишь старушка Англия опережала Россию (с колониями), но по качеству чая наша страна не уступала никому. В Москве продавалось более 60 сортов, среди которых были нынче вообще неизвестные сянь-линский и "златовидный ханский"...

В советское время чай заново родился в местах лишения свободы и стал основным источником витаминов и жизненной энергии для тысяч и тысяч зеков, прошедших тюрьмы и лагеря.

Из чая зек приготовляет напиток, именуемый "чифиром" (чифир, чифирь). Уровень ритуальности этого действа сравним лишь с ритуальностью японской чайной церемонии - при полном, так сказать, антагонизме. Если нет электричества (в лесу), то берется стандартная эмалированная кружка, покрытая внутри черной чайной окалиной; наливается вода и кипятится - на

головешках костра. На 300 граммов воды насыпается чуть больше половины 50-граммовой пачки чая (обязательно листового). Осевший чай поднимается еще одним нагреванием и накрывается для настоя самодельной крышкой. Если чаю в достатке, то "поднимать" его не обязательно, достаточно запарить - но более длительное время. Поднявшийся чайный лист постепенно оседает; после запарки и усадки листа чай переливается в посуду для питья - особый шик представляет хорошая фарфоровая чашечка, но сгодится и стакан, и просто стеклянная баночка. Из чашки напиток переливается обратно в кружку (это называется "оженить"), затем - снова в чашку. Напиток готов к употреблению.

Приглашение чифирнуть - одно из первых по значению для любого зека. Оно говорит об уважении, о приобщении зека к некоему братству, кругу. "Козла" никто не позовет "на пару глотков", подозрительного или глупого
- тоже.

Чифир после заварки - почти тягучая черная жидкость. Пьют его горячим, пуская чашечку или баночку по кругу, делают по два или три глотка (в зависимости от обычая зоны). После первых глотков оценивается крепость и вкус, убойность и температура. Если чифир слаб - скажут: "Да это "Байкал"!" Если заваривал чифир шестерка, то могут обругать и даже дать по морде; если же сам владелец чая - то тактично промолчат.

После чифира начинается неспешный разговор о том о сем - в основном о делах "свободного мира" (семьи, женщины, политика, блатные новости). А закончится все анекдотами или длинным приколом. Обязательный элемент чифиропития - табачок, сигаретка, хотя сразу после нескольких глотков и пары затяжек к горлу подступает неодолимая тошнота. Поэтому сведущие зеки закуривают лишь после того, как чифир приживется в организме и по телу пробегут приятные мурашки. Утренний чифир откроет глаза любому уставшему зеку.

Из кружки выдавлены последние капли настоя, остались "вторяки", "нефеля" - вываренный чайный лист. Они не выбрасываются, а используются при второй заварке, окрашивая воду для чифира. Или завариваются сами по себе
- для обычного чаепития, "купеческого", с "грохотульками" (конфетами) или "помазухой".

Если есть электричество, то чифир заваривается с помощью "машины" - самодельного электронагревателя, сделанного из двух изолированных друг от друга металлических пластин. В тюрьме - сжигают скрученное особым образом вафельное полотенце, бумагу и т.д.

Особый шик - соленая рыбка к чифиру (по-колымски) - вяленая или любая другая. Японца хватил бы инфаркт...

Чифир - напиток N 1 в тюрьме и зоне. Водку достают редко, пьют ее единицы - это напиток агрессивный и, честно говоря, в зоне неуместный.

А после чифира...

"Внимание, конвой!" Зек, напившийся чифиру, прыгает вверх и в сторону на пять метров!..

Труды

Места лишения свободы недаром называются исправительно-трудовыми. С исправлением все ясно, дело пятое, а вот труд как раз и являл в советских лагерях доминанту бытия зека.

О подневольном труде достаточно много сказано Солоневичем и Ширяевым, Солженицыным и Шаламовым. Хотя и описывались этими писателями так называемые "сталинские" лагеря, но в нынешнее время мало что изменилось. Ну, может быть, несколько упал "индекс каторжности" труда - там, где вообще есть возможность потрудиться. Потрудиться в зонах хотят многие, ибо без труда для зека нет даже рыбки, привязанной к черпаку для бутафории. Табак государство не выдает - следовательно, его нужно покупать; стоят цеха в зоне, нет спроса на продукцию - нет денег, нет табачка, а с ним и маргарина, повидла, дешевых карамелек для поддержки уровня гемоглобина в жидкой крови. Нет работы - значит, будут править бал те, кто богат деньгами и кулаками, а остальные обречены медленно умирать от голода и холода. Ну прямо все как на свободе! Не будем забывать, что основной контингент любой зоны - это "мужик", работающий и не имеющий "перегонов" с воли от кентовподельников. И прекрасно вычисляется факт появления в лагерях "новых русских" всех мастей. В представлении обывателя зоновский труд связан обычно с лесоповалом, золотом Колымы и урановыми рудниками. Да, конечно, лес валит большое число зеков, но промпроизводственные зоны существуют в не менее большом количестве и до

перестройки производили практически любую продукцию - вплоть до цветных телевизоров (Симферополь, ИТК N 8 общего режима). Токаря, фрезеровщики, электрики, слесаря, полеводы и садоводы, плотники, монтажники, инженеры всех специальностей
- на всех давались разнарядки, не говоря уже о специальностях лесоповала... На севере - лес, на юге - веники... Да, были и такие легендарные зоны, на которых сеяли и убирали сорго, а потом вязали веники - в прямом смысле. Зона-бахча, зонасад... но все же преобладала зона - лес. Именно в "лесных управлениях" были сосредоточены зеки со всего Союза, и эти управления подчинялись Москве.

Солженицыным в "Архипелаге ГУЛаг" достаточно подробно и эмоционально описан принцип получения лагерной прибыли - с помощью так называемой "туфты" (у Солженицына - "тухта") - тотальной системы приписок, охватывающей абсолютно весь маршрут прохождения лагерного "изделия" (не важно, лес это или телевизор). Невыполнимая норма заставляет меньшую часть "мужиков" "упираться рогом", а большую часть - откровенно халтурить: недокручивать, недопиливать, недоклеивать. Бригадир, в свою очередь, должен "кроить" план: так, чтобы кое-что выпадало на лицевые счета неработающих
- ему самому, кентам его и "блатным" (во всех смыслах). А уж начальник производства, этот краснопогонный вершитель судеб, уже распорядится "всем" - так сказать, в глобальном масштабе... Никто не будет обижен - дешевизна подневольного труда оправдает и покроет любую туфту, любой невыполненный план.

Скажем, недавно купленная мной лестница-стремянка никак не вставала "на ноги", а перекладины ее ползали под ногами. Заглянув под верхнюю перекладину, я обнаружил штамп, "Учреждение п/я номер... дробь такой-то". Все стало ясно. Справедливости ради скажу, что эта стремянка и стоила примерно в четыре раза дешевле, нежели импортная. Но была в два раза тяжелей. -

Так дела обстоят со всей продукцией ИТУ, и немногие исключения лишь подтверждают правило.

Дать какие-то конкретные советы первоходочнику весьма затруднительно. В зонах никто сам не определяется; раньше работы было много, теперь работы нет. Где есть работа - сытно и тепло, нет работы - голодно и холодно. Что же касается "должностей", то в одной из предыдущих глав читатель уже ознакомился с приблизительным списком "козлячьих кормушек"...

Стук по миске

Лагерная норма питания по калорийности близка, наверное, к гербалайфу. В предыдущих главах мы уже встречались с баландером, привязавшим к черпаку рыбу. Лагерный блок питания вообще творит чудеса в деле сокращения малой пайки. Говорят, так: в котел бросают мясо, варят его, не снимая никаких пенок, затем бульон разливают, срезают с костей мякоть, оставляя так называемые "гланды" (мослы и жилы), снова заливают водой и варят зековский "суп". Из отлитого бульона варят "офицерский борщ" и "солдатскую похлебку", делят мясо... Не будем касаться собственно норм, вы найдете их в приложении; о заниженном со всех сторон питании свидетельствует постоянное чувство голода, которое испытывает большинство зеков, за исключением разве что особо приближенных к блоку питания "козлов".

Есть на этот счет анекдот с длинной бородой.

- Опять овес, б...! - кричат зеки. - Скоро, начальник, заржем, как кони!

- Не заржете, - отвечает начальник. - Я всю жизнь утятину жру - и не крякаю...

"Подогреться" едой желают все. Но еще в лагерной литературе 60-х (Солженицын, Шаламов) была выражена точная мысль: зека губит не маленькая пайка, а большая. В современной зоне зек с "понятиями" старается не "набивать кишку", точно зная о неусвояемости всех этих обезжиренных или, наоборот, заправленных "техническим жиром" каш.

Характерны и названия еды: суп "могила" (плавает скелет рыбки), суп "подводная лодка" (плавает одна маленькая, как будто аквариумная, рыбка), "полиэтилен" (каша из загадочного злака) и т.п., "гидрокурица" (селедка), она же - колбаса с глазами.

"Стук по миске" - в завтрак, в обед и в ужин. Раздатчик стучит черпаком по миске как можно эффектней, создавая впечатление большого количества и выпячивая перед зеками свою "честность" и "старательность"...

Есть просто голодные зоны; они были и в советское время; нынче их количество наверняка увеличилось. Недавно освободившийся человек рассказывал, как "хозяин" извиняющимся тоном просил зеков проявить терпение, не бузить из-за почти полного отсутствия в пище жиров и сахара; все деньги, мол, потрачены на крупы; обождите, граждане зеки, вот продадим продукцию - и сахар с маслом заработаем.

В тюрьме и зоне, как и на свободе, хорошо живет тот, у кого есть деньги. А деньги есть у того, кому помогают из-за колючки. В зоновских магазинах пользуется спросом дешевый товар: консервы рыбные, повидло, маргарин, сигареты типа "Прима". Однако могут наполнить прилавок такой дорогостоящей дрянью, что никакого "лицевого счета" не хватит... Бывают кризисные периоды, когда та или иная зона испытывает сильнейший дефицит курева, чая и прочего. Начинается всеобщее волнение, могущее при определенных условиях перерасти в бунт.

Зеку положена передача или посылка: это тоже важное подспорье лишними калорями (оговорился: совсем-совсем не лишними). Чесночок, сало, сигареты, карамель какая-нибудь - вот достойный джентльменский набор "мужицкой дачки" - от матери, от жены, от вольного кента.

Иногда вечерний "базар" после чифира соскальзывает на воспоминания о деликатесах "свободной жизни". Так, например, в один зимний вятский вечерок Саня Малыш поведал о посещении им дорогостоящего московского ресторана; Буня припомнил ломящиеся от жратвы столы собственной свадьбы; Жора Лемех на воле объедался черной икрой - потому что браконьерил в Таганрогском заливе... Вдруг заскрипела шконка второго яруса, и слово попросил старый бомж Тихоныч: "А я, пацаны, тоже... ел однажды... макароны, белые... промытые... с маслом..."

Наступила короткая пауза, после которой компания "мемуаристов" закатилась дружным хохотом... Хотя и было это все грустно...

Нельзя, по тюремно-лагерным понятиям, ничего покупать в пищеблоке. Повар не в магазине покупает мясо, а кроит куски от общего стола; он отнимает калории, а значит, и здоровье у того, с кем ты делишь тяготы каторжанского бытия.

Если вернуться к проблеме большой и маленькой пайки, то можно припомнить "кишкометов-проглотов" (обжор) в зоне общего режима, собиравших со столов "шлюмки" с остатками каши и вываливавших ее в свои. Хотя, конечно, были и легендарные зоны, в которых хлеб ставился на столы в нарезанном виде, без нормы, в больших тарелках. Большое количество его и оставалось после еды. Это - сытая зона. В такой зоне можно пообедать с добавкой, но все равно - умный зек не станет злоупотреблять, зная, что перемены к худшему могут произойти неожиданно, а привычка к большому количеству пищи останется надолго и причинит невыносимые муки.

С едой, как и с азартными играми, связаны многие проблемы тюрьмы и зоны. Еда, пища, хавка и как следствие - крысятничество, голодовки, повышенная смертность, бунты и убийства.

Проблема, однако, может быть решена одним только способом - разумным воздержанием. Погоня за все большим количеством поглощаемой пищи ни к чему хорошему в местах лишения свободы еще не приводила.

На грустные размышления наводят, правда, сообщения о нормах на питание в тюрьмах Запада. От зека к зеку давно уже передается байка о бунте в какой-то американской тюрьме: мол, к завтраку им подали черствые булочки и холодный кофе... Зажрались, однако, господа..

А наши родные условия и нормы хорошо иллюстрируются анекдотом.

В одной из тюрем баландер раздает баланду. Плескает черпак и подает в камерную "кормушку".

З е к (удивленно глядя в шлюмку): Эй ты, рожа! Ты чего плеснул сюда? Мне мясо положено.

Баландер (равнодушно). Положено - ешь.

З е к (снова заглядывая в шлюмку). Так не положено ведь...

Баландер (так же равнодушно). Не положено - не ешь...

"Феня" с "пальцами" на корточках

В тюрьме и в зоне говорят, конечно, на русском языке, дополняя его словами и выражениями из языка блатного - т.н. "фени". Не будем касаться происхождения этого языка - оно закономерно вытекает из необходимости тайны в любом преступном ремесле. Нынче же блатной язык, воровской жаргон проникает во все сферы жизни, и никого уже не удивляют слова "крыша", "штука", "стрелка", "разборка" из уст диктора НТВ или правительственного чиновника. Не говоря уже о

деятелях культуры и искусства... В общем, смычка сфер происходит на языковом уровне, а это улика посильней любой судебной.

Именно по языку угадывают опытные зеки своего собрата, определяют его принадлежность к тому или иному режиму. Отсидевший чуть больше года первоходочник, нахватавшись верхушек, уже сыплет направо и налево блатными оборотами. Однако использует он их там, где надо и не надо. Напротив, зек с двумя-тремя ходками (и тем более - "полосатик с особого режима") вставляет блатные слова очень и очень точно, не злоупотребляя остроумной и опасной лексикой: за всякое неверное слово зек отвечает немедленно.

Разговору помогают усиленной жестикуляцией, т.н. "гнутыми пальцами". "Гнутые пальцы" тоже вошли в обиход "вольной жизни" и стали непременным атрибутом общения в среде "новых русских". Но появилась эта привычка от "щипачей" (карманников) и "катал" (профессиональных картежников) - это они "гнули пальцы", постоянно их тренируя, дабы не потерять умения осуществить "карманную тягу" с "чердака фраерского" "лепня" (кармана пиджака жертвы) или "передернуть картишки" на глазах у "лоха".

"Феня" постоянно обновляется, обогащается новыми выражениями типа "не дави на блатпедаль", та же "крыша" (бандитское прикрытие). Другие слова типа "голубятник" (вор, похищающий белье с чердаков) - исчезают из "фени" за ненадобностью. Некоторые выражения очень остроумны: "гидрокурица" (селедка), "Иван Тоскуй приехал" (приступ язвы), "Иван с Волги" (хулиган)... Часть оборотов используется как опасный способ припутать новичка или с целью придать презрительный смысл: "просто так" (об игре на "педераста"), "Ага, наркоман... кожаной иглой по тухлой вене..." и т.д. и т.п.

Впрочем, в "обоюдном толковище" (диалоге) подобные выражения не используются ввиду их чревычайной опасности, равно как нецензурщина. Язык тюрьмы и зоны остроумен, точен и страшен. Женщина в этой лексике принижена до "дырки", "кошелки" - в общем, до легкодоступного и несмысленного существа; беззащитный интеллигент ("политик") - "Укроп Помидорович"; убийство - "мокруха", "завалили" - как, скажем, свинью... Однако выражение "убить жида" означает всего-навсего "быстро разбогатеть".

Ни в теории, ни в практике невозможны милицейские агенты в камере и в бараке: чтобы научиться естественно владеть "феней", им придется сидеть немалый срок, вписываясь в обстановку. Или каждого агента нужно готовить как Рудольфа Абеля. Поэтому в качестве "наседок" (стукачей) используются сами зеки, которым не нужно входить в образ...

С "феней" всяк сталкивается в первые же минуты пребывания в неволе - в КПЗ. Тюремно-лагерная администрация также общается с зеком на этом языке, сдабривая его официальной терминологией и штампами воспитательной работы.

В условиях свободы, где-нибудь в районе Арбата или на улице Горького (Тверской) в Москве, можно увидеть группы молодых людей, сидящих на корточках. Они мирно беседуют, сдабривая цивильный матерок блатным жаргоном и усиленно помогая себе пальцами.

Сидение на корточках - тоже один из признаков "тюрьмы и зоны", но признак этот не несет никакой особо блатной нагрузки, а вызван к жизни элементарными правилами гигиены. Дело в том, что скамейки и стулья достаточно редки в лагерях, и, как мы уже говорили, беседы и азартные игры проводятся прямо на шконках. На улице (в отрядных двориках) скамеек тоже нет, и если каждый будет садиться на камень, траву или просто на асфальт, а потом водружать пыльную задницу на чужое одеяло или простыню, то никакая баня не справится с всеобщей загрязненностью, никакая прачечная не отстирает зековское белье.

Подражая взрослым, садятся на корточки подростки - неумело гнут пальцы, пытаются "калякать", щеголяя "феней", не подозревая об истинном происхождении этих непременных естественных атрибутов тюремно-лагерного мира.

Амур по переписке

Письмо от родных, от друга, от любимой женщины - немалое событие в жизни зека. Если количество писем ограничено по закону или инструкциям МВД - тем более. Подписание поздравительной открытки - ритуал, требующий больших мыслительных и творческих усилий. Особенно ценятся стихотворные тексты или оригинальные, насыщенные сравнениями, гиперболами и метафорами. Если открытка "складная", то на одной ее части исполняется на заказ тематический

рисунок - портрет отправителя или получателя (по имеющейся фотографии), пейзаж на тему, символический натюрморт (Нож, Крест, Уголовный кодекс, Роза). Каждая буква вырисовывается с тщательностью, которой позавидовал бы средневековый монах-перенисчик. Если есть "золотая" краска, то после всех обводов такой открыткой не стыдно приветить и японского императора. Но получит ее, скорее всего, мать, утирающая слезы в московской коммуналке или рязанской избе; или какая-нибудь обойденная к тридцати годам городской любовью Валюха из общежития ткацкого комбината; или кент-подельник, скучающий над преступным замыслом за бутылкой "Абсолюта" или самогона.

Особая статья - переписка с заочницами. У каждого зека есть адреса заочниц. Этими адресами меняются; меняются фотками; узнают друг у друга подробности. Егор и Люба из шукшинской "Калины красной" - вполне реальные люди в зековской жизни. Несомненно, что бывают жестокие обманы (кражи, грабежи и т.д.) в отношении заочниц, но достаточно и иных фактов. С помощью "заочной любви" устраивает свою судьбу не меньшее количество пар, чем, скажем, в газетной "Службе знакомств" на свободе.

При написании текстов подобных писем тоже ценится некоторая дурашливая витиеватость - иногда на грани пошлости. Часто, подобно Егору Прокудину, уставший от босяцкой жизни зек (взломщик, грабитель, мошенник) представляется невинно осужденным "бухгалтером". Но это вовсе не означает, что он имеет какие-то преступные виды на адресатку.

При нынешней нестабильной жизни роль заочниц, видимо, еще более возросла. Неангажированный в мафии профессионал, отсидев свои семь-восемь с гаком, почувствовав возраст, ищет успокоения и отдохновения от неправедных трудов. И тем более ищет того же мужик ("мужик"), вообще умеющий лишь вкалывать до седьмого пота и не боящийся никакой работы на свободе с ее "пионерскими" нормами.

Иногда заочницы приезжают в зону на свидание, которое положено только в случае регистрации брака. Брак и регистрируется в присутствии лагерной администрации работником местного загса или инспектором спецчасти. Иногда одному из молодоженов остается еще дотянуть какие-нибудь... пять, шесть, десять лет. При нашем (на свободе) почти повсеместном равнодушии к эпистолярному жанру тюремно-лагерная переписка является воистину уникальным явлением. В зависимости от характера зек в письмах вырабатывает единственный и неповторимый стиль - пошловато-гусарский, аристократический, псевдоинтеллигентский или, на манер Лескова, сказовый с эдакой кажущейся простецой...

Многие пишут стихи, ведут художественные дневники и сочиняют рассказы. Одна из зон города Кирово-Чепецка (строгий режим) подарила читателям России трех активно работающих и издаваемых писателей - о чем, видимо, и не знает администрация "учреждения".

Легенды и мифы

К легендам и мифам тюрьмы и зоны относятся всевозможные личности (в основном - воры в законе), события (приезд вора), сами зоны (сверхголод или сверхсытость), амнистия, побеги и многое другое.

В частности, якобы на одной лесной зоне умелец соорудил вертолет из бензопилы "Дружба" и улетел за предел досягаемости автоматчиков (при рассказе обязательно называется номер зоны, управления, всякий раз - иной); в другом "учреждении" кто-то перепрыгнул запретку на пружинах, прикрепленных к кирзачам; в третьей - сшил мундир, загримировался под самого "хозяина" и ушел куда глаза глядят.

Амнистия 1953 года - самая знаменитая. По мнению большинства зеков, по этому Указу вообще освободили всех, кроме политических. Амнистированные дали, как говорится, шороху близлежащим населенным пунктам, и 90% их снова загудели в лагеря. Такой амнистии больше не было, но опять же по мнению большинства - будет обязательно, стоит только скончаться кому-нибудь равному по значению И. В. Сталину. Правда, чтобы умереть - надо сначала родиться, да...

К легендарным личностям относятся патриархи и теоретики воровской идеи - Бриллиант, Вася Бузулуцкий и другие. Всевозможные рассказы о их тюремно-лагерном бытии давно уже перепутаны и смешаны; деяния одного приписывают другому - и наоборот. Впрочем, "законникам" уже уделено достаточно места в современной литературе, а мы не будем касаться подробно этой темы и отошлем читателя в библиотеку и к книжным лоткам.

В зоне N... голодные зеки завалили, а потом целую неделю ели начальника оперчасти (вот так, ни больше, ни меньше!). А в зоне N... наоборот, целый год кормили как на убой, снизили норму выработки, выдали всем "блатные" черные бушлаты и джинсовые костюмы: ждали приезда министра юстиции США. В зоне особого режима, что в Архангельской области, побывала сама Алла П., спела концерт, "пульнула сеанс" и подарила каждому отряду по телевизору "Шарп" и видеоплейеру "Сони" с набором видеокассет.

В питерской тюрьме "Кресты" стоят унитазы в каждой камере. Это постарался Королев (варианты: Курчатов, Яковлев, Туполев), шибко страдавший во время отсидки из-за отсутствия цивилизованной сантехники. На оборудование "Крестов" унитазами у "Королева" ушла вся Ленинская (вариант - Нобелевская, Сталинская, Государственная) премия.

Почему в тридцатых годах татуировали на груди Ленина и Сталина? Думали, что, когда поведут расстреливать, можно будет рвануть рубаху на груди: "На, стреляй!" А кто б осмелился?

Один зек наколол себе тельняшку с длинным рукавом - и умер от заражения крови.

Много зеков, освобождаясь, получали загранпаспорта с визой: ехали в Германию (Францию, Бразилию, США и т.п.) получать неожиданное наследство (бабка-графиня, дед-купец, дядя-еврей и т.п.).

О трансплантации свежеотрезанных крысиных ушей на член вы уже слышали...

Жизнь тюрьмы и зоны пронизана мифами. Трудно определить степень достоверности каждого из них, но несомненно, что мифы эти занимают законное место в разделе российского и мирового фольклора.

Часть вторая
ПОБЕГИ

Хлебобулочный мятеж

Спецдонесение ГУИД МВД России:

"23 февраля 1992 года в 9-м режимном отделении следственного изолятора N 1 Санкт-Петербурга семь заключенных предприняли попытку побега. Они захватили заложников из числа сотрудников СИЗО и начали выдвигать заведомо невыполнимые требования. Со стороны террористов возникла угроза применения взрывного устройства. В 14.12 начался штурм корпуса силами сводного отряда специального назначения... "

Угрозу взрыва не преувеличивали. Как тротил попал в камеру N 945 - едва ли не самый болезненный вопрос во всей этой истории. Поговаривают, что тротиловую "колбаску" в "Кресты" пронес вместе со своими личными вещами заключенный Гамов, переведенный из Ломоносовского следственного изолятора. О разрушительных замыслах Гамова можно было лишь гадать.

Идея взорвать тюремные ворота родилась в душной, переполненной камере тогда, когда о тайной "колбаске" узнал сокамерник Бабанский, бывший армейский минер-подрывник. Глубокой ночью, горячо дыша в угреватое лицо Гамова, он шептал:

- Доверься мне. Рванет - будь здоров. Главное - неожиданность. Я в армии такие хреновины мастерил, что закачаешься.

В эту ночь Гамова и так качало на своей казенной кровати безо всяких "хреновин". Оставаясь в "Крестах" и ожидая срок за убийство, он спешил на тот свет. Полгода назад Гамов опустил дубовую доску на голову пожилого рецидивиста из Стрельни. Воровская голова не выдержала и раскололась. Милиция искала убийцу две недели. И не только милиция. На третий день заключенному Гамову передали по тюремному телеграфу, чтобы он обратился за помощью в бюро ритуальных услуг и заказал добротный сосновый гроб. Опасаясь, что Гамова действительно могут придушить в Ломоносовском допре, тюремная оперчасть переводит узника в "Кресты". Судя по всему, вместе с Гамовым перекочевала и тротиловая шашка, припрятанная на крайний случай. Этот случай представился 23 февраля...

Душа зека не смогла обрести покой даже в старейшей питерской тюрьме. Гамов почти не сомневался, что в зоне, куда его вскоре упекут слуги Фемиды, он будет здравствовать недолго. Сокамерник Бабанский, которому он доверил свое горе, с минуту молчал, затем молвил: "Лучше бы

ты грохнул мента". При этом голос чуткого Бабанского дрогнул так, будто бы он беседовал с умирающим онкобольным.

Ворочаясь на тюремных нарах и щупая зашитую в матрац "колбаску", Гамов думал о побеге. Во сне ему виделись тюремные ворота, летающие над плацем, словно дельтаплан, грузовики с тротилом и Бабанский в форме капитана внутренней службы. Утром Гамов отдал камерному другу тротиловую шашку.

Бывший сапер Бабанский желал пуститься в бега с не меньшей охотой. В его следственном деле значилась 117-я статья, которая полностью хоронила какой бы то ни было лагерный авторитет. Зек сидел за развратные действия в отношении несовершеннолетней. "Снял на рынке телку, - с горечью вспоминал Бабанский. - За десять баксов уболтал ее "сыграть на саксофоне". Пошли в подвал. Там я и разгрузился. Когда же пришло время платить, меня жаба начала душить - спасу нет. Иди, говорю, коза драная, отсюда, пока еще трамваи ходят. Сказал и вышел из подвала. А соска эта прямиком в милицию пошла, заявление на меня накатала. Дескать, я, угрожая ножом, трахнул ее в извращенной форме. А девке едва пятнадцать стукнуло". Бабанский выходил на финишную прямую к "петушиному углу". В любой момент урки могли переселить его к параше. Та же участь грозила и Гамову - истребителю рецидивистов.

Друзья по несчастью решили бежать после Нового года. Но побег из "Крестов" они бы вдвоем не потянули. После долгих колебаний и ночных совещаний в план тайной акции решили посвятить пахана камеры - Васю Кутаса, трижды судимого за разбой. На мозгах Кутаса матушка-природа явно сэкономила, что однако не мешало пахану хозяйничать в камере. Многим запомнилось его прибытие в камеру N 945. Порог переступил двухметровый амбал с шрамом через все лицо. Кутас прошелся вдоль кроватей, покопался в носу и вежливо разбудил зека, дремавшего на верхнем ярусе у окна:

- Полежи, братуха, в другом месте...

Отстаивать кулаками свое "паханство" Кутасу не пришлось. В камере зек быстро отыскал четверых корешей, и "кентовка", оккупировав дальний угол, начала чифирить. Вскоре выяснилось, за что на этот раз Вася угодил на тюремные нары. Вместе с напарником он вломился в пункт обмена валюты и, размахивая пистолетом, посоветовал кассиру уложить все деньги в дипломат. Когда налетчики с деньгами уже садились в авто, рядом завизжали тормоза, и чей-то голос приказал им положить руки на крышу автомобиля. Кутас выстрелил, практически не целясь. Пуля вошла милиционеру в плечо. В ту же секунду бандитов сбили с ног и минут пять щупали ногами ребра и печень. Адвокат Кутаса обещал приложить все усилия, чтобы налетчику дали хотя бы десять лет...

Волнуясь и подергиваясь, Бабанский шепотом рассказал пахану о взрывчатке. Кутас накрутил на пудовый кулак майку Бабанского, притянул к себе и так же шепотом произнес:

- Ты кто, сучара, провокатор?

- Да в натуре, бомба, - продолжал шипеть сапер, барахтаясь в руках пахана. - У меня в матраце. Уйдем вместе, а?

- Кто еще в доле?

- Вон тот гаврик.

- Шилом бритый?

- Да. Это его взрывчатка.

Кутас расслабился, отпустил майку и, глядя на стену, тихо приказал:

- Марш на место. Завтра обкашляем. Кому-нибудь вякнешь - убью.

На прогулке Вася начал совещаться с корешами. Все четверо были готовы бежать из тюрьмы. План побега разрабатывался больше месяца. Прежде всего решили "выломить из хаты" стукача. В тайном доносительстве уже давно подозревался некто Шпак, угодивший под стражу за торговлю наркотиками. Несмотря на это, братва не чинила над стукачом расправу: себе же дороже. Оперчасть могла затеять ответный террор, по десять раз надень перетряхивая камеру на предмет чая, карт, ножей и тому подобного. Нетрудно было представить глаза контролеров, выпоровших из матраца тротиловую "колбасу". В одну из ночей Шпаку подбросили в тумбочку чужой сахар. Услышав о пропаже, благородный "бугор" предложил всем, кто имеет совесть, добровольно открыть тумбочки. Совесть оказалась у всех. Зек, у которого уперли пять кусков рафинада, радостно узнают свой паек. Кутас сразу же свистнул:

- Крыса на борту! Ну, гнида, готовься гарнир с параши хавать. Перепуганный насмерть Шпак

сорвался с нар и стал колотить в дверь и

орать благим матом. Он едва не упал на грудь контролеру и заголосил:

- Забери меня отсюда. Мне сахар подкинули, а теперь убивают. Я дам показания по своему делу, только заберите.

Прапорщик потащил зека коридором. Больше Шпак в камере N 945 не появлялся. Великолепная семерка начала готовиться к побегу. Кутас вновь собрал всех и приказал держать язык за зубами. "Каждый занимается своим делом, - предупредил он. - Вместе больше не собираемся". Средь бела дня пахан выломал прут из оконной решетки. Пока курочилось окно, трое зеков маячили у дверного глазка, закрывая Кутаса от любопытного ока. Из прута смастерили металлический крюк, которому уготовили роль "кошки". От простыней были оторваны полосы шириной 20-25 сантиметров и из них связана восьмиметровая веревка. Затем расплели чьито шерстяные носки и смастерили веревку для связывания "вертухая".

Побег должен был стартовать в тюремном дворике. При выходе на прогулку беглецы атакуют дежурного контролера, связывают, отбирают ключи, открывают люк на вышку и выходят на крышу прогулочного двора. По крыше они пробираются к тому месту, где к тюремной стене вплотную примыкает жилой дом. Оставалось лишь спуститься по веревочной лестнице на крышу этого дома, затем достичь земли. План считался классическим и был лишен той разрушительной изюминки, которую предлагал вначале Бабанский. Взрывать тюремные ворота уже никто не собирался. Но у минера-подрывника все же кипела работа. Бабанский завернул растолченный тротил в фольгу из-под шоколада и приготовил запал из шариковой ручки, набитый спичечными головками. Эти детали были помещены в "корпус" - муляж ручной гранаты "Ф-1", который вылепили из черного хлеба. Две самодельные бомбы предназначались для показательного эффекта. Если бы случилась осечка, беглецы планировали захватить заложников, затеять переговоры и диктовать ментам свои условия. Под конец один из местных умельцев выточил из обувных супинаторов острые заточки. Побег назначили на 23 февраля 1992 года. Этот день Кутасу почему-то показался символическим. Накануне пахан строго предупредил камеру:

- Завтра гулять никто не идет. Кроме нас семерых. Каждый должен найти повод. Для шутника или склеротика глоток свежего воздуха будет последним.

Из рапорта сменного контролера Михайлова П.С.:

"В следственном изоляторе N 1 я работаю в качестве сменного контролера, и в мои служебные обязанности входит надзор и охрана следственно-заключенных. Утром 23.02 я вместе с кинологом Яремой сначала выводили на прогулку контингент из 2-го корпуса, а затем из 9-го отделения, где дежурной по корпусу была старший контролер Акулова. Получив от нее разрешение на проведение прогулок, вместе со сменным контролером Безуховым поднялись на 4-й этаж, где расположены прогулочные дворики. Дежурный офицер, корпусная и кинолог с собакой в это время отправились на 1-й этаж открывать камеры и выводить заключенных. Контролер Безухое поднялся на вышку и закрыл входной люк изнутри. Около II часов утра на прогулку вышли заключенные из камеры N 945, но почему-то не все, а лишь семь человек. Первым шел Кутас.

При подходе к прогулочному дворику, у двери которого я стоял, он неожиданно сильно ударил меня кулаком в лицо. От удара я упал и ударился затылком о бетонный пол. Из носа и рта хлынула кровь, был выбит зуб. На доли секунды я потерял сознание, а когда очнулся, то увидел, что заключенные связывают мне руки и ноги веревками. Потом принялись избивать ногами и угрожали убить, если я буду кричать или звать на помощь. Я попытался встать, но тут же был сбит с ног. Тогда я начал кричать контролеру Безухову: "Вышка! Вышка!" Вынуждая молчать, мне приставили нож к горлу и ударили чем-то тяжелым по голове. Я потерял сознание ".

- Быстрее, что ты там возишься! - торопил Кутас зека, который отстегивал у лежащего охранника связку "проходных" ключей.

Услышав истошные крики, дежурный по вышке посмотрел вниз и увидел валяющегося на полу контролера. Толпа зеков била его ногами. "Прекратить! Назад!" - заорал охранник. Он сорвал трубку прямого телефона и доложил дежурному по СИЗО об увиденном. В это время зеки уже открыли входную дверь на внутренней лестнице, которая вела на вышку. Первым бежал все тот же Кутас. Бандит раскраснелся и кричал, задрав голову:

- Подожди минуту! Гости уже идут! Сейчас мы из тебя котлету сделаем! Возле люка беглецов

ожидала первая неприятность: контролер Безухов заблокировал замок. Зеки долго возились возле двери, отделяющей их от вышки, но открыть замок так и не смогли. Кутас отчаянно ругался и бил кулаком по люку: "Нет! Только не это! Сволочи! Ублюдки! Взрывай все к чертовой бабушке". Бабанский уверенно закрепил на люке взрывпакет и под-

жег самодельный фитиль. В эти ответственные секунды пришел черед второму разочарованию. Набитый спичечными головками запал шумно вспыхнул, но не сдетонировал. Хлебная граната распалась на куски, которые догорали уже на полу. Кто-то истерически засмеялся. Красное лицо пахана стало багровым.

- Ну, умник, вешайся, - Кутас приблизил к носу Бабанского кулак, который размерами почти не отличался от головы горе-пиротехника. - Все, братва. Бегом в корпусную! Берем ментов в заложники.

Зеки бросились на первый этаж, в корпусную. Последним бежал бледный Бабанский. Дежурная по корпусу Тамара Акулова принимала по телефону сообщение с вышки, когда в кабинет ворвались три зека. Один из них по кличке Стасик (Игорь Станкевич) перепрыгнул через стул и со всего маху саданул кинолога Ярему, который уже успел закрыть в соседнем кабинете собаку, кулаком в шею. Кинолог опрокинулся со стула. Он судорожно открыл рот, но вздохнуть не мог. Два зека мигом присели рядом и начали связывать Ярему. Тот безучастно наблюдал за этой картиной. Стасик тем временем схватил дежурную за волосы и приставил к горлу заточку.

- Будешь молчать - будешь жить, - сказал он. В комнату вошел Кутас. Он оглядел связанного контролера и дважды ударил его ногой в живот. За стеной лаяла овчарка. Стасик придвинул стул, усадил Акулову и, все еще прижимая к ее горлу нож, сел рядом. Убедившись, что стонущий кинолог из веревки не выпутается, и оставив рядом с ним Гамова, Кутас выскочил в коридор. Там уже трудились вовсю. В хозяйственной кладовке нашли лом и начали взламывать кабинеты. Впопыхах вооруженный ломом зек принялся за соседнюю комнату, где разрывалась собака.

- Назад, - закричал Кутас. Он выхватил инструмент и лично открыл дверь тюремной оперчасти. Через минуту послышался страшный грохот. Это гнулся под мощными ударами сейф. Бабанский отыскал среди хозяйственного хлама второй лом и начал крушить очередную дверь. На пороге дежурной появился один из зеков.

- Где оружие? Где городской телефон? - орал он в лицо Акуловой. Затем понесся коридором, забегая в открытые кабинеты, вытряхивая столы и срывая телефонные трубки. Все телефоны имели внутреннюю связь. Не нашлось на этаже и оружия. Вместо него Бабанский притащил откуда-то бутылку коньяка и литровую банку с самогоном. На радостный крик Бабанского выглянул даже Кутас, который уже расправился с металлической дверью сейфа:

- Стволы?

- Нет, водка!

Пахан на миг задумался, затем, бросив вдоль коридора "Я сейчас подойду", вернулся в кабинет. Запылала картотека оперативной информации на 900 заключенных. В огонь отправились и бумаги, найденные в столах. Спустя пять минут зеки вновь собрались в дежурке, но уже со стаканами в руках. Самогон был очень крепким, и давно не пившие узники слегка зашатались. Как оказалось позже, спиртное тайно пронесли в корпус адвокаты и ухитрились передать его в камеру. Но охрана успела "прошмонать" зеков и изъять посуду, из которой не успели даже отхлебнуть.

Пока беглецы допивали коньяк и самогон, "Кресты" оцепили бойцы конвойного полка. Об инциденте уже знал начальник тюрьмы С. Демчук, прибывший лично вести переговоры с террористами. В том, что придется штурмовать корпус и освобождать заложников, почти никто не сомневался.

В центре внимания был Кутас, мелькающий в окне первого этажа и рассылающий всем угрозы. Все они строились на один манер: захмелевший предводитель обещал убить пленников и взорвать дежурку вместе с собой. Пахану суфлировал Бабанский, подкидывая умные выражения типа: "Мы требуем гарантий", "Отзовите спецназ", "Самолет с полным баком" и тому подобное. Наконец террористы решили изложить свои мысли и требования письменно. Корявыми печатными буквами они нацарапали на листе ультиматум и выбросили в окно. В письме значился полный атрибут обложенного террориста: семь бронежилетов, четыре автомата с запасными магазинами, восемь ручных гранат, шесть пистолетов Макарова, семь противогазов, пулеустойчивый автомобиль, деньги и наконец самолет. Где должен был приземлиться самолет - в питерском аэропорту или на тюремной крыше, - террористы не уточнили.

Каждый из зеков считал своим долгом подойти к зарешеченному окну с выбитыми стеклами и вылить наружу поток брани. Не остался в стороне и Бабанский, показавший из окна кукиш и хлебную гранату, покрытую черной сажей. К тюрьме подтянулась пресса, кто-то уже установил треногу с видеокамерой. В разгар переговоров появилась съемочная группа Александра Невзорова, который намеревался пополнить здешней хроникой свои "600 секунд". К тюремной стене

приставили лестницу, и Невзоров лично поднялся к окну, где виднелась мрачная полупьяная физиономия Кутаса.

- Это абсолютно бессмысленно, - крикнул телеведущий. - Я вам серьезно говорю. Не надо! Это все кончится однозначно. Ну, что значит нет? Давай тогда другой вариант: вы отпускаете женщину, а к вам иду я...

Кутас и Невзоров общий язык не нашли. Бандита больше интересовала многодетная мать, чем телеведущий, пусть и популярный. Спектакль затягивался. Террористы стали агрессивнее. Гамов сел в углу кабинета, обхватил колени руками и срывающимся, почти истеричным голосом завопил;

- Нам всем кранты! Нас перестреляют прямо здесь! Им нельзя верить! Я не хочу умирать!

- Завяжи фонтан, гнида! - подскочил к нему Кутас. - Не они, а я прикончу тебя!

Вернувшись к окну, пахан заявил: если сейчас не прибудут автоматы и бронежилеты, он начнет убивать заложников. К этому времени сводный отряд специального назначения готовился к штурму. Начальник "Крестов" полковник Демчук опять подошел к окну:

- У этой женщины - четверо детей. Четверо. Ты хоть это понимаешь? Мы не хотим ваших жизней, мы хотим ее спасти. Мы не хотим крови. Выпустите женщину...

- Время идет, мент! - кричал сверху Кутас. - Через десять минут я взорву гранату.

- Разрешение на вылет самолета в Швецию (зеки желали лететь исключительно к нейтралам. - Авт.) может дать только Москва. МИД уже сделал запрос в посольство, но ответ придет лишь через час. Потерпите еще час.

Зеки перестали мелькать у окна. Судя по всему, они совещались. Вскоре они вновь начали приплясывать у решетки, размахивая столовыми ножами, которые нашли в кабинете. Каждый бил себя в грудь и обещал лично исполосовать заложников. Осмелевший Гамов публично клялся отрезать кинологу голову и выбросить в окно, Стасик грозился лишить Акулову ушей и носа. Внезапно Бабанский, жонглирующий хлебной "лимонкой", увидел в толпе свою пассию. От спиртного он и так уже разошелся вовсю, а теперь устроил целый спектакль. 1 и 2. Татуировки лагерных "бойцов

- Таня, Таня, иди сюда! - истошно завопил зек, стараясь перекричать своих коллег по террору.

- Куда?

- Чтобы я мог тебя видеть. Видеть в последний раз. Я взрываю эту гранату, Танечка. Прощай! Прощай!!! Я любил тебя!

- Не надо! Ведь ты же знаешь, что с мамой может случиться?!

Бабанский на миг притих, потом с новой силой забился у окна. Стоявшие рядом с ним зеки, потрясенные не столько глубокой страстью, сколько амплитудой гранаты (бывший минер-подрывник махал ею самым угрожающим образом), слегка отпрянули. Голос Бабанского звучал уже в одиночестве:

- Прощай, Таня! Я любил и люблю тебя. А ты еще молода, у тебя вся жизнь впереди. Ая... Я ухожу...

- Убери гранату! Зачем ты это все делаешь?

- Танюша! Прощай, лапушка! Я...

Тут голос террориста дрогнул так, что у зеков внутри все похолодело. Стасик отобрал у Бабанского гранату, которую тот уже занес над собой.

- Ты, это... Не пыли. Все испортишь. Отвали от окна.

- Я никуда не уйду. Таня, я люблю тебя!

- Да уберите вы этого психа! - выкрикнул кто-то из офицеров.

Тут вмешался Кутас:

- Как можно остановить человека, который для себя уже все решил?

Он демонстративно положил руку на плечо плачущего Бабанского, как бы пытаясь увести "психа" в глубь кабинета. Тот продолжал надсаживаться:

- А я плевать хотел! Я люблю ее. Таня, прости... Полковник, ты, я вижу, парень с головой. Чем быстрее ты выполнишь наши требования, тем быстрее все это кончится. Тем быстрее мы их отпустим. Понимаешь ты это, козел, или нет?! Педерасты! Вы все педерасты! Мы только через "лимонку" встретимся. Я не люблю тебя.

- А жену?

- Я людей люблю! Поняла? А жену не люблю. Она дура.

Стрелка часов подходила к двум часам. План штурма уже был разработан, и камуфлированные бойцы начали занимать исходные позиции. Во двор тюрьмы въехали пожарная машина и "скорая".

Два снайпера взяли под прицел окно на первом этаже. Переговоры вступили в свою последнюю стадию, которая была использована лишь для переброски бойцов. Для подготовки внезапной атаки пришлось произвести массу обманных маневров. Окна камер, которые выходили во внутренний двор, были облеплены стрижеными головами: зеки криком докладывали о всех перемещениях ментов. Стоит отметить, что скрытых подходов к комнате с террористами не нашли. Массивная дверь на внутреннюю лестницу 9-го отделения была закрыта. Пять штурмовиков затаились у двери, готовые по сигналу расстрелять замок и кувалдой вывалить тяжелую дверь.

На оконную решетку одного из помещений первого этажа набросили крюк с тросом. Добротные стальные прутья, залитые в бетон еще в прошлом веке, можно было вырвать лишь рывком мощного автоагрегата. Им стал пожарный автомобиль, который вызвать подозрений никак не мог. Во дворе толпились родственники террористов. Мать Василия Кутаса плакала и умоляла непутевого сына сдаться. Налетчик лишь пробасил из окна:

- Все, мать, хватит. Хватит, я сказал! Похоронишь меня в могиле отца. Все!

Под конец переговоров конвой привел из камеры блатного авторитета Сосо. Вор в законе лениво задрал голову и заорал:

- Кончай шуметь, братва! Если пустите кровь - вас достанут даже в Швеции... Отпустите хотя бы бабу!

Террористы дружно обложили блатного лидера бранью. Авторитет поморщился, вопросительно взглянул на полковника и молча пожал плечами. Тот же конвой увел Сосо обратно в камеру. Из-за решетки слышались истерические вопли. Медлить со штурмом уже никто не решался. Атака началась с двух сторон - ОМОН врывался со стороны окна, спецназ - со стороны внутренней лестницы.

Гамов, брызгающий слюной возле решетки и размахивающий ножом, внезапно замер, покачнулся и стал заваливаться назад. На его лбу появилось багровое отверстие с неправильными краями. Снайпер лежал на крыше гаража в сотне метров от окна. Зеки оцепенели. Акулова закричала. За дверями, ведущими на лестницу, раздалась длинная автоматная очередь: офицер спецназа выпустил почти весь рожок по периметру замка. Дверь не поддавалась. Не смогли ее сорвать и мощные удары кувалды. Оконную решетку смогли вырвать лишь с третьей попытки. Пожарный автомобиль ревел и дергался вперед. Трос рвался дважды, прутья гнулись, но все еще оставались на месте.

В первые секунды штурма террористы были шокированы. Тесная комната, в которой находились девять человек (один из которых уже был трупом), наполнилась грохотом, пылью, пороховой вонью. Автоматные очереди крошили штукатурку на стенах, отрывали щепки с деревянного шкафа. "Черемуха", ворвавшаяся в комнату внутри газовых патронов, раздирала глаза. Стасик, стоявший ближе всех к Акуловой, поднял заточку и кинулся к женщине. Офицер спецназа, который держал под прицелом окно со стороны лестницы, дал короткую очередь. Стасик продолжал двигаться вперед, но уже мертвый.

- Под стол! - закричал офицер. - Акулова, под стол!

Корпусная скорее механически, чем осознанно рухнула на пол и поползла под стол. Решетка еще не поддавалась. Кинолог начал отползать в угол. Это заметил Кутас:

- Не уйдешь, сука! Умрешь вместе с нами.

Пахан сжал заточку и бросился к Яреме. В ту же секунду пуля по касательной обожгла ему голову. Кутас отлетел к стене, выпустил нож, схватился за голову и что-то заорал, но его никто не слышал. Трое зеков заспешили к дверям и выскочили в коридор. В комнате остался в добром здравии лишь Бабанский. Дрожа всем телом, он на четвереньках подполз к кинологу и приказал:

- Ори, гад, во всю глотку! Останови бой. Я убью тебя, понял?

Бабанский дважды ткнул заточкой в грудь заложника. Рука его тряслась, губы дрожали, глаза затравленно косились на входную дверь. Кинолог молчал. Зек завопил и вновь ткнул связанного контролера:

- Ну! Кричи, сволочь! Умрешь же...

Лежавший на боку Ярема перевернулся на спину, застонал от боли и послал Бабанского к черту. Тот завизжал и с размаху воткнул клинок в грудь пленника. Зек целился в сердце, но в последний миг кинолог успел повернуться, и удар пришелся в правую часть груди...

Из показаний бойца ОСНАЗа (отряда специального назначения):

"Когда началась операция по освобождению заложников, я вместе с милиционером И. находился на внутренней лестнице 9-го отделения. Открыв по команде стрельбу на поражение, мы

через решетчатое окно корпусной целились в заключенного, который угрожал заложнице заточкой. Тот упал грудью на стул. После моей команды Акулова спряталась под столом. Мы начали стрелять по другим заключенным, препятствуя им приблизиться к этому столу. Когда решетку удалось всетаки сорвать, я вслед за И. вбежал в корпусную, где четверо участников покушения на побег лежали на полу кучей без движения. Один из них, заключенный Кутас, внезапно бросился на меня с ножом. Мне удалось выбить нож и обезвредить Кутаса. Остальные террористы лежали без признаков жизни. У одного из них, оказавшегося Бабанским, в боку, чуть ниже груди, торчала металлическая заточка. Сначала я принял его за мертвого, но потом заметил, что заточка движется в такт дыханию. Им мы заниматься не стали, а вытащили из-под стола Акулову, которая находилась в шоковом состоянии и не могла ни сидеть, ни стоять, ни говорить, а только кричала и плакала. Подтащив женщину к окну, передал ее ОМОНовцам. Вдруг кто-то стал теребить меня за ногу. Посмотрев вниз, я увидел, что на полу лежит молодой мужчина в наручниках. Он сказал: "Я свой " - и протянул мне служебное удостоверение, из которого следовало, что это Ярема. Я освободил его руки от наручников и осторожно передал Ярему в окно. Заключенный с заточкой в боку продолжал лежать без движения".

Когда Ярему несли на руках к машине "скорой помощи", он еще был в сознании. Тридцатидвухлетний кинолог тихо стонал и пытался что-то сказать. Затем минуту помолчал и тихо произнес: "Положите меня на землю. Я хочу спать". В салоне сердце старшего сержанта остановилось. Спустя несколько месяцев в "Крестах" появилась мраморная мемориальная доска, которая посвящалась контролеру-кинологу, погибшему при исполнении служебного и гражданского долга.

...Проткнув кинолога заточкой, Бабанский бросился к трупу Гамова, валявшемуся у окна, заполз под его ноги, решительно размахнулся и ударил себя заточкой в бок. От чрезмерного возбуждения он даже не почувствовал боли. В коридоре уже слышался топот. Первым в комнату влетел боец в серой форме. Он молниеносно обвел стволом все сваленные в кучу тела и бросился к столу, где без чувств лежала Акулова. За ОМОНовцем показался боец в защитном камуфляже. Навстречу ему внезапно рванулся Кутас с залитым кровью лицом и ножом в руке. Ударом приклада офицер отправил зека обратно к стене, перехватил вооруженную руку, вывернул и нанес удар коленом в локтевой сгиб. Нож отлетел в угол. Не выпуская сломанной руки, боец правой рукой схватил Кутаса за шею и с размаху бросил его на стол. Угол стола пробил грудную клетку. На пол бандит падал уже без сознания. Собственноручно раненный Бабанский тайком наблюдал за этой сценой. Теплая липкая кровь струилась по левому боку, но зек боялся даже шелохнуться. Человек в камуфляже нагнулся над ним. Бабанский затаил дыхание и вновь захлопнул веки. Он улавливал обрывки фраз, женские всхлипы, стоны...

В одном из кабинетов под столом, завернувшись в одеяло, дрожал пятый зек. Он даже не пытался укрыться, а просто лежал и дрожал. Штурмовики с шумом ворвались в кабинет. В мгновенье ока стол отлетел в угол, в скулу террориста врезалась чья-то нога. Зека вырвали из одеяла, словно жабу бросили животом на пол, выкрутили за спину руки. "Браслеты" защелкнули так, что через две минуты он перестал чувствовать онемевшие руки. Из туалета вытащили еще двоих. Зеки прятались за унитазом и встретили бойцов с уже поднятыми руками. Ими вытерли пол и поволокли к остальной братии. Вся антитеррористическая акция закончилась в 14.31 и заняла девятнадцать минут.

Кутас и Гамов скончались в реанимации. Брюшную полость Бабанского обработали, и через несколько дней тот уже давал показания по уголовному делу N 542909, которое прокуратура возбудила в день теракта. Бабанский валил все на Кутаса, зная, что пахан ныне способен вытерпеть все на том свете. Именно на Кутаса и легло подозрение в убийстве кинолога. Но очень скоро, после первых результатов судмедэкспертизы, версия начала рассыпаться.

Судя по первичному воспроизведению событий, Бабанский упал до того, как снайпер "снял" Гамова. Совершить попытку самоубийства он мог еще до начала штурма. Заложница Акулова как свидетель была помощником неважным. Сквозь пелену шока она даже не пыталась уследить, кто в комнате падал, прыгал и резал. Женщина лишь заверила, что до начала штурма контролера никто заточкой не трогал. Стасик, убитый выстрелом с лестницы, успел добежать лишь до стула. Оказалась вне подозрения и тройка зеков, спешно выскочившая в коридор. Итак, оставался строгий и кровожадный пахан. Но в "убийцах" он оставался до тех пор, пока патологоанатом не провел вскрытие.

По мнению экспертизы, при подобном касательном ранении головы Кутаса должен был хватить кратковременный паралич, который длился бы как минимум пять минут. Картину штурма "собирали" буквально по секундам. Наконец из химлаборатории пришло еще одно заключение, основанное на анализе групп крови: на заточке, вынутой из Бабанского, обнаружена кровь не только его самого...

К тому времени Бабанского уже выписали из больницы. Зек проклинал тамошних хирургов, которые поставили его на ноги всего за сутки и выставили за двери как пациента, не нуждающегося в стационарном лечении.

- Не возьмешь меня на пушку, командир, - сказал Бабанский следователю. - Я не подпишу ни одну из этих бумажек, а тем более какое-то несуразное признание. Неужели вы думаете, что я своими руками надену себе петлю на шею?

Бабанского вновь водворили в камеру СИЗО, но на этот раз уже в одиночную. Иначе верные Сосо и оскорбленные в лучших блатных чувствах урки могли бы помочь Бабанскому поскорей встретиться с Кутасом и Гамовым. В процессе всего следствия зек был внешне спокоен. Его душевное равновесие покачнулось накануне суда, когда ему дали почитать почти сто страниц обвинительного заключения. Он обвинялся по шести статьям, среди которых значились и организация побега, и умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. Когда судебная коллегия по уголовным делам оглашала приговор, Бабанский дрожал. Его худшие опасения подтвердились...

Кунсткамера

Питерские "Кресты" - едва ли не самая крупная тюрьма в Европе. Она же и одна из самых старейших и именитых. СИЗО N 1 стоит почти в центре города, однако пейзаж отнюдь не портит. Старинный допр на берегу Невы, который возводился восемь лет, и мрачный, и живописный одновременно. Он даже имеет свой герб, где панорама тюрьмы со всеми ее архитектурными достоинствами придавлена чистым голубым небом. Увековечен на гербе и купол тюремного собора, который администрация взялась отреставрировать. На другом берегу Невы Андрей Шемякин успел разместить двух бронзовых зловещих сфинксов и бронзовый крест, посвященный жертвам "исправительного" произвола.

Ныне в "Крестах" обитает свыше десяти тысяч зеков, каждый десятый - хозслужащий, то есть "шнырь". В тюремной кухне ежедневно моется, чистится, варится пять тонн картофеля, три тонны капусты, полторы тонны моркови, тонна лука. Каждый день ворота СИЗО принимают караван из шести автомашин с надписью "Хлеб". Двести узников - бывшие менты. Нетрудно догадаться, что их содержат отдельно от уголовников. В одиночных камерах парятся лишь сексуальные маньяки и прочие нелюди, которые в общей камере прожили бы в лучшем случае до утра.

Первых узников каменные стены увидели в 1892 году. С тех пор через "Кресты" прошел ряд знаменитостей - Павел Судоплатов (бывший начальник иностранного отдела НКВД, автор многих терактов и диверсий на территории иностранных государств, первый наставник разведчика Николая Кузнецова), Николай Заболоцкий, Лев Гумилев, Георгий Жженов... Нынешняя знаменитость - Дмитрий Якубовский, терпеливо ждущий этапа. В своей камере N 83 Дмитрий Олегович устроил настоящий террор. Его сокамерник Христич прибыл в санчасть, ковыляя и держась за правый бок. Рентген выявил у пациента два сломанных ребра, над которыми трудилась нога "генерала Димы". Ему услужливо помогал кулак зека Сидорова. Все началось с того, что однажды Якубовский обнаружил у Христича странную сексуальную ориентацию. Мгновенно вспомнилось вековое тюремное правило: "Пидора - к параше!" Бывший российский адвокат заставлял зека становиться на четвереньки, чтобы удобнее было взбираться на второй ярус. Не стесняясь в выражениях, Дмитрий Олегович на суде объяснил причину травли. Однако судьи, не став закрывать глаза на неформальные тюремные обычаи, заметили, что те же "петухи" спят и питаются отдельно. Христич же не только спал напротив "генерала Димы", но и ел за общим столом. В конечном итоге Дмитрий Якубовский получил от Калининского райнарсуда Санкт-Петербурга еще один приговор - два года лишения свободы.

Факты побегов из питерских "Крестов" меркнут перед случаями попыток к побегу. За десять месяцев до захвата заложников в корпусной 9-го отделения из камеры-одиночки вырвался налетчик Мадуев по кличке Червонец. Получив пистолет из рук следователя, Мадуев попытался вырваться через тюремный двор. Он даже рассчитывал захватить самого полковника Демчука - начальника

СИЗО N 1, проработавшего в "Крестах" свыше двадцати лет. В пылу схватки Червонец тяжело ранил офицера. На втором выстреле случилась осечка, и бандит вновь оказался в камере. Тот же Мадуев, но уже в 1994 году получил от "вертухая" нож и отвертку, но их отобрали при очередном обыске.

В глубине тюремного двора находится музей "Крестов", который рядовому гражданину недоступен. В его почетных экспонатах фигурируют предметы, которые создавались для побегов: "кошки", заточки, напильники, отвертки, режущие полотна. Более интересны муляжи пистолетов и гранат из хлебного мякиша, выкрашенные сажей. Но настоящие шедевры - служебные удостоверения капитана милиции и следователя прокуратуры. Их смастерили из распущенных красных носков, газет и парафина. Хранит музей и безобидные вещи. Скажем, татуировочную машину, переделанную из механической бритвы. Или копию памятной медали, которую вручили десятитысячному заключенному (оригинал зек законно присвоил себе).

Тюремный музей - явление редкое. Чтобы его создать, одного желания мало. Нужна история тюрьмы. История, которая сама бы подбрасывала бесценные экспонаты. Второй подобный музей находится лишь во Владимирском централе, имевшем некогда статус ТОНа - тюрьмы особого назначения. В его стенах содержались спецзаключенные, то есть те, которые, по мнению ГПУНКВД, представляли особую социальную опасность и кого необходимо было изолировать от общей массы осужденных. В разряд тайных узников попадали иностранцы, разжалованные чекисты, диссиденты и т.п. В 50-х годах во Владимирскую тюрьму стали определять и лидеров уголовного мира: МВД наконец-таки оставило надежду их "перековать". За четыре десятилетия через централ прошли свыше семисот воров в законе, из которых две трети - кавказцы. Здесь провели свои лучшие блатные годы патриарх уголовного мира Василий Бабушкин (Бриллиант), Александр Захаров (Шурик Захар), Гена Корьков (Монгол) и т.д.

Владимирский централ был построен при Екатерине II в 1783 году и считался обычной тюрьмой. Центральные тюрьмы появились после 1905 года, когда карательному аппарату России понадобились допры с особой укрепленностью и особым режимом содержания. В 1918 году к централу пришло новое имя - губернский исправительный дом. Сюда хлынул поток рецидивистов, которых молодая страна Советов намеревалась исправить лекциями и художественной самодеятельностью. Эта игра в доброго воспитателя продолжалась почти десять лет. В конце 20-х годов Владимирский централ стал политической тюрьмой, ведомством госбезопасности (такие специзоляторы арестанты называли политзакрытками).

По экспонатам здешнего музея можно изучать историю СССР. Здесь сидели первый председатель Президиума ЦК РКСМ Ефим Цейтлин (его этапировали в Ивановский допр, где и расстреляли), отец Юлиана Семенова Семен Ляндрес (проходил по "бухаринскому делу"), Даниил Андреев, создавший в тюремной камере "Розу мира". Его соседом по камере был не кто иной, как академик Ларин, руководивший медподготовкой первых советских космонавтов. По некоторым данным, весь архив Андреева попал в руки начальника оперчасти, который и передал его супруге Даниила. Через централ прошли Лидия Русланова, Галина Серебрякова, Зоя Федорова, певица Большого театра Михайлова, Владимир Буковский, Натан Щаранский (нынешний министр Израиля). Имя Павла Судоплатова фигурирует не только в музее "Крестов", но и в здешних архивах. Именно во Владимирском централе глава советских диверсантов провел почти семь лет.

В режиме особой секретности содержались родственники Сталина - Анна Аллилуева и Евгения Аллилуева. Заключенные такого ранга значились в делах и картотеках лишь под номерами. Сын вождя Василий Сталин, угодивший в централ в разгар хрущевских разоблачений, значился как Василий Васильев. За ним велся особый надзор. В музейных архивах хранится копия секретного донесения Никите Хрущеву, подписанного Председателем КГБ Шелепиным и Генеральным прокурором СССР Руденко (за 7 апреля 1961 года):

"В. И. Сталин за период пребывания в местах заключения не исправился, ведет себя вызывающе, злобно, требует для себя особых привилегий, которыми он пользовался при жизни отца. Считаем целесообразным в порядке исключения из действующего законодательства направить Сталина после отбытия в ссылку сроком на пять лет в Казань. Считаем также целесообразным при выдаче В. И. Сталину паспорта указать другую фамилию ".

Легендарным узником по праву считался и американец Пауэре, решивший немного пошпионить над нашей Родиной. В 1997 году во Владимирскую тюрьму приезжал сын знаменитого летчика-шпиона. Он пожелал взглянуть на камеру, где жил отец, и подарил тюремному музею книгу

Пауэрса-старшего. В этой книге много воспоминаний о централе, о здешнем режиме, меню и обычаях.

Побеги из Владимирской "крытки" можно пересчитать на пальцах. Наиболее громкий и скандальный связан с Михаилом Фрунзе. Среди попыток к побегу выделяется история сорокалетней давности. Глубокой ночью двое авторитетных урок в момент подачи какого-то предмета (вероятно, записки) через дверную кормушку ухитрились схватить охранника за руку и затащить эту руку по локоть в камеру. Они полоснули по венам заточенной ложкой и приказали открыть дверь (до 1953 года камеры были под двумя замками. Ключи хранились у надзирателя и дежурного). "Вертух" колебался недолго. Когда зеки пообещали искромсать ложкой венозные сосуды и держать кисть до тех пор, пока охранник не истечет кровью, ключ пополз к замку. Пленник, согнутый у кормушки в три погибели, долго не мог открыть дверь. Наконец она приоткрылась, и надзирателя заволокли в камеру. Грозя заточкой, урки приказали ему снять мундир, в который облачился один из зеков. Полосой простыни охраннику связали за спиной руки, вывели в коридор, подошли к телефону прямой связи с дежурным по корпусу и сняли трубку. Пленник попросил дежурного, имевшего ключ от двери тюремного корпуса, срочно прибыть на его пост. "Труп в камере, - кратко объяснил он. - Судя по всему, самоубийство".

Дежурный поднялся на пост и остановился перед решеткой. Среди коридора в тусклом свете лампочек стоял охранник, припав глазом к глазку камеры. "Иди сюда, посмотри на это чудо!" - крикнул лжеохранник голосом настоящего "вертуха", которого держали по ту сторону двери с удавкой на шее. Пленник кричал в приоткрытую кормушку. Дежурный открыл решетку и подошел к "коллеге", все так же стоящему вполоборота. Молниеносный удар в кадык свалил офицера на пол, Отстегнув у хрипящего капитана связку ключей и затащив его в камеру, зеки закрыли дверь и заспешили к выходу из корпуса. Но открыть вторую решетку они не смогли: второй ключ имелся лишь у дежурного помощника начальника тюрьмы. Тащить оглушенного капитана на пост к телефону и вызывать дежурного помощника было делом хлопотным. Пока урки возились у зарешеченных дверей, пытаясь раскурочить замок, охранник пришел в себя и с помощью капитана развязал себе руки. Он добрался к окну, где уже давно не было стекла, и начал кричать: "Вторая вышка! Побег! Вторая вышка! Побег!"

Охранник на вышке услышал крики и позвонил начальнику караула. Два автоматчика поднялись к решетке, от которой зеки уже бежали обратно в камеру, и пустили по коридору две очереди. Один из беглецов умер на месте, другого добили спустя несколько минут.

Владимирские тюремные экспонаты, впрочем, как и питерские, доступны далеко не всем. Музей - заведение режимное. Исторические архивы, и предметы Владимирского централа хранятся в бывшей тюремной камере, в которую попасть можно лишь через сеть постов. Тюрьмы умеют хранить любые тайны, даже самые безобидные.

Червонец: пиковая масть

Сергей Мадуев родился в неволе. Сын чеченца и кореянки, сосланных на дикие земли Казахстана лишь за то, что они были чеченцем и кореянкой, Мадуев стал таким, каким и должен был стать. К расстрелу его приговорили в тридцать девять лет, двадцать из которых он провел в зоне.

Тюремно-лагерная эпопея для Мадуева началась в 1974 голу, когда он, едва отметив свое совершеннолетие, сел за грабежи и разбой. Через шесть лет он вернулся на родину, но та отвернулась от непутевого сына. Бывший зек с единственной судимостью не смог найти работу. Через два месяца вместе со своим младшим братом Мадуев пускается в путешествие по всей России, громя обители партийной номенклатуры и цеховиков. Странствия закончились новым сроком, на этот раз максимальным. Налетчики получили по пятнадцать лет. В зону Мадуев прибыл уже именитым. Среди уголовников он имел кличку Червонец. Поговаривают, за то, что всегда расплачивался в такси червонцем. В режимном пристанище Талды-Кургана Червонец не стал засиживаться. В одну из декабрьских ночей 1988 года он бежал. Начиналась новая криминальная эпоха Сергея Мадуева (он же Али Мадуев, он же Андрей Львов, он же Али Филани, он же Владимир Шпак, он же Сергей Ли).

4 января 1989 года средь бела дня двое незнакомцев, взломав входную дверь, зашли в квартиру первого секретаря одного из сибирских райкомов партии. Хозяин квартиры и района, приняв с

раннего утра дозу горячительного, посапывал на диване. Гости решили его не тревожить и начали рыскать по столам, шкафам и диванам. Их интересовали лишь деньги. В разгар обыска явилась хозяйка. Она оторопела от необычной сцены. Один из налетчиков вытащил нож с выкидным лезвием и приказал женщине сесть в кресло. Заворочался на диване и предводитель райкома. Он увидел у своего лица нож и также решил героя не разыгрывать. Забрав деньги, налетчики скрылись.

В середине марта налетчики прибыли в Грозный, где облюбовали дом Бойцовых. Глубокой ночью они открыли ножом окно и пробрались внутрь. Проснувшаяся хозяйка зажгла настольную лампу и увидела перед собой высокого парня с характерным разрезом глаз. "Спи спокойно, - вежливо произнес он.

- Мы тронем только деньги и золото". Дабы помочь бандитам, женщина сама вынесла шкатулку с кольцами и серьгами, а также все свои сбережения. В соседней комнате спала ее семнадцатилетняя дочь. Тот, что пониже ростом, уже начал расстегивать брюки, когда высокий налетчик резко бросил: "Брось, уходим". Напарник не послушался и бросился на девушку, которая от страха онемела и боязливо защищалась локтями. Высокий вытащил пистолет и с размаху саданул рукояткой по спине любвеобильного бандита. Тот завыл и сполз с кровати. "Брось, уходим", - так же спокойно повторил человек с наганом...

Этот же криминальный дуэт отметился и в Подмосковье, погостив у некой Галины Ребровой. Вскрыв дверь, высокий налетчик вошел в коридор и сразу же выстрелил в потолок из пистолета. Поигрывая стволом, он снял со всех домашних украшения - бриллиантовые кольца, сережки и кулоны, массивные золотые браслеты, цепочки. Когда все это добро уже было упаковано, бандит выстрелил в стену. Для профилактики. Глава семейства схватился за сердце и рухнул на палас. Супруга, ломая руки, бросилась к аптечке и стала искать валидол. Пораженный приступом хозяин лежал на полу и, казалось, уже не дышал. Незнакомец, который минуту назад стрелял, громко сказал: "Я вызову врачей". Прочитав в глазах жертв недоверие, он добавил: "Я клянусь!" С этими словами он поднял правую руку.

Налетчики быстро вышли на улицу. Во дворе высокий (читатель, вероятно, догадался, что это был Червонец) зашел в аптеку и бросил аптекарю: "Телефон, срочно! Человек умирает". Почти двадцать минут бандит накручивал "03", чтобы вызвать "неотложку" по адресу, который был ему более, чем знаком. Сердечника вовремя откачали. Через полчаса оперы выковыряли из стены пули и вместе с гильзами отправили в ЭКО - экспертно-криминалистический отдел. Вскоре пришло заключение: стреляли из пистолета "Чешска зброевка". Так Сергей Мадуев оставил за собой первый след, первую улику. Уголовный розыск, слегка пораженный великодушием и дерзостью бандита, без труда снял показания у сотрудников аптеки. Все они хорошо запомнили скуластого незнакомца с высоким лбом и характерным разрезом глаз. На следующий день появился фоторобот. Подмосковный налет еще не был связан с грабежами в сибирском городке и Грозном.

После подмосковных гастролей Мадуев начал оставлять за собой трупы, среди которых были и женщины, и дети. В Астраханской области при налете на семью Айвазовых жертвы стали упорствовать и подняли шум. Бандиты без колебаний уложили их из пистолетов. Пуля, извлеченная из груди Айвазовой, была выпущена из той же "Чешской зброевки". Так милицейская гильзотека пополнилась еще одним экземпляром. Наблюдательная соседка вспомнила, что три дня назад к ней приходил высокий представительный корреспондент по фамилии Шпак. Точнее, приезжал на белой "Волге" с номером, который начинался на "43". Журналист Шпак, распахнув удостоверение, стал выпытывать о семье Айвазовых: их место работы, распорядок дня и прочее. Удостоверение не было фальшивым. Корреспондент Владимир Шпак действительно трудился в редакции, однако отнюдь не походил на пассажира "Волги". Он пояснил, что два месяца назад потерял служебное удостоверение.

Уголовный розыск начал отрабатывать все белые "Волги" с указанным фрагментом номера. Автомобиль отыскали в соседней области. Он числился за неким Пинтаевым. Непонимание на его лице читалось недолго. В дверях "Волги" имелись два пулевых отверстия с застрявшими пулями. Стреляли из "Чешской зброевки". Лишь когда Пинтаеву зачитали резюме экспертов, он признался, что "Волгу" доверял лишь одному человеку - своему шурину Али Арбиевичу Мадуеву. В фотороботе действительно угадывался дерзкий налетчик. Из семейного фотоархива изъяли снимок Мадуева и растиражировали для постов, патрулей и стендов "Их разыскивает милиция". Любопытный факт: внешность Али Арбиевича претендовала на типичность. За все время всесоюзного розыска милиция задержала свыше ста подозрительных субъектов, походивших на дерзкого бандита.

Активные поисковые мероприятия отнюдь не смущали Мадуева. 6 июня 1989 года он и его напарник ворвались в двухэтажный дом жителя Ростовской области Олега Шалумова. Мадуев первым же выстрелом убил хозяина. Затем была задушена супруга. Список похищенных вещей розыскникам составить не удалось: покидая дом, бандиты облили комнату бензином и подожгли. В огне сгорели не только супруги Шалумовы, но и их годовалый сын Миша, спавший в кроватке на втором этаже. Эта непонятная жестокость шокировала всю округу. На похоронах, когда в яму опустили все три гроба, среди которых был совсем маленький, родня Шалумовых публично поклялась: "Если убийц найдут и не приговорят к расстрелу, мы прикончим их собственноручно". С места пожарища в союзную гильзотеку отправилась очередная гильза от знакомого уже пистолета. Спустя два года Сергей Мадуев, уже будучи под стражей в Бутырской тюрьме, твердил, что не знал о ребенке. "Если бы я знал, - заявил он, - я бы первым вынес его из огня".

Гастроли Червонца продолжались. Он вихрем пронесся по Узбекистану, где облегчил воровской общак на двести тысяч рублей. Ташкентские воры отказывались этому верить, но факт остался фактом. Разумеется, блатари не стали обнародовать свой позор. Детали его кражи неизвестны. По одной из версий, бойцы Мадуева напали в поезде на воровских курьеров, перевозивших деньги в региональный общак. Вскоре узбекские авторитеты установили личность наглеца и разослали по всему Союзу "малявы", где бандит по кличке Червонец приговаривался к смерти. В Тбилиси бесстрашный Мадуев пошел еще дальше: он обобрал местного вора в законе Ваху. Держа "законника" под прицелом, наглый гость, даже не пытаясь прикрыть свое лицо, паковал деньги в дорожную сумку и приятно улыбался. После этого случая за Червонцем начали гоняться и грузинские авторитеты. Осенью 1989 года след Мадуева объявился в Ленинграде. Перед жертвами представал все тот же высокий улыбающийся бандит, но вооруженный уже наганом. В городе на Неве прошла серия дерзких налетов. Спутником Мадуева был молодой парень со славянской внешностью.

Утром 11 октября в квартиру Анны Юрих, которая принимала гостей, вломились двое субъектов. Один из них, достав наган, потребовал золото и деньги. Пожилая хозяйка решительно направилась к телефону. Раздался выстрел. Пуля вошла в спину Юрих, и женщина рухнула на пол вместе с телефоном. За ее жизнь сражались хирурги Ленинградской военной академии (обычные больницы с огнестрельными ранениями еще не были знакомы) почти четыре месяца. В феврале женщина умерла. На судебном процессе убийца заявит, что выстрел был случайным: "Я поскользнулся на паркете".

Серия налетов продолжалась. В том, что их совершают одни и те же лица, ленинградская милиция уже не сомневалась. Почерк грабежей разнообразием не баловал. В десятках показаний фигурировал высокий, элегантный мужчина, который свое общение с жертвой начинал с выстрела в потолок. Каждый раз бандит подбирал отстрелянную гильзу, но пули из потолка приходилось выковыривать уже оперативникам. Все пули направлялись в гильзотеку, где их объединяли по характерным деталям. Мадуев стрелял из револьвера системы "наган" калибра 7,62 мм.

В середине декабря Червонец зашел в кооперативное кафе. На входе его встретил молодой швейцар:

- Снимите верхнюю одежду.

В этот вечер Мадуев был далеко не в лучшем настроении. Он раздраженно бросил что-то парню в лицо и двинулся к стойке. Строгий швейцар преградил путь. Червонец расстегнул плащ, достал револьвер и выстрелил почти в упор. Не спеша подойдя к стонущему в углу парню, он дострелил его в голову. Затем повернулся к жующей публике и спокойно спросил: "Кто-то хочет еще?" На глазах изумленного зала бандит вышел из кафе и сел в такси. Один из официантов успел заметить последнюю цифру на номере автомобиля. Двадцатитрехлетний швейцар умер, не приходя в сознание. Его друзья поклялись отомстить убийце. Охотников за жизнью Мадуева становилось все больше. Не исключено, что именно тюремные стены спасли эту жизнь, вернее, отсрочили смерть.

Такси, на котором разъезжал Червонец, нашли на третьи сутки. Желтая "Волга" стояла на окраине города в подворотне. В багажнике обнаружили вещи из ограбленных квартир. Чуть позже нашли таксиста. Водитель сбивчиво и нехотя признался, что всю осень возил каких-то Андрея Львова и Романа. Пассажиры на чаевые не скупились, а под конец разъездов высокий, элегантный Львов пинком вышвырнул таксиста из авто и растворился в потоке ленинградских машин. Таксист вспомнил, что пассажир Львов собирался в Ташкент. Это было серьезной зацепкой. В столицу Узбекистана срочно отбыла тайпограмма, но ташкентская милиция оперативно отреагировать не смогла.

В начале января Мадуев и его кореш Роман действительно приехали в Ташкент. Наглость и дерзость Червонца, за которым по пятам носились узбекские воры, могла удивить кого угодно. Наконец налетчик переплюнул сам себя. Он явился в дом местного рецидивиста, жившего вместе с матерью и неделю назад вышедшего из колонии, и попросил у него деньги, притом все. Верный Роман держал в руке пистолет. Бывший зек внезапно выбил ногой оружие и ударил Романа в лицо. Завязалась шумная драка. За всей этой сценой наблюдали. В руке хозяина появился обрез. Зек и молодой налетчик выстрелили одновременно. Шальная пуля попала в грудь матери. Женщина упала на пол, но сознания не потеряла.

Сквозь полуоткрытые веки она видела, как высокий парень выхватил револьвер и дважды выстрелил в ее сына. Затем бандит подошел к своему раненому другу, который корчился на полу, задумчиво постоял над ним. Роман поднял глаза и простонал: "Помоги". Червонец поднял револьвер и выстрелил напарнику в голову. После этого вытащил из его карманов все документы, окинул взглядом всю комнату, где лежали на полу три тела, и скрылся. Пули и словесный портрет убийцы доказали, что здесь побывал именно Мадуев. Все дороги, вокзалы и аэропорт были взяты под контроль. Из Москвы в Ташкент срочно вылетели представители МВД СССР с единственной задачей: оборвать гастроли Мадуева-Львова именно в Ташкенте.

От долгих скитаний и риска бандит утратил прежнюю бдительность. Судя по всему, он не мог поверить, что милиция успела отследить его маршрут: между Ленинградом и Ташкентом лежали тысячи километров. Знакомую по фотографии внешность оперативно-поисковый отряд засек на железнодорожном вокзале. Высокий пассажир спокойно выстоял очередь и взял купейный билет на поезд "Ташкент-Москва". Брать налетчика решили в купе. Четверо в штатском подождали, пока "объект" проследует в вагон, и двинулись следом. Все произошло в считанные секунды. Червонцу заломили руки прямо в коридоре и уложили брюхом на ковровую дорожку. Из кармана плаща вытащили револьвер и фальшивый паспорт. Бандита заволокли в купе, где один из милиционеров соединил свою руку с рукой Мадуева наручниками. Процессия двинулась к выходу. Внезапно налетчик выхватил из кармана брюк гранату, зубами рванул кольцо и угрожающе поднес к животу милиционера. "Сейчас, мент, взлетим на воздух". В тамбуре оперативник бросил своим коллегам: "У него граната". Такого поворота никто не ожидал. Тем временем Мадуев перехватил инициативу. Он кричал, что взорвет поезд, и требовал встречи с министром внутренних дел и прокурором Узбекистана. Подполковник милиции, руководивший задержанием, уговорил Червонца покинуть поезд и перейти в здание линейного отдела милиции. Осторожный Мадуев приказал всем очистить перрон и вместе с заложником добрался к ЛОВД. Он закрылся в кабинете и приказал своему пристегнутому спутнику:

- Достань в моем нагрудном кармане записную книжку. Живо!

Граната нервно дрожала в руке Мадуева. Розыскник послушно вытащил темно-синюю книжечку и начал сжигать на огне зажигалки все ее содержимое, лист за листом. К тому времени на вокзал прибыли первые замы министра и прокурора. Началась вторая стадия переговоров, но и она ничего не дала. Червонец требовал аудиенции с первыми лицами, а не с первыми замами. Он требовал гарантий, автомобиля, денег. Выпускать легендарного бандита, за которым охотились почти два года, никто не хотел. Рискнули провести ювелирную операцию.

В тридцати метрах от здания притаился снайпер. Он взял под прицел окно и начал ловить в прорезь прицела руку с гранатой. Сам Мадуев забрался в угол, опасаясь, что в прицеле может оказаться его голова. Второй сотрудник ОМОНа тихо пробрался в коридор и стал у дверей кабинета. Уловив момент, когда вооруженная рука неподвижно зависнет в воздухе, стрелок нажал на спуск. В ту же секунду боец в коридоре выбил дверь, схватил гранату и отбросил ее в безопасное место. Взрыва не последовало. Ручная граната оказалась учебной. Это был последний день тридцатипятилетнего Сергея Мадуева на свободе. Оставшиеся пять с лишним лет он проведет под стражей. К расстрелу его приговорят 10 июля 1995 года. Еще полгода пойдет на то, чтобы привести смертный приговор в исполнение.

На первом допросе, который начался с ташкентского эпизода двухдневной давности, Червонец признался в убийстве своего друга:

- Да, я застрелил Ромку. А что мне оставалось делать? Волочь в больницу? Какая разница, где бы он умер: на полу или на операционном столе.

Труп Романа Чернышева, вчерашнего ленинградского студента, уже покоился под могильным крестом с надписью "неизвестный". Его извлекли и отправили в городской морг, куда должны были прибыть родители Романа. Отец и мать опознали сына.

Мадуева этапировали в "Кресты" для отработки ленинградских эпизодов. Уже в Ленинграде его официально обвинили в шестидесяти двух преступлениях. Несмотря на переполненность тюрьмы, селить дерзкого Червонца в общую камеру никто не решился: это было бы верным убийством. Уголовным мир уже давно поставил на Мадуеве крест, теперь же очередь оставалась за крестом могильным.

Даже седовласые следователи не могли припомнить подобного подследственного. Сергей Мадуев, ни на миг не сомневаясь, что его ждет "вышка", признавался во всех своих грехах, охотно сдавал подельников, указывал места захоронения жертв, подписывал протоколы, не читая их. Бандит даже не стал тратиться на адвоката, и защитников пришлось назначать за казенный счет.

Лишь в одном Мадуев проявил стойкость и несговорчивость. Он не сдал деньги и сокровища, которые семнадцать месяцев подряд изымал у зажиточных жертв. Налетчик путался в показаниях, упоминал о Смоленском кладбище, где он якобы закопал свой скарб, затем вдруг заявил, что кладбищенский тайник находится в Ташкенте. Учитывая широту и разгульность Червонца, можно предположить, что все деньги и драгоценности регулярно пропивались, проедались, проигрывались и наконец просто дарились. Почти во всех "гастрольных" городах бандит имел подругу, готовую приютить его на день или на месяц. Обаятельный ухажер никогда не скупился на презенты. Он легко расставался с кольцами и браслетами, серьгами и деньгами. С такой живой и хлебосольной натурой можно было промотать и не такое состояние. Следователи скептически относились к версии о тайниках и золотых запасах Мадуева: "Это миф, раздуваемый прессой. Многие ценности были изъяты еще в начале расследования. Как у самого Мадуева, так и у его подельников. Если бы он был богат, то не пользовался бы защитой по назначению".

Даже в "Крестах" Червонец держал марку. На очные ставки, допросы и процессы опознания он являлся в светлых костюмах (белый, кремовый, голубой), чарующе улыбался вчерашним жертвам, шутил, картинно покуривал за столом. Он доигрывал свой последний спектакль, где финал уже был написан. При очередном опознании, когда старушка отметила его красивые глаза и тонкие выразительные губы. Червонец томно опустил взгляд и заморгал ресницами. Он был в центре внимания и пользовался этим. Элегантный, отутюженный Мадуев не мог не запомниться. Руководитель следственной группы Генеральной прокуратуры СССР Леонид Прошкин, лично проводивший допросы, отметил: "Яркая личность. С ним не противно общаться, как со многими уголовниками. Не мразь".

Подследственный (а затем и подсудимый) не походил на того человека, который еще год назад шагал по трупам. Потерпевшие опознавали его сразу, ни секунды не колеблясь. Кто-то из них панически закрывал лицо рукой и указывал на убийцу жестом, другие рыдали и бросались на бандита, третьих приходилось выводить под руки. Все эти показания Мадуев встречал если не с улыбкой, то с заметным позерством. Он хотел остаться на видео- и фотопленке все таким же неординарным Червонцем, подлым и благородным, добрым и жестоким. Это ему удалось. Дерзкий, полуграмотный Сергей Александрович Мадуев вошел в историю советского бандитизма не только как последний бандит Советского Союза.

Объемное уголовное дело N 18/123552-93 близилось к завершению. Оставался лишь последний эпизод, в котором фигурировали два сообщника Мадуева - братья Мурзабек. С ними Червонец колесил по горному Кавказу. Так как братья содержались в Бутырской тюрьме, следствие приняло решение этапировать Червонца в Москву для последних допросов и очных ставок. Хотя добытых материалов хватило бы на десятерых Червонцев. В Бутырке для именитого узника, проходившего по особому рангу, освободили одиночную камеру в коридоре смертников. В начале мая за ним должен был прибыть конвой "Спецэтап", усиленный еще тремя натасканными бойцами.

Конвойная бригада в "Крестах" появилась 3 марта 1991 года. Контролер открыл дверь камеры и приказал: "Мадуев, на выход". Червонец, одетый в традиционный светлый костюм, заложил руки за спину и послушно вышел в коридор. Сличать личность узника с картой подследственного не стали: бандит успел стать знаменитым и здесь. Мадуева конвоировали в специальный участок тюрьмы, где проходила последняя сверка документов. Пять офицеров, восемь солдат и одна собака терпеливо ожидали, когда дежурный офицер закончит последние формальности. Внезапно Мадуев вытащил из-под пиджака револьвер и выстрелил в стену. Пистолет не был ни муляжом, ни даже пугачом: пуля раздробила кирпич, оставив пулевое отверстие. Пользуясь растерянностью конвоя, Мадуев бросился бежать по коридору.

В коридоре на его пути встал майор внутренней службы, спешивший на звук выстрела. Червонец без колебаний выстрелил в живот майору. Затем бросился к двери, выходящей на

внутренний двор тюрьмы. По дороге он захватил в заложники дежурного помощника и, приставив револьвер к его шее, приказал охране открыть дверь. Позже Червонец признается, что хотел захватить начальника тюрьмы Степана Демчука, которому однажды лично заявил: "Полковник, я убегу. И убегу вместе с тобой". Но побег Червонца уже был обречен. С двух сторожевых вышек были спешно затребованы автоматы.

Пока Мадуев с заложником пересекал двор, торопясь к очередному посту, двор перекрыли. Обложенный со всех сторон бандит прицелился в одного из офицеров и нажал на курок. Но револьвер сухо щелкнул. Мадуев нажал вторично, но и в этот раз случилась осечка. Третьей попытки уже не было. Бандита сбили с ног. Начальник конвоя остановил своих головорезов лишь через несколько минут. Прежнего обаятельного Мадуева уже не было. В небо смотрела кровавая маска с узкими прорезями для глаз. Беглецу сломали два ребра и повредили легкое. В тот момент предотвратить расправу не смогло бы и целое оцепление, взявшее бандита в кольцо. Майор Егоров, едва не оставивший все кишки в тюремном коридоре, был красноречивым поводом, чтобы размяться на Червонце. После битвы в тюремном дворе Мадуев до конца дней своих выглядел помятым и осунувшимся. Улыбаться и шутить он стал намного реже.

На операционном столе из живота офицера извлекли пулю калибра 7,62 мм и передали экспертам. Туда же отправился и револьвер, с которым Червонец носился по тюремным коридорам и дворам. Номер на оружии был добросовестно спилен. Однако Червонец не подозревал, что регистрационный номер выбивается в двух местах. Заключение криминалиста вызвало оторопь:

"...пистолет системы "наган", заводской номер 31943, образца 1895 г., архив 93874-90, Ташкентский УВД. Изъят 7 января 1990 года у Мадуева Сергея Александровича (клички Червонец, Львов), 1956 года рождения... "

В руки бандита попал револьвер, который как главная следственная улика хранился в сейфе Генеральной прокуратуры СССР. Доступ к сейфу вещественных доказательств имели только следователи. В подозреваемых оказалась группа Леонида Прошкина. Сам руководитель группы, следователь по особо важным делам, за считанные дни поседел. Расследованием побега Мадуева занялся КГБ СССР. Опухший и посиневший Червонец, едва ворочая языком, молол чепуху о подкупе начальника тюрьмы и заводском недоразумении. В таком состоянии Мадуев был скверный собеседник. Вскоре он пришел в себя и вновь предстал перед следователем, но уже чекистом. От прежнего оживления и позерства не осталось и следа. Червонец начал валить все на одного следователя, потом переключился на другого, после этого указал на третьего. Он пугался, нервно курил и под конец замкнулся.

Офицер КГБ вылетел в Казахстан и нашел сестру Мадуева, которую допрашивали еще в марте 1989 года. Перед объективом видеокамеры сестра вспомнила, как два месяца назад ей звонила из Ленинграда незнакомая женщина и просила достать для брата пистолет. Судя по всему, сестра отказалась. В следственной группе по делу Мадуева числилась только одна женщина - Надежда Воронова, прослужившая в прокуратуре почти одиннадцать лет.

Услышав показания сестры. Червонец не стал упорствовать и сразу же заявил следователю КГБ Карабанову: "В своей жизни я никогда не встречал женщин, которые ради меня могли бы пожертвовать своим долгом, положением, одним словом - всем. Поэтому я, похоже, стал испытывать к Вороновой возвышенное чувство. Я люблю эту женщину". С каждым днем благородство и возвышенность Мадуева улетучивались. Спасая свою шкуру и, видимо, еще на что-то надеясь (если до побега у бандита еще оставался призрачный шанс уцелеть, то после ранения майора Егорова расстрел почти читался на лбу подследственного), Червонец разразился новыми разоблачениями. Он вновь был готов к сотрудничеству и очередному спектаклю.

Прежде всего Мадуев пожелал встретиться с Вороновой и снять эту встречу скрытой камерой: "Вы сами все поймете. Я попробую уговорить ее признаться, но за успех не ручаюсь". Надежде Леонидовне предложили допросить Мадуева. Дескать, бандит желает дать показания именно ей. Воронова, которая даже не подозревала о подвохе, согласилась.

Рисуясь перед скрытым объективом. Червонец трогательно льнул к следователю, что-то шептал ей на ухо, гладил и целовал руку. Но уговорить Воронову не смог. И лишь когда подозреваемой прокрутили видеопленку, где Мадуев открыто сдавал ее на допросе, женщина дрогнула и сразу же призналась. Пресса первой заговорила о тюремном романе, отметая все иные версии. Сергей Соловьев увековечил эту трогательную историю в своем фильме "Тюремный роман", где главная роль отводилась Александру Абдулову (кстати, внешне походившему на Червонца) и Марине Нееловой. Журналисты безжалостно рисовали образ одинокой разведенной женщины, которая жила

в тесной коммуналке и брала в домашнюю стирку брюки Мадуева. Надежда Воронова отказалась обсуждать свои чувства с кем бы то ни было.

- Мною двигало лишь чувство жалости и справедливости, - сказала она.
- Мне казалось, что на этого человека вешали лишнее. Я прошу прощения у тех, кому причинила зло. Особенно у своих родителей и у того потерпевшего, который проходит по уголовному делу. И еще. Я прошу прессу оставить меня в покое.

Дальнейшая судьба Надежды Леонидовны ушла изпод прицела журналистов. По некоторым данным, она отбывала наказание в ИТК общего режима в Саблино, хотя подобный контингент обычно этапируют в так называемую "ментовскую зону" под Нижним Тагилом. Там существует специальный женский отряд.

Свою неформальную связь со следователем Червонец пустился обсуждать с явным цинизмом. На допросах, как особо опасный "фрукт", он сидел в наручниках, которые снимались лишь в его камере. Бандит хоронил свой последний шанс выжить. Судейскую душу (а председателем суда, по удивительному капризу судьбы, окажется опять-таки женщина) еще могла растопить трогательная история любви смертника и следователя. Однако Мадуев старательно втоптал свое прежнее лицо в грязь. Он лишился последних симпатий. Возможно, он устал от прежней роли и стал таким, каким и был на самом деле - волком-одиночкой, злобным и отвергнутым стаей.

- Воронова? А что Воронова? - откровенничал Червонец. - Разве она не от мира сего? Такая же, как и все. Также хочет кушать, хочет хорошо жить, хочет иметь счастье в личной жизни. Можно подобрать ключ к любому человеку. Нужно только искать больные места, а больные места у всех есть. И у слесаря, и у следователя. Конечно, я подлец. Я воспользовался чувствами Вороновой. Но в моем положении выбора нет.

Следствие, которое уже близилось к концу, затянулось еще на четыре года. Сергея Мадуева поместили в другую камеру-одиночку и перевели на особый режим содержания. За это время он еще дважды пытался бежать. Несмотря на то, что контролеры ежедневно "шмонали" казенную обитель Червонца - вспарывали матрац, перетряхивали личные вещи и исследовали даже парашу, зек ухитрился припрятать излишки хлеба, расплющивая его по стене. Из этого хлеба Мадуев однажды вылепил пистолет, тайком сжег кусок тряпки и сажей вымазал новоиспеченный "ствол". В день очередного допроса за Сергеем Александровичем пришли два контролера. Выходя из камеры, тот вдруг прыгнул в сторону, уволакивая за собой прапорщика, и выхватил "пистолет":

- На месте! Стой на месте! Буду стрелять!

Бандит размахивал "пистолетом", чтобы контролер не успел присмотреться и различить муляж. Замешательство конвоя длилось считанные минуты. Заложник, наученный итогами прошлой схватки, покорно стоял возле разгоряченного узника. По коридору уже спешила подмога. Наконец прапорщик-заложник засек странную конструкцию оружия и выбросил руку навстречу пистолету. Хлебный ствол отвалился, и красноречие Мадуева сразу же иссякло. Через минуту зека вновь заносили в камеру, ибо самостоятельно передвигаться он вновь не мог. Все эти проказы не мешали Червонцу активно помогать следствию. В многотомном деле появилась еще одна статья, но Червонец даже не стал читать обвинение. Он осунулся еще больше и мрачно заметил:

- Мне трудно, очень трудно. Я никогда не думал, что закончу жизнь именно так. Я буду пытаться бежать, я не хочу терять последнюю надежду. Ведь я тоже хочу жить.

В сентябре 1994 года один из контролеров СИЗО передал Мадуеву пистолет "ТТ" с глушителем и полной обоймой патронов. Это уже попахивало мистикой, но факт остался фактом. Поговаривают, что за Червонцем стояли влиятельные "внешние" структуры, которым требовался дерзкий Мадуев (прессой была запущена версия, что пистолет передал один из питерских авторитетов. За свое освобождение Червонец должен был убрать Сергея Мискарева по кличке Бройлер. У Мадуева, как он сам признался, выбора не было. Бройлер таки будет убит, но не Червонцем). У арестованного контролера имелась своя версия, которая открывала в удивительном узнике еще одну способность - гипнотическую:

- Помню лишь одно. В два часа ночи я заглянул в камеру Мадуева и увидел, как он на меня смотрит сквозь мутное стекло. Моим мозгам как бы отдали приказ: открыть дверь! В голове что-то переключилось и... Ничего не помню.

Червонец без колебаний сдал "вертухая" и рассказал о сделке с ним.

- Люди, которые мне помогали и помогают, ищут выгоду для себя, - сказал он под конец допроса. - А это не помощь, это купля-продажа. Ты - мне, я - тебе. Бескорыстно мне помог лишь один человек.

Охранять судебный процесс над Сергеем Мадуевым прибыла целая рота конвойных войск. В наружном оцеплении стояли кинологи с собаками и ряд автоматчиков. Каждого, кто переступал порог зала заседаний, старшина проверял ручным металлоискателем. Складывалось впечатление, что конвой охраняет Червонца от возможных покушений. Злые языки утверждают, что на четвертый день процесса кто-то пытался проникнуть в зал с пистолетом Макарова, спрятав его в видеокамеру. Десятки потерпевших рвались к клетке, где сидели затравленный Червонец и два его подельника. Если бы суд сохранил подсудимому жизнь, здесь началась бы бойня. Был пущен слух, что на Мадуева готовится покушение: его попытаются убить по дороге в здание суда или же обратно в СИЗО.

Но Червонец дожил до приговора, который читался три дня. Когда предоставили последнее слово, он просил подарить ему жизнь. Он говорил спокойно, без эмоций. Казалось, что последнее слово произносит машина. 10 июля 1995 года председатель суда Людмила Суханкина поставила в процессе последнюю точку. Сохранилась видеозапись этого процесса. Мадуев стоя встретил слова "... к исключительной мере наказания - расстрелу". Его лицо, взятое оператором крупным планом, едва заметно передернулось, глаза увлажнились. Червонец был по-прежнему скуп на эмоции. Он негромко бросил какую-то фразу (говорят, что "Спасибо всем вам. Удачи и счастья") и сел на скамью. Клетку мгновенно оцепили три автоматчика и здоровенный сержант с рацией. Адвокат быстро подошел к дверям клетки и что-то ободряюще произнес сквозь решетку. Мадуев неподвижно сидел, держа на коленях черный блокнот.

РАЗДЕЛ II
ИХ ПОМЕНЯЛИ МЕСТАМИ

Ночь перед Рождеством

Ранним утром шестого января 1994 года тяжелая дверь камеры наконец открылась, и на пороге вырос мрачный конвой:

- Сергеев, на выход.

С кровати поднялся молодой светловолосый парень в зеленой клетчатой рубашке. Он нерешительно топтался у тумбочки, пока прапорщик не гаркнул:

- Выходи с вещами!

Парень собрал туалетные принадлежности, остатки печенья, сменные носки и свитер, упаковал все это в сумку и двинулся к дверям. Перед тем как захлопнуть дверь, контролер пристально оглядел парня, сверил его довольную физиономию со снимками. Зек почесал коротко остриженный затылок и кивнул в сторону камеры:

- Можно хоть с корешом попрощаться?

В камере, повернувшись к грязной щербатой стене, мирно посапывал сокамерник. Прапорщик ругнулся и с шумом захлопнул дверь. Дежурный по корпусу остановил процессию, сверил сопроводительные документы и сонно воткнул свой взор в подбородок зека:

- Фамилия, имя, отчество.

- Мое?

- Свое я знаю.

- Сергеев Валентин Николаевич.

- Год рождения?

- Тысяча девятьсот шестьдесят восьмой.

- Место рождения?

- Витебск.

Щелкнул электронный замок, зек под присмотром двинулся к тюремным воротам. На контрольно-пропускном пункте состоялось еще одно блиц-интервью с дежурным. Последняя формальность. Наконец тяжелые ворота отошли в сторону, открывая путь к свободе. Вчерашний узник на дрожащих от волнения ногах вышел на улицу. Шаг его становился все быстрей и быстрей. Серый невский рассвет казался ему нереальным, а сегодняшнее утро - сном. Лишь когда "Кресты" с тяжелыми полутемными коридорами остались далеко позади, Олег Данилин, - а именно так звали двадцатитрехлетнего убийцу, - облегченно вздохнул и свернул в магазин. Он смочил пересохшее горло двумя стаканами томатного сока, купил сигарет и двинулся к автобусной остановке. Он

пытался себе представить, какой переполох начнется в "Крестах" спустя несколько часов, затем оставил свою скудную фантазию в покое. Утренний рейс мчал Данилина в Василеостровский район, где жил двоюродный брат.

Сокамерник Данилина, как вы уже вероятно догадались, по фамилии Сергеев проснулся, потянулся до хруста в пояснице и предался мечтам о рождественском вечере в объятиях друзей и подруг. Он парился здесь по незначительному делу и сегодня утром должен был покинуть тюрьму под подписку о невыезде. Адвокат ел свой хлеб не даром. Чего не скажешь о режимных сотрудниках, сонно сверявших кипу бумажек с метрикой, "фасом" и "профилем" Сергеева.

По злому капризу судьбы, убийца Данилин, получивший от областного суда пятнадцать лет усиленного режима и ожидавший в "Крестах" этапа, был такой же мордатый, стриженый и сероглазый, как и его сокамерник. Длительное общение, которое затянулось почти на месяц, даром не прошло. Данилин заочно познакомился не только с родными белорусскими местами собеседника, но и с подробностями его личной жизни. Все это пригодилось при освобождении из стражных мест.

Итак, Сергеев досмотрел сон, удивился пустой койке соседа и бодро зашагал по камере. В обед он стал волноваться и при очередной раздаче пищи пробасил в кормушку:

- С Рождеством Христовым, командир. Сколько мне еще тута куковать? Я уже дома должен быть.

И вдруг он с ужасом узнал, что этот паек предназначается Данилину, то есть как бы ему, но в то же время не ему. Смутное и грязное подозрение закралось в душу надутого соседом узника. Сергеев поставил миску на пол и что есть силы забарабанил кулаками по двери.

- Сергеев здесь, - завопил он страшным голосом, от которого задрожали даже стены. - Выпустите меня! Я не Данилин, я - Сергеев.

От волнения он перевернул миску с супом. Дверь открылась спустя полчаса, и его потащили по коридору. Подмена вскрылась быстро, и Сергееву засветил новый срок - за пособничество в побеге. Хотя на его лице читалось что угодно, но только не преднамеренная помощь убийце Данилину. После допросов и проверок Сергеева таки выпустили из тюрьмы, хотя и на следующий день. По следу его сокамерника пустились оперативно-розыскные группы. Одна из них прибыла к брату Данилина. В то время, как озлобленный конвой поднимался лестничными маршами, беглец трогательно дремал за кухонным столом. Он трапезничал уже вторые сутки, и пьянил его не только дух сдуру привалившей свободы. В углу кухни выстроилась батарея пустых бутылок. Идентифицировав мертвецки пьяного Данилина, которого не смогли привести в чувство даже армейские сапоги, конвой потащил его к автомобилю.

Беглец оклемался в той же камере тех же "Крестов". Он долго щупал голову, распухшую от водки, ударов и падений с небольшой высоты. В голове крутились обрывки мыслей и воспоминаний, которые никак не удавалось собрать воедино. В конце концов Данилин вспомнил тюремные ворота, расплывчатое лицо дежурного офицера на КПП, попойку у брата. Но все это казалось сном. Узник недоверчиво ощупал холодные стены, привинченный столик и вновь стал продираться сквозь обрывки мыслей. В конце концов он решил, что все последние события - не более чем сон, и успокоился. Телесный недуг он списал на драку с сокамерником, которого, видимо, потащили в карцер, В голове крутилась дурацкая фраза: "Упал, ударился головой, потерял сознание..." Спустя два часа Данилину вновь пришлось удивиться: ему предъявили обвинение в побеге из-под стражи. Для его свинцовой головы это было слишком...

Они умирали при вскрытии

Побеги, где беглец выбирает самый бескровный и легкий для себя путь, используя чужие документы, уже давно стали классикой. По прибытии зека в следственный изолятор тюремный фотограф увековечивает его "фас" и "профиль". Снимки входят в тюремное дело и служат основным отличительным признаком, чтобы вместо вора Иванова по этапу не отправился убийца Петров. Идентифицировать зека могут и по отпечаткам пальцев (по мнению английского антропометролога Гальтона, вероятность совпадения отпечатка одного пальца с отпечатком другого выражается отношением 1:4. Если же у одного лица снять узоры всех десяти пальцев, вероятность совпадения с отпечатками другого будет равна 1:64.000.000.000. Численность населения земного шара исключает даже однократное совпадение всех десяти отпечатков. Все свои наблюдения и расчеты Гальтон включил в книгу "Отпечатки пальцев", которая увидела свет еще в 1892 году),

однако в большинстве случаев администрация тюрьмы не утруждает себя этой морокой, ограничиваясь внешним сходством и контрольными вопросами.

Да и то, чтобы отличать стриженых новобранцев по фотографиям, от "вертухая" требовались некоторые усилия. Коридорное освещение и хроническая озабоченность контролеров - лучшие друзья тюремной авантюры. Чаще всего подмена проходила на пересылках. Через транзитные тюрьмы круглосуточно циркулирует поток зеков, ожидающих этапа в самые различные уголки России. В книге "Антология заказного убийства" я подробно описал побег вора по кличке Бурлак из Котласской пересылки. Бурлак выиграл столь немаловажную услугу своего "двойника" в карты. Тюрьма Котласа знает много подобных побегов. Беглецу не приходилось брать на абордаж бетонные стены или нырять в сточные коммуникации. Опытный зек, зачастую рецидивист, высматривал подходящего новичка, осужденного на два-три года (скажем, за драку) и заключал с ним сделку. Старый вор вкрадчиво доказывал, что зеку за эту аферу грозит лишь пара суток карцера. За его молчание при отборе на этап предлагались деньги, теплые вещи, продукты. Пронумерованная осточертевшая армия зеков казалась надзирателям на одно лицо. Кроме этого, небольшой хабар мог "нагнать усталость" или "усилить сонливость" охраны.

Транзитные тюрьмы всегда переполнены. Случалось, "вертухаи" не могли закрыть дверь камеры и трудились сапогами, чтобы подвинуть выпиравших из дверного проема зеков. "Напряженней и откровенней многих была Котласская пересылка, - вспоминал Александр Солженицын. - Напряженней потолку, что она открывала путь на весь Европейский русский северо-восток, откровенней потому, что это было уже глубоко в Архипелаге и не перед кем хорониться. Это просто был участок земли, разделенный заборами на клетки, и клетки все заперты. Хотя здесь уже густо селили мужиков в 1930, однако и в 1938 далеко не все помещались в хлипких одноэтажных бараках из горбылька, крытых... брезентом. Под осенним мокрым снегом и в заморозки люди жили здесь просто против неба на земле. Правда, им не давали коченеть неподвижно, их все время считали, бодрили проверками (бывало там двадцать тысяч человек единовременно) или внезапными ночными обысками. Позже в этих клетках разбивали палатки, в иных возводили срубы - высотой в два этажа, но чтоб разумно удешевить строительство - междуэтажного перекрытия не клали, а сразу громоздили шестиэтажные нары с вертикальными стремянками по бортам, которыми доходяги и должны были карабкаться как матросы... В зиму 1944-45 года, когда все были под крышей, помещалось только семь с половиной тысяч, из них умирало в день - пятьдесят человек, и носилки, носившие в морг, не отдыхали никогда".

В конце 40-х годов один из котласских зеков, притворившись трупом, покинул камеру и на носилках был переправлен в тюремный морг, где он намеревался совершить побег. "Живой труп" выбрал день, когда тюремный врач слег с простудой и на каждый смертный случай посылал молоденького фельдшера, мотавшего в Котласе срок за хищение государственного имущества. Фельдшер не стал щупать в камерной суматохе пульс и поверил братве, клятвенно заверявшей, что "покойник" валяется в умершем состоянии уже сутки. Два санитара погрузили тело на носилки и потащили к моргу. Оставшись в одиночестве и оглядев холодные бледнолицые штабеля, беглец решил в этом мрачном месте не задерживаться. Он нашел грязный халат санитара и, надев его, направился к дверям. Но та оказалась закрытой. Невозможно было удрать и через окно. Пришлось ждать персонал. Когда дверь наконец открылась и вошли два санитара, зек прятался среди нар. Ему удалось незаметно покинуть морг. Он прошел сотню метров и, в конце концов, понял, что покинуть территорию тюрьмы не удастся. Спустя час несостоявшийся беглец выбросил халат и сдался охране. Отдубасив беспризорного зека, который уверял, что попал в морг по ошибке, так как долго провалялся в камере без сознания, "вертухаи" вновь запихнули узника в камеру. На этом его прогулка между бараками и завершилась.

Бывали случаи, когда притворщик добирался до морга не с целью побега, а с намерением отдохнуть от работы, пусть и в такой мрачной компании. Выходка могла закончиться трагически и походить на тот анекдот, где патологоанатом пишет в своем заключении: "Умер при вскрытии". В лучшем случае лжепокойник лежал в покое до следующего утра. Когда приходил врач и готовился распороть зека от горла до живота, обман выявлялся. Иногда в морг заходил "вертухаи" и бесцеремонно протыкал труп штыком. В более редких случаях разбивалась молотком голова. Ничего не было удивительного в том, что симулянт задерживался в морге намного дольше, чем планировал.

При подмене беглец покидает тюрьму или лагерь легально. Он с охотой проходит все формальности, расписывается в журналах и отбывает по чужому тюремному делу. Афера требовала

определенных правил, иначе вся затея могла с треском провалиться, и за попытку побега могли наградить прибавкой к сроку. Без внешнего сходства затевать хлопотную операцию считалось безумством. Хотя в 1959 году на Краснопресненской пересылке некто Працин решил поменяться с евреем Тоньцем. Как веснушчатый широколицый туляк смог уговорить худосочного Тоньца, который по спецнаряду должен был ехать на металлургический завод в качестве инженера-технолога, никто не знает. Подмена не удалась. Конвой, прибывший за Тоньцем персонально, сразу же учуял неладное. Грубая и как бы недорисованная физиономия Прашина слабо вязалась с формулами и чертежами для выплавки стали. Один из офицеров открыл папку с личным делом Тоньца и попросил назвать место своего рождения. Через несколько минут скуластый рецидивист корчился на полу под сапогами наблюдательного конвоя. Когда зек мог отвечать на вопросы лишь кивком головы, его отволокли в БУР (барак усиленного режима) и оставили там на две недели. Затем принялись за инженера-технолога. Тоньцу досталось меньше. Не потому, что бедный еврей уверял, что подмена состоялась во время его сна и без его участия, а, скорее, потому, что инженер еще был нужен черной металлургии. После беседы в кабинете оперчасти Тоньц мог смотреть на мир сквозь узкие прорези опухших век.

Для тюремных "рокировок" прежде всего требовалось внешнее сходство, то есть равноценная замена. Желательным фактором являлось сходство порядковых номеров на одежде.

Кроты

С особым вниманием и осторожностью оперативная часть отслеживает "кротов", т.е. тех, кто пытается выйти на свободу через подземный ход. Кумы могут мириться с карточными играми, летаргическим отдыхом авторитетов, неформальными отношениями в зоне. Однако на подготовку к побегу они закрыть глаза не могут. Оперчасть обязана пресекать побег в зародыше. Иначе она встретит кадровые перемещения. Любая работа со стукачами требует олимпийского хладнокровия. Однако профессиональные кроты - категория особая. Подкоп - дело коллективное, и, прежде чем воткнуть ложку или миску в землю, кроты вычисляют в камере или бараке стукача. Затем искусно дезинформируют его. Особая осторожность и предупредительность вызваны тем, что яму вырыть тяжелей, чем смастерить кошку или подкупить "вертухая". Один неосторожный шаг - и многодневный труд уйдет впустую.

В одиночку с серьезным подкопом не справиться. Зеку-одиночке можно прокусывать проход в "плетенке", прятаться в цистерне с нечистотами, закапываться с трубкой в уголь, выдавать себя за другого, пилить оконные прутья и тому подобное. Хроника побегов свидетельствует, что на подкоп идут минимум три человека, а максимум... В одной из бразильских тюрем через длинный тоннель, который готовился почти полгода, ушла без малого тысяча заключенных. Такое скопление граждан в специфической даже для Южной Америки одежде вызвало в окрестностях легкую панику. На помощь полиции были брошены армейские части. В считанные дни подавляющее большинство зеков вновь окунулось в тюремный быт.

13 января 1993 года утренний караул тюрьмы в грузинском городе Ксани был удивлен тишиной и спокойствием в камерах шестого поста. Оказалось, что все 154 зека этой ночью успешно покинули казенные стены. Они выломали решетку и малыми группами тихо выбрались во двор, где в укромном месте их ждал подземный канал, ведущий к городской водопроводной системе.

Спустя полгода подобная беда свалилась и на администрацию ленинско-кузнецкого ИТУ строгого режима. Двадцать три зека на четвереньках прошли двадцать пять метров под двухметровым пластом земли и оставили о себе лишь добрую память. Однако самым удивительным оказалось не это. Группой кротов руководил человек, начисто лишенный лагерного авторитета,
- насильник из Оренбурга Виктор Любинский, которого адвокаты едва спасли от расстрела. В начале 90-х Любинский изнасиловал и убил (а затем опять изнасиловал) пятнадцатилетнюю школьницу. В следственном изоляторе ему хотели ампутировать половой член, и только спешный перевод в другую камеру спас насильнику жизнь. Любинский получил пятнадцать лет и отбыл в ЛенинскКузнецкий, где ухитрился утаить последний факт своей биографии. Видимо, опасаясь разоблачения, за которым стоял в лучшем случае петушиный угол, он быстро сколотил группу единомышленников. Канал рыли самодельными совками, изготовленными в кровельном цехе. Мобильные розыскные отряды повязали половину беглецов в течение пяти суток. Многие из них даже не пытались лечь на дно. Одни прятались у матери, другие - у брата или сестры, третьи вообще

вернулись в свои семьи. Были и такие, кто пустился в массированный запой, встречая милицию могучим храпом. Оставшихся беглецов настигли уже в Сибири, куда они приехали на угнанных автомобилях. Самого Любинского брали в Новосибирске.

В первых числах июля 1995 года из ИТУ-18 (Казань) девять заключенных через десятиметровый подземный тоннель покинули режимное учреждение и на двух легковых автомобилях бесследно исчезли. На лаз, прорытый под периметром всех лагерных ограждений, прилетел посмотреть сам министр внутренних дел. Начальник оперчасти беспомощно развел руками: о "кротах" ни один из его стукачей не сообщил.

Все десять метров были прорыты столовыми ложками и с помощью целлофановых пакетов. Хотя этот нехитрый инструмент у многих вызовет улыбку, однако он имеет громкую славу. В 1976 году в ИТК усиленного режима под Павлоградом зеки всего тремя ложками прорыли двенадцать метров под "плетенкой" и "запреткой". Землю выносили в собственных робах и утрамбовывали в десятке метров от входа. Земляные работы длились почти месяц. Более серьезное применение столовых ложек наблюдалось в кишиневском СИЗО - старинном допре, из которого любил бегать Григорий Котовский. Семь подследственных расковыряли старую стену и вытащили кирпич. Дальше работа пошла веселей, В день вынималось всего по кирпичу, однако уже через три недели в стене зияла дыра, в которую мог пролезть самый толстый из сокамерников. Чтобы охрана, проводившая ежедневный шмон, не обнаружила плоды их трудовой активности, зеки каждый раз закладывали кирпичи обратно в стену и замазывали швы хлебным мякишем, выпачканным в пыли. Ночью зеки выбрались из камеры и полезли на крышу тюрьмы. В этот момент их заметил часовой на вышке и открыл огонь из автомата. Через минуту по беглецам стрелял чуть ли не весь тюремный караул.

Четверо храбрецов сразу же пошли на попятную и полезли обратно в свою камеру. Однако трое, которым грозили максимальные сроки наказания, рискнули и пошли на прорыв. Им удалось перемахнуть через заборы и скрыться в ночи. Как видим, столовая ложка - серьезный инструмент или, если хотите, оружие. Столовый прибор очень легко превратить в заточку. Тюремная практика знает множество случаев, когда заточенными о камерный пол ложками зеки чинили разборки и исполняли блатные приговоры.

Все девять зеков, сбежавших из казанской ИТУ-18, были пойманы. Трое из них продержались на свободе всего четыре дня. Остальных ловили в разных уголках республики и свозили к общему месту встречи. Последнего зека взяли на железнодорожном вокзале. Он стоял с наклеенной бородой, которую одолжил у знакомого кладовщика местного драмтеатра, около касс и интересовался движением поездов на Москву. При задержании зек уверенно работал под пенсионера и даже помахал какой-то грязной книжицей, которая издали смахивала на пенсионное удостоверение. Затем плюнул, отодрал бороду и попросил передать ее обратно в театр. Дабы не набавили еще годков пять за кражу коллективного имущества.

В 1991 году история великих побегов пополнилась очередным уникальным случаем. На этот раз благодаря исправительному учреждению ЮЖ-313/100 (Харьковская область, поселок Темновка). Среди всего изобилия фактов, легенд и мифов, которыми полна история побегов, темновский случай уникален. По крайней мере, аналогов ему на нынешний день не имеется. Речь вновь пойдет о "кротах".

Однажды Сергей Вашенко из второго отряда забрел в механическую мастерскую и в задумчивости остановился возле железного бака, в котором плескались остатки эмульсии. Это полуржавое творение вдруг навеяло такие странные мысли, что Вашенко не мог оставаться с ними наедине. На следующий день он уже шептался со своим корешом-одноотрядником Барсуковым.

- Заметут, как пить дать заметут, - волновался кореш, уже потирая руки. - Под баком, говоришь?

- Ну да. Я уже все прикинул. Метров тридцать. Не больше.

- Сколько?!

Ващенко испуганно огляделся и пошел умываться. К вечеру Барсуков стал более покладистым и даже обещал через нарядчика переоформить наряды в мастерскую. Через неделю оба зека действительно трудились в мехцехе. Рядом с ними на токарном станке упражнялся бывший горнорабочий очистного забоя Борис - Гутыря - упитанный, розовощекий добряк, осужденный за кражу шахтных детонаторов и пяти аммоналовых шашек. После некоторых колебаний было решено посвятить в смелый нестандартный план и его. Гутыря долго массировал квадратный подбородок, чмокал губами и наконец изрек:

- Полгода. Не меньше.

- Что полгода? - испугался впечатлительный Барсуков, видимо, думая, что дальше речь пойдет о тюремном карцере.

- Копать полгода. А то и больше.

Мнение бывшего шахтера-ударника оспаривать не стали. Так как конец срока у всех троих маячил в последних годах второго тысячелетия, полгода подземных работ никого не пугали. В тот же день ударили по рукам и приступили к разработке побега. План оказался настолько странным и замысловатым, что мог бы насторожить кого угодно. Но только не горнорабочего Гутырю.

- Толково придумано, - заметил он, рассматривая что-то в углу. - Особенно с вагонеткой. Если все будет тики-так - менты в жизнь не допрут. Доверьтесь мне. Приступаем на следующей неделе. А сейчас держитесь друг от дружки подальше. Встречаемся только здесь.

На следующей неделе зеки ковшом вычерпали остатки эмульсии в баке и автогеном вырезали дно. На двухстворчатой крышке бака сразу же поставили электрозамок, который открывался кнопкой на соседнем станке. Первым спустился в бак Вашенко. Он прикрыл над собой обе половинки и, страдая от все еще едкого запаха, начал копать короткой лопатой землю под баком и наполнять ведра у ног. Спустя пять минут он тихо постучал в крышку, глотнул свежего воздуха и подал ведра. Землю высыпали прямо в цехе, смешали с цементом и тщательно утрамбовали двухпудовой металлической чушкой. Через час в бак нырнул Барсуков. Зеки бодро таскали ведра в угол и ровным слоем покрывали пол мастерской. Под конец смены крышка закрылась за Гутырей

Яма под баком быстро углублялась, но вместе с тем рос уровень пола. Земля с цементом трамбовалась уже по всему цеху. Барсуков лично следил за равномерностью покрытия, с натугой ворочая чушкой. Спустя неделю лаз ушел в сторону контрольно-заградительных препятствий. Подземные работяги начинали быстро утомляться и задыхаться от пыли. Они возились в темноте как полуслепые кроты, тыкали черенком куда придется и наполняли ведра наощупь. Поработав так еще неделю, зеки занялись электрической проводкой. Ващенко и Барсуков стащили у электриков кабель, зарыли в пол и пустили под бак. Вскоре сырой трехметровый коридорчик освещался яркой лампой. Работа пошла бодрей. Вдохновленный Гутыря снял с нерабочего станка двигатель и за два дня сконструировал вентилятор, который мог бы откачивать по шлангу пыльный воздух из минизабоя. Новый механизм немедленно прошел подземную апробацию и вскоре стал еще одной гордостью Гутыри. И все же проблема со свежим воздухом осталась. "Кроты" не могли долго оставаться под землей даже в ярком свете и при урчащем вентиляторе. Но план побега предусматривал и этот нюанс.

От кислородного баллона, который предназначался для газосварки и который пылился в углу, зеки проложили узкий шланг. Через шланг под землю подавался кислород. Тоннель продолжал углубляться. Подземные работы уже стали напоминать своеобразную забаву. Изворотливые головы тужились над новыми "наворотами", без которых вполне могли бы обойтись. Бывший шахтный проходчик вдруг отказался таскать ведра из туннеля, а предложил смастерить ни много ни мало узкоколейку. Его товарищи покрутили пальцем у виска, однако вскоре, поглощенные новой необычной затеей, начали спускать в бак швеллера и арматуру. Гутыря обнаглел до того, что перетащил в тоннель сварочный аппарат. Он аккуратно уложил электрокабель вдоль стены, укрепил, как в старые добрые времена, стены и потолок и начал прокладывать рельсы.

Любопытно, что активное земледелие не отражалось на трудовых показателях. То ли зеки взятками закрывали наряды, то ли титаническими усилиями наверстывали план. За эти полгода, пока прокладывался лагерный "метрополитен", в механическую мастерскую множество раз заглядывали с обыском. Солдаты ворошили штабеля арматуры, худеющие с каждым месяцем, опрокидывали ящики с запасными деталями, перебирали инструмент и даже открывали крышку бака. Но тот был по прежнему пуст: опускаясь в тоннель, "крот" закрывал стальным листом дно бака, вбивая под ним специальные клинья. Во время очередного шмона обнаглевшие зеки даже не прекращали рыть туннель.

Из листов металла и уголков Гутыря сделал легкую удобную вагонетку, которую опустили на рельсы из швеллеров и арматуры. Груженная землей вагонетка с волнующим грохотом катилась к баку, где выгружалась теми же ведрами. Горячий Барсуков уже намеревался пристроить к баку лебедку, но трезвый Гутыря ехидно заметил:

- Давай уже лифт запустим. В три этажа. А?

Сырая земля выдавалась на-гора центнерами. За полгода уровень пола мастерской поднялся почти на полметра. Несмотря на то, что вытащенный грунт добросовестно втаптывался и ровнялся, на входе в цех пришлось выложить наклонный порог, чтобы странно распухший пол не бросался в

глаза. Почти каждую ночь "кроты" тайком выбирались из общежития, крались в мастерскую и продолжали рыть тоннель. Его стены и потолок уже были оббиты железными листами, через каждые пять метров со стены свисала лампа. На четвертом месяце лопата вдруг со звоном ударилась во что-то твердое. Это была труба, которая, по всей видимости, служила для стока дождевых вод в местное озеро. Гутыря, озаренный новой идеей, засуетился со сварочным аппаратом.

- Ты что задумал? - ужаснулся Ващенко. - На хрена тебе далась эта труба. Обойдем стороной, и все дела. Не режь, говорю! Затопит же все к чертовой матери.

Гутыря заговорщицки подмигнул и постучал по трубе. Затем дрелью просверлил маленькое отверстие. Пустая. Огненное жало автогена врезалось в металл и описало окружность. В стене тоннеля зияла дыра. Зеки, посвященные в новый замысел, протянули от пожарного крана из мастерской гофрированный хобот. Теперь землю бросали прямо в трубу, смывая ее мощной струей воды. Потоки грязи неслись куда-то в неведомую даль и, как оказалось, действительно стекали в местный поселковый пруд, где темновцы освежались под летним зноем.

Яркий ухоженный тоннель уже растянулся метров на семьдесят-восемьдесят. Было решено прорываться наверх - в поле, щедро заросшее колючими кустами и сорняком. Гутыря осторожно обрушивал земляные пласты и метр за метром поднимался вверх. Для удобства он вгонял в стену металлические скобы, поднимаясь все выше и выше. Зеки нервно возили землю и постоянно заглядывали в ствол тоннеля. Наконец Гутыря пробил лопатой последний метр и остановился. В небольшой щели виднелся дневной свет. Обрушь этот тонкий слой, и в шахтный ствол ворвется солнце. Он не стал пробивать тоннель до конца, оставив эту приятную процедуру на ближайшую ночь. Повеселевшие зеки выбрались через бак в осточертевшую мастерскую, выключили свет и подступились к своим сверлильным и шлифовальным станкам. Они чувствовали себя почти свободными и на братву посматривали с легким презрением. Ведь теперь они могли подарить свободу всей колонии, ибо через этот серьезный тоннель за каких-то полчаса могли выйти из лагеря все его обитатели - без малого полторы тысячи осужденных.

Особенно распирала гордость Барсукова. Это продолжалось до тех пор, пока надменному Барсукову ктото не съездил по физиономии. Завязалась драка, а через пять минут три прапорщика уже волокли бойцов в сторону штрафного изолятора. Водворенный на пятнадцать суток, Барсуков мог лишь фантазировать на тему побега. Он прекрасно знал, что его вчерашние партнеры по шахтному делу не станут ждать штрафника, а сегодня же уйдут через тоннель. Завтра по колонии объявят тревогу, и где-то к вечеру подземный ход таки обнаружат. За это время беглецы должны были успеть покинуть поселок.

Так и получилось. На утренней проверке Гутыря и Вашенко отсутствовали. Весь день лагерь держали на плацу на тридцатиградусной жаре. Солдаты хозяйничали в отрядах, переворачивая тумбочки, срывая постели, обыскивали туалетные комнаты. Перелопатили весь хозяйственный двор и наконец добрались до мехцеха. Несмотря на все усердие солдат, найти лаз не удалось. Беглецов искали даже в котлах лагерной бойлерной. Не имелось следов и на контрольной полосе. Исправно работал и рубеж сигнализации. Наконец по колонии пронеслось мрачное "Побег!". Солдаты высыпали из зоны и начали обыскивать окрестности. Через полчаса один из них радостно заорал:

- Провал! Товарищ капитан, здесь яма. Может, они там?

Начальник караула матерился вовсю. Он давно уже догадывался, что имеет дело с подкопом. Держа автоматы наготове, двое солдат спустились в яму и увидели длинный аккуратный тоннель, залитый ярким светом настенных гирлянд. Спустившийся вслед капитан заморгал и протер глаза. Однако это был не сон. Оббитый металлом коридор, уходящий куда-то вдаль, вглубь зоны, существовал. Конвой прошел по тоннелю вдоль рельсов. поднялся по лестнице к баку, сорвал дно и вылез в мастерской.

Из тоннеля вытащили все улики - швеллера, кабель, вагонетку и т.д. Затем вызвали из колхоза экскаватор. Тяжелый ковш врезался в землю и только спустя несколько часов докопался до подземного коридора, который лежал на шестиметровой глубине. Экскаватор разворотил металлическую обшивку и раскопал весь канал. К лагерю уже подтягивались три самосвала, груженные землей. Однако и их оказалось недостаточно. Пришлось сделать еще две ходки. Наконец громадная траншея была засыпана.

Пока длились восстановительные работы, милиция повсюду искала беглецов. Те уже давно разделились и уходили от погони каждый своим маршрутом. Гутырю засекли на втором месяце в Днепропетровской области. Бывший шахтер, а ныне специалист по тайным лагерным

коммуникациям мирно спал на сеновале у двоюродного брата в глухой деревушке. Его вытащили из сарая и поволокли через двор, разогнав стайку домашней птицы. Бориса Вашенко достали в России на фазенде одноклассника. Теперь пришло время торжествовать уже Барсукову, который честно оттянул двухнедельный срок в ШИЗО и избежал печальной участи. Он не получил три года за побег. Ему даже не вменялась попытка побега. Его бывшие кореша до сих пор считают, что вечно мнительный и пугливый Барсуков в последний момент струсил и попросту спровоцировал драку, чтобы переждать в ШИЗО лагерную заваруху.

Дежурный по ШИЗО медленно прошелся коридором. Из камер изолятора слышались крики и протяжные завывания. Это оперчасть снимала с беглых зеков показания.

План "Дельта"

Когда-то он состоял в кружке дельтапланеристов и даже успел выполнить первый разряд. Но это было так давно, что почти забылось и смахивало на сон. И все же они были - полеты во сне и наяву. Прошло двадцать шесть лет после того, как последний раз приземлился. Тогда он едва не сломал руку. Путешествия на дельтаплане весь саратовский кружок в шутку называл "План "Дельта"...

Саркисов заворочался на кровати, пытаясь вновь заснуть. Нет, это глупость. Полная ерунда. Он или свернет себе шею, или расшибет башку о забор. А если часовой шустрей окажется, то он опустится на землю уже в неживом состоянии. Третью ночь подряд осужденный за убийство Саркисов не мог заснуть. Перед глазами маячили обрезки фанеры, легкие вибрирующие крылья, труба кочегарки. Соблазн пересечь заградительные кордоны по воздуху оказался слишком велик, чтобы о нем не думать. "Почему я не должен об этом думать? - размышлял Саркисов. - Моя голова - что хочу, то и делаю".

Со следующего утра зек начал присматриваться к деревянным рейкам и обрывкам плотной материи, разбросанным на подсобном дворе. Делал он это бессознательно и сам пугался своей наблюдательности. Через неделю Саркисов уже активно обтачивал и подгонял сосновые рейки, из которых, как ни крути, получалась треугольная рама. Под конец работы рама вновь разбиралась на составные и пряталась в двухметровый обрезок трубы. В промышленном цехе, где шилась спецодежда, бывший воздухоплаватель принялся отстрачивать не только рукавицы и штаны. Из хлопчатобумажных кусков рождались скомканные крылья той же формы, что и фанерная рама. Когда трудовой день подходил к концу, Саркисов бережно сворачивал полотно в рулон, незаметно укладывал вдоль стены и присыпал мелкими клочками ткани. Однажды мастер наткнулся на бесхозный рулон, долго вертел и разворачивал, затем, пожав плечами, отдал на перекройку. Пришлось все начинать сначала.

На изготовление складной рамы и полотна ушло больше месяца. По большому счету зек мог смастерить все эти хитрые детали дней за пять, однако он решил избежать любых подозрений и трудился только украдкой. Подготовка к перелету окутывалась тайной. Когда сосед по швейной мастерской однажды засек темнозеленую холстину и вслух подивился ее странной форме, Саркисов на неделю прекратил свою индивидуальную трудовую деятельность. Когда тряпичные крылья были готовы, он спрятал их под одежду, плотно обмотав вокруг голого туловища. На выходе из промышленной зоны руки "вертухая" облапали слегка потолстевшего Саркисова, но, слава Богу, ничего подозрительного не нашли.

С предельной осторожностью зек начал крепить ткань к деревянной раме. Прежде всего он разодрал левую ладонь и побежал в санчасть. Врач залил рану йодом, наложил бинт и перевел Саркисова на три дня из швейного цеха на хозяйственный двор. Все три дня, улучив свободную минуту, тот спешил к трубе, вытаскивал рейки, что-то прибивал, клеил, прикручивал. Вскоре дельтаплан был готов. Он выглядел грубо и неказисто, однако Саркисов не собирался лететь на нем в Казань или Стокгольм. Для успешного побега хватило бы и сотни метров, чтобы в лунном свете пересечь все контрольные рубежи и шлепнуться где-то в кустарнике. Дельтаплан имел особые крепления: подобно вееру он раскладывался в считанные минуты. Подобная система сборки и креплений разрабатывалась почти неделю. Осторожный Саркисов уничтожил все чертежи и держал все размеры в голове.

Самой главной проблемой мог стать ветер. Беглец намеревался стартовать с верхушки двадцатиметровой трубы местной котельной. Несмотря на летний зной и безветрие, наверху могли быть воздушные порывы, мешающие собрать треугольную раму. В одну из ночей зек вышел на разведку. Он незаметно пересек ряд общежитий и добрался до здания котельной. До сентября

лагерная кочегарка вымерла. Зеки-кочегары ремонтировали котлы и чистили отопительную систему. Труба одиноко высилась среди одноэтажных построек подсобного двора. Саркисов подтащил к кирпичной трубе ящик, встал на него и, подпрыгнув, ухватился за первую скобу. Он бесшумно карабкался вверх, не оглядываясь и не останавливаясь. Скобы были грязные и колючие от ржавчины. Вновь заныла раненая рука. Достигнув края, Саркисов замер и осмотрелся. Внизу раскинулась колония, изрезанная лучами мощных прожекторов. Темные крыши трехэтажных корпусов лежали далеко в стороне. До ближайшей сторожевой вышки было не больше сотни метров, однако скучающему часовому труба была явно неинтересна. Он, зевая, поглядывал на запретную полосу, залитую ярким светом.

Верхушка трубы тонула во мраке, купаясь в легком июньском ветерке. Саркисов осмотрел грязные закопченные края. Каркас дельтаплана можно легко закрепить на верхней скобе и, слегка передвигаясь по кирпичной стенке, без труда разложить над ним треугольную раму с натянутым холстом. Правда, был риск свалиться в горловину и пролететь все двадцать метров, заработав разрыв сердца еще в полете. Внизу едва угадывалась первая скрытая заградительная полоса - свитые мотки колючей проволоки, перепрыгнуть которые мог лишь шестовик. Чуть дальше тянулись полоса сигнализации и запретная зона с добросовестно разрыхленным грунтом. Последней преградой оставался трехметровый бетонный забор. Весь воздушный маневр занял бы считанные минуты. Саркисов решил приземлиться как можно дальше. Если повезет и хитрая машина не развалится, беглец может пролететь пару километров и шлепнуться среди озера. Ни одна в мире собака не сможет взять его след.

Довольный своими наблюдениями Саркисов поплевал на руки и спустился вниз. Так же незаметно он пробрался в свой отряд и плюхнулся в постель. Он подрагивал от возбуждения и был готов хоть сейчас отправиться в полет. Однако спустя час-другой начнет светать. План "Дельта" пришлось отложить на завтрашнюю ночь, которая обещала быть такой же тихой и безветренной. Моделист-конструктор сомкнул веки, собираясь хоть немного поспать перед подъемом. Внезапно на его плечо легла чья-то рука. Саркисов вздрогнул. Перед ним склонилась знакомая усатая голова, принадлежащая осужденному Хмаре. В полумраке виднелась лукавая улыбка.

- Цэ ты ловко придумав, - заговорщически зашептала голова.

- Что? - холодея, выдавил Саркисов. Его лицо передернулось.

- Та политаты на отий чортовий штуковыни. Шо в трубе заховав.

Саркисов проклинал в душе пронырливого хохла, из-за которого в лучшем случае срывался побег, а в худшем... В худшем он схлопочет еще пару лет за подготовку к побегу. Достаточно Хмаре лишь погонять чаи с кумом. Хохол явно не был стукачом, иначе Саркисова уже давно бы скрутили и вместе с тряпично-фанерным детищем потащили бы в оперчасть. Еще оставалась маленькая надежда. Саркисов решился:

- Что ты хочешь? Денег у меня нет. Можешь выгрести всю мою тумбочку. Пугающая улыбка на лице Хмары не исчезала. Хохол наклонился к самому уху Саркисова и, обдавая того горячим дыханием, прошептал фразу, от которой поползли мурашки. Саркисов посмотрел на соседа так. как смотрит капитан корабля на внезапно свихнувшегося штурмана. На "приборной доске" Хмары, довольной и ухмыляющейся, читалась такая глубокая мысль, что Саркисов молчал.

- Ну так шо, бэрэш мэнэ с собой? - повторят зек из далекого прикарпатского села.

- Ты с ума сошел, Хмара. Я боюсь, что и один могу разбиться.

- Будэмо удвох боятыся.

- Да нас планер не выдержит. Ты глянь на свою раскормленную салом репу.

Хмара радостно похлопал себя на брюху:

- Цэ точно. Сало я люблю.

- Нет, Хмара. Я с тобой не полечу. Я не самоубийца. И вообще: я ничего не знаю, не видел и не делал.

- Цэ ты оперу скажешь. А вин такый дурный, шо повирыть. Я иду спаты. Бувай здоров.

Хмара сделал вид, будто собрался уходить. Саркисов схватил его за руку. Его воспаленный изворотливый мозг торопливо тасовал варианты. До подъема Саркисов вряд ли успеет уничтожить разборной планер, тем более что на пыльных скобах остались его следы. Мастер без труда вспомнит странный рулон в мастерской. Впрочем, оперчасти может хватить и показаний Хмары. Саркисов решился. Будь что будет. Дельтаплан скроен добротно и должен выдержать двоих. Полет будет намного короче и, скорее всего, завершится в десятке метров от бетонного забора. Но выбирать уже

не приходилось. Саркисов попытался схитрить: согласился на совместный полет, но заметил, что планер требует последней доработки и будет готов лишь послезавтра. Хитрого хохла провести не удалось. Хмара, вероятно, уже давно следил за Саркисовым. Итак, долгожданный перелет назначили на завтрашнюю ночь.

На поверке Хмара не спускал с Саркисова глаз. Они лупили перловку за одним столом, при этом хохол с самым серьезным видом сверлил будущего спутника глазами и подмигивал. Вскоре лагерный конструктор перестал замечать тупую физиономию и переключился на ночной полет. Все продумывалось до мелочей, мозг прокручивают каждый шаг, пробежку, прыжок. Участие Хмары усложняло акцию, но... Саркисов в который уже раз чертыхнулся. Во время очередного перекура возле мастерской он непринужденно подошел к хохлу и, глядя в сторону, тихо сказал:

- Говорю в последний раз. Давай откажемся. Мы оба попадемся или погибнем. Лети сам. Ты знаешь, где труба и где планер. Я покажу, как он собирается.

Хмара прикурил, затянулся и поглядел в небо. Глаза его сузились. Секунду помолчав, он прошептал:

- Ты хытрый. Я подемуся на трубу, а ты стукнэш солдатику. Хмару встрэлять, а тоби - досрочку. Нэма дурных. И я одын боюсь.

- Ты сам себя перехитришь. Ты...

Хохол уже не слышал. Он докурил и пошел в цех. Если бы взгляд Саркисова мог испепелять, от Хмары сейчас бы осталась лишь кучка пепла. Плюнув в сторону уходящего зека, Саркисов в самом скверном настроении поплелся к осточертевшим станкам и тряпкам. Его внезапно охватил страх: из-за глупого, но наблюдательного соседа по отряду он рисковал не столько судьбой, сколько жизнью. Однако выхода не было.

После команды "отбой" зеки разбрелись по кроватям. Блатные в углу замутили чай и до полночи резались в карты. За это время в отряд дважды наведывался дежурный. Завидев офицера, "козел" у входа ронял миску, и урки мгновенно бухались на койки с сонным выражением лица. К часу ночи они угомонились и заснули. Беглецы по одному выбрались из общежития и, прячась в тени стен, обогнули два корпуса. Пригибаясь и надолго припадая ко всем попутным предметам, они добрались до хоздвора и перелезли забор. Двигались молча. Хохол лишь сопел и тихо покрякивал. Вот и труба под стеной инструментального склада. Саркисов нащупают знакомые бруски и рейки. Он вытащил их на свежий воздух, обвязал веревкой и забросил за спину. Весь планер весил не больше десяти килограммов. Так же тихо и незаметно зеки прошлись вдоль забора. Вскоре в свете бледной луны показалось здание котельной. Пробежав последнюю сотню метров, они замерли у трубы. Постояли без единого шороха минут пять. Затем Саркисов тихо сказал:

- Ну, с Богом, Хмара. Если разобьемся, я тебя, падла, в аду на заточку надену.

Началось восхождение на вершину. Саркисов, сразу потяжелевший на десяток килограммов, слышал внизу противное сопение. Сейчас он ненавидел Хмару больше, чем милицию. На последних метрах хохол начал сдавать. Он тихо хрипел и отплевывался. Наконец Саркисов достиг края. Внизу на вышке привычно грустил часовой. Зеку показалось, что он копается в носу. Под ногами заерзал Хмара:

- Шо ты там застряв? Ссышь, чи шо?

- Закрой хайло, - зашипел Саркисов. - Давай договоримся. Ты молча делаешь то, что я скажу. Иначе я тебя просто сброшу головой вниз. Понял?

Хохол обиженно затих. Он оглядывался по сторонам и со страхом смотрел вниз. Его кисти на скобах побелели и от напряжения мелко дрожали. Хмара топтался на скобе и пытался представить, чем сейчас занимается Саркисов. А тот уже закрепил на верхней скобе каркас с деревянной палкой для рук. Обвязав вокруг скобы конец веревки (другой конец зек обмотал вокруг себя на тот случай, если вдруг сорвется), Саркисов начал опасный маневр. Зек прополз по стенке трубы около метра и словно индеец из колчана достал из-за спины три длинные рейки. Он намертво вогнал первую в металлический паз каркаса, перехватил самодельными ремнями и продолжил путешествие по краю, но уже в обратную сторону. Вскоре была установлена и вторая рейка. Начиналась самая рискованная фаза операции. Обматерив на всякий случай Хмару, тосковавшего на ржавых скобах, и запретив тому двигаться, Саркисов пополз к противоположному краю трубы. Он старался не думать о высоте. Страховку пришлось отстегнуть.

Легкий ветер начинал трепать полотно. Чем дальше продвигался зек и чем дальше заносил последнюю рейку, тем сильнее вибрировал дельтаплан. "Только бы не сорвался, - думал Саркисов, закрепляя концы планера. - Впрочем, черт его знает, что лучше. Они с Хмарой..." Вспомнив о хохле,

дельтапланерист тихо застонал. Неустойчивая конструкция была почти готова. Зек вторично прополз по кирпичной окружности, проверяя крепление, и наконец вернулся к верхним скобам. Те уже были заняты сгорающим от страха и любопытства Хмарой. Согнав хохла вниз, Саркисов начал регулировать каркас. Все его движения были спокойны и точны. На сборку дельтаплана ушло не меньше часа. Хмара принялся тихо ругаться и нервно топтаться под ногами. Он проклинал всех на свете, однако вниз не слезал.

Всему приходит конец. Саркисов выдохнул: "Все!", вытер потный лоб и посмотрел на спутника. Его взгляд сейчас мог бы расплавить вольфрам, но только не Хмару. Над трубой трепетал темный планер, готовый сорваться и понестись над землей. Саркисов посмотрел в сторону вышки. "Вертухай" стоял лицом к трубе. Что-то горячее уперлось зеку в колено, потом в бедро и наконец в бок. Это продвигался наверх Хмара.

- Подвынься, - зашептал он.

- Я сейчас тебя в трубу кину, гнида! - со слезами в голосе выдушил Саркисов.

- А я крычать начну.

Наконец часовой повернулся к ним спиной. Время!

- Ты, морда хохлацкая! Поднимайся ко мне. Да осторожней, гад! Берись за палку, с краю берись. И запомни: ни единого звука. Что бы я ни делал, и как бы мы ни летели. Я не хочу из-за тебя подыхать. Если пикнешь - сброшу вниз. Поверь мне. Допер?

Хмара закивал и покрепче уцепился за палку. Он весь дрожал, колени ходили ходуном, зубы мелко стучали. Саркисов смутно подозревал, что полет ничем хорошим не завершится. Но отступать было поздно. Он перекрестился, отсоединил палку от скобы и, тихо скомандовав: "Толчок!", первым оттолкнулся от трубы. Планер бесшумно отделился. Давно забытые ощущения вновь заструились и запульсировали в груди Саркисова. Но они продолжались лишь первые секунды полета. Планер слишком резво пошел вниз. Хмара заскулил и сразу же получил в ухо. Первая заградполоса приближалась. Резко терял высоту и дельтаплан. До земли оставалось метров десять. Планер вдруг выровнялся, и зеки заликовали. В следующую секунду он вновь устремился вниз. Скрытый рубеж был пройден. Пять метров, четыре, три... Оставались проволочное заграждение и бетонный забор. Это был относительный успех. Если удастся незаметно пересечь стену колючки, они могут вскарабкаться и на бетонный забор. Саркисов предусматривал и такой исход. Сосновая треугольная рама легко превращалась в корявую невысокую лестницу. Приходилось уповать лишь на то, чтобы часовой подольше маячил спиной к этому участку запретки. Верхний ряд колючей проволоки прошел в десятке сантиметров от палки. За миг до этого Саркисов резко подбросил вытянутое в струну тело. Слава Богу, успе...

- А-а-а! - заорал Хмара. Он врезался ногами прямо в проволоку и, увлекаемый планером, протащился по всему верхнему ряду. Десятки острых стальных витков раскроили в клочья его брюки и разодрали кожу на бедрах и голени. Саркисов похолодел. Дельтаплан с треском бухнулся на землю. Хохол продолжал истошно орать, катаясь по взрыхленному грунту. В свете прожекторов он смотрел на свои окровавленные ноги, дергался и силился подняться. Часовой развернулся, секунду любовался странным зрелищем и дал первую очередь поверх голов. Хмара вдруг замер, посмотрел в сторону вышки, повернулся и увидел Саркисова. На глазах бывшего спортсмена-дельтапланериста стояли слезы. Ни слова не говоря, Саркисов стал лупить израненного хохла ногами. Глаза застилал туман, но сквозь него Хмара еще просматривался.

- Стоять! На землю! - кричал с вышки сержант.

Этого можно было и не говорить: Саркисов уже сидел на Хмаре и душил его обеими руками. Отчаянные вопли и хрипы заглушила вторая очередь. Пули легли в трех метрах от зеков. На стрельбу зеки уже не реагировали: первый из них был сосредоточен на горле своего спутника, а последний стремился немного подышать. Хмару спас караул. Пять солдат едва растащили заключенных. Саркисов истерично плакал и орал на всю зону:

- Сучье рыло! Лучше застрелите меня! Я знал! Знал!

Зеков волокли в штрафной изолятор. Хмара приседал и корчился от боли, что, однако, не мешало ему вопрошать:

- Вы нас по разным камерам? Якшо в одну - то я краще вмру отут.

Из служебного донесения в ГУИД МВД РСФСР:

"16 июля 1982 года в ИТК-29 усиленного режима осужденный Саркисов Марат Дмитриевич, 1943 года рождения, отбывающий срок наказания за умышленное убийство без отягчающих обстоятельств, и Хмара Григорий Емельянович, 1938 года рождения, отбывающий наказание за

кражу личного имущества, предприняли попытку побега из мест лишения свободы. Они попытались пересечь контрольные и заградительные препятствия с помощью устройства, которое напоминает планер. Осужденный Хмара Г. Е. получил легкие телесные повреждения, вызванные скольжением по верхней части проволочного заграждения, и был госпитализирован.

17 июля Саркисов, находясь в ШИЗО, разбил голову о стену камеры и был переведен в санчасть. Там он попытался задушить осужденного Хмару и был изолирован в ординаторской. Возбуждено уголовное дело".

Изворотливый арестантский ум рождал и рождает новые проекты. Соблазн покинуть зону по воздуху был слишком велик, чтобы оставить его не у дел. И все же удачных побегов почти не наблюдалось. Был случай, когда узник выбрался из американской тюрьмы на вертолете: в оговоренное время военный вертолет просто снял его с тюремной крыши и на веревочной лестнице унес в темноту. Акция оказалась настолько быстрой и неожиданной, что охрана растерялась. Пока шли запросы и подтверждения приказов (нештатная ситуация взяла свое), арестант - бывший офицер израильской разведки "Моссад" - уже прыгал на крыше, стремясь ухватиться за лестницу. Только когда вертолет начал удаляться и набирать высоту, раздались первые автоматные очереди. Несмотря на оригинальность проведения побега, следует заметить, что его успех целиком обязан внешнему вторжению.

К экзотике тюремно-лагерных побегов можно отнести случай на сибирском лесоповале в начале 50-х годов. Сейчас он больше похож на легенду. Спустя полвека трудно разобрать, где правда, а где вымысел. На каждую удивительную историю документов не напасешься. Итак, один из зеков смастерил из бензопилы (то ли "Дружба", то ли "Служба") мини-вертолет: он вырезал из толстой жести лопасти и насадил их на рабочую ось. Новшество имело лишь внешний успех, - При попытке взлететь бензопила со страшным ревом смогла поднять зека, который к тому времени резко сбросил вес до шестидесяти килограммов, лишь на два метра. Накренясь под сильным ветром, самопальный геликоптер отлетел в сугроб и едва не покалечил самого "летчика". Поговаривают, что охрана даже не стала расценивать этот казус как побег, настолько комичным и нелепым выглядел полет. Нельзя исключить, что именно этот случай лег в основу известного полуфантастического фильма, где главный герой с бензопилой в руках кружил над бараками и конвоем.

Достойное место в истории ГУЛАГа занимает полет на воздушном шаре. Его участники и очевидцы не сохранились, оставив лишь обрывки воспоминаний. На одном из Соловецких островов, еще во времена их робкого освоения, группа заключенных из пленок и клеенок сшила ни много ни мало - воздушный шар. Его планировали надуть газом, который был доставлен для бытовых нужд и хранился в хозбараке. Гондолой должен был служить легкий жестяной бак для отходов. Шар так и не улетел на материк. Его даже не успели наполнить газом. Зеки не смогли герметично закупорить дыры и заделать швы. К тому же шар оказался такой странной и неправильной формы, что смельчаков не нашлось. В конце концов этот клеенчатый мешок, задубевший на морозе, вновь разорвали на куски и закопали.

Но все это - экзотика, возможно, рожденная блатными мифотворцами. Чаще всего для тайных перелетов используются простейшие механизмы - веревки или канаты с крючьями на конце. Весной 1995 года в орловском учреждении ЮЕ-312 (Донецкая область) зек намеревался пересечь все рубежи на самодельном блочном устройстве. Его попытка едва не увенчалась успехом.

Когда второй отряд ИТК согласно расписанию отошел в царство Морфея, Олег Кунак вышел на прогулку. Ее он решил провести в одиночестве, дабы полностью отдаться глубоким раздумьям о несовершенстве мироздания. В частности, рубежа сигнализации, который маячил в вечерних сумерках по всему периметру колонии. Олег Витальевич перемахнул забор и оказался в промзоне. Он зашел в литейный цех и под грудой арматуры отыскал замысловатый предмет, который помог бы досрочно покинуть режимную обитель.

В тюремном деле Кунака упорно появлялась цифра "пять", которая преследовала его добрую половину жизни. Карающий меч Немезиды впервые наградил Олега Витальевича пятью годами в начале 80-х. За групповой разбой. Вторую пятилетку он получил уже в конце 80-х. И вновь по разбойной статье. Заинтригованный подобным совпадением Кунак слегка изменил свое амплуа и посетил одну из квартир в отсутствие ее хозяев. И вновь пришлось подивиться суеверному Олегу Витальевичу: статья иная, срок - тот же. Прибыв в горловскую ИТК, он решил вступить в поединок с собственным роком и досрочно завершить "пятилетку" за шесть месяцев.

Накануне побега Кунак уединился с токарем Бражником из соседнего отряда и попросил его за неделю изготовить блочное устройство с ручками и колесиком. Якобы для гимнастических

упражнений. Токарь долго пялился на Кунака, удивляясь такому трогательному вниманию к мышцам брюшного пресса, но соорудить спортивный снаряд пообещал. Кунак принялся плести веревку из ниток, которые шли для овощных сеток. Веревка была длинной: свыше тридцати метров. Ее конец Олег прикрутил к металлической "кошке" с приваренными крючьями. За два дня до времени "Ч" токарь сообщил, что заказ выполнен и оставлен у сверлильного станка. Вечером блоки оказались под штабелем арматуры, где уже ждала своего часа "кошка"...

Кунак лежал на крыше, обласканный лунным светом и мечтами. Он тщательно прикидывал расстояние до забора, который возвышался за рубежом сигнализации. Больше часа томился зек на просмоленной вершине компрессорной и слушал кашель часового на вышке. Чуткости Олега сейчас мог бы позавидовать даже счетчик Гейгера. Когда караул растаял в темноте, зек решился. Раскрутив "кошку", он изо всех сил метнул ее в сторону деревянного забора. "Кошка" пролетела над рубежом сигнализации и повисла на ограждении. Беглец натянул веревку, пробуя ее на прочность, затем привязал второй конец к металлической трубе. Путь к свободе лежал через двенадцать метров воздушной веревочной трассы, которая спускалась под небольшим уклоном и которую нужно пролететь на блочном устройстве.

Кунак установил колесо, обхватил алюминиевую трубку по бокам блока и пустился в воздушное путешествие. На него с пугающей быстротой понеслась полоса сигнализации. Веревка опасно провисла. Зек поджал ноги, но все же зацепился за проклятый рубеж. Высокий загорелый лоб Олега Витальевича вмиг покрылся испариной, притом холодной. Проклиная завоевания отечественной электроники. Кунак подлетел к маскировочному ограждению и всем телом врезался в него. Он с ужасом представил тот переполох, который начался после контакта с сигнальным рубежом. Олег завис на веревке, тихо корчился от боли и силился подтянуться. Из расцарапанного лба сочилась кровь. Когда раздалась автоматная очередь. Кунак еще висел на маскировочном ограждении. От неожиданности он сорвался на грешную землю. Третья очередь подняла пыльные фонтаны. Стреляли уже не в воздух, а на поражение. Тем не менее Кунак вновь пошел на штурм забора и не видел, как подбежали часовые караула. За спиной раздались три пистолетных выстрела, и зек торопливо попрощался с жизнью. Но начальник караула стрелял в воздух.

Домашний рецепт КГБ

Банды Трифона и Овчины делили Свердловск до 1992 года. В разгар кооперативного движения они шли рука об руку, ствол к стволу, но очень быстро их пути и пули разошлись. Трифон и Овчина стали врагами. Они начали терять своих бойцов после перестрелки в центре Свердловска. Тогда по автомобилю Овчины прошлась пулеметная очередь, которая самого хозяина не задела, но смертельно ранила случайного прохожего. В 1990 году к выстрелам и взрывам город еще не привык. Следствие приняло Управление КГБ по Свердловской области. К тому времени чекисты знали, что поднять руку на Андрея Овчинникова мог в Свердловске лишь Трифонов. Но тот бесследно исчез и вынырнул через пару месяцев где-то в Приморском крае.

Вскоре Овчина лишился своего первого помощника Зацепина. Его авторитет падал, терялся контроль над рынками и фирмами. Последовали ответные удары, ответные жертвы. Бандитскую войну остановило оперативно-боевое подразделение КГБ "Альфа". Овчинникова и Трифонова развели по разным следственным изоляторам. Рядовые бойцы обеих банд содержались в одной тюрьме и даже в одной камере. Там они сдружились и решили скрепить свою дружбу побегом. Им удалось подкупить сотрудника тюрьмы, который передал бандитам пистолет с полной обоймой. Подготовка к побегу была на мази. Но ряды единомышленников вдруг начали редеть. Прежний энтузиазм улетучивался на глазах. Судя по всему, бойцы понадеялись на элиту адвокатуры и старые связи. Когда пришло время "Ч", на "рывок" были согласны лишь четверо: двое из команды Трифона и столько же из группы Овчины.

Контролер открыл дверь, чтобы вывести одного из подследственных на допрос. В ту же секунду пуля вошла ему в грудь и отбросила к стене. Взяв двоих конвоиров под прицел, бандиты вышли из камеры и побежали в конец коридора, к дверям, которые вели вниз, в комнату для свиданий. Они ворвались в помещение и приказали всем встать к стене. В заложниках оказалось свыше двух десятков посетителей. Ранив дежурного офицера, один из бандитов связался по телефону с постом N 1:

- У нас двадцать три кандидата в покойники. Среди них женщины и дети. Если через пять минут начальник тюрьмы не свяжется с нами, мы начнем отстрел.

Вскоре здание изолятора оцепили ОМОН и рота внутренних войск. За стволами деревьев притаились снайперы. Все эти приготовления не ускользнули от террористов. Они истерически завопили, выпустили две пули по дверям и прокричали ультиматум:

- Короче, менты! Нам нужен автомобиль, миллион и водка. И пошустрей. Переговорами занялся подполковник КГБ. Он подошел к дверям, постучал и в приоткрывшуюся щель предложил:

- Автомобиль на подходе. Миллион нужно собрать. Жуйте пока водку, а там посмотрим. Выпустите половину заложников.

За дверями глухо пробасили матерщину, чья-то волосатая рука вынырнула в дверную щель, ухватила сумку с тремя белыми бутылками и исчезла.

- Смотри, мент, - предупредил тот же голос. - На бабах пробовать будем. Если отрава - споим всех. За твое здоровье.

Через полчаса дверь вновь открылась. На пороге стояла молодая женщина. Давясь слезами, она крикнула:

- Они хотят еще пять бутылок водки. И машину, и деньги. Дайте им все, что они просят. Они же ненормальные.

Ненормальные бандиты к тому времени осушили всю принесенную порцию спиртного и тосковали за картами. Один из них вдруг встал и направился к дверям, которые вели внутрь тюрьмы. "Дверь в коридоре проверю", - объяснил он. Как оказалось, хитрый бандит решил бежать в одиночку. Его нюх чуял запах смерти, витающий в комнате для свиданий. В коридоре этого запаха не было, и бандит заспешил к соседнему кабинету, окно которого вело во двор. Через час, когда начнется штурм, он чудом ускользнет из тюрьмы и будет пойман только через полгода...

- Водку давай! - гремело за дверями. - И про машину не забудьте. Деньги принесли?

Язык террористов слегка заплетался. Но только слегка. Во второй раз им подали пять бутылок водки, изготовленной чекистами по их фирменному рецепту. Водка была настояна на сильнодействующем снотворном, которое запаха и вкуса не оставляет. Женшина-заложница приняла сумку, и пирушка в комнате продолжилась. Только теперь на заложниках экономили и контрольную пробу снимать не заставляли. Через каждые пять минут офицер подходил к дверям, стучал и задавал какой-нибудь вопрос. Ответы были вялыми. Еще спустя пятнадцать минут из-за двери раздалось урчание и пара несвязных слов.

Начался штурм. Облаченные в бронежилеты и полусферы бойцы ОМОНа ворвались в комнату. Вооруженный пистолетом бандит внезапно открыл глаза, привстал с деревянной лавки и поднял оружие. В тот же миг он получил пулю в лоб и откинулся на лавке. Двое других - лишь в трусах и майках - посапывали на полу. Заложников быстро вывели на улицу. Сонных бандитов начали будить ногами. Пьяные зеки извивались под форменными ботинками и вяло защищались руками. Они пришли в себя только в камерах.

Донецк-Воронеж: хрен догонишь

Июньская ночь была им плохой союзницей. Луна разлила свет по совхозным полям, и лишь одинокие посадки хранили густой мрак. Они бежали молча. Крюков слышал сзади тяжелое хриплое дыхание, напоминавшее сдавленный кашель, но не оглядывался. Пот заливал глаза, промокшая майка липла к телу и неприятно жгла спину, ноги уже начинали дрожать и наливаться свинцом. Лесополоса закончилась. Впереди лежали донецкие просторы. Проселочная дорога петляла и терялась в темной перспективе, где начинались совхозные хаты. Крюков остановился и стал отхаркиваться. Чтобы унять резь в правом боку, он согнулся. Спустя несколько секунд рядом молча свалился Вадим. Тому было совсем худо.

Крюк сел на землю и прикинул расстояние до лагеря. По его подсчетам, этот марафон длился уже более часа. До рассвета оставалось часа два-три, еще столько же до утренней поверки. За это время нужно было сменить казенное тряпье и затеряться в городе. Впереди спал поселок, до которого оставалось совсем немного.

- Пошли, - прохрипел Крюков и с трудом встал на затекшие ноги. Его напарник не шелохнулся и продолжал лежать, уткнувшись лицом в сухую траву. Крюков медленно подошел к Вадиму и легонько пнул в ребра:

- Ты не сдох?

Вадим, цепляясь руками за ветки, поднялся, зашатался и сделал несколько шагов. Раздалось мычание, в котором едва угадывались элементы ненормативной лексики. Крюков подтолкнул приятеля между лопаток и сам перешел на медленный бег. Через две-три минуты он вновь вошел в прежний ритм и все чаше подгонял Вадима, плетущегося за спиной. Бежать по дороге было легче. Крюков уже потерял счет времени, но чувствовал, что до лагерного шмона они должны успеть.

Впереди послышался звук приближающегося автомобиля. "Ложись!" - крикнул он Вадиму. Тот стянул черную, пропитанную потом майку и, накрыв ею стриженую голову, растянулся среди дороги. В десятке метров за кустами притаился Крюков. Спустя несколько секунд стало ясно, что едет грузовик. Наконец свет фар выхватил из темноты лежащую фигуру, автомобиль сбавил скорость и нерешительно остановился. Водитель не стал выходить из кабины и лишь посигналил неизвестно кому. Пока шофер рассматривал находку и думал свою думу, Крюков подобрался к грузовику и рванул дверь кабины.

- Сидеть! - рявкнул он и так побелевшему от лунного света водителю. В горло жертвы уперлась нагретая сталь ножа. - Разворачивай тарантас. Сколько до города?

- Шесть километров.

Вадим забрался в кузов, Крюков остался в кабине. Грузовик развернулся и двинулся обратно в город. Шофер нервно косился на опасного спутника, поигрывающего финкой, и, наконец, спросил о своей участи. Ответ состоял из двух слов: "Захлопни пасть". В пригороде машина остановилась.

- Вытряхивайся, - приказал Крюков. Водитель оцепенел. Он не сводил глаз с блестящего ножа, которому сейчас, видимо, подкинут работу.

- Хлопцы, не режьте! - пролепетал он, спешно подыскивая слова. - Возьмите буксирный трос и привяжите меня к дереву. Оставьте живым. Ради моих детей,

Шофера вытолкнули из кабины. Беглецы проехали еще пару километров, затем бросили грузовик. В глухом переулке Крюк перемахнул чей-то забор и отгоняя отчаянно лающего пса, постучал в окно. В окне вспыхнула настольная лампа. Занавеску отдернули, и глухой голос сонно спросил:

- Чего надо?

- Тебя. Канада.

После короткой паузы хозяин слегка испуганным голосом произнес:

- Ты. Крюк?

- Я. Канада.

Дверь скрипнула и два темных силуэта скользнули внутрь. Альберт Гротман по кличке Канала суетливо распахнул дверь на кухню. Он не стал зажигать свет и загрохотал табуретами, подвигая их гостям. Вадим нашарил в полутьме на плите остывший чайник и припал к носику. Кухня наполнилась шумными глотками. Лицо Гротмана дернулось и повернулось к Крюку:

- Ты что, по звонку отбухал?

Крюков не ответил. Уткнув локти в колени и обхватив голову руками, он неподвижно сидел на табурете. Канада уже прекрасно понял, зачем к нему пришли, и явно нервничал:

- У меня нельзя хорониться. В прошлый вторник я наелся грязи за гашиш и сутки отсидел в нардоме. Вас здесь сцапают. Уходить надо до рассвета.

- Не хнычь, Канада, - оборвал Крюк. - Дай денег и одежду. Если сможешь, натяни провода по вопросу новых ксив.

Канада пошел в соседнюю комнату и вскоре вынес рубашки, брюки и носки. Вадим поворошил тряпье и спросил:

- А намудники?

Хозяин вернулся к гардеробу и достал трусы. Зеки начали дружно одеваться. Крюку рубаха оказалась тесной, и ему пришлось надеть футболку. К тому времени Канада уже стоял с деньгами и рассыпался в извинениях:

- Это все бобули. Нет больше. Менты все выкачали. Я на мели.

Крюк, не считая, сгреб деньги и воткнул в карман брюк.

- И последнее, Канада. Отвези на нас вокзал.

Вышли во двор. Загнав собаку, которая разрывалась от лая, в будку, Гротман открыл гараж и вывел "Жигули". В салоне Крюков криво улыбнулся:

- Если нам сегодня повезет, Канада, я тебе канистру бензина подарю. Гротман шутки не понял и лишь отмахнулся. Хотя имел все шансы получить эту канистру.

Из оперативной ориентировки:

"13 июня 1993 года из ИТК строгого режима ЮЖ24/3 путем проникновения в дренажную систему совершили побег:

Крюков Сергей Петрович, 1956 года рождения, трижды судимый за разбой, в 1983 году приговорен к 15 годам лишения свободы, уроженец Краматорска, женатый, имеет сына 8 лет. Рост 182 см, обладает крепким телосложением, владеет приемами рукопашного боя, может быть вооружен, при задержании всегда оказывал во-оружейное сопротивление;

Чебан Вадим Тимофеевич, 1965 года рождения, дважды судимый, в 1990 году приговорен к 7 годам лишения свободы, уроженец Воронежа, не женат. Рост 176 см, среднего телосложения, особая примета - отсутствие мизинца на левой руке ".

Впереди был Киев, затем Воронеж и, наконец, Тула, где жила давняя и еще одинокая пассия Чебана. После двух дней взаимных лобызаний Чебан стал глушить водку в удивительных количествах. Поначалу гостеприимная и нелюбопытная хозяйка составляла компанию, потом заскучала и даже закатила мертвецки пьяному Вадиму скандал. Крюк, который уже почти успокоился, вновь занервничал. Он отобрал у кореша все деньги, но тот принялся тайком выносить из квартиры мелкие вещи. Под конец он обвешал лицо подруги "фонарями". Когда за хозяйкой захлопнулась входная дверь, Крюков начал трясти Чебана:

- Валим отсюда. Спалит нас твоя баба.

Кореш угрюмо повел головой и громко икнул. Он едва держался на стуле. Крюк стал поливать его из чайника, однако это лишь усилило икоту. За окнами послышался звук подъехавшего автомобиля. У дома притормозил милицейский "УАЗ". Крюков мгновенно обулся, Вадим тупо глядел на пустые бутылки и искал по карманам сигарету. Он ничего не слышал и был занят важным делом: пытался зажечь спички, которые ломались. Крюков рванул к дверям и на пороге едва не врезался в двоих сержантов. За их спинами слышался показательный плач хозяйки.

- Который шумит? Этот? - милиционер, поигрывая резиновой палкой, подошел к Крюкову. Тот не двигался и глядел куда-то в сторону.

- И этот тоже. Приперлись неизвестно откуда, жрут мои харчи да еще и свинячат.

Второй сержант брезгливо ткнул палкой в пьяного Чебана. Тот уже успел задремать за столом, уткнув голову в колбасные объедки. Милиционер всем телом повернулся к Крюкову:

- Документы!

Удар был коротким, в пах. Страж порядка беззвучно осел на пол. Не давая опомниться второму, Крюков молнией ринулся к нему и ударил бутылкой по голове. Оттолкнув побелевшую хозяйку, он выскочил на лестничную клетку и побежал вниз. Стоп! Внизу водитель. Бандит круто развернулся и рванул на себя окно лестничного пролета. Рама поддалась с трудом. Протиснувшись в окно. Крюк выполз на козырек и, прикинув расстояние, прыгнул в траву. Полет со второго этажа завершился удачно...

Если бы кто-нибудь постоянно и в течение десяти лет наблюдал за Сергеем Крюковым в зоне ЮЖ-24/3, то мог бы подумать, что все это десятилетие зек готовился к "рывку". Он не рыл землю, не долбил стенку и не собирал компактный вертолет. Он лишь поддерживал спортивную форму. В былые времена любые физические упражнения расценивались как подготовка к побегу. Практически каждое утро и каждый вечер Крюк сотни раз отжимался от пола, деревянные лавочки использовал в качестве брусьев. В "промке" он нашел трубу-перекладину. В первые месяцы срока Сергея Петровича, плюющего на режим и правила распорядка, причислили к "отрицаловке". Тем не менее тот ухитрялся поддерживать форму даже в штрафном изоляторе. Мечта о досрочном освобождении была похоронена изначально. Когда до "звонка" оставалась пятилетка. Крюк решил бежать. Его сосед по отряду Чебан каким-то образом узнал план дренажных коммуникаций и уже отметил их уязвимые места. Оставалось слегка расшатать кирпичную кладку и спуститься в узкий колодец. По трубе в метр шириной беглецы выползли из зоны и добрались до участка сброса вод. Рискуя свалиться в отстойник, они вскарабкались наверх по откосу, к лунному свету. На всю эту операцию ушло почти два часа. В ночь на 13 июня осужденные Крюков и Чебан себя "амнистировали".

Все возвращается на круги своя. И блудные сыновья почти всегда возвращаются домой. Дом Крюкова был в Краматорске. Там же он надеялся получить и фальшивый паспорт. На Гротмана Крюков уже не рассчитывал. Интуиция подсказывала, что Канада потерян навсегда. Однажды он зашел в отделение связи и позвонил в Краматорск, к себе домой (хотя понятие дом для него уже давно утратило всякий смысл). Трубку взяла жена. Крюков открыл было рот, но ему вдруг почудился в трубке странный щелчок и едва уловимый перепад звукового тембра. Он быстро бросил трубку: на его домашнем телефоне висела "шайба".

Рано или поздно беглый узник решился бы вновь испытать дым отечества, где он оставил супругу и восьмилетнего сына. После любовной сцены в Туле, когда на легкомысленном партнере по побегу защелкнулись наручники, Сергею Петровичу принялись перекрывать кислород. Сначала взяли под контроль места возможного появления Сергея Крюкова. "Красные флажки", которых с каждой неделей становилось все больше, спровоцировали перемещение беглеца в Краматорск. Без денег и документов он мог бы протянуть в лучшем случае пару месяцев. Возвращение не было для него неизбежным, но, в конце концов, Сергей Петрович таки переоценил свою осторожность. В сентябре донецкая милиция уже действовала самостоятельно, без помощи российских коллег. По оперативным данным, секретная миссия Крюка в Краматорск была на подходе.

Готовясь к побегу, Крюков рассчитывал на старые связи, с которыми мог безболезненно прожить еще полвека. Но после десяти лет изоляции Крюк не узнал страну, поставленную с ног на голову. Почти всю старую гвардию вновь "расквартировали" по тюрьмам и колониям, некоторые нырнули в криминальные структуры, промышлявшие уже не в таком глубоком подполье. На нынешней уголовной арене он оказался в роли непризнанного актера.

Уголовный розыск принялся усиленно "отрабатывать" город. Велся негласный зондаж всех родственных, приятельских уз Сергея Крюкова. Круг сужался, и вскоре список потенциальных контактеров состоял лишь из нескольких лиц. Зек "засветился" в середине сентября. Время и лечит, и меняет. За три месяца напряженных скитаний колонистская стрижка отросла. Усы Крюков никогда не носил, но сейчас было не до принципов. В Краматорске бандит сделал ставку на человека, который не попал под "колпак" угрозыска. Им стал 67-летний Виктор Брунчак, в прошлом вор-рецидивист Брыня, а ныне - страдающий от артрита старик. Этот дед, о котором успели позабыть и розыск, и блатные, восемнадцать лет назад крепко помог Сереже Крюкову. Тогда начинающему бандиту стукнуло лишь девятнадцать, и уголовная жизнь для него только начиналась.

В 1975 году Крюков впервые угодил в камеру следственного изолятора. Едва за его спиной закрылась дверь, как с нар проворно встал плюгавый тип неопределенного возраста и вразвалку подошел к Сергею:

- Ку-ку вам с кисточкой. Прасковья Федоровна велела вам кланяться.

Крюк посмотрел на плюгавого сверху вниз и непонимающе хмыкнул. Откуда же ему, неискушенному блатными напевами, было знать, что Прасковья Федоровна не что иное, как параша, воняющая в углу. Это была обычная "прописка". Опытному уголовнику следовало бы ответить: "Я ссу стоя, а сру сидя". Юный Крюков не был таковым. Почувствовав новичка, "шестерка" присел на радостях:

- Ба-а, фраер недоеный. Летать любишь?

Желая прервать глупый разговор, Сергей попытался обойти плюгавого типа, но тот вдруг выкатил глаза, развел пошире пальцы и страшно зашипел:

- Ты куда, брус шпановый? Че буркалы пялишь? Я спрашиваю: летать лю...

Крюков закрыл рот плюгавого кулаком. Удар пришелся снизу в подбородок. Бесшумно описав полукруг, "шестерка" грохнулся на бетонный пол. В туже секунду с верхних нар спрыгнули сразу четыре человека. Двое из них были вооружены короткими заточенными стержнями. Крюк мгновенно отпрянул к двери и стал колотить в нее руками и ногами. За спиной послышался властный голос: "Назад!" Сергей зажмурил глаза, ожидая удара в спину... Дверь камеры наконец открылась. На Крюка вопросительно глядел прапорщик:

- Чего тебе?

Крюк обернулся. Камера мирно дремала на нарах. На матраце лежал даже плюгавый. Сергей слегка помялся, затем произнес:

- У меня жалоба.

- Ну.

- Здесь жарко.

Прапорщик обложил его матом и захлопнул дверь. Крюк в нерешительности топтался возле дверей, ожидая новой атаки блатарей. Из дальнего угла с верхнего яруса тот же голос, что минуту назад кричал "Назад", позвал Крюкова. Собрав всю волю в кулак, тот медленно двинулся в дальний угол. На нарах сидел, свесив босые ноги, уже пожилой зек. Все его тело было густо исписано тушью. Нетронутой оставались лишь голова и кисти рук. Это был пахан камеры рецидивист Брунчак. Пахан почесал ногу и спросил:

- Ты откуда?

- Из Краматорска.

- Земляк, значит. Вон твои нары.

Один из зеков молча слез со второго яруса, уступая место новичку.

...Подбираясь к дому Брыни, Крюк молился о том, чтобы этот ветхий дедушка был еще жив. Если Брыня уже отошел в лучший мир, последняя нить лопнет, и Сергею Петровичу останется лишь заказать себе погребальный фрак. Старый вор жил на пригородном отшибе, в частном доме, далеком от элементарных удобств. Полуразрушенные постройки во дворе покосились, на огороде отцветал сорняк, пустая собачья конура была перевернута вверх дном.

Брунчак едва волочил ноги. Гость осторожно пожал скрюченную артритом руку и вошел в дом. Отживший свое пахан молча слушал Крюка, затем проскрипел:

- Буснешь на халатон?

- Чего?

Старик вынул из буфета начатую бутылку водки и поставил на стол давно не мытые стаканы и плеснул до половины. Крюк отказался.

- А я выпью, - Брыня медленно осушил стакан, отрыгнул, опустился в кресло, закрыл глаза и тихо повторил, как бы засыпая: - Я выпью...

Клюев пожалел, что пришел сюда. Этот явно выживший из ума дед сам нуждался в помощи. Скоро он будет мочиться под себя, и некому будет носить за ним "утку". Сергей встал и тихо двинулся к дверям. Не открывая глаз, старик приказал:

- Сядь на место.

Крюков послушно сел. После небольшой паузы Брыня сказал:

- В соседней комнате открой в столе нижний ящик и возьми сколько тебе нужно,

Не веря своим ушам, Крюк подошел к треснувшему письменному столу и вытащил ящик. Под слоем писем и открыток лежали перехваченные резинкой пачки денег. Здесь были рубли, карбованцы, доллары. Он отсчитал всего понемногу. Потом задвинул нижний ящик, слегка поколебавшись, потянул на себя верхний. Там лежал пистолет "ТТ". Сергей молча глядел на оружие. Из гостиной послышалось:

- Можешь взять и его.

Он быстро задвинул ящик и переспросил:

- Кого его?

- Шпалер...

Уходить из Краматорска Сергеи Крюков решил через два дня. Сутки он мог пользоваться автомобилем "Иж-комби" с перебитыми номерами. Явных причин для беспокойства не было, однако смутное чувство, что его обложили и игра перешла в финальную часть, почему-то не исчезало. На сегодня была назначена последняя встреча: Крюку обещали липовый паспорт, который потянул на три тысячи баксов. Крюк остановил машину у посадки на пересечении улиц Орджоникидзе и Днепропетровской. Рядом проносился редкий транспорт.

Вчера уголовный розыск Краматорского ГОВД вышел на беглого зека. Из оперативных источников милиция узнала об этой встрече. Неизвестным оставалось самое главное: когда и где? В полдень стало известно о времени: семнадцать ноль-ноль. Розыск продолжал качать оперативную информацию. Возникли три приемлемые версии, одна из которых вскоре отпала. Спустя час оставалась лишь одна. И это была уже не версия.

Для встречи Крюков выбрал безлюдное место, что имело и плюсы, и минусы. В случае перестрелки снижался риск поражения случайных прохожих. Исключался и захват заложника. Проблема же состояла во внезапности атаки спецназа. Кто-то предложил убить зека снайперским выстрелом, но искушение взять Крюкова живым было сильней. К тому же требовалось стопроцентное опознание беглеца. Задержание поручили Донецкому отряду специального назначения

Группа захвата состояла из четырех бойцов. Пятым был сотрудник ИТК, который должен был опознать беглеца. Он расположился на переднем сиденье "Жигулей". Автомобиль со спецназовцами

остановился на обочине улицы Орджоникидзе, не доезжая до перекрестка. Краматорские розыскники "простреливали" на своих авто перекресток, определяя место встречи. Наконец в рации послышалось:

- Улица Днепропетровская, сорок метров от перекрестка, автомобиль "Иж-комби", номер 43-96...

Группа захвата начала приближаться к месту предстоящей схватки. В руках бойцов появились двадцатизарядные пистолеты Стечкина. Раздался сухой треск передергиваемых затворов. Крюков не отрываясь смотрел в зеркало заднего вида на пустую дорогу. Впереди по трассе неслись автомобили, не обращая на него ни малейшего внимания.

Сергей Петрович достал пистолет, передернул затвор и, уже не ставя его на предохранитель, положил в правый карман куртки. Затем открыл дверь, вышел из машины и подставил лицо легкому осеннему ветру. Солнце уже клонилось к горизонту. До встречи оставалось еще десять минут. Крюков закурил и принялся лениво рассматривать встречные машины. Беглый зек был давно лишен сентиментальности, однако, мысленно прощаясь с родными краями, почувствовал неприятный комок в горле.

Сзади послышался тихий визг тормозов, и бежевые "Жигули" остановились в двадцати шагах. В салоне сидело пятеро. Один из них (это был сотрудник колонии. знавший Крюкова в лицо и поспешивший допустить ошибку) нервно закричал из открытого окна:

- Крюков, сдавайся!

Бандит выстрелят навскидку, почти не целясь. Первая пуля легла в дверь автомобиля, вторая адресовалась бойцу, выскочившему из "Жигулей". Тот успел заметить направление ствола, смотрящего ему в лоб. Время слегка замедлилось, осознанность уступила место рефлексу. Боец уловил, как полыхнуло пламя, пуля раздробила предплечье, которым он прикрыл голову. От боли в глазах поплыли красные круги. Продолжая двигаться вперед, офицер перебросил пистолет в левую руку и выстрелил в Крюкова. Раненный в бедро зек бросился к толстому дереву, стоящему рядом, и при этом успел получить еще одну пулю - под лопатку. Его живучесть казалась невероятной. Укрывшись за дубом, он выстрелил еще трижды и в исступлении заменил обойму. Боли он не чувствовал. Чувствовал лишь злость. Злость на самого себя, гибнущего так дешево.

Четыре офицера бросились на землю, два из них сразу же принялись заползать с тыла. Пистолеты были переведены на автоматический режим, и началась "стрижка ушей": зеку не давали высунуться из-за дерева, от которого в разные стороны летели щепки. Тем не менее Крюков успел засечь обходной маневр, присел, быстро сделал шаг в сторону и дважды выстрелил. Пули ранили офицера в живот. Сжав зубы, тот начал переползать.

Бандит вогнал в рукоятку последнюю обойму. Сидя на корточках, он скорее почувствовал, чем увидел, как обходят уже с левой стороны. Продолжая палить в кусты, он стал медленно отходить. Пуля обожгла плечо. Он вскрикнул от боли. Затем беспокойно оглянулся. Крюк напоминал затравленного волка, превратившись в живую мишень. Это была уже не игра, и даже не игра со смертью. Любая игра предполагает равновесие сил. Ему до такой степени захотелось жить, что он вскочил и бросился к дороге. Сразу же обожгло бедро, и пули засвистели возле головы.

Раненый боец, прижав ладонь к бедру, бросился за Крюковым. Быстро бежать он не мог, впрочем, как и сам раненый зек. Дорога была уже близко, и бандит бросился к проезжей части, к стоящим на обочине "Жигулям". В правой руке он все еще сжимал пистолет. Водитель "Жигулей" не успел мгновенно тронуться с места, но успел надавить фиксатор на двери. Зек взревел, рванул на себя дверь - та не поддалась. Заработал двигатель, и авто ушло вперед. Пистолетная рукоятка врезалась в боковое стекло. Второй удар пришелся в металлическую раму.

Крюков не оглядывался, но чувствовал, что смерть где-то рядом. Он перебежал дорогу и, прихрамывая. заспешил к ближайшей автобусной остановке. Там находились люди, и он надеялся взять заложника.

Офицер чувствовал, как что-то теплое струилось у него между пальцами. Ноги немели и подгибались. Появилась досада. Бандиту оставалась до остановки сотня метров. И боец рискнул. Он резко остановился, перевел дыхание и начал целиться. Крюкова будто бы кто-то толкнул. Офицер пробежал еще пару шагов и встал на колено. Пуля вошла зеку в спину и задела легкое. Тот застонал от бессильной злости и вновь бросился вперед. Остановка была уже в полусотне метров. Выстрелы привлекли внимание. Прохожие - кто со страхом, кто с интересом - наблюдали за происходящим.

Наконец Крюков оглянулся и завыл. Дальнейший его кросс был бессмысленным. Сразу два бойца были в двадцати шагах от него. Сергей Петрович улыбнулся, если можно было назвать

улыбкой кривой перекос лица. Его побег близился к концу. Побег в преисподнюю. На большее он не рассчитывал...

Сразу две пули попали в зека: одна в ягодицу, другая - опять в спину. Зеленый газон качнулся в глазах. Крюков упал. Собрав последние силы, перевернулся на окровавленную спину и поднял "ТТ". Он улыбался. Последнюю пулю получил в сердце. На его лице так и застыла гримаса, напоминающая улыбку. Беглый зек Крюков отправлялся на тот свет в веселом настроении.

Нумерованные каналармейцы

Опознавательные знаки на форме заключенных имеют вековую историю. Во времена царской каторги ссыльным нашивался на спину знак в виде бубнового туза. Он служил для распознавания узников и затруднял побег. Этот четырехугольный лоскут имел свои требования. Прежде всего он отличался по цвету от самой одежды. На Сахалине туз поначалу был желтым (цвет забайкальских и амурских казаков), затем его стали делать черным. Кроме этого каторжанам, склонным к побегу, выбривалась половина головы. История сохранила и факты, когда на лбу пожизненного узника выжигались три буквы "КАТ" (каторжанин). Это можно расценивать как начало нательной символики в местах лишения свободы, своего рода предтечу татуировки. С годами магическое тавро утратило свою внутреннюю силу, к тузам и выбритым головам привыкли, а от знака на лбу отказались вовсе.

С развитием ГУЛАГа совершенствовалась и система учета зеков. Разрабатывались целые государственные программы по предотвращению побегов из мест лишения свободы. Эти изыскания, которые претендовали чуть ли не на отдельную науку, посвящались униформе, ежедневному пайку (чтобы боец трудового фронта думал не о таежных переходах, а о том, сможет ли он сегодня добрести до барака), заградительным и контрольным полосам и даже финансовому обращению между лагерями. В каждой зоне ГПУ были введены свои расчетные знаки, которые помогали лучшей изоляции этих лагерей. Едва человек - будь то зек, "вертухай" или даже сам начальник лагеря - преступал порог зоны, как у него изымались все советские деньги. Взамен выдавались расчетные квитанции, по которым и шел расчет за все товары и услуги внутри лагеря. Эта оригинальная мера препятствовала побегам и воспринималась на всех уровнях очень серьезно. За укрытие советских денег полагался расстрел (сотруднику лагеря - длительный срок). Но и к этой мере подходили избирательно. На Соловецких островах блатные авторитеты вовсю дулись в буру, рамс и стос на привычные им "хрусты", в то время как политзеков за такую дерзость ждала пуля. Охрана мирилась с подобной карточной ставкой и лишь изредка отбирала горку мятых бумажек, брошенных блатарями в банк. На Соловках уголовники имели особый статус: их размещали среди политзаключенных для "политического равновесия". Когда вору-рецидивисту удавался побег и его ловили (вне зоны с блатарями не церемонились и могли запросто пристрелить во время погони), то в его карманах нередко обнаруживали крупные денежные суммы, причем в полноценных рублях, а не квитанциях.

Расчетные квитанции печатались государственными типографиями на плотной бумаге и имели несколько знаков защиты, как правило, водяных. На соловецких бонах имелся даже герб Соловецких островов - слоник с буквой "У" на попоне. Этот ребус зеки разгадывали без труда: "СЛОН" - Соловецкие лагеря особого назначения, "У" - Управление. Такое денежное обращение в зонах ПТУ продолжалось долгие годы. Выпуски разных годов отличались подписями разных членов Коллегии ОГПУ - Г. Бокия, А. Когана, М. Бермана... Лагерные боны были отменены в начале 30-х годов, когда типографские мощности уже не могли угнаться за развитием тюремно-лагерной системы.

До 80-х годов каждый из заключенных имел свой порядковый номер, который он обязан был помнить в любое время суток и в любом состоянии. Видимо, решили перенять стройную систему регистрации, отлаженную в немецких концентрационных лагерях. Когда зек "отыграл на рояле" в оперчасти (то есть сдал свои отпечатки пальцев), ему присваивался номер, к примеру Г-357. Этот номер выводился мелом на темной дощечке, которую вешали на шею зека. В таком виде он представал в "фотоателье" оперчасти и фотографировался для тюремно-лагерного архива. Заключенному выдавались четыре белых полоски материи размером восемь на пятнадцать сантиметров. Эти тряпки он нашивал себе в места, обозначенные администрацией. Любопытно, что в системе Главного управления лагерей не было всероссийского стандарта. Номера могли крепиться

в разных местах на одежде, но в большинстве случаев - на левой стороне груди, на спине, на шапке и ноге (иногда на рукаве).

На ватниках в этих местах заблаговременно проводилась порча. В лагерных мастерских имелись портные, которые тем и занимались, что вырезали фабричную ткань в форме квадрата, обнажая ватную подкладку. Беглый зек не мог скрыть это клеймо и выдать себя за вольняшку. Бывало, что место под номер вытравливалось хлоркой. Служебная инструкция требовала окликать спецконтингент лишь по номерам, забывая фамилию или, того хуже, имя и отчество. Начальники отрядов часто сбивались, путались в трехзначных метках и порой переходили на фамилии. В помощь надзирателям на каждом спальном месте зека прибивалась табличка с номером и фамилией. "Вертухай" мог зайти в барак среди ночи и, обнаружив пустую койку ("чифирит гдето, падла"), просто записать номер, а не пускаться в расспросы.

В концентрационном ведомстве Генриха Гимлера узникам лагерей порядковый номер выкалывался на руке. Для этого в санпропускнике имелись татуировщики, как правило, с уголовным прошлым. Содрать пяти- или шестизначное клеймо можно было лишь с кожей. На одежде заключенных, помимо номера, нашивался символ национальности: русский - буква "К", поляк - "Р" и т.п. На полосатой спине штрафников или потенциальных беглецов крепился красный круг, который должен был помочь конвою в прицельной стрельбе. Если узник тайком отпарывал красную метку, его ждала печь местного крематория.

В конце 80-х годов с началом исправительно-трудовых реформ нумерация зеков отошла в прошлое. "N Г215" стал "осужденным Петренко", а "гражданин начальник" мог называться "Николай Алесаныч" или както в этом роде.

Тайное свойство гемоглобина

Эта любопытная история произошла в 1976 году в одной из ИТК Казахстана. О том, как зеки ухитрялись выбраться из камеры под видом трупа (почти по графу Монте-Кристо), я уже рассказывал. Дальше морга или зоны симулянту уйти не удавалось. Но в случае, приведенном ниже, беглец вырвался из зоны под видом тяжелобольного, готового в любую минуту закоченеть.

Ранним утром две тысячи зеков, окруженных солдатами-автоматчиками, двинулись в промышленную зону. Она располагалась в трех километрах от колонии и представляла собой громадное трехэтажное здание, которое к весне должно было называться ремонтно-механическим заводом. Успела ли братва к сроку - неизвестно, да и не столь важно.

В девять утра работа уже кипела вовсю: кран таскал блоки, сверху доносилась матерщина по поводу отсутствия цемента и неосторожного обращения с кирпичом, внизу мерно расхаживали бригадиры - синие от наколок рецидивисты в наутюженных брюках и без маек. К одному из них подошел молоденький лейтенант, прибывший в ИТК лишь три дня назад:

- Почему вы одеты не по форме?

Бригадир повел глазом в сторону офицерского погона и кратко, явно делая одолжение, выдавил:

- Так надо.

Спустя мгновенье он уже орал в толпу:

- На хера ты битый камень грузишь! Отваливай назад.

Лейтенант растерянно открыл рот, но похожий на иконостас зек уже отошел прочь. Новичок вопросительно взглянул на начальника конвоя, но тот лишь махнул рукой: не мешай, мол. Второй из бригадиров вдруг начал рвать чертежи и высказывать инженеру:

- Что ты начиркал, а? Ты потом здесь трубу не отведешь, мать твою. Дай сюда!

Блатарь отобрал у инженера лист бумаги, вынул из его кармана карандаш и начал что-то рисовать. Потом бросил:

- Давай на этаж три тонны цемента, понял?

Всю эту строительную потеху внезапно оборвали крики. Это упала балка перекрытия. Стальной швеллер и десятка три кирпичей сорвались с третьего этажа, сбив по пути одного из строителей. На крики и стон бросился офицер и двое солдат. Их взору открылась картина не для слабонервных. Грохнувшийся со второго этажа зек лежал так, будто бы рухнул позвоночником прямо на кучу кирпичей. Он, не мигая, смотрел вверх и, казалось, уже ни на что не реагировал. Раненый даже не стонал. Начальник конвоя с побелевшим лицом и дрожащей нижней губой еле слышно выжал:

- Врача.

Затем закричал:

- Есть тут врач?

Доктора, разумеется, не было. Поглазеть на ЧП пришли еще три солдата.

- По местам! - заорал на них капитан и приказал молоденькому лейтенанту разогнать всех любознательных. Через десять минут прибежала врач из санчасти и склонилась над телом. Зек впервые подал признак жизни, медленно скосив глаза. Живой! Жертвой оказался трижды судимый Тупайло, который лишь приступил к отбытию своего семилетнего срока за грабеж. Сорокалетняя женщина, которая даже не успела накинуть белый халат, взглянула вверх, туда, где еще недавно покоилась балка, и с ужасом перевела взор на груду кирпичей, на которой плашмя распростерся зек. Веки раненого затрепетали, он повернул голову, пытаясь чтото сказать. В следующую секунду из его приоткрытого рта потекла струйка крови. Женщина отпрянула. Офицер спросил:

- Что с ним?

- Может быть все, что угодно. Нельзя терять ни минуты. Срочно в машину.

Для госпитализации умирающего строителя выделили "РАФ". Укладкой тела на носилки руководил капитан. Загорелые блатные бригадиры вновь погнали зеков на стройработы. Когда передний край носилок приподнялся, чтобы войти в салон, изо рта зека вновь хлынула кровь.

- Осторожнее! - закричал впечатлительный лейтенант.

С горем пополам носилки запихнули в автомобиль. Рядом с жертвой присела врач, которой кто-то уже принес белый халат и саквояж. За руль сел сержант внутренней службы. В пути прыгающий на кочках Тупайло издал первый стон и широко открыл глаза. Затем забулькал и начал похрипывать. Врач сразу же приказала сбросить скорость, но зек не унимался. Наконец он беспомощно откинул голову и затих. Врач бросилась к саквояжу. В эту секунду Тупайло вскочил. В его руках блеснул нож и уперся в горло шофера. Движенье было настолько стремительным, что острие клинка глубоко царапнуло горло.

- Сидеть, падла вонючая! Заколю, как собаку.

Зек явно пошел на поправку. Его вид кроме ужаса вызвать уже ничего не мог. Окровавленное лицо, перекошенное злобной гримасой, изрыгало такие угрозы, что сержант даже боялся шелохнуться. От такой неожиданности врач едва не потеряла сознание. Она забилась в угол и дрожала всем телом. Ее руки продолжали судорожно перебирать пакеты и флаконы в открытом саквояже. Тупайло потребовал остановить машину, большим и указательным пальцами сдавил сержанту глазницы и, продолжая давить ножом, крикнул:

- Передай мне свой шпалер. Рыпнешься - подохнешь. И ты, сучка, тоже.

Сержант послушно и поспешно схватил автомат, лежавший на переднем сидении рядом с ним, и передал прикладом вперед. Оружие свалилось за спинку, на дно салона. Зек с размаху ударил шофера лбом об руль, затем схватил автомат и отпрянул назад. Рука передернула затвор. Врач затряслась и завопила. Не меняя положения, Тупайло открыл ногой дверь и, целясь сержанту в затылок, медленно выполз из салона.

- Выходите.

Никто не двинулся с места. Зек рванул дверь кабины и ударил бойца прикладом по лицу.

- Выходите!

Врач, готовая в любой миг рухнуть в обморок, покинула автомобиль. За ней влез сержант, держась за сломанную переносицу...

Тупайло задумал побег еще месяц назад, но блестящий план созрел лишь позавчера. Он не стал рисковать, продираясь сквозь проволочные заросли ИТК и нарываясь на пулю часового. Испытать свою судьбу зек решил на строительстве гражданских сооружений, где конвою можно было навязать свои правила игры. Когда кореш по кличке Репа шумно оторвал балку, Тупайло работал не на втором этаже, как заверяли охранников два каменщика, а внизу, в двух метрах от груды кирпичей, которую и выбирать-то не приходилось. Кирпичные обломки валялись сплошь и рядом. Комбинация оказалась сложнее, чем казалось вначале: перекрытие могло не рухнуть или же рухнуть не так, рядом мог оказаться невольный свидетель, который рано или поздно поделился бы своими наблюдениями с оперчастью, и, наконец, сам герой аварии должен был проявить потрясающую выдержку, с полчаса, а то и больше, валяясь перед врачами и циничными "вертухаями". Обдумывался и вариант, когда Тупайло имитировал падение с третьего этажа - безо всяких трюков и разрушений, но эта идея была слишком тривиальной. Требовался микрошок, шум и пыль, кровь и переломы.

За день до побега Тупайло добыл в мастерской пузырек красной акварели, которой в былые годы лагерный художник выводил плакаты типа: "Сам прочти, скажи другому: честный труд - дорога к дому". Смастерив из целлофановой обертки от сигаретной пачки небольшой пакетик, он наполнил его краской и заклеил сверху. Герметичный мешочек был пронесен в промышленную зону и хранился в укромном месте. После очередного перекура, который великодушно разрешил бригадир, Тупайло перемигнулся с Репой и не спеша направился к своему скромному творению, сыгравшему едва ли не главную роль. Выжидать пришлось довольно долго, создавая видимость энергичной работы. Тупайло то помешивал цемент, то помогал засыпать песок, то укладывал арматуру. Улучив момент, когда братва лениво двинулась на очередной перекур, он подал знак Репе, маячившему где-то под крышей. Еще секунда - и тяжелая балка с грохотом полетела вниз, цепляясь за стены и выступы. Едва она приземлилась в метре от кирпичей, как Тупайло, уже сжимая во рту пакетик с "кровью", рванул из своего укрытия и бросился навзничь на груду обломков. Пришлось слегка пожертвовать спиной и бросить тело на острые кирпичные края. В глазах сразу же потемнело, затем поплыли цветные круги. Мешочек во рту от секундной спазмы дал течь, и появился омерзительный привкус старой краски. Отступать было поздно.

Сжав зубы и чувствуя, что пакет вот-вот лопнет, зек лежал с приоткрытыми глазами и слушал отчаянный крик Репы. Кореш что-то кричал конвою, указывая то на крышу, то вниз. Рядом послышались голоса и замелькали лица. Несмотря на сильную боль в спине, зеку удалось расслабиться. Он отрешенно взирал вверх, пытаясь предугадать, когда же он начнет захлебываться краской. Он боялся переиграть и изрыгнуть столб "крови". Наконец среди обветренных ненавистных физиономий появилось женское лицо. Это была врач. Теперь Тупайло решил выпустить струйку краски, которой уже набился полный рот. Он попытался представить себя со стороны, но ничего не получилось. Теплая, нагретая небом и языком струйка побежала по щеке. Когда перетаскивали зека на носилки, он даже не стонал. На спине с удовольствием чувствовалось что-то липкое. Кровь на спине не могли не заметить. Это хорошо. Главное - достоверность, полная достоверность. Перед погрузкой в салон "пациент" позволил себе вновь смочить краской щеку и подбородок. Теперь кричал уже молоденький лейтенант, которого братва с первых же дней почему-то окрестила Гаврюшей.

...Тупайло смотрел на бледного сержанта и трясущегося врача. В его мозгу роилась вечная дилемма: стрелять или не стрелять. Наконец он приказал:

- Раздевайся. Да не ты, дура.

Сержант в нерешительности замер и продолжал сверлить зека глазами. Кровь из разбитого носа залила ему подбородок, и он тщетно пытался ее остановить.

- Рубаху не запачкай, гнида. Вытряхивайся до трусов.

Немного помешкав, боец начал снимать форму. Врач тактично отвернулась. Вскоре сержант стоял в одних трусах. Тупайло приказал ему отойти на два шага назад. Он забрал брюки и рубаху и скомандовал:

- Мордой в землю, быстро.

Ствол вновь угрожающе посмотрел на жертв, которые поспешно упали в придорожную пыль. Зек положил автомат на землю и стал быстро переодеваться. Внезапно его лицо перекосилось. Он отодрал майку от спины и подозвал врача. Женщина достала из саквояжа вату и флакон спирта. Очень осторожно, боясь причинить нервному зеку лишнюю боль, врач обработала раны. Тупайло стонал, корчился, но процедуру выдержал до конца. По его просьбе на кровоточащие раны был наложен пластырь. После этого жертва вновь опустилась на землю рядом с голым бойцом. Облачившись в форму сержанта внутренних войск, зек с радостью нашел в кармане пачку сигарет. Захлопнув заднюю дверь салона, он забрался в кабину и надел фуражку с красным околышем. Наконец врач и боец получили последнюю команду:

- Лежать и считать до тысячи. Иначе вернусь и заделаю начисто.

"РАФ" загудел и двинулся пыльной дорогой. Тупайло надеялся добраться до города, где бы он мог перехватить бензина. На долгое путешествие он не рассчитывал. Максимум через два часа на всех дорогах будут выставлены ВРП - временные розыскные посты, обойти которые по казахским степям очень сложно. Если удастся достичь Караганды и сесть на любой дальнобойный эшелон, это можно было расценить как небывалый фарт. А сейчас... Сейчас бензина хватит лишь на десять-двенадцать километров.

"Сержант" привстал, глянул в зеркало заднего вида и в ужасе отпрянул: на него глядела дикая, перепачканная кровью морда. Лишь теперь он почувствовал жжение засохшей краски. Тупайло

притормозил, нашел в саквояже знакомый флакон со спиртом и принялся отдирать и вытирать отвердевшие струпья. Очистив лицо, он в раздумье поглядел на спирт и опрокинул остатки жидкости в рот. Пересохшее горло запылало еще больше. Зек трижды шумно выдохнул, смахнул слезы и вновь сел за руль. Через десять минут показался пригород, замаячил пост ГАЙ. Не сбрасывая скорость, Тупайло снял автомат с предохранителя и уложил ствол на правое колено. Небрежно сдвинув фуражку на стриженый затылок, он напрягся и приготовился к самому худшему. Лицо пылало, во рту стоял противный привкус, голова слегка кружилась. И все же он уверенно вел "РАФ" с войсковыми номерами.

Потный старшина на посту, трудясь под степным зноем, лениво встретил автомобиль и слегка кивнул бойцу в форме сержанта. Второй инспектор пристально сверлил "РАФ" и, казалось, вот-вот взмахнет жезлом. Тупайло до боли в кистях сжал руль и натянуто улыбнулся инспектору. Дуэль глазами длилась секунды, зеку же почудилось, что прошли минуты. Автомобиль благополучно миновал пост и, провожаемый бдительным инспекторским оком, въехал в город. Под прикрытием формы можно было оставаться еще (или всего лишь) час-полтора. Зек решил не рваться автомобилем в Караганду, а сесть на товарный или пассажирский поезд здесь. Он припарковал "РАФ" в глухом дворе и вновь обследовал салон. Под сиденьем нашлась заношенная дорожная сумка, в которую лег автомат с отсоединенным прикладом. Из саквояжа появились упаковки анальгина, ампула с промедолом, шприц. Спина ныла и мучила при каждом движении. Тупайло без колебаний зарядил "баян" и впрыснул промедол. Через несколько минут боль утихла, но возникли тошнота и гул в голове. Он взял сумку и вышел из автомобиля. В пяти минутах ходьбы находилась железнодорожная станция.

Почти не скрываясь, Тупайло шел по дороге, опустив голову и не глядя на встречных прохожих. Торжествовать победу было рано, однако зек чувствовал некоторое облегчение. Возможно, сказалось действие наркотика. Он даже не подозревал, что жить ему осталось не более получаса...

Когда "РАФ" скрылся за воротами промышленной зоны, один из зеков, грузивших Тупайла на носилки, а затем и в салон, заметил странность. Кровавое вещество, которым раненый обильно испачкал его руки и которое он пытался смыть под краном, не сворачивалось. Оно липло, засыхало, но ничуть не темнело. Вскоре оно перестало напоминать кровь даже цветом. Своим открытием зек поделился с братвой, и спустя пять минут о "чудо-гемоглобине" знал начальник конвоя. Он лично осмотрел руки зека и даже понюхал. Казалось, еще секунда, и он снимет пробу языком. Капитан подозвал к себе одного из бригадиров - предводителя лагерного актива - и отошел с ним в сторону. Спокойной беседы не получилось. Офицер что-то зло бросал бригадиру, а тот морщился и отворачивался. Наконец зек отошел в сторону и быстро зашагал в глубь стройки. Еще спустя несколько минут выяснилось, кто работал под перекрытием и кто первым завопил о страшном ЧП. Прапорщик и сержант повели Репу к двухэтажному зданию, где помещалась администрация строительных работ. Следом шел начальник конвоя.

Репу затащили на второй этаж, в отдел транспортных перевозок. Капитан попросил служащих оставить его всего на пять минут. Он был уверен, что этого времени ему вполне хватит. Когда закрылась дверь, прапорщик ударил Репу в пах. Зек взвыл и затанцевал по кабинету. По кивку капитана сержант отстегнул с пояса наручники и заковал руки Репы. Капитан смахнул со стола чей-то ворох бумаг, освобождая место для осужденного. Репу уложили животом на стол и оголили спину. Прапорщик выдернул из электрочайника шнур, сложил вдвое и приготовился к экзекуции. Капитан рванул голову зека за подбородок и прошипел:

- Это побег?

Потеть прапорщику со шнуром не пришлось. Перепуганный Репа благополучно сдал кореша. Сообщение о побеге ушло начальнику полка конвойной службы. В считанные минуты были оповещены милицейские посты, армейские подразделения, созданы ВРП и выслан отряд по следу "РАФа". К тому времени врач и сержант уже брели обратно к зоне.

Из оперативной ориентировки:

"Из мест лишения свободы совершил побег Тупайло Виктор Владимирович, 1947 года рождения, уроженец города Котовск Тамбовской области, не женат, трижды судимый. Последний срок отбывал за грабеж. Может быть одет в форму сержанта внутренних войск, вооружен автоматом АК N 326791, при задержании способен оказать сопротивление. Рост - 175 сантиметров, среднее телосложение. Лицо овальное, глаза серые, слегка навыкате. Особые приметы - шрам над левой бровной дугой, татуировка на плече (череп с сигаретой в зубах)... "

Тупайло подходил к станции. В ста метрах слышались паровозные гудки и монотонный стук колес. Дорога упиралась в двухэтажное белое здание, за которым лежало железнодорожное полотно. Тупайло машинально - уже в третий или четвертый раз - обшарил карманы брюк и рубашки. Кроме сигарет в них ничего не было. Зек с напускным равнодушием постоял возле расписания и вышел на перрон, где спустя десять минут ожидалась электричка. Он стоял в тени дерева, с приоткрытой сумкой между ногами. Отсюда были хорошо видны весь перрон и подъездная дорога к станции. Ничего подозрительного Тупайло не заметил. Впервые за последний час он закурил. Свой маршрут ему представлялся туманно. Мозг как бы отдавал приказы: в поезде нужно добыть чью-то одежду, выпрыгнуть на ходу возле населенного пункта, где электричка не делает остановок. Дальше... Дальше будет видно.

Хриплый репродуктор объявил посадку. Перрон оживился, занервничал, кто-то зацепил его сумкой. Тупайло взял в руки сумку, но остался на месте. Он внимательно осматривал перрон. Внутреннее чувство, скорее напоминающее животный инстинкт, оголенная интуиция вдруг уловили опасность. Она бродила где-то рядом, но где? Нервы напряглись до предела, мгновенно выступил холодный пот, задрожали колени. Тупайло отбросил сигарету и быстро присел. Руки внешне лениво опустились в сумку и коснулись нагретого за день металла. В который уже раз бесшумно сработал предохранитель. В воспаленной голове пульсировал единственный вопрос: кто? Те два мужика, прощающиеся на перроне? Три солдата со скрещенными ракетами на петлицах? Веселая компания узкоглазых парней со спортивными сумками через плечо? А может, все разом?

Зек огляделся. Он не мог заметить в окне второго этажа винтовку СВД с едва мелькнувшим бликом оптического прицела. Перрон быстро пустел. Тупайло скорее интуитивно, чем осмысленно присоседился к двум пожилым женщинам и двинулся к поезду. Он нес сумку перед собой, правая рука лежала в сумке на курке. Он был готов стрелять через ткань. Первую женщину пропустил вперед, затем сам шагнул на подножку. Тупайло на миг вытащил руку, чтобы ухватиться за поручень. Спустя секунду раскаленная боль ворвалась под правую лопатку, бросила в сторону. Звон в ушах мгновенно забил женский визг. Зек приземлился на правую руку, но та предательски подогнулась, и он врезался подбородком в дверь вагона. Чья-то жесткая подошва уперлась ему в шею, едва не сломав кадык. Крючковатые пальцы вырвали сумку, и сверху раздался хриплый голос: "Лежать, сука!".

Он барахтался в тяжелой вязкой боли, тонул в ней, захлебываясь собственной кровью. Время остановилось, красные волны все накатывались и накатывались, но потерять сознание не удавалось. Принятый промедол отсрочил спасительный болевой шок, за которым начинался покой. Перед глазами замелькали зеленые одежды, кто-то закричал: "Машину на перрон!". Второй раз за день зека погрузили в салон, но теперь над ним нависли не теплые глаза врача, а гориллоподобные физиономии конвоя. Годами натасканные бойцы сковали его "браслетами", подложив под голову пропахший потом сапог.

"Звонок"

В жизни любого зека наступает момент, когда отсижено уже больше, чем предстоит отсидеть. Это, естественно, половина срока... В зависимости от общего срока зек начинает загодя готовиться к дню "звонка". В советское время большинству освобождающихся просто некуда было податься.

Существовал список населенных пунктов (столицы союзных республик, города-герои, погранзоны, портовые города и т.д. и т.п.), куда бывшему зеку путь-дорожка была заказана. Многие прописывались за так называемым "сто первым километром" или маялись по паспортным столам, исполкомам, приемным всяких "Президиумов" в тщетной надежде получить разрешение жить в родном доме с отцом и с матерью. Чем строже режим, тем больше было ограничений на прописку. А если у зека, независимо от режима, вообще не было родных, то жилплощадь его переходила в ведение государства и отдавалась нуждающимся - например, молодым специалистам Угро и ОБХСС.

Нынче все по-иному. Ограничения сняты, но затруднений для зека в вольной жизни меньше не стало. Вечно нуждавшиеся в рабсиле заводы стоят, а коммерческие структуры весьма неохотно берут на работу судимых. Если же берут охотно, то это просто подозрительно. Сергей Т., например,

отбывал срок (1,5 года) за хулиганство 25 лет назад. А при устройстве на работу в некую фирму - скрыл этот ужасный факт своей биографии. Отработал пятницу, а к понедельнику все вскрылось (благодаря бдительному кадровику
- бывшему комитетчику), и Сергей был с позором изгнан с престижного "поста" водителя персонального "джипа-чероки". А ведь он просто забыл об этой судимости - ведь не год назад освободился!

Чем ближе "звонок", тем медленнее сменяются дни. Время замедляет ход. Последний год длится как два предыдущих, а последняя неделя - как три месяца...

В ночь перед освобождением зек, уважая кентов и соседей по бараку, заварит несколько банок крепчайшего чифира и просто "купеческого" чайку. Это проводы. Путевый зек, конечно, выполнит обещания, данные братве: что-то передаст, кому-то позвонит. Но многого обещать не будет, это дело несерьезное... Когда кто-то, в возбуждении от предстоящего, кричит: "Братва! Выхожу за ворота - и в магазин! Обязательно переброшу - чай, сгущенку..." - то обязательно кто-нибудь вставит ехидно: "Каски-то надевать?" - "Зачем?" - "Чтоб банками не убило". Так что не надо давать непосильных обещаний: не исполнишь - помянут недобрым словом, а сядешь еще раз - припомнят и предъявят.

Освобождающийся часто идеализирует предстоящую жизнь. Это связано, конечно, с опьянением свободой, вольным воздухом. Многие с трудом вписываются вообще в жизнь, не говоря уже, в частности, о жизни семейной или трудовой. Чем больше срок, тем труднее адаптация. "Модель общества" (тюрьма и зона), в которой сколько-то лет существовал зек, растягивается в пространстве до размеров Общества в натуре. В зоне зек мог дотянуться до врага заточкой - в Обществе враг строит свои козни на огромном расстоянии. "Петухи" свободно гуляют по улицам, хватают за рукава прохожих, слово "козел" - в повсеместном обиходе. Все посылают друг друга на... и поминают нехорошим словом мать. Как жить в таком мире, где смещены все понятия, сняты запреты и пахнет беспределом? Многие попадают в безвыходное положение, оставляя, на выбор, два пути: назад, в тюрьму и зону - или к братве, "блюдущей принципы". Но и второй путь ведет в конце концов туда же.

Но не будем, подобно конвою, "нагонять жуть" на читателя. Кто был там
- тот этой жути не боится, а кто не был - пусть лучше вспомнит страницы повеселее...

Нынче во многих зонах всех режимов, в тюрьмах строятся и восстанавливаются храмы - в основном силами самих заключенных. Одним из первых тюремных священников (Бутырская тюрьма) был протоиерей Глеб (Каледа), ветеран войны, награжденный шестнадцатью орденами и медалями, а также - известный в прошлом ученый, профессор геологии. По словам А. Дворкина, "отца Глеба любили все: и охрана и заключенные. Нужно было видеть, как ждали обитатели камер его визита, как трепетно и с каким уважением относились к нему и как упрашивали его побыть с ними еще немножко". С 1991-го по 1994 год длился пастырский путь отца Глеба в Бутырской тюрьме. Он скончался 1 ноября 1994 года после тяжелой болезни. На отпевание собралась вся церковная Москва, друзья-геологи, бывшие зеки и работники тюрьмы.

Кто еще, кроме Церкви, может сказать слова утешения приговоренному к смерти, кто может примирить преступника с со всем миром сразу и благословить его последний путь, выслушав слова покаяния? Два разбойника были распяты слева и справа от Господа Христа. Проклинавший его слева стал обитателем ада; уверовавший справа - первым из людей вошел в рай вместе с самим Христом. Быть справа или слева - вот проблема выбора для любого из современных разбойников и мытарей, богатых юношей и блудниц, и тем более - для тех, кто уже находился в земном заточении, искупая вину перед земным законом.

Зеки строят храмы. Один из них запечатлен на фото; умилительная архитектура, фонтан с ангелочками; кому-то покажется чуть ли не пошлым, а на самом деле - пронизано искренней любовью и священным почтением к тому, что выше лагерных вышек, штрафных изоляторов, картежных разборок и каторжного труда.

Любимая татуировка 90% российских зеков - крест. Он накалывается на груди, на цепях и без цепей, на пальцы и запястья; он присутствует на символических соборах, украшающих спины бывалых "босяков". Скорее всего, крест как татуировка появился с началом безбожной пропаганды в 20-х годах нынешнего века, когда ретивые коммуночекисты трактовали "крест натуральный (на цепочке или тесьме)" как контрреволюционную пропаганду и срывали его с православных (пусть даже и преступивших закон!) иногда и вместе с головой. Наколотый крест сорвать было нельзя, но и

ответ за него, видимо, приходилось держать жестокий... Поэтому и стал он символом первой отрицаловки - жиганов, уркаганов, босяков, воров в законе.

По рассказам старых лагерников в сталинские времена почти без исключения было достойным поведение "религиозников" (так называл священнослужителей В. Шаламов). А их сидело - без счета. Выпускать стали лишь в годы войны...

Все равны перед Богом. Абсолютное неравенство надсмотрщика и заключенного - вне храма; в храме стоят и пупкари и зеки - перед одним иереем, одним Крестом, стоят - перед Единым Богом, пришедшим в этот мир, как мы знаем, не ради праведников, а ради грешников.

Св. апостол Павел говорит: "Ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники - Царства Божия не наследуют. И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего". (1 Кор. 6-10,II)

Даст Бог, омоемся и мы все... У нас же крест на груди - у кого на тесьме, у кого - на золотой цепи, у кого - вбитый под кожу стальной иглой.

КТО СИДИТ?

Некоторые типы. Одни...

В 1970 году Валерий 3., непутевый четырнадцатилетний подросток из южного города М, натянул на ноги хромовые офицерские сапоги, накинул на плечи черную ватную телогрейку, повязал на шею белый шелковый шарф из отцовского гардероба, нахлобучил на затылок кепку-восьмиклинку и отправился в путешествие на пригородном поезде по ближайшим населенным пунктам. Из-за голенища сапога выпирал до блеска наточенный армейский штык-нож, купленный у пьяного дембеля одной из воинских частей.

Путешествие оказалось коротким. В тамбуре пригородного поезда Валерий 3. "тормознул" прилично одетого сверстника и, приставив к солнечному сплетению жертвы штык-нож, затребовал всю наличность. Сверстник, разумеется, немедленно передал Валерию 3. имевшиеся у него на два кармана 67 копеек. Вернувшись в вагон, потерпевший подросток поведал о случившемся отцу и старшему брату - оперуполномоченному районной "уголовки". Валерий 3. был задержан немедленно и на ближайшей платформе передан наряду милиции.

Образцово-показательный процесс завершился выездным заседанием по месту учебы Валерия 3. - в актовом зале средней школы. Из тюрьмы (СИЗО) Валерия привезли, для устрашения, остриженного под "ноль", в брюках х/б 52-го размера, подвязанных веревкой, и в укороченном сером свитере из верблюжьей шерсти. В присутствии педагогов и учащихся с четвертого по десятый класс подсудимому было предоставлено последнее слово. Все чаяли условный приговор.

- Дорогие граждане судьи! - начал свою короткую речь Валерий, предварительно отерев со щеки воображаемую слезу. - А также - дорогие учителя, одноклассники и одноклассницы!.. Если у вас есть желание, то...

На этом месте Валерий сделал чуть ли не минутную паузу, во время которой несколько раз сентиментально шмыгнул носом, а затем неожиданно заорал дурным голосом:

- Дуньте мне в х... я хочу по залу полетать! - после чего потянулся расстегивать показательные холщовые штаны для демонстрации. Конвойные милиционеры быстро заломали подростка; он, в свою очередь, выкрикнул еще несколько оскорблений в адрес суда и педколлектива школы... После этого был объявлен приговор: шесть лет лишения свободы в воспитательно-трудовой колонии; именно на этот срок Валерий 3. погрузился в мутные и тревожные пучины исправительно-трудовой системы МВД СССР, став в городе М не менее легендарной личностью, чем, например, местный герой-подводник, потопивший в годы войны шесть фашистских кораблей.

Четыре месяца, проведенные Валерием 3. в следственном изоляторе, не прошли даром: шутка-легенда про дутье и полет по залу была реализована словесным образом легко и непринужденно, как и многие другие приколы тюремной жизни.

Валерий 3., проводивший большую часть детства и отрочества на городских пляжах в паре метров от взрослых загорелых тел, густо покрытых изображениями соборов, тигров, цепей и других символов трудной жизни, впитывал неокрепшими извилинами щемящие семиструнные "восьмерочки" и унылые запевы типа "загубили, суки, загубили", "ах, зона, зона - в три ряда колючка", "я сижу в "одиночке". Татуированные спины наконец стали посылать пацана за сигаретами,

передавать через него приглашения пляжным "манюням" и т.д. и т.п. У Валеры появился первый складной ножик, подаренный Васей Крюком; впоследствии ножик сменился вышеупомянутым штык-ножом, ставшим основным вещдоком дела N... по статье 146 ч. 2 УК. Жизнь Валерия
3. протянулась через суровый отбор ВТК; через четыре года он поднялся на "взросляк" (ИТК общего режима), где, кочуя из барака в ШИЗО (штрафной изолятор), а из ШИЗО в БУР (ПКТ - помещение камерного типа), "благополучно" дождался "звонка" (конца срока) - и вышел на волю под гласный надзор районных органов внутренних дел с запретом на посещение общественных мест типа: рестораны, вокзалы и т.п. От хронического недостатка жиров и белков тело его своеобразно задубело, либо под воздействием чифира потемнело, а спина обрела желанные рисунки, за которые Валерий 3. был готов дать ответ в любое время и кому угодно.

Свобода терпела его; Валерий не терпел надзор - и за нарушение оного был автоматически приговорен к 1,5 года лишения свободы в ИТК строгого режима. Томясь в ожидании этапа на зону, Валерий 3. позволил себе развлечься: во время вывода на прогулку запрыгнул на спину пупкарю (надзирателю), крепко обхватил его руками и ногами и истошно заорал: "Н-н-оо, козел! Поехали!.." Отскребали седока от спины перепуганного тюремщика спецбойцы СИЗО, и ушло на это не менее получаса... Снова ШИЗО (карцер): мокрые полы и стены, пониженное питание (ниже какого?). У одного из надзирателей ШИЗО была привычка поливать через раздаточное окошко ("кормушку") холодной водой из шланга проштрафившегося бедолагу. Валеру 3. поливали в день по нескольку раз; это обернулось для него хроническим нефритом и бронхиальной астмой, но, впрочем, нисколько не повлияло на общее настроение - смесь куража с веселым отчаянием и презрением к внешним раздражителям, каковыми являлись все, без исключения, тюремщики и их тюремная практика.

В зоне и в тюрьме Валерий 3. мужиком слыл "путевым", однако работать умел, но не хотел. Охотно мастерил какие-то шкатулочки, записные книжки, "отметаемые" генеральным шмоном (обыском), "шпилил" в азартные игры под небольшой интерес; свято чтил "каторжанскую веру"; проткнул бригадиру-беспредельщику горло гвоздем-соткой и, получив. добавочные шесть лет, отправился в другую зону - разматывать новый виток своей неудавшейся жизни. И жизнь эта закончилась в 1987 году через три месяца после окончания срока - на больничной койке с привязанным к туловищу резервуаром для мочи и с аляповатым, лагерной отливки крестом из технического серебра на тонкой шее.

Другой преступивший закон Валерий вырос в глухом селе Калининской области (Тверской ныне). Учился на "хорошо" и "отлично"; после окончания десятилетки поступил в Высшее мореходное, проблем с учебой не имел, побывал в ходе морпрактики в Канаде и в США, в Бразилии и Панаме. Закончил мореходку с "красным" дипломом, через пять лет уже ходил вторым помощником капитана сухогруза.

Деревенской сестре Валерия К. Зинаиде тоже привалило счастье: нашелся наконец жених - добрый молодец из райцентра с редкой специальностью библиотекаря...

Валерий К. получил радиограмму о свадьбе, будучи на погрузке в Гамбурге; через неделю сухогруз швартовался уже в Клайпеде, и Валерий, отоварившись подарками в "валютке", с туго набитым чемоданом прибыл в родную деревню.

...Свадьба пела и плясала; столы ломились более от спиртного, нежели от закуски. Уже начались и кончились три драки, никто серьезно не пострадал, обошлось без милиции в лице участкового Будякина, который, впрочем, находился тут же в качестве почетного гостя и дальнего родственника.

...Захмелевшего Валерия усадил в коляску мотоцикла "Урал" двоюродный брат Миша: решено было отправиться в райцентр - смотреть Мишиных кроликов и нутрий.

Прибыли благополучно; у Миши пили-ели; не хватило бутылки до полной кондиции; отправились в магазин.

Метров за сто до магазина двоюродных братьев окликнул гражданин, довольно плюгавый, в шапкеушанке и в пальто с мерлушковым воротником.

- Эй, огурцы! - крикнул плюгавый. - Добавьте на белую!

- Я те добавлю щас... огурец... - бормотнул Миша.

- Сколько тебе? - полез в карман "канадки" Валера.

- Сколь не жалко, - ответствовал плюгавый, не приближаясь ни на шаг. Валерий сам подошел, протянул мужичонке рубль. Тот рубль взял левой рукой, аккуратно сложил пополам и, размахнувшись, врезал Валерию правой по уху.

От неожиданности Валерий упал боком в сугроб, а плюгавый, гад, еще несколько раз врезал ему ногой по ребрам и немедленно отбежал подальше - метров на пятьдесят.

Немного ошалевший Миша сообразил наконец, что брата бьют, и рванулся догонять обидчика. И догнал, схватил за ворот, дожидаясь Валерия.

Разгневанный Валерий с разбегу провел плюгавому боковой слева (был чемпионом училища по боксу), но промазал: удар пришелся по носу, раскровянил его. Мужичонка сел в снег и сказал:

- Ну, все, козлы. Вам звиздец.

- Сам ты козел, гад! - стукнул его Миша по спине ногой. - Скажи еще спасибо...

- Ладно, пошли... - потянул его за рукав Валерий.

Через полтора часа они уже забыли про инцидент: допили взятую бутылку и дремотно дотягивали жизненный разговор.

Вдруг на улице послышались возбужденные голоса; затарахтела машина.

- "Бобик", - знающе кивнул Миша. - Я в армии на таком майора возил... Машина хорошая, но...

Договорить он не успел. В дверь сначала позвонили, а затем застучали руками и ногами.

- Открой, мать! - крикнул Миша.

В сенях послышались топанье и толчки, и в комнату ввалились три милиционера разных званий. Раздвинув их, вперед протиснулся человек с густо вымазанным кровью лицом. На трех нитках болтался мерлушковый воротник. Шапки не было.

- Это они, мерзавцы, - заявил человек. - Арестуйте их!

В ходе следствия выяснилось, что, находясь в нетрезвом, состоянии, штурман дальнего плавания Валерий К. и его двоюродный брат Михаил Н. напали с хулиганской целью на гражданина Паскудина Б.Б. нанесли ему несколько ударов руками и ногами (легкие телесные повреждения), сорвали с головы шапку из нутриевого меха (не найдена); все это подтверждается показаниями свидетелей Буева и Раскорякиной, находившихся в непосредственной близости от места происшествия.

Районный народный суд приговорил Валерия К. к двум годам лишения свободы в ИТК. общего режима, а Михаила Н. - к двум годам лишения свободы в ИТК строгого режима (уже сидел).

На этом история не закончилась. В 1985 году, отбыв чуть более полугода в зоне, Валерий К. был амнистирован (в связи с 40-летием Победы) и отправлен "добивать" срок на стройки народного хозяйства ("химия"). Миша под амнистию не попал: плохо вел себя в местах лишения свободы, не вылезал из ШИЗО, ПКТ, готовился к переводу в "крытку" с добавкой срока (1984 г. - статья 188). На второй день пребывания Валерия К. в общежитии "химиков" отпраздновать "почти свободу" приехал его отец Иван Петрович, агроном с двадцатилетним стажем.

Выпили, закусили. Запели песню "У ручья у чистого": на шум появился инспектор Кобельков, попросил не буянить, а Ивану Петровичу предложил освободить помещение ("Дергай домой, старый козел, пока я добрый!"). Валерий К. в ответ на эти слова схватил Кобелькова за поясницу и вынес его из комнаты в коридор общежития.

Утром Валерий К. был арестован как подозреваемый в совершении преступления, предусмотренного ст. 191 УК РСФСР (сопротивление работникам милиции и т.д. и т.п.). В качестве орудия сопротивления был предъявлен столовый нож с отпечатками пальцев Валерия К. (этим ножом они с отцом резали домашнюю колбасу). Отца решили не трогать, а Валерию К. суд добавил к оставшимся 1,5 годам по 106 ч. II еще 4 - по 191-й. Итого - пять с половиной лет в ИТК. строгого режима; этап на Красноярск через угрюмую и беспредельную Новосибирскую пересылку.

Иван Петрович не вынес этих "итогов": хлобыстнул полтора литра самогона и повесился в сарайке для поросят. Мать Надежда Павловна долго болела, потом и померла на руках у дочери Зинаиды (той самой, на чью свадьбу и прибыл зимой 1984 года Валерий К., - прямо, так сказать, из Гамбурга, с корабля на бал).

След его затерялся. С кличкой Боцман он жил "мужиком" на одной из "строгих" зон Краслага. Потом зону расформировали; были еще какие-то амнистии, но мог ли он попасть под них? Срок закончился, а в родной деревне Валерий так и не появился. Не мог он конечно же появиться и на палубе сухогруза... Погиб ли он на лесоповальной зоне? в одной из "крытых"? Или, откинувшись "по звонку", отправился пытать счастье в дальневосточных, северных или иных краях? Неведомо.

Виталий Р., инвалид-мариец из вятского села Тюм-Тюм Уржумского района, мечтал побывать в Москве - посмотреть на полотна Третьяковской галереи, сходить в настоящий театр, послушать "вживую" какого-то известного на весь мир баяниста (не припомню фамилии). Вместо этого ему пришлось ударить поленом по голове родного отца - в тот самый момент, когда отец, перебрав

томатного самогона, бил в огороде свою жену - мать Виталия, естественно... Отец умер в больнице от кровоизлияния в мозг.

Суд, конечно, учел смягчающие обстоятельства, но все равно по ст. 108 Виталий Р. схлопотал шесть лет усиленного режима. Отбыл он их достойно: в лагере спуску никому не давал (весу в Виталии было 48 кг; он как будто приседал при ходьбе на левую ногу - остеомиелит), потому что в нем было достаточно "духу", как говорят в зонах. Отменно играл в шашки, виртуозничал на баяне - если удавалось выпросить оный в "козлятнике". Шашки, а также вязание сетей и авосек добывали ему чай, столь необходимый для жизни. А Виталий был жизнелюб - это при давлении 90/20!!! "Понятия каторжанские" принял как свои; о свободе забыл, как о родине; мечтал лишь о Третьяковке, выспрашивая редких на местной зоне москвичей. Впрочем, убедился вскоре, что никто из них в знаменитой картинной галерее не бывал; воспоминания сводились к какой-то пивной на Новокузнецкой, рюмочной на Якиманке и, естественно, прокуратуре на Б. Ордынке.

Срок его закончился. Виталий К. вернулся в родной Тюм-Тюм с казенной десяткой в кармане добротного лепня (пиджака), выхлопотанного в каптерке уважительной братвой.

- Приоделся, гаденыш, - приветствовал его в доме старший брат. И, перегнувшись через стол, ударил Виталия тяжелым кулаком в лицо. Виталий упал, долго барахтался на полу, а поднимаясь, заметил на тумбочке небольшие ножницы для стрижки ногтей. Через несколько мгновений они вонзились старшему брату чуть повыше печени. Вошли неглубоко: сантиметра на 2-3; удар, однако, был признан опасным для жизни косвенно. На суде прокуратура доказала, что Виталий воскликнул перед ударом "Убью!", следовательно, угрожал убийством. И поехал на строгий режим с четырьмя годами, пробыв на свободе семьдесят восемь часов, включая дорогу.

"А ведь хотел поговорить по душам, - рассказывал Виталий впоследствии автору этих строк, - я ведь отца не хотел убивать, так получилось... попал по голове случайно. А без шести предыдущих лет не было бы и этих ножниц проклятых. Брат злой был, написал заявление, потом забрать хотел - ан нет, сам знаешь, кто его отдаст?"

Виталий отбыл и эти четыре года так же достойно. На моей памяти одна лишь его стычка с новым завхозом - из-за нижнего места (шконки). Завхоз принял Виталия за "овцу" или "мыль" (инвалиддоходяга, толстые стекла очков, умные "базары"). "Слышь, ты, очки, завтра ляжешь там", - сказал завхоз "наезжающим" тоном - и показал где. Шконка была верхняя. Нижняя предназначалась сомнительному во всех отношениях "айзеру", прибывшему этапом из Питера.

Виталий посмотрел на завхоза ("козла") поверх очков (он был похож на "умного японца") и сказал равнодушно, но с обволакивающей угрозой: "До завтра дожить надо".

Завхоз больше всего боялся такой вот неожиданной бессонной ночи. "Козлячью" марку свою тоже терять не хотелось, поэтому он решил вообще не залупаться: отошел молча и как бы забыл о существовании Виталия. Тут же он нашел настоящую "овцу" - какого-то деда-мухомора без заступы; загнал его на верхнюю шконку, а азербайджанца уложил на нижнюю... тот, впрочем, жил внизу недолго: напорол косяков с игрой в "двадцать одно" (двинул фуфло) и сломился сначала в ШИЗО, а затем и вовсе в ПКТ.

Виталик же продолжал играть в шашки, вязать рыболовные сети за столь любимый им чай (чифир) и сигареты. За сутки до его "звонка" мы заварили трехлитровую банку и выпили ее (по два глотка) "кругом" под неспешный разговор о предстоящем житье-бытье - ему, Виталику, в русско-марийском селе Тюм-Тюм, а нам - здесь: кому месяцы, а кому - долгие годы...

Вот что он писал из Тюм-Тюма:

"Занятий много... 30 декабря был приглашен играть в детсад на елку, до этого ходил на репетицию. 29-го ездил в уржумское гестапо на отметку (надзор). Сходил в библиотеку, привез на салазках Лескова, Аксакова, Булгакова, Дени Дидро, пару томиков А. Платонова... Амуниция моя сборная - шкидовская, а копейкой ребята поддержали... Праздники был дома, смотрел телик, благо, братья оставили мне старый, но кажет обе программы. Есть радиола, газплита с баллоном, на ходу, утюг, кровать, диван, шесть стульев, пара подушек, перина, шифоньер без полок и зеркала, баян... Вот такие дела - не было ничего, а тут вдруг целое имение! День прошел - и слава Богу, утром проснулся - опять праздник... А еще чифирнул - вообще весело, песни пою, живу и радуюсь... Желаю и тебе быть жизнелюбивым и радоваться тому, что есть, а даст Бог - будет еще лучше, на том и слава Ему...

Остаюсь Виталий, луго-болотный чемерин".

Виталик умер через несколько месяцев после освобождения: письмо вернулось с отметкой "по смерти адресата". Как, что? Забыли ли его в вятских снегах "ребята"? Или не проснулся он в какойто из дней-праздников, чтобы вновь заварить крепчайший чифир, закурить сигаретку и читать под вьюжный свист Аксакова и мечтать о Третьяковской галерее?

Вывод:

...Валерий 3. был готов к тюрьме и зоне; более того, предполагаемая отсидка являлась для него такой же закономерностью жизни, как институт для золотого медалиста: не сесть было нельзя. Человеческий "круг" отторгал не обозначенного судимостью индивида - тот круг, в котором вращалась с малолетства жизнь Валерия 3.

Однако вместе с ним оказались в полной мере готовы к лишению свободы и двое других: штурман дальнего плавания и инвалид детства. Штурман обладал изрядным здоровьем, мог дать достойный кулачный отпор любому беспредельщику; инвалид Виталик вряд ли был способен одолеть двенадцатилетнего ребенка; все трое благополучно (если подходит это выражение) и достойно отбывали свои срока: даже отчаянный кураж Валерия 3. не выходил за рамки "понятий", а отсутствие здоровья не мешало Виталику-марийцу быть уважаемым зеком. И штурман, ставший Боцманом, присоединился к компании "путевых мужиков" со всеми вытекающими из этого факта правами - и последствиями... А если короче и по-зековски - их объединяло одно: "дух".

...иные

Проворовавшийся директор небольшого заводишки Виктор Петрович Г. был заключен под стражу в зале нарсуда. В двухдневный срок преодолел КПЗ; две недели тюрьмы - и вот она, зона общего режима, в которой предстоит отбыть четыре долгих года. Слегка обвисло номенклатурное брюшко; в "боксе" отобрали бостоновый костюм какие-то ужасные личности в полосатых робах. А здесь, в зоне, после карантина, выдали серый костюмчик х/б на два размера меньше и странную, похожую на фашистскую, кепку, именуемую "пидоркой".

Когда распределяли на работы по отрядам, Виктор Петрович не забыл с достоинством упомянуть о своем высшем образовании и предыдущей должности, на что начальник производства майор Ухов заметил:

- Я тя, бля, специальность спрашиваю, мудило штопаное? Нету! Пойдешь, бля, на циркулярку - дощечку пилить! Следующий!..

Виктор Петрович попал в 10-й отряд, занимавшийся сколачиванием ящиков под фрукты и винно-водочные изделия. Работа на "циркулярке" была намного "блатнее" сбивания ящиков, однако Виктор Петрович оплошал: "циркулярку" видел впервые. Да и норма показалась странной: трудно было распилить столько "доцечек" и за неделю, не то что за 8 часов рабочего дня.

В бараке жизнь тоже не складывалась: вначале Виктора Петровича, как перспективного (в смысле "перегона" с воли хороших денег), подтянули отрядные блатари Груша и Конверт. Его положили поближе, неделю обхаживали, но убедившись, что это голимый "Укроп Помидорович", скравший случайно и все отдавший "мусорам", назвали его "демоном" и "мухомором" и указали новое место: поближе к выходу и наверху.

Виктор Петрович очень сильно уставал на работе, но норму выполнить не мог. За это бригадир Ляпа бил его за полчаса до съема в жилую зону: сначала кулаками, а потом круглым метровым колышком - толщиной не менее 5 см. От побоев Виктор Петрович стал уставать еще больше; не было сил даже снять с себя х/б: так и ложился спать в опилках, накрывшись с головой тонким "гнидником" (одеялом).

Вскоре он перестал снимать и ботинки; это заметили; и в один прекрасный день Виктор Петрович очутился в совсем другой бригаде. Там ему дали ложку с пробитой дырочкой, такую же миску и запретили без спросу приближаться к остальному населению зоны. А вечером бригадир Катя и его помощник, отвратный старикашка, называвшийся Василисой Премудрой, позвали Виктора Петровича в каптерку и под покровом ночи надругались над ним самым ужасным образом. С кличкой Вика он, впрочем, протянул кое-как свои четыре года, показавшиеся ему в первый день свободы пожизненным сроком. Да так оно и было: началась новая, третья жизнь, без жены, детей, квартиры и машины, с клеймом гомосексуалиста, каковым Виктор Петрович был - и не был одновременно. Поэтому он через несколько месяцев уехал из родного города в неизвестном направлении - кажется, подался на какую-то стройку, завербовавшись по оргнабору...

Михаил К., таксист, отбывал в этой же зоне пятнадцатилетний срок за "аварию". Суть "аварии": около полуночи проезжал мимо автобусной остановки за городом, сшиб велосипедиста (насмерть). Проехал километра два и вспомнил, что на остановке стояла "баба", наверняка запомнившая номер. Вернулся - и прижал "бабу" к бетонной стене. "Баба" умерла в больнице; еще раньше бампером был раздавлен восьмимесячный "пацан", которым она была беременна. К несчастью для Михаила К., нашелся еще один свидетель: мужчина, отошедший с остановки "отлить" в кусты...

Дали Михаилу 15 лет. На одном из заседаний суда его пытался убить муж потерпевшей, но неудачно: сам схлопотал два условно...

В зоне Михаил К. задался благородной целью: встать на путь исправления и освободиться условнодосрочно. Благо, что для "аварийщиков", в отличие от закоренелых преступников, существовали и существуют всевозможные льготы, поблажки. Михаил К. прошел свой путь от шныря (уборщика) столовой до бригадира цеха, в котором собирались и красились борта для тракторных прицепов. Норма - 80 бортов в смену с бригады. При Михаиле К. она выполнялась неукоснительно. Приближалось 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции, а с ним и амнистия, а с амнистией
- комиссия по освобождению, и все совпадало с почти 8 годами (более половины) срока, отбытого Михаилом К.

Михаил до ареста занимался самбо, подкачивал мышцы: в общем, был в форме. И в зоне эту форму поддерживал: с одного удара вышибал сознание из ретивого "волынщика". Бригада старалась, как могла...

На общую беду кому-то где-то срочно понадобилось очень много бортов для тракторных прицепов. Майор Ухов "подтянул" к себе начальника цеха. Тот "подтянул" бригадира - Михаила К. А тот больше никого не стал "подтягивать": просто на доске объявлений возле вахты стали появляться "боевые листки": бригада Михаила К. берет обязательство собрать и покрасить 110 бортов в смену... собрать и покрасить 130 бортов... 160 бортов...
180...

Когда обязательства превысили 200 бортов и у "мужиков" заболели уже не кости и мышцы, а головы, то к блатным была отправлена депутация в лице одного человека - Васи С., слывшего "путевым" и "духовитым".

- Да замочи его, волка! - сказали Васе. Вася воспринял это как приказ-разрешение и в эту же ночь попытался ткнуть Михаила К. заточкой. Неудача постигла исполнителя: бригадир-самбист заточку выбил, Васю искалечил - и продолжил свой славный трудовой подвиг.

На внеочередной сходняк собралось около тридцати человек - блатные, "мужики"... Предстояло выделить четверых для внушения Михаилу К. хотя бы полупонятий лагерной жизни. Скрутили в трубочку бумажки, среди которых четыре были помечены крестиками, и пустили по кругу "пидорку" с жребием.

Около одиннадцати утра следующего для "избранные бойцы" во главе с Грушей отправились в угольную котельную рабочей зоны. Осень стояла теплая, но печи подтапливались: требовалась теплая водичка для ежедневной обмывки запотевших бригадирских тел.

Истопник Семеныч уже с утра заложил в одну из печей четыре тяжелых металлических лома; концы раскалились чуть ли не добела.

В одиннадцать часов тридцать минут в котельной должен был появиться Михаил К., приглашенный Семенычем испить "купеческого" чайку с "козырными" шоколадными конфетками (блатные не пожалели, выделили из общака).

Когда злосчастный бригадир, бывший таксист Михаил К. появился в котельной, из-за одного из котлов выскочил вихляющийся в азарте Груша, выхватил из печи лом (на руках у Груши было по две рабочие рукавицы) и с криком "Мочи вафла!" нанес удар.

Михаил К. попытался поставить блок, чтобы потом свалить блатного ударом ноги в грудь, но руки неожиданно пронзила страшная и странная боль. Бригадир завизжал и попытался вытолкнуться обратно в дверь, но не смог: Семеныч уже подпер ее снаружи железобетонным брусом.

Из-за котлов выскочили еще трое: Куня, Карат и Витя Рычагов по кличке Механизм. На руках у них тоже были рабочие рукавицы. Бойцы похватали свои ломы и деловито, как на охоте, в считанные минуты превратили вставшего на путь исправления Михаила К. в обожженную и окровавленную груду изломанных костей и рваного мяса. Груда эта копошилась в углу котельной; казалось, даже чтото пыталась сказать, но никому уже это не было интересно. Бойцы зашли за

котлы: Механизм, Карат и Груша погнали по кругу чифир, а Куня, алкаш, один за другим опрокинул в себя пару заготовленных чекушек.

Семеныч отвалил от двери тяжелый брус и свистнул: мол, чисто все. Бойцы отерли губы; Куня зажевал водяру черняшкой; все встали и пошли к выходу мимо бывшего таксиста, шныря, бригадира Михаила К.

Оконцовочка этого происшествия была такова: Семеныч, козлячья масть, сдал всех; никто и не сомневался, что он сдаст. Помощь истопника требовалась лишь в момент исполнения; "раскрутка" планировалась, ибо невозможно было скрыться от законного возмездия в зоне общего режима.

"Кумовья" (оперчасть) быстро размотали лагерное дело: Груша, как якобы зачинщик, получил 9 лет, остальные - по нисходящей, до пяти (срок плюсовался). Груша к тому же поехал в "крытую" на два года, чтобы духовно окрепнуть там и через (в общем) двенадцать лет выйти на свободу уважаемым авторитетом...

Михаил К. освободился условно-досрочно по амнистии к 60-летию ВОСР - как инвалид первой группы. Он потерял один глаз, селезенку; стала "сохнуть" левая рука (перебиты сухожилия); лишь неиспользованный резерв накопленного на зековском горбу здоровья позволил ему вообще остаться в живых и отковылять на костылях через вахту к автобусной остановке. Такова была цена ударного труда на пути исправления.

Видно, что попытки приобретения сверхблаг ведут на зоне к печальным последствиям, равно как и пренебрежение какими-то общими "благами" и тем более правилами.

РАССКАЗЫ ОЧЕВИДЦЕВ

Ночь в КПЗ

Я был задержан без документов ретивыми омоновцами. Поневоле пришлось взглянуть на КПЗ и его обитателей как бы со стороны. Обитателей, собственно, было не много - всего один молодой взъерошенный человек, ужасно обрадовавшийся компании. К полуночи меня стал потихоньку мучить похмельный синдром, и именно с этого момента сосед приступил к длительному рассказу о случившемся с ним. Повествование не было похоже на исповедь или на попытку разобраться, выслушать какой-то совет, слова поддержки. Сумбурный поток слов; какой-то труп в ванной (женщина-собутыльница), неизвестным образом (?) очутившийся в квартире; зашел отлить (совмещенный санузел, увидел труп - все! посадят, ничего не докажешь). Делать нечего: позвонил приятелю; тот прибыл через час; помог расчленить труп (для удобства выноса, не более того). Выносили в полиэтиленовом мешке, в три часа ночи; на беду, сосед возвращался из кабака. Из мешка капала кровь - заметил, дурак. И получил разделочным ножом в солнечное сплетение. Но не умер, гад, а дополз до двери своей квартиры, поскреб слабеющими пальцами. Жена вызвала "скорую", милицию. "Нас с Васей задержали. Вальке с сердцем плохо было, факт! Она сама умерла. А мне что делать?"

"За соседа накатят тоже - будь здоров!" - подумал я. Слушать эту убийственную историю было тошно, невмоготу, как смотреть какой-нибудь захудало-халтурный фильм ужасов. Не было жаль ни Васю, ни соседа по камере. Не было жаль - в смысле законности предстоящего наказания. Чтото шевельнулось лишь тогда, когда представил их длинный "с Васей" путь: тюрьма и зона на долгиедолгие годы, несомненные косяки и попытки сократить или ослабить карательное действо. В соседе не было ни здоровья, ни "духа". Всю ночь он вращал языком, сотрясал спертый воздух КПЗ, усиливая мое похмелье и тягу к свободе. Наконец наступило утро, дежурный милиционер открыл дверь.

Я вежливо попрощался с сокамерником, добавив лишь одно: "Спокойней, земляк, спокойней".

Но "земляк" уже вычеркнул меня из своей жизни, метнулся к двери и забормотал в лицо дежурному: "Выпускать-то будут скоро, а? Ну что, разобрались? Разобрались? Разобрались?"

"Разобрались, - толкнул его обратно в "хату" милиционер. - Сиди тихо, не галди..."

Он прошел в дежурку, получил обратно "отметенные" шмоном вещи: часы, шнурки, ремень и т.п., тут же при понятых обыскивали наркомана: какие-то пузырьки, шприц, нож-бабочка...

- Деньги у вас были? - спросил капитан у меня.

- Там все записано.

А, точно, вот: 78 тысяч 500 рублей. Штраф 25 тысяч, можете здесь уплатить. Или в сберкассу - три остановки на троллейбусе.

- Да нет, я лучше здесь... да хрен с ней, с этой квитанцией...

- Положено, - строго ответствовал капитан, но бумажку спрятал, четвертак бросил в ящик стола и кивнул, разрешая покинуть "заведение".

- А за что штраф-то? - спросил я уже у двери.

- За это... за нахождение... в общественном месте.. в этом, как его? Нетрезвом виде... Иди, иди...

- Прощайте.

Я вышел из отделения; в ближайшем ларьке купил банку пива, которая на короткое время привела меня в нормальное состояние. В голове мелькали: труп в ванной, Вася с разделочным ножом, ползущий вверх по ступеням сосед с окровавленным животом... Ощущение было - как будто побывал перед вратами, ведущими в иной мир. Не назову его "адом", ибо и в нем встречались всякие люди, попавшие туда, видимо, для испытания, а не для наказания. А КПЗ (ИВС) - самое подходящее место для "предварительного" осмысления дальнейшего поведения и "маршрута пути". Ночной мой сосед явно репетировал передо мной монологи "для следователя". По их интонации чувствовалось, что он не остановится и перед симуляцией сумасшествия (шизофрении), благо, что само преступление было из разряда "диких", "маньячных". Пятьдесят на пятьдесят - убил или не убил он собутыльницу. Может, и вправду, померла она от сверхдозы (уж это немудрено в нынешнее время) фальсифицированного алкоголя. Дальнейшие же действия "с Васей" вполне закономерно выходят из логики, присущей 90% российских граждан: посадить могут кого угодно и за что угодно, а уж если у тебя в квартире труп, а ты до беспамятства пьян, то, падла, не отвертишься! Не помнишь ничего? - все равно "колись", подписывай... Ночному соседу уже было не отвертеться: нож в солнечное сплетение случайному свидетелю перекрывал результаты судмедэкспертизы о причине смерти женщины в ванной. Ох, сидеть им с Васей! И сидеть - долго...

В гостях у Феди Гундосого

(Сохранена стилистика рассказчика, бывшего ЗК)

Хочу рассказать один эпизод... Довольно-таки смешной, может быть, юмористичный... Не знаю... Посмеяться можно...

Когда мы на поселке жили, от нас Ухта 120 километров была. Ну, 120 по тайге. А ходили мы туда, поселенцы, естественно, как бы так сказать, контрабандой, что ли... Ну, деньги поселенцам дают на руки, и так далее, и тому подобное... Были и ружьишки, жили-то в тайге... Вот мы собираемся, впятером собирались... Как раз 6-7 ноября, под праздники. Пойти, ну как она считается, в самоволку. Ну там побухать, и так далее, и тому подобное. В Ухту, в город. Пешком 120 верст идти. Ну, короче, собрались, шмотки путевые там, рюкзачки... Какую-то тушенку положили, чаю там, пожрать, еще чего-то, ружьишко захватили. По тайге-то идти. По визирам. Тайга, знаешь, не тайга непроходимая, а она полностью у нас разлинована, по визирам, по кварталам, по участкам... Ну и пошли.

Приходим в Ухту. Бабушку какую-то, знаешь, на окраине надыбили. А там дома только частные такие, свои... Остановились. Бабуля там старая какаято вышла.

- Можно, - ребята говорят, - рюкзачки положить, ружьишко...

А денег что-то у нас по тем временам, значит, гдето 79-й год, в общем. Где-то, ну... на всех вот, на пятерых, где-то рублей, наверно,
700... Ну и мы, значит, это все оставляем и идем.

Город незнакомый, представь себе, из нас здесь ни разу никто не был. Потому что двое у нас были из Татарстана, потом, значит, был земляк мой, клинский, Витька. И этот... Как его?.. Сережка из-под Челябинска, там город Советск такой есть. Вернее, из-под Свердловска. Из-под Свердловска, вот... Советск-то. Ну мы, значит, заходим в город этот, не знаем ничего... Ну а как раньше-то было, где искать чего? Винные магазины в основном. Там около винных можно найти все концы. Хаты и тому подобное... А там городишко такой старый, в общем-то. Дощатый весь, вот... Ну мы, значит, подходим - магазин винный. Там, значит, такая арочка... Прошли.

А тут что-то перед праздником было, четвертое?.. Да, 4 ноября. По снежку шли. А снег небольшой еще, но это хорошо. Не жарко, ниче, ни комаров... В тайге ночевали... Трое суток шли.

Че-то набрали в магазине, я не помню, ящик водки, по-моему. Полную сумку взяли. Как раз колбаса чайная была по рубль десять, по-моему. Набрали ее там, я не знаю, килограмм пять или шесть. Сам знаешь, с устатку... Вроде как по тайге, знаешь, там консерванты все ели, пока шли. И значит, под эту арочку... Ну и стоит такой хрюч, весь из себя, знаешь, тут шинель на нем железнодорожная, кепка какая-то, значит, все это на понтах, он:

- Братва! - гнусавит, - в рот меня е... Что вы здесь как быки стоите? Пойдем на мою хату, культурно отдохнем, телик посмотрим, в ванной помоемся...

Ну мы, значит, сразу-то, купились-то...

- А как? Че тебя звать?

- Да Федя меня Гундосый зовут... Тут каждая собака меня знает. Туда молодых б... багром лес утяну, подпалю, на х...

Ну мы, значит, это... Ну, мол, Федя, Федя... Ну а где, че там, хата, мол, будет?

- Да б... будет, туды-сюды! Каких вам нужно? Блондинки, брюнетки, шатенки, любую, на х... Пойдем...

Ну что ж, лучше и не придумаешь, все на месте, все... Ну идем. Он:

- Братва, на х... Туды-сюды, наливай на х...

Ну мы ему стакан накатываем. Он этот стакан загубил, рукавом утерся, тут сопли потекли. И опять гнусавит:

- Вы че, думаете, я всю жизнь таким был? Х... на рыло, я сам срок мотал, на Севере... Приехал в эту подлую Москву в зверинец, в зоопарк, знаете?

- Да конечно, знаем...

- Зашел там... А там школьники в галстуках заместо конфеты гайку антилопе кинули, она клык обломила, сука, мне пятеру, я поехал...

Ну мы это вроде: "Федя, Федя, туды-сюды, давай вроде, веди..."

А там, значит, спуск такой, мимо типа таких вот домов, которые здесь, а частные дома внизу и тротуарчик, и забор мелкий, и собака там гавкает. Прямо, значит, перед нами... Он к ней:

- Ты че там, сучара, куда глядела, менты приехали, машину увели, пуговицы с шинели золотистые срезали...

Думаем, машина была... Ну, машину увели. А он продолжает:

- Ну, братва, придется врезать ей пару упаковок...

Думаем, вишь заправили, ну пару упаковок врежет... А там собака гавкает. Ну, значит, он к ней:

- Молчи, сука, замолчи, в рот тебя е... Ну-ка отвечай...

На собаку, значит, на эту.

А мы:

- Федь, ну ее. Пойдем, туды-сюды...

- Я знаю, че делаю...

Ну а собака гавкает, зверь, ей не прикажешь. А забор мелкий. Ну мы это тут че-то между собой... Ну а он стакан, значит, еще залудил... И до этого. Он через этот забор и к собаке. А та-то умней его оказалась, она в будку заскочила и из будки гавкает. Вот он к ней подлетает, харю в будку сунул:

- Ну че, в рот тебя е...

Как она его за харю цапанула. Он:

- Брысь! Брысь, кому говорят... Отпусти... Тут соседи выскочили, у него харя эта прокушена. Весь в кровище. Выпуливается, значит. Мы его под белые руки:

- Пойдем, короче говоря, веди...

А там, значит, дом такой паровозиком. Заходим туда. Туда, значит, зашли. Он:

- Вот моя хата. Располагайся, братва...

А там одна такая маленькая комнатушка, другая чуть-чуть побольше, кухонька такая вот... Ну, правда, телик стоит.

- Давай, братва, все на стол!

Ну мы, вроде, ну, короче, хата есть хата... Достаем. Всю водку... Ну, может, не всю, но большую часть на стол. Будем пить. Колбасу там в миски побольше нашинковали... Вроде там пошли, кто на кухню, кто еще...

Вот он сидит:

- Ну давай, наливай.

Ну мы ему, значит, налили. Он еще вмазал, короче... А там Дамир этот, он по бабам с ума сходил. Вот он:

- Так, Федя. Ну иди, кого ты там обещал-то...

- Вам троих хватит?

А нас пятеро.

- Да хватит, хоть троих-то приведи. Там уж разберемся, что к чему.

Короче, пошел... А, нет, не пошел еще, сидит. Ну, значит, еще налили. И он, значит, как сейчас помню, колбасу эту вот так берет, выпил, занюхал. Потом вот так вот бросает и орет:

- Дарья, сука!..

Да вроде, ты знаешь, когда мы заходили, никого в хате не было. А он:

- Да-рья! Дарья, в рот тебя е...

Тут заходит такая... Вот представляешь, в эту дверь, примерно, она бы не вошла. Боком протиснулась. Баба его:

- Черт гундосый, опять кого-то привел...

Нам бы хватиться тут, но мы, сам понимаешь... А он так вот сидит. Он выпил, что ему... Так вот сидит, ему все уже, понимаешь... Орет:

- Убери эту подлую колбасу! Она мне в тюрьме надоела! Принеси че-нибудь... резкого...

Думаю, да где ж он на зоне колбасу, мы вообще ее, колбасы-то, не видели... Я вроде хотел взять эту миску, а она у меня из-под носа-то эту миску, Дарья-то, чу-ух! Умойся. И несет там вот такую вот лохань, вроде там, капусты. Года два она, наверно, уже стояла. Запах. Хлобысь на стол:

- Черт гундосый! Нате, жрите...

И мы сидим, друг на друга так поглядываем... Ну, мы ребята-то молодые были, неудобно. Вот так сели, вот сидим. Девиц ждем!

- Ну че там ты, давай!..

А он:

- Сча!..

А я... Значит, че... Предыстории немножко... Я в поселке лепушок взял, ну костюм, значит. Он такой... нормальный, в общем. Но мне немножко маловат был. Вот мы когда пришли, переоделись, значит... Праздник же... Не то, чтобы как в лесу-то ходить. Ну и сидим, а он ушел. Ушел... Тут мы сидим, Дамир, значит:

- На кровать никто не заходит, кровать моя...

Девиц мы ждем. Дамир опять:

- Кровать моя, там разберемся.

А он такой, парень симпатичный... Мы тут распределились, кго где. Пока, мол, вы там трое, а после...

И вот картина. Дверь открывается с ноги, значит так, с пинка. Он так на косяк, Гундосый, стоит, мотается:

- Братва! В рот меня е... Выпуливайся! Менты на хвосту!

А мы поселенцы, ты знаешь, ну вилы, срок. Пределы у нас 100 километров... А значит, шнифт, форточка, пятьдесят на пятьдесят... Мы пять человек, мы в эту форточку... А у него, козла, гвоздь на 150, не в ту сторону, а в эту загнутый... Я так и не понял, как меня протиснули. А там, значит, нас менты подбирают и в воронок. А он вдогонку орет:

- Братва! В рот меня е... Хату не палите!

А мы там падаем, нас уже подбирают и в воронок...

Ну в воронке сидим. В КПЗ привозят. Я захожу, гляжу, там, двое лежат, один, значит, курит, один на корточках сидит. Ну я сел. Ни сигарет, ниче.

- Дай, - говорю, - закурить.

Дает закурить... А! Не, он сначала, как же он?.. Дай в Москве е... не просят...

- Да хорош, - говорю, - дай, короче, сигарету.

Ну он дает сигарету. Прикурил. Гляжу: у меня лепушок тут вот пальцы закрывает. То он мне был короткий, а тут пальцы закрывает. Костюм. А меня как выталкивали, зацепили вот здесь вот и шов весь этот распороли, он у меня весь и сполз вот сюда вот.

А малый там, значит, лежал в углу на нарах.

- Че, - говорит, - у Феди Гундосого побывал?

- А с чего ты взял-то?

- Да, - говорит, - видно.

Фан Фаныч

Эту историю я слышал раза три, причем от разных людей, но в главных деталях она совпадала один к одному, и даже имя главного героя везде было одно и тоже - Фан Фаныч. (Скорее всего, имя все-таки вымышлено, потому что по блатной "фене" "Фанфаныч" означает - представительный мужчина.) Не знаю, было ли это на самом деле, но все очень похоже на правду. А если учесть, что на зоне случаются вещи абсолютно невероятные, то тем более можно поверить рассказчикам. История эта поучительная, и говорит она о том, как порою человек находчивый и остроумный может приобрести уважение среди заключенных. Вот краткий пересказ от первого лица.

На одну из фаланг Бамлага, где я шестерил у нарядчика, прибыл московский трамвай. Так, ничего особенного, трамвай как трамвай, обычный. Раскидали их по баракам, вечером расписали по бригадам и объявили, кому завтра кайлом махать, кому с носилками крутиться. Утром рельс бухнул, всех на развод. Бригады построились и разошлись на работу. Моя задача пробежаться по баракам и доложить нарядчику, что к чему. Обежал - кроме больных и одного со вчерашнего московского трамвая, все на работе. Иду, докладываю нарядчику:

- В четвертом бараке один отказчик. Все остальные на работе.

- Кто такой? - аж побагровел нарядчик. - А ты, сука, куда смотрел? Почему не выгнал? Лоб, что ли, здоровый? Или - козырный?

- Да нет, - говорю, - какой там лоб... Смотреть не на что. Глиста, но чудной больно. Требует, чтобы его к начальнику фаланги доставили. Без промедления, говорит...

- Ах ты, шнырь! Сейчас я ему дам начальника фаланги! Он у меня пожалеет, что его мать на свет родила! - Бросил свои бумаги и мне: - Пошли!

Заходим в четвертый, навстречу нам эта тощая мелюзга, ханурик. Не успел нарядчик хайло разинуть, а тот ему командным голосом:

- Вы нарядчик фаланги? Оч-чень хорошо, вовремя... Я уж хотел о вас вопрос ставить перед начальником. Вот что, любезный... Прошу обеспечить мне рабочее место, чертежную доску, ватман и прочие принадлежности. Еще расторопного мальца мне, для выполнения мелких технических работ!

Повернулся резко, палец ко лбу приставил, другая рука за спиной и пошел по проходу барака.

Много повидал за годы отсидки здоровенный нарядчик, но такого, чтобы его сразу, как быка за рога да в стойло, такого сроду не бывало. Обычно при виде нарядчика со сворой шестерок каждый зек норовит зашиться куда-нибудь, скрыться с глаз, да хоть сквозь землю провалиться. А тут нарядчику захотелось самому спрятаться. А тот, хмырь-то, развернулся в конце барака и опять на нас пошел. Брови сдвинул, сурово так:

- Вас о моем прибытии сюда, смею надеяться, уже проинформировали?

- Не-е... - промычал нарядчик.

- Тогда почему вы до сих пор тут стоите? Я вас спрашиваю! Идите и доложите: Фитилев Фан Фаныч прибыл! Там! - Фан Фаныч ткнул оттопыренным от кулачка большим пальцем за плечо и замолк.

Что означает это "там", быстро соображал нарядчик, но никак не мог сообразить.

- Там, - продолжал Фан Фаныч, - я занимался решением проблемы большой государственной важности. Мне дорога каждая минута, а потому прошу вас немедленно доложить обо мне.

И Фан Фаныч дружески потрепал растерявшегося нарядчика по плечу. Через несколько минут, вытирая со лба испарину, нарядчик стоял перед начальником фаланги.

- Что там у тебя стряслось? - спросил "хозяин".

- Вчерашний трамвай чудного привез. Говорит, что он большой ученый и вас должны были поставить в известность о его прибытии.

Начальник призадумался. Он знал, что Берия понасажал в лагеря ученых с мировыми именами, чтобы те не отвлекались, пьянствуя, заводя шашни с чужими женами и интригуя друг против дружки, от решения больших государственных проблем. Те работали в обстановке большой секретности в "шарашке" и спецбюро. За хорошее обеспечение и уход за ними, за поддержку и помощь по решению задачи создания новых типов самолетов и вооружения начальники получали внеочередную звездочку. Все это несомненно начальник мигом прокрутил в голове. Может, и мне пофартит, наверняка прикинул он.

- Веди! - приказал "хозяин". - Поглядим, что за птица...

Через некоторое время дверь без стука распахнулась. Так входят в кабинет начальства только те, кто знает себе цену. Подойдя к привставшему из-за стола начальнику, Фан Фаныч протянул руку для приветствия и добродушно сказал:

- Да вы садитесь, Василь Василич, садитесь. - И с таинственной интонацией добавил: - Мы же с вами хорошо знаем, что в ногах правды нет.

Все это ошеломило и озадачило не только самого начальника, но и во второй раз нарядчика, который вошел следом и топтался возле дверей. Хозяин зоны привык к тому, что все его называют не иначе как - гражданин начальник. А этот запросто, по имени-отчеству. Откуда только имя узнал? И что это за намек насчет какой-то правды в ногах? Кто не знает, что правда сидит, а не стоит? Что за всем этим кроется? И почему этот Фан Фаныч уселся без приглашения в мягкое кресло? Василь Васильевичу стало не по себе. А вдруг это никакой не ученый, а лагерный прохиндей.

Тем временем Фан Фаныч продолжал говорить. При этом он то кивал на телефон, то тыкал указательным пальцем куда-то вверх, то большим пальцем указывал за спину:

- Так вы позвоните начальнику всех лагерей железнодорожного строительства на Дальнем Востоке Френкелю Нафталию Ароновичу. Он в курсе. Можете от себя добавить, что я прибыл и благодаря вашей заботе приступаю к работе над проектом без промедления...

Фан Фаныч верно просчитывал ситуацию и знал наперед, что с фаланги Френкелю не дозвониться, да и начальник зоны не отважится беспокоить одного из высших гулаговских чинов, к тому же крутого по жизни, по такому пустяку.

- Позвольте поинтересоваться, - осторожно начал "хозяин", - над чем вы работаете?

Он сам поморщился от того, что обратился к зеку на "вы".

- Разглашать не имею права. Государственная тайна. - Фан Фаныч подумал и добавил, понизив голос: - Только вам, как непосредственному начальнику, вкратце, в двух словах, без подробностей и деталей. Многие ученые мира бились над проблемой осушения озера Байкал, затрудняющего сообщение Дальнего Востока с европейской частью. Великому Эйнштейну, лауреату Нобелевской премии, и то проблема не покорилась. Только я уже почти нашел ключ к реализации этого проекта. Все идеи и наброски расчетов тут. - Он постучал себя по лбу пальцем.

- Сколько времени вам потребуется для решения этой проблемы? - спросил "хозяин".

Он прикидывал: "У него четвертак. Заломит сейчас лет двадцать. Тут ты гусь и всплывешь на чистую воду. Будь ты шарлатан, будь ты ученый, но я не дурак ждать столько лет".

- Поскольку все расчеты в основном готовы и находятся здесь, - Фан Фаныч снова постучал костяшками пальцев по своей стриженой голове, - то потребуется несколько месяцев. Может, три, может, четыре, ну максимум полгода...

Договорились быстро. "Хозяин" обеспечивает Фан Фанычу необходимые условия для доработки проекта, а тот через полгода сдает готовый проект, о чем "хозяин" самолично доложит наверх.

В тот же день "великий ученый" получил в свое распоряжение отгороженный угол в бараке, а уже на следующее утро там дымилась печка, сложенная для него персонально. Дабы мысли в голове не остужались. В последующие дни его "технический секретарь" то и дело бегал то за дровами, то с котелком на кухню, то к выгребной яме с парашей на одну персону.

Получив все необходимое, Фан Фаныч принялся за работу. Вскоре, получая двойную пайку, он поправился, нагулял жирок. На него с завистью приходили смотреть зеки, особенно с новых этапов. Несмотря на все отсрочки и затяжки, пришло время сдавать проект. "Великий ученый и изобретатель" сумел настоять на том, чтобы защита и передача проекта состоялась в присутствии авторитетной комиссии, и она прибыла. Фан Фаныч появился в просторном кабинете "хозяина". Поздоровавшись с членами комиссии и назвав некоторых по имениотчеству, он небрежно кинул рулон ватмана на стол начальника.

- Прежде чем приступить к изложению моего открытия, - начал Фан Фаныч, - я хотел бы, с разрешения уважаемой комиссии, задать присутствующим несколько вопросов, вводящих в курс дела.

Получив разрешение, он обратился к важному московскому чину:

- Скажите, много ли у нас в стране лагерей и колоний?

- Точная цифра - секрет государственной важности, - ответил чин, - но могу сказать однозначно. Много.

- А много ли в них содержится зеков?

- Много, очень много, - зашумели члены комиссии, которым не терпелось ознакомиться с величайшим открытием века.

- Поясню свою мысль вкратце, - продолжал Фан Фаныч, - потом у вас будет возможность ознакомиться с проектом в деталях, посмотреть чертежи, диаграммы, графики. Все пояснительные документы и расчеты в этой папке. Итак. Члены комиссии знают, это не является ни для кого большим секретом, что в обход южной и северной частей Байкала нам приходится прокладывать железную дорогу. Это для страны обходится чрезвычайно дорого, к тому же растягиваются сроки пуска участков в эксплуатацию. Приходится разрабатывать огромное количество скального грунта. Поэтому я выбрал самый дешевый и самый оригинальный вариант прокладки железнодорожных путей по осушенному дну Байкала. В чем его основная суть? К Байкалу, как по южной, так и по северной железнодорожной ветке подвозим шестнадцать миллионов вагонов сухарей. Ссыпаем в озеро. Затем ссыпаем туда же семь миллионов вагонов сахарного песку. Как известно, вода в Байкале пресная. Большой мешалкой все размешиваем. Тут у меня мешалка в деталях разработана. - Фан Фаныч кивнул на папку. - Свозим со всей страны зеков с ложками. Три дня - и Байкал сухой.

Конечно, члены комиссии давно уже поняли, что над ними издеваются самым наглым образом, и может быть, первым понял это сам "хозяин". Он сидел и скрипел зубами от ярости. Фан Фаныч оказался классным чернушником и отменным мошенником. У Фан Фаныча четвертак. Терять ему нечего. Он взял, вернее, украл у "хозяина" хороших полгода и прожил их как человек. И при этом до конца срока заслужил уважение и авторитет у других зеков.

Часть третья
НАКАЗАНИЯ НА РУСИ

Как ни удивительно, но лишение свободы в виде заключения в тюрьму долгое время было одним из самых малораспространенных мер наказания на Руси.

Княжеские и все прочие суды совершались скоро, без ненужной волокиты, поэтому не было нужды долго держать преступника за решеткой. Его просто связывали, сажали на сутки-другие в какойнибудь погреб, подклеть или баню и приставляли стражника, чтоб не сбежал, только и всего.

Строить для этого специальные тюрьмы не было никакой необходимости.

Действовали законы простые и понятные, которые в сущности сводились к несложной формуле: "око за око, зуб за зуб". Более того, пострадавший мог без всякого суда разобраться с обидчиком на месте преступления, не обращаясь к властям. К примеру, одна из статей Русской Правды (начало XI века) звучала так: "Кого застанут ночью у клети или на каком воровстве, могут убить как собаку".

А многие преступления вообще не подлежали наказанию, даже убийство, если оно совершено было при смягчающих вину обстоятельствах - в состоянии опьянения. Некий Гаркуша, в пьяном виде повздорив с приятелем, ударил обидчика медным ковшом по голове и зашиб его до смерти, но был совершенно оправдан на другой же день после этого, поскольку дело это было, как написано, - "на пиру явлено". Любопытно, что пьянство стало признаваться отягчающим вину обстоятельством только в начале XVIII века.

Тяжелой обидой на Руси считалось нанесение увечий, отсечение руки или ноги. Сделавший это, если вина его была доказана, подвергался точно такой же участи - ему тоже, вместо того чтобы давать срок и сажать в тюрьму, без всякой жалости отрубали руку или ногу.

Строго наказывалось оскорбление действием, которое называлось тогда "преступлением против чести", сейчас бы мы назвали это злостным хулиганством - "удар мечом в ножнах, или рогом, или жердью, или вырывание усов и бороды". Преступника тоже никуда не сажали, просто по приговору суда пострадавший отвечал ему тем же - рвал бороду или же ударял "рогом или жердью".

Если же в результате судебного разбирательства ни одна из сторон не могла доказать своей правоты, тогда назначалось "поле". Поединок и его результат считался видом судебного доказательства. Кто победит, тот и прав. Оцепляли цепями небольшую площадку, вроде ринга, и противники сходились в честном бою. Обычно дрались в присутствии друзей и болельщиков с той и с другой стороны, которые криками подбадривали соперников. Зрелище было увлекательным, поскольку "дерутся в потасовку, кулаками, батогами и дубинами..." Те, кто сам был не способен драться (женщины, больные, старики и т.п.), имели право нанять бойца. Но тут строго следили за тем, чтобы это был не профессиональный боец, чтобы дрался он без хитростей и без приемов.

Бывали случаи, когда женщина не могла или не желала найти бойца, который мог бы постоять за нее, и тогда она сама выходила на поединок. Так, вдова одного княжеского дружинника Феодосья победила в поединке на мечах какого-то поляка Гонтковского. Но для таких случаев, когда на пое-

динок выходила женщина против мужчины, существовали особые правила - мужчина должен был сражаться с ней, стоя по пояс в специально вырытой яме.

Главная суть наказаний сводилась к тому, что, вопервых, возмездие за преступление наступало скоро и неотвратимо, а во-вторых, само наказание производилось, как правило, публично, при большом стечении народа, для устрашения и назидания собравшихся, дабы другим было неповадно.

Видов наказания было великое множество - повешение, сажание на кол, отрубание головы, битье батогами и кнутами, вырывание ноздрей, утопление, сожжение, закапывание в яму и т.д., всего не перечислить, но очень долгое время суды на Руси не выносили такого самого распространенного ныне приговора, как - лишение свободы. Потому и не было никаких специальных тюрем и никто не думал их строить вплоть до середины XVII века.

ПОЯВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ ТЮРЕМ

По Соборному уложению 1649 года во времена царствования Алексея Михайловича тюрьма начинает применяться как мера наказания. Тюремное заключение отбывалось в специально построенных для этого помещениях, а также в монастырях. Тюрьмы были построены в Москве, Устюге, Шуе, Муроме, Верхнетурье.

Были они каменными, земляными или же деревянными.

Самый суровый режим для особо опасных преступников устанавливался в земляных тюрьмах. Рылась большая яма, в нее опускался деревянный сруб, на дно кидали несколько охапок соломы и пищу заключенному опускали на веревках.

Деревянные тюрьмы считались обыкновенными, это были несколько изб, которые огораживались заостренными крепкими кольями - отсюда пошло название острог.

Каменные тюрьмы появились несколько позже, когда построены были Орловский централ, Алексеевский равелин, Шлиссельбургская крепость. До этого арестанты помещались в монастырях, в кельях или подвалах.

Построена была в Москве и так называемая бражная тюрьма, что-то вроде современных вытрезвителей или ЛТП, куда свозились задержанные в пьяном виде. Попал туда пьяным во второй раз - секли кнутом, а особо злостных могли оставить там на долгий срок для исправления. Или, как тогда было указано: "Но если и сие не поможет, да останется в тюрьме, пока не сгниет".

Лишение свободы и заключение в тюрьму применялось уже в сорока случаях. Но почти всегда заключение в тюрьму сопровождалось дополнительным наказанием - битьем батогами, кнутом, вырыванием ноздрей, изувечиванием и т.д.

Самые распространенные виды преступлений того времени: богохульство, действия против царя, заговоры, бунты, содержание притонов, фальшивомонетничество, самогоноварение, дача ложных показаний в суде, вымогательство, взяточничество, убийство, нанесение увечий, воровство, разбой, поджог (застигнутого на месте преступления поджигателя бросали в огонь), кража овощей из огорода, порча чужого имущества, непочитание детьми родителей, сводничество, блуд жены (но не мужа), мошенничество...

С этих самых пор начинает действовать и знаменитое "дело и слово", когда, заподозрив кого-нибудь в измене или в другом серьезном преступлении, доносчик объявлял "государево дело и слово".

Начиналось следствие в застенке с применением пыток. Пытки применялись самые разные, начиная от простого сечения до более тяжелых, когда допрашиваемого подвешивали на дыбу, связав ему руки и ноги, и, прикрепив к ногам тяжелое бревно, "растягивали".

Иногда разводили под ногами костер, затем клали спиной на уголья. Выбривали темя и капали холодной водой. Пытки повторялись до трех раз.

Самой страшной пыткой считалось рвать тело раскаленными клещами.

Если подследственный не признавал своей вины, он считался оправданным. Теперь доносчик, объявивший "дело и слово", должен был какими-либо другими фактами доказать его вину. Если он сделать этого не мог, то его ожидало то наказание, которое постигло бы обвиняемого. Поэтому доносить на кого-либо было крайне опасно. С другой стороны, недоносительство о каком-нибудь злоумышлении против царя каралось смертной казнью. Даже если жена не донесла на мужа или дети не донесли на отца, все они заслуживали смертной казни.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

Смертная казнь применялась довольно широко, и виды ее были очень разнообразны.

Повешение. Этот вид смертной казни существовал с незапамятных времен и среди всех народов. Всегда считался одним из самых позорных и унизительных. Вешали за измену и предательство (возможно, это связано с именем предателя Иуды, который, как известно, выбрал для себя именно этот вид смерти, удавившись в петле).

Сожжение. Применение этой казни тоже уходит корнями в глубь веков. Сжигали за преступления против веры, а также за умышленный поджог. Огню с древних времен приписывалась сила очищающая, недаром сам Господь поразил огнем погрязших в мерзости Содом и Гоморру.

Утопление. Этот вид казни применялся обычно в тех случаях, когда наказанию подлежали большие массы народа, бунтовщиков и мятежников, до нескольких тысяч человек. Тоже напрашивается аналогия с великим потопом, истребившим в свое время почти все человечество.

Отсечение головы. Это был самый распространенный и обычный вид наказания. Применялся в тех случаях, когда преступник заслуживал легкой смерти и его следовало казнить быстро и особенно не мучая.

Расстрел. Впервые официально этот вид смертной казни введен Петром Первым, и применялся он исключительно к военным преступникам. Расстрел производился в торжественной обстановке с чтением приговора перед всем полком, который специально для этого выстраивался.

Все перечисленные выше виды смертной казни считались казнями легкими, не мучительными. Кроме них известны страшные, показательные казни, которые способны были вызвать у присутствовавшей при этом толпы настоящий ужас.

Колесование. Человека клали на землю лицом кверху и, растянув руки и ноги, привязывали в таком положении. Тяжелым колесом с железным обручем палач бил и раздроблял ему кости на руках и ногах. Затем осужденного с переломанными костями клали на это же колесо и в таком виде оставляли на медленное и крайне мучительное умирание. К слову, Пугачев тоже был приговорен к колесованию, но ему сперва отрубили голову, а потом уже переломали кости. Таким образом ему еще, можно сказать, повезло. Бывали случаи, когда колесованные лежали и мучились по нескольку дней.

Сажание на кол. Смерть крайне мучительная и жуткая, когда заостренный кол, вставленный в задний проход, постепенно проходя внутренности, вылезал из спины или из груди. Казнь эта пришла к нам из Литвы. Иногда к колу прибивалась короткая перекладина, что замедляло проникновение кола, оттягивало смерть на два-три дня. После перенесенных страданий у многих покойников глаза вылезали из орбит.

Четвертование. Преступнику рубили по очереди руки и ноги, а затем отсекали голову. Иногда руки и ноги отрывали щипцами. Казнь назначалась за государственные преступления. Таким образом казнен был в Москве Стенька Разин.

Залитие горла. Экзотический способ умерщвления. Применялся почти исключительно к фальшивомонетчикам, которым в горло заливали расплавленный металл, из которого они чеканили фальшивые деньги.

Закапывание в землю. Особый вид смертной казни, который применялся к женам, убившим собственного мужа. Преступницу закапывали живьем в землю по плечи и приставляли стражу для того, чтобы никто не мог кормить ее и поить, а так же чтобы собаки не отъели голову. Мучения обычно длились два-три дня. Были, впрочем, случаи, когда закопанные жили еще 20 и даже 31 день. Точно так же карались и соучастницы преступления. В 1682 году в Москве "окопаны были в землю трое сутки" две Женщины за убийство мужа одной из них.

К слову сказать, за убийство мужем жены подобной статьи не было. Описан случай, когда "кадашенец Ивашка Долгой за убийство жены наказан кнутом и отдан на поруки".

Повешение за ребро. Применялась эта казнь очень редко. Человеку продевался крюк под ребра, и в таком виде его подвешивали. Очень любил забавляться этим Стенька Разин.

Человека, убившего своих родителей, разрывали клещами.

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ

Телесные наказания были двух видов - болезненные и уродующие (отсечение рук, ног, отрезание языка, вырывание ноздрей, клеймение и т.п.). Как уже было отмечено, почти все наказания в прежние времена совершались публично с воспитательной целью, чтобы, глядя на муки преступников, другим было неповадно совершать преступления. Это касалось не только смертной казни, но и более легких наказаний, некоторые из которых стоит перечислить.

Правеж. Способ взыскания долгов, заимствованный когда-то у татар. Неисправного должника помещали в тюрьму, а затем каждый день выводили на людное место, обычно на торговую площадь, раскладывали на земле или на деревянном "козле" и принародно секли по ногам батогами - длинными тонкими палками. Чем больше долг, тем длиннее был срок наказания.

Кнут. Тяжелый кожаный ремень, длиной от метра до двух, плетенный из лошадиной или лосиной кожи и засушенный. Таким кнутом можно было с первого удара содрать мясо до костей. Наказание длилось порою до трех дней, но обычно наносилось тридцать - сорок ударов, и этого было достаточно, чтобы засечь человека до смерти. Иногда в приговорах так и указывалось: "забить до смерти". Битье кнутом совершалось медленно, с паузами и остановками, так что наказание в двадцать ударов длилось не менее часа.

К болезненным наказаниям относились также заковывание в железо, хождение босиком по острым деревянным кольям, сажание на долгий срок на очень неудобную деревянную лошадь.

ПАЛАЧИ

С палачами у властей всегда были проблемы, потому что найти добровольца на эту должность было очень трудно.

В народе палачи пользовались полнейшим презрением и отвращением. Осужденные преступники, выбравшие эту профессию в расчете на облегчение своей участи, освобождались от телесного наказания.

Свое искусство они доводили до совершенства частыми упражнениями. Они могли по желанию разрезать кнутом как острой бритвой подброшенный лист бумаги или же так подхватить кнут, пущенный со всего размаха, что подставленный лист бумаги оставался невредимым. Среди палачей встречались редкие мастера своего дела, которые умели так протянуть кнут по спине, что с каждым ударом он вырывал куски мяса. Обыкновенно в палачи назначались сами преступники, которые после двенадцати лет такой службы отпускались из тюрьмы на волю. В Уложении ведено в палачи на Москве набирать (13 вольных людей и платить им жалованье из казны. Вообще предписывалось, "чтобы во всяком городе без палачей не были". Но охотников на такую должность из вольных людей было очень немного. Воеводы то и дело жаловались, что "в палачи охочих людей не находится, а выбранные принуждением убегают". Заплечные мастера имели большие заработки и получали крупные заказы. Были случаи, что и "воду секли кнутом, если дерзала она от ветров затевать возмущение".

Провинившиеся иногда тайно платили палачу до десяти тысяч рублей, чтобы не изувечил или сделал наказание менее мучительным. Становился в заплечные мастера какой-нибудь забулдыга, бесшабашная голова, у которого был один выход - "встать в палачи за свои вины". Палачам деньги доставались легко. Стоило ему пройтись по базару, всякий старался сунуть ему грош или пятак, как бы в виде задатка. Но когда палач уходил на покой и селился гденибудь, соседи гнушались разделить с ним кусок хлеба, посадить за стол. Прикосновение рук палача считалось осквернением. Взгляд, брошенный случайно на палача, считался нечистым и требовал особого очищения и молитвы Ивану Воину. Мальчишки не упускали случая, чтобы на улицах не потравить палача. Ни купить, ни продать ничего бывшие палачи не могли, так что жизнь их была хуже каторжной.

ТЮРЕМНЫЙ БЫТ

В Уложении 1649 года велелось строить тюрьмы за счет городов и уездов, избирать сторожей из простых людей.

Заключенные - тюремные сидельцы - помещались все вместе, сословий не разделяли. Только в XVII веке начали отделять мужчин от женщин. Хотя известен случай, когда и в это время в новгородской тюрьме сидел скованный с чужой женой сын дьякона Василий Марков, а его жена в

соседней камере также была скована с другим мужчиной. В восьми избах московского тюремного двора в 1664 году сидело 737 колодников, из них в женской тюрьме
27.

Условия содержания были такими, что даже сам царь в своей грамоте указывал: "...ворам и разбойникам чинится теснота и голод и от тесноты и от духу помирают..."

Режима отбывания срока еще не было выработано, не было и единого типа тюрем. Существовали тюрьмы, съезжие дворы, тюремные замки, остроги, колодничьи избы, темницы. Внешний вид и устройство их были разными. Для нарушителей порядка применялись кандалы, цепи, рогатки, стулья и т.п. Но в основном заключенные сами поддерживали порядок, создавали тюремные общины для защиты от произвола тюремного начальства во главе с выбранным старостой. Выражаясь современными понятиями, руководил всей внутренней жизнью - авторитет.

Долгое время никому не было никакого дела, чем и как кормились арестанты. Никакой баланды никто им не варил и по камерам не развозил. В отчетах того времени встречаются такие записи: "Охримка Рваный с приключившейся ему от голода пухлости - умре".

Было что-то похожее на нынешний общак, когда каждый новоприбывший в тюрьму обязан был внести так называемую влазную деньгу, или влазное. Этого хватало не надолго. Единственным способом добыть пропитание было прошение милостыни на московских улицах.

Обычная картина тех лет - в лютый мороз, лязгая железными цепями, под конвоем одного или двух стражников ползут по площади меж торговых рядов четыре-пять скованных в одну связку арестантов. Вид их жалок - без верхней одежды, битые и увечные, орут они дурными голосами, выпрашивая подаяние. По выражению тогдашнего автора: "...стоя скованными на Красной площади и по другим знатным улицам, необычайно с криком поючи, милостыни просят, також ходят по рядам и по всей Москве по улицам".

Бань в тюрьмах не было. Заключенные ходили "оброслыми головами и волосы распускав по глазам".

Попадали в тюрьмы и богатые люди, поэтому водились там и карты и вино. Сторожа и палачи в открытую торговали водкой.

Надо сказать, что тюрьмы разрешалось посещать вольным людям, и это всегда считалось делом христианской милости. Подаяния были довольно щедрыми. К примеру, за год для 350 арестантов одной из московских тюрем было получено:

Хлеба - 1500 пудов.

Мяса - 400 пудов.

Рыбы - 50 пудов.

Яиц - 5000 штук.

Калачей - 35 000 штук.

И 5 тысяч рублей.

И только много позже, начиная с 1785 года - уже при Екатерине II, впервые в истории деньги на содержание арестантов стали выделяться из государственной казны.

АРТИКУЛЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Петр I реформировал в государстве все, что можно было реформировать, в том числе и систему уголовных наказаний. Он внимательно изучил уголовное право стран Западной Европы и стал приспосабливать их к русским условиям. Надо заметить, что система наказаний в других странах была не менее жесткой, чем в России, а порой и далеко превосходила ее по своей жестокости.

В Пруссии, например, смертной казнью каралось даже самое незначительное преступление. За связь с женщиной полагалась смерть. Петр I отозвался на это так: "Видимо, у Карла в его государстве более лишнего народа, нежели в Москве. На беспорядки и преступления надлежит, конечно, налагать наказания, однако же и сберегать жизнь подданных, сколько возможно".

Он отменил смертную казнь за "малые вины" и ввел взамен каторгу, о которой речь пойдет позже.

И все же наказания того времени оставались довольно суровыми. Артикулы включали такие виды преступлений (приведем только некоторые
из них):

1. Преступления против религии

Сюда относились идолопоклонство и чародейство, которые до Петра I карались смертью через сожжение, если доказывалось, что подсудимый общался с дьяволом. При отсутствии таких доказательств применялось тюремное заключение и телесное наказание.

Петром I смертная казнь была заменена ссылкой на каторгу, на галеры, а еще позднее - битьем плетьми и кнутом.

За богохульство отрезался язык.

Появление в церкви в пьяном виде наказывалось штрафом или тюрьмой.

За разрытие могилы - смертная казнь.

Наказывалась также штрафом неявка на молитву, несоблюдение поста, уклонение от исповеди.

Наказаниям подвергались хозяева, которые открывали кабаки до окончания церковной службы.

2. Государственные преступления Вооруженное восстание против властей наказывалось четвертованием. То же самое за подготовку убийства царя.

За устное оскорбление царя отрубалась голова. Бунтовщики и возмутители государственного порядка приговаривались к повешению.

3. Должностные преступления

За взятку - смертная казнь, телесные наказания, конфискация имущества.

Чиновникам запрещалось носить слишком дорогие вещи - серебро, золото, меха. За это налагались крупные штрафы.

Если служилый человек не поймал преступника, которого можно было поймать, то в таком случае он наказывался так же, как должен был быть наказан не пойманный им преступник.

4. Преступления против суда

Лжеприсяга и лжесвидетельство наказывались отсечением двух пальцев и ссылкой на каторгу. Те, кого хоть раз в этом уличили, не допускались больше ни к должностям, ни в свидетели.

5. Преступления против благочиния

Укрывательство преступников каралось смертью. Содержание притонов, распевание непристойных песен, матерщина тоже являлись преступлениями. Запрещались азартные игры, при этом все деньги конфисковывались, а игроки вдобавок штрафовались.

Запрещалось нищенство. Нищие отсылались в монастыри, а подающие милостыню подвергались штрафу.

Строго наказывался обман покупателей, обвес, подделка гирь.

6. Преступления против личности

За умышленное убийство - отсечение головы, за неосторожное убийство - тюремное заключение, шпицрутены (толстые прутья, которыми били преступника, прогоняя его сквозь строй), штрафы. Случайное убийство прощалось, но врач, который по неосторожности умертвил больного, подвергался смертной казни.

За заказное убийство - к примеру, отравление отца, матери, ребенка или офицера - полагалась одна из самых страшных казней - колесование. За нанесение увечья отсекали руку преступнику. Также отсечение руки присуждалось за удар палкой или тростью.

За легкие телесные повреждения, удар ножом виновника ставили под виселицу, прибивали ему руки к плахе тем ножом, которым он совершил преступление, и так держали в течение часа, после чего освобождали и били шпицрутенами.

За явную клевету сажали в тюрьму на полгода. Если клевета была не устной, а в письменном виде, то ее автор подвергался наказанию, предусмотренному за преступление, в котором он обвинял свою жертву.

Оскорбление женщины наказывалось в два раза строже, чем оскорбление мужчины.

7. Имущественные преступления

Грабеж, поджог, кража, порча имущества. Если человек крал по крайней нужде и необходимости, он освобождался от наказания. То же самое по отношению к сумасшедшим и малолеткам.

Если цена украденного не превышала двадцати рублей, вора наказывали шпицрутенами, прогоняя шесть раз сквозь строй.

За повторную кражу наказание удваивалось, за третью - отрезали нос, уши и отправляли на каторгу.

Если ценность краденого превышала двадцать рублей, то казнили уже после первой же кражи.

Смертная казнь через повешение применялась за кражу в четвертый раз, за кражу госимущества, за кражу во время стихийного бедствия, наводнения или пожара.

За похищение людей рубили голову.
8. Преступления против нравственности
За изнасилование, мужеложство - смертная казнь или ссылка на галеры.
За открытие или посещение публичных домов - плеть и штраф.

ССЫЛКА

В древности существовало такое наказание, как "изгнание вон из земли", когда провинившегося выдворяли с места, где он проживал, и тот отправлялся куда глаза глядят.

Позднее, когда русские завоевали Сибирь и южные земли, возникла необходимость их освоения и заселения. Ссылка стала применяться широко и целенаправленно.

По Соборному уложению ссылке подлежали: все воры и разбойники, мошенники после отбытия тюремного заключения;

содержатели питейных заведений (после первичного наказания кнутом и вырывания ноздрей); чиновники за взятки и прочие нарушения; соучастники в краже из жилища, если при этом было совершено убийство;

горожане, которые во время следствия скрыли или изменили свое имя.

Сссылали в Архангельск, Новгород, Холмогоры, Симбирск, Казань, Самару, Астрахань, Пермь, Уфу и т.д.

От местных властей постоянно поступали жалобы на то, что ссыльные бесчинствуют, бунтуют, разбойничают, не желают жить честным трудом. Но у правительства не было никакого выхода, поэтому приходилось по-прежнему заселять эти места всяким сбродом. Именно из него в свое время составился костяк войска Пугачева.

ТЮРЬМЫ ПРОШЛОГО ВЕКА

К концу XIX века в России насчитывалось 895 тюрем. По данным на 1 января 1900 года, в них содержалось 90 141 человек.

(Для сравнения: сегодня только в СИЗО сидит 280 тысяч человек и более 1 млн. в тюрьмах и на зонах.)

Вот некотрые описания тогдашних тюрем и условий жизни заключенных. Англичанин Венинг осмотрел петербургские, московские и тверские тюрьмы в 1819 году. Вот его впечатления.

...Две низменные комнаты были сыры и нездоровы; в первой готовили пищу и помещались женщины, которые хотя и были отгорожены, но на виду всех прохожих; ни кроватей, ни постелей в них не было, а спали женщины на настланных досках; в другой комнате было 26 мужчин и 4 мальчика, из них трое мужчин были в деревянных колодках; в этой комнате содержалось и до 100 человек, которым негде было прилечь ни днем, ни ночью. Комната для колодников высшего состояния находилась почти в земле; попасть в нее можно было чрез лужу; комната эта должна порождать болезни и преждевременную смерть. В работном доме Венинг увидел в одной комнате 107 арестантов - малых, взрослых и старых, один из которых, старик, сидел там уже 22 года. Некоторые были в цепях, а караульные солдаты имели сообщение с молодицами.

Двор чрезвычайно грязен; нужные места, не чистившиеся несколько лет, так заразили воздух, что почти невозможно было сносить зловония. В сии места солдаты водили мужчин и женщин одновременно, без всякого разбора и благопристойности. В камерах было также темно, грязно, а пол не мылся с тех пор, как сделан. Сидело в одной комнате до 200 человек, и вместе с величайшим, например, преступником, окованным железами, - несчастный мальчик, за потерю паспорта. Венинга ужаснула женская комната, в которой с женщинами находились днем и ночью три солдата. Невозможно без отвращения и помыслить о скверных следствиях такого учреждения.

Петербургская исправительная тюрьма в середине XIX века.

Два двухэтажных здания: в первом четыре камеры, каждая на 148 человек. В камере - в стене доска, на ней тюфяк, суконное одеяло и подушка, набитая мочалой, на гвозде полотенце. На дверях

решетчатое окошко, над ним номер. При этих четырех камерах имеются мастерские и уборные с умывальниками. В том же здании столовая, кухня, хлебопекарня и квасоварня.

Другое здание - административное: в нем - служители и караул, на втором этаже - начальник тюрьмы, его помощник и тюремный священник. В боковых частях - контора, больница, камеры для особых арестантов, карцеры и кладовые.

В подвалах острогов находились одиночные камеры для самых важных преступников: это неоднократные убийцы, грабители, поджигатели и прочие. Там не было ни кроватей, ни постелей, спали заключенные на полу, прикрываясь тряпьем. Мокрицы и дождевые черви наполняли - камеру.

Этажом выше тоже находились одиночные камеры для подследственных.

Известно, что одиночное заключение губительно влияет на человека. Он духовно и физически ослабевает от безысходности, впадает в полное равнодушие. Сначала заключенный думает о суде, о следствии, взвешивает все "за" и "против", придумывает аргументы в свою защиту. Он строит фантастические планы освобождения, мысли его текут стремительно. Они, по выражению Шекспира, населят его темницу толпою жильцов. Хорошо, если образованному человеку можно пользоваться книгами. Мы знаем случаи, когда заключенные одиночек изучали языки, писали научные работы.

Еще более силы дает идея - религиозная или политическая. Человек в одиночке долгое время может подпитывать свой дух ею, сохраняя себя как личность. Но такие люди - исключение. Всех прочих одиночество отупляет, а зачастую и вызывает отклонения в психике и физиологии.

В петербургской морской тюрьме сидевшие в одиночках матросы спустя год стали проявлять признаки идиотизма.

"Какие мучения причиняет долговременное заключение в каземате! - жаловался один бывший политический заключенный. - В моей камере часто бывало холодно, обыкновенно - сыро и всегда темно. Одинокий, лежал я там день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем, не слыша других звуков, кроме унылой игры курантов на соборе, раздающейся каждые четверть часа, причем мне казалось, что в игре их слышится: ты лежишь! лежи спокойно! Мне не оставалось ничего другого, как ходить вдоль и поперек по камере и размышлять о своем положении.

Сперва я все время разговаривал шепотом сам с собой, повторяя себе все то, что припоминал из когда-либо читанного мною, составлял речи, которые можно было бы произнести при известных обстоягельствах. Но скоро моя душевная бодрость пропала, и я уже не мог делать ничего подобного. Тогда я ложился молча на кровать и целыми часами пролеживал на ней, не думая, насколько помню, в это время ни о чем.

Не прошло еще и года, а я уже так опустился и физически и нравственно, что стал позабывать отдельные слова. Желая выразить какую-нибудь мысль, я не мог подчас подобрать большинства нужных для этого слов; припомнить их мне стоило большого труда. Родной язык как будто сделался мне чужим или как будто я позабыл его, не имея никакой практики. Меня преследовала все время боязнь сойти с ума, тем более что мои соседи уже начинали сходить с ума и преследовались галлюцинациями. Часто я просыпался ночью, разбуженный их криками, и с ужасом слушал, как они прогоняли стражу или отгоняли от себя тех или то, что являлось плодом их расстроенного воображения. Часто я слышал также их стоны и проклятия, когда жандармы привязывали их к постели во время сильных приступов лихорадочного бреда".

Вот что писали европейские психиатры XIX века о состоянии заключенного:

"Минута, когда заключенный увидит затворившуюся за ним дверь, производит на человека глубокое впечатление, каков бы он ни был, - получил ли воспитание или погружен во мрак невежества, виновен или невиновен, обвиняемый ли он и подследственный или уже обвиненный. Это уединение, вид этих стен, гробовое молчание - смущает и поражает ужасом. Если заключенный энергичен, если он обладает сильной душой и хорошо закален, то он сопротивляется и спустя немного просит книг, занятий, работы.

Если заключенный - существо слабое, малодушное, то он повинуется, но незаметно делается молчаливым, печальным, угрюмым; скоро он начинает отказываться от пищи и, если он не может ничем заняться, то остается неподвижным долгие часы на своем табурете, сложив руки на столе и устремив на него неподвижный взор. Смотря по степени его умственного развития, смотря по его привычкам, образу его жизни и нравственной конструкции, мономания принимает в нем форму эротическую или религиозную, веселую или печальную. Все это заставляет нас принять следующее положение: келейное содержание содействует более частому развитию сумасшествия".

Заключенный в состоянии отчаяния или умоисступления пытается покончить жизнь самоубийством. Хотя сделать это в камере трудно, разве что повеситься на собственных штанах или разбить голову о стену. Доходило до того, что вымачивали в урине копейки, пытаясь получить медную окись для отравы.

Один вышедший заключенный спал сутками, изредка просыпаясь на пять минут. Только через год его организм пришел в нормальное состояние. Бронислав Шварце в 1863 году осмотрел одиночную камеру Шлиссельбургской крепости: "Три шага в ширину, шесть - в длину, или, говоря точнее, одна сажень и две, - таковы размеры третьего номера. Белые стены, с темной широкой полосой внизу, подпирали белый же потолок. На значительной высоте находилось окно, зарешеченное изнутри дюймовыми железными полосами, между которыми, однако, легко могла бы пролезть голова ребенка. Под окном, снабженным широким деревянным подоконником, стоял зеленый столик крохотных размеров, а при нем такого же цвета табурет; у стены обыкновенная деревянная койка с тощим матрацем, покрытым серым больничным одеялом; в углу, у двери, классическая параша. На острове было необыкновенно сыро, в особенности на северной стороне, где я сидел и где никогда не показывалось солнце. Достаточно было белью пролежать несколько дней в камере, как оно совершенно покрывалось плесенью".

Но несмотря на все эти ужасы, рядовой острог середины XIX века производил вовсе не удручающее впечатление. Во дворе, обнесенном высокими стенами, с утра до вечера толпился самый разнообразный народ: конокрады и мазурики, пропившиеся чиновники и старцы-раскольники... Больше всего - бродяг и каторжников, бегающих с рудников. Они, как правило, одеты в казенное: серый армяк, плотная заношенная рубаха, порты, не доходящие до щиколоток, и башмаки на голых ногах.

Двор скорее напоминает рынок, тем более что всюду шныряют торговцы разным барахлом. Продают махорку на закрутку, рубашку без рукавов, кишку под водку и пр. Тут же сражаются любители орлянки, играют, в чехарду, показывают фокусы: Внутри острога тоже преобладали шум и галдеж. Народ болтается по коридорам, толпится в больнице, у женского отделения. Центрами притяжения в остроге были майданы - места торговли и развлечений. Там можно купить папиросы, калачи, водку и карты. Майдан - это еще и кабак, и клуб по интересам, и игорный дом. Устраивался майдан обычно внизу, близ арестантской кухни и квасной. Там постоянно околачивались покупатели и пьяные. Рядом своего рода трактир, где в кислой духоте арестант за четыре копейки мог сколько угодно наливаться кирпичным чаем. Здесь можно было узнать последние уголовные новости из самых удаленных острогов.

Общие камеры представляли собой затхлые комнаты с развешенными повсюду для просушки портянками, тряпками, мешками. Полчища тараканов бродили по стенам. На нарах валялись полуодетые арестанты: одни спали, другие зевали от скуки. Это были бродяги, тоскующие по воле, ценившие ее. Рядом играли в карты, кто-то на папиросной бумаге выводил трехрублевку, а у грязного окна жидкими чернилами писали прошения.

И. Белоконский в очерках тюремной жизни "По тюрьмам и этапам" (1887 год) пишет так: "Все русские тюрьмы похожи одна на другую, жизнь во всех них до того однообразна, что все сказанное об одной вполне применимо и ко во всем вообще. Некоторые изменения, вариации зависят в большинстве от местного начальства, и более всего от смотрителя тюремного замка, безапелляционного владыки арестантов: хорошо, гуманно местное начальство - и в тюрьме лучше, легче; строже - и в тюрьме хуже, ибо часто законы у нас воплощаются, по правде сказать, в лицах, распоряжающихся статьями..."

Внутренняя жизнь тюрьмы регламентировалась XIV томом Свода Законов, где расписано было все. Но на самом деле бытие арестанта шло своим чередом. В шесть утра раздавался звонок и отпирались камеры. Кто хотел вставать - вставал, кто нет - хоть до вечера спи. Никакой молитвы, как это предписывалось, не читалось. У кого был чай и сахар, брали жестяные чайники и шли на кухню. Нарядов на работу не давали, и арестант исполнял ее на свое усмотрение, когда хотелось. В II часов - обед: заключенные берут бачки - деревянные кадушки с обручами - и идут на кухню, где получают похлебку. Ее дают сколько угодно. В два пополудни опять можно пить чай. В пять вечера - ужин, в шесть - поверка и камеры запираются. Неудивительно, что побеги случались довольно часто. Арестанты, сбитые в Москве в одну партию и порученные конвойному офицеру с командой, выходят еженедельно в определенный день из пересыльной тюрьмы.

Очутившись за тюремными воротами на улице, арестантская партия проходит сквозь уличную толпу, Толпа эта знает, что арестанты идут в дальнюю и трудную дорогу, протяженностью в

несколько тысяч километров, и продлится этот путь не один год. Они пойдут пешком, в кандалах, по летней жаре, по грязи осенью, при жестоких морозах зимой. Собирает арестантская партия, проходя по Москве, подаяния. Достаточно одного появления арестантов на улице, как пожертвования идут со всех сторон, в бедных Бутырках, в богатом купеческом Замоскворечье, на торговой Таганке. Чем больше народу на улицах, тем обильнее подаяние для арестантской артели. Ссыльные и тюремные заключенные в понятиях русского народа всегда считались людьми несчастными, достойными сострадания. Это участие и помощь ссыльным, совершенно неизвестные в Западной Европе, - у нас чувства исконные и родовые. В Москве, где, по словам всех ссыльных, подаяния были особенно обильные, арестантов направляли стороной от тех улиц, где жили богатые купцы. Поэтому для того, чтобы привлечь их внимание, конвойный барабанщик "вызывал" их барабанным боем. Имена, отчества и фамилии богачей-благотворителей помнили ссыльные и на каторге. По словам одного из ссыльных: "Москва подавать любит: меньше десятирублевой редко кто подает (по тем временам деньги очень немалые!). Именинник, который выпадает на этот день, тот больше жертвует. И не было еще такого случая, чтобы партия, помимо денег, не везла с собою из Москвы целого воза калачей. Мы наклали два воза..."

Через каждые 20-25 километров партия ссыльных останавливалась на ночевку (полуэтап). После двух дней пути полагался суточный отдых в этапной тюрьме.

Во время остановок по тюрьмам арестанты получали иногда подаяния натурой, съестными припасами. Существовал для партий еще один доход - денежный. За несколько верст до больших городов навстречу партии выезжал бойкий на язык, ловкий и юркий молодец, который обычно оказывался приказчиком того купца, который поставляет арестантам казенную зимнюю одежду. Молодец этот отлично знаком с начальником конвоя. Он предлагал арестантам продать выданные им в пересыльной тюрьме казенные полушубки. Давал немного, но наличными. Взамен снабжал арестантов той рванью, которую привозил с собой. Пока партия, одетая в рванье, подходила к городу, молодец успевал привезти и сдать купленные вещи хозяину, а хозяин отвезти и продать тюремному начальству. Когда арестанты размещались в городской тюрьме, у них отбирали рванье и заново выдавали зимнюю одежду. Таким образом полушубки, подсунутые в казну ловким перекупщиком, поступали опять на те же плечи, с которых накануне были сняты. Все стороны были довольны.

Идет партия в неизменном, раз и навсегда установленном порядке: впереди ссыльно-каторжные в кандалах (весом до шести килограммов), в середине ссыльно-поселенцы, без ножных оков, но прикованные по рукам к общей цепи, по четверо, сзади, также прикованные по рукам к цепи, идут ссылаемые на каторгу женщины, а в хвосте обоз с больными и багажом, с женами и детьми, следующими за мужьями и отцами на поселение. По бокам, впереди и сзади идут конвойные солдаты и едут отрядные конвойные казаки.

До Тобольска партии шли в полном составе, то есть так же, как и выходили из Москвы. Женщины от мужчин не отделялись, и иногда можно было видеть на подводах, следующих за партией, мужчин и женщин, сидевших вместе в обнимку. Для этого подкупался конвой, деньги давались солдатам и офицеру.

Наблюдавшие за томским острогом свидетельствуют о том, что пересыльные арестанты, пользуясь удобством размещения окон, выходивших во двор против бани, целые часы простаивают на одном месте, любуясь издали на моющихся в бане арестанток.

В тюремном остроге арестанты прячутся за двери, чтобы выждать выхода женщин. Женщины настойчиво лезут к мужчинам и артелями (человек по двадцать) совершают вылазки, особенно в больницу. Один фельдшер попробовал помешать им: ему накинули на голову платок и щекотали до тех пор, пока ему не удалось вырваться. В некоторых тюрьмах сами смотрители за свидания мужчин и женщин брали рубль серебром.

В тобольской тюрьме арестантские партии делились на десятки, для каждого десятка назначался особый начальник - десятский, над всеми десятками - главнокомандующий староста, которого выбирали всей партией. После этого ни один этапный офицер не имел права сменить старосту. Отсюда шли уже отдельно: каторжные своей партией, поселенцы своей, женщины тоже отдельно.

Из тобольской тюрьмы арестант выходил с запасом новых вещей, полученных за казенный счет. Теплый тулуп, на руки шерстяные варежки и кожаные голицы, на ноги суконные портянки и бродни, на голову треух... Имущество это арестант может уберечь, а может и продать кому угодно - охотников много: тот же конвойный солдат, свой брат торговец-майданщик, крестьянин из попутной деревни и проч. Продают больше по частям, но можно и все разом, особенно если

подойдет дорога под большой губернский город. Там разговор известный - потеряд, проел, товарищи украли. Выпорют за это или побьют по зубам непременно. Но и новыми вещами снабдят также непременно. Одевка, таким образом, производилась в каждом губернском городе, а по пути снова все проматывалось.

Существовало такое понятие, как арестантская артель. Образованию арестантской артели предшествовали торги. Торги проводились на отдельные статьи:

1. Содержание водки.
2. Содержание карт и съестных припасов.
3. Содержание одежды и прочих вещей.

К торгам допускался всякий желающий, но выигрывал обычно тот, у кого больше денег и кому торговое дело знакомо и привычно. Это большей частью люди бережливые, скопидомы, которые сумели уберечь и припрятать на этапе кое-какую копейку, не тратили ее ни на женщин, ни на прочие соблазны. Выигравший торги становился майданщиком. Майданщик получал единоличное право на содержание карт, костей, юлки и прочих игорных принадлежностей. В другие руки поступала торговля табаком, водкой. В третьи - торговля харчем и доставка съестных припасов. Заплатив артели несколько рублей за право торговли, откупщики-майданщики обязаны уже иметь все, по первому требованию арестантской общины.

Этапную жизнь, собственно, арестанты любят, хотя она и представляет цепь стеснений и вымогательств, и любят они ее потому, может быть, что она как будто ближе к свободной жизни. С этапами арестанты расстаются неохотно. Арестанты приходят на каторгу без денег, рваные, голые, без надежды и без родины... Вот партия на месте. Местное начальство принимает арестантов по списку.

Обычно весь путь совершался за 1-1,5 года, но время этапирования не засчитывалось в срок каторги. Срок этот исчислялся с того дня, когда каторжный прибывал к месту работ.

КАТОРГА

Подневольный карательный труд в пользу казны как мера наказания, соединенная с ссылкой, был известен с глубокой древности. Уже в Римской империи он применялся довольно широко. Знаменитый римский водопровод, сохранившийся до наших дней, был построен руками каторжников.

Одной из самых распространенных форм подневольного труда преступников в средние века почти во всех странах Европы была работа на галерах. Этот вид каторги был впервые применен в России Петром I по указу 1699 года, где предписывалось преступников "положить на плаху и, от плахи подняв, бить вместо смерти кнутом без пощады и послать в ссылку в Азов с женами и детьми, и быть им на каторгах в работе".

Подневольный каторжный труд во времена царствования Петра I сосредоточивался не только на гребных судах. Уже в 1703 году некоторые из ссыльных были переведены из Азова в Петербург для работ по устройству порта в городе, а также для строительства других портов на Балтийском море. Петр Великий пишет в одном из писем на имя князя Ромодановского: "...ныне зело нужда есть, дабы несколько тысяч воров приготовить к будущему лету и собрать по первому пути".

Каторжный труд играл большую роль во всех постройках и сооружениях первой половины XVIII столетия. Он применялся на екатеринбургских и нерчинских рудниках. Вечная ссылка на непрерывную работу стала применяться взамен смертной казни. По тяжести наказания различались рудниковые, крепостные и заводские каторжные работы. Постепенно, к концу XIX века, крепостные работы прекращаются в связи с тем, что отпала нужда в строительстве новых крепостей. Уменьшаются работы и на рудниках, временно закрывается знаменитый нерчинский. Заводы перестают принимать каторжан, Осужденные на каторжные работы теперь вместо отсылки в Сибирь помещаются в каторжные тюрьмы - Новоборисоглебскую, Новобелгородскую. Клецкую, Виленскую, Пермскую, Симбирскую, Псковскую, Тобольскую и Александровскую неподалеку от Иркутска.

Устройство этих тюрем почти не отличалось от обычных тюрем. Режим здесь был более строгий, но никаких работ не производилось. После отсидки в каторжной тюрьме заключенные освобождались, но направлялись в Сибирь на поселение.

Также, в связи с освоением острова Сахалин, губернатору Восточной Сибири предписано было высылать туда людей для работы по прокладке дорог, по устройству портов, сооружению домов, мостов, для труда на каменноугольных копях и пр.

Все осужденные на каторжные работы делились на три разряда:

1. Осужденные без срока или на время свыше 12 лет именовались каторжными первого разряда.
2. От 8 до 12 лет - каторжные второго разряда.
3. От 4 до 8 лет - каторжные третьего разряда.

При поступлении в работы все каторжные зачислялись в разряд испытуемых и содержались в острогах. Бессрочные - в ножных и ручных кандалах, срочные - только в ножных.

Мужчинам выбривалось полголовы.

При удовлетворительном поведении испытуемые переводились в отряд исправляющихся, которые содержались без оков и занимались более легкой работой отдельно от испытуемых.

Единственное исключение касалось только отцеубийц и матереубийц, которые никогда в отряд исправляющихся не переводились.

Затем исправляющиеся начинали пользоваться правом жить не в остроге, могли себе построить собственный дом, для чего им отпускался лес и строиматериалы. Им возвращались деньги, отобранные при ссылке, и разрешалось вступить в брак. Если каторжанин работал без взысканий, то десять месяцев срока ему засчитывались за год. На 1892 год общее число отбывающих каторгу со-

ставляло по всей России - 14 484 человека. Каждому арестанту полагалось по фунту мяса летом и по 3/4 фунта в прочее время, 1/4 фунта крупы. Они ели и щи, и картофель, и лук, но это уже на собственные заработанные деньги.

Каждая арестантская артель выбирала себе старосту. В его руках находились общие деньги (общак), он распределял съестные припасы между заключенными, отвечал за все проступки своих товарищей перед начальством. Лишить его звания старосты начальство без согласия артели не имело права. В старосты чаще всего выбирался тот из арестантов, кто прошел огонь и воду, кто знал все тюремные законы. Всякий староста знал, что за ним внимательно следит вся артель, особенно за его взаимоотношениями с тюремным начальством. Малейшая ошибка - и староста сменялся. Смещенный староста подвергался затем общему презрению, самому тяжкому из всех наказаний, какие только могут быть придуманы в местах заключения.

Донос - самое нетерпимое из всех тюремных преступлений. Хотя ябедник и доносчик там явление очень редкое, но тем не менее бывалое, и если больного этою трудноизлечимою болезнью не вылечат два испытанных средства (каковы прогон сквозь строй жгутов и презрение), то его отравляют растительными ядами (обыкновенно дурманом). К исключительному средству этому прибегают редко и в таком только случае, когда начальство не перемещает доносчика в другую тюрьму.

Товарищество соблюдается свято и строго. Арестанты виноватого (но не уличенного) товарища ни за что и никогда не выдадут. Уличенный, но не пойманный с поличным, в преступлении своем никогда не сознается, и не было примера, чтобы пойманный в известном проступке выдал своих соучастников. Он принимает все удары и всю тяжесть наказания на себя одного.

Стремясь к согласию и возможной дружбе, заботясь об единодушии, тюремная артель не терпит строптивых, чересчур озлобленных, сутяг и всякого рода людей беспокойных.

Одиночное заключение арестанты ненавидят и боятся его пуще всех других. Для всякого арестанта дорога тюремная артель, мила жизнь в этой общине, оттого-то все они с таким старанием и так любовно следят за ее внутренним благосостоянием: удаляют беспокойных и злых, исключают доносчиков, обставляют непререкаемыми правилами, сурово наказывают своим судом виновных, а суд тюремный самый неумолимый и жестокий.

ПОБЕГИ

Гений тысячи и одной авантюры

Старинная Кишиневская тюрьма помнит самого дерзкого и неприкаянного узника. Григорий Котовский, бессарабский разбойник и герой 1001 уголовной авантюры, первым унизил этот допр, о котором гуляла только положительная слава. После серии политических экспроприаций

неуловимый Григорий Иванович таки угодил в засаду и был помешен в этот самый Кишиневский допр, больше напоминающий замок (ударение можно ставить на любом слоге).

Высокий каменный забор, тройные металлические ворота и цепь часовых по всему периметру тюрьмы могли навеять грусть и здоровый пессимизм на кого угодно. Котовский кручинился в каменном мешке лишь первые дни, потом задумал грандиозный побег, которому место не в служебных рапортах и отписках, а в Золотом фонде тюремной России. Великий разбойник был помешен в одиночную камеру башни. Каждые полчаса охрана заглядывала в дверной глазок, дабы удостовериться, что Котовский не крушит кувалдой стену, не вьет веревку и не долбит каменный пол. Но Григорий Иванович весь день мерно расхаживал по камере, пел, насвистывал и вообще вел себя отнюдь не вызывающе. Лишь один раз он начал активно приседать, однако обошлось без переполоха: бандит-анархист следил за работой своего благородного бессарабского сердца.

Он уже заимел опыт ухода из-под стражи. Банальный своей грубостью и грубый своей банальностью сценарий можно было вновь использовать: вырванная решетка, разброс охраны по коридору, нахальный прыжок с шестиметровой стены на двадцать третьего часового и т.д. Но Котовский, гений афер и авантюр, требовал большего. В его гладкой как шар голове рождались 1акие планы, которые могли возникнуть лишь в горячечном сне.

Григорий Иванович решил во время его конвоирования на допрос или прогулку отдубасить надзирателей, разоружить всю внутреннюю охрану тюрьмы, затем выпустить узников и захватить в свои руки весь допр. Добравшись до телефонного узла, он вызвал бы к себе жандармских офицеров, прокурора и полицмейстера. Краткие переговоры со всей этой гвардией Котовский мечтал завершить ее арестом и водворением в камеру. И лишь затем наступала финальная часть спектакля. Переодев часть здешних узников в форму конвойных войск, Котовский и его товарищи по тюремному режиму под видом спецэтапа явились бы на вокзал, оккупировали поезд "Кишинев-Одесса" и сошли бы где-то на перегоне.

План имел недостатки. Во-первых, он был почти невыполнимым. Во-вторых, прокурор и полицмейстер могли попросту наплевать на ультиматум бунтовщика и вместо себя отправить к тюрьме солдат. В-третьих, о расписании движения поездов на Одессу ни Котовский, ни его друзья не знали. И все же бесстрашный Григорий Иванович взялся за дело. Он имел беспрогулочный режим содержания, поэтому план побега пришлось передавать тюремной почтой. Почти неделю шел обмен записками и перестук. Верные бойцы, которые томились в общих камерах, поначалу были шокированы этим планом и посчитали его грубой провокацией. Но вскоре согласились выполнить любой приказ своего кумира, который пошагово расписал всю операцию.

Утром 4 мая 1906 года тюрьма вышла на утреннюю прогулку. Один из заключенных остался в камере, жалуясь на слишком жидкий стул и резь в животе. Спустя пять минут он забарабанил кулаками по двери. У глазка мигом вырос надзиратель:

- Чего надо? Чего лупишь как дурак?

- Понос замучил, сил нет, - стонал узник, пытаясь показать надзирателю что-то в углу. Чертыхаясь, охранник приоткрыл дверь и сразу же скривился:

- Ты что, сволочь, уже навалил?

- Покорнейше прошу извинить. Это не подвластно моим желаниям, - арестант испуганно жался к стене, заслоняя угол. Охранник, отпустив замысловатое обращение, рванул дверь: "Иди ср..." Через мгновенье он отдыхал на холодном полу с пустой кобурой. Тюремная охрана царской России любила носить револьверы как по двору, так и в коридорах. Поэтому оружие и становилось первой добычей беглецов и бунтовщиков. Опустошив кобуру, отобрав ключи и покрепче затянув узлы на грустящем надзирателе, арестант пошел не в сортир, а в соседний коридор. В самом конце на табуретке сидел второй охранник и, шевеля губами, читал газету. Дочитав интересную заметку, он сложил листы и увидел перед собой строгий ствол револьвера. Бесшумно отстегнув связку и сдав табельное оружие, он лег на пол и дал себя связать. И вновь смелый узник пошел не к параше, а к камере-одиночке, чтобы выпустить напарника. Потом он переоделся в форму охранника и вместе с напарником двинулся к прогулочному дворику, где по кругу ходили десятка два заключенных. Арестант, повернувшись спиной, стал в дверном проеме, поманил рукой охранников и быстро зашагал к карцеру. Растерянные охранники, на ходу вытаскивая револьверы, заспешили за ним. Когда их подозрения усилились, было уже поздно. В карцере их ждала неожиданность: удар по голове. С надзирателей сняли недостающие ключи и пошли к железным дверям, за которыми тянулась вверх лестница в башню. Через пять минут Котовский уже пожимал руки своим освободителям. А еще через минуту мчался по лестнице вниз и во всю глотку взывал к бунту. Во

дворе он носился с газетой и кричал о манифесте, который якобы амнистировал всех арестантов. "Все свободны, выходите! - кричали котовцы, открывая дверь за дверью. - Крушите стены, ломайте ворота".

Вскоре во дворе толпились сотни заключенных, выпущенных бандитами из камер. После непродолжительной призывной речи орлы Котовского пошли на штурм первых ворот. Они поддались удивительно легко. Привратника, который имел неосторожность открыть окошко и выглянуть во двор, схватили за уши и держали до тех пор, пока он не отдал ключи. Дальше стройный план дал крен, завершившийся полным провалом. Организованного бунта не получилось. Узники бегали по двору и каждый норовил побыстрей скрыться. Трое из них уже успели смастерить лестницу и перемахнуть через стену. Часовые на стенах засуетились и открыли пальбу. Раздались первые стоны. Двор забеспокоился, многие заспешили обратно в камеру. Котовский, видя, что все к чертям рушится, носился в толпе и призывал развалить вторые и третьи ворота. Повинуясь магическому кличу, десятки плеч навалились на железные ворота, кто-то уже нес лом. Ворота сдались только через десять минут, когда у входа уже кучковался наружный караул. Раздалась короткая команда: "Гтовсь!", защелкали затворы, пристегнулись штыки. Чуть дальше задыхались от лая сторожевые собаки.

Видя ощетинившиеся штыками стволы, бунтовщики попятились. Солдаты пошли в атаку, орудуя штыками и прикладами. Котовский, действующий в первых рядах, едва уклонился от тычка в голову. Удар пришелся в плечо. Зажимая рану, зачинщик беспорядков отступил и смешался с толпой. Озверевшие от криков и крови солдаты загнали арестантов обратно во двор и начали рассекать толпу на несколько частей. Задние разбежались по камерам. Заспешил в свою башню и Григорий Иванович. Сжимая по револьверу в каждой руке, он несся лестничными пролетами к верхнему этажу. В камере он забаррикадировался крепкой мебелью, которую снес из подсобной кладовки. Когда дверь загудела под напором солдат. Котовский взревел и для острастки пальнул в потолок:

- Не входить - убью. Поубиваю тех, кто войдет первым.

- Сдавайся, - ревели за дверью. - Отдай револьверы, Котовский.

- Отдам, если бить не будете.

- Еще чего! Готовься.

- Тогда палить буду. Пусть приедет губернатор и пообещает, что бить не будете.

Губернатор в Кишиневскую тюрьму приехал. Как и всякий отец губернии, он сторонился скандалов и глупых жертв. Он уговорил Котовского сдаться и смиренно дожидаться суда. Разбойник-анархист в бессильном гневе топал ногами и орал: "Бездари! Иваны! Шпана! Вам место в вонючей тюрьме, а не на воле!". Эти обидные слова относились не к надзирателям, которые таки успели отвесить Григорию Ивановичу пару тумаков, а к сообщникам, успешно провалившим гениальный план. Десять дней Котовский простоял в сыром карцере, глубоко и надолго задумавшись. Даже невооруженным глазом было видно, что затевалось новое дело. Кто не знал бессарабского бандита, тот мог сказать: "Котовский подавлен и сломлен. Он жалок". На самом деле все та же голова вынашивала новый план. Он был менее дерзок, но великий узник решил не выкобениваться, а просто покинуть тюрьму. Но без сенсаций вновь не обошлось.

Однажды в тюрьму явилась светская дама, супруга известной административной особы Кишинева. Столь необычное посещение женщина объяснила праздным любопытством. Начальник тюрьмы с готовностью провел ее в свой кабинет, трижды повторив: "Чем могу служить?" Гостья робко интересовалась местным укладом, историей замка, обещала внести пожертвования в адрес допра и похлопотать перед супругом о карьере начальника тюрьмы. Это окончательно растопило сердце строгого администратора. Любуясь произведенным эффектом, дама, опустив веки, спросила:

- Это правда, что у вас сидит сам Котовский, этот ужасный бандит и проходимец?

- Сидит, голубчик. Скоро вешать будут.

- А можно взглянуть на него одним глазком? Уж больно колоритная фигура.

Начальник отрицательно замотал головой, но на него смотрели голубые взволнованные глаза. Он кашлянул, потер нос и вежливо поинтересовался:

- Хотите в глазок или как-с?

- Или как-с. Мне бы хотелось с ним переговорить и передать ему молоко и хлеб. Это не только моя прихоть. Этот реверанс нужен моему мужу для политических игр. Надеюсь, вы умеете держать язык за зубами.

Глава допра щелкнул каблуками и велел конвою из пяти человек отвести гостью в высокую башню. Дама кратко поблагодарила за любезность и грациозно тронулась лестничными пролетами. Схожая ситуация (лет через семьдесят) наблюдалась в польском фильме "Вабанк - 2", однако в 1906 году тюремный побег развивался гораздо круче. Переступив порог камеры, где полулежал Котовский, закованный на время свидания, дама повернулась к конвою:

- Благодарю вас, господа. Оставьте нас наедине, но дверь не закрывайте и глядите в оба. За мою жизнь вы отвечаете головой.

Надзиратели переминались с ноги на ногу и уходить не спешили: внутренние правила свиданий уже нарушались полностью. Наконец они вышли в коридор и уставились на Григория Ивановича, который, казалось, был полностью безучастен к визиту прекрасной дамы. Он демонстративно зевал и почесывал пятку.

- Вы тот самый Котовский? - строго спросила дама.

- Хм. Ничего особенного. Надеюсь, вы знаете кто я? Вам передали хлеб и папиросы, но я отдаю вам все это без удовольствия. Если бы не ваша популярность... Впрочем, вам этого не понять. И все же я рассчитываю на благодарность с вашей стороны. До свидания, знаменитый Григорий Иванович. Надеюсь, мы больше не встретимся.

Женщина, стоявшая к дверям спиной, положила хлеб и пачку папирос на пол. Затем повернулась и пошла к дверям.

- Будьте добры, проследите, чтобы он все это съел и выкурил, - обратилась она к охране.

- Не беспокойтесь, госпожа. Будем кормить и заставлять курить его насильно. Все будет в лучшем виде. До свидания. Всегда рады видеть вас у нас. Жри свой хлеб, бандитская рожа!

Б папиросной пачке Котовский нашел крошечную записку: "Крайняя справа
- с опиумом. Вечно ваша С. К. " Буханка хлеба таила в себе клубок длинной шелковой веревки. Арестант нащупал под мышкой нагретый дамский браунинг и пилку, которые С. К. незаметно передала ему во время встречи. Весь вечер Котовский курил, выпуская дымные ароматы в сторону дверей. В коридоре завистливо покашливал надзиратель Бадеев, заядлый курильщик. Всю жизнь он курил самокрутки и о дорогих папиросах мог лишь мечтать. Наконец он не выдержал и подошел к дверям одиночки:

- Котовский, дай закурить.

- Не могу, Бадеев. Не накурился еще. Вот докурю пачку - тогда и дам.

- Поговори мне. Хочешь, чтобы я отобрал папиросы?

- Не имеешь права. Буду жаловаться.

- Котовский, дай закурить! В последний раз прошу.

Григорий Иванович что-то недовольно пробурчал и бросил в приоткрывшуюся кормушку папиросу. Кормушка не закрывалась. Пришлось кинуть вторую. Бадеев повеселел, сел на привинченный табурет напротив камеры и закурил. Вскоре его глаза начали слипаться. Он попытался встать, но не смог. Надзиратель все глубже и глубже окунался в мягкую дремоту. Наконец послышался глухой стук: Бадеев свалился с табурета. Котовский приступил к побегу. Почти три часа перепиливал две оконные решетки. Потом осторожно вынул их и поставил под стену. Размотав шелковый клубок, разбойник закрепил конец веревки в камере и тронулся в путь. Стояла лунная ночь. Дежуривший во дворе часовой заметил бледную фигуру, скользившую вниз по тюремной стене. Сомнений быть не могло. Он в панике попятился назад, но Котовский уже успешно приземлился и сделал шаг в сторону надзирателя:

- Кто здесь? Ты, Москаленко?

- Я, Григорий Иванович, - дрожа, зашептал Москаленко, в лоб которого смотрел браунинг. - Вы меня застрелите?

- За что же мне тебя стрелять, если ты не шумишь. А тем более, сейчас поможешь мне еще и лестницу к стене прислонить. Во сколько тебя сменят? В два? Ну вот. Попробуй докажи, что при тебе бежали. Ага, чуть не забыл. Затвор-то мне свой дай. А то еще пальнешь с перепугу.

Котовский положил затвор в карман и потащил к стене деревянную лестницу. Вдвоем с Москаленко они поставили ее у стены, и беглец спокойно пополз вверх. Наверху он повернулся и бросил вниз винтовочный затвор. Через полчаса часовой Москаленко сменился. Побег зафиксировали только ранним утром. Котовский разбойничал до конца ноября 1906 года. Подослав к нему провокатора, полиция схватила бесстрашного анархиста и вновь бросила в Кишеневскую тюрьму. Однако уже не в стражную башню, а в спецкоридор, где, как правило, уже ожидают виселицы. Секретное крыло смертников находилось в темном полуподвальном помещении, а окна

камер наполовину выходили в тюремный двор, на котором маячил десяток часовых. Здешние узники пребывали под круглосуточным визуальным надзором. Бежать отсюда никто даже не пытался. Никто, кроме Григория Ивановича.

Используя тюремную азбуку, Котовский отстучал смертникам свое предложение сделать подкоп. Тем терять было нечего. Два месяца три десятка арестантов копали землю ложками и ладонями. Два месяца сантиметр за сантиметром углублялась яма. Но вскоре все дело запорол стукач, точнее, провокатор по фамилии Рейх. Солдаты ворвались в камеры, засыпали проход и принялись разминать затекшие ноги на хитрых узниках. Неунывающий Григорий Иванович передал по соседним камерам новую затею: поднять бунт. Но измученные узники отказались и через неделю пошли на виселицу, Котовский начал готовить тюремную заварушку в одиночку. Он даже ухитрялся подкупать часовых. С воли в тюрьму поступали взятки, угрозы, обещания. Руководству тюрьмы приходилось постоянно менять часовых, дабы они не успели стать сообщниками в очередной катавасии. Параллельно вынашивался план и тайной казни Котовского еще до суда. То его намеревались убить шайками во время банной помывки, то сорушить на него камерный потолок, то во время прогулки забросать его камнями. Григория Ивановича спас суд, который приговорил его к десяти годам каторжных работ. Начался этап в Сибирь, на Нерчинскую каторгу.

В дороге к бессарабскому разбойнику притерся одесский головорез Пашка Грузин и предложил уменьшить этапную колонну на двоих человек. Котовский без раздумий согласился. Он не догадывался, что имеет дело с провокатором. Пашку подослали, чтобы поймать анархиста на горячем и влепить ему особый режим содержания под стражей. На Елисаветградскои пересылке в подвальной камере Грузин передал напарнику короткие пилки. Едва Григорий Иванович начал елозить пилкой по решетке, как арестантов вновь погнали по этапу. На вокзале пятеро охранников вывели из толпы Котовского, завели в отдельное помещение и принялись обыскивать. В стельках арестантских ботинок были спрятаны пилки. Хронического беглеца отправили в Николаевский централ. К тому времени по России уже усиленно формировались центральные тюрьмы, предназначенные для особо опасных преступников, в основном политических.

После долгих скитаний и лишений анархист прибыл на Нерчинскую каторгу. В лютый январский мороз он работал на погрузке песка и шебня. От него ни на шаг не отходили двое часовых, выделенных начальником каторги персонально для Григория Ивановича. По периметру рудника проходил глубокий ров в два метра шириной. Улучив момент, когда солдаты расслабились, Котовский схватил тяжелый булыжник и запустил им в голову одного из них. Бросок оказался смертельным. С другим часовым расправился в рукопашной схватке. Разбежавшись. Котовский перемахнул через ров и, петляя, проскочил сквозь наружное оцепление. За его спиной захлопали выстрелы, но беглец уже скрылся в тайге. Если бы бежал не Котовскиий, такой паники в конвойных рядах не было бы. Но это был Котовскии. По следам беглого арестанта пустились десятки солдат, которым разрешили отселять на поражение. Вскоре след оборвался. Почти сутки ходили по тайге охранники, затем вернулись к тюрьме

Без малого четыре года странствовал великий разбойник. Его арестовали в конце июня 1916 года. В этот раз с ним решили покончить навсегда, отправив туда, откуда побегов не бывает. Ожидая смертной казни, Котовский суетливо искал выход. В бою с полицией он был тяжело ранен и едва двигался. В таком состоянии о побеге мог думать только сумасшедший. Да еще Котовский. Полиция торопила слушанье дела в военноокружном суде, опасаясь, что легендарная личность опять пропадет из камеры. Арестанта постоянно держали в цепях и кандалах, не снимая их даже на ночь. Одиночная камера была без окон и нар. Лишь массивная железная дверь с тремя замками отделяла узника от внешнего мира. Но и за ней был коридор, упиравшийся в такие же двери.

На снисходительность одесского суда рассчитывать не приходилось. Судьи постановили Котовского повесить. Стоя одной ногой в могиле, Григорий Иванович начал готовить новый побег. Поговаривают, что анархист заручился поддержкой супруги видного одесского генерала, но та смогла лишь отсрочить казнь. При очередном обыске в камере смертников охрана нашла у Котовского нож, который, видимо, передал кто-то из надзирателей. Весь караул был срочно сменен.

Григорий Котовский не желал умирать. Он мечтал погибнуть на поле брани, но не в намыленной веревке со сломанным шейным позвонком. За эту жизнь начали бороться высокие российские круги, но анархист об этом еще не знал. Он передал в соседнюю камеру, где держался политзаключенный Иселевич: "План побега готов. Риск - девяносто пять процентов из ста. Могу погибнуть, но выхода нет. Наверное, прощай". Бесстрашный Котовский планировал инсценировать самоубийство, и, когда в камеру зайдет охрана (за его камерой присматривали двое надзирателей),

симулянт набросится на них. Цепь сковывала движения, точные удары ногами могли бы отключить охрану. Дальше Котовский отбирает у них револьверы, выстрелами обрывает цепи, вырывается в коридор и... вступает в бой со всей тюремной охраной. Григорий Иванович даже не знал, как расположен спецкоридор и где выход во двор или на крышу тюрьмы. Однако выбирать не приходилось.

Оторвав подол робы, арестант сделал удавку, набросил себе на шею и слегка затянул. Надзиратели услышали предсмертные хрипы и не спеша заглянули в камеру. Котовский с пеной у рта лежал на полу, не подавая признаков жизни. Один из охранников обнажил револьвер и направил его на "самоубийцу", второй осторожно подошел и пнул узника ногой. В следующую секунду он получил сильный удар в пах и, обхваченный ногами, упал на Котовского. Охранник с револьвером не решился стрелять в дерущуюся на полу пару и объявил тревогу. Пятеро здоровенных амбалов ворвались в камеру, оторвали едва живого надзирателя и принялись за Григория Ивановича. После экзекуции несостоявшийся беглец мог бы уйти из тюремных застенков лишь ползком, да и то очень медленно.

Исполнение смертного приговора было назначено через неделю. Но грянула Февральская революция. О разбойнике карательная машина на время позабыла, но смертную казнь еще никто не отменял. Котовский продолжал висеть между жизнью и смертью. Наконец эту жизнь ему подарил сам Александр Керенский, приславший срочную телеграмму о помиловании. Живая легенда вернулась на свободу и приступила к служению на благо Февральской, а затем и Октябрьской революции. Анархист-разбойник стал красным генералом.

Амурские бродяги

Побег из сахалинской каторги для русского беглеца оставался едва ли не самым тяжелым испытанием. Природа все же брала свое. Бродяги, повидавшие на своем веку не один острог и не одну каторгу, уверяли, что покинуть Нерчинскую или Карийскую каторгу намного легче, чем Сахалинскую. На острове продолжали царить исконно русские расхлябанность и нерасторопность стражей порядка, однако сахалинские тюрьмы всегда оставались полными. Побеги здесь не считались системой. Именно благодаря географическим условиям. Если бы не они, то при тамошнем надзоре на Сахалине остались бы лишь те, кому остров понравился, то бишь никто. Вероятно, в бега ударились бы даже сами стражи порядка.

Главное преимущество острова Сахалин - его островное положение. Будучи на Сахалине Антон Павлович Чехов заметил: "На острове, отделенном от материка бурным морем, казалось, не трудно было создать большую морскую тюрьму по плану: "кругом вода, а в середке беда", и осуществить римскую ссылку на остров, где о побеге можно было бы только мечтать. На деле же, с самого начала сахалинской практики, оказался как бы островом, quasi in sula. Пролив, отделяющий остров от материка, в зимние месяцы замерзает совершенно, и та вода, которая летом играет роль тюремной стены, зимою бывает ровна и гладка, как поле, и всякий желающий может пройти его пешком или переехать на собаках. Да и летом пролив ненадежен: в самом узком месте, между мысами Погоби и Лазарева, он не шире шести-семи верст, а в тихую, ясную погоду не трудно переплыть на плохой гиляцкой лодке и сто верст. Даже там, где пролив широк, сахалинцы видят материковый берег довольно ясно; туманная полоса земли с красивыми горными пиками изо дня в день манит к себе и искушает ссыльного, обещая ему свободу и родину. Комитет, кроме этих физических условий, не предвидел еще или упустил из виду побеги не на материк, а внутрь острова, причиняющие хлопот не меньше, чем побеги на материк, и, таким образом, островное положение Сахалина далеко не оправдало надежд комитета".

Лучшими друзьями надзора считались туман, сырость, медведи, мошка, сильные морозы и метели. В недрах сахалинской тайги беглецу доводилось продираться сквозь бамбук и жесткий багульник, горы валежного леса, ручьи, болота, тучи голодной мошки. Даже вольный ходок, имеющий при себе компас, топор и запас еды, за сутки покоряет лишь несколько километров. Что уж говорить о тюремном голодранце, который не может отличить север от юга, питается в дороге гнилушками с солью и вынужден идти не напрямик, а далеко в обход, опасаясь кордона. Был случай, когда двое неопытных беглецов, вооруженные украденным компасом, попытались обойти кордон у мыса Погоби. Компас указал север, но каторжане таки вышли прямиком на кордон и нарвались на охрану, переправившую их обратно в тюрьму. Некоторые смельчаки пускались в бега

не по западному побережью, усеянному заставами, а через Ныйский залив, берег Охотского моря и мыс Марии и Елизаветы. Этот обходной маневр стоил беглецам гораздо больших лишений и времени, но он уменьшал вероятность поимки. Обычно беглецы шли на север, к узкому месту пролива между мысами Погоби и Лазарева. Эта местность отличалась безлюдьем и удаленностью от кордона. Там можно было смастерить плот или достать лодку у местных жителей. Зимой пролив замерзал, и переход длился при хорошей погоде не более двух часов.

Очень часто беглый каторжник, изнуренный месячными скитаниями по тайге, отощавший и искусанный, разбитый лихорадкой, пищевыми отравлениями и наконец голодом, находил свое пристанище в тайге. Его остатки могли случайно найти через месяц, три или даже год. Умирающему беглецу оставалось ползти обратно, уповая на встречу с солдатом, который дотащил бы его до тюрьмы. Суровая сахалинская природа непредсказуема. Она может в один миг растоптать человека, заморозить, утопить, разорвать. Почти невозможно предугадать, что случится с тобой через день или даже час среди дикой необузданной местности.

29 июня 1886 года возле гавани Дуэ курсировало венное судно "Тунгус". За двадцать морских миль до порта моряки заметили черную точку, которая вскоре превратилась в грубый, на скорую руку срубленный плот из четырех бревен. На бревнах скучали двое оборванцев вместе со своим скудным багажом - ведром пресной воды, огарком свечи, топором, буханкой хлеба, пудовым запасом муки, мылом и двумя кусками чая. Они без восторга встретили военный корабль, но и не были против, чтобы подняться на борт. Морские бродяги не скрывали, что сбежали из Дуйской тюрьмы и теперь плывут куда глаза глядят. "Вон туда, в Россию", - махнул рукой один из них. Оказалось, беглецы скитались по водным просторам двенадцать дней. Спустя два часа, как они ступили на борт, грянул шторм. Судно долго не могло причалить к острову. Что было бы с бродягами, не встреть они военных моряков, представлялось без труда.

Умудренные опытом беглецы, вкусившие все прелести дикой природы, предпочитали более надежное плавучее средство. Скажем, катер или пароход. Баржи-шаланды годились меньше: их море попросту выбрасывало на берег или разбивало на куски. Но казусы случались и с катерами, и с пароходами. В 1887 году на Дуйском рейде грузился пароход "Тира". Баржи подходили к борту и перегружали уголь на "Тиру". Вечером начался сильный шторм. Баржу вытащили на берег, пароход снялся с якоря и ушел в де-Кастри, а катер, принадлежащий горной службе, укрылся в речке Александровского поста. К полночи шторм затих. Десять каторжан, которые обслуживали катер, решили бежать. Они пустились на хитрость и смастерили фальшивую телеграмму, где значился приказ выйти в море и двинуться на спасение экипажа баржи, которую якобы отнесло от берега. Телеграмму вручили надзирателю. Тот поспешил выполнить приказ, и отпустил катер с причала. Катер, набрав обороты, вновь вышел в открытое море, резко изменил курс и двинулся не на юг, к Дуэ, а на север. На рассвете возобновился шторм. Он с яростью набросился на катер, залил машинное отделение и в конце концов его перевернул. Из десяти беглецов спасся только рулевой. Он уцепился за доску и продержался на ней весь шторм.

В 1885 году японские газеты сообщили, что возле Саппоро потерпела крушение иностранная шхуна. Спастись удалось лишь девяти морякам. Вскоре в Саппоро прибыли чиновники, пытаясь оказать уцелевшим жертвам посильную помощь. Однако разговора с ними не получилось. Иностранцы дружно кивали головами и жестами высказывали полное непонимание местной речи. После недолгих раздумий их переправили в Хокодате. Там их попытались разговорить на английском и русском. Но языковой барьер по-прежнему был непреодолим. Моряки кивали и говорили: "Жерман, жерман". Удалось лишь выяснить, что в море затонула якобы германская шхуна. С горем пополам вычислили капитана шхуны, дали ему атлас и попросили указать место крушения. Странный капитан долго крутил карты, что-то шептал под нос, водил по меридианам пальцем. На большее его не хватило. Он даже не указал на карте Саппоро, Оставалась последняя попытка. Губернатор Хокодате попросил командира русского крейсера, который стоял в местном порту, прислать переводчика немецкого языка. На берег сошел старший офицер. Еще не видя удивительную команду, он заподозрил в них русских арестантов, которые недавно напали на Крильонский маяк. Офицер решил проверить свою версию. Он выстроил всю группу иностранцев в ряд и гаркнул по-русски: "Нале-ево! Круго-ом марш!". Один из моряков инстинктивно завертелся. Его товарищи с ненавистью уставились на него. Афера провалилась. "Немцев" заковали в цепи и отправили на прежнее насиженное место.

Тюремная статистика начала интересоваться побегами лишь под конец прошлого века. Судя по ней, чаще всех в бега ударялись каторжане, для которых очень чувствительна разница климатов их

родины и места заключения. В этот ранг попадали выходцы из Кавказа, Крыма, Украины, Бессарабии. Бывало, что в списках беглецов не было ни единой русской фамилии. Ссыльные женщины побегами почти не баловались. Боязнь таежных скитаний и привязанность к насиженному месту делали свое. Лишь изредка появлялись такие геройские личности, как Сонька - Золотая Ручка. Но о ней разговор чуть ниже. Из всей тысячной армии беглецов лишь треть считается пропавшими без вести. Остальные - или убиты в погоне, или погибли в дороге, или вновь оказались на сахалинской каторге.

Время уходить в запой

С давних времен главной причиной всех побегов служили незасыпающее сознание жизни и жажда воли. Если арестант не философ, которому, как известно, везде хорошо, то не хотеть уйти в бега он не может и не должен. Русского человека всегда отличала любовь к родине. Беглые каторжники вызывали больше сочувствие, чем осуждение или опаску. Если он решился на побег, на голод, топи и риск получить пулю от погони, значит, иного пути у него не было. На проселочных дорогах Сибири попадались столбы, где чья-то заботливая рука подвесила сумку с хлебом, обносками и махоркой (хотя подобный жест можно трактовать и по-другому: не повесь сумку за околицей села - вчерашний узник сам ночью вломится за харчем да еще под шумок вырежет всю семью).

Антон Чехов писал: "О Сахалине, о здешней земле, людях, деревьях, о климате говорят с презрительным смехом, отвращением и досадой, а в России все прекрасно и упоительно; самая смелая мысль не может допустить, чтобы в России жили несчастные люди, так как жить где-нибудь в Тульской или Курской губернии, видеть каждый день избы, дышать русским воздухом само по себе есть уже высшее счастье. Пошли, Боже, нужду, болезни, слепоту, немоту и срам от людей, но только приведи помереть дома. Одна старушка, каторжная, бывшая некоторое время моей прислугой, восторгалась моими чемоданами, книгами, одеялом и потому только, что все это не сахалинское, а из нашей стороны; когда ко мне приходили в гости священники, она не шла под благословение и смотрела на них с усмешкой, потому что на Сахалине не могут быть настоящие священники. Тоска по родине выражается в форме постоянных воспоминаний, печальных и трогательных, сопровождаемых жалобами и горькими слезами, или в форме несбыточных надежд, поражающих часто своей нелепостью и похожих на сумасшествие, или же в форме ярко выраженного, несомненного умопомешательства".

Это сладкое слово "свобода"! Молодой и еще энергичный каторжник, оторвавшись от сахалинских земель, стремится уйти подальше. Он может осесть в Сибири или даже дойти до Урала. На свободе он долго не задерживался. Его ловили, судили и переправляли на остров. Однако долгий пеший этап для многих таил своеобразную романтику: менялись пересылочные допры, конвой, соседи. Пока беглец возвращался на Сахалин, он не работал - он шел по этапу к месту работы, наслаждаясь дорожными приключениями. Еще не добравшись на остров, каторжник помышлял о новом побеге. В большинстве случаев помыслы эти сбывались. Однако с годами прежняя сила и выносливость улетучивались, уступая место старческой апатии и недугам. Тем не менее арестант вновь бежит, повинуясь все тому же духу свободы. Сибирь и Урал для его ног стали недосягаемы, и он выбирает Амур или даже тайгу. Беглец пытается уйти подальше уже не от Сахалина, а от самой тюрьмы. Старые рецидивисты, которые провели в тюремных стенах десятки лет, дорожили каждым днем свободы. Они рвались на Амур, на гору и даже в тайгу, пускались вплавь на ветхих лодках, стремясь, если и погибнуть, то свободными. Ни новые тюремные сроки, ни телесные наказания не могли отбить у каторжан охоту к побегам. Шестидесятилетний старик мог взять с собой кусок хлеба, отойти от поста на полкилометра, взобраться на гору и три дня любоваться морем и тайгой. Затем он спускался и шел обратно под конвой. Случалось, что с каторги бежали лишь на один день, который посвящался чему угодно, но не дорожным работам и не отсидке в тюремной камере.

Тяга к побегам часто поражала арестантскую душу в определенные времена года и по навязчивости напоминала запой. Поговаривают, что дисциплинированные узники, чувствуя приближение "запоя", не избегали профилактики: предупреждали солдат о возможном побеге. Все это напоминало болезнь, и, по логике вещей, должно было обратить внимание врачей, которые давали добро на телесные наказания. Всех пойманных беглецов хлестали плетями и розгами,

невзирая на причины побега и возраст беглеца. Рядом с рецидивистами, промаявшимися в бегах не один месяц, под удары ложились и те, кто пробыл на свободе всего день или три.

"Устав о ссыльных" различает побег и отлучку, а также рассматривает побеги в Сибири и вне Сибири. За каждый повторный побег наказание ужесточается. Если беглеца поймали в течение трех дней или же он добровольно вернулся в течение недели, ему засчитывают отлучку. Для поселенца эти сроки увеличены вдвое. Самое слабое наказание для беглецов - сорок ударов плетью и увеличение срока еще на четыре года. Самой строгой карой по "Уставу о ссыльных" считаются сто ударов плетью, бессрочная каторга и перевод в разряд испытуемых на двадцать лет. Она обычно уготовлена для тех, кто покинул Сибирь.

Наказывали в специальном бараке, где стояла покатая скамья с отверстиями для ног и рук. Приговор исполнял палач, который нередко назначался из числа ссыльных. Перед наказанием арестант проходил медицинский осмотр: врач должен был письменно дать заключение, сколько ударов может выдержать приговоренный. После этого начиналась экзекуция. Палач укладывал "клиента" на скамью, сдергивал штаны, привязывал его конечности и вооружался плетью с тремя ременными хвостами. Рядом нес вахту врач с каплями и настойками на тот случай, если жертву приходилось в спешном порядке откачивать. Плеть должна была ложиться поперек тела и с каждым ударом рассекать кожу, оставляя сине-багровые подтеки и кровоточащие раны. Через каждые пять ударов палач отдыхал полминуты, затем вновь брался за ответственное дело. С окончанием воспитательной процедуры арестанту помогали подняться, и врач участливо совал в его стучащие зубы стакан с какой-то целебной жидкостью.

Закон - тайга, прокурор - медведь

История побегов полна примеров, когда узник таежных тюрем и лагерей, не имея достаточного опыта и знаний местных условий, на вторые-третьи сутки терял ориентировку, застревал в таежной глуши и умирал. Надеяться на милосердие и помощь советских конвойных частей не приходилось. Случайно наткнувшись на обессилевшего зека, солдаты добивали его из карабина или автомата. Служебная инструкция ставила беглеца вне закона. Среди лютой зимы погоня проходила формально, ибо беглый заключенный ставился в один ряд с самоубийцами. Многие зоны были лишены мощных охранных периметров, скрытых проволочных заграждений, контрольных полос. Они ограничивались символическим забором с рядом колючей проволоки поверху.

Таежные зоны всегда считались беспредельными. Там "закон - тайга, черпак - норма, а прокурор - медведь". Подобные лагеря занимались лесозаготовками и среди зеков назывались "курсами парикмахеров". В блатном фольклоре они воспевались с особым рвением. Примером может служить старая лагерная песня "Колыма":

Я помню тот Ванинский порт
И крик парохода угрюмый,
Как шли мы по трапу на борт
В холодные, мрачные трюмы.
От качки страдали зеки,
Ревела пучина морская.
Лежал впереди Магадан,
Столица Колымского края.
Не крики, а жалобный стон
Из каждой груди вырывался.
"Прощай навсегда, материк!"-
Ревел пароход, надрывался.
Прощайте и мать, и жена,
Ивы, малолетние дети.
Знать, горькую чашу до дна
Придется мне выпить на свете.
На сто километров тайга,
Где нет ни жилья, ни селений.
Машины не ходят туда,
Бредут, спотыкаясь, олени.

Будь проклята ты, Колыма,
Что названа Черной планетой.
Сойдешь поневоле с ума,
Оттуда возврата уж нету.

Досрочно покинуть подобную зону могли лишь рецидивисты, для которых здешний климат стал родным и привычным, за плечами которых - не один рывок, а их тюремное дело перечеркнуто по диагонали красной полосой - "склонен к побегу". Прежде чем "рвать ленту", то есть пускаться в бега, зек запасался холодным оружием (как правило, тесаком), по возможности компасом, прочной одеждой, веревками и запасом еды. Подготовить весь этот "туристический" арсенал в одиночку, к тому же тайком от стукачей, практически невозможно. Поэтому рецидивиста собирают в дорогу его верные кореши, которые, как правило, первыми попадают под удар оперчасти.

Опытный беглец, потеряв в таежной глуши ориентировку, сразу же останавливался и пытался восстановить ее с помощью компаса. Если такового добыть не удалось, он пользовался различными природными признаками или же организовывал кратковременную стоянку на сухом месте. В моховых лесах, где землю сплошным ковром покрывает сфагнум, жадно впитывающий воду (пятьсот частей воды на одну часть сухого вещества), даже временная остановка, не говоря уже о временном укрытии под самодельным навесом, считается небезопасной.

Очень трудно передвигаться среди завалов и буреломов, по густолесью, заросшему кустарником. Кажущаяся схожесть обстановки (деревьев, складок местности) дезориентировала беглеца, и он начинал двигаться по кругу, не подозревая о своей ошибке. Опытный ходок мог ориентироваться без компаса. Скажем, по коре березы или сосны, которая на северной стороне темнее, чем на южной. Причем, стволы деревьев имеют выделения с северной стороны менее обильно, чем с южной. Все эти признаки отчетливо выражены у отдельно стоящего дерева на поляне или опушке.

В теплое время двуногий обитатель тайги мог быстро соорудить простейший навес. Он вбивал в землю два полутораметровых кола с развилками на концах на расстоянии двух метров друг от друга. На развилки укладывал толстую жердь. К ней под углом прислонял четыре-пять жердей и закреплял веревкой или гибкими ветвями. Параллельно земле привязывались три-четыре жерди-стропила, на которых, начиная снизу, черепицеобразно (так, чтобы каждый последующий слой прикрывал нижележащий примерно до половины) укладывались лапник, ветви с густой листвой или кора. Из лапника или сухого мха делалась подстилка. Навес окапывался неглубокой канавкой, чтобы под него не затекала вода в случае дождя. Чтобы получить куски коры нужных размеров, на стволе лиственницы делали глубокие вертикальные надрезы. Затем сверху и снизу эти полосы надрезали крупными зубцами по десять сантиметров в поперечнике, после чего ножом осторожно отдирали кору. Зимой укрытием служила снежная траншея. Ее отрывали в снегу у подножия большого дерева. Дно траншеи выстилали несколькими слоями лапника, а сверху прикрывали жердями.

Тайга - это земное чудовище, которое не имеет ни конца, ни края. Зимой и летом она беззвучна и лишена даже запаха. Фраза "человек - царь природы" звучит здесь робко и фальшиво. Беглец для тайги не больше, чем насекомое. Его страдания и злоключения, да и он сам кажутся пустяком в сравнении с таежной громадиной. От тайги всегда ждешь не того, на что она способна. Ею можно любоваться и разочаровываться, любить и ненавидеть. Дремучий сосновый частокол, лиственница, ряды берез и елей нередко превращаются в могилу. Заживо погребенный беглец если не сегодня, то завтра станет харчем для хищной тайги. Таковы ее законы.

Побег среди зимы считается крайне сложным, однако километры снежного покрова могут надежно отрезать зека от погони. В тайге снежный покров очень глубок и преодолевать заснеженные участки без лыжснегоступов невозможно. Конвойные части, хотя и способны гнаться на лыжах, но, как правило, этого не делают. Да и со штатными лыжами бывает напряженка. Изворотливый ум "лесного парикмахера" научился мастерить лыжи в виде рамы из двух веток длиной в полтора метра и толщиной в два сантиметра. Передний конец лыжи, распарив в воде, он загибает кверху, а раму заплетает тонкими гибкими ветвями. В передней части лыжи из четырех поперечных и двух продольных планок делалась опора для ноги по размеру обуви. Передвигаясь по руслам замерзших рек, беглец рискует уйти под воду и вынужден пробираться ползком. Лед, размытый течением снизу, становится особенно тонким под сугробами у обрывистых берегов. В руслах рек с песчаными отмелями часто образуются натеки, которые, замерзая, превращаются в своеобразные плотины. Чаще всего они скрыты под глубоким снегом, и их трудно обнаружить.

Коварные враги для беглеца - это болота и трясины. Характерной особенностью болотистой местности является ее слабая обжитость, отсутствие дорог, наличие труднопроходимых, а порой и совершенно непроходимых участков. Проходимость лесных, моховых и травяных болот всегда изменчива и зависит не только от местности, но и от времени года. Самыми опасными считаются топяные болота, которые отличаются белесоватым поверхностным слоем. Они могут быстро и бесследно засосать человека и крупного зверя. Не искушенный опытом ходок, угодив в болото, сразу же пытается вырваться из топи и вязнет еще больше. Его губят резкие движения. Еще более коварны торфяные озера, заросшие торфяно-растительным покровом. Они могут иметь глубокие тенистые водоемы, затянутые сверху плавучими растениями и травой, причем эти "окна" внешне почти ничем не отличаются от обычных лесных полянок. Проваливаются в них внезапно.

"Таежный волк" умеет проверять толщину торфяного слоя и твердость грунта (например, сжимает торф в руке и по количеству вытекаемой жидкости судит о проходимости болота). Он может изготовить из подручных средств шест и болотоступы, связать мат из камыша, сплести решетку из жердей. Он движется по кочкам и корневищам кустарников, ощупывает шестом дно, готовит "мосты". Он вступает с тайгой в жестокую схватку, где единственным призом для победителя будет человеческая жизнь. Чем дольше он пребывает в условиях автономного существования, тем больше у него шансов погибнуть.

Главной проблемой для беглого зека считается еда. Помышлять об охоте с ножом наперевес, когда охотятся на тебя, не приходится. Случалось, что матерый рецидивист подбивал на побег напарника в надежде укокошить его в дороге и питаться человеческим мясом еще несколько недель. Зека, который должен был, сам того не подозревая, бежать на закланье, называли "коровой". Когда в тайгу убегали три-четыре зека, "корова" бралась почти всегда. Расправившись с первой жертвой, голодные беглецы могли приступить к повторной трапезе. Иногда, чтобы выжить, съедался вчерашний друг, с которым делилась на нарах последняя пайка. Жажда жизни и инстинкт самосохранения брали верх над привычками и нравами. Природа, превратившая зверя в человека, любит экспериментировать. Обратный процесс проходит гораздо быстрее.

Да что говорить о таежном каннибализме, когда в апреле 1994 года в отсидочной тюрьме СЕ 165/2 пятеро рецидивистов отужинали своим сокамерником. Измученные скудным казенным пайком, они сели играть в карты и поставили на кон человеческую жизнь. Проигравшего задушили, разрезали самодельным ножом на мелкие части и сварили свежатину в чайнике. Никто из них даже не блевал. "Комсомольская правда" прокомментировала этот факт так: "Вероятнее всего, причиной этого варварского случая стал обыкновенный голод осужденных. Многие тюрьмы в Казахстане уже давно голодают. По данным МВД, в республике около 80 тысяч заключенных. Многие из них больны, это результат скотского отношения к ним".

В заснеженной тундре главный враг беглеца с первых же минут побега - холод. Смерть от низких температур может настигнуть его уже спустя несколько часов. В начале 60-х с воркутинских угольных шахт был совершен групповой "рывок". Задушив охранника и отобрав у него автомат, пятеро зеков ушли в тундру в сторону железнодорожного полотна. Под утро снежный ветер замел их следы, и войсковым частям оставалось лишь блокировать подъездные пути в районе Воркуты. Но эта мера оказалась уже излишней. Трупы всех пятерых нашли спустя несколько суток. Зеки смогли пройти сквозь полярную стужу лишь шесть километров.

Существует прямая зависимость времени, в течение которого организм сохраняет тепловой комфорт, от внешней температуры и свойств самой одежды. Лагерные ватник, ушанка, валенки и шерстяное белье могут держать тепло в сорокаградусный мороз не более часа. Иногда зеки, застигнутые метелью, мастерят из снега временное убежище, где температура может быть на пятнадцать-двадцать градусов выше. Толщина снежного покрова в тундре невелика (от 20 до 90 сантиметров), но ветер перемещает снежные массы и образует валы, пройти сквозь которые очень трудно. Они имеют такую плотность, что человеку приходится ножом пробивать траншеи.

Готовясь к переходу по тундре, зек прежде всего утепляет обувь войлочными или фетровыми стельками, так как именно обувь - самая уязвимая часть одежды в полярных условиях. Он шьет небольшие чехлы или мешки, которые надевает поверх обуви: прослойка воздуха удерживает тепло. По ровному снежному насту человек может за час проходить пять-шесть километров. При сильном встречном ветре эта скорость уменьшается в десять раз. В заснеженной тундре очень сложно определять ориентир. Практика побегов показывает, что беглецы обычно выбирают теплое время года и кратчайший путь до любого из путей сообщения, надеясь до утренней тревоги уйти подальше и стремясь максимально увеличить зону поиска. Обычно их целью становятся небольшие

железнодорожные станции и узлы, где проходят товарные и почтовые составы. Как, скажем, герои небезызвестной песни, где "дождик капал на рыло и на дуло нагана". Там зеки, окруженные вохровцами, догоняли курьерский поезд "Воркута-Ленинград". Если зека не измотал переход по тундре, он может попытаться запрыгнуть в поезд на ходу, выбрав участок поворота или подъема.

Человек привыкает ко всему, в том числе и к тайге или тундре. Нет ничего удивительного, что беглые рецидивисты могут брести по лесу или равнине и спать на ходу. При этом они не сбиваются с пути и могут продвигаться таким образом двое-трое суток напролет. В былые времена самыми выносливыми и приспособленными к природе считались китайские бродяги "хунхузы", которых этапировали на Сахалин из Приморского края. Они дольше всех могли пребывать в бегах, месяцами питаясь лишь травами и кореньями.

Месть, дерзость, любовь

Царская каторга побеги карала жестоко. Однако среди каторжан целыми десятилетиями воспитывалась странная вера в их безнаказанность. Многие считали побеги даже законными. Ни розги, ни новый срок не могли убить эту веру. Те, кто прошел отшлифованную до блеска лавку и палача, уже думали иначе. Но узники, не искушенные бегами, сомневались в каре. Любопытно, что вера в безнаказанность воспитывалась поколениями, ее начало затерялось в дымке того доброго времени, когда побег был легок и даже приветствовался охраной. Прежде всего на беглеце экономились продукты, оседавшие в желудках смотрителей. Доходило до абсурда.

Если из тюрьмы никто не бегал, ее начальник считался мягкотелым и слишком гуманным. Глава острога либо провоцировал побег, либо терпеливо ждал своего смешения. Подобные традиции сохранились и на заводах, где трудились ссыльные. До первого октября каждого года арестанту выдавалась зимняя одежда - утепленные штаны и полушубок. Если к октябрю в бега пускался один человек - надзиратель получал всего один полушубок, если двадцать - то двадцать. Случалось, что перед выдачей зимнего комплекта директор завода выступал с краткой речью: "Полушубки получает тот, кто остается. Кто решил бежать - тому они незачем".

По всей Сибири из поколения в поколение побег не воспринимали как грех или проступок. Ссыльные посмеивались над своими неудачными скитаниями, шутили и принимали за озорство. Редко побеги назывались глупостью или ошибкой и почти никогда - преступлением. Со временем тюремные нравы изменились, но народные традиции остались. Даже если на глазах всей каторги можно было бы отхлестать плетьми беглеца - другим в назидание, - большинство арестантов все так же были бы уверены, что подобная участь их не коснется. Странная и непостижимая русская душа!

На побег толкала и плохая пища, и чрезмерная жестокость персонала, и лень, и болезнь, и любовь к путешествиям, и просто любовь. Молодой, двадцатилетний парень Артем, служивший сторожем при казенном доме в Найбучи (Сахалин), полюбил аинку, которая жила в юртах на реке Наибе. Однажды Артем попался на краже и был направлен в Корсаковскую тюрьму. Любовь молодого сторожа оказалась настолько сильной, что он то и дело бросал пост и через девяносто верст мчался к любимой. В один из дней Артема подстрелили в ногу, и его амурные приключения были окончены.

Иногда из тюрьмы убегала целая толпа, чтобы погулять и развеяться. Каторжанское гулянье, как правило, сводилось к пьянству, грабежам и убийствам. Беглые арестанты могли ворваться в поселок, обчистить ряд домов, напиться и перерезать в драке друг дружку. Подоспевшим солдатам оставалось сложить раненых и трупы на повозки и везти обратно в тюрьму.

Каторжник Клименко сбежал из Александровской тюрьмы, чтобы отомстить конвоиру. Арестант уже имел за плечами побег, который завершился неудачно. Рядовой по фамилии Белов, служивший на кордоне, выстрелил по беглецу и тяжело его ранил. Оклемавшись в тюремной больнице, Клименко вновь покинул тюрьму и двинулся прямиком на знакомый кордон. На этот раз солдаты палить не стали и просто задержали беглеца. Как и надеялся Клименко, конвоировать его поручили Белову. Тащи, мол, своего крестника назад в тюрьму - получать опять награду.

Радостный солдат прихватил ружье и отправился в путь. По дороге он разговорился с арестантом, который потешал служивого забавными историями. Наконец Клименко попросил у солдата покурить. Белов поставил ружье у ноги, поднял воротник, защищаясь от холодного ветра, и начал раскуривать трубку. Беглец бросился к нему, вырвал ружье, свалил солдата на землю и выстрелил. Белов умер мгновенно. Убийца преспокойно продолжил путь, дошел до

Александровской тюрьмы и сдался надзирателям. Он рассказал о выстреле и о том, где можно найти труп Белова. Вскоре Клименко был повешен.

Если узник Сахалина задумал сбежать, остановить его уже невозможно. Характер окружающей среды, надзор, внутренняя дисциплина и расхлябанность солдат - союзники беглеца. Возможность покинуть тюрьму предоставляется практически ежедневно. Арестант может незаметно проскочить через открытые тюремные ворота или же скрыться во время общих работ в тайге, где за десятками каторжников присматривает один-два солдата. Бежать тяжело лишь из карцеров, кандальных и рудников (рудник постоянно оцеплен часовыми, которые имеют право стрелять без предупреждения). Хотя для опытных узников вообще не существует никаких преград. Они бегут из тех же карцеров и рудников.

Любопытна арестантская доля Соньки - Золотой Ручки, знаменитой питерской воровки. Она гастролировала по лучшим отелям России и Европы, бессовестно обчищая номера богатых постояльцев. Настоящее полное имя Соньки удивительно по своей сложности и важности - Шейндля-Сура Лейбова Соломониак. Прибыльные гастроли Золотой Ручки оборвались в 1880 году, когда ее арестовали и приговорили к ссылке в Сибирь. В Красноярском крае питерская знаменитость трудилась всего четыре года, а затем исчезла. Ее след обнаружили в Смоленске. Беглянку вновь "упаковывают" в тюремные стены. В Смоленском допре все еще красивая и элегантная Сонька влюбляет в себя местного надзирателя Михайлова и вместе с ним 30 июня 1886 года убегает.

На свободе беглая авантюристка пробыла четыре месяца. Беглянку заковывают в кандалы и отправляют не куда-нибудь, а на остров Сахалин, подальше от центральной части России. Из Одесского порта в плавучей тюрьме Сонька отправилась в Александровск. В Александровской ссыльно-каторжной тюрьме она ухитрилась добыть солдатскую шинель. То ли украла, то ли выманила у влюбчивого служивого. Переодевшись солдатом, она почти открыто вышла из ворот тюрьмы и направилась в тайгу. Беглянку ловили лишь сутки. За это время в Александровском посту кто-то убил местного лавочника и похитил у поселенца Юрковского 56 тысяч рублей. Следствие доверилось своей интуиции, которая чувствовала в этих злодеяниях руку Золотой Ручки.

На следующий день разбойница уже лежала на отшлифованной лавке и с визгом принимала порцию плетей. После чего Золотую Ручку заковали в ручные кандалы и заперли в одиночной камере, где она прожила почти три года. Этот срок здоровья ей не прибавил. Сахалинская каторга окончательно стерла былую красоту и обаяние. Выйдя из тюрьмы, Сонька - Золотая Ручка оседает на Александровском поселении. Под конец своих дней она решается на свой последний побег, который скорее напоминал робкую отлучку. Из Александровского поста больная, выцветшая Сонька побрела в тайгу и через три километра рухнула на землю. Охрана нашла ее уже мертвой.

Три рубля и десять суток

Вечный и вездесущий дух аферизма коснулся побегов еще во времена каторги. Старый арестант, закаленный не только суровым климатом, но и десятками побегов, искал среди ссыльных новобранцев богатого (относительно, разумеется) каторжанина и уговаривал его пуститься в бега. Новички почти всегда имели деньги и теплые веши. Они еще не успевали просадить и те, и другие за картами.

Неопытный арестант соглашался, подписывая этим свой смертный приговор. Вырвавшись в тайгу, опытный беглец убивал доверчивого спутника, забирал его скромное имущество и со спокойной совестью возвращался обратно в тюрьму. Он не ложился под плеть и не получал прибавку к сроку, ибо он пробыл на свободе всего сутки.

Осталась нераскрытой судьба арестанта Лагиева, который в конце прошлого века убил ректора Тифлисской семинарии. На Сахалине Лагиев служил учителем, но очень недолго. В пасхальную ночь 1880 гола он, некто Никольский и еще четверо бродяг пустились в бега. Через несколько дней по сахалинской каторге прошел слух, что троих беглецов, уже переодетых в гражданское, видели на берегу у Муравьевского поста. Лагиева и Никольского среди них не было. Многие считали, что оба были убиты. Деньги и гражданское одеяние (Никольский был сыном местного священника) - стоящая причина для убийства.

Часто афера проворачивалась с целью выманить из местной казны три рубля, которые причитались солдату за поимку беглеца. Бывало, что арестант и охранник заключали тайную

сделку. Первый уходил в тайгу или к морю, второй же этому не препятствовал. Через деньдва, когда по следу беглеца пускали отряд солдат, беглый узник и служивый встречались в оговоренном месте. Они возвращались в тюрьму, солдат получал премию и делился с напарником. Доход от аферы, согласитесь, небольшой. Поэтому охрана сманивала бежать сразу нескольких арестантов. Сценарий "поимки" был тот же. Только теперь вооруженный винтовкой солдат вел сразу троих-четверых беглецов, получая за свою расторопность в три-четыре раза больше.

Доходило и до абсурда. Конвоир приводил из дремучей тайги сразу семерых бродяг, которые выглядели далеко не дохляками. А однажды худосочный местный житель, вооруженный только длинной палкой, вернул в тюрьму сразу одиннадцать беглецов. И получил за это тридцать три рубля. Вероятно, себе он оставил лишь половину.

Каторга отошла в прошлое, а вместе с ней - и денежная премия. Создатели и хранители ГУЛАГа посчитали, что финансовый интерес пагубно влияет на идейный конвой. На смену трехрублевке пришел внеочередной отпуск. Если солдат пленял или убивал беглого зека, то на десять суток отправлялся домой. Уставный "беговой отпуск" стал весомым стимулом для лагерной охраны, которая в основном состояла из солдат срочной службы. А какой солдат не мечтает стать отпускником? Легендарные "десять суток" нашли свое место и в песенном блатном наследии. Примером может служить одна из последних песен на эту тему, нашумевшая (в прямом смысле) в середине 1997 года. Ее автор Иван Кучин в стихотворной форме изложил судьбу зека-беглеца, уходившего от погони и рвущегося через заснеженную тайгу:

И ефрейтор один тоже мать вспоминал,
Среди черных осин все бойчее шагал.
Десять суток цена. Кто назначил ее?
Вот мелькнула спина, и поднялось цевье.
Сухо щелкнул затвор. Оглянулся зека.
"Сука!" - выдохнул он и взглянул в облака.
А вверху пустота, лишь вдали по кривой
Покатилась звезда, словно в отпуск домой.

И все же побег как предмет аферы все еще продолжал и, возможно, еще продолжает существовать. Подбить заключенного на "рывок", то есть на трехлетнюю прибавку к сроку, в теперешней зоне невозможно. Но появился иной способ спровоцировать побег. Мой знакомый, в прошлом начальник конвойной роты, вспоминал характерный случай.

В 1972 году в одном из лагерей Казахстана сорокалетний урка во время перехода в промзону успел переброситься двумя-тремя фразами с младшим сержантом. В конце недели сержант должен был заступить на ночное дежурство на седьмую вышку. Зек это знал и предложил охраннику сделку: "Я убегу через твою зону. Ты ничем не рискуешь. Ты просто на минуту отвернешься. Если я уйду, братва передаст тебе сто рублей". Охранник немного подумал и сказал: "Беги". Дождавшись, когда знакомый сержант заступит на седьмую вышку, зек подобрался к проволочному заграждению и прокусил проход. Затем пересек контрольную полосу и подбежал к последнему заграждению. Урка закинул веревку со стальным крюком на стену и, подобно альпинисту, стал шагать наверх. В это время "вертухай" действительно смотрел в другую сторону и, казалось, не замечал беглеца. Но едва тот подобрался к краю забора и ухватился за него руками, сержант резко повернулся, вскинул автомат и начал целиться. Выждав секунду-другую, он нажал на спуск. Длинная очередь скосила зека, упавшего по ту сторону заграждения.

Устав караульной службы уже много десятилетий рассматривает последнюю полосу препятствия (обычно высокий бетонный забор) как грань между попыткой побега и побегом, границу между жизнью и смертью. Упади зек по эту сторону забора - хлопот не оберешься. Возникает масса вопросов, первый из которых: почему не было предупредительных выстрелов? Но беглец лежал вне колонии, вне закона, который еще охраняет его жизнь.

Младший сержант внутренних войск в отпуск таки отправился. Хотя смертельно раненый зек, уже будучи в больнице, не поскупился на эпитеты в адрес подлого охранника (перед тем, как навсегда потерять сознание, подстреленный в голову и спину беглец кратко изложил суть "сговора"), никакой реакции, в том числе и эмоций, это не вызвало.

Лагерная братва даже не пыталась отомстить коварному сержанту за смерть доверчивого зека. А может, просто не сумела.

"Дождик капал на рыло и на дуло нагана"

Возвращаясь к блатному песнопению, стоит заметить, что оно уже давно увековечило тему тюремно-лагерных побегов. Рифмованные оды побегам, вероятно, возникли вместе с тюрьмами. И писали их, естественно, не законопослушные граждане. Скажем, старая тюремная песня, которую так любил напевать Григорий Котовский, сидя в кишиневском допре, появилась еще в позапрошлом столетии, якобы в стенах Владимирской тюрьмы:

Не ваше дело, часовой.
Вам на часах должно стоять.
А наше дело удалое,
Как бы из замка убежать.

Многострадальные герои блатных песен гибнут под пулями часовых и конвоя, раздираются собаками, дерутся с хищниками в таежной глуши, замерзают в буреломах или же, в конце концов, уходят от погони (к примеру, зацепившись среди тундры за курьерский поезд "Воркута-Ленинград"). Мотивом "рывка" обычно выступает умирающая мать или же негаснущая любовь к даме зарешеченного сердца. Тот же Иван Кучин в той же песне о безымянном зеке и коварном ефрейторе мать упомянул уже в начале песни:

Мать прислала письмо: "Захворала, сынок.
Знать, готовить белье уж приходит мне срок.
Только прежде, чем в путь, мне хотя бы разок
Перед смертью взглянуть на тебя бы, сынок.
Потеряла покой, все одно: как ты там?
Неужели с тобой уж не свидеться нам?
Я б примчалась к тебе, да подняться не в мочь".
И на дерзкий побег он пошел в ту же ночь...

Из воровской рифмованной классики в начале 80-х давила слезу песня, щедро напичканная уменьшительными формами речи:

Вот стоит избушечка, ветхая, печальная.
Белая акация во дворе цветет.
У окна старушечка, лет уже не мало ей.
С Воркуты далекой мать сыночка ждет.
Вот однажды вечером принесли ей весточку,
Сообщили матери, что "в расцвете лет,
Соблазнив приятеля, ваш сыночек Витенька
Темной-темной ноченькой совершил побег".
Он ушел из лагеря в голубые дали,
Шел тайгой дремучею ночи напролет,
Чтоб увидеть мамочку и сестричку Танечку.
Шел тогда Витюшеньке двадцать первый год.
Вот однажды Витенька постучал в окошечко,
Мать, увидев сына, думала, что сон.
"Скоро расстреляют, дорогая мама".
И, прижавшись к стенке, вдруг заплакал он...

Или же: ...И на широкой груди, Лаская родную старушку, Я сказал: "Мама, веди, Веди ты в родную избушку". За круглым семейным столом Полней наливайте бокалы. Я пью за родные края, Я пью за тебя, мать родная. И пью я за тех матерей, Что сына ТУДА провожают И со слезами в глазах Дитя на пороге встречают. "Сын мой родной, дорогой, - Ты вся в слезах прокричала. - Сын мой вернулся домой, И жизнь моя радостней стала"...

Вологодский конвой шутить не любит

"Мертвые не возвращаются с погоста". Так любили говорить каторжане, намекая на свое пожизненное заключение. В царской России каторжные работы были сопряжены с поселением в Сибири навсегда. Арестант выбрасывался из общества, изолировался в суровой дикой глуши, где постепенно зверел и сам. Он уже не надеялся когда-нибудь вернуться, и для многих это было едва

ли не самым страшным. Каторжанин умирал для родины, родных и прежних друзей. Безысходность терзала узника, его душа осознанно или подсознательно требовала перемен, а попросту - побега. Когда он в один из дней уходил в бега, каторга говорила: "Он ушел менять свою судьбу". Если изменить судьбу не удавалось и беглец возвращался на круги своя, смиренно ожидая плетей, все вздыхали: "Не подфартило". Сам смельчак стыдливо прятал глаза, как бы стесняясь своей невезучести. При пожизненной каторге побеги и отлучки считались неизбежным и даже необходимым злом. Это зло сравнивали с предохранительным клапаном, который дает выход отчаянию и сохраняет последнюю надежду. Отними у вечного узника последнюю надежду - надежду вернуться с погоста, - и он станет непредсказуемым. В какой форме проявится его отчаяние, можно было лишь догадываться.

Нынешняя Россия надежно оберегает погост, с которого еще никто не вернулся. Восстановив пожизненное заключение, она облюбовала для приговоренных остров Огненный с его странной и страшной славой. В глубине дремучих вологодских лесов, где к человеку еще не успели привыкнуть, ютится насыпной (т.е. искусственный) остров, окруженный со всех сторон водой. Огненный родился в середине XVI века и был уготовлен для ссыльных монахов. В 1962 году МВД РСФСР вернуло острову исправительно-трудовую функцию, разместив на нем вышки и ряды колючей проволоки. Так в Белозерском районе Вологодской области появилась колония особого режима, которая спустя тридцать лет станет "погостом" для вечных арестантов. Кроме холодного северного неба, островитянам уже ничего не светит.

Съемку "Калины красной" Василий Шукшин решил начать именно с этих мрачных мест. Свинцовое небо, спокойная и как бы уверенная в себе водная гладь, серые крепостные стены с часовыми и деревянные мостки, разделяющие ЭТОТ мир и ТОТ, навсегда увековечил кинематограф. Невдалеке от Огненного вытянулся еще один остров под издевательским именем Сладкий. На Сладком живут стражи колонии со своими женами и детьми. Сейчас на нем обитает чуть больше двухсот человек, которые охраняют и обслуживают сотню "вечников". Эта малая часть суши лишена промышленности, и жители поневоле становятся и огородниками, и рыбаками, благо северный край полон пресноводных щедрот. Сахар, мука и крупа на остров подвозятся гужевыми повозками.

Хотя лагерь считается "отсидочным", и мощные производственные цехи здесь не предусмотрены, зеки без работы не остаются. Им поручают шить рукавицы, за которые причитается символическое вознаграждение. Этому нехитрому и почти единственному товару на Огненном предшествовали тапочки. Их начинали шить еще в 60-х (вспомните Егора из "Калины красной", объяснявшего огрубелость своих рук: "Мы тапочки шили-шили, шили-шили"), но тогда они предназначались для ритуальных процессий, а проще говоря, для покойников. Со временем от тапочек пришлось отказаться, чтобы уберечь (!) психику арестанта. Волей-неволей зек вынужден потеть над этими осточертевшими рукавицами: за отказ работать его попросту лишат ежедневной прогулки, что ценится здесь превыше всего. На свежий воздух зек выходит в двух случаях - на прогулку и по нужде. Последнего удовольствия у него отнять не могут.

Остров помнит один-единственный побег, который завершится далеко не лучшим образом. Один из заключенных дождался приезда на остров ассенизаторской автомашины, выбрал момент, когда водитель отлучился на минуту-другую, забрался в цистерну через верхний люк. Вернувшийся водитель подогнал авто к тюремному нужнику, добросовестно откачал из него дерьмо и начал оформлять документы на выезд. В эти минуты зек барахтался в нечистотах и, как он утверждал впоследствии, проклинал все на свете. На контрольно-пропускном пункте цистерну никто не досматривал. Дежурный офицер заглянул в кабину, под днище, ударил печатью и пожелал ассенизатору доброго пути. Беглец очень быстро стал задыхаться в фекальных испарениях. Приоткрыв крышку люка, он жадно глотал воздух и мрачно отхаркивался. Автомобиль не спеша двигался по деревянному мостику, то и дело подпрыгивая на грубых крепях. Вонючая жидкость колебалась, билась о стенки, забивала уши, нос и глаза. Пленник даже не мог вытереть дерьмо с лица: его руки так же были вымазаны нечистотами. Рискуя быть замеченным и уже теряя сознание, бедный зек открыл крышку пошире. Единственным для него утешением было то, что автомобиль все дальше и дальше удалялся от зоны.

Недостачу "личного состава" Огненного выявили спустя несколько часов. Так как лагерные владения размахом не отличались, охрана быстро убедилась, что на острове пропавшего зека нет. В погоню за ассенизатором отправился конвойный взвод. Он подоспел к тому моменту, когда

автомобиль уже приготовился слить дерьмо в фекальный отстойник. Прапорщик загрохотал прикладом по металлическому боку цистерны и ласково спросил:

- Ты здесь, сволочь?

Ему ответила глубокая тишина.

- Может, уже захлебнулся? - предположил водитель. На его лице удачно совмещались сочувствие и брезгливость. Один из служивых обошел цистерну: еще чиста. Значит, зек еще там.

- Че, говном подавился? - басил прапорщик, передергивая затвор. - Буду считать до одного, после этого разнесу говновоз. Выныривай, сука!

В цистерне забулькало, крышка люка зашевелилась, и появился предмет, напоминающий голову. Кто-то из конвоя начал громко икать и на всякий случай вытащил носовой платок, другой отлучился в кусты как бы по нужде. Водитель чуть не забился в истерике:

- Ты мне так бочку всю угадишь! Руками, руками не трогай! Вылезай потихоньку, да руками не лапай. После тебя не отмоешь. Что же ты творишь, гад? Не лапай!

Зек в нерешительности возился на цистерне, сея вокруг брызги и потеки. Это жалкое зрелище всем быстро надоело. Водитель робко поинтересовался у офицера: не сможет ли зек помыть его машину? Уж больно неэстетично выглядела ассенизационная емкость. Покуривая "Приму" и щурясь на небо, капитан философски заметил:

- Да не пыхти, дед. Дерьмо - оно и есть дерьмо. Подсохнет - само отвалится. В другой раз смотри, кого в машину берешь. Или ты с этим гавриком заодно? А, дед? Сливай свое повидло побыстрей и езжай за нами.

Водитель замер с гофрированным хоботом в руках:

- Это зачем же?

- А затем, что повезешь его. Или ты хочешь, чтобы мы его к себе в кабину посадили?

Прапорщик заржал и похлопал шофера по плечу:

- Будет в кабине запах, как в парикмахерской.

- Вы что ж, его ко мне в кабину бросить хотите?

- Ага, к тебе на колени.

Оставив побледневшего водителя с его мыслями наедине, прапорщик подошел к машине и крикнул беглецу, сидевшему на краю люка:

- Погодь слазить, гнида. Сейчас полезешь обратно.

Загаженное лицо зека перекосилось:

- Командир, я там задохнусь. Я пешком пойду. Сколько надо - столько и пойду. Я в воду окунусь и помоюсь. Я в бочке подохну.

Когда цистерна опустела, водитель свернул хобот. Он понял шутку прапорщика и веселел на глазах. Офицер приказал зеку лезть в цистерну, а шоферу - закрыть люк. Затем секунду подумал и великодушно разрешил оставить бочку открытой. Но эта роскошь беглеца не успокоила. Защелкали затворы, зек застонал:

- Не глумись, начальник, не терзай. Я уже свое получил, Я пешком пойду, я даже побегу. Я не буду туда лезть.

Последние слова он прогудел уже из бочки. Слегка повозившись внутри, постонав и поматерившись, зек затих. Офицер пошел к своему автомобилю и бросил ассенизатору:

- По коням, золотарь. Поедешь впереди. Просигналим - остановишься. Понял?

Вологодский конвой шутить не любил. Какое наказание постигло беглеца, и так нахлебавшегося горя, осталось загадкой. Во всяком случае, три года за побег ему не "припаяли".

Для узников Огненного начертан лишь один путь - в небо. Свое бренное тело они обязаны оставить здесь - на местном погосте, самом мрачном участке этих краев. На здешнем кладбище хоронят и зеков, и офицеров. Только смерть способна их объединить. Под гранитным или мраморным надгробьем покоится тело служивого, под грубым перекосившимся крестом - останки "полосатого" жителя. На одних табличках - фамилия, имя и отчество, на прочих - порядковый номер. То есть, здесь умирает не Иванов Иван Иванович, а N 189 или подобный трехзначный субъект.

Но даже на острове Огненном красная полоса на тюремном деле арестанта не теряет своего смысла. На острове также есть склонные к побегу. Скажем, Равиль Дашкиев - тридцатишестилетний головорез, отправивший в царство теней двух гражданских и одного офицера милиции. Последняя жертва - его гордость. Дашкиев получил высшую меру, но президентская комиссия по помилованию предложила президенту России подарить убийце жизнь. Как казнь. Когда Дашкиеву зачитали указ о

помиловании, он не поверил и сказал что-то в таком духе: "Туфта. За это в живых не оставляют. Скажите все, как есть. Я не трус и пойду под расстрел без истерик и припадков".

Дашкиев не верил в свою участь, пока его не привезли на этот остров. Хотя еще в дороге его пробило сомнение: зачем тащить гражданина Дашкиева за тысячи километров, если по России есть масса тюрем, где исполняют "вышку"? На Огненном Равиль перестал быть гражданином Российской Федерации. Всех здешних "полосатиков" не касаются ни избирательная компания, ни перепись населения. Для России они юридически умерли. Первые десять лет узники острова содержатся в тесных тюремных камерах, затем их могут поместить в помещения общего типа.

Форма внутренней службы на Равиля Дашкиева действует как красная тряпка на быка. Он озлоблен до предела и уже давно перестал различать, кто перед ним

- прапорщик, капитан или майор.

- Я убью тебя, падла! - кричит он офицеру. - Мне нас...ть на вас всех. Я убегу отсюда!

Обыск вещей Дашкиева не бывает напрасным. Всякий раз у него находят то нож, то веревку, то заточку. Узник не расстается с мыслью о побеге и даже не утруждает себя эти помыслы скрывать. Он ежедневно по сотне раз отнимается от пола, а однажды даже попросил администрацию лагеря разрешить ему легкие пробежки по острову. Дашкиеву предложили бегать в нужник и обратно. Было время, когда зек играл с охраной в откровенность:

- Зачем вы нас кормите? Где-то дети и старики пухнут с голодухи, а нам мешками жратву гонят. Ведь мы же трупы, живые ходячие трупы. А вы по кладбищу ходите, мертвецов охраняете, чтобы они не разбежались и не передохли в лесу. Перестреляйте нас всех и спишите все на массовый побег. Вас никто не осудит, а народ "спасибо" скажет. Или боитесь без работы остаться? Начните с меня. Неужели мне нужно убить часового и попробовать убежать, чтобы получить свои пайковые девять или сколько-то там граммов?

Равиль Зуферович написал письмо президенту России, где просил восстановить для него прежний приговор областного суда, то есть расстрелять. Он также желал отправиться в окопы Чечни, где гибнут "молодые пацаны, еще бабы голой не видавшие". Дашкиев хотел (в письме, по крайней мере) умереть на поле брани, а не на забытом всеми острове. Письмо по традиции попало к лагерным цензорам и дальше бетонного ограждения не ушло.

Вор в законе Михайлов по кличке Соленый - попадают на остров и блатные знаменитости - реагирует на пожизненное заточение не так остро. Свободное время он коротает перед экраном видеодвойки "Сони", которую не поленились передать для него верные братки. Огрубевшая душа рецидивиста с двадцатилетним лагерным стажем не лишена сентиментальности: Соленый любит мелодрамы, где бурлят страсти, лихо закручивается любовная интрига и дело, как всегда, близится к свадьбе. Но привезенные братвой кассеты уже порядком надоели, а видеопрокат в зоне если когда-нибудь и появится, то в самую последнюю очередь (после живого уголка и кружка авиамоделистов). Блатной авторитет Соленый на Огненном просто "сидит" - здесь не с кем, да и незачем, "мутить" бунт, щемить "петухов" и сколачивать "общак"...

Остров Огненный окрестили островом мертвых душ. Покинуть его можно лишь мертвым. Родственники не вправе забрать труп зека, они могут рассчитывать на его кремированный прах. Самоубийства здесь далеко не редкость. Арестант собственноручно исполняет смертный приговор, который когда-то был заменен указом президента России. На этот последний шаг, который обжалованию уже не подлежит, его толкает не совесть, а безысходность. Труп получает порядковый номер и покидает зону...

Майдан. Игра

Во всякой тюрьме, каторжной и обычной, существует так называемый майдан. Это место на нарах, где происходит игра в карты, кости и около которого собираются все игроки из арестантов. По тюремной пословице, "на всякого майданщика по семи олухов". Игра преследуется тюремным начальством, а потому всегда кто-нибудь из заключенных стоит на стреме.

Интересны были правила игры. На майдане никто сразу всего не проигрывает. Так, например, один поставил на кон три рубля и все проиграл. Выигравший обязан возвратить ему третью часть, то есть рубль. Таковы правила, и они свято соблюдаются всеми арестантами. Точно так же выигравший казенные вещи (рубашку, сапоги, штаны и проч.) обязан их возвратить проигравшему бесплатно по истечении некоторого времени, достаточного, по мнению арестантов, для того, чтобы

охолодить слишком горячего игрока и удержать его от опасного азарта. Не выполнивший этого правила и не вернувший выигранные вещи лишался в дальнейшем права на игру. Правила эти придуманы для того, чтобы избежать возможных ссор, споров, драки, убийства, а также для того, чтобы все деньги не перешли в одни руки к счастливому и удачливому игроку, поскольку тогда игра бы остановилась, потому что играть было бы не на что.

Проигравший и получивший обратно третью часть своего проигрыша назавтра снова допускается к игре и ставит свой рубль на кон. Если проигрывает, то снова получает свою третью часть от рубля (33 коп.) и играть в тот день больше не имеет права. На третий день он ставит свои 33 копейки, проигрывает и получает обратно 11 копеек и т.д. Перестает он играть, разорившись в пух.

"Законники" былых времен

Аристократ острога, человек в почете, так называемый бродяга - человек бывалый и тертый, имеет право играть в кредит, и майданщик обязан верить ему на слово. Достаточно бродяге поставить на майдан кирпич или просто собственный кулак - и майданщик должен дать ему кредит в полтора рубля серебром. Играет бродяга под честное варнацкое слово, а за словом этим бродяга не постоит, легко его дает, но далеко не всегда исполняет. Слово бродяги только тогда твердо, когда он дает его другому бродяге. Раз в месяц майданщик меняется, и все долги, которые он не успел получить с проигравших, списываются. Таков закон. Но если на майдан садится бродяга, этот закон отменяется, все обязаны долги ему вернуть неукоснительно.

(Следует оговорить, что со временем условия игры в карты очень сильно ужесточились и теперь карточный долг подлежал своевременной выплате - долг чести арестанта. Не выплативший вовремя долг заслуживал сурового наказания и объявлялся несостоятельным человеком. В соответствии с кодексом чести арестанта по приговору он переводился в разряд "динамы", то есть становился самым отверженным среди отвергнутых тюремной элитой. Всем обитателям камеры предписывалось относиться к нему как к бездомной собаке. Отныне место ему для сна отводилось у порога камеры, рядом с парашей, и это несмотря на то, что на нарах имелись свободные места. Любому из сокамерников разрешалось его беспричинно ударить, плюнуть ему в лицо, в пищу, отнять приглянувшуюся вещь. Все работы по поддержанию чистоты в камере становились обязанностью "динамы".)

Воровство у товарищей дело предосудительное, но бродяга может смело воровать у майданщика вино. В этом никто не находит ничего позорного, потому что откупщик питейного майдана не пользуется ничьим расположением, как стяжатель. Всякий более или менее значительный выигрыш сопровождается попойкою, ни один праздничный день без нее не обходится. Сколько ни существует постановлений, чтобы арестанты не имели при себе денег и инструментов, не употребляли водки, не играли в карты и не имели сношений с женщинами - все эти постановления остаются без действия. Появление в тюрьмах водки и других запрещенных вещей обеспечивается подкупностью сторожей.

Всякий новичок, поступая в острог и в тюремную общину, обязан внести известное количество денег, так называемого влазного. Это повелось с незапамятных времен, с самого появления тюрем,

Вообще же, всякий неопытный, поступая в тюрьму, делается предметом притеснений и насмешек. Если у него заметят деньги, то стараются их возможно больше выманить. Если он доверчив и простосердечен, его спешат запугать всякими страхами, уничтожить в нем личное самолюбие. Доведя его до желаемой грани, помещают обыкновенно в разряд чернорабочих, то есть станут употреблять на побегушках, определяют в сторожа карточного и винного майданов, заставляют выносить парашу или чистить отхожие места.

Слабые сдаются, твердые начинают вдумываться и кончают тем, что обращаются за советом к бывалым людям, к законникам. Около законников новичок в скором времени становится тем, кем он должен быть, то есть - арестантом. Потом вновь поступивший уже без руководства и объяснений понимает весь внутренний смысл тюремного быта на практике, и через какое-то время он - полноправный член этой общины. Арестанты неохотно и очень редко рассказывают о своих похождениях, о злодействах же никогда. Не привыкая хвастаться своими преступлениями, арестанты все-таки с большим уважением относятся к тому из бродяг, который попробовал уже и кнут и плети, стало быть, повинен в сильном уголовном преступлении.

Старинные "мастырки"

Казенная работа изо дня в день одна и та же, тяжелая и однообразная, поэтому все стараются как-нибудь от нее уклониться. Летом арестанты надрезывают чем-нибудь острым кожу какой-нибудь части своего тела (чаще всего половых органов) и в свежую рану пропускают свой или конский волос. Добившись местного воспаления, нагноения, он идет к лекарю и попадает в госпиталь с подозрением на сифилис.

К врачам зимой идут арестанты с распухшими щеками, когда, по их опыту, стоит только наколоть внутри щеки булавкой и выставить эту щеку на мороз, она сильно распухает.

Смачивают также палец и высовывают в форточку. Палец отмораживается, фельдшер его отрезает, но теперь арестанта посылают на более легкую работу. Вот почему заключенные любят добывать всякие едкие, разъедающие жидкости, кислоту, известь, колчедан.

Вытяжкой сонной одури они делают искусственную слепоту, пуская жидкость в глаз, увеличивают зрачки и при осмотре кажутся как бы действительно слепыми.

Принимая натощак столовую ложку нюхательного табаку, арестанты добивались того, что их клали в больницу, потому что наступала тошнота, бледность кожи, биение жил и общая слабость.

Принимавшие ложку толченого стручкового перца с сахаром добивались грыжи и пили потом натощак такую же ложку соку из репчатого лука, когда грыжа надоедала и делалась ненужной.

Симулируя глухоту, клали в ухо смесь из травяного сока, меда и гнилого сыра. Сыр, разлагаясь, вытекал наружу жидкостью, по запаху и белому цвету похожей на гной.

Порошком, который остается в древесных дуплах после червей, дули в глаза желающему симулировать бельмо, которое, однако, скоро проходит. Хороший флюс для арестантской практики тоже дело не мудреное - стоит наделать внутри щеки уколов иголкой, пока не хрустнет (но не прокалывать насквозь), а затем, зажав нос и рот, надувать щеку до флюса: щека раздуется, покраснеет, и это похоже на рожистое воспаление. Чтобы вылечиться
- стоит проколоть щеку снаружи насквозь и выпустить воздух. Стягивая под коленом кожу в складки (с захватом жил) и продевая сквозь эти складки свиную щетину на иголке, добивались искусственного све1сния ноги - щетина оставалась в жилах. Распарив ногу в бане и вынув щетину, можно и в бега уйти. Из нерчинских каторжных тюрем, да и вообще из тюрем Восточной Сибири и Сахалина побеги совершались очень часто и в огромном числе.

А.П. Чехов. "Остров Сахалин": "Три надзирателя... приходятся на 40 человек... В тюрьмах много надзирателей, но нет порядка. Почти каждый день в своих приказах начальник острова штрафует их, смещает на низшие оклады или же совсем увольняет: одного - за неблагонадежность и неисполнительность, другого - за безнравственность, недобросовестность и неразвитие, третьего - за кражу казенного провианта... а четвертого - за укрывательство, пятый, будучи назначен на баржу, не только не смотрел за порядком, но лаже сам подавал пример к расхищению на барже грецких орехов, шестой - состоит под следствием за продажу казенных топоров и гвоздей...

Надзиратели во время своего дежурства в тюрьме допускают арестантов к картежной игре и сами участвуют в ней: они пьянствуют в обществе ссыльных, торгуют спиртом. В приказах мы встречаем также буйство, непослушание, крайне дерзкое обращение со старшими в присутствии каторжных и, наконец, побои, наносимые каторжному палкой по голове, последствием чего образовались раны...

Ссыльное население не уважает их и относится к ним с презрительной небрежностью".

А между тем жалованье надзирателя составляло в то время 480 рублей, причем через какие-то сроки оно постоянно увеличивалось на треть и даже вдвое.

Для сравнения: жалованье школьного учителя в те же годы было 20-25 рублей.

В России на 1906 год - 884 тюрьмы.

ИЗ ОТЧЕТА ГЛАВНОГО ТЮРЕМНОГО КОМИТЕТА ЗА 1883 ГОД ПО ПРОВИНЦИАЛЬНЫМ ТЮРЬМАМ:

"Седлецкая рассчитана на 207 мест, фактически заключенных - 484.

Сувалкская 165 - 433.

Петроковская 125 - 652".

Вообще во всей Сибири на 1900 год должно было находиться 310 тысяч людей, сосланных туда за различные преступления и правонарушения, но из этого числа по меньшей мере треть, то есть

около 100 тысяч, было "в бегах". Они в основном оставались в той же Сибири, но бежали с мест приписки, бродя- ". жили, воровали, порой грабили и убивали местное 1 население.

Процент ссыльных, которые находились "в безвестной отлучке", был чрезвычайно высок, но в некоторых областях, к примеру - в Амурской и Приморской, из каждых ста ссыльных бежали до 70-80 человек.

КАСТЫ

В дореволюционных тюрьмах и на каторге к началу XX века сложилась довольно строгая иерархия среди заключенных. Власть в тюрьме принадлежала тюремным "иванам" - ее аристократам, старожилам. От их воли напрямую зависела судьба каждого тюремного сидельца. Заслужить высший титул можно было только преданностью своей профессии, многократным отсидкам. "Иван" ловок, зачастую умеет увернуться от всякой кары. С ним считается тюремное начальство. Он - властелин тюремного мира, и только ему принадлежит право распоряжаться жизнью или смертью сидельцев.

Второе сословие - "храпы". Эти всегда и всем возмущаются, все признают неправильным, незаконным и несправедливым как со стороны администрации, так и со стороны сотоварищей. От них главным образом исходят всякие слухи и сплетни. Ничто так не умиляет их, как какой-нибудь конфликт в тюрьме. Чаще всего они их и затевают, но при этом сами уходят в тень. Многие из них сами хотели бы быть "Иванами", но у них не хватает для этого необходимых личных качеств.

Третье сословие - "жиганы". Мошенники, насильники, проигравшиеся в карты и т.д.

Четвертое сословие - "шпанка". У этих в тюрьме не было никаких прав, одни обязанности. Они вечно голодные и всеми гонимые. Их обкрадывали голодные жиганы, их запугивали и обирали храпы. Случайно попавшие в тюрьму, они были не способны к объединению, а отсюда и соответствующее к ним отношение.

В тюрьме каждый заключенный, вне зависимости от сословной принадлежности, должен был соблюдать "правила-заповеди арестантской жизни", традиции, обычаи, нормы поведения. Любая измена этим правилам влекла за собой кару. Кто "засыпал" товарищей по делу, всех "язычников" (доносчиков) ожидала неминуемая смерть. Избежать возмездия мало кому удавалось. "Записки", указывающие на изменника, направлялись по всем тюрьмам от Киева до Владивостока и требовали от находившихся там воровских авторитетов при обнаружении изменника "прикрыть" его дело. Отступника следовало не только зарезать, но и обязательно провернуть нож в ране.

"Прописка"

Публика в камерах постоянно обновлялась, новичков ждали всегда с большим нетерпением, чтобы посвятить в "арестантство". Стоило только надзирателю закрыть за новичком дверь, как в камере начинали раздаваться возгласы: "Подать оленей!" Тут же находилось двое любителей и становились плотно спиной друг к другу. Помощники связывали их у пояса полотенцем. После этого каждый наклонялся в свою сторону. Их накрывали одеялом, и "олени" были готовы. Новичку дружно предлагали прокатиться на "оленях". Если он не садился добровольно, то усаживали силой. Как только тот усаживался, связанные распрямлялись и зажимали его словно в тисках, а остальные начинали хлестать его скрученными в жгуты полотенцами. Кому эта забава была известна, те развязывали "оленей", садились на них поочередно и катались по камере. После этого им определялись места и присваивались клички.

СУДЫ РЕВОЛЮЦИИ

Сначала на волю из тюрем хлынули "птенцы Керенского" - мазурики, фармазоны, жиганы и уркаганы, выпущенные либеральным правительством по случаю падения 300-летней монархии. А к власти в итоге пришли большевики, которые не знали никаких нравственных норм и законов, которые не останавливались ни перед чем, добиваясь своих целей.

С первых же дней новая власть стала очень широко применять смертную казнь, которая санкционировалась и судом и без суда. Расстрелу на месте без суда и следствия подлежали спекулянты, германские шпионы, контрреволюционные агитаторы, погромщики, хулиганы. Безграничные права предоставлялись ВЧК. Приговоры к смерти, без права обжалования, выносились "тройками", "пятерками" ЧК, которые должны были руководствоваться лишь "революционным правосознанием".

Уже в 1918 году была практически уничтожена "краса и гордость русской революции", расстреляны восставшие матросы. Физическому уничтожению подлежали дворяне и интеллигенция, студенты и промышленники, литераторы и мыслители, поддерживавшие в свое время и морально и материально всякого рода "борцов с деспотизмом" и укрывавшие их от преследования властей... По стране стала быстро расползаться сеть концентрационных лагерей.

Новая власть жестоко расправилась с ниспровергателями монархии, с "красой и гордостью революции" - матросами, с красными латышскими стрелками, с либеральной интеллигенцией, революционным студенчеством и прочими борцами за свободу. Рабочие, ставшие на словах владельцами фабрик и заводов, превратились на деле в безропотных рабов, крестьяне, жаждавшие земли, получили ее в краях вечной мерзлоты... Впрочем, об этом много написано.

С первых же дней революции главной задачей большевиков было удержаться у власти и закрепить завоеванные позиции. Нужно было уничтожить всех возможных врагов, то есть тех, кто мог оказать реальное сопротивление новой власти. Образованный класс был приговорен изначально, уничтожению подлежали также военные, духовенство, помещики, зажиточные крестьяне... Для этого и была учреждена Чрезвычайная комиссия. О работе ЧК в первые годы после революции написано очень много как хвалебного, так и резко отрицательного. Массу потрясающих документальных свидетельств находим в воспоминаниях Н.Д. Жевахова.

В России каждый город имел несколько отделений ЧК.

1-ю категорию обреченных чрезвычайками на уничтожение составляли:

1. Лица, занимавшие в царской России хотя бы сколько-нибудь заметное служебное положение - чиновники и военные, независимо от возраста, а также их вдовы.
2. Семьи офицеров-добровольцев (были случаи расстрела пятилетних детей.)
3. Священнослужители.
4. Рабочие и крестьяне, подозреваемые в несочувствии советской власти.
5. Все лица, без различия пола и возраста, имущество которых оценивалось свыше 10 000 рублей.

Ставка на сволочь

По размерам и объему своей деятельности Московская Чрезвычайная комиссия была не только министерством, но как бы государством в государстве. Она охватывала собой буквально всю Россию, и щупальца ее проникали в самые отдаленные уголки русского государства. Комиссия имела целую армию служащих, военные отряды, бригады, огромное количество батальонов пограничной стражи, стрелковых дивизий и бригад башкирской кавалерии, китайских войск и т.п., не говоря уже о многочисленном штате доносчиков и шпионов. Во главе этого учреждения стоял Феликс Дзержинский с многочисленными помощниками. Во главе провинциальных отделений находились подонки всякого рода национальностей - китайцев, венгров, латышей, эстонцев, поляков, освобожденных каторжников, выпущенных из тюрем мокрушников. Это были непосредственные исполнители директив, получавшие плату сдельно, за каждого казненного. В их интересах было казнить возможно большее количество людей, чтобы побольше заработать. Между ними видную роль играли и женщины, которые поражали своим цинизмом и выносливостью даже закоренелых убийц, не только русских, но даже китайцев. В большинстве своем это были психи, отличавшиеся неистовой развращенностью и садизмом. Чрезвычайка раскинула свои сети по пространствам всей России и приступила к уничтожению населения, начиная с богатых и знатных и кончая неграмотным крестьянином.

В течение короткого промежутка времени было убито множество представителей науки, ученых, профессоров, инженеров, докторов, не говоря уже о сотнях тысяч всякого рода государственных чиновников, которые были уничтожены в первую очередь. Уже к концу 1919 года было уничтожено около половины профессуры и врачей.

С первых дней революции стали производиться массовые обыски, якобы для выявления скрытого у населения оружия, затем аресты, заключение в тюрьму и смертная казнь в подвалах чрезвычайки. Террор был так велик, что ни о каком сопротивлении не могло быть и речи, никакое бегство из городов, сел и деревень, оцепленных красноармейцами, было немыслимо.

На первых порах практиковались розыски якобы скрытого оружия, и в каждый дом, на каждой улице, беспрерывно днем и ночью являлись вооруженные до зубов солдаты в сопровождении агентов чрезвычайки и открыто грабили все, что им попадалось под руку. Никаких обысков они не производили, а имея списки намеченных жертв, уводили их с собой в чрезвычайку, предварительно ограбив как сами жертвы, так и их родных и близких. Всякого рода возражения были бесполезны, и приставленное ко лбу дуло револьвера было ответом на попытку отстоять хотя бы самые необходимые вещи. Грабили все, что могли унести с собой. И запуганные обыватели были счастливы, если такие визиты злодеев оканчивались только грабежом.

Допросы

Чрезвычайки занимали обыкновенно самые лучшие дома города и помещались в наиболее роскошных квартирах. Здесь заседали бесчисленные "следователи". После обычных вопросов о личности, занятии и местожительстве начинался допрос о политических убеждениях, о принадлежности к партии, об отношении к советской власти, к проводимой ею программе и прочее, затем под угрозой расстрела требовались адреса близких, родных и знакомых жертвы и предлагался целый ряд других вопросов, совершенно бессмысленных, рассчитанных на то, что допрашиваемый собьется, запутается в своих показаниях и тем создаст почву для предъявления конкретных обвинений. Таких вопросов предлагалось сотни, ответы тщательно записывались, после чего допрашиваемый передавался другому следователю.

Этот последний начинал допрос сначала и предлагал буквально те же вопросы, только в другом порядке, после чего передавал жертву третьему следователю, затем четвертому и т.д. до тех пор, пока доведенный до полного изнеможения обвиняемый соглашался на какие угодно ответы, приписывал себе несуществующие преступления и отдавал себя в полное распоряжение палачей. Шлифовались и вырабатывались методы, дошедшие в смягченном виде и до наших дней. Впереди были еще более страшные испытания, еще более зверские истязания.

Людей раздевали догола, связывали кисти рук веревкой и подвешивали к перекладинам с таким расчетом, чтобы ноги едва касались земли, а затем медленно и постепенно расстреливали из пулеметов, ружей или револьверов. Пулеметчик раздроблял сначала ноги, для того чтобы они не могли поддерживать туловища, затем наводил прицел на руки и в таком виде оставлял висеть свою жертву, истекающую кровью... Затем он принимался снова расстреливать до тех пор, пока живой человек не превращался в бесформенную кровавую массу, и только после этого добивал ее выстрелом в лоб. Тут же любовались казнями приглашенные "гости", которые пили вино, курили; им играли на пианино или балалайках.

Часто практиковалось сдирание кожи с живых людей, для чего их бросали в кипяток, делали надрезы на шее и вокруг кистей рук и щипцами стаскивали кожу, а затем выбрасывали на мороз... Этот способ практиковался в харьковской чрезвычайке, во главе которой стояли "товарищ Эдуард" и каторжник Саенко.

В Петербурге во главе чрезвычайки стоял латыш Петерс, переведенный затем в Москву. По вступлении своем "в должность" он немедленно же расстрелял свыше 1000 человек, а трупы приказал бросить в Неву, куда сбрасывались и тела расстрелянных им в Петропавловской крепости офицеров. К концу 1917 года в Петербурге оставалось еще несколько десятков тысяч офицеров, уцелевших от войны, и большая половина их была расстреляна Петерсом, а затем Урицким.

В изданной Троцким брошюре "Октябрьская революция" он хвастается несокрушимым могуществом советской власти.

"Мы так сильны, - говорит он, - что если мы заявим завтра в декрете требование, чтобы все мужское население Петрограда явилось в такой-то день и час на Марсово поле, чтобы каждый получил 25 ударов розог, то 75% тотчас бы явились и стали бы в хвост и только 25% более предусмотрительных подумали запастись медицинским свидетельством, освобождающим их от телесного наказания..."

В Киеве чрезвычайка находилась во власти латыша Лациса.

Его помощниками были Авдохин, "товарищ Вера", Роза Шварц и другие девицы. Здесь было полсотни чрезвычаек. Каждая из них имела свой собственный штат служащих, точнее палачей, но между ними наибольшей жестокостью отличались упомянутые выше девицы. В одном из подвалов чрезвычайки было устроено подобие театра, где были расставлены кресла для любителей кровавых зрелищ, а на подмостках, т.е. на эстраде, производились казни.

После каждого удачного выстрела раздавались крики "браво", "бис" и палачам подносились бокалы шампанского. Роза Шварц лично убила несколько сот людей, предварительно втиснутых в ящик, на верхней площадке которого было проделано отверстие для головы. Но стрельба в цель являлась для этих девиц только штучной забавой и не возбуждала уже их притупившихся нервов. Они требовали более острых ощущений, и с этой целью Роза и "товарищ Вера" выкалывали иглами глаза, или выжигали их папиросами, или забивали под ногти тонкие гвозди.

Негр-Тимофей

В Одессе свирепствовали знаменитые палачи Дейч и Вихман с целым штатом прислужников, среди которых были китайцы и один негр, специальностью которого было вытягивать жилы у людей, глядя им в лицо и улыбаясь своими белыми зубами. Здесь же прославилась и Вера Гребенщикова, ставшая известной под именем "Дора". Она лично застрелила 700 человек.

Среди орудий пыток были не только гири, молоты и ломы, которыми разбивались головы, но и пинцеты, с помощью которых вытягивались жилы, и так называемые "каменные мешки", с небольшим отверстием сверху, куда людей втискивали, ломая кости, и где в скорченном виде они обрекались специально на бессонницу. Нарочно приставленная стража должна была следить за несчастным, не давая ему заснуть. Его кормили гнилыми сельдями и мучили жаждой. Здесь главными были Дора и 17-летняя проститутка Саша, расстрелявшая свыше 200 человек. Обе были садистками и по цинизму превосходили лаже латышку Краузе.

В Пскове все пленные офицеры были отданы китайцам, которые распилили их пилами на куски. В Благовещенске у всех жертв чрезвычайки были вонзенные под ногти пальцев на руках и ногах грамофонные иголки.

В Симферополе чекист Ашикин заставлял свои жертвы, как мужчин, так и женщин, проходить мимо него совершенно голыми, оглядывал их со всех сторон и затем ударом сабли отрубал уши, носы и руки... Истекая кровью, несчастные просили его пристрелить их, чтобы прекратились муки, но Ашикин хладнокровно подходил к каждому отдельно, выкалывал им глаза, а затем приказывал отрубить им головы.

В Севастополе людей связывали группами, наносили им ударами сабель и револьверами тяжкие раны и полуживыми бросали в море. В Севастопольском порту были места, куда водолазы долгое время отказывались спускаться: двое из них, после того как побывали на дне моря, сошли с ума. Когда третий решился нырнуть в воду, то выйдя, заявил, что видел целую толпу утопленников, привязанных ногами к большим камням. Течением воды их руки приводились в движение, волосы были растрепаны. Среди этих трупов священник в рясе с широкими рукавами, подымая руки, как будто произносил ужасную речь...

В Пятигорске чрезвычайка убила всех своих заложников, вырезав почти весь город. Заложники уведены были за город, на кладбище, с руками, связанными за спиной проволокой. Их заставили стать на колени в двух шагах от вырытой ямы и начали рубить им руки, ноги, спины, выкалывать штыками глаза, вырывать зубы, распарывать животы и прочее.

В Крыму чекисты, не ограничиваясь расстрелом пленных сестер милосердия, предварительно насиловали их, и сестры запасались ядом, чтобы избежать бесчестия.

По официальным сведениям, а мы знаем, насколько советские "официальные" сведения точны, в 192021 годах, после эвакуации генерала Врангеля, в Феодосии было расстреляно 7500 человек, в Симферополе - 12 000, в Севастополе - 9000 и в Ялте - 5000. Эти цифры нужно, конечно, удвоить, ибо одних офицеров, оставшихся в Крыму, было расстреляно, как писали газеты, свыше 12 000 человек, и эту задачу выполнил Бела Кун, заявивший, что Крым на три года отстал от революционного движения и его нужно одним ударом поставить в уровень со всей Россией.

После занятия прибалтийских городов в январе 1919 года эстонскими войсками были вскрыты могилы убитых, и тут же было установлено по виду истерзанных трупов, с какой жестокостью большевики расправлялись со своими жертвами. У многих убитых черепа были разможжены так,

что головы висели, как обрубки дерева на стволе. Большинство жертв до их расстрела имели штыковые раны, вывернутые внутренности, переломанные кости. Один из убежавших рассказывал, что его повели с пятьюдесятью шестью арестованными и поставили над могилой. Сперва начали расстреливать женщин. Одна из них старалась убежать и упала раненая, тогда убийцы потянули ее за ноги в яму, пятеро из них спрыгнули на нее и затоптали ногами до смерти.

В Сибири чекистами, кроме уже описанных пыток, применялись еще следующие: в цветочный горшок сажали крысу и привязывали его или к животу, или к заднему проходу, а через небольшое круглое отверстие на дне горшка пропускали раскаленный прут, которым прижигали крысу. Спасаясь от мучений и не имея другого выхода, крыса впивалась зубами в живот и прогрызала отверстие, через которое вылезала в желудок, разрывая кишки, а затем вылезала, прогрызая себе выход в спине или в боку...

Вся страна была превращена в громадный концентрационный лагерь. Нельзя удержаться от того, чтобы не привести некоторые отрывки из статьи Дивеева, напечатанной в 1922 году за границей. Автор живописно изображает нравы, воцарившиеся в то время. "С полгода тому назад привелось мне встретиться с одним лицом, просидевшим весь 1918 год в московской Бутырской тюрьме. Одной из самых тяжелых обязанностей заключенных было закапывание расстрелянных и выкапывание глубоких канав для погребения жертв следующего расстрела. Работа эта производилась изо дня в день. Заключенных вывозили на грузовике под надзором вооруженной стражи к Ходынскому полю, иногда на Ваганьковское кладбище, надзиратель отмерял широкую, в рост человека, канаву, длина которой определяла число намеченных жертв. Выкапывали могилы на 20-30 человек, готовили канавы и на много десятков больше. Подневольным работникам не приходилось видеть расстрелянных, ибо таковые бывали ко времени их прибытия уже "заприсыпаны землею" руками палачей. Арестантам оставалось только заполнять рвы землей и делать насыпь вдоль рва, поглотившего очередные жертвы Чека..."

Нарастание жестокости достигло таких громадных размеров и вместе с тем сделалось столь обыденным явлением, что все это можно объяснить только психической заразой, которая сверху донизу охватила все слои населения. Перед нашими глазами по лицу Восточной Европы проходит волна напряженной жестокости и зверского садизма, которые по числу жертв далеко оставляют за собой и средневековье, и французскую революцию. Россия положительно вернулась к временам средних веков, воскрешая из пепла до мельчайших подробностей все их особенности, как бы нарочито для того, чтобы дать историкам средних веков, живя в XX столетии, одновременно переживать и исследовать самодурство и мрак средних веков.

Арест в двадцатых годах

К середине двадцатых годов всенародные расстрелы в Советской России прекратились или стали так редки, что являлись скорее исключением. Советские правители при своих кровавых расправах решили избегать гласности... Ночью подъезжает к дому грузовик. Раздается звонок, обитатели дома поспешно одеваются и осторожно подходят к двери. Трое или четверо вооруженных людей спрашивают имя того, кто стоит за дверью. Изнутри следует ответ. "Так и есть, - говорят вооруженные, - идемте с нами". - "Боже милостивый, куда же это?" - слышно из-за двери. "Так, пустяки, вас подозревают в занятии спекуляцией, вас требуют к следователю". - "Следует мне взять с собой что-нибудь, доказательство моей невиновности или вообще еще что-нибудь?" - "Ничего не надо, только не ломайтесь, через несколько часов будете дома!" На улице потревоженного от сна человека ожидает грузовик, на котором из сколоченных досок устроено закрытое помещение. Открывают дверку и арестованного вталкивают в темное помещение, откуда несутся ему навстречу визги, стоны, рыдания и мольбы... Вновь пришедшего окружают дрожащие фигуры. Грузовик тотчас срывается с места. Спустя немного времени грузовик снова останавливается на какой-то улице и опять, на этот раз после упорного сопротивления, вталкивают какогото несчастного. Так повторяется несколько раз. Затем, после продолжительного безостановочного переезда, грузовик наконец останавливается. Сидящие взаперти слышат извне громкие, повелительные голоса: их вооруженные спутники уже не говорят больше шепотом, как в городе. Дверь отворяется. "Товарищ Петров, слезайте", - раздается грубый голос. Дрожащие, плачущие люди, запертые в грузовике, все сразу затихают, и из рядов своих товарищей по несчастью с трудом, медленной, боязливой походкой протискивается маленький, слабенький человечек, с растерянным выражением на лице.

Несчастный слезает. Кругом глубокий снег и сосновый лес. Всякий хорошо знающий Москву сразу узнал бы, что он находится в Сокольниках, в городском сосновом лесу. Маленький слабый человечек дрожит на морозе. Но не давая ему опомниться, товарища Петрова обхватывают несколько сильных рук и тащат его в глубь леса. В воздухе кружатся легкие снежинки, и порой из-за туч выплывает полный месяц. Но для бедного товарища Петрова красота природы уже не существует. "Зачем же это, голубчики, что я вам сделал?" С несчастного человека срывают его черное чиновничье пальто. "Оставьте, ради Бога, - умоляет несчастный, - мне холодно". - "Смирно, молчать!" - кричат ему. Вслед за этим немедленно раздается выстрел. Товарищ Петров лежит на снегу с лицом, залитым кровью, и его холодеющие руки сводит предсмертная судорога. "Сейчас кончится", - невозмутимо говорит красноармец другому. Несколько секунд царит полная тишина. "Васильев!" - раздается внезапно у двери грузовика, и опять из машины вылезает человек, который через несколько минут будет мертв. Так следуют один за другим. Когда со всеми покончено, убитых раздевают догола, платье и сапоги складывают в грузовик, а трупы поспешно зарывают...

"Вышка" или "мокруха"?

Ночь. Заключенные в Чека спят тревожным болезненным сном, который не приносит отдыха. Вдруг отворяется дверь камеры, и чекист с фонарем в руках громким, грубым голосом окрикивает: "Встать, собрать вещи! Всех сейчас переводят в другую тюрьму. Во дворе построиться!" Все поспешно укладываются и выходят во двор. Среди двора грузовик. Арестованным приказывают построиться. "Тут, вдоль стенки, я буду вызывать поименно", - говорит чекист. Из темноты двора выступают другие чекисты, и каждый из них занимает место против одного из арестованных. "Ходу!" - громко командует комиссар, и немедленно поднимается оглушительный шум. Комиссар подает знак, раздаются выстрелы, заглушаемые ревом мотора. Мертвых и полумертвых волочат по земле и сваливают один на другого в грузовик. Нагруженный автомобиль выезжает с тюремного двора, и трупы зарывают где-либо неподалеку за городом. К утру грузовик возвращается весь залитый кровью. Его тщательно моют и чистят для того, чтобы с первыми лучами солнца он, блестящий и чистый - как символ коммунистической чистоты, - мог выехать и развозить по городским улицам тюки прокламаций, предназначенных для советских подданных и вещающих о любви и взаимном уважении.

А вот другая картина. В главной тюрьме города Николаева в нижнем этаже устроен длинный, постоянно ярко освещенный переход, в боковых стенах которого нет ни одной двери, но проделаны небольшие отверстия, достаточные для того, чтобы вложить в них дуло револьвера. В одном конце перехода имеются двери в тюремный двор. В один прекрасный день одному из приговоренных, не знающему, что он приговорен к смерти, говорят: "Ступай вниз во двор, погуляй полчаса". Заключенный, которому до сих пор еще ни разу не было дозволено выйти из камеры, радостно хватается за шапку и стремительно спускается в проход, чтобы выйти на тюремный двор. Никто его не сопровождает. "Слава Богу, наконец-то я один и без надзора", - думает бедняк, идя к переходу. А в это время в одно из стенных отверстий внимательно следят за каждым его шагом, и, когда он достигает середины перехода, он падает, сраженный в голову выстрелом из револьвера. Его товарищи по заключению не знают, что с ним сталось, и даже при самых мрачных предположениях никто из них не подозревает, что насильственная смерть постигла их сотоварища вблизи от них, в ярко освещенном коридоре. Завтра наступит черед другого. Это называют большевики гуманным и заботливым отношением к заключенным.

Причиной массового озверения была безнаказанность преступлений, отсутствие юридической ответственности, та именно свобода, о которой так громко кричали либералы, о которой "прогрессивная общественность" так тосковала.

В 1923-24 годах иностранные газеты писали: "Пытки в тюрьмах обычное дело. Многие заключенные помещены в ужасных подвалах без окон и без возможности проветривания помещений. Если тюрьмы переполнены настолько, что в них не могут быть помещены новые заключенные, тогда старые заключенные просто уничтожаются для того, чтобы освободить места для новых.

Больницы для умалишенных переполнены. Психические больные без всякой жалости предоставлены самим себе. Только время от времени туда заходит прислуга для того, чтобы выбросить трупы умерших от голода или убитых другими несчастными больными.

По закону исторической справедливости самые ярые стражи революции в конце концов были уничтожены своею же сменой, которую в свою очередь пожрала очередная поросль и т.д. Апофеозом всего этого явился 37-й год, когда сметены были все те, кто особенно много потрудился в деле становления новой системы и кто уже успел занять почти все ключевые посты в этой системе.

Существенно во всем этом то, что система не только уничтожала и изолировала так называемых врагов нового строя, но и в полной мере использовала их труд на стройках народного хозяйства, в основном в отдаленных областях государства. Происходило почти то же самое, что и в петровские времена, - огромные массы народа насильственно пересылались в Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию, на Север и осваивали эти обширные территории.

К 1930 году система действовала уже в полную силу, а к следующему году образовалось Главное управление лагерей - ГУЛаг. Трудно перечислить лагеря, входившие в это управление, - Сибирский, Карагандинский,, Дальневосточный, Байкало-Амурский, Беломоро-Балтийский, Среднеазиатский, Соловецкий, Архангельский, Ухтинский и т.д. и т.д. ГУЛаг стремительно расширялся. К середине тридцатых годов число заключенных составляло около полутора миллионов человек, а к началу войны более двух миллионов.

Следует отметить, что в эти же годы, когда основная масса заключенных рвала жилы в лагерях и колониях, существовали тюрьмы, где заключенные могли спокойно ходить из камеры в камеру, свободно общаясь, читая книги, писали письма без ограничений, играли в волейбол во дворе, а в самих этих дворах росли фруктовые деревья и цвели на клумбах цветы. Здесь содержались так называемые "незаконно репрессированные" бывшие революционеры, уцелевшие к этому времени - меньшевики, эсеры, троцкисты...

ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

По исследованиям доктора юридических наук Станислава Кузьмина, в ходе революции и в последующие годы уголовный мир растворился среди преступников новой формации: спекулянтов, бандитов, контрреволюционеров и т.д. Кражи, хищения, спекуляция, грабежи вросли в повседневный быт граждан. Стала стираться грань между ворамипрофессионалами и обывателями. Старые тюремные сидельцы, как их называли - иваны, вдруг обнаружили, что воровство перестало быть только их профессией. Новые жиганы на первых порах где хитростью, а где и силой сумели подмять под себя "старых" воровских лидеров, число которых заметно поредело в связи с активной деятельностью чрезвычаек, пускавших в расход воровских авторитетов, не вдаваясь в прошлые их "заслуги". "Новые" оказались во главе большинства преступных банд и группировок, где стали задавать тон на свободе и в местах заключения.

Обычаи и правила преступного мира жиганы усвоили быстро и вдобавок к этому обогатили старые традиции новыми идеями. Свою деятельность они преподносили как выражение несогласия и протест против власти совдепии. За жиганами прочно закрепилось название "идейные". Нэп двадцатых годов оживил частную торговлю и предпринимательскую деятельность, появились богатые и нищие. Для новоявленных богачей открывались шикарные рестораны, казино, расцветала проституция, сутенерство и т.п.

В отличие от нынешнего времени, владельцев ценностей при нэпе не было нужды "вычислять", все они были на виду, успевай только чистить их кошельки и квартиры. Поскольку многие наживали свой капитал нечестным путем, то только единицы из ограбленных решались обращаться за помощью в милицию.

"Идейные" насаждали свои нормы поведения в преступных сообществах, вовлекали в шайки новых членов, а за уклонение от установленных ими правил карали смертью. Авторитеты старого преступного мира, хорошо знавшие друг друга, приняли решение дать бой "идейным", добиться победы и восстановить свои позиции. Началось перераспределение власти. Если на свободе "идейные" все еще правили бал, то в лагерях их опору - шпану - прибрали к рукам потомственные арестанты - иваны, паханы. К ним повсюду возвращалась безраздельная власть.

Преступный мир знает несколько десятков воровских профессий, но наиболее ценимые из них - результат обучения ремеслу. У воров с дореволюционным прошлым выделялась своя элита, "козлятники" - профессионалы высочайшего класса. Как правило, они уже достигли преклонного возраста, а в своем деле стали "профессорами", и потому им доверялось обучение молодежи

воровским приемам. Обучение шло и на воле и в тюрьме. Обучение в тюрьме было предпочтительней, потому что за плохо выполненное задание ученику не угрожал срок или физическая расправа. Над ними могли только посмеяться сокамерники. Поэтому на жаргоне многие называли тюрьму "академией".

Процесс приобщения молодежи к вступлению в семью воров был тщательно продуман. Устанавливался кандидатский стаж не менее трех лет. За это время человек всесторонне проверялся. После обучения кандидат, если он того заслуживал, принимал на воровской сходке "присягу", после чего становился общепризнанным вором.

В воровском мире всегда и во все времена ценилась верность единожды выбранному ремеслу, специализации. Это была одна из высокочтимых традиций в воровской среде, которая свято соблюдалась. Перемена специальности, даже временная и случайная, без уважительных причин говорила о "моральном падении" вора (а честь в воровской среде играла огромную роль).

Для воров-профессионалов России была характерна следующая специализация.

Медвежатники - спецы по взлому сейфов.

Карманники, домушники или скокари - квартирные воры.

Майданники и краснушники - транспортные воры.

Стопорилы - грабители с применением оружия.

Воздушники - воры с лотков.

Голубятники - кража белья с веревок.

Одним из главных установлений воровского кодекса чести являлось запрещение ворам трудиться: они обязывались жить на нетрудовые доходы, вести праздную жизнь. Большинство неписаных норм диктовались соображениями охраны касты. К их числу следует отнести запрещение иметь семью. До тех пор, пока вор не отказывался от родных, его не принимали в воровское сообщество, потому что поддержание связи с семьей могло привести к провалу вора, а за ним и его сообщников. Ворам запрещалось служить в армии, состоять в общественных организациях. Воровская этика под страхом смерти запрещала подводить, выдавать, обкрадывать друг друга, наносить побои и оскорбления, даже замахиваться.

Контроль за соблюдением этих правил, прием нового поколения в свои ряды, разрешение конфликтов, установление новых традиций и вынесение смертных приговоров ворам, допустившим нарушение воровского кодекса чести, возлагался на воровскую сходку, на которую обязаны были являться все воры общины. Сходку мог объявить и собрать любой из воров. Для решения особо важных вопросов, касавшихся всей касты воров, созывались воровские съезды представителей различных воровских общин.

ПРЕДВОЕННЫЕ И ВОЕННЫЕ ГОДЫ

В первые годы существования ИТЛ практически все административные и хозяйственные должности на лагерных пунктах, начиная с начальника лагпункта и кончая дворником, занимали осужденные. Главной опорой руководства лагерей являлись ранее судимые, ибо кто, как не они, знали все тюремные порядки. Именно они занимали все хлебные места. Они внесли в лагеря тюремные порядки, поскольку первыми начали осваивать "гулаговский материк" уголовники.

Но жизнь в лагере заметно отличалась от тюремной. С одной стороны, нет привычных тюремных атрибутов: зловонной параши, решеток, запоров и замков. С другой, приходилось каждый день отправляться на работу, с которой многие и на свободе не были знакомы. Добавку к котловому довольствию можно было получить только в посылке или передаче. Можно было отовариться в ларьке, но для этого требовалось выполнять норму выработки на производстве. Кое-кого выручали карты и другие азартные игры. Поскольку за игру в карты администрация сурово наказывала, заключенные прибегали к давно апробированным в тюрьмах играм "под интерес" с использованием тараканов. Для этих целей тараканов отбирали специально и держали в неволе, чтобы не лишиться "скакуна". С не меньшим азартом следили заключенные и за гонкой вшей. Для этого занятия выбирались наиболее крупные особи. Верхняя часть кружки по ободку смазывалась медом. Вшей метили и помещали рядом в центре обозначенного круга, накрывали кружкой. Время от времени кружку приподнимали. Выигрывал тот, чья вошь первой прилипала к краю кружки.

Несмотря на все запреты, картежная игра получила широкое распространение в лагере, и правила ее становились все более жестокими. Появились ранее невиданные ставки, изменились

условия игры. У проигравшегося в пух и прах появилась возможность сделать попытку отыграться, поставив на кон один или несколько пальцев. Проигравший палец обязывался без посторонней помощи отрубить себе один или несколько пальцев на руке или на ноге. Отрубивший соответственно приобретал ореол героя. Струсивший подвергался сообществом жестоким гонениям. Сперва администрация не придавала этому значения, но вскоре нанесение себе телесных повреждений стало рассматриваться как контрреволюционный саботаж и дезертирство с трудового фронта. Виновный в лучшем случае водворялся в штрафной изолятор на срок до шести месяцев. В худшем - расстрел по постановлению ОГПУ или особого совещания.

На сходке воров в Соловецком лагере было принято решение, запрещавшее впредь ставить на кон пальцы.

Теперь если проигравший был не в состоянии уплатить долг сразу же после игры, то ему могли заказать преступление (кража, грабеж, хищение и др.).

Условия содержания в исправительно-трудовых. лагерях были таковы, что позволяли воровской элите не только собирать сходки в масштабе лагеря, но и проводить "съезды", на которых присутствовали "делегаты" от всех лагерей. Выработанные на таких сходках основные нормы поведения сводились к следующему:

- запрещалось жить за счет собратьев;
- лгать своим товарищам;
- заниматься общественно-полезным трудом;
- состоять в общественных организациях;
- служить в армии;
- иметь семью и вести оседлый образ жизни;
- враждовать на почве национальных различий;
- признавать законы государства;
- стремиться к досрочному освобождению;
- вмешиваться в политику;
- заниматься коммерцией и спекуляцией;
- предъявлять претензии к ворам без решения сходки;
- проводить "правилки" (суды чести) в нетрезвом состоянии;
- брать в руки оружие;
- не выполнять решений сходки;
- иметь контакты с органами правопорядка;
- совершать хулиганские действия.

Воровское сообщество обязывало своих членов следить за порядком в ИТЛ, устанавливать там полную власть воров. В противном случае они должны были отвечать за положение дел перед сходкой воровских авторитетов.

В норму вошли три вида наказаний провинившихся. Публичная пощечина, исключение из сообщества ("ударить по ушам"), то есть перевести в разряд "мужиков", и третье, наиболее распространенное в 3050-х годах, - смерть.

В августе 1937 года лагеря получили приказ Н.И. Ежова, в соответствии с которым требовалось подготовить и рассмотреть на "тройках" дела на лиц, которые "ведут активную антисоветскую, подрывную и прочую преступную деятельность в данное время". Удар обрушился и на лидеров воровского сообщества. Всего на основании приказа Ежова по всем лагерям НКВД было расстреляно более 30 тысяч человек, большинство из которых составляли именно лидеры преступных групп.

В начале войны было по всем лагерям объявлено, что те, кто пожелает искупить свою вину на фронте, будут освобождены и направлены в Красную Армию. В первые же дни свое согласие дали 420 тысяч человек, более четверти всех заключенных, а к середине войны таких было уже около миллиона.

После начала войны в лагерях стали циркулировать слухи о том, что все неоднократно судимые будут вывезены на Север и ликвидированы, как в 1937-38 годах. В лагерях стали подготавливаться вооруженные восстания. Одна из повстанческих организаций сформировалась на лагерном пункте "Лесорейд" Воркутинского ИТЛ НКВД. 24 января 1942 года руководители повстанцев разоружили охрану, освободили всех заключенных. Через несколько часов был захвачен районный центр, здание районного НКВД и КПЗ. Попытка разоружить военизированную охрану Печерского речного пароходства и завладеть аэродромом не удалась. В течение недели с большими человеческими

потерями с обеих сторон выступление заключенных было подавлено. Шесть руководителей повстанцев, не желая сдаваться, покончили с собой во время последней атаки бойцов военизированной охраны.

Выступление заключенных имело последствия. Уже в феврале 1942 года была введена инструкция, по которой предписывалось применять оружие даже при отказе осужденных приступить к работе после двукратного предупреждения. Завязалась тяжелая борьба воров с органами за свои принципы.

Менее стойкие воры, не сумевшие уклониться от работы, исключались из воровского сообщества и пополняли ряды "отошедших".

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

После войны обстановка в лагерях резко обострилась. В зону вернулись бывшие советские уголовники, которые отбывали срок в Германии, а также служившие в армии и совершившие там преступления.

Прибыв в лагеря, они стали объявлять себя авторитетами масти "вор". Однако они стали получать отпор со стороны воров, отбывавших наказание во время войны в советских лагерях.

Новоприбывших в лагеря не признавали авторитетами в силу того, что они, выразив желание пойти на фронт, нарушили неписаную воровскую норму и предали воровскую идею: не состоять на государственной службе и жить только за счет воровства. Кроме того, они брали в руки оружие, что тоже было нарушением воровской нормы.

В силу возникающих конфликтов по всем лагерям и на свободе проводились большие воровские сходки, на которых обсуждался статус пришлых. Такие съезды проводились в московских Сокольниках (1947 год), в Казани (1955 год), в Краснодаре (1956 год). Съезды собирали по 200-400 делегатов. При этом в Москве и Краснодаре были осуждены и убиты несколько воровских авторитетов.

На сходках все прибывшие из-за рубежа объявлялись вне воровского закона.

В.Шаламов пишет об этих сценах так:

"Ты был на войне? Ты взял в руки винтовку? Значит, ты - сука, самая настоящая сука и подлежишь наказанию по "закону". К тому же ты - трус! У тебя не хватило силы воли отказаться от маршевой роты - взять срок или даже умереть, но не брать в руки винтовку!"

Но среди "военщины" было довольно много "вождей" и "идеологов" преступной среды прошлого, которые не хотели мириться с тем униженным положением, на которое их обрекали "правоверные воры". На этой почве между группировками возникали острые конфликты, перешедшие затем в жестокие схватки. Видные воровские авторитеты "военщины", при поддержке так называемых "польских воров" (см. Словарь), на своей сходке решили, что если их не признают старые воры, то они внесут существенные изменения в неписаные воровские нормы.

И они объявили их в 1948 году. Отныне этой категории воров разрешалось работать нарядчиками, дневальными, заведующими столовыми и т.п. Война между старыми и "польскими ворами" (отошедшими) приобретала различные формы. При случае "польские воры" заставляли придерживающихся старых воровских норм при помощи насильственных мер (так называемого "трюмления") отказываться от прежних идей. Для этого был даже придуман обряд целования лезвия "сучьего" ножа. Такую категорию воров именовали "отколотыми".

"Отколотых" воров не принимали ни "польские", ни старые, и им ничего не оставалось, как объединиться и объявить войну и тем и другим.

Противостояние нередко заканчивалось поножовщиной, воры убивали "сук", "суки" - воров. Если в руки "военщины" попадал "центровой вор", то последнего не "пришивали", а - "обезвреживали" путем совершения акта мужеложства. "Обезвреженный" (называемый обычно "один на льдине") вызывал вполне понятное сочувствие со стороны прежних авторитетов, однако в их среду уже не допускался.

Таким образом среди воровской элиты образовалось три враждующие группировки. Администрация лагерей вынуждена была изолировать их друг от друга, поскольку только таким образом удавалось избежать больших человеческих жертв.

В конце сороковых и в начале пятидесятых годов в очень трудное положение попали "мужики", которые стали терпеть притеснения от воров и от враждующих с ними группировок блатарей.

Общие кассы (общаки) перестали справляться со своими функциями, поскольку в зонах резко увеличилось число авторитетов. С "мужиков" был повышен размер дани до половины заработка. Всякий протест с их стороны резко пресекался ворами и "поляками" руками фраеров. В нескольких ИТЛ произошли открытые выступления "мужиков" против воров и "сук". "Мужики" выдвинули лозунг мести и кровавой вражды, и потому стали называться "беспредельщиками", "махновцами" (т.е. людьми, не признающими воровских законов).

В лагерях начались массовые беспорядки, погромы, поджоги. Начальники многих лагерных пунктов стали обращаться в высшие инстанции с просьбой прислать им специальные группы "паханов" из числа рецидивистов для "наведения порядка".

Для стабилизации выходящей из-под контроля властей обстановки был предпринят ряд практических мер. Воров-рецидивистов стали переводить на тюремный режим, для них специально выделили крупные тюрьмы - Тобольскую, Вологодскую, Новочеркасскую, Златоустовскую. Кроме того, началась активная изоляция их в специальные лагеря строгого режима, штрафные подразделения, помещения камерного типа и т.п.

Власти всеми силами стремились разложить воровские группировки. Указом от 13 января 1953 года к ним было допущено применять смертную казнь за бандитизм в лагерях. К концу пятидесятых прекратились массовые пересылки воров, "сук", беспредельщиков в отдаленные районы страны. Принцип работы карающих органов отныне формулировался так: "Каждой возникающей группировке должен быть положен конец в том лагере, где она возникла".

В лагерях стали вводиться советы актива, массовые секции и товарищеские суды. Широко проводилась компрометация авторитетов. В результате многие блатари не выдерживали давления и подписывали письма и заявления с просьбой не считать их больше ворами в законе. Таких на зонах называли "прошляками" или "лопнувшими". Метод подписки письменных отречений именовался "ломкой".

В результате в 60-х годах руководство МВД объявило о том, что произошло "окончательное разрушение преступной организации и исчезновение воровских традиций и обычаев". Было обещано показать последнего преступника по телевидению в 1980 году...

На самом деле все это было, конечно, не так. Примерно на два десятилетия традиции эти ушли в подполье, воровское сообщество проводило коренную реорганизацию своих рядов. В тюрьмах, ИТК особого режима стали формироваться костяки воровских группировок, куда входили авторитетные фраера, возглавляемые ворами. Фраера, которые в период "сучьей" войны поддержали авторитетов и этим заслужили их доверие, стали основной опорой паханов.

Следующей по авторитету группой являлись "мужики", которые делились на подгруппы:

1. "Хорошие парни" - те, кто полностью признают понятия и воровские законы, но не заслужили права находиться в воровском сообществе. Они относятся к категории отрицательно настроенных.

2. "Центровые ("козырные", "воровские") мужики" - осужденные, имеющие непосредственные контакты с авторитетами, соблюдающие "кодекс чести арестанта".

3. "Мужики" - основная группа. Не нарушающие тюремных традиций и обычаев, одни по убеждению, другие из опасности возмездия.

4. "Серые мужики" - частично деградировавшие люди, не следящие за собой. Среди авторитетов они абсолютно не пользуются уважением, но и не преследуются.

Третья категория - осужденные, преследуемые авторитетами за нарушение традиций и обычаев. "Отверженные" или "гашеные". К ним относятся провинившиеся воры, фраера ("суки отошедшие"), неплатежеспособные должники (фуфлыжники), "самозванцы", уличенные в краже у товарищей ("крысы"), сотрудничающие с администрацией (стукачи), скрытые гомосексуалисты и те, кто участвовал в секциях профилактики правонарушений ("повязочники").

Последнюю ступень в этой иерархии занимают пассивные гомосексуалисты ("обиженные", "опущенные"). Со стороны авторитетов эти обычно не преследуются, так как уже получили возмездие.

Следует отметить, что развитие мужеложство получило в конце сороковых годов, но массовые размеры стало принимать с конца шестидесятых. По крайней мере, еще в середине шестидесятых годов в лесных ИТУ проблема гомосексуализма остро не стояла. Каждый лагерный пункт обслуживался проституткой, которых немало завезли во времена Хрущева на Урал, в Сибирь, на Север и на Дальний Восток. За плату она была доступной не только расконвоированным осужденным, но и тем, кто выводился на рабочие объекты под охраной. Как правило, раз в неделю

она заходила на рабочий объект до выставления постов караула, весь день обслуживала желающих за плату, а после съема охраны покидала территорию.

ВОРОВСКОЙ СУД

Трудно сказать точно, когда впервые появилось название "вор в законе". Многие исследователи тюремного быта сходятся на том, что воры в законе появились перед войной в тридцатых годах. Доподлинно известно, что до революции такого понятия, как вор в законе, не существовало.

Вор в законе, как уже говорилось, - это высший авторитет, профессиональный преступник, строго соблюдающий законы и традиции уголовного мира, признанный другими ворами в законе и коронованный ими. Кандидат на это звание должен пользоваться безусловным уважением в преступном мире, иметь письменные или устные рекомендации от других воров в законе. Как только происходит коронация, сообщение об этом немедленно распространяется по всем тюрьмам и зонам страны посредством воровской почты. Если коронация происходит на зоне или в тюрьме, то об этом тотчас узнают и на воле, потому что воровские письма - "малявы" - рассылаются по всей стране.

Обычно это люди неоднократно судимые, то есть обладающие необходимым жизненным опытом, организаторскими способностями, хорошо знающие криминальный мир, преданные воровской идее. Умеющие ориентироваться в самых сложных ситуациях и правильно применять воровские законы, справедливо разрешать конфликты...

Вор в законе должен быть абсолютно свободен от всяких обязательств по отношению к обществу, не иметь наград, не служить в армии и государственных учреждениях, не иметь собственности. Впрочем, он может по желанию пользоваться любой собственностью, принадлежащей уголовному миру.

Процедуру коронации полномочны осуществить как минимум два вора в законе. При этом обычно подробно обсуждается жизненный путь кандидата, его заслуги перед преступным миром, разбирается, нет ли за ним компрометирующих данных и т.п. Когда выясняется окончательно, что кандидат достоин этого звания, он произносит клятву верности преступному миру, после чего получает кличку. Кроме того, обычно на грудь вор в законе наносит татуировку - сердце, пробитое кинжалом. Никто другой права на такую татуировку не имеет, а если самовольно сделает ее себе, то очень сильно рискует собственной жизнью.

Вор может, в силу каких-либо жизненных обстоятельств, отойти от дел (таких называют "отказниками"), но полностью "завязать" он не может, теперь его отказ от воровского закона равносилен приговору, за измену он карается смертью.

Все воры в законе равны между собой, это очень важное условие их существования. Они избегают внутренних конфликтов, чтобы не уронить авторитет, поддерживают друг с другом постоянную связь для того, чтобы путем совместного обсуждения вырабатывать общую тактику действий в тех или иных случаях жизни.

Вот как описывает один процесс суда воров и убийства вора, который изменил традиции, один из участников этого суда в своем дневнике, который хранится в документах тюрьмы УВД Владимирской области.

"К семи часам вечера после проверки барак был заполнен. Кому не хватало места, пристраивался на подоконниках, а то и просто на полу. Здесь собрались воры разных специальностей, возраста и авторитетов.

Пионер спросил воров:

- Все ли собрались?

- Все.

- Тогда приведите Ушатого.

Все повернулись. Ушатый был в черном костюме, бритое лицо было серьезным.

Пионер подозвал к себе Ушатого и стал его расспрашивать. Ушатый держал себя гордо:

- Я прибыл на сходняк для того, чтобы дать за себя ответ.

Пионер велел Ушатому сесть и обратился к ворам:

- Этот человек опозорил свое когда-то честное имя. Короче, он от воров свернул в другую сторону, и он сам отлично знает, что его песня спета.

Ушатый сидел на полу, обхватив руками колени и закрыв глаза.

- Дайте мне слово, - попросил Кривой и сказал: - Воры, я расскажу о том, что я видел своими глазами. Я зашел в барак и увидел - Ушатый читал газету вслух фраерам. Больше я ничего сказать не могу.

Пионер пригласил Красюка - воспитанника Ушатого, который приехал вместе с ним. Ему было девятнадцать лет. На спецу он вторично, трудности переносит спокойно. В вопросах воровской этики он авторитет среди воров. Смуглый юноша вышел вперед и остановился около Ушатого. Складно будто рассказал он о грехах Ушатого и подтвердил, что газету фраерам он читал.

Поднялся Ушатый:

- Поймите, воры, мог ли я доверять такие тайны этому вертопраху. В его рассказе нет ни грамма правды. Я двадцать лет сижу, и вы меня знаете.

Потом выступил Пионер, говорил кратко:

- Все понятно, прольется кровь.

Пионер вызвал Гнилого. Тот сказал:

- Я за то, чтобы убить Ушатого, чтобы при нас не было "суки" и наступил рай.

Поднялся Интеллигент:

- Я Ушатого знаю много лет как стойкого вора. Ушатый мне как брат родной, я ему всегда верил, но сейчас я не имею доказательств в его защиту. Пионер пригласил Ростовского. Это был высокий, сутулый, худой молодой человек. (Ушатый сидел на полу, закрыв голову руками.)

- Как тебя ..., я сам слышал, как ты говорил фраерам: "Если бы фраера избавились от воров, всяких сборщиков, была бы тогда не жизнь, а малина".

- Ого-го! Вот оно что, - воскликнул Пионер и пришел в ярость. - Я желаю услышать мнение Горбатого.

Тот прикурил, не смотря на Ушатого, и сказал, что против "мокрого" он ничего не имеет.

Отпив из чашки чифиря, Пионер дал слово Коню.

- Если мы не убьем Ушатого, то могут пример взять другие воры, и получится тогда беда для всех нас.

- Дайте мне слово, - сказал Бриллиант. - Свершилось невозможное, теперь нам остается одно: бить его так, чтоб потом не раскаиваться. Кто у нас здесь есть оскорбленный Ушатым? Прошу подойти и восстановить свою воровскую честь.

- Я прошу слова, - крикнул Слепой и пошел через весь барак. - Я ничего не слышал, так как был тогда мертвецки пьян, но я за "мокрое", - сказал он.

Слово предоставили парню, известному под кличкой Свистун. Свистун слыл порядочным негодяем. Он говорил нудно и долго, и все поняли, что наговорил он много лишнего.

Поднялся Серый. Он высказал все, что накопилось у него. Человек десять "гривомахателей" подтвердили его ложь, не задумываясь, что втаптывают Ушатого в грязь. Воры с нетерпением ждали приговора. Подошла очередь Хитрого, и он начал говорить в защиту Ушатого:

- У меня нет страсти к самоистреблению. Мое мнение - помиловать его. Пионер побледнел, обычное его спокойствие было нарушено речью Хитрого.

- Как будем решать, воры? - спросил Горбатый.

- Что скажешь в свое оправдание? - спросил Пионер Ушатого. - Зачем ты перешел к сучне и изменил ворам?

Ушатый с достоинством встал. Говорил он уверенно:

- До нас существовали достойные воры, более культурные, но жизнь и народ смели их.

- Это пустяки, - возразил Пионер. - Мы не историю перебираем, а тебя судим. Я уже слыхал о таких мечтателях, которые собираются воров переделать во фраеров.

- Смерти заслуживает, - крикнул со своего места Конь.

- Смерти, - прокатилось по всему бараку.

- Воры, воры, проснитесь! - крикнул Ушатый.

Пионер быстро встал со своего места и дал указание убить Ушатого тут же, в бараке.

- Зарубить. Давно пора казнить предателя, - произнес Горбатый. Дневальный принес топор.

Горбатый дал указание поставить на стреме людей.

Горбатый подошел к сидящему на полу Ушатому сказал:

- Держись, Ушатый.

Тот встал, положил руки на голову и обвел задумчивым взоров воров. Сильный удар сзади заставил его повернуться и посмотреть, кто его убивает. Он узнал своего воспитанника Красюка. Это ему Горбатый поручил убить Ушатого, так как тот был его самым близким другом.

- Труп выбросить к фраерам, пол вымыть, подобрать "мужика", который возьмет дело на себя, - распорядился Пионер и пошел спать. 1954 год".

По обычаю, убийство совершал кто-то из молодых воров, а ответственность возлагалась на фраера или "мужика", у которого был большой срок наказания, а отсидел он еще не много. К примеру, заключенному, имеющему срок 25 лет и отбывшему год-полтора, ничего не стоило совершить новое преступление, так как фактически у него оставался тот же самый срок, только отсчет начинался с момента нового преступления. За убийство в местах заключения до 1953 года закон не предусматривал смертной казни.

НАШЕ ВРЕМЯ

Оживление воровской идеологии произошло в семидесятых годах. В это время как раз происходила смена поколений сотрудников ИТУ. На пенсию уходили бывшие фронтовики, и на их место назначались новые люди.

Введение оплаты за звание, зачет партийной, советской и комсомольской работы в стаж службы в органах привели к тому, что сюда потянулась номенклатура не самого лучшего свойства. Они привнесли стремление иметь баньки и сауны, охотничьи избушки, строить дачи и раздавать квартиры своим родственникам, устраивать застолья и т.д. Поддерживаемые выходящими на "верх" связями, они в конечном счете способствовали разложению руководящего звена ИТУ.

Воровское сообщество в стране стало выходить из подполья.

В восьмидесятых стремительно развивалась теневая экономика, породившая крупные хищения и коррупцию. Воровское сообщество, в свою очередь, начало охоту за теневиками и цеховиками. Они отторгали у дельцов часть дохода. На одной из всесоюзных сходок, организованной воровскими авторитетами, была достигнута договоренность: воры обязались охранять цеховиков, а те платили им за это десять-пятнадцать процентов от прибыли.

Воровское сообщество модифицировалось и приспособилось к новым реалиям жизни. Уже не существует специального стажа для вступления в касту воров. Допускается прием тех, кто не сидел в тюрьме. Вор может официально завести семью. Воровское звание стало доступно лицам, которые не в полной мере отвечают прежним требованиям "воровского закона чести". Было принято беспрецедентное решение, разрешившее ворам пользоваться оружием, но только изготовленным на зоне.

В настоящее время в каждой области, крае - воровским сообществом назначены ответственные за расположенные там ИТУ. "Воровские губернаторы" своей властью назначают "смотрящих" за конкретными местами лишения свободы. В свою очередь, последние из своего ближайшего окружения назначают так называемых "объектовых смотрителей": за отрядами, штрафными изоляторами (ШИЗО) и помещениями камерного типа (ПКТ), локально-профилактическими участками (ЛПУ), магазином, банно-прачечным комплексом, комнатами свиданий, производственными цехами, оперативной частью, службой безопасности и т.д.

Последнее поколение воровских авторитетов - это в значительной части преуспевающие бизнесмены. Изменился и характер их деятельности, теперь они уже люди управленческие. О воровских авторитетах стали проявлять заботу видные граждане нашего государства.

Являясь идеологами и управленцами преступного мира, воры разрабатывают общую криминальную стратегию и тактику действий. Вот одна из "воровских постановок", присланная из Хабаровска.

"Братья, мужики, фраера!

Все вы знаете, что у нас по Хабаровскому краю по всему Управлению воровские постановки. Это единое и нерушимое правило нашей жизни. Как постановки создаются и для чего они действуют? Они исходят от местных воров и касаются всех арестантов (воров, фраеров, мужиков), отбывающих срок наказания в колониях.

Всесоюзные воры в законе - люди, которых мы сами выбираем и объявляем, а наш долг - это отстаивать всегда и везде. Что касается нашей жизни
- последнее слово за ворами.

Фраер - человек, отстаивающий идеалы воров, живущий воровскими законами, делающий все, что в его силах, на благо братвы. Фраер следит за порядком, чтобы не было всевозможных беспределов. Ведет за собой массы людей, учит, объясняет, воспитывает в рамках арестантской жизни, то есть воровских идей.

"Мужик" - человек честный, трудолюбивый, и так как основную массу составляют "мужики", то это еще и оплот, фундамент нашей жизни. Потому долг каждого фраера обеспечить ему жизнь, покой, благополучие, ибо без "мужиков" ничего не будет, об этом надо всем помнить.

Далее, в нашей жизни есть и "обиженные", но это не значит, что на них можно ездить. Раз мы за справедливость, то и в жизни у нас каждому должно быть отведено свое место и свои права.

Интриган - самый опасный элемент в нашей жизни. Долг каждого - пресекать интриганов, ибо от них идет не только вред, но и беда.

Мы непримиримы к нашим врагам и к тем, кто их прикрывает. Для того, чтобы все было по-арестантски, по воровским законам, мы много делаем и будем делать.

Ясно, что ментам это не нравится, а значит, приходится за наше святое дело страдать нашим братьям. Поэтому мы не должны их забывать и обязаны помогать им во всем: физически, морально и материально.

Вот поэтому мы сплотились в единый круг и зовемся братвой. Вместе любую беду легче перенести, чем в одиночку. Силой к себе никого не тянем, никого не принуждаем.

Главное - во всех вопросах, касающихся братвы, решать их поступки, судьбы и жизни имеют право только люди на своих местах, от имени воров, и при этом, если решается судьба человека, выносится на общее мнение братвы и решается сообща. Последнее слово за ворами, если их нет, то за фраером, который является ответственным и несет этот груз.

Это единая постановка для всего Хабаровского края. Кто отступится от нее, окажется у нас на дороге - тот наш враг.

Исключение составляют только те, кто не с нами, но и не лезет, не мешает нам.

Помните святую заповедь воровской постановки".

Решение вора не подлежит обсуждению. Вор вправе отменить любое решение осужденных, принятое без его согласия. Вор может организовать массовое неповиновение осужденных, но по возможности он должен посоветоваться с другими ворами. Если такой возможности нет, то за все последствия он несет личную ответственность.

Вор не имеет права на человеческие жертвы. Если это произошло, то он будет находиться "под выяснением". Если он будет признан виновным, его лишают титула ("дают по ушам").

Высокое положение вора на зоне нередко приводит к тому, что появляются самозванцы - лжеворы. Так, в одну из колоний пришел с этапом осужденный, который заявил, что он является вором по кличке Каин, хотя таковым не являлся. Поскольку о его приходе ничего не сообщалось, то присутствующий на зоне авторитет отписал записку другим ворам, чтобы они подтвердили, так ли это. В своем послании они сообщили: "Когда-то он был вором, но отошел. Теперь на воровском жаргоне "сухарь", который должен быть размочен кровью".

Выступая в роли верховного судьи, вор единолично рассматривает все спорные вопросы и принимает решение. Приведем один из поучительных примеров разбора конфликтной ситуации в тюрьме. Один из осужденных тайно съел общаковую пайку. Сокамерники обратились за советом к вору, так как были предложения из других камер за совершенный проступок "опустить" или удавить виновного. Вот ответ вора:

"Отвечаю на вашу последнюю "шкурку" (записку). В воровской жизни совесть на хлеб не меняют. Я уже писал вам, что в трудных условиях не все люди выдерживают. Знайте также, что для счета нам никто не нужен. Пусть лучше будет нас меньше, но убежденные в правильности нашей жизни и твердые. С плеча у нас не рубят, а подходят к любому проступку всесторонне, учитывая отзывы людей, которые с ним были. Он сидит с "малолетки", был на малолетних спецах, претерпел много горя от ментов, и до этого за ним ничего нет плохого по нашей жизни.

Суть вопроса не в куске хлеба, поймите правильно, а в самом поступке. Наркомовская пайка неприкосновенна, тем более общаковская. Это должен знать каждый начинающий эту жизнь, а он не новичок. Воры и люди, живущие воровской жизнью, не мясники и не кровожадны, не стараются скосить людей за их малейший промах или непонимание сделанного, а наоборот, верят людям, стараются объяснить их промахи, чтобы в дальнейшем не повторяли, но и справедливы иногда до жестокости.

Учитывая ваше поручительство за него, а пользы, с ваших слов, он принес много, учитывая, что его дед и отец провели всю жизнь в нашей жизни чистоплотно, как подобает арестантам, за что к ним можно отнестись только с уважением. И каково будет им узнать, что их внук и сын допустил такое. Что будет у них на душе? Так вот, учитывая его прошлое и вышенаписанное, поставьте его перед братвой в камере. Пусть скажет, осознает ли свою вину. Получите с него по-воровски за его проступок воровской пощечиной. Кончится фунт, пусть едет туда, куда вы написали, и от его действий, от его дальнейшей правильной жизни и поступков будет зависеть его дальнейшая судьба и жизнь. Но если он еще раз даст маху, спрос с него будет по всей строгости, без всяких скидок на его прошлую жизнь.

Чтобы в рабочей хате (камере), куда он придет, не было беспредела, хулиганства по отношению к "мужикам". Права в святых местах должны проявляться не с позиции силы, а сознательно. Вот самый гуманный подход к этому вопросу..."

Как видим, записка поучительна с позиции индивидуального подхода к личности за совершенный проступок.

Следует отметить, что никакие взыскания, налагаемые администрацией, по силе своего воздействия не могут сравниться с наказанием со стороны авторитетов за проступки, связанные с нарушением "кодекса чести арестанта". Воровские авторитеты находят возможность доставать намеченные жертвы практически во всех местах лишения свободы.

Известен случай, когда бывшего хранителя общака, который он умудрился промотать (бывает и такое), достали даже в камере смертников, куда его поместила администрация и куда не имеет доступа хозяйственная обслуга из числа осужденных.

ОБРАЩЕНИЕ АВТОРИТЕТОВ

Обращаюсь ко всем, кто находится в этом доме и будет находиться в нем, я - от своего имени и от имени всех воров.

Когда в нашем доме наладятся отношения? Прекратить между собой всяческие разборы, искать друг за другом жизненные ошибки, которые когда-либо у кого-то были, не получайте друг от друга дважды и т.д., так как людей ломают только бляди. Если человек оступился, это не значит, что у него надо отнять здоровье. Достаточно дать пощечину или просто объяснить. Ведь многие делают неосознанные поступки от недопонимания. Никогда не получайте от порядочных "мужиков" ногами, ножом или же чем-то подобным. Нож применяется только к гадам, это те, кто ломал или помогал ломать людей. У них руки в крови. Кто берет нож в руки, пусть он даже прав, но он уже не прав - ему ломают руку, в которой он держит нож. Никогда не учиняйте разборов под кайфом, хоть даже он прав, он уже не прав, и за это с него необходимо спросить.

Не порождайте негодяев и гадов, их и так много. Пусть все сидят в общих хатах, а не создают хаты "обиженных", "вязаных" и прочих, которые со временем превращаются в "пресс-хаты".

Если кто-то обвязался, то пусть живет жизнью, не делая никому вреда и подлостей, может, он случайный пассажир в нашей жизни - пусть идет себе домой и не мешает нам. За это упрекать никого не надо, надо объяснить им, чтобы они жили и не приносили вреда.

Не втягивайте в игру и не играйте на несуществующие суммы, на присядки и т.д. Не накладывайте штрафы и долги, чтобы сделать кого-то зависимым.

Не позволяйте таскать из столовой, т.к. от этого зависит взаимопонимание в отношениях между нами, а это в нашей жизни главное.

Не будьте равнодушны друг к другу, к малолеткам. Какие у них могут быть законы, порядки и понятия? А ведь они живут в нашем доме и они наше поколение.

Меньше ругайтесь с контролерами, не надо настраивать их против себя, а наоборот, нужно склонять в свою сторону, чтобы они приносили нам пользу.

Запомните: у нас есть две святыни - это кича и крест. Поэтому надо и необходимо уделять внимание в первую очередь, выделять для общих нужд - кто что в состоянии. Но запомните: общак - это сознание, честь и совесть каждого арестанта. Это все делается не по принуждению, а добровольно. Поймите - все это делается для вас же самих. Общак должен собираться в одном месте, откуда он равномерно и разумно распределяется. Общак должен быть под строгим контролем тех, кто за ним смотрит. От общака греется не только своя тюрьма, но и те хаты, которые в данный момент нуждаются в помощи. Прежде чем что-то сделать, подумайте о последствиях, т.к. от этого

часто зависит общее положение. Не допускайте мародерства и побоев. Налаживайте дороги между "хатами" и зонами, чтобы быть в курсе событий. Не принимайте самостоятельных решений, т.к. отвечает за все тот, кто смотрит за положением. А значит, почаще обращайтесь в общаковую "хату", интересуйтесь ежедневно - кто находится в транзите, куда идут и откуда, может, им нужна помощь.

Давайте совместно налаживать положение в нашем доме. Размножайте, пусть читают и вникают все. Мы были и остались благородными и разумными. Хватит смотреть на беспредел сквозь пальцы, ведь это наша жизнь. Нынешняя постановка на руку блядям, они десятилетиями ломали и ломают все людское, но мы не позволим это продолжить. Ведь уже люди выбиваются из-под этого гнета, налаживаются и устанавливают чисто арестантские человеческие отношения. Так давайте в этом доме помогать общему делу.

ПИСЬМО АВТОРИТЕТА

Час в радость вам, бродяги!

Мира, покоя, благополучия дому вашему желает П. и все бродяги 20-го и 47-го лагерей. Как вы там, родные, все ли благополучно на Колыме? Будем всей душой рады, если у вас все на должном уровне.

Что скажешь о положении на Приморском управлении? Плохи дела... Почти все лагеря возвращаются к тому, от чего ушли в восьмидесятых годах. Сорок первая зона (Уссурийск) вернулась к локалкам, повязкам и мусорскому беспределу. Локалки закрыли, по лагерю гуляют вязаные, 23-я зона (наркоманы) полностью контролируется ментами. Там тоже локалки закрыли, посадили лекальщиков, и в зоне появилось много вязаных. Централ находится в плачевном состоянии. За централом смотрит С.Т., но куда он смотрит, непонятно. Все дороги на централе заморожены, мусора беспредельничают в полный рост. Материальное положение на централе трудное. Уссурийский централ живет намного лучше. До сегодняшнего дня на Уссурийском централе ход людской. На 22-й зоне положение немного разрядили. Мусора начали закручивать гайки, но встретили сопротивление со стороны массы. Посадили в будки лекальщиков, но двоих сожгли прямо в этих будках, и будки поломали. Начали вменять повязки, но троих самых наглых зарезали, и с этим мусора тоже бросили. По всему Управлению в изоляторах забрали курево и чай. На 20-й зоне пока ничего существенно не изменилось. Мусора всячески пытаются навязать свое, но пока держимся. Дороги на 47-ю зону пока есть, но приходится за них биться с ментами. Все дырки, по которым ходили в гости 47-я и 20-я, уже по три раза заваривали, пришлось полностью ложить забор. Все бетонные локалки внутри зоны разломали, хотя и пришлось пострадать. Лагерь постоянно навещают со свободы, так что в материальном плане зона крепится. Ну а за 47-ю зону можно сказать одно, люди живут в полном смысле этого слова. За положением в зоне смотрит В, Г. Лагерь пользуется всеми правами больницы, а поэтому и подход со стороны мусоров определенный. В конце мая попытались там навернуть, но зона сразу упала на грунт. Проголодовали двое суток, и менты съехали. Пока там все благополучно.

Ну а о себе что написать? В начале мая пришел на 20-ю зону, и с первых дней пришлось браться за дело. Именно в это время мусора начали пропихивать свое. В лагере больше половины народу знаю по прежним лагерям и срокам, так что присматриваться не пришлось. Отдали мне лагерный общак и контроль за всеми видами крыш (БУР, изолятор, ЛПУ, санчасть и этапка). Кроме этого, общение с массой, так что скучать было некогда. Мусора без внимания меня тоже не оставили и с июня закрыли в БУР. Выйду с БУРа или нет, пока не знаю, но приезжают начальник Управления, пообещал в зону не выпускать. В общем, поживем - увидим. Вот вкратце и все, о чем хотелось написать.

Душевный привет всем бродягам по кругу. Обнимаем вас по-братски. Храни вас Бог!

А КАК У НИХ?

Испорченный вечер пана Сташевского

Однажды вечером некий Яцек Сташевский, житель польского городка Лодзи, вышел на веранду покурить. Он глубокомысленно затянулся и тут же получил сильный толчок в спину. Трое дюжих

мужиков бесшумно свалили его на пол, за спиной защелкнулись наручники. Яцека поставили на ноги и повели к забору, за которым виднелся полицейский автомобиль. Испуганный пленник было задергался в руках конвоя, но тут же больно получил ногой по голени. В кабине Яцек завозился и завопил:

- Куда вы меня везете? За что? Кто вы такие? Ваши документы! Полицейские угрюмо молчали.

В полицейском участке дежурный офицер
равнодушно взглянул на нервного Яцека и спросил:

- Яцек Сташевский?

- Да. В чем же, наконец, дело? Я простой пекарь, мне сорок шесть лет. Я никого не убивал и не грабил.

Офицер протянул несколько бумажных листов:

- Ваша метрика?

Это была постраничная копия документов Яцека Сташевского: его год и число рождения, место работы, домашний адрес, фамилия супруги и тому подобное. Он оторопело изучал то, что знал наизусть. Офицер хитро подмигнул:

- Завтра опять пайку жрать будешь. Мы за тобой, пся крев, уже два дня бегаем. Уведите!

Сташевский переночевал на металлическом топчане в камере. Утром за ним прибыл тюремный конвой, вооруженный автоматами и собакой. Через час бедный Яцек уже сидел перед начальником тюрьмы. Тот был мрачнее тучи. Вытащив из сейфа толстую папку, тюремщик бросил ее перед собой на стол и грозно изрек:

- Готовься к новому сроку за побег. Во вторник я передам твое дело в суд. А сейчас твоя дула опять сядет на нару.

Тут взгляд начальника тюрьмы упал на фотоснимки, которые были намертво вклеены в личную регистрационную карточку заключенного Яцека Сташевского. Лицо его задергалось и вновь повернулось к Яцеку, дрожавшему на привинченной к полу табуретке. Длинная, как бы приплюснутая с двух сторон физиономия Яцека, мягко говоря, не походила на губастую и узколобую ряху на фото. Разницу можно было увидеть даже в глубоком похмелье...

Четыре года назад лодзинский пекарь и отец двоих детей Яцек Сташевский потерял паспорт. На его беду, основной документ гражданина Польши подобрал субъект, слабостью которого были уличные грабежи. Вскоре бандита арестовали и доставили в участок. При обыске полиция нашла, кроме кастета, еще и паспорт Сташевского.

- Так, пан Сташевский, - задумчиво произнес полицейский и, даже не взглянув на фотографию, начал переписывать все паспортные данные в регистрационный журнал.

"А почему бы и нет?" - спросил себя новоиспеченный "пан Яцек". Машинистка бойко впечатала данные в первый лист уголовного дела, после чего паспорт лег в сейф полиции. В предварительном изоляторе тюремный фотограф отснял грабителя, и на регистрационную карту был налеплен уже настоящий преступник. Под чужим именем бандит прошел все процессуальные процедуры и даже суд. Он отправился на шесть лет в тюрьму, однако отсидел лишь три. Два дня назад зек сбежал. Сутки полиция прочесывала все посадки и поселки, блокировала дороги и шла с собаками по следу. На вторые сутки Яцека Сташевского "пробили" по ЦБД - центральной базе данных. На квартиру к Яцеку отправилась засада. Установив за домом наружный контроль, группа подивилась, что "беглец" мирно пьет чай за семейным столом и вольготно беседует по телефону. Полиция не решилась врываться в дом, так как дерзкий Яцек мог запросто захватить в заложники когонибудь из своих домашних или открыть стрельбу. Бойцы спецназа терпеливо ждали, когда легкомысленный хозяин выйдет на крыльцо. В щель между шторами было видно, как Яцек потянулся, взял со стола сигареты и вышел из комнаты. Во тьме послышался треск передергиваемых затворов...

Досиживать за бандита-афериста три года Сташевскому, естественно, не пришлось.

Двое суток шли разбирательства, пекарю пришлось выдержать серию допросов и две очные ставки. Под конец сделали запрос об утере и повторной выдаче паспорта.

Вскоре Яцек Сташевский вернулся в пекарню.

Полковник едет в Тегеран

В 1979 году в стенах Пентагона родился план по спасению двух пленных офицеров армии США, которые томились в Тегеране, в тюрьме Гаер. После того, как иранское правительство отказалось выдать, продать или обменять пленников, военная разведка США решила устроить им побег. Эту секретную операцию назвали "Гонг".

Поиск командира диверсионной группы, которому была бы по плечам эта дерзкая акция, продолжался до тех пор, пока кто-то не вспомнил об отставном полковнике "зеленых беретов" Артуре Парсоне. Вначале это имя вызвало немое замешательство: полковник уже пять лет как отошел от армейских дел и числился почетным пенсионером. Но его послужной список говорил сам за себя: Артур почти двадцать лет отслужил в боевых бригадах и провел десяток успешных диверсий на Ближнем Востоке. К тому же он знал пять языков и получил красноречивое прозвище Бык. Отставного "берета" нашли на его загородной вилле в гамаке. Поседевший Парсон с очками на носу читал журнал и потягивал апельсиновый сок.

- Доброе утро, полковник, - сказал один из гостей.

- Я заместитель начальника департамента внешней разведки армии США. Вы не могли бы проехать с нами в Вашингтон?

- А что случилось, ребята? Моя пенсионная карта затерялась?

- Нет, мистер Парсон. Все гораздо веселей. Вы не хотите вспомнить свою молодость?

- Упаси Бог.

- А послужить дяде Сэму?

- Я свое отслужил. Не темните, мистер. Выкладывайте.

Разумеется, "вербовка" Артура Парсона проходила не так упрощенно. Но в конечном итоге именно полковник-пенсионер и взялся за операцию "Гонг". Он долго вертел топографические карты, архитектурный план и фотоснимки тюрьмы и чесал гладко выбритый подбородок. Наконец он оторвался от стола и сказал:

- Мне нужны четырнадцать человек. Не больше и не меньше. И нужны добровольцы.

Парсон в своей давно забытой форме прибыл на базу "зеленых беретов". Он выстроил взвод из тридцати человек и дважды молча прошелся вдоль строя. Наконец он остановился и рявкнул:

- Сынки! Наклевывается заварушка. Нужно сходить в Иран и обратно. Если нам повезет - мы вернемся героями, если нет - будем кормить червей. Мне требуются четырнадцать орлов, у которых все сопли уже давно высохни. Всего четырнадцать. Это каждый второй из вас. Ну, так кто пойдет со стариной Парсоном и надерет этим м...кам задницу?

Вперед шагнул весь взвод. Парсон одобрительно крякнул, ткнул в живот первого бойца и сказал:

- Будешь моим заместителем. Подбери ребят покруче. После обеда я подъеду...

Ночной полет пришелся на конец августа. Перебрасывать диверсантов решили через Турцию. За неделю до вылета группа из пятнадцати человек под видом экипажей гражданских авиалиний США прибыла в небольшой городок у турецко-иранской границы. Их уже ждал гражданский самолет с полным боевым снаряжением. Прежде чем иранские радары засекли нарушение воздушной границы, бойцы Парсона уже полностью экипировались и навешали на себя сложные боевые навороты. Они десантировались под Кереджем. На парашютах также спустили рацию, продовольствие и армейский грузовик. Все отличительные знаки на одежде, машине и даже на продуктовых пакетах принадлежали вооруженным силам Ирана. Самолет сделал обманный маневр и резко ушел вправо. Покружив над Хамаданом, он полетел к Каспийскому морю. О дальнейшей его судьбе военная история умалчивает.

По дороге на Тегеран несся грузовик, набитый бойцами "иранской армии". Парсон освежал в памяти арабский язык на тот случай, если их вдруг остановит военный патруль. Хотя перед вылетом и отрабатывались самые безопасные маршруты, экс-полковник был всегда готов к бою. Объездными дорогами к тюрьме Гаер добрались лишь к вечеру. В густых вечерних сумерках автомобиль остановился у тюремных ворот. Из кабины медленно выполз Артур Парсон в форме иранского офицера, подошел к металлическим дверям и нажал кнопку звонка. Возле Парсона слонялись два автоматчика. За армированным стеклом показалась физиономия охранника тюрьмы.

- Начальник сопроводительного отряда Военного суда седьмой сухопутной дивизии Бархулу Занзыда, - представился отставной полковник. - Мне поручено забрать у вас двоих заключенных. Вот мое предписание.

Заскрежетал замок, и дверь распахнулась. На пороге стоял усатый автоматчик. Слева за толстым стеклом возле пульта маячил еще один охранник. Парсон сделал шаг вперед и одним ударом

вырубил караульного. В ту же секунду в стекло дежурного помещения врезалась граната. Брызнули осколки. Оглушенный охранник отлетел в сторону. Полковник навел на него пистолет и скомандовал:

- Ворота! Быстро!

Трясущимися руками караульный защелкал на пульте. Ворота медленно отъехали в сторону, и грузовик с вооруженными до зубов бойцами беспрепятственно ворвался на территорию тюрьмы. К тому времени вся тюремная охрана Гаера была поднята по тревоге. "Зеленые береты" высыпали из грузовика и открыли автоматный огонь по прожекторам. Автомашина продолжала двигаться по тюремному двору. Над кабиной уже высился крупнокалиберный пулемет. Первой пулеметной очередью была разнесена бревенчатая будка охранника на вышке. Прожекторы потушили в считанные минуты. Штурмовики перешли на приборы ночного видения.

У старика Парсона не было времени, чтобы искать камеру со своими соотечественниками. Он лишь знал, что американцев содержали в левом крыле первого корпуса. С чисто армейской прямотой полковник разгромил гранатами весь второй пост и с тремя автоматчиками вошел в первый корпус. В свете коридорных ламп показались трое растерянных надзирателей, вооруженных дубинками и одним пистолетом. Увидев грозного мордоворота с офицерскими погонами и автоматом в руках, охрана бросила свое скудное вооружение и спешно подняла руки. В одно мгновенье их заковали в наручники, причем в замысловатом порядке: руку первого соединили с ногой второго, руку второго - с ногой третьего и т.д.

Ветеран американского спецназа шел коридором и подрывал все двери подряд. Запуганные грохотом и выстрелами заключенные, еще полчаса назад мечтавшие о побеге, даже не пытались подойти к раскуроченным дверям. Они боязливо наблюдали, как из порохового дыма и пыли выплывала грозная фигура Парсона и изрыгала всего три слова: "Рэнсон и Пойнт!" За пять минут были подорваны шестнадцать дверей. Тюремному охраннику, дежурившему по ту сторону коридора, этот вечер запомнился навсегда. Он оказался одним из немногих тюремщиков, кому удалось уцелеть в этой бойне. Позже он вспоминал:

"Все началось так внезапно, что никто даже не успел сообщить о нападении. Между сигналом общей тревоги и взрывами в моем коридоре прошло минуты две-три. В коридоре стоял страшный грохот, свистели осколки, сыпался кирпич. Самое удивительное, что никто из заключенных не был ранен. Коридор заволокло дымом, сквозь который едва пробивался свет лампы. Я и мой напарник находились в караульном помещении. Из оружия мы имели пистолет и дубинку, но даже не думали ввязываться в этот дикий переполох. Телефон не работал. Наверное, был взорван узел связи ".

В это время трое "зеленых беретов" разносили второй этаж. В конце концов американских офицеров нашли и вместе с ними двинулись к выходу. Заблудиться в тюремных коридорах и стенах было нетрудно. Когда бойцы заходили в тупик или натыкались на закрытую дверь, следовал взрыв. Узнав, что вторая фаза операции "Гонг" выполнена, полковник Парсон начал отходить. Правда, уже не так шумно.

Тюремные владения представляли собой теперь жалкое зрелище: корпус был полуразрушен, подсобные склады, где стояли три автомобиля и находился недельный запас продовольствия, пылал, все шесть сторожевых вышек были разнесены в щепки и осколки, гранатами забросали даже тюремный морг. И вся эта сумасшедшая рубка затевалась из-за двух янки. В первые минуты боя охрана Гаера понесла такие потери, что выжившие солдаты остаток жизни считали себя баловнями судьбы. Потерь среди штурмовиков не имелось. Лишь один боец получил легкое ранение, когда попал под осколок собственной гранаты. Вся акция по демонтажу тюрьмы заняла двадцать шесть минут. При этом диверсанты израсходовали лишь половину всех боеприпасов.

В том же армейском грузовике "береты" понеслись в сторону аэродрома, который лежал в тридцати километрах от Гаера. Автомобиль протаранил ворота и влетел на взлетную полосу. После короткого боя и полной заправки топливных баков все семнадцать бойцов поднялись в воздух и взяли курс... О курсе история также умалчивает. Тот августовский день 1979 года получил известность как день самого массового в истории мировой пенитенциарной системы побега. Пять тысяч заключенных просто вышли из руин и разбрелись кто куда.

Все мы дети твои, Господи

Ранним утром сектор N 7 центральной тюрьмы Куритиба (Бразилия) непривычно оживился.

- Все мы дети твои, Господи! - завыл вдруг рецидивист по кличке Дональд Дак. - И всех ты нас любишь, но не всех прощаешь. Кто даст нам силы искупить грехи свои тяжкие и войти в царство господнее с облегченной душой? Только мы сами!

Два охранника поспешили к камерной решетке. Все восемь узников стояли на коленях и взирали в потолок. На их лицах читалось такая отрешенность, что охранники растерялась. Они покрепче сжали дубинки, но лупить арестантов пока не было повода.

- Прекратить! - приказал один из них.

Камера застонала и с жалостью посмотрела на охрану. Дональд Дак, которому грозило двадцать пять лет острога, продолжал взывать:

- Уповайте на прошение, заблудшие дети. Только раскаявшись, вы обретете ключ к вратам Рая.

- Замолчите, - повторил страж, но уже не так громко и уверенно. - Что это с ними? Уже что-то задумали. Не верю я этим хитрым рожам. Иди звони.

Ситуация была нестандартной и не вписывалась в служебную инструкцию. Хотя в режимном предписании запрещались все шумовые эффекты со стороны арестантов, молиться никому не возбранялось. Охранник позвонил на центральный пост и сообщил о песнопениях.

- Поют? - спросили на том конце провода.

- Поют.

- Заткнуть рты.

- Так о Боге поют.

- О Боге... Хм. Громко поют?

- Громко. Ну не так, чтобы кричали, но в соседнем секторе слышно. Дежурный повесил трубку.

Вскоре на этаже появился тюремный священник
и с умилением застыл возле кающейся камеры. В такой момент оборвать псалмы не посмел бы даже воинствующий атеист. Охранники плюнули, увели батюшку и примирились с хором. Откуда же им было знать, что арестанты активно готовились к побегу. Дружная (и, что самое главное, громкая) молитва заглушала скрежет пилки по металлу. Вот уже почти час один из отпетых уголовников, стоя на коленях перед выходившей в коридор решеткой, подпиливал снизу стальной прут. Он быстро приноровился к такту псалмов, и скрежет был почти не слышен. Если к камере шел охранник, кто-то орал: "Господи, прости!"

Вечером охранник в резкой форме оборвал ритуальное покаяние: тюрьма отходила ко сну. Такая же картина повторилась и на следующий день. Надзиратели даже растрогались, а местный батюшка заметил: "Не тюрьма исправляет человека, а вера". На третью ночь узники отогнули два перерезанных прута и выбрались в коридор. Они набросились на охранников, связали их и, отобрав ключи, открыли еще девять камер. Через полчаса шестьдесят два арестанта вырвались из тюрьмы Куритиба. Утренняя смена была поражена тишиной в секторе N 7. Но, взглянув на связанных коллег с вонючими носками во рту, все поняла без слов.

"Ждет меня последняя засада

Никто из великих гангстеров США не добился стольких почестей и симпатий от народа, как Джон Диллинджер, громивший федеральные банки и оставлявший за собой трупы. Первый вооруженный налет на банк Джон совершил в тридцать лет. Этой первой ласточкой стал скромный банк в городке Делзвил. За четыре месяца банда Диллинджера ограбила еще пять банков. Такой удачный старт оборвался весьма комично. Обидная случайность выставляла великого гангстера скрягой и склочником, поэтому сам Джон не любил вспоминать события того печального дня.

Проносясь на автомобиле, гроза банков сбил гуся и остановился, чтобы осведомиться о здоровье птицы. Спустя минуту он пожалел об этом. Хозяйка гуся с бранью набросилась на Джона, требуя компенсации. Гангстер, карманы которого оттягивали пачки денег, платить отказался. Он брызгал слюной, топал ногами и кричал, что птица сама вылезла на дорогу. На шум прибыл местный шериф (дело происходило в деревне Блэфтон, штат Огайо) и потащил скандалиста в участок. Там разгорелся спор. Раскрасневшийся Диллинджер подошел к стене и увидел, как лицо шерифа вытягивается. Гангстер обернулся и обнаружил на стене свою фотографию с красноречивым текстом "WAN TED" (разыскивается). Шериф уже стоял с револьвером в руке.

Диллинджера посадили в подвал, где имелись две тесные грязные камеры. Шериф, не мешкая, сорвал трубку телефона и связался со штабом ФБР в Вашингтоне. Перед его глазами поплыли

круги, затем сцена награждения и, наконец, копия приказа о служебном повышении шерифа Джесса Сарбера.

- У меня под замком сам Диллинджер, - доложил он дежурному агенту. - Высылайте подмогу.

Из Вашингтона срочно выехал бронированный автомобиль с зарешеченными окнами. В тот же Блэфтон, но со стороны Мичиган-Сити, спешил бронированный "Крайслер" с четырьмя головорезами на борту. За рулем сидел красавчик Пэрпонт, за плечами которого висели четыре побега из тюрьмы. В подобных делах он преуспел как никто другой. Имеется предположение, что об аресте Диллинджера гангстерам сообщил кто-то из коррумпированных агентов ФБР. "Крайслер" подкатил к полицейскому участку. Перед шерифом предстали трое молодцев:

- Мы за Джоном Диллинджером.

- Вы агенты ФБР?

- Да, мы агенты ФБР.

Шериф подивился столь оперативному приезду... почесал щеку и спросил:

- Покажите, пожалуйста, документы. Служба есть слу...

Страж поселкового порядка отлетел в угол: Пэрпонт, лучезарно улыбаясь, вместо удостоверения вытащил револьвер и быстро нажал на спуск. Бандиты нашли ключи от подвала и поспешили вниз. Дверь камеры открылась, и на пороге вырос хмурый Диллинджер.

- Почему так долго? Где вас черти носили?

В середине января 1934 года банда Диллинджера обчистила Национальный банк в Ист-Чикаго. Такого поразительного успеха Джон еще не знал. В его закромах осело 264 тысячи долларов. И тут великий гангстер опять влипает в комичную, точнее, в трагикомичную историю. Желая отпраздновать победу над очередной кредитно-финансовой структурой, бандиты поселяются в отеле "Конгресс" и ударяются в запой. Официанты сбились с ног, поднося в номер все новые и новые порции виски. Алкогольный марафон закончился 26 января. В отеле вспыхнул пожар, и всех постояльцев спешно эвакуировали. Лишь в номере N 478 стояла гробовая тишина, хотя из него никто не выходил. Пожарная команда выбила дверь и увидела четверых типов, которые прямо в одежде валялись на кроватях и полу. Их вынесли на улицу. Освежившись на январском ветерке, Диллинджер вдруг заволновался и подскочил к пожарному:

- Мой чемодан! Там мой чемодан! Спасите.

- Скажи спасибо, что тебя спасли, - заметил пожарный.

- Семейный альбом, спасите его. Вот вам мои последние гроши. Двенадцать долларов. Умоляю, спасите!

Пожарный чертыхнулся, плюнул, сгреб мятые бумажки и побежал в горящий отель. Через десять минут он уже спускался с чемоданом, где покоились деньги Нацбанка. Повеселевшая банда ухватила чемодан и двинулась прочь. Они не знали, что начальник пожарной команды узнал Диллинджера и позвонил в полицию. Гангстеры успели пройти лишь сотню метров.

Под присмотром шестидесяти полицейских Джон и его братья сидели в аризонских казематах и ждали этапа. Банда успела наследить в пяти штатах, и теперь каждый из штатов желал получить гангстеров первым. Это была не столько жажда правосудия, сколько типичная политическая возня. Диллинджер к тому времени стал живой легендой, о нем даже слагались песни, а один из федеральных прокуроров назвал Джона "врагом американского общества N 1". В пылу предвыборной кампании каждый из политиков мечтал порисоваться рядом с красивым стройным гангстером, с нынешним символом дерзости и бесстрашия.

В коротких процессуальных дебатах выиграл штат Индиана. Это легко объяснялось: ФБР уготовило всей банде электрический стул, но так как в США нет единого законодательства, каждого из членов банды отправили туда, где его ждал смертный приговор. В штате Индиана, в Ист-Чикаго, Диллинджер убил сержанта полиции.

Сложными маршрутами шесть бронированных машин доставили Джона на военный аэродром, где его ожидал самолет. Это был первый за всю мировую практику случай, когда заключенного перевозили по воздуху. Обычный транспорт - автомобиль или поезд - посчитали слишком рискованным. А после такой длительной охоты и такого успеха рисковать никто не желал. В салоне самолета разместились двенадцать агентов ФБР. Арестованного пристегнули наручниками к сидящим рядом агентам. Во время перелета радиостанция на борту не выключалась, и командир экипажа каждые пять минут докладывал обстановку.

Такого удивительного конвоя, какой встречал Джона в штате Индиана, никто не помнил. В аэропорту бандита дожидались тринадцать бронированных автомобилей, двенадцать

мотоциклистов и свыше восьмидесяти полицейских. На высокой скорости эскорт понесся в сторону Краун-Пойнт. Сценарий приема нового узника уже был расписан. Шериф Лилиан Холли, назначенная до выборов на этот пост вместо своего убитого супруга, и прокурор Роберт Бестиал охотно позировали перед объективами рядом с самым знаменитым преступником мира. Сам Диллинджер картинно прислонялся к бетонной тумбе и снисходительно улыбался. Спокойствие и такая дьявольская уверенность не остались незамеченными. Один из журналистов не выдержал и обратился к Холли:

- Мне кажется, что ваша тюрьма слишком скромная для такого именитого гостя. Почему бы вам не переправить его в более надежную тюрьму? Скажем, в Мичиган-Сити?

- Этот убийца от меня не сбежит, - уверенно заявила шериф. - В этом вы можете быть уверены. Отсюда еще никто не бежал.

Федеральное бюро расследования, зная нрав и возможности Джона, настаивало на переводе узника в Мичиган-Сити. Однако местный судья отказался подписать ордер. Этот отказ стоил и шерифу, и прокурору, и самому судье их кресел. В середине февраля 1934 года произошло то, чего так опасалось ФБР.

Джона Диллинджера охраняли так, как охраняют приговоренного к электрическому стулу за неделю до казни. Трехэтажное здание тюрьмы окружил батальон полицейских, вооруженных карабинами (к сожалению, такое рвение наблюдалось лишь первые две недели. Затем стражный энтузиазм уменьшился, и Холли отозвала часть охраны на более насущные дела). Бандита заковали по рукам и ногам в "браслеты" и засадили в клетку. Клетка круглые сутки освещалась со всех сторон мощными прожекторами, 1роим охранникам с обнаженными револьверами запрещено отводить глаза от клетки, пока на смену не заступит новый наряд. Без присмотра узник остается лишь считанные минуты, когда наступает ритуал пересменки: обмен караулами проходит в специальной камере. Вся охрана тюрьмы проживает в казармах, ни на миг не покидая территорию.

Крыло, где сидел бандит, было полностью изолировано от внешнего мира. Это был коридор смертников У-Б. Кроме Джона, здесь содержался убийца полицейских Гарри Янгблад, уже миновавший судебные разбирательства и ожидающий казни. 14 февраля свершилось чудо. Поначалу в это отказывались верить, пока не пришли в коридор смертников и не убедились, что Джон и Гарри испарились. Несмотря на то, что события того дня были восстановлены по секундам, четкой картины побега так и не получилось. И лишь сам Джон Диллинджер, вырвавшись на свободу, разъяснил своим друзьям, как все происходило. Спустя год о деталях побега говорила вся Америка.

За десять дней до побега Джон уговорил своего адвоката передать ему кусок дерева мягкой породы. Адвокат ничем особо не рисковал - этот безобидный предмет не походил на веревку или же оружие. Но за эту услугу адвокату посулили двойной гонорар. Он выполнил просьбу.

Охранник на посту вывернул содержимое портфеля и тупо уставился на кусок дерева. "Это пресс-папье", - пояснил адвокат. Обескураженный таким мудреным канцелярским предметом и своим невежеством, охранник пропустил гостя. В клетке защитник без труда передал своему подзащитному то, что он просил. Спрятав кусок дерева под одежду, Диллинджер принялся его обрабатывать за спиной. Это была адская и опасная работа. Приходилось на ощупь, щепка за щепкой, отламывать металлическими "браслетами" мелкие кусочки дерева по контуру будущего муляжа. Все щепки и опилки Джон с отвращением глотал.

С первых же дней заключения в Краун-Пойнте великий гангстер начал требовать для себя сменную одежду, все туалетные принадлежности и гуталин. "Я должен поддерживать свой имидж, - гордо объяснил он свою прихоть. - Перед судом я должен предстать во всей красе". "Скоро ты будешь перед Богом. Во всей своей красе", - ржали охранники. Но своего бандит таки добился. Когда муляж револьвера был готов, Джон осторожно выкрасил его гуталином. Для этого приходилось имитировать чистку сапог.

Рано утром на смену караула прибыл очередной наряд. Трое полицейских, зевая от бессонной ночи, заспешили в караульное помещение. Свежий наряд бодро подошел к клетке и остолбенел. За решеткой улыбался все тот же Джон. Но не это поразило охрану. В руке узник держал револьвер! Бодрость караула улетучилась. Один из охранников трясущимися руками открыл дверь. Бандит мгновенно воткнул муляж под ребра полицейскому и приказал двум его коллегам:

- Марш в клетку!

Те беспрекословно повиновались: Джон, который любил отправлять на тот свет полицейских и которого не сегодня-завтра ждал электрический стул, был возбужден до последней степени.

Диллинджер запер клетку и, прикрываясь охранником, двинулся к кухне коридора смертников. На столе ночная смена оставила после себя гору объедков и недопитую бутылку вина. Они прошли через кухню и подошли к металлическим дверям камеры, где хранились несколько автоматов.

- Открывай, - приказал Джон. - И без шуток.

Забрав все три автомата Томпсона, узник вернулся обратно к клетке. Пленные полицейские делали робкие попытки поднять шум. Увидев обвешанного автоматами Диллинджера, они съежились и закручинились. Через пять минут на свободе оказался еще один истребитель полицейских - Гарри Янгблад, получивший один из автоматов.

- Где боковой выход из тюрьмы? - строго спросил Джон. - Запомни, если нарвемся на пули, ты умрешь первым. Нам терять нечего.

Полицейский, у которого было двое детей, подчинился и, открыв шесть дверей, вывел арестантов наружу. По дороге случились две заминки. На первом и втором посту приходилось брать под прицел очередного охранника и закрывать в каком-нибудь тихом месте. Все действия великого гангстера были настолько уверенны и точны, что ни Янгблад, ни заложник не сомневались: Диллинджер подготовился к побегу на совесть. Хотя сам Джон, вспоминая те минуты, хохотал и говорил, что доверился своему самому верному лоцману - шестому чувству.

Процессия из трех человек вышла наружу и медленно, точно прогуливаясь, пошла вдоль аллеи. Диллинджер артистично жестикулировал, Янгблад вежливо пытался вставить что-то свое, а бедному охраннику приходилось лишь перекосом лица демонстрировать улыбку. Через двадцать метров они свернули к гаражу "Форд", служившему для транспорта полиции.

В гараже находился лишь его директор. Он присоединился к заложнику и вместе со всеми сел в самый скоростной автомобиль. Через минуту авто вылетело на улицу и остановилось лишь за городом. Диллинджер вырвался на свободу. Через пять месяцев он будет убит при выходе из кинотеатра "Байограф". Четырнадцать агентов ФБР, оцепивших подступы к кинотеатру, получили прямую инструкцию от самого шефа ФБР Гувера: живым Джона Диллинджера не брать. Великий и пока неповторимый гангстер умер мгновенно. Он получил пулю в лоб, даже не успев нащупать свой револьвер, с которым никогда не расставался...

Но вернемся к февральскому побегу. При выезде из гаража им повстречался почтальон Роберт Уолк, который успел в окне машины опознать человека, портрет которого вот уже полгода не сходил с первых газетных полос. Еще Роберт заметил ствол автомата, направленного в затылок водителю. Он бросился к телефону и позвонил в полицию. Там, разумеется, никто в эту сказку не поверил. Тогда наблюдательный почтальон бросился к зданию местного уголовного суда, к дежурному полицейскому.

- Я не могу оставить свой пост, мой друг, - с улыбкой заметил сержант. - Постучись в саму тюрьму. Но смотри: там шутить не любят.

Охранник у тюремных ворот, зевая, выслушал почтальона. Затем для проформы позвонил на пост. На третьем посту никто не отозвался. Молчали и на втором. И лишь тогда рука бледного тюремщика легла на кнопку "A1агт". Но в эти минуты, когда ревела сирена и суетился весь тюремный персонал, человек-легенда уже мчался за город.

По словам пленного охранника и директора гаража, великий Диллинджер всю поездку напевал две песни: "Ждет меня последняя засада" и "Беги, беги себе, собачка". -

Гипсовые куклы и надувной матрац

Остров Алькатрас в заливе Сан-Франциско заслужил мрачную популярность. Единственное архитектурное творение на острове - федеральная тюрьма особого режима, которая явилась миру в начале 30-х. Тридцать лет эта крепость, одиноко торчащая среди холодных морских волн, считалась идеальным местом для заключения. До 1962 года здесь было совершено двадцать шесть попыток побега, однако ни одна из них успехом не увенчалась.

Первым беглецом стал Джо Баллет, убийца и наркоторговец. 27 апреля 1936 года Джо под покровом ночи и коридорного полумрака расшатал оконную решетку и осторожно вынул ее. Рискуя упасть и переломать кости, он протиснулся в окно и по собственной одежде, связанной в двухметровый канат, спустился до второго этажа. Там Баллет раскачался, отпустил конец и, описав полукруг, шлепнулся в бак с опилками.

Впереди лежал тюремный двор, который надлежало пересечь. Улучив момент, когда на вышках началась смена караула и часовые, вооруженные снайперскими винтовками, повернулись ко двору спиной, Джо пробежал эти пятьдесят метров под стеной тюрьмы. Там он бесшумно проник на внутренний сторожевой пост и набросился на охранника. От неожиданности тот даже не успел закричать и спустя миг уже лежал с гвоздем в глотке. Джо раздел часового и вместе с его одеждой пополз к проволочному рубежу. Он даже не подобрал карабин, где в магазине имелось пять патронов.

Беглец набросил куртку и брюки на колючую преграду и начал карабкаться наверх. Миновав первый ряд колючки, он отодрал униформу и вновь вымостил ею свой путь к свободе. Баллета заметили на контрольной полосе. Засекла собака, разразившаяся диким лаем. Часовые оживились и наполнили патронники. Их оптические прицелы без труда отыскали узника, который уже несся к воде. В предутренней тиши грянули лишь два выстрела. На воде в двух метрах от берега качался труп Джо Баллета с простреленными головой и спиной.

В 1945 году двое рецидивистов на утренней прогулке завязали драку. Трое охранников поспешили растащить окровавленных бойцов. Едва они открыли дверь во дворик, как на них набросился десяток зеков. Отправив стражей в глубокий нокаут, рецидивисты проникли на лестницу, которая вела на тюремные стены. На втором этаже беглецы разочарованно застонали: массивная, обитая металлом дверь была закрыта. Рваться на свободу уже не имело смысла. Зеки смиренно встретили толпу охранников, которые... Дальше можно описывать лишь технические детали и диагнозы.

Только в июне 1962 года остров Алькатрас все-таки "распечатали". Трое налетчиков - братья Энглины и Франк Моррис, ограбившие ряд банков, - почти год долбили каменную стенку, за которой проходил вентиляционный ствол. Осколки, песок и пыль тайком выносились во рту на прогулочный двор и там высыпались. Нечто подобное изобразил Стивен Кинг в повести "Домашний адрес - тюрьма". Там главный герой несколько лет подряд также ковырял камерную стенку, однако обломки камня не прятал, а вытачивал из них забавные фигурки и открыто раздаривал. След на стене беглец скрывал безобидным плакатом. Герой Кинга оказался в худшем положении, чем реальные герои Алькатраса: ему пришлось ползти через канализацию, сквозь смертельную вонь и нечистоты,

Энглины и Моррис спустились в вентиляционную шахту. Раскорячившись и упираясь ногами в стены, они достигли дна, проползли еще метров тридцать и уперлись в зарешеченный выход. Спустя полчаса решетка была взломана. Беглецы взобрались по внешней пожарной лестнице на крышу тюрьмы и по готовым сплетенным веревкам спустились на землю. Им удалось бесшумно миновать все преграды и выйти к морю. К побегу готовились на совесть.

Согласно внутренней инструкции охрана ежечасно обходила камеры, проверяя все койки. Зная эту прихоть администрации, беглецы заблаговременно подбирали отходы в тюремной парикмахерской и сносили в камеру строительный гипс. Они вылепили из гипса три куклы, украсили их прядями волос и обработали самодельным гримом. В день побега, после очередного ночного обхода, зеки вытащили муляжи из-под кроватей и уложили их вместо себя. Хотя работа и была топорной, куклы подозрения не вызвали. Всю ночь надзиратель вышагивал по коридору и созерцал сквозь дверные решетки тела узников, скрюченные под одеялами. Лишь когда завыла утренняя сирена и полусонные арестанты вышли из камер, охрана забеспокоилась. Камера N 129 не явилась на проверку. Охранник ворвался в камеру и с размаху врезал дубинкой по первой кровати. "Зек" не шелохнулся. Сорвав одеяло, надзиратель с ужасом обнаружил безобразный гипсовый бюст.

На берегу залива беглецы достали полиэтиленовые матрацы и принялись их надувать. Эти матрацы были склеены из пакетов и тепличной пленки. На них зеки намеревались доплыть до материка. Удалась ли им эта редкая акция - доподлинно неизвестно. Дело в том, что беглецы бесследно исчезли. Они либо благополучно достигли другого берега, либо утонули. Рано утром сторожевой катер прочесал всю водную округу, но нашел лишь разорванный матрац.

Фотографии беглых уголовников были разосланы по всем штатам. Несколько лет назад американская фирма "Факс Бродкастинг" создала компьютерную "версию" Морриса и братьев Энглинов: как они могут выглядеть через тридцать лет. Департамент полиции Сан-Франциско растиражировал и эту версию-фоторобот, однако результата все еще нет. Многие наблюдатели уверены, что беглецы уже давно покоятся на том свете. Тем не менее в 1993 году за их поимку назначили награду в один миллион долларов США.

Hello, Mexiko!

Дело близилось к вечеру, когда на транспортном участке одной из тюрем в штате Флорида начался переполох. Мощный бульдозер, который уже был припаркован на режимную стоянку, внезапно взревел и двинулся в сторону тюремных ворот. Сквозь мутное стекло кабины просматривалась сутулая фигура в характерной робе. Охрана вмиг насторожилась, грянули предупредительные выстрелы. Машина продолжала уверенно двигаться на ворота, которые быстро поползли в боковой паз. Они захлопнулись, когда бульдозер на полном ходу врезался в пропускной пост. Охрана на вышках уже успела изрешетить кабину, но водитель все сидел и все рулил. Стены из двойной кирпичной кладки дрогнули. Ворота покосились на бок и со скрежетом накренились. Подминая дверную решетку, рассыпавшиеся стекла и пульт, бульдозер почти вырулил за ворота и заглох так же внезапно, как и взревел. В стекле кабины зияло полсотни пулевых отверстий. Сбежавшаяся на шум охрана продолжала кромсать очередями кабину. Наконец пальба утихла, и дежурный офицер, не опуская табельного пистолета, рванул дверь бульдозера. За рулем на него пялилась кукла, набитая древесными стружками и одетая в будничный наряд заключенного. Ее негнущиеся руки мирно лежали на руле. Из разодранных, искромсанных пулями боков сыпались и вываливались опилки и стружки. Офицер минуту озабоченно рассматривал муляж, а затем закричал:

- Всех на плац! Экстренная проверка! Прочесать всю территорию! Сюрприз обнаружили уже спустя пять минут. На проволочном заграждении лежала длинная широкая доска, по которой, судя по всему, кто-то проник в запретную зону. По запретке действительно шли следы, терявшиеся у стены. С четырехметровой стены свисал канат с узлами. Спустя полчаса начальнику тюрьмы доложили об исчезновении Роберта Берча - 46-летнего рецидивиста, приговоренного к тридцати годам лишения свободы. Его отвлекающий маневр с бульдозером удался на славу. Эта шумная выходка едва не лишила руководство тюрьмы насиженных мест.

Роберт Берч решил уходить морем. В этой меченой со всех сторон робе на большее рассчитывать не приходилось. За ним почти след в след шли розыскные группы с собаками. Выбирать не приходилось. Он пробрался в порт Сан-Франциско и, дождавшись, когда матросы отдаленного судна сойдут на берег, разделся до трусов Издали он напоминал обычного портового докера, страдающего от летнего зноя. Через пять минут Роберт уже был на палубе каботажной шхуны, которая могла доставить его туда, где американские законы уже были бессильны. Нырнув в грузовой отсек, он спрятался среди ящиков. Шхуна оказалась загруженной и отправлялась сегодня ночью. Он слышал, как полицейские прочесывали территорию порта и беседовали с матросами. Потоптавшись по палубам, полиция исчезла.

Ночью судно вышло в море. После многочисленных маневров оно, в конце концов, пришвартовалось в гавани Сан-Диего, последнем американском порту перед Мексикой. Это Берч понял из разговора американских матросов, которые трижды опускались в грузовой трюм.

Отдав швартовые, шхуна вновь тронулась по морским просторам. Изголодавшийся и до рвоты укачанный Роберт уже не верил, что доберется в Мексику живым. Но всему приходит конец. Итак, очередная гавань. Напялив на себя чью-то промасленную спецовку, беглец сошел на берег вслед за командой. В порту он с ужасом наткнулся на охрану порта в форме американских полицейских. Еще ничего не понимая, Берч прислушался к голосу портовых динамиков и понял, что стоит еще на земле США. Вероятно, зашли в приграничную гавань, решил Берч и засуетился. К нему подходил патруль, держа в руках целый набор фотографий. Не искушая больше судьбу, беглец перелез через забор, выскочил на трассу и бросился к стоящему пустому автобусу.

- Тихо, убью! - пообещал водителю рецидивист и, помахав для острастки ножом, добавил: - Гони к мексиканской границе. И запомни: нам ни с кем не по пути. Поехали!

Водитель завел двигатель и тронулся в путь. Спустя десять минут сзади послышались звуки полицейской сирены. Подгоняя шофера тумаками. Берч нервничал и приказывал ехать быстрей. Автобус отмахал три-четыре мили и остановился. Впереди лежал океан. Роберт Берч взревел и выдал свежую порцию угроз. Водитель удивленно заметил:

- Вот граница. Там - Мексика.

"Там" оказалось где-то за горизонтом, где водная гладь сливалась с чистым, как взгляд шофера, небом. Только в полицейском участке беглец понял свой многодневный маршрут. Оказалось, что владелец каботажной шхуны перезаключил договор в тот момент, когда она шла на Энсенада, и

приказал выгрузить товар в СанКлемента, то есть на острове. Капитан шхуны безупречно выполнил приказ.

ТЮРЕМНЫЕ ИГРЫ

В баню. Камерная игра, при которой испытуемого новичка заставляют брать в баню постельные принадлежности, якобы для выпарки. После такой процедуры он вынужден спать на мокрой постели.

Велосипед. Способ издевательства над новичками или униженными сокамерниками, при котором спящему между пальцами ног закладывается бумага, вата или тряпка и поджигается.

Чмок. Издевательство над сокамерниками в виде игры, когда жертве завязывают глаза и заставляют что-либо искать и при этом подставляют к лицу известные части тела.

Проверка зрения. Новичку предлагается закрыть лицо пиджаком и через вытянутый трубой рукав называть предметы, которые ему покажут. Вместо показа предмета в рукав льют воду.

Самосвал. Обливание водой из кружки, подвешенной над разыгрываемым или поставленной на постели у спящего новичка.

Сапог. Обувь привязывают к болезненным местам спящего и ставят ему на грудь. Отшвырнув обувь, он причиняет себе боль.

ТАТУИРОВКИ

Для уголовников татуировка - это прежде всего знак принадлежности к особой касте и верности ее законам. Она несет в себе смысловую нагрузку, поскольку в зашифрованном виде сообщает для посвященных сведения о личности носителя.

В тридцатых годах среди арестованных ходило поверье, что от расстрела может спасти наличие на груди татуировки в виде портрета Ленина или Сталина. Мол, никто не станет стрелять по портретам вождей. Надежда, однако, себя не оправдала.

Во времена Хрущева были модными татуировки, нанесенные на лоб: "Раб КПСС". "Раб коммунизма", "Раб Хрущева" и другие. С их первыми носителями администрация нянчилась, не зная, что делать. Затем проблема стала решаться довольно просто. Человек с такой татуировкой направлялся в больницу, а там ему со лба срезали кожу.

В наше время воровские авторитеты, поскольку наколка является особой приметой, избегают ее иметь, а имеющие стараются от нее избавиться. Но татуировка как элемент тюремной субкультуры не исчезла, и вряд ли это когда-нибудь произойдет.

В качестве татуировок наносятся также буквы, слова, аббревиатуры.

ЖУК - желаю удачной кражи.

СЛОН - сердце любит острый нож; смерть легавым, они не спасутся.

ЗЛО - за все легавым отомщу; завет любимого отца.

ПАПА - привет анархистам, позор активистам.

СЛЖБ - смерть легавым, жизнь блатным.

БОСС - был осужден советским судом.

СЛИЧЖВР - смерть легавым и чекистам, жизнь ворам-рецидивистам. Распространена была довольно опасная татуировка (обычно в незаметном месте) - ЛЕНИН - В.О.Р. (при претензиях оперчасти объясняли: Ленин - вождь Октябрьской революции).

КОТ - коренной обитатель тюрьмы.

ЛЕВ - люблю ее вечно (свободу).

Иногда зашифровывается какая-то важная дата - например, на татуировке, изображающей циферблат с указывающими стрелками.

Особенное распространение имеют "перстни", сразу выдающие (руки не спрячешь!) судимого гражданина. Если авторитетные люди стараются нынче избегать подобных "криков" (вот он я, лови меня!), то в среде малолеток и просто тюремной молодежи "перстни", видимо, еще долгое время будут сохранять свое значение.

СЛОВАРЬ УГОЛОВНЫХ ТЕРМИНОВ

А

Абвер - оперчасть ИТУ.

Автозак - специально оборудованный автомобиль для перевозки людей, содержащихся под стражей.

Автомат - авторучка.

Авторитет - человек, пользующийся уважением среди других заключенных. Руководитель преступной группировки, опытный, бывалый вор.

Агрегат - шприц для инъекций наркотиков. Также - весы для взвешивания наркотиков.

Ажур - порядок.

Академик - уголовник, авторитет.

Академия - тюрьма или место сбора воров и шулеров.

Аквариум - следственный изолятор временного содержания (ИВС).

Акробат - пассивный гомосексуалист.

Актив - те заключенные, которые сотрудничают с администрацией исправительно-трудового учреждения.

Акула - осужденный на длительный срок с конфискацией имущества.

Аллигатор - преступник, способный на любое преступление.

Алтушка - деньги, мелкая разменная монета.

Алюра - нащинающая проститутка.

Амара - проститутка.

Амба - безвыходное положение.

Амбец - конец, смерть, гибель, крах попасться с поличным.

Амбразура - форточка в двери камеры.

Американка - игра монетами на деньги.

Амнуха - амнистия.

Ампула - бутылка спиртного.

Анархист - преступник, работающий в одиночку.

Антик - антикварное изделие.

Антрацит - кокаин.

Арап - жулик, мошенник.

Аристократ - вор-карманник высокой квалификации.

Аркашка - петля-удавка.

Армянская королева -- пассивный гомосексуалист.

Артист - мошенник.

Атас! - Будь осторожен! Наблюдательный пункт или же крик, сигнал об опасности.

Атасник - человек, подающий знак в случае опасности.

Афер - аферист.

Ацетонка - наркотик, очищенный при помощи ацетона.

Бабай - старик; ростовщик; азиат.

Бабан - простак, деревенский мужик.

Бабка - кольцо, перстень.

Бабки - деньги.

Бабочка - рубашка, тенниска.

Багажник - карман.

Бадай - бери.

Бадяга и разводить бадягу - болтать, делать ненужное дело.

Бадяжить - варить пищу.

Базар - крик, шум, разговор.

Базарило - человек, которому нельзя доверять, болтун.

Базаровать - совершать кражи из карманов в людном месте.

Базлать - звать на помощь, орать.

Байбут - кинжал.

Байдан - аэропорт, вокзал, пристань.

Байданщик - человек, ворующий на байдане.

Байка - поджигание тряпки или ваты возле лица спящего сокамерника.
Байкал - слабый чай.
Баки - часы.
Баки вколачивать, забивать, вкручивать - морочить голову, обманывать, отвлекать внимание разговором.
Баклан - неопытный, начинающий вор, хулиган.
Бакланка - мелкое хулиганство.
Бакланье - заключенные, не пользующиеся авторитетом.
Балабаны - деньги.
Балалайка - револьвер.
Баланда - тюремная похлебка.
Баланду травить - врать, говорить ерунду.
Баландер - раздатчик пищи в тюрьме, подсобный рабочий на кухне.
Баланы - распиленные бревна, очищенные от сучьев.
Балда - голова; наркотики; половой член; обман.
Балду гонять - бездельничать, заниматься онанизмом.
Балдеж - наркотическое опьянение.
Балдох - солдат.
Балерина - отмычка, инструмент для вскрытия сейфов.
Балконщик - квартирный вор.
Баллон катить - критиковать более авторитетного.
Балясина- жиры, колбасы, масло, сало.
Бан - вокзал или место сбора преступников.
Бандер - содержатель притона.
Бандерша - содержательница притона.
Бандяк - бандероль.
Банжиха - вокзальная проститутка.
Банк - стол, место сбора шулеров.
Банк держать - сдавать карты, вести игру.
Банка - литр водки.
Банки ставить - бить ребром ладони по коже, оттянув ее на животе или закручивая ее пальцами.
Банковать - раздавать карты игрокам, угощать спиртным сообщников после удачного дела, делить краденое.
Бановая - вокзальная проститутка.
Бановой, банщик - вокзальный вор.
Баня - телесное наказание.
Баран, барашек - взятка контролеру ИТУ за перенос запрещенных вещей.
Баранки - наручники.
Бороться - совокупляться.
Барахло - краденые вещи, одежда, негодные вещи.
Барин - начальник колонии, имеющий авторитет среди осужденных.
Барин - заправила среди осужденных.
Барк - тайник в ИТУ.
Барказ - запретная зона, стена ограждения в колонии.
Баруха - доступная женщина.
Барыга - скупщик краденого, торговец-спекулянт в зоне.
Басивала - неисправимый вор в законе.
Басить - говорить повышенным тоном.
Батар - пахан.
Батареи - ребра.
Батон - молодая проститутка, полная женщина.
Бабут - ночлежка.
Батя - повар.
Бацать - играть, плясать.
Бацилла - сало, высококалорийные продукты, передача.
Бацильный - больной, хилый, худой.

Башкир - милиционер.
Баян - шприц для инъекций, батарея парового отопления.
Бебехи - краденые носильные вещи.
Бебики - глаза.
Бебики потушить - выколоть глаза.
Бегать - воровать.
Беда - финка.
Бедность - арест, задержание.
Бедолага - пистолет.
Безглазый - человек без документов.
Бей - расстегни пальто или пиджак у жертвы при разбое.
Бей верха - кради из верхних карманов.
Бейцалы - яички мужские.
Бекас - вошь, окурок.
Белая кость - высшая воровская каста.
Белки - деньги.
Белое-черное - паспорт на чужое имя.
Белуга - женская сумка.
Бензолка - кодеин.
Бесовка - подружка вора.
Бесогон - врун.
Беспредел - преступная группировка, не соблюдающая воровских обычаев и традиций.
Беспредельщина - нарушение воровского закона; наглость, не имеющая предела.
Бестолковка - голова.
Бешеные - наркотики.
Бивень - придурок.
Бикса - молодая красивая женщина.
Билить - знакомить.
Бимо - золотые вещи без драгоценных камней.
Биржа - промзона в колонии.
Бирка - удостоверение личности.
Битая - высококлассная воровка.
Битая хата - засвеченный притон.
Витка - осужденный за злостное хулиганство с применением холодного или огнестрельного оружия; револьвер.
Битый (парень) - бывалый, опытный, надежный.
Бить бубны - избивать.
Б. по батареям - бить по ребрам.
Б. понт - возмущаться вместе с жертвой по поводу совершенной кражи.
Б. по ширме - совершать карманные кражи.
Б. хвостом - выдавать соучастников.
Бич - бродяга.
Благо воровское - собранные с честно работающих в колонии деньги, вещи, продукты, идущие на оказание помощи нуждающимся ворам в законе.
Благодатная - отмычка.
Благодать - умывальник.
Блат - связи, используемые в корыстных целях.
Блат в городе - работники милиции, берущие взятки.
Блат в доску - верный до смерти.
Блатная, блатной - имеющие связи с преступным миром.
Блаткомитет - группа авторитетов.
Блаткошка - проститутка, сообщница грабителя.
Блатмашинка - тайная комната.
Блатмузыка - воровской жаргон.
Блатовать - уговаривать.
Блаток, блатокаин - перевозчик краденого,

Блатский - близкий преступному миру, свой человек.

Блатхаза, блатхата - место встреч и проживания преступников. Блатыкаться - знать воровской жаргон, примыкать к воровской группировке.

Блинов - ТУЗ.

Блок - самосуд, истязание.

Блудни - неприятные для осужденного ситуации (например, задолжал). Бобер - хорошо одетый, имеющий при себе крупную сумму денег мужчина; спекулянт; осужденный, не выполняющий требований администрации.

Бобы - патроны.

Бодягу разводить - вести длинный пустой разговор.

Бодяжить - процеживать раствор наркотика через вату в шприце.

Боевая игра - игра в карты без шулерских приемов.

Божья травка - гашиш.

Бой - карты.

Бой меченый - крапленые карты.

Боковая - бумажник.

Боковой ветер - шулерский прием.

Боксер - хулиган, избивающий людей.

Болеть - находиться под стражей, следствием или судом.

Болт - мужской половой орган.

Боль - арест, задержание.

Больной - арестованный, задержанный.

Большой скос - крупная кража.

Большой человек - рецидивист; организатор и главарь банды.

Бомба - карманные часы.

Бомбист - нищий.

Борзеть - проявлять дерзость.

Борода - неудача.

Бортануть - лишить чего-либо обманом.

Бортануться - потерпеть неудачу.

Босяк - авторитетный вор.

Босяк ссученный - лицо, подозреваемое в стукачестве.

Босяцкая зона - колония, в которой преобладают воровские понятия. Ботать - говорить.

Б. по фене - говорить на воровском жаргоне.

Ботва - волосы; демагогия.

Боярин - глава воровской группировки.

Бояровать - уговаривать, располагать к себе.

Бражка - свои ребята.

Браслеты - наручники.

Братва - приятели, товарищи.

Братишка - бывший сокамерник.

Братское очко - четверка (игральная карта).

Братуха - дверь.

Брать - воровать; обыгрывать в карты; арестовывать.

Б. на душец - душить.

Б. за жабры - изобличить.

Б. коня - бросить бечевку с запиской в камеру или из камеры.

Б. на бас - пытаться инкриминировать преступление без достаточных улик.

Б. на вздержку - утаивать часть денег при покупке, не отдавать их.

Б. на гоп-стоп - грабить.

Б. на сквозняк - скрываться, пользуясь проходным двором.

Б. на собаку - усыпить жертву наркотиками и обокрасть.

Б. на характер - обкрадывать жертву, разговаривая с ней.

Б. письмом - разрезать одежду или сумку жертвы, совершая кражу.

Б. на хомут - обхватывать одной рукой сзади при грабеже.

Б. на храпок - схватить за горло.
Б. на шарап - действовать смело.
Б. под пашню - запродать еще не украденный товар.
Бригада - воровская, бандитская.
Бригада - воровская группа в колонии или тюрьме.
Бродяга - общее название осужденных.
Брос - переброс продуктов, вещей через запретную зону.
Брюнетка - автозак.
Бубен - булка, хлеб.
Бугай - бумажник.
Бугайщик - мошенник, подбрасывающий бумажник.
Бугор - бригадир в колонии; начальник; главарь среди осужденных. Будка сучья - камера-одиночка для осужденных, которым грозит распра-
ва.
Будник-мухомор - осведомитель.
Буду звонить - отбывание наказания до конца срока в колонии.
Букет - совокупность статей УК у одного осужденного; специальный подбор карт, сделанный шулером; лицо, в отношении которого совершены половые акты в различных формах.
Булан - карманный вор.
Булки (батоны) - ягодицы.
Бульвар - пол.
Бульза - активный гомосексуалист.
Булыга - фальшивый бриллиант.
Бунтить - тасовать карты.
Бура - игра в карты.
Бурить - врать.
Буркалы - глаза.
Буровить - говорить не то, что надо.
Буром - толпой, нахально.
Бурчать - отвлекать внимание жертвы разговорами.
Бусыга - любитель сладкой жизни.
Бутафория - специально созданная шулерами обстановка для игры в карты.
Бутиловка - скопление .людей; толчея.
Буфера - женская грудь.
Бухало - спиртные напитки.
Бухта - надежный притон.
Бухтеть - говорить, болтать; ооманывать.
Буцать - избивать.
Бык - слабоумный человек; человек, исполняющий волю лидера.
Бык-рогомет - перевыполняющий план.
Быть в бедности - страдать из-за отсутствия наркотиков.
Бычок - окурок.
Валежник - пьяный, у которого совершают кражу.
Валет - бестолковый.
В. червонный - мошенник.
Балетный - придурковатый.
Valись - уходи.
Валить - убивать, резать; уходить.
Вальнуть - зарезать, убить.
Вальтануться - сойти с ума.
Вариант - вечеринка с наркотиками.
Ваши не пляшут - вы проиграли; вы не правы.
Ваших нет - проиграть.
Ввалиться - быть арестованным.
В верхах - в наружных карманах одежды.
В доску спустить - убить.

Верблюд - двухъярусная койка.
Безуха - везение.
Век свободы не видать - клятва преступников.
Веник - венерический больной.
Веревка - крах, неудача, арест.
Верзать - испражняться.
Верный - обрез.
Верняк - шулерский прием.
Вертануть - украсть с прилавка.
В. угол - украсть чемодан.
Вертильщик - ворующий ручную кладь.
Вертолет - нары, топчан.
Вертун - крадущий с прилавков под видом покупателя.
Вертухай - постовой.
Верха - верхняя одежда.
Верхушник - ворующий из верхних карманов.
Верченый - ловкач; неизвестный, неизученный человек.
Весло - ложка.
В. хватай, в помойку капай - бери ложку, иди в столовую.
Весновой, весновый - опытный осужденный.
Весовой - осужденный, пользующийся авторитетом.
Ветер - пассажирские вагоны.
Веточка - вокзал.
Ветошная малина - случайная квартира.
Ветошной - излишне доверчивый, простофиля.
В. кошка - не относящаяся к преступному миру любовница вора.
В. кураж - делать вид, что ни при чем...
Ветренка - форточка.
Ветреные тряпки - носильные вещи, похищенные через форточку.
Вечный фраер - плохо слышащий.
Вешать - грабить.
Вздержка - обман при размене денег.
Вздернуть бабки - украсть деньги.
Взросляк - взрослый вор.
Взять в рифму - опознать.
В. в стае - избить.
В. скачок - сломать замок с целью кражи.
В. смехача на характер - вступить в разговор с жертвой, которую сам же обворовал.
В. сонник - совершить кражу из комнаты, когда хозяева спят.
В. за хомут - схватить за шиворот.
В. кобур - взломать стену квартиры или хранилища.
В. малину - обокрасть богатую квартиру.
В. на Аннушку - напугать.
В. на аферу - обмануть.
В. на анас - притеснить сокамерника.
В. на бугай - обокрасть при помощи подброшенного кошелька или бумажника.
В. на вздержку - ограбить с помощью обмана.
В. на глотку - добиться чего-либо нахальством.
В. на калган - ударить головой в лицо.
В. на конверт - обмануть. -
В. на красный галстук - убить ударом ножа в область шеи.
В. на крючок - подозревать.
В. на мешок - убить.
В. на песок - продать медь вместо золота.
В. на понт - обмануть, напугать.
В. на прихват - неожиданно напасть сзади, взяв за горло.

В. на пушку - обмануть.
Вид - любая вещь, которая может быть заложена.
Вилок - голова.
Вилы - неудача; неизбежность ареста.
Вилять - оправдываться.
В. хвостом - подхалимничать.
Винт - мужской половой член.
Винта дать, нарезать - убежать.
Винтовой - солдат на вышке.
Вира - побег из колонии, тюрьмы.
Висеть - находиться под подозрением.
Висяк (глухарь) - нераскрытое преступление.
Вихря - карманный вор.
Вкатить шары - загнать инородное тело ("уши", "хомут") под кожу мужского полового члена.
Вкласть - предать.
Вколачивать баки - обманывать.
В лоб - говорить в открытую.
Вложить - предать.
Влохаться - попасться, но надеяться на освобождение.
В натуре - в самом деле.
В несознанке - не признает за собой вину.
Внутряк - внутренний замок.
Вода - администрация ИТУ; предупреждение об опасности в карточной игре; убийство.
Вода льется - берегись.
Водить вола - обманывать.
Водичка - темная ночь.
Водопад - толпа, где легко совершать карманные кражи.
Водопровод - половой член, не способный к эрекции.
Воздух - ложь.
Возьми лягавку - наблюдай за милицией.
Вокзал - баня.
Вола пасти - рассказывать небылицы.
Волк - работник правоохранительных органов.
Волга - условный выкрик перед началом драки.
Волосатик - чужак.
Волчок - окошко в двери камеры.
Волына - пистолет, обрез.
Вольт - шулерский прием.
Вор - квалифицированный преступник, занимающийся только кражами, строго соблюдающий преступные обычаи и традиции.
В. в законе - рецидивист, соблюдающий воровские традиции, принятый в братство на воровском сходе.
Вор честный - соблюдающий воровские законы, обычаи и традиции.
Воробей - висячий замок.
Воробья спугнуть - сломать замок.
Воровайка - женщина-вор.
Воровская каста - наивысшая организация воров-законников.
Воровская семья - воровская группировка, объединенная общими интересами.
Воровская малина - воровская группировка, в которую входят не менее пяти членов одной "профессии".
Воровская масть - группировка воров, занимающихся каким-нибудь одним видом преступной деятельности.
Воровской кусок - продукты питания, вещи, одежда, приобретенные на средства, добытые преступным путем.
Воровской общак - воровская общественная касса, в которую деньги собраны с воров и других осужденных.

Ворон, воронок - милицейская машина.
Ворота - женские половые органы.
Восьмерить - обманывать; симулировать.
В пузыре - изобличен во лжи.
Впрягаться - браться не за свое дело; выступать в защиту кого-либо.
Впуливаться - залезать куда-либо, попадать в неприятную историю.
Врач - адвокат.
Врача пригласить - избить.
Врубиться - понять.
Всеведущая тряпка - жалоба прокурору.
Всеведущий - прокурор.
Все путем - все идет как надо.
Вспотеть - попасться без возможности освобождения.
Вспрыгнуть - добровольно попасть в изолятор, чтобы уйти от расправы сокамерников.
Всю дорогу - все время.
Вставить очки - обмануть; сильно избить.
Встать на лыжи - совершить правонарушение, чтобы выйти из камеры в связи с несовместимостью между сокамерниками.
Вся семья Блиновых в гостях - иметь на руках все четыре туза.
Вторишь - снабдить чем-лиоо необходимым.
Втереть - неожиданно нанести сильный удар.
Втереть по ушам - обмануть.
Втихую - скрыто, тайно.
Втиряк - боковой карман брюк, заварка, оставшаяся после чифиря.
Втирячок - кража из карманов брюк.
В цвет - точно угадать, определить что-либо.
Вшивый - нехороший человек.
Выбить - обыграть.
Вывернуть на лицо - установить подлинное лицо.
В чистоте - вне подозрений.
Выдернуть хвост - лишить воровских прав.
Выдра - ключ от пассажирского вагона; веревка.
Выдры - карты.
Выемка - кража.
Выздороветь - оправдаться, освободиться из-под стражи.
Выкинуть на общак - отдать в общественное пользование что-либо.
Выломить (поставить на лыжи) - создать для неугодного сокамерника невыносимые условия.
Вынести раму на ушах - прыгнуть в окно, чтобы избежать расправы.
Вымолотить хату - совершить кражу в квартире.
Выпасти - выследить; узнать, догадаться.
Выпеть - выпросить что-либо.
Выпрыгивать - отходить от преступной деятельности, получив разрешение воров.
Выпуль - распоряжение спрятать украденное; человек, которому везет при игре в карты; подписка о невыезде.
В. с клепкой - подписка покинуть данный пункт в 24 часа.
Выродок - впервые осужденный за хищения.
Выручка - работник ИТУ, берущий взятки.
Выставить маяк гонцу - предупредить об опасности перевозчика наркотиков.
Выставить шнифт - выбить стекло.
Вытяжные очки - паспорт.
Выходить на разбор - подвергнуться разбирательству в преступной среде.
Вышак, вышка - высшая мера наказания.
Вязалово - арест, задержание.
Вязать - арестовывать.
Вязки - грабеж.
Вязки с понтом - грабеж с помощью наводчика.

Таврило - дворник.
Галюшник, гадючник - притон.
Гальян - бриллиант.
Гаман - кошелек.
Гармошка - собака.
Гаррик - героин.
Гасить - прятать; бить кого-либо.
Гаситься - уйти от расправы сокамерников, попав добровольно в штрафной изолятор.
Гаша, гашник - складка в верхней части брюк для хранения в ней запрещенных предметов.
Гаян - опий.
Гидрокурица - селедка,
Талька - особым приемом взять за горло жертву.
Гитара - долото; женские половые органы; отказ, отрицание.
Гитарка - воровской ломик; притон.
Глаз - удостоверение личности.
Глазильник - поезд.
Глина - кал.
Глиномес - активный гомосексуалист.
Глот - крикун; скряга.
Глохнуть - прекращать разговор.
Глухо - безвозвратно, надежно, наверняка.
Глухо торчит - находится в эйфории, в наркотическом опьянении.
Глухарь - человек, который грабит пьяных.
Глушить - обманывать; сходить с ума.
Гнать - лгать.
Г. гусей - притворяться дураком.
Г. дугу - сообщать неверные сведения о месте предполагаемого преступления.
Г- дуру - притворяться умалишенным, дураком.
Г. майдан - ехать поездом.
Г. майдан с краснухами - сопровождать товарный поезд с ценным грузом.
Г. порожняк - говорить впустую; сообщать ничего не значащую информацию.
Г. по-черному - обманывать.
Г. шары - доносить на кого-либо.
Гнедой - хитрый.
Гнида - ничтожество, осужденный, неспособный постоять за себя.
Гнидник - нижнее белье.
Гнилой - бывший преступник; не поддающийся на провокации; имеющий большой жизненный опыт, знающий воровские законы, обычаи, традиции.
Г. заход - хитрый подход.
Гнилушки - мозги.
Гнуловка - компрометирование вора в глазах соучастников.
Гнуть душу - давать ложные показания.
Голенище - портфель.
Голимый - несомненный.
Головой вертеть - играть в карты, кости.
Голову на рукомойник - зарезать.
Голос дать - предупредить; откликнуться.
Голубой Дунай - кафе, ресторан.
Голуиол - пассивный гомосексуалист, пользуютийся большим спрс^сом.
Голубь - мужской головной убор.
Голый вассер - неудача.
Голь, голье, голяк -" отсутствие денег в украденном кошельке.
Гольчик - вор-подросток.
Гонец - мелкий сбытчик наркотиков.
Гонки - преследование, слежка; сумасшествие.
Г. марку - совершать кражи в городском транспорте.

Г. ротор - симулировать психическое заболевание.
Гончий - помощник, приближенный главаря.
Гоп - место, где можно переночевать за небольшую плату.
Топ-стоп - грабеж.
Гопник, гопушник - грабитель-гастролер.
Горбатить - обделить кого-либо при дележе.
Горбатого лепить - обманывать.
Горе - самогон.
Гореть - оказаться задержанным милицией.
Горизонт - филенка панели в камере.
Горит огонь - играют шулера.
Горловой - хвастун, презираемый ворами.
Город - магазин; ГОВД, РОВД.
Г. Катаев - тюрьма.
Городуха - кража из магазина, совершаемая под видом покупки.
Городушник - лицо, совершающее кражи из магазинов.
Готовить пассажира, понта, пижона - искать жертву для шулерской игры.
Грабки, грабли - руки.
Гравер - фальшивомонетчик.
Гравюра - фальшивая купюра.
Граммофон - гашиш; собака.
Гранд - грабеж.
Г. мокрый - грабеж с убийством.
Графить - арестовывать.
Грач - имеющий при себе большую сумму; карманный вор; жертва, намеченная карманным вором.
Гребень - пассивный гомосексуалист.
Гремло - часовой.
Грести полундру - воровать.
Гриб - деревянная ложка; большая сумма.
Гром - шифоньер, шкаф.
Громка, громкая - кража со взломом.
Громщик - вор-взломщик.
Грохнуть - убить.
Грубой - хороший.
Грубая кожа - бумажник с деньгами.
Г. скрипуха за барахлом у фрея - похищение вещей в вагоне у гражданина.
Г. шмара - красивая девушка.
Грубовое - сливочное масло.
Грудануть - взять за грудки.
Грунт - объект преступления.
Груша - амбарный замок.
Груши - продукты питания.
Грязи наесться - попасть в заключение.
Гудлай - еврей.
Гудок - гармонь; ягодицы.
Г. мешаный - пассивный гомосексуалист.
Гудырь, гудырьян - анальное отверстие.
Гуж - дурак.
Гужбан - водитель такси.
Гужевать - употреблять спиртное без меры.
Гужеваться - развлекаться.
Гульной - лицо, бежавшее из-под стражи, находящееся на нелегальном положении.
Гунька - телогрейка.
Гунявый - сифилитик.
ГЭС - места для презираемых осужденных, край стола, крайние спальные места.

Д

Давальщик - наводчик.
Давить косяк - подсматривать.
Давить ливер - ухаживать за женщиной, склонять к половому акту.
Давилка - галстук.
Дай ман подырдать - дай мне покурить.
Дал кусок хлеба добрый человек - нечаянно выдал на допросе соучастник.
Дальняк - дальняя колония.
Дань - сбор средств с осужденных для нужд вора в законе.
Дать - осудить.
Д. вероятие - проверить.
Д. винта - убежать от конвоя.
Д. гонку - не дать украсть.
Д. наркозу - оглушить ударом по голове.
Д. наколку на гонца - указать человека, у которого можно купить наркотики.
Д. плать - убежать с места преступления.
Д. резину - поздороваться за руку.
Д. сламу на гурт - сложившись, дать взятку.
Д. ума - избить.
Дацела - один куб. см. наркотика для инъекции.
Дача, дачка - передача продуктов осужденному.
Дачник - совершающий кражи на дачах.
Двадцать на два - беспрекословно выполняй поручения.
Двадцать пять - инспектор оперативно-розыскного отдела.
Два шестнадцать - осторожно; сзади два работника милиции.
Два сбоку - тюремный надзиратель, милиционер.
Двенадцать на два - на побегушках.
Двинутый - безнадежный, слабоумный, придурковатый.
Д. фуфло - обмануть, не уплатить проигрыш.
Дворник - работник прокуратуры.
Д. младший - помощник прокурора.
Дворянин - бродяга, бомж.
Двустволка - женщина, совершающая половой акт одновременно с двумя мужчинами.
Двуглазый - бинокль.
Двуходка - квартира с двумя выходами.
Деберц, терц - карточная игра, в которую шулера играют между собой.
Девственник - осужденный впервые за хищение госимущества, раскаявшийся и вставший на путь исправления.
Девятка - осведомитель.
Делать - воровать.
Д. ноги - убегать.
Д. пробку - создавать толкучку, чтобы совершить карманную кражу.
Д. стенку - загораживать жертву от посторонних глаз.
Д. чистые - воровать деньги.
Дело верное - игра, в которой употребляются меченые карты; хорошо подготовленное преступление.
Деловой - вор, которому можно доверять.
Деляга - выскочка.
Демон - выдающий себя за блатного или за вора в законе.
Денник - вор, работающий только днем.
Дербанить - делить.
Деревня - тюрьма.
Деревянный по пояс - слабоумный человек.
Держать стойку - не признаваться в преступлении.
Держаться за свайку - заниматься онанизмом.

Держать - защищать.
Д. бан - воровать на вокзале.
Д. мазу - защищать соучастника.
Д. фасон - вести себя гордо и вызывающе.
Дернуть - убежать.
Дернуть за свисток - схватить за горло.
Десантники - воры, сбрасывающие вещи из движущегося транспорта.
Дешевый - потерпевший.
Д. мир - люди, не представляющие интереса.
Динамо - обман.
Диск-жокей - посудомойщик.
Длинный - умный.
Для неверу - пустить пыль в глаза.
Довесок - прибавка к сроку наказания.
Догонять - понимать.
Дождевик - камень для самообороны.
Докапать - рассчитаться за обиду.
Долбить кумар - болеть после употребления наркотика.
Дома сказаться - сдаться при аресте.
Домашний шнифер, домашняк, домушник - квартирный вор.
Домушник-светляк - квартирный вор, проникающий в жилые помещения днем путем подбора ключей.
Дорога - веревка или нить, протянутая между окнами камер для передачи каких-либо предметов, вещей, записок.
До талого - до последнего.
Дохать - убить.
Дочка - подросток-гомосексуалист.
Дразнилка - зеркало.
Дракон - инспектор уголовного розыска; собака; надзиратель.
Дрова - спички.
Дрожжи - деньги.
Дрони тросточка - выручай задержанного соучастника.
Дружба нова - поддельный ключ.
Дрянная ширма - малоценные вещи.
Дубак - конвоир, дворник, надзиратель.
Дуван - дележ добычи.
Дуги - очень плохо; револьвер: ложные сведения об объекте кражи.
Дунуть - выдать; закурить анашу.
Дунька - двойка в картах.
Дунька Кулакова - онанизм.
Дупло - анальное отверстие.
Дура - короткоствольное оружие; лом; конопля, из которой изготавливают анашу.
Дурак - мужской половой член.
Дурака загнать - совершить половой акт.
Дурануть - обыграть, оставить в дураках.
Дурдизвль - добровольно работающий заключенный.
Дурка - дамская сумочка.
Дурковод - совершающий кражи из дамских сумочек.
Дурогон - ложная информация.
Дурь - общее название наркотиков.
Дурында - добросовестно работающий заключенный.
Дух - начальник отряда в ИТК; постовой милиционер.
Духарик, духарь - пьяный.
Духовка - анальное отверстие.
Духовный человек - советник главаря преступной группы.
Духовой - задира.

Душман - сотрудник уголовного розыска, занимающийся борьбой с наркоманией.
Дыбать - смотреть.
Дыбить - подхалимничать.
Дынная - беременная.
Дыня - голова.
Дырявая нитка - место на границе, через которое контрабандисты перевозят наркотики.
Дырявый - осужденный, в отношении которого совершен акт мужеложства.
Дьявол - выдающий себя за вора.
Дюкать за хомут - взять сзади за горло.
Дым - табак.
Дядин дом - ИТУ, тюрьма.
Дядя, дядька - надзиратель, начальник отряда в ИТУ.
Д. Митяй - пересыльная тюрьма.
Д. сарай - разиня.
Дятел - пассивный гомосексуалист.

Е

Егор - соучастник, не вызывающий доверия.
Едало - рот.
Едалы - зубы.
Единоличник - вор-одиночка.
ЕЛД - человек, не относящийся к преступной группировке.
Ельна - воры.
Ельня - общее название воров.
Ерикан - старик.
Ершить - выдавать себя за вора в законе, пользуясь отсутствием таковых в данной компании.
Есть налево! - Исполнено!
Ехать - идти под конвоем.
Е. на небо тайгой - врать без удержу.
Ерш - вор, изгнанный из воровской среды, но по-прежнему выдающий себя за такового.
Елочка - пьяный.
Е. зеленая - бывший военнослужащий, отбывающий наказание.

Ж

Жаба - жадный человек; инспектор уголовного розыска; сыщик; летняя танцплощадка, где появляются карманные воры и проститутки.
Жабы - деньги; конвоиры.
Жавер - мужчина.
Жалеть - совокупляться.
Жало - иголки для нанесения татуировок; нож; язык; игла шприца.
Ж. оставить, а яд удалить - обезвредить опасного человека.
Жапо - задний карман брюк.
Жара - безвыходное положение.
Жаргон - вокзал.
Жар-птица - лампочка.
Жбан - голова.
Жебрак - склонный к бродяжничеству.
Жека - финский нож.
Железки - нагрудные знаки, медали, ордена.
Железная дорога - азартная игра в карты.
Железный нос - политработник ИТУ.
Железный фраер - ржаной хлеб.
Железо - коронки, вставные металлические зубы.
Жена - гомосексуалист, удовлетворяющий только одного осужденного.

Женатая - мешанная с чем-нибудь.
Ж. дурь - гашиш, смешанный с табаком.
Женить - обокрасть.
Жених - пассажир, у которого намечается совершить кражу в пути; карманный вор, разрезающий женскую сумочку; потерпевший.
Женский монастырь - камера-одиночка для бывших осведомителей.
Женщина - матрац.
Жердочка - окно.
Жерло - анальное отверстие.
Жечь - выдавать соучастников.
Жженка - самодельная краска для татуировок из жженой резины или пережженного сахара.
Жиган - дерзкий вор; главарь преступной группировки; живущий за счет шпаны.
Жилетка - острый инструмент, впаянный в перстень, для разрезания сумок или карманов.
Жирная кожа - бумажник с деньгами.
Жирный - богатый.
Жить порожняком - иметь авторитет у заключенных.
Жить у хозяина - отбывать наказание в месте лишения свободы.
Жлоб - бережливый, жадный; крестьянин.
Жопник - задний карман.
Жоржик, жох - мошенник.
Жохом ходить - остаться без денег.
Жук - опытный вор.
Жуковатый - знакомый с преступным миром.
Жульбан - вор.
Жульман - безопасная бритва или небольшой нож, инструмент карманного вора.
Жульник - небольшой нож.
Жульняться - мочиться.

3

Забабошный - осужденный, испытывающий привязанность к семье.
Забодать - продать краденое.
Забуреть - зазнаться.
Завалить - предать; избить.
Завалить начисто - убить.
Завалиться - попасться с поличным.
Завести волынку - уговорить осужденных не работать в зоне.
Завить - продать.
Завиться - убежать, уехать.
Заводиловка - воровской притон; квартира проститутки, где обкрадывается жертва.
За всю мазуту - отомстить за все обиды. Завязать наглухо - отойти от преступной среды.
3. звонок - убить собаку, охраняющую объект.
Загарцованный - несовершеннолетний, нарушающий режим содержания.
Загасить - уйти от расправы сокамерников в изолятор.
Загостить - спрятать, обмануть.
Загрантовать - ограбить.
Загреметь - быть задержанным с поличным.
Задвинуть - совершить половой акт; солгать.
Задвинуться - вколоть себе наркотик.
Заделать - избить, убить; украсть.
3. козу - подвести товарища; помещать в какомлибо деле.
3. по соннику - обокрасть спящих.
3. хату - совершить кражу из квартиры.
Заделье - воровская свадьба.
Задний мост - женские ягодицы.
Задняк - задний карман брюк.

Заимка - карцер.
Зайти - арестовать.
З. не в свою хату - попасться с поличным и быть арестованным или осужденным.
Зайчики - спички; ключи; огонь.
Закалечить - избить пьяного и ограбить.
Закацать - надеть наручники.
За кирпичный забор - расстрел.
Закозлить - донести, настучать.
Законник - вор, соблюдающий закон, признанный другими ворами.
Законно - хорошо, договорились.
Закосить - притвориться больным, увильнуть от работы в зоне или бараке.
З. пайку - обмануть раздатчика пищи в колонии и полнить вторую порцию.
Закоульщик - грабитель-гастролер.
Закоцать - пометить.
Закрыться - попасться.
Закумарить - употребить наркотик.
Закурковать - спрятать.
Закурочить - надежно закрыть дверь.
Замазанный - находящийся под наблюдением работников милиции.
Замазка - взятка; действие, производимое для отвода глаз.
Замалинить - усыпить жертву наркотиком, а после обворовать или изнасиловать ее.
Заманиха - женщина, заманивающая мужчин в укромное место, где их грабят ее сообщники.
Замарчить - надежно спрятать; убить и похоронить жертву.
Замарьяжить - обокрасть клиента, совершив с ним половой акт.
Замерзнуть - притаиться, прервать временно связь с сообщниками.
Замести - убрать с дороги; задержать; арестовать.
Заметано - договорились.
Замок - серьги.
Замотать - выбросить при расследовании.
Замужрить - сообщить какие-либо сведения.
Замутить - усложнить, накалить обстановку.
Замутить - заварить крепкий чай.
Заначка - тайник, часть добычи.
Заникилироваться - зазнаться.
За ниткой - за границей.
Заныкать - спрятать.
Занюханный - замухрышка.
Западло - нельзя, табу тюремных понятий.
Запалить - украсть; предать.
З. зенки - насторожиться.
Запариться - забыть.
Запарка - ошибка.
Запасать - видеть.
Запасти - высмотреть работника милиции, ведущего слежку.
Запевать паровозом - идти по делу в качестве главаря.
Запеть - заговорить, начать оправдываться.
Запечатанная - девственница.
Запивохин - алкоголик.
Записать - зарезать.
Записаться в мужики - перестать вести преступную жизнь и начать работать.
Записки - спички.
Заплыть по новой - получить новый срок.
Запороть - зарезать.
Запороть косяк - нарушить правила, которых придерживается большинство.
Запороть медведя - вскрыть сейф.
Заправлять - говорить неправду, вилять в разговоре.

Запрессовать - оказать давление.
Запулиться - войти без разрешения.
Запылить - быстро уйти.
Запятнанный - украденный.
За речкой - далеко от дома.
Зарисовать - запомнить внешность.
Зарулить - поговорить.
Зарыться - попасться с поличным.
Зарядить - умело соврать.
Засветиться обнаружить себя и стать объектом наблюдения милиции.
Засвистеть - показать что-либо.
Засечь - заметить.
Засмолить - застрелить.
Засобачить - обыграть, отравить, убить.
Засохнуть - замолчать.
Застегнуть - расстегнуть пуговицы пальто при карманной краже.
З. пуговицу - вовлечь в шулерскую игру.
Застеклить - выставить стекло в оконной раме.
Застопорить - остановить жертву и ограбить.
Застремать - вовремя увидеть постороннего.
Застрять - попасться с поличным.
Застукать - задушить; поймать на месте преступления; убить.
Засуха - просьба к вольнонаемному, работающему в ИТУ.
Засыпать - выдать кого-либо; предать.
Затемнить - ударить по голове, чтобы жертва потеряла сознание; убить, ударив по голове тяжелым предметом; спрятать труп жертвы.
Затереть бузу - затеять скандал.
Затирать - уничтожать следы преступления; уговаривать поменяться документами; уговаривать поменяться именем и фамилией.
Заточенные стары - меченые карты.
Затрюмовать - поместить в ШИЗО, ИВС.
Затыкивать - отвлекать внимание жертвы при карманной краже, толкая ее.
Затыривать - совершать карманную кражу.
Затырить - спрятать.
Затырка - тайник.
Захамничать - не отдать взятые в долг деньги или вещи; не отдать проигранное.
Захар - благородный поступок; обман администрации ИТУ; из ряда вон выходящий случай; фокус.
Захарчованный чудак - человек, который выдает себя за знатока.
Захать - сидеть в ИВС, ШИЗО.
Захватить - забеременеть.
Захезанная малина - притон воров или наркоманов, ставший известным работникам милиции.
Захезанный - замазанный калом.
Захлопнуться - закрыться; остаться на месте кражи, не имея возможности выйти из помещения.
Заход - принятие пищи; потребление разовой дозы наркотика.
З. гнилой - хитрый подход.
З. с севера - задавать неприятные и опасные вопросы.
Заходить с севера - задавать изобличающие вопросы.
Захомутать - поймать; поставить в зависимость.
Захороводить - уговорить.
Зачалить - поймать.
Зачахшие колеса - спрятанный пистолет.
Зачирикать - начать давать показания.
Зачуханить - подавить, унизить сокамерника.
Зачухованный - неопрятный, неряха.
Зашел не в сою - попался в руки правосудия.

Зашиться - попасться с поличным.
Зашухерить - предать, проболтаться на допросе.
Звездохватанный - умный, толковый заключенный.
Звездохват - удачливый вор.
Звенья - стекла в оконной раме, посуда.
З. вставить - выставить стекла и проникнуть в помещение.
Зверек - пистолет; мужской половой член; мужчина нерусской национальности.
Звон - разговор; ученик вора; язык.
Звонарь - болтун; собака; телефон.
Звонит звонок - собака лает.
Звонить - говорить попусту; говорить неправду; разглашать воровские тайны; распускать вздорные слухи.
З. бузу - отбывать наказание полностью, весь срок.
З. в квартиру - раздавить на стене камеры клопа.
Звонок - конец срока.
Згол - насмешник над начинающими ворами.
Здрючить - снять одежду с жертвы при грабеже.
Зебра - жалюзи на окнах камеры.
Зеленая конференция - пьянка в лесу; воровская сходка.
Зеленогий - самовольно вернувшийся из ссылки на прежнее место жительства.
Зеленые - воровская группировка (масть), не признающая никаких норм поведения.
Зеленый прокурор - весна.
Зелень - начинающий воришка.
Зелятор - татарин.
Земко - внимательно.
Землянуть - лишить воровских прав по решению сходки.
Земчить - обижать.
Зима - финский нож.
Зимагор - бродяга; представитель общественности.
Зимние рамы - очки.
Змееныш - худощавый, ловкий вор-подросток, проникающий в помещение через форточку.
Змей - болезненно самолюбивый человек; вредный человек; открыто доносящий на сокамерников администрации ИТУ; вор.
З. по кушу - постоянно имеющий свою долю в преступлении, совершенном группой, в которую он входит.
Змейка - браслет; удавка; перепродажа краденого; пригородный поезд, электричка, трамвай; тонкая стальная пилка или волосок карманных часов, которыми перепиливается решетка камеры.
Змея - веревка; закон; удавка; поезд.
З. плывет (тащится) - поезд подходит к перрону.
Знаки - деньги.
Знать музыку - понимать воровской жаргон.
Зной - рана.
Зола - неудача.
Золотарь - ювелир..
Золотая тырка - очень неудачная кража.
Золото - ружье.
Золотой столик - место, где в колонии играют в карты на интерес.
Зонт - проникновение в помещение через дыру в потолке.
Зуб - ложка.
Зубарик, зубатый, зубастый, зубатик, зуботычка прокурор.
Зуботычка - инспектор уголовного розыска.
Зырянка - финский нож.

И

Иван - бродяга, скрывающий свое имя; главарь преступной группировки, скрывающий свою фамилию, имя и отчество. .

И. Иванович - прокурор.

И. с Волги - дерзкий хулиган.

И. тоскун - желудочная боль от плохой пищи.

Игла - нож; шприц.

Игловой - наркоман.

Играет гармонь - собака лает.

Игра на гитаре - совершение полового акта; взламывание сейфа с помощью специального воровского инструмента - гитары.

Игра на глаз - игра краплеными картами.

Игра на заминку - картежная игра, в которую незаметно заманивают жертву.

Игра на сигналы или на телеграф - игра в карты, когда соучастник подает условные знаки.

Игра в складку - игра со сложенной в нужном положении колодой карт.

Игра на счастье - игра в карты без шулеров.

Игра на три косточки - игра в карты на жизнь другого человека. Проигравший должен его убить.

Игра на щуп - игра краплеными картами, на которых метки прощупываются пальцами.

Игра под очко - игра, когда с проигравшим совершается акт мужеложства. ,

Играть на баяне, пианино, рояле - дактилоскопироваться.

Играть на скрипке - распиливать решетку в камере.

Играть по пятому номеру - симулировать психическое заболевание.

Игровой - активный игрок в карты.

Игрок - шулер.

Игрушка - пистолет; мужской половой член; сожительница.

Игрушки - деньги, выигранные шулером.

Идейный - придерживающийся воровских обычаев и традиций.

И. вор - соблюдающий все воровские правила поведения и традиции.

Идол - человек, связанный с преступным миром.

Идолы - зубы.

Идти в благородную - не сознаваться в содеянном.

Идти менять судьбу - бежать из мест лишения свободы.

Идти слушать кукушку - бежать из заключения.

Идти со звездой - идти ночью.

Иждивенец - выполняющий вспомогательные функции в преступной группе.

Избач - квартирный вор.

Извозчик - шофер; осужденный за дебош и постоянные истязания жены. Изгнать в железный ряд - лишить по решению воровской сходки прав "честного вора".

Из Волги приехал - беглец.

Изенбровая бикса - симпатичная девушка или женщина.

Измена катит - излишняя подозрительность, состояние после принятия наркотиков.

Икона - правила внутреннего распорядка в ИТУ.

Икряный - богатый.

Икряный гонец - имеющий при себе для продажи значительное количество наркотиков.

Индия - штрафная камера в тюрьме. ШИЗО в колонии.

Индюк - пожилой мужчина, имеющий при себе крупную сумму денег и ищущий успеха у проституток; участковый инспектор.

Индюшка - индийский чай.

Интеллигент - осужденный за должностное преступление.

Ира - Уголовный кодекс.

Ирик - старик.

Иричка - старуха.

Искать хорька - подыскивать объект для совершения полового акта. Искатель - не занимающийся общественно-полезным трудом, склонный к бродяжничеству.

Исключка - уничтожение материальных ценностей во время волнения в колонии.

Испечься - проиграться.
Исповедь - откровенный разговор на допросе; написание объяснительной записки.
Ишчан - опытный вор.

К

Кабала - долг.
Кабан - автобус.
Кабе верхний, кабе нижний - взлом потолка или пола при краже.
Кабур - проникновение в помещение через сделанный подкоп.
Казак - контролер по надзору в ИТУ; вожак преступной группы.
Казанюк - револьвер.
Казака клеить - уговаривать контролера ИТУ.
Казать масть - дать понять, к какой воровской группировке принадлежишь; показать краденую вещь, чтобы определить ее стоимость.
Казачий атас - момент, когда у владельца отнимается вещь.
Казна - тюремная одежда.
Каин - скупщик краденого.
Как богатому налить - сильно избить коголибо.
Калач - большой висячий замок.
Калган - голова.
Камелия - красивая проститутка.
Камень - тайна.
Камса - несовершеннолетняя, вовлекаемая в преступную группу.
Канарейка - милицейская машина.
Капать - идти; выдавать себя за другого.
К. в помойку - идти в столовую.
К. на хвосте - следить за кем-либо.
К. по делу - привлекаться к ответственности за преступление, совершенное в ИТУ.
Канва - записка, тайно переданная из мест заключения; документ.
Кандей - карцер, ШИЗО.
Канитель - драка; арест, задержание; спор.
Канителить - избивать.
Канифоль - дешевая вещь, выдаваемая за дорогую, обман; беспредметный разговор; ерунда; гашиш низкого качества, выдаваемый за высококачественный.
Кантовать бревно - оказывать помощь карманному вору, поворачивая жертву таким образом, чтобы ее легче было обворовать.
Кантоваться - симулировать болезнь, чтобы уклониться от работы в бараке или зоне.
Капуста - деньги.
Карандаш - лом; нож; подхалим.
Карась - богатый клиент; жертва, потерпевший.
К. бушкатый - осужденный за битье жены.
К. потворный - половой садист.
Караулки - глаза.
Картинка - красивая вещь; удачная кража; подлинный паспорт.
Картинки - игральные карты; порнографические фотоснимки; статьи Уголовного кодекса, по которым осужден преступник.
Корячиться - испытывать боль или лишения.
Катать - играть в азартные игры; обыгрывать.
Катать шары - собирать порочащие сведения.
Кататься - совершать карманные кражи в городском транспорте.
Кате передать такое-то количество поцелуев - просьба выслать такое-то количество чего-либо.
Катить - ехать, идти.
К. дальше - продолжать.
Катить масть - испытывать удачу.
Катюха, катюша - кодеин.

Кацы - рабочие ботинки.
Качалова - крупный спор.
Качай воду - иди, куда посылают.
Качаться - находиться в местах лишения свободы.
Качаться в киче - находиться в местах заключения, под следствием.
Качнуть - коллективно обсудить осужденного.
Каша - мешок, торба; толпа; чай.
Кашалот - обжора.
Квас клюквенный - кровь.
Квас пускать - наносить раны.
Келдым - дом, общежитие; притон.
Кемель - летний головной убор.
Кент - друг, надежный соучастник.
Кеша - передача в камеру изолятора.
Кешарь, кеширь - передача арестованному, который еще не осужден.
Кивала - народный заседатель.
Кивать гривой - соглашаться, поддерживать чьето мнение.
Кидануть - не вернуть взятое в долг, обокрасть.
Кидать - грабить.
К. на решетку - кричать в окно камеры: "Тюряга, дай кликуху".
Кидняк - афера, трюк, уловка; веши, переброшенные в зону ИТУ через основное заграждение.
Кипеш, кипиш - галдеж, шум, драка.
Кирпич - контролер по надзору за осужденными; форточка двери камеры; бриллиант.
Кисляк - хмурое, угрюмое выражение лица.
Китобой - бандит.
Кича - изолятор.
Кичман - дисциплинарный изолятор в ВТК; тюрьма.
Кишер - мешок.
Кишка - обжора.
Кишки - краденые или проданные вещи.
Кишлак - тюрьма.
Кишмиш - наркотики.
Кладка - тайник.
Клеить - воровать, уговаривать.
Клизма - внушение, разнос; женщина, не привлекательная в сексуальном отношении.
Клинья воровать - сделать вид, что согласен.
Клопа давить - выключать свет; ничего не делать, спать.
Кляуза - галстук.
Кляузник - карандаш.
Кнацать - наблюдать, смотреть.
Кнокать - признавать чье-либо превосходство.
Кноцать - угощать.
Князь - вор-рецидивист.
Кобел - активная лесбиянка.
Кованая - меченая колода карт.
Ковырнуть - обокрасть; ударить.
К. скок - совершить крупную кражу.
Ковырялка - женщина, занимающаяся мастурбацией; лесбиянка.
Ковырять серьгу - взламывать замок.
Коза - корзина.
Козел - велосипед, мопед; доносчик; недруг; проданный, сотрудничающий с администрацией.
Козлодерка - комната для контролеров ИТУ; помещение, где производятся обыски осужденных; место в бараке, где совершаются акты мужеложства между осужденными.
Козлятник - учитель воришек.
Козырный - авторитетный лидер.

Козья секция - такое название у осужденных получила секция профилактики правонарушений - СПП. Все объединения из осужденных активистов.
Кокнар, кукнар - размельченные головки опийного мака, подготовленные для приготовления настоя; настой опийного мака; сушеные головки опийного мака; общее название наркотиков.
Кокнуть - убить.
Колбаса с глазами - селедка.
Колеса - сапоги; таблетки наркотиков.
Колонуться - рассказать правду.
Комиссар - мошенник, выдающий себя за работника милиции.
Конверт - гроб; тюрьма; камера; узел с вещами.
Кони - сапоги, рабочие ботинки; трудолюбивые осужденные.
Кони бросил - умер.
Кони-мони - модные туфли.
К. шаркнул - умер.
Копить - пугаться.
Конт - инструмент для вскрытия сейфов.
Контора - помещение РОВД, ГОВД; притон.
К. на хвосте - берегись: рядом работник милиции, контролер ИТУ.
Концы - ножницы.
Конь - нитка или бечевка, с помощью которой передают записки или небольшие предметы в другую камеру.
Конюшня - преступная группа.
Кормило - повар в ИТУ.
Кормить - быть арестованным.
Короб - живот.
Коробка - пароход; пассажирский поезд.
Коробочка - способ съемки колоды карт под определенную карту; камера.
Короед - несовершеннолетний преступник.
Короедка - ВТК (воспитательно-трудовая колония).
Король - содержатель притона.
Коротень ход - игра в спички.
Коридором водить - говорить неправду, обманывать.
Косить - симулировать; выдавать себя за простака.
Космач - недоразвитый, дурак.
Косматый - главарь хорошо организованной преступной группы.
Костогрыз - плохой вор.
Костыль - порция хлеба.
Кость - симулянт.
Костюм - гроб.
Косяк - повязка на рукаве у осужденного-активиста.
Косячок - самокрутка, начиненная гашишем.
Кот - сутенер.
Котлетки - деньги в банковской упаковке.
Котлы - часы.
Кофееза - кофе.
Коцаный - меченый.
Коцы - валенки с обрезанными голенищами.
Кочегар - активный гомосексуалист.
Кочерыжка - обрез.
Кочет - пассивный гомосексуалист.
Кочка - о. Сахалин.
Кочумарить - дремать.
Кошатник - квартирный вор, проникающий в помещение через форточку.
Крантик - смертный приговор, вынесенный воровской сходкой.
Кранты - задержан или арестован; конец надеждам.

Красная шапочка - бывший вор в законе; воровская группировка, не признающая "закона" и нарушающая режим в колонии; осужденный за мужеложство; пассивный гомосексуалист; демобилизованный из войск МВД солдат; член коллектива осужденных.

Красноперый - солдат внутренних войск.

Красный товар - золотые, драгоценные вещи.

Крах - опустившийся человек; соучастник, берущий себе значительную часть добычи.

Крест - больничный лист, освобождение от работы; конец, смерть.

Крестить - судить.

Крестьяне - вши.

Кречет - гомосексуалист.

Кривой - нож.

Крик - разговор.

Крикун - наемный поджигатель.

Критикесса - водительница такси.

Кровняшки - продукты питания в ИТУ.

Кровь - убийство; деньги, находящиеся у жертвы.

К. носом пошла - расчет с обыгранной жертвой.

Крокодил - поезд.

Крот - делающий подкоп.

Кругом, бегом - рассчитаться с карточными долгами.

Кружить - иметь половую связь с несколькими женщинами одновременно.

К. напропалую - увлечься женщиной, забыв все на свете.

Крутиловка - операция по задержанию преступников.

Крутить - распоряжаться; допрашивать; расследовать.

Крутить восьмерки - отбывать наказание.

К. вола - обманывать.

К. кино - думать, вспоминать.

Крученый - отчаянный, бедовый.

Крылатый - лицо, подозреваемое в гомосексуализме.

Крыса - начальник ИВС; несовершеннолетняя проститутка; совершающий мелкие кражи из тумбочек осужденных.

Крысятник. - мелкий воришка, совершающий кражи съестного из подвалов.

Крытая, крытка - тюрьма.

Крыша - безвыходное положение; наружный карман; ПКТ - помещение камерного типа; бандитское прикрытие.

Крюк - половой член.

Крючок - надзиратель, милиционер, участковый инспектор.

Ксива - записка, письмо; документ, удостоверяющий личность.

Кукарешник - изолятор ИТУ.

Куклам - преступник, живущий по чужому паспорту.

Кукуруза - мужской половой орган.

Кукурузник - гомосексуалист.

Кукушка - осужденный, помогающий администрации ИТУ; постовой милиционер, сторож, часовой.

Кулик - револьвер.

Куликать по-свойски - говорить на воровском жаргоне.

Кум - оперативный работник в ИТУ.

Купеческий чай - крепкая заварка чая.

Купить - обмануть; украсть.

Купчиха - вошь.

Куражный - богатый, веселый, хмельной.

Курковать - прятать.

Курятник - спальное место во втором ярусе.

Кусок - контролер-прапорщик; мелочный человек.

Кусок карты - пачка папирос "Беломорканал".

Кусочник - мелкий воришка.

Кустарь-одиночка - мошенник-рецидивист.
Кучер - вор.
Кучерявка - удача.

Л

Лаба - музыка.
Лабаз - магазин.
Лав, лавы, лавешки, лавьев - деньги.
Лавье стычет - денег очень много.
Лакша - полная неудача.
Лакши - игральные карты.
Лакшут - домино.
Лансы - брюки.
Лантухи - краденые вещи.
Ланцех - цепь.
Ланцы - комплект красивой одежды или вещей.
Лапа - взятка; чай.
Лапка - доля помощника шулера.
Лапки - клещи.
Лапоть - плитка чая; одежда.
Л. плести - совершить побег.
Лапца - лицо.
Лапша - обмен; ремешок или цепочка для часов; уголовное дело.
Ласты - ноги.
Ласточка - проститутка.
Лахман - прощение карточного долга.
Лебедь - пьяный.
Лебедяжник, лебежатник - ворующий у пьяных.
Легкая - доступная женщина.
Лед - сахар.
Лепа, лепеха, лепень - рубашка; костюм.
Л. разбитый - пиджак и брюки от разных костюмов.
Лепень - пиджак.
Лепила, лепило - медицинский работник ИТУ.
Лепить - говорить неправду.
Л. горбатого - обманывать.
Л. горбатого к стенке - выдавать себя за другого; играть другой картой.
Леха - потерпевший, приехавший из сельской местности.
Лещ - пьяный; хитрец.
Леща кинуть - ограбить пьяного.
Леща давить - уступать требованию воров.
Ливер - наблюдение; предупреждение об опасности при совершении преступления; простак; печень.
Лимонить - не возвращать проигранного.
Линкин - фальшивый документ.
Липа - подделка.
Лира - гитара.
Листики - игральные карты.
Литерка - прислужник вора.
Лишак - беглец из поселения или ссылки; лишение прав вора по решению сходки.
Ловить сеанс - подсматривать за женщиной.
Ложкарь - повар в ИТУ.
Ложкомойник - осужденный, работающий в посудомойке.
Ломануть - украсть.
Ломать - вытаскивать; проверять.

Л. ксивы - проверять документы.
Л. проблемы - спорить.
Л. вязы - переломить позвоночник.
Ломать - бежать.
Ломиться - бежать, идти на вахту.
Ломись - уходи.
Ломка - мошенничество; проверка документов.
Ломом подпоясанный - особая масть (каста), близкая к беспределу.
Ломота - побои, избиение.
Ломщик - мошенник.
Лопаря - летняя обувь.
Лох - разиня; потерпевший.
Лохматая кража - изнасилование.
Лохмотник - оборванец; участковый инспектор.
Лохмач - дружинник, активист ИТУ.
Лошади - сапоги.
Лунатик - грабитель-одиночка.
Люди - воры.
Л. беспредельные - хулиганы.
Лягавка - уголовный розыск.
Лягавить, лягать - выдавать соучастников, доносить на кого-либо.
Лягавый буду - клятва преступников.
Лялька - женщина легкого поведения.

М

Маз - главарь шайки.
Маза - заступничество; поддержка; круговая порука.
Мазать - бить; давать взятку.
Мазурик - карманный вор.
Мазута - жир, масло; тушь для нанесения татуировок.
Мазть - "квалифицированный" мошенник; порядок.
Мазью не мазаться - не попадать в неприятные ситуации.
Майдан - вагон, поезд, вокзал, перрон; кусок сукна, расстилаемый для игры в карты; притон, где собираются мошенники; саквояж, чемодан.
Майданник, майданщик - вор, орудующий в поездах и на вокзалах; осужденный, тайно продающий наркотики и спиртные напитки.
Майдануть - совершить кражу на вокзале или в поезде.
Майло - лезвие безопасной бритвы.
Макар - неизвестный преступник.
Макара - хлеб.
Маклак, маклан - скупщик граденого.
Маклер - поддельные справки, чеки, редко - деньги; пособник спекулянту, набивающий цену товару.
Макли навести - совершить сделку; обменяться мнениями.
Макля - осужденный, обменивающий даже свою одежду на наркотики.
Маклянуть - обменяться чем-либо.
Макнуть - удушить в воде, утопить.
Максим - добродушный; камерный шут.
Малина - группа воров одной "профессии"; притон.
М. разначена - притон раскрыт.
Малыга, малыха - человек низкого роста.
Мальчик - ключ.
Мальчики - отмычки; пальцы.
Малютка - вор, принятый в воровскую семью и с этого момента считающийся вором в законе.
Мара - женщина легкого поведения.

Марафет - внешний лоск; кокаин.
Марвихер - неисправимый вор.
Марка - носовой платок; автобус; трамвай; троллейбус.
Марцефаль - конфликт.
Маршал - бригадир в колонии.
Маршрут - мешок с продуктами у беглеца.
Маслята - патроны.
Масол - военный; худой.
Масолка - шинель.
Мастак - шулер.
Мастер - искусно подделывающий подписи; квалифицированный вор, пользующийся авторитетом в своей среде.
Мастернуть - нанести ножевое ранение.
Мастевый - пассивный гомосексуалист у несовершеннолетних.
Мастырить, мастрячить - делать.
Мастырка - нанесение себе повреждений, чтобы уклониться от работы; папироса, начиненная гашишем.
Маяк - сигнал об опасности; фонарь; надежная квартира.
Мебель - сообщники шулера, принимающие участие в игре для увеличения числа партнеров; драгоценные вещи.
Медведь - несгораемы и шкаф, сейф.
М. взять на аркан - вывезти несгораемый сейф.
Медвежатник - взломщик сейфов.
Мелодия - РОВД-ГОВД.
Менжеваться - бояться.
Мент, ментяга, ментяра, метелка - милиционер; контролер в зоне; надзиратель в колонии.
Мента - назад.
Месяц черный - задний проход.
Метать - есть; играть в карты; обманывать.
М. взапуски - пользоваться специально подготовленной колодой карт.
Метла - язык.
Метро - подкоп.
Мешок - изолятор, одиночная камера.
Мигнуть - сказать, сообщить.
Могила - ИВС; ночлежка; сохранение тайны; суп в тюрьме.
Мозоль - колхозник.
Мокро - опасно.
Мокрое дело, мокрота, мокруха - убийство, связанное с кровопролитием.
Мокрый грант - грабеж с кровопролитием.
Молитва - доклад; лекция; наставление старшего конвоира перед выходом осужденных из зоны.
Молоко - деньги.
Мосол - худощавый человек; кость.
Мотороллер - половой член, в головку которого вставлено кольцо или шарики.
Мотя - доля краденого.
Мочегон - нож.
Мочить - избивать; убивать.
М. рога - отбывать наказание.
Мошня - портфель.
Мужик - работающий заключенный, не сотрудничающий с администрацией.
Музыку знать - понимать воровской жаргон.
Музыкант - знающий воровской жаргон,
Мукирь - колхозник.
Муравей - карманный вор.
Мусор - работник милиции.
Мусор цветной - прапорщик; военнослужащий ВВ; осужденный, состоящий в СПП.
Мутило, мутиловка - назревший конфликт.

Мутить - создавать нервозную напряженную обстановку.
Мутовка - избиение.
Мутный - подозрительный человек.
Муть - ложное обвинение; неправда.
Муха - пуля.

Н

На белом - ехать на теплоходе.
На бздюм - вдвоем.
На бить - подать идею.
Набить картинку (картак) - нанести татуировку.
Наблатоваться - завести полезные знакомства; научиться разговаривать на воровском жаргоне.
На блат продать - продать, признавшись, что вещь краденая.
Наблындить - вытащить из кармана кошелек.
Набойка грязная - адрес, где можно купить наркотики.
Набойщик - соучастник.
Набор костей - кисть руки.
Набушмаченный фраер - человек, знающий воровские обычаи, но не принадлежащий к ворам.
Наводка, наколка - указание на выбранный объект преступления.
Наворачивать - воровать.
Надыбать - обнаружить, присмотреть.
Н. на дело - выбрать объект для кражи.
На зимовку - шулерская игра в карты, в которую втягивается жертва.
Наказать - поставить на заметку; обокрасть.
Н. вслепую - проговориться на допросе.
Накатить - подавить человека с целью подчинить себе.
Н. телегу - написать жалобу прокурору.
На катушках - не в меру бойкий.
Накидняк - висячий замок.
Накидыш - нож с выкидным лезвием.
Накить - тюремная "аристократия".
Накладные - специально подобранные шулером карты.
Наколка - выбор объекта для кражи; татуировка; незаметная пометка иглой на игральной карте.
На кресту сидеть - освободиться от работы, получив больничный лист.
На кукане - под наблюдением.
Налево - незаконно; лишить жизни.
Намордник - административный надзор; козырек на окне ИВС или камеры; лишение или поражение в правах; кепка с большим козырьком.
Намотать - определить срок наказания; заразиться венерическим заболеванием.
Напарафинить - оклеветать.
Наплести лапти - совершить побег из-под охраны.
Наплести веревки - наговорить лишнего на допросе.
На понт - обмануть, опутать.
Натягивать провода - устанавливать связь с преступниками, находящимися на свободе.
Наступить на хвост - обидеть.
На уши поставить - ограбить; все перевернуть.
Нахал - троллейбус.
Нахаловка - незаконное обвинение невинного.
На халяву - участие в дележе без участия в деле.
На характер - играть на слабую сторону жертвы.
Наховирка - драгоценные камни.
Нахрапок - задушить.
Находиться на подносе - истратить все деньги.
Начка - тайник.
Начудить - совершить неудачную кражу.

На шарманку, на шаромыжку - за чужой счет.
Нашкодить - убить при краже.
Нашпигованный - знающий много секретов.
На шушу - кража у лиц, разговаривающих на улице.
Небо - полоток в камере.
Невод - решетка на окне.
Невестка - подушка.
Невкипишь, невхипишь - незаметно; осторожно.
Не вписать - не лезь, куда не надо.
Не впрягайся - не лезь не в свое дело.
Не в сознанке - в состоянии душевного волнения (не в себе); без сознания; ничего не знает.
Не вячит - нет ничего.
Недочет - любой воровской инструмент.
Не крутить планты - не надоедать с вопросами.
Не лакшить - не понимать.
Нелепуха - обман при игре.
Не обрыбится - не выйдет, этот номер не пройдет.
Не понтуй марьяной, она локшовая - не хвались морфием, это фальсификат.
Не понтуйся - не хвастай; не бравируй.
Не свети - не выдавай никого на допросе; не подходи, опасно.
Несчастье - огнестрельное оружие.
Нетряк - наган.
Нет табаку - взять кошелек.
Нефеля - остаток густозаваренного чая.
Нечем крыть - запутаться на допросе.
Нечистый - заключенный, выполняющий грязную работу.
Нинча - проститутка.
Нистяк, нищак - все в порядке; все будет хорошо.
Ништяк - отлично, хорошо; приятно.
Нищало - корзина с вещами.
Ноги щупать - готовиться к побегу.
Номер не оторвется - задуманное не исполнится.
Нора - жилье, прибежище.
Норд-зеке - кончать работу.
Нормальный ход - все в порядке.
Носить крест - принадлежность к преступному миру.
Носом кровь пошла - обыгранная жертва расплачивается.
Нотный - хитрый.
Ночник - кража ночью.
Нутряк - внутренний замок; внутренний карман.
Нухгир - получающий долю от крупных карманных краж.
Ныкать - прятать.
Нюхать - проверять; узнавать.
Нямлить - понимать.
Няня - хлеб.

О

Обжать - выпросить; отнять; обделить.
Обесцененный - ограбленный.
Обзовись! - Поклянись!
Обиженный - заключенный, с которым насильно совершили акт мужеложства.
Обкатать - приручить к воровскому миру.
Облопаться - попасться с надеждой на освобождение.
Оборваться - уйти от преследования.
Оборзеть - обнаглеть.

Оборотень - находящийся на нелегальном положении, скрывающий свое настоящее имя.
Облезаться - струсить.
Обшаманить - обыскать.
Общак - общая касса, еда, табак для помощи в зоне и на воле; общий режим в ИТУ.
Объявление - висячий замок на двери.
Обыграть в дармовую - обыграть в карты.
Овес - деньги.
Овца - неавторитетный, слабовольный.
Оголец - несовершеннолетний преступник.
Огонек - квартира, в которой собираются для игры в карты; спички.
Огонь - ворующий у сокамерников.
Огоньки - бриллианты.
Огрести целиком - получить самую высокую меру наказания за содеянное; полностью отбыть наказание.
Одер - деревенский мужик.
Одеяло - паспорт.
Один - кол.
Один на льдине - воровская масть; вор-одиночка в колонии.
Околеванец - смерть.
Окопаться - замолчать, прекратить разговоры.
Окорока - надежно спрятанные вещи; меховые вещи.
Окошко братское - карта достоинством шесть.
Окресть - изменить имя и фамилию.
Окрестить Джека - соскоблить выгравированную надпись на краденой вещи.
Окреститься - лишить прав по суду.
Описать фраера - разрезать одежду и совершить кражу.
Опарофинить ~ оклеветать.
Опомойничать - заставить осужденного убирать туалет, выносить помои и т.д.
Оправилы - документы, удостоверяющие личность.
Определить - арестовать, задержать; продать чтолибо.
О. с бутором - задерживать с краденым.
Определиться к хозяину - попасть в место заключения.
Опустить в шурф - лишить воровских прав.
Опутывать - обманывать.
Орехи - патроны.
Орел - бежавший из мест лишения свободы.
Оритка - письмо; проездной билет.
Освежить скотину - зарезать человека.
Осесть на глубинке - временно прекратить преступную деятельность.
Отваливать - отдавать часть краденого; уходить, не закончив кражу.
Отвернуть, отвертеть - украсть.
Отдакнуть - дать.
Отдать визит - пойти к соучастнику.
Отдуваться - объясняться.
Отдуплиться - угостить папиросой, начиненной гашишем, а затем за это совершить акт мужеложства.
Отжать - взять вину на себя.
Отжарка - присвоение части краденого.
Стирка - письмо.
Отказчик - осужденный, отказывающийся работать.
Отказывать - отговаривать; отпирать замок.
Отчаянный - случайный преступник, ворующий из нужды.
Отшивать - взять на себя всю вину и за сообщников.
Отшить - оправдаться.
Отшмонать - отобрать при обыске.
Отыграться - оправдаться; отомстить.

Офицер - шулер.
Оформить - совершить половой акт; обокрасть.
Охмурять - обманывать; уговаривать.
Охмуряться - высказывать неудовольствие.
Охнарик, охнарь - окурок.
Охотиться за клопом - выслеживать и грабить пьяного.
Охотник - инспектор ОРО; нищий-профессионал.
Охча - деньги.
Очкары - проникающие в квартиры через выдавленные окна.
Очкист - ворующий деньги через окно кассы; проникающий в квартиру через форточку.
Очки - документы; комбинации с накладными и банковскими чеками.
О. линковые - паспорт на чужое имя.
О. липовые, темные - паспорт поддельный.
Очко - анальное отверстие; форточка; окно кассы; глазок в двери камеры.
Очко порвать - совершить насильственный акт мужеложства.
Очковаться - бояться.
Очко не железное - попытка оправдаться за трусость.
Ошармачить - обмануть; обокрасть.
Ошары - зубы.
Ошкар - задний карман брюк.
Ошмульнуться - побриться.
Ошпалашить - ощупать.

П

Пад! - будь осторожен!
Падать - входить куда-либо; ложиться спать; садиться.
Падать на хвост - стремление получить что-нибудь на халяву.
Падла, падло - самое унизительное оскорбление.
Пайщик - шантажист, забирающий часть краденого, угрожая доносом.
Пакли - волосы.
Пакевка - не скрывающий своего сотрудничества с администрацией (предатель).
Пакить - выдавать, предавать.
Пакломник - вор, крадущий в магазинах с помощью сообщника, отвлекающего продавца.
Пакуба - прихожая.
Пант - выдавать себя за человека, не принадлежащего к преступному миру.
Панушка, панчушка - человек, не сдерживающий обещания.
Панчук - главарь преступной группы наркодельцов; главарь преступной группы; начальник отряда в ИТК.
Папка - часовой на вышке; тюремный надзиратель; участковый инспектор. Паровоз - преступник, заявляющий, что преступление он совершил без соучастников.
Партак, партач - новичок, не обладающий воровскими навыками; неумеха. Партак, партачка - татуировка.
Партизан - лицо, скрывающееся от следствия.
Паруса - белые стены в помещении.
Поручи - бесхарактерный человек.
Парчук - униженный, опозоренный осужденный.
Парчушка - выдающий соучастников.
Пасовать - избивать.
Пассажир - "лишний человек" в тюрьме и зоне.
П. готовить - искать жертву для шулерской игры, мошенничества.
П. крепкий, целый - жертва, еще не сталкивавшаяся с шулерами.
П. порченый, рваный - жертва, уже сталкивавшаяся с шулерами.
Пасти - следить за кем-нибудь; сопровождать.
Пастух - начальник.

Паук - надзиратель; тюремный ростовщик.
Паутинка - проволока, которой огорожена контрольно-следовая полоса; ювелирное украшение: тонкая золотая цепочка.
Паутину снять - сорвать с шеи цепочку; совершить кражу белья, вывешенного для просушки.
Пахан - глава преступной группы.
П. постели - осужденный, отвечающий за заправку коек.
П. стола - осужденный, отвечающий за уборку стола.
П. пригнал ящик - отец прислал посылку.
Пахлим - пойдем.
Пацан - мальчишка; воспитанник, пользующийся привилегиями; молодой вор, совершающий кражи под руководством опытного вора; молодой вор, совершающий кражи не менее трех лет, - кандидат в воры в законе.
Пацанка - девчонка; молодая воровка, подающая надежды стать опытным "профессионалом".
Пацаны - карты; набор ключей от различных замков.
Пациент - жертва карманного вора.
Почечник - мошенник.
Пек - человек, не знающий, что имеет дело с преступниками.
Пекарня - помещение, где изготавливаются фальшивые деньги.
Педерастка - кепка с большим козырьком.
Пережа - пиджак.
Пенек - стол; неопытный, тупоголовый.
Пенсия - краденые деньги.
Переброс фартовый - удачный переброс через ограждение ПТУ наркотиков.
Перевернуть лицо - узнать настоящую фамилию кого-либо.
Перевести стрелки - отвести от себя подозрение.
Перевод - способ отвлечения подозрения.
Перековаться - поменять обувь.
Перекровить, перекрыть - похитить у вора украденные им вещи.
Перекупить, перетырить - передать украденные деньги своему сообщнику.
Перелом - момент, когда при краже бумажник наполовину вытащен.
Перематросовать - изменить обстановку в комнате.
Перемыть, перепилить - продать краденую вещь;
Переначить - передать; перепрятать.
Переплет - решетка.
Перепулить - передать; перепрятать.
Перетыриться - изменить свой внешний вид.
Перетырка - передача краденого.
Пержик - нож.
Персидский ковер - пол в камере или бараке.
Перстень - замок.
Перхалка, перхоньки - папиросы.
Пес - подозрительный человек.
Петрять по-свойски - говорить на воровском жаргоне.
Петух - радио в камере; педераст - самая презираемая категория осужденных, в отношении которых совершаются акты мужеложства; работник милиции; начальник железнодорожной станции; пять лет лишения свободы.
Петуху хвост крутить - совершать кражи у пассажиров городского транспорта.
Петушок - рука, рукопожатие.
Печатать - совершать акт мужеложства.
Печенка - камень.
Печки-лавочки - предварительный сговор.
Печка - анальное отверстие.
Печник - активный гомосексуалист.
Пешка - нож.
Перка - игла для нанесения татуировок вручную.
Пики - ноги.

Пильнуть - сбыть.
Пиндюша - пьяный.
Пинжа - пять.
Пинуль - мыло.
Пипетка - шприц.
Парик - женские половые органы.
Пирожок - пайка хлеба.
Писать, писануть - разрезать карман жертвы при краже.
Писалка, писка, письмо - лезвие безопасной бритвы.
Письмари - вши.
Пички - пули.
Пишки - гражданская одежда.
Пиши ширму - режь карман!
Пищик - горло.
Пиявки - отмычки.
Плавануть - оказаться задержанным.
Плавать - гастролировать; отбывать наказание.
Плевальник - рот.
Плевательница - пистолет, винтовка.
Плести кружева - убегать, изворачиваться.
Плетануть - соврать; совершить побег.
Плетень - врун.
Плеть купить - бежать из мест заключения.
Плешивый - луна.
Плешка - старик; место сбора воров на улице.
Плешить - сбивать с толку.
Плесом бить - доносить; подхалимничать.
Плевать - сознаваться; выдавать; совершить побег.
Плинта - тюрьма.
Плинтовать - отбывать наказание в местах лишения свободы.
Плиточник - вор, крадущий с прилавков.
Плотный - вор.
Плывет река - поток пассажиров.
Плюнуть - застрелить.
Побагрить - закурить.
Побазарить - поговорить.
Побрить - ограбить.
Побуждать - избить ногами.
Побуцкать - избить за провинность.
Повесить галстук - удавить жертву веревкой или проволокой.
Повестку подать - дать знать о себе.
Повязать - задержать на месте преступления.
Повязочник - активист ИТУ.
Поганка - явная ложь.
Погоняло - кличка, прозвище.
Подбить клинья - добиться расположения у нужного человека.
Подборщик - сообщник шулера.
Подвалить - подойти.
Подвалиться - пристроиться.
Подвесить - ограбить; определить срок лишения свободы; нанести сильный удар по лицу.
Подвод - подготовка к преступлению.
Подводить под срок - обвинять в совершенном преступлении.
Подводчик - лицо, собирающее данные об объекте преступления.
Подворыш - начинающий вор.
Поддеть - воспользоваться ошибкой жертвы.
Поддувало - подхалим; рот.

Поддужный - помощник вора.
Поддыривать - поддразнивать.
Подельник - соучастник.
Под крышей - в ПКТ: помещение камерного типа.
Подкумок (подкушок) - оперуполномоченный.
Подлет - побег.
Подлянка - наивысшая подлость; унижение.
Подмазать - дать взятку.
Подмастерье - лицо, подделывающее подписи.
Подмутить - спровоцировать скандал и избить жертву.
Поднести кулак - заявить в милицию.
Поднять шухер - затеять скандал; дать сигнал об опасности.
Подогнать - передать необходимую вещь.
Подогрев - передача продуктов питания в ИТУ; наркотики.
Подпалиться - попасться на месте преступления.
Подписаться - согласиться на что-либо; взять на себя определенные обязательства.
Подработка - соучастие в краже.
Подрезать - украсть.
Подсадчик - карманный вор; обманщик; халтурщик.
Подсевало, подсеивало - доносчик.
Подсидчик - вор, подменяющий чемоданы; мошенник, входящий в доверие к пассажиру.
Подсказчик - лицо, подыскивающее объект преступления.
Подснежники - дети.
Подсолнух - золотые часы.
Подставка - соучастник.
Подхвост - помощь при краже или сбыте краденого.
Под шары - в милицию.
Подъебириха - тюремная похлебка.
Подъемник - ключ от квартиры.
Подыбать - пойти; посмотреть.
П. сеансы - смотреть на проходящих в зоне женщин.
П. скок - совершить удачно кражу.
Поесть простокваши - совершить побег из ИТУ, но оказаться пойманным. Пожар - беда, гибель; сигнал об опасности; задержание на месте преступления с поличным.
Позекать, позекорить - посмотреть.
Позорник - человек, не оправдавший Доверия.
Позырить - понаблюдать.
Поймать приход - почувствовать наступление наркотического опьянения. Поймать туза - быть осужденным.
Поймать шухер - быть замеченным.
Показать тело - осмотреть врага.
Показухи - ордена, медали.
Поканаться - обменяться.
По канве - по чужому документу.
Покатить - доказать; передать что-либо.
Покидать - подслушать.
Поколоться - признаться на допросе в содеянном.
Покопать - избить.
Покурить осталось - осталось немного, на исходе.
Полукровка - человек, знающий воровской жаргон.
Полуцветник - вор-стажер у опытного вора.
Полуцветный - инспектор ОРО.
Полупрогулка - шестимесячное заключение.
Польский вор - отошедший от воров в законе вородиночка.
Помолиться на икону - выучить правила внутреннего распорядка в колонии.

П. музыке ходить - быть причастным к преступному миру.
Помыть - совершить кражу.
П. фазы - порезать глаза лезвием безопасной бритвы.
Понд - очередь, толпа.
П. нежданке - неожиданно.
Понес - согласен.
Поносить - разрезать.
Пономарить - хвастаться.
Понт - вымысел, уловка, хитрость; прибыль; преимущество.
П. готовить - искать жертву для шулерской игры.
П. бить - возмущаться (с уловкой).
Понташка - фальсификат наркотика.
Понтовать - избивать; обманывать; создавать толкучку; отвлекать внимание окружающих.
Понтоваться - притворяться, удивляться.
Понт наводить - создавать видимость чего-либо.
Понтщики - воры, собирающие мнимым скандалом или дракой толпу зевак, у которых их соучастники совершают карманные кражи.
Понты - душевные волнения.
Попасть за крюк - задолжать; быть зависимым.
П. к дяде на поруки - попасть в тюрьму или колонию.
П. на банк - оказаться задержанным и изобличенным в краже.
По пассажиру стрелять - просить милостыню.
Попахивать скипидарцем - подозреваться в темном деле.
Попка - часовой на вышке.
Пописать очки - порезать глаза.
П. огонькам ходить - совершать кражи в темное время суток.
Пополоскать - избить.
Попутать - задержать; изобличить в совершении преступления.
Попухнуть - попасться.
Порешенный - приговоренный.
Порода - негодяй.
Порожняк - пустой разговор; ничего не значащая или ложная информация.
Поросенок - бумажник или кошелек, набитый деньгами.
Портной - изобличающий на очной ставке.
Поскесить - посмотреть.
Посолить - порезать.
Посонник - вор, совершающий кражи у спящих хозяев квартир.
Поставить - создать условия для совершения преступления; совершить половой акт.
П. на хор - групповое изнасилование.
П. на уши - избить.
Постоянный - лицо, неоднократно отбывающее наказание в одном и том же ИТУ.
Посунуть дудку - украсть огнестрельное оружие.
Посчитаться - сообразить.
Посык - год.
Посыпать - передать.
Посыпуха - сахарный песок.
Потасуха - ссора и драка, в которой принимает участие много лиц (потасовка).
Потемненный - задушенный; убитый.
Потеряться - скрыться; уйти.
Потеть - отбывать срок в ИТУ.
Потолок - наибольшая мера наказания, предусмотренная по данной статье Уголовного кодекса.
Поторговать - обокрасть.
Поторопиться - напиться допьяна.
Потурить - выгнать.
Потырить - украсть.
Пофаныжить, пофантить - покурить.

Пофартило - повезло крупно.
По фене ботать (курсать) - говорить на воровском жаргоне.
По фене петрить - понимать воровской жаргон.
Похезать - сходить, оправиться.
П. на рым - пойти домой.
П. ходу - между делом.
Похоронник - вор, крадущий на похоронах.
Правило - избиение уличенных в предательстве.
Правильная покупка - удачно совершенная кража.
Правильный - настоящий, хороший.
Править - запрашивать цену; красть.
Правок - правый карман.
Прасковья Федоровна - "параша", отхожее место.
Прахоря - сапоги.
Предъявка - документ.
Пресс - пачка денег.
Пресс создать - постоянно ущемлять права определенного лица.
Пресс-хата - камера для выбивания показаний из осужденного.
Преть - попасться с поличным без надежды на освобождение.
П. на киче - отбывать наказание в тюрьме.
Приблатненный (шерстяной) - категория блатных среди осужденных.
Приблуда, приблудка - кинжал, финский нож; оружие вообще.
Прибомбить - приобрести.
Придурок - заключенный, выполняющий легкую работу.
Приземлиться - попасть в колонию или тюрьму.
Прикалывать - рассказывать; веселить, смешить.
Приканать, прикандехать, прикандохать, пришкандылять - прийти.
Прикидываться - обманывать; одеваться.
П. пиджаком - прикидываться простачком, глупеньким.
Прикинуть - ограбить; увидеть, как было совершено преступление.
Приклеить бороду - пообещать и не сделать, обмануть.
Приклеивать - вменять кому-либо преступление, совершенное другим. Приковаться, приколоться - удушить жертву прикладыванием ко рту мягкого предмета.
Приколоть - приблизить, привлечь.
Прикупить - найти слабую сторону в характере; распознать.
Прилуниться - зайти в ресторан.
Примазан - жир, масло.
Примазываться - привлекаться к уголовной ответственности.
Примочка на пуп - самосуд.
Приначить - привести.
Принимать - воровать.
Принц - модно и опрятно одетый человек.
Принять - передать.
Принять лопатник - украсть из кармана бумажник.
Припас - кастет.
Припалить - поджечь.
Припаять - определить высший срок наказания по данной статье. Припечатать (бороду) - обмануть.
Приплыла река - подошел поезд к перрону.
Приправа - нож, опасная бритва, кастет.
Припухать - находиться в местах лишения свободы.
Припухнуть - быть задержанным или арестованным; попасть в какую-либо неприятную историю.
Причал - воровской притон; место, где можно временно укрыться; место скупки краденого.
Причалиться - попасть в места лишения свободы.

Причесать - приласкать, приручить.
Пришвартоваться - надежно устроиться.
Пришить, пригмотить, пришить в доску - убить по решению самосуда.
П. бороду - обмануть, скрыться с краденым.
П. к делу - указать на кого-либо как на соучастника.
Пришиться - присоединиться.
Прищучить - задержать с поличным.
Проба - пачка новых фальшивых купюр.
Пробежаться - совершить карманную кражу.
Пробирей - мошенник, подделывающий пробы и клейма.
Пробить барабан - совершить ночную кражу.
Пробка - выход через подкоп.
Провинтить - прогулять, пропить.
Проволока - пальцы.
Проволока тонкая - ловкий карманный вор.
Проволочь - групповое изнасилование; пронести запрещенные предметы незаметно для охраны.
Прогон - ложная информация; клевета.
Прогордонить - промотать.
Прогулка - минимальный срок лишения свободы.
Прогулять свободу - признаться в незначительном преступлении с целью скрыть более тяжкое.
Продергивать - проходить мимо.
Продырявить аллею - сделать проход в заборе.
Прокол - неудача.
Прокнутить - обмануть.
Пропаганда - продажа.
Пропаль, прополь, пропуль - передача краденого соучастнику.
Прописка - тестирование осужденного, "экзаменовка", набор вопросов на сообразительность, знание уголовных традиций и пр. Выдержавший прописку становится законным обитателем камеры или тюрьмы.
Пропулить - сбыть краденое.
Пропустить - изнасиловать.
Простая рама - отмычка для отпирания внутренних замков.
Простынь - убежал.
Простячка - легкомысленная женщина; мелкая воровка.
Проталкивать - обманывать.
Протянуть фаску - обмануть.
Профортунить - проиграть все до копейки, т.е. отдать фортуне.
Профура - женщина-бродяга.
Профурсетка - проститутка низшего разряда.
Прохоря - см. "Прахоря".
Прохиндей - ловкий мошенник.
Проходит - все удается.
Проходка - прогулка по тюремному двору.
Процесс - групповое совокупление.
Пошел фокусом - неожиданно проскочил.
Прошлепаться - проговориться.
Прялка - велосипед.
Псы - охрана.
Птичка - бестоварная накладная; совок для уборки мусора в камере; часть инструмента, используемого для взлома сейфов.
Птичья водичка - водка.
Птюха - пайка хлеба.
Пуговицу застегнуть - вовлечь в шулерскую игру.
Пуговицу крутить - врать на допросе.
Пуйка - несовершеннолетний, связанный с ворами.
Пулеметы - игральные карты.

Пули - деньги.
Пули заряжать - обманывать.
Пулить - воровать.
Пульвер - свитер.
Пульнуть - передать; посадить в ИВС или ШИЗО.
П. отвод - отвлечь внимание.
Пунем - лицо.
Пунить - говорить вздор.
Пунцовать, пунцовка - заигрывание воровки с жертвой-мужчиной.
Пустить под молотки - избить.
Пустить под сплав - умышленно оговорить; предать.
П. слезу - убить.
П. шмеля - залезть в карман за кошельком.
Пустой - без денег; задержан, но без улик.
Пустота - безденежье.
Пчелки - патроны.
Пчельник - карцер.
Пшеничка - морфий.
Пшеничка желтая - контрабандное золото.
Пыль - мука; доносчик.
Пырять - воровать; уезжать.
Пысоман выджину - доказано.
Пыхвора - базар.
Пыхнуть - принимать пищу.
Пыхтеть - содержаться под стражей, сидеть тюрьме.
Пятак - анальное отверстие; место, где собираются воры и проститутки.
Пятелка - игла.
Пятерня - краденые вещи.
Пятиминутка - лабораторная психиатрическая экспертиза.
Пятнать - ранить.
Пятнышко шоколадное - анальное отверстие.
Пятачок - окурок с остатками гашиша.
Пяту с - пять рублей.
Пятый угол - безопасное место при скандале или драке.
Пять-шесть - испуг.

Р

Работа - преступление.
Р. в долю - брать с собой на кражу помощника, которому выделяется доля.
Р. по рыжью - специализироваться на кражах золотых вещей.
Р. по портянкам - специализироваться на кражах верхней одежды.
Р. с росписью - кража из предварительно разрезанного кармана.
Работнички - пальцы.
Работнуть - совершить кражу.
Работяга - честно работающий осужденный.
Разбежаться - отдать долг.
Разбивать - делить.
Р. понт - расходиться по приказу.
Разбить - вытащить из кармана или сумки жертвы деньги.
Раскачивать - обсуждать на сходке что-либо.
Раскладка - подробное, детальное объяснение.
Расковать - раздеть.
Расколоть - изобличить в содеянном и заставить признаться.
Расколоться - признаться в совершении преступления; выдать соучастников.

Раскручивать - заставлять говорить правду.
Раскулачить сидора - украсть мешок с вещами.
Раскумариться - употребить наркотики или чифир.
Раскурочить - разломать.
Расписаться - порезать лицо бритвой; ударить ножом.
Расписка - лезвие безопасной бритвы или небольшой острый нож.
Расписной - человек, у которого много татуировок.
Распустить парашу - распространить клевету, заведомо ложный слух.
Распрягать - расстегивать пальто жертвы и совершать кражу из карманов пиджака.
Расслабляться - совершать половой акт.
Рассыпуха - чай.
Рвач - грабитель, вырывающий из рук деньги и вещи.
Редиска - ненадежный человек.
Режа, решка - решетка в камере.
Резец - подбор объекта преступления.
Резина - автобус, троллейбус; презерватив.
Резка - обрезание ремешка сумки.
Рейс - знак предупреждения.
Роба - тюремная одежда.
Робасить - воровать.
Рог - тупица.
Р. зоны - председатель совета воспитателей в ВТК.
Рога сшибать - избивать за провинность перед соучастниками.
Рогомет - работящий осужденный.
Родить - раскрыть дело.
Родский - старый опытный вор; главарь воровской группы.
Росомаха - хитрый и бывалый человек.
Россыпь - сумка с орудиями мошенника.
Рота - кличка.
Рукодельничать - заниматься онанизмом.
Рукоятка - кастет.
Рулетка - отмычка.
Руслан - гомосексуалист.
Рухнуть - попасть с поличным.
Рухнуться - догадаться.
Ручной - безвредный, зависимый, выполняющий любой приказ.
Рыба - ловкач, хитрый человек.
Рыбачить - воровать на пляже.
Рыбина - обманщик.
Рыбкин суп - жидкая уха.
Рывошник - вырывающий из рук деньги или вещи.
Рыжа, рыжье - золото.

С

Сабля - дверь.
Саватейник - беглец.
Савостьян - хлеб.
Садильник - автобус, троллейбус, трамвай, транспорт, в котором орудуют карманные воры.
Садить - душить, убивать.
Садка - обстановка городского транспорта.
Салсало рассыпное - соль.
Сам - главарь преступной группы.
Саман - деньги.
Самах - следователь.
Сам-краше - табак-самосад (сам + крошу).

Самовар - консервная банка или металлическая кружка, предназначенная для заварки чая на огне.
Самодуринский - спиртной напиток, в который подмешано снотворное.
Самолюб - занимающийся онанизмом.
Самородок - домработница; вор из числа обслуживающего персонала гостиницы.
Санакуни - золото.
Санжировать - спрятать ловко.
Сапог - полстакана водки; милиционер; военный; простак.
Саратовская оглобля - ночной охранник.
Сарай - клуб, кинотеатр.
Сбатарь - преступник, вор.
Сбатовать - арестовать.
Сбить - скопить; снять.
С. котел - отстегнуть при краже часы с браслета или цепочки.
Сблатоваться - войти в контакт с преступниками и стать среди них своим человеком.
Сбоку два - за тобой следят.
С. три - осторожно: рядом надзиратель.
Сболотовать - оговорить.
С бородой - богатый.
Сбруя - бюстгальтер.
Свадьба - суд; смена фамилии.
Свайка, свейка - мужской половой член.
Сват - работник оперчасти ИТУ.
Свезти тачку - нагородить ерунды.
Свежий - мошенник, сбывающий фальшивые деньги.
Сверкальцы - драгоценные камни.
Светух - картежник.
Светухи - карты.
Светляки - спички.
Свечка - автомат, винтовка, карабин; часовой на вышке.
Свечки - прожектора, освещающие контрольносветовые полосы в местах заключения.
Свешать - приговорить к длительному сроку лишения свободы; проверить.
Свинокол - кинжал с узким клинком.
Свиноматка - женщина.
Свиснуть - украсть.
Свист - ложь; прием мошенничества.
Свистеть - лгать.
Своеручный - фальшивый паспорт.
Свой - общее название воров.
С. в доску - "верный"; который не выдает соучастников.
Своя - надежная воровка; меченая карта.
Свояк - авторитет, признанный свояком ворами в законе.
Святцы - игральные карты.
Своемерить - действовать самостоятельно, вразрез с разработанным планом.
Сгамать - схватить, арестовать.
Сгореть за буграми - попасть в ссылку.
Сгрунтовать - наметить план действий.
Сдавать - передавать краденое.
Сдать - предать.
С. барахло на блат - дешево продать краденое.
С. в стирки - проиграться в карты.
Сдевер - девять.
Сделать - избить; убить; украсть.
С. выемку - упасть.
С. начисто - совершить преступление, не оставив следов; убить.
Секи - смотри, слушай.

Селедка - галстук; сабля, шашка; напильник; цепочка (ювелирное изделие).
Селитра - конвой.
Селоп - квартира.
Селянить - следить.
Семашко - вошь.
Семафор - группа воров одной "специальности".
Семечки - патроны.
Семья - группа зеков в ИТК с общим "столом" и небольшим "общаком" (см.).
Сено - махорка.
Серафим - чайник, питьевой бачок.
Сержик - сержант внутренней службы.
Серики - таблетки, содержащие наркотик.
Серое мандро - черный хлеб.
Семерки плести - врать, оговаривать.
Серые - тюремная одежда.
Серый - неопытный, середняк.
Серый баран - участковый инспектор.
Серяк - шинель.
Сесть на вилы - попасться с поличным.
С. на крест - лечь в больницу.
С. на фонарь - ждать.
С. на якорь - быть осужденным на длительный срок; оказаться в безвыходном положении из-за отсутствия денег; определиться где-либо на постоянное жительство; покончить с преступным прошлым; попрошайничать.
Сети - ловушка; притон.
Сечь - подсматривать, подслушивать.
Сжечь - неосмотрительными действиями выдать соучастников.
Сжевать - уничтожить.
Сжигать - выдавать соучастников или доносить на них администрации ИТУ.
Сиварь - сельский житель.
Сигналист - сообщник шулера, сообщающий ему карты жертвы.
Сидельник - вокзал.
Сидеть в бутылке - сидеть в милиции.
Сидеть на царя - не получить в зачет наказания срок предварительного заключения.
Сидеть от звонка до звонка - полностью отбыть срок наказания.
Сидор - мешок.
Сидьмовать - сидеть в тюрьме.
Сизюм - три.
Сикач - следящий за кем-либо.
Сикря - сельский житель.
Силийнуть - убить (по Далю: осиловать - одолеть, пресилить).
Силипнуть - убить.
Силос (С. - кормовая культура) - овощи, второе блюдо в ИТК.
Силотовхана - притон.
Сильва - маленькие дети.
Симанить - слушать.
Синяя шапочка - порвавший с преступным миром.
Сказаться дома - не оказать сопротивления при задержании.
Скафандр - тюремная спецодежда.
Скачок - квартирная кража без предварительной подготовки.
Скважина - проститутка; внутренний замок.
Сквалыга - мошенник-спекулянт.
Сквозануть - сбежать.
Сквозить - уходить, убегать.
Сквозняк - несколько выходов из квартиры; проходной двор.
Скворец - висячий замок.

Скворешник - рот.
Скворешня - голова; вышка, на которой находится охранник.
Скес - жадный.
Скесовать - жадничать.
Скимовить - смотреть.
Скинко - сколько.
Скинуть удочку - передать из верхней камеры в нижнюю записку, окурок и т.д.
Скипа - печка.
Скипидарничать - находиться под подозрением.
Скипидарный - вспыльчивый.
Скирья - четыре.
Скрица - зубы.
Скробы - сапоги.
Скружа, скружно - серебро.
Скрым - сахар.
Скулеж - жалоба.
Скулить по-любирски - понимать воровской жаргон.
Скуп - складчина.
Скусить верхушку - совершить кражу из верхней одежды.
Слабо - восклицание, выражающее упрек в трусости.
Слам - доля добычи; дружба.
С. на антихриста - взятка милиции.
С. на выручку - взятка участковому инспектору.
С. на каплюжника - взятка милиционеру.
С. на карман - взятка участковому инспектору.
С. на фараона - взятка крупному милицейскому чину.
Сламу дать на гурт - взятка в складчину милиции.
Сламщик - получающий часть краденого, но не принимающий участия в преступлении.
Слегавить - донести на кого-либо.
Следак - следователь.
Следячий выдел - уголовный розыск.
Слезница - письмо родным или знакомым с просьбой материальной помощи.
Слезу пролить - попасться на месте преступления.
Слепая - отмычка.
Слеподырь - слепой,
Слепой, слепыш - бродяга, не имеющий паспорта.
Слесарь - вор, специалист по взлому замков, решеток.
Сливак - сливочное масло.
Сливки - золото.
Слизать - получить удар по лицу.
Сломаться - не выдержать на допросе и признаться; уступить.
Слон - специальная отмычка для замка.
Смычки - руки.
Сначить - украсть; продать краденое.
Собачья нога - революьвер.
Согнуть - подчинить своей воле сильного.
Соколик - работник милиции.
Со лба - обокрасть снаружи.
Солдат - валет (игральная карта).
Соленый - армянин.
Солнце засветило - вышел из тюрьмы.
Солнышко - лампочка в камере.
Соловей - музыкант; тюремный надзиратель.
Солома - волосы; махорка, табак.
Соломка - фасованный чай.
Со.понкп - отделение для приговоренных к смертной казни.

Солун - мужской половой член.
Сонник - потерпевший; ворующий у спящих.
Сонники - игральные карты; наркотики.
Сорник - ворующий деньги из кошельков.
Спирька - подросток.
Сплавка - обман малоопытного шулера опытными.
Сплевать - посмотреть.
Сплести лапти - арестовать.
Сплетовать - убежать.
С полета - с побега.
Спок - все спокойно.
С понтом - нарочно.
Спонтяры - сразу берущие "на пушку".
Справили - надежные документы.
Спуливать - выбрасывать, продавать дешево.
Ссученный - доносчик на своих.
Ссученный босяк - заподозренный в предательстве.
Стабуниться - организовать преступную группу.
Ставить на ножи - зарезать по приговору сходки; заставить сделать что-либо, пригрозив ножом.
С. на правило - выносить на суд воровской сходки.
С. на уши - грабить в нелюдном месте.
С. пику - наносить ножевое ранение.
С. фраера - теснить жертву группой.
Ставщик - соучастник.
Стакан - одиночная камера.
Стандартник - государственное помещение.
Старший дворник - прокурор.
Старший шлиппер - бывший вор, не порывающий связи с преступниками.
Старый катала - опытный картежный шулер.
Стачка - сделка.
Ствол - пистолет.
Стекла - очки.
Стеклорез - насильник, отбывающий наказание за изнасилование.
Степан - топор.
Стереть - убить.
Стибарь - вошь.
Стирало - картежный шулер.
Стиры, стирки - карты.
Смириться, стирогонить - играть в карты.
Стойка - адвокат, защитник.
Столыпин - вагон для перевозки заключенных.
Стоять на атасе, на шухере - охранять соучастников при совершении преступления.
С. на цинке - следить.
Стрельщик - охранник.
Стрем - сторож.
Стремно - стеснительно; боязно.
Стушевать - прикрыть при краже.
Сугум - полотенце.
Судак - член суда.
Сук - милиционер.
Сука - предатель; доносчик; отошедший от воров.
Султыга - хлеб.
Сумка - место лишения свободы.
Сундук - несообразительный, тупой; человек, не знающий, что имеет дело с ворами.
Супега - хлеб.
Супинатор - острая металлическая пластина, которая прячется в стельке обуви.

Супник, супчик - педераст.
Сучка - женщина, меняющая сожителей.
Сучий куток - камера-одиночка в штрафном изоляторе.
Сучок - пистолет; револьвер.
Сучь - осведомитель.
Сучья будка - одиночная камера.
Сучья морда - предатель; проститутка низкого пошиба.
Сушилка - тюрьма.
Сфоловать - уговорить.
Схавировать - надежно спрятать краденое.
Схлестнуться - сойтись, сговориться.
Сходка, сходняк - сборище преступников, где решаются важные проблемы; собрание воров разных "мастей".
Схозировать - схоронить.
Сходянка на малине - воровская сходка, проводимая в надежном притоне. Считать за подлянку - действия, унижающие достоинство или позорящие
звание вора.
Сыграть в очко - совершить акт мужеложства.
Сынок - вновь прибывший заключенный, как правило молодого возраста, пользующийся покровительством авторитетного осужденного.
Сыпать - доносить.
Сыроежка - ворующий только продукты.
Сыроежкин дом - штрафной изолятор.

Т

Талон на майдан - приветствие играющих в карты.
Тальгай - свидетель из военных.
Талы-талы - разговоры.
Тальянку ломать - скитаться ночью по улицам, не имея ночлега.
Тамби - табак, курево.
Танк - наглец.
Танцуй - беги.
Тарабарская грамота - воровская тайнопись.
Таранить - тащить.
Тарахтеть - говорить без умолку.
Тарира! - Бей!
Тарочки - папиросы.
Тартар - еврей.
Тамарино обитание - изолятор.
Там черный сидит (висит) - навесной замок.
Тасоваться - собираться в притоне разврата.
Ташкент - костер; тепло; сильно натопленная печь.
Тащить - понимать.
Т. восьмерик - прикидываться дурачком.
Т. на хвосте - вести за собой работников милиции.
Т. нищего по мосту - петь заунывные песни; ныть.
Тащиться - блаженствовать.
Телевизор - тумбочка для продуктов; ягодица; дверная форточка.
Т. цветной - менструация.
Телега - автомашина, трмвай; вранье; жалоба.
Телеграфист - сообщник шулера, видящий карты жертвы и сообщающий их шулеру.
Тележить - говорить неправду.
Телефон - бечевка или нитка, с помощью которой заключенные могут передать что-либо из камеры в камеру; батареи отопления или водопроводные трубы, используемые осужденными для подачи сигналов из камеры в камеру.

Телка - бушлат, верхняя одежда осужденных.
Тема - гомосексуальные отношения.
Темная бирка - поддельный паспорт.
Т. личинка - внутренний замок.
Т. киф - расправа арестанта с товарищем.
Т. наводчик - бессознательный сообщник.
Т. товар - краденые вещи.
Темные вещи - вещи, украденные в своем городе.
Т. очки, т. глаз - поддельный паспорт.
Темник - квартирная кража.
Темнило - лицо, занимающееся обманом других.
Темнить - бить по голове, чтобы человек потерял сознание; говорить неправду; скрываться от милиции.
Темница, темные - краденые вещи.
Темное - неизвестно каким путем приобретено.
Темняк - вор, совершающий кражи из неосвещенных помещений.
Темщик - скупщик краденого.
Тенора - вши.
Тепло - верхняя одежда.
Тереть - избивать; совершать половой акт; уходить.
Т. бузу - спорить.
Т. уши - врать.
Терлово - потаскуха.
Терпило (а) - потерпевший.
Терс - разновидность карточной игры; двадцать.
Тертый - квалифицированный вор.
Технарь - взломщик.
Тибетчик - любитель женщин.
Тиг - финский нож.
Тики-так - одобряю, все хорошо.
Тимофей - лицо, приводящее в исполнение смертный приговор.
Типун - курица (по Далю: Т. - птичья болезнь и особенно куриная).
Тиснуть - доказать; соврать; украсть.
Тити-мити - деньги.
Тихарь - доносчик; работник угрозыска в штатском.
Тихая - кража, не опасная для вора.
Тихо - ничего нет.
Тихоход - вор-одиночка..
Тихоходы - валенки.
Тихушка - бывшая воровка, изредка совершающая кражи.
Тихушник - связанный с работниками милиции; ворующий у своих; замкнутый человек, себе на уме.
Тише дышать - не говорить лишнего.
Тишка - инспектор уголовного розыска.
Толковать - выяснять отношения.
Толковище - воровская сходка, разборка.
Толкуй, Рыбкин - не признавайся.
Тонкая проволока - ловкий карманный вор.
Топтогон - танцевальная площадка.
Торжище - вещевой мешок.
Торговать - воровать.
Т. гольем, т. чисто - украсть бумажник с деньгами, но без документов.
Торгуем на зюгу - воруем вдвоем.
Торгуй шкеры - воруй из карманов брюк.
Тормозить - придерживать жертву, чтобы облегчить совершение кражи; задерживать с поличным; останавливать жертву на улице и грабить.

Тормозить на черном - воровать в поездах.
Тормозиться на хате - останавливаться на квартире.
Тормозок - вещевой мешок.
Торпеда - боец, исполняющий приказы воровской группировки.
Торцануть - ударить.
Торцы - спички.
Торч - анаша.
Тох - удобный случай.
Трам - трамвай.
Трамвайчик - скамейка.
Трекать - понимать.
Трелить - требовать часть краденого.
Трубочист - гомосексуалист.
Трынка - картежная игра.
Трынкать - играть в карты.
Трюм - карцер, одиночная камера, штрафной изолятор.
Трюмление - давление администрации ИТУ на осужденного.
Тряпка - бумага.
Трясогузка - домашняя хозяйка.
Трясучка - цепочка для часов.
Трясина - вовлечение в преступную группу.
Тряхнуть - пощупать карман.
Тубан - паника; шум.
Тубанить - поднимать панику или шумиху.
Туз - лицо, занимающее руководящую должность и прикрывающее расхитителей; лицо, имеющее при себе крупную сумму денег; туалетный уборщик зоны (аббревиатура).
Т. колыванский - чрезмерно доверчивый человек.
Т. корячится - человек бездумно тратит деньги в ресторане.
Т. начальник - задний проход.
Тузить - избивать за провинность.
Тулуп деревянный - гроб.
Туман - вещевой рынок; неясность; ничего не понимающий человек.
Тумба - Смотри!
Тунарико - темно.
Тунгус - лицо другой национальности.
Тупик - магазин; укромное место.
Тупорылый - тугодум.
Туфля - взятка.
Туфта - игра в карты без денег; недоброкачественная работа; мошенничество, подделка, ложь.
Туфтарь - лицо, играющее в карты, не имея денег.
Туча - рынок, толкучка.
Тык - нож.
Тыква - голова.
Тына - воровка, проститутка.
Тыра - помощь соучастника при карманной краже.
Тырбаж - краденые вещи.
Тырбанка - дележ краденого.
Тырбень - объект кражи.
Тырить - воровать; загораживать соучастника при карманной краже; передавать украденное при карманной краже; надежно прятать.
Тыхтун с вертуном - автомобиль с водителем.
Тэрс - игра в карты.
Тюлька - обман.
Тюльпан - недоразвитый осужденный.
Тюмарить - спать.
Тюреное - краденое.

Тяжеловес - особо опасный преступник; убийца.
Тяжелик - разбой с убийством; вор, отпирающий сейфы отмычками.

У

Убить жида - разбогатеть.
Уборка - похороны.
Угадать - заслужить побои.
Угамать - скрыть краденое.
Уговорить - убить неожиданного свидетеля кражи, пытающегося позвать на помощь.
Угол - чемодан, корзина.
Угольник - кусок материала, расстилаемого на нарах при игре в карты; чемодан.
Удавленник - еврей.
Удавчик - шарф.
Ужалиться - ввести себе в вену наркотик.
Уйти налево - отойти от воровской группировки и начать честную жизнь.
Уканать - убежать или уйти.
Укусить - оскорбить соучастника.
Уловить - догадаться.
Умница - гомосексуалист.
Умняка замакарить - стараться произвести впечатление образованного человека.
Умри - замолчи.
Умыться - не дождаться.
Универсал - преступник, осужденный за изнасилование несовершеннолетней.
Урка - общее название воров; член воровской группировки.
Уркаган - вор, пользующийся авторитетом.
Урковать - совершать кражи.
Уроки давать - ничего не делать.
Урский - уголовный розыск.
Урюк - казах или татарин.
Урыльник - управление Уголовного розыска.
Усадить - фотографировать.
Усекти - увидеть.
Усечь - понять.
Усик - хулиган.
Усоборовать, успокоить - убить.
Ути-ути - уши.
Утка - ложь.
Утопить - надежно спрятать.
Утренник - дачный вор.
Утрянка - рассвет.
Ухариться - выехать в другую местность после совершения преступления.
Ухлебать - убежать.
Ухряпать - расправиться.
Ухрять, ухривать - убежать, уйти.
Участок номер три - кладбище.
Училище - воровская школа.
Учетный скачок - принадлежащий к преступно-
му миру.
Ушел налево - расстрелян.

Ф

Фагос - отказ, сопровождаемый показом кукиша.
Фазан - молодой неопытный вор.
Фай - шулер, мошенник.

Фактория - место сбыта наркотиков.
Фактура - настоящий, неподдельный.
Фал - чемодан.
Фаленг ломзая - сломать замок.
Фаловать - уговаривать.
Фанера - деньги; документы; орогенитальный контакт.
Фани - гулянка с употреблением наркотиков.
Фан-фаныч - представительный мужчина.
Фаныч - чайник.
Фараоново племя - служащие милиции.
Фарт - удача.
Фартовые ребята - постоянные обитатели тюрьмы.
Фартовый - ловкач; модно одетый; удачливый.
Фартыпер - помощник карманного вора.
Форшмак - негодяй.
Фаршмачить - обсмеивать.
Фары - глаза.
Фасон держать - вести себя гордо.
Фебус - дурак.
Февраль - слабоумный.
Феня - богатый; воровской жаргон; ягодицы.
Фенеботать - говорить на жаргоне.
Фертен - кража.
Феска - фуражка.
Фига - сотрудник милиции.
Фигарить - следить за кем-нибудь.
Фитиль - больной; лодырь; опустившийся человек; высокий, худой человек; свеча; отказывающийся работать в зоне или на производстве заключенный.
Флирт - пиджак.
Флюгер - нос.
Фока - утюг.
Фокусник - мошенник.
Фол - большая сумка, чемодан, саквояж; мужской половой орган.
Фонарист - человек, не сдержавший слова.
Фонарь - запрещенный разговор.
Фонфан - дурак, глупец.
Фортанцер - скупщик краденого.
Фортень - пальто.
Фортица - висячий замок; помощник карманного вора;
Форточка - рот; филенка двери.
Фортецало - что-то значительное, используемое для понта (см.).
Фото, фотокарточка, фотография - лицо.
Ф. послать - сообщить кому-либо порочащие сведения о лице, отбывающем наказание.
Фофан - жертва преступления; телогрейка.
Фофон - тихий, запуганный ворами осужденный.
Фраер - жертва; интеллигент; неопытный вор; человек, занимающий ответственный пост.
Ф. захарчеванный - вор, хорошо знающий уголовное законодательство и неуклонно соблюдающий традиции.
Ф. набушмаченный - случайный сообщник.
Ф. на катушках - бойкий, шустрый.
Ф. стопорылый - вор-одиночка.
Ф. с кушем - дурак.
Ф. срисовал - потерпевший узнал.
Ф. штемп - дурак.
Фражук - окно.
Фрайн - сообщник.

Франт - свидетель; штатский.
Француз - вновь прибывший, неопытный осужденный, а также осужденный, отбывший менее трех лет лишения свободы.
Фрукт - вор, не придерживающийся воровских обычаев.
Фрю, фря - гордый.
Фуг - деньги.
Фугалет - несовершеннолетний осужденный, вставший на путь исправления.
Фугас - жалоба.
Фуфлить - не исполнять свой долг; обманывать.
Фуфло - заведомая ложь; не заслуживающий доверия; ягодицы.
Ф. задвинуть - не уплатить карточный долг.
Фуфлыжник - лицо, не уплатившее карточный долг; лицо, не выполняющее обещанного.
Фуфлошник - тот, кто играет в карты, не имея денег.
Фу-фу - поджигатель.
Фуцан - честно работающий осужденный.
Фуцин - пассажир; намеченная жертва.
Фуция - человек, не умеющий играть в карты.

Х

Хабара - доля украденного; взятка.
Хабарик - окурок.
Хава - рот.
Хавалка - пища.
Хавать - принимать пищу.
Хавир - лицо, незаметно опускающее в случае опасности в карман постороннего украденный кошелек.
Хавира - воровской притон.
Х. зашита, заначена - квартира на замке, заперта.
Хавка - хлеб, еда вообще.
Хавло - рот.
Хавры - деньги.
Хажа - удача.
Хаза - квартира, притон.
Хазать - обедать.
Хазер - поросенок.
Хазовку наколоть - высмотреть квартиру.
Хазуха - квартира.
Хай - заявление в милицию; крик, шум.
Хала - взятка.
Халат - пальто.
Халдыговина - трамвай.
Халтай - грабеж.
Халявщик (халява) - человек, привыкший получать что-либо даром, "падать на хвост".
Хам - мужской половой орган.
Ханка - водка; наркотики.
Хапа - удача.
Хапанье - кровь.
Хата - надежная квартира.
Хатун - притон.
Хвост - вор, провинившийся перед соучастниками.
Хвостануться - умереть.
Хвостом шаркнуть - умереть.
Хвостун - ворующий с прилавков.
Хевра - воровская компания.
Хезать - испражняться.

Хелять, хлыть - идти.
Хибиш, хипиш - скандал, шум.
Хивро - место, где спрятаны краденые вещи.
Хитрый домик - милиция.
Хламидник - босяк; мелкий воришка.
Хлебало, хлебобранка, хлеборезка - рот.
Хлебурный - пьяный.
Хлим! - Беги!
Х. делать - отправляться на кражу.
Хлить - идти.
Хлопалки - уши.
Хлопут, хлопушка
Хмырь - повар.
Ховыра - тайник.
Ходик - постовой милиционер.
Ходить - воровать.
Х. жохом - оказаться без денег и крова.
Х. на огонек - совершать кражи из квартир, в которых отсутствуют хозяева и не горит свет.
Х. на особняк - воровать в одиночку.
Ходка - судимость.
Ходячий по музыке - вор.
Хозяин - глава преступной группы; начальник ИТУ; содержатель притона; вор, подчинивший своему влиянию группу подростков.
Хозяйка - швабра, метла.
Хозяюшка - иголка.
Холодняк - оперработник.
Хоп - выражение согласия.
Хоровод - шайка, преступная группа.
Хороводный - член шайки.
Хоронить - воровать.
Хосен-лог - конкретная жертва.
Хохольник - карман.
Храп - разновидность игры в карты; горло.
Храпок - горло.
Хрипеть - говорить.
Хрусты - деньги.
Хрюка - свинья.
Хрюкало - врун.
Хрять - работать.
Хылкачить - курить наркотические вещества.
Хухлюк - шапка.
Хыт - сотрудник милиции.
Хюбр - крик.
Хюбарить - звать на помощь.

Ц

Цапли - руки.
Цапля - железная дорога; суд.
Цар - баран.
Царева дача - тюрьма.
Царская невеста - осужденный, который часто получает передачи.
Царьги - руки.
Цаца - серебряные или золотые украшения.
Цвет - денежные купюры.
Цветняк - золото.

Цек - оставь покурить.
Целый пассажир, пижон, понт - жертва, не сталкивавшаяся ранее с шулерами.
Цементировать - выносить дисциплинарное взыскание.
Центовка - пила.
Центровая дурь, центровой - гашиш, доставленный из Средней Азии.
Центряк, центровой - товар высшего качества.
Цепочка - паутина.
Цигорь - вор.
Цикорий - эксперименты.
Цинк - пароль; наблюдательный пост караульного.
Цинковать - говорить; незаметно передавать краденое; своевременно подавать сигнал об опасности; наблюдать.
Цинкануть - вовремя сообщить что-либо.
Ципа - стамеска.
Ципер - верхняя одежда.
Цирка - контролер, бригадир в ИТУ.
Циперщик - вор, крадущий верхнюю одежду.
Цирик - охранник.
Цирлих - кража из гостиницы.
Цирлы - цыпочки.
Цифры - деньги.
Цуца - деньги.
Цыйк - условный пароль.
Цымус - товар высшего качества.
Цынк! - Опасно!
Цынта, цынтовка - тюрьма.
Цынтовать - сидеть в тюрьме.
Цынтовой - вор, сторожащий во время кражи.
Цыплята - ботинки.

Ч

Чабан - начальник отряда в колонии.
Чайка - человек, который много и быстро ест.
Чакалы - часы.
Чакма, чакар - доносчик.
Чалдон - шулер.
Чалдонка - колода самодельных карт.
Чалить - нести; смотреть, видеть.
Чалиться - находиться в местах лишения свободы.
Чалку одеть - сесть в тюрьму.
Чалкина деревня - место заключения.
Чалый - неоднократно отбывающий наказание в местах лишения свободы преступник.
Чамкать - принимать пищу.
Чапа - цепочка.
Чапать - идти.
Чаплан - неотесанный мужик.
Чардо - краденые вещи.
Чардовать - красть.
Часто - случайно.
Часы - срок отбывания наказания.
Чекуха - печать; проститутка.
Чемаргес - самогон.
Червонец - вошь; десять лет лишения свободы; милиционер.
Червовый валет - мошенник высшего полета.
Червяк - карандаш.

Чердованный - ворованный.
Черень - обман.
Черемуха - черный хлеб.
Череп - умный.
Черепаха - таз в камере.
Черкес - кинжал.
Чернить - обманывать.
Черное-белое - чужое имя; паспорт на чужое имя.
Черное дерево - чай.
Чернота - ложное обвинение.
Чернуха - ложь, обман.
Черпать - задерживать.
Черт - преступник-новичок; простак; человек, не принадлежащий к преступному миру, но выдающий себя за такового.
Черти - те, кто честно работает.
Чесать фраера, кобла - обманывать в карточной игре.
Чеснок - бывший вор.
Чесать лохматого - врать.
Честный вор - лицо, соблюдающее воровские традиции.
Чех - чечено-ингуш.
Чехнарь - чай.
Чехты - все кончено; смерть.
Чешуя - нательное белье.
Чиква - четыре.
Чикернуть - арестовать.
Чики - кинжал.
Чиклуха - рецидивист.
Чинава - зарезать.
Чинарик - окурок.
Чиновник - окурок.
Чипчики - туфли.
Чириканы - часы.
Чирк - нож.
Чиркалки, чирки - спички.
Чистоганить - платить наличные деньги.
Чистотел - деньги.
Чистый - лицо, занимающее в камере привилегированное положение.
Чистяк - аферист; черный хлеб.
Читальник - пиджак.
Чифир (чефир) - крепчайший чай.
Чмель, чмень - кошелек.
Чмо - оскорбление.
Чувал - койка.
Чувырка - сожительница.
Чугавый - чуваш.
Чугун - армянин; карманные часы.
Чудачок - интеллигент.
Чудак - жертва.
Чужой груз - признать себя виновным в преступлении, которого не совершал.
Чукавый - догадливый.
Чулан - карцер; ШИЗО (штрафной изолятор).
Чума - опустившаяся воровка; проститутка.
Чумовая - женщина с ребенком.
Чумовой - кокаинист; человек, принявший дозу кокаина; слабоумный.
Чунарь - разиня.
Чур! - Внимание!

Чуха - девушка; шуба.

Чухан - нечистоплотный человек, морально и физически подавленный осужденный, презираемый большинством.

Чуханка - метелка в камере.

Чухать - видеть, как совершается преступление; задерживать; убегать.

Чухнуться - прийти в себя.

Чучело - памятник.

Ш

Ша - стоящий на посту милиционер; "молчи!". Шаблон - головной убор.

Шабер - ломик.

Шаби! - Молчи!

Шабибон - самодельный кипятильник.

Шавка - доносчик; мелкий воришка.

Шакал - осужденный-попрошайка.

Шалашовка - проститутка.

Шалман - воровской притон; закусочная или пивная. Шалфей - чай.

Шалфейник - чайник.

Шальной - случайный человек, способствующий совершению преступления. Шалявый - неопытный.

Шаман - старший в группе мошенников.

Шаманить - гулять; обворовывать кого-либо.

Шамболуха - удар.

Шан - гашиш.

Шанера - чай.

Шанец - удача.

Шансонетка - слабохарактерный, легко попадающий под чужое влияние человек.

Шанумер - сторож.

Шанхай - притон.

Шапор, шапора - воровской ломик; осведомитель.

Шараборин - легкомысленный человек.

Шарага - воровская компания.

Шарашить - грабить.

Шарашка - беспорядок; отдельное помещение.

Шаргованные - краденые вещи.

Шарик - сотрудник уголовного розыска.

Шармак - дармовщина; афера.

Шароход - пароход.

Шары - глаза; пластмассовые шарики для вживления под кожу полового члена ("вкатить шары").

Шары катить - избивать.

Шверц - вор, крадущий одежду.

Шевелить - начать что-либо; избивать за нанесенную обиду; совершать насилие.

Ш. рогом - действовать в обход закона, думать.

Ш. хвостом - нарушать воровские обычаи и традиции.

Ш. коленями - убегать, скрываться.

Шейный пластырь - удар по шее.

Шекель - чемодан.

Шелехвостка - дама (игральная карта).

Шелупой - бродяга; мелкий воришка.

Шелуха - бриллианты.

Шельма - шинель.

Шемяга - платок.

Шеперка - шестерка (игральная карта).

Шептуны - сандалии.

Шеро - голова.
Шерсть - непутевый человек.
Ш. кислая - новоир.
Ш. сволочь - побриться.
Шерстяной - приблатненный.
Шестая! - Опасно!
Шестерка - официант; подхалим; соучастник, исполняющий подсобную роль.
Шестнадцать - сигнал об окончании кражи.
Шибан - хлеб.
Шибануть - употребить чифир.
Шима - сообщник карманника.
Шимбала - мелкий воришка.
Шинер - дневальный в бараке.
Шипеть - ругаться.
Ширевой - наркоман, делающий себе инъекцию наркотических веществ.
Ширка - инъекция наркотиков.
Ширмач - карманный вор, прикрывающий руку при краже каким-либо предметом.
Шитвис - компания воров.
Шить - убивать.
Шить дело - необоснованно обвинять.
Шиться - выдавать себя за кого-либо другого; приставать к кому-либо.
Шифернуться - бежать.
Шкары - брюки.
Шкеры, шкефы - брюки.
Шкеровой - брючный карман.
Шкет - подросток; неопытный вор-одиночка; человек низкого роста.
Шкирла - сожительница вора.
Шкафы - глаза.
Шконка - кровать.
Шкраб - жадный, скупой.
Шкрябало - лезвие; опасная бритва.
Шкура - верхняя одежда.
Шкурка - мало взято при краже или дележе.
Шланг - лентяй.
Шлепать - говорить, врать.
Шлемка - миска.
Шляпа - мужской половой член.
Шлипер старый - бывший вор, не порывающий общения с преступным миром.
Шлиф - окно или форточка.
Шлифовать - лицемерить.
Шлындать - ходить пешком.
Шлюзы, шлюцы - ключи.
Шлюмка - миска, тарелка; проститутка.
Шлямать - спать.
Шмага - бумага.
Шмаль - гашиш, изготовленный из пыльцы конопли.
Шмана - ничего страшного, не беда.
Шмаровоз - сутенер.
Шмели - деньги.
Шмель - кошелек с деньгами.
Шмасть - лицо.
Шмен - игра на номерах денежных купюр.
Шмирник - ночной сторож.
Шмойка - пайка хлеба.
Шмон, шмонка - обыск.
Ш. великий - повальный обыск.

Шмоток - краденые вещи; кусок.
Шниво - рядом, около.
Шнипарь - вор-взломщик.
Шниф - кража, взлом.
Шнифер домашний - местный вор.
Шнифт - косой, кривой; стекло, окно.
Шнифты - глаза.
Шнурковаться - стараться держаться незаметно.
Шнырь - низшая хозобслуга (уборщик и т.п.).
Шоментом - моментально.
Шондра - шесть.
Шопа, шопник - задний карман брюк.
Шорох - скандал.
Шофер - народный заседатель.
Шпалер - пистолет заряженный.
Шпана, шпанюк - мелкий воришка.
Шпанить - безобразничать.
Шпаргалка - документ, удостоверяющий личность; деловая бумага.
Шпилер - отвертка.
Шпилить - играть.
Шпилить в стирку, в стиру - играть в карты.
Шпон обыск.
Штам - фальшивый документ.
Штевка - пища.
Штемп - инспектор Уголовного розыска.
Штеп - осужденный, не признающий воровских законов и традиции.
Штиповой - бойкий, смелый.
Штопать - грабить.
Штопырка - разбой.
Штопорило, штопорилко - вооруженный грабитель.
Штрафоваться - оказаться пойманным на слове.
Штрик - старик.
Штрунья, штруха - старуха.
Штым - хорошо работающий осужденный.
Штыма - шляпа.
Штымп - вор-новичок; простак; хорошо одетый мужчина.
Штырь - осужденный, не пользующийся уважением.
Шуба! - сигнал тревоги.
Шум - групповая драка.
Шумага - бумага.
Шумарство - плутовство, воровство.
Шурик - пассивный гомосексуалист.
Шуры-муры - тайник в каблуке; тюремная похлебка.
Шурье - краденые вещи.
Шустрить - заниматься мелкими кражами; угождать, подхалимничать.
Шутильник - тяжелый предмет, которым можно нанести удар.
Шух! - Уходи!
Шухарить - хулиганить.
Шухер - сигнал об опасности; скандал, ссора; обыск.
Шушара - болтун; глазок в тюремной камере; заключенный, ворующий у сокамерников; осведомитель.
Шушерить - подслушивать.
Шхеры - нары в бараке.

Щ

Щебенка - сухари; соль.
Щекотнуться - почувствовать, как совершается кража из кармана или из сумки; спохватиться.
Щемить - притеснять, унижать.
Щенок - милиционер.
Щипанцы - пальцы.
Щипач - карманный вор.
Щука - осужденный на длительный срок лишения свободы с конфискацией имущества.
Щупать - проверять.
Щупать ноги - готовиться к побегу.
Щупать печи - готовиться к грабежу.

Э

Эйгер - замок.
Экзамен - судебное заседание.
Экспедиция - следственно-оперативная группа.
Экипаж - преступная группа.
Эклер - мужской половой орган.
Экскурсия - поиски наркотиков.
Эскимос - лицо другой национальности.

Ю

Юбиляр - человек, впервые употребивший наркотик ради любопытства.
Юзануть - убежать.
Юзить - уклоняться от темы разговора; изворачиваться.
Юлить - выкручиваться.
Юрдонить - пропивать, кутить.
Юрцовка, юрзовка - притон.
Юрик - вор.
Юрок - татарин.
Юрсы - ночлег; нары в бараке.
Юрцы - тюрьма.

Я

Явление - благополучное прибытие поставщика наркотиков.
Яд - зло; наркотики.
Язык - опертивный работник, следователь.
Якорник - нищий.
Яма - главарь; место сбыта или хранения краденого либо продажи наркотиков; опасное место; притон; тюрьма.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ПРАВИЛ ВНУТРЕННЕГО РАСПОРЯДКА ИСПРАВИТЕЛЬНОТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Общие положения

Правила обязательны для персонала ИТУ, содержащихся в них осужденных, а также иных лиц, посещающих учреждения. Нарушение Правил влечет ответственность в установленном порядке.

Порядок приема осужденных в ИТУ

Прием осужденных в ИТУ осуществляется дежурным помощником
начальника и работником специального отдела учреждения. Прием
прибывших в нерабочее время осуществляется дежурным помощником
начальника учреждения.

Во время приема осужденных в ИТУ работники учреждения проверяют наличие личных дел и устанавливают принадлежность их прибывшим осужденным, проверяют наличие в личных делах необходимых документов.

Прибывшие в ИТУ осужденные после уточнения данных подвергаются обыску, а принадлежащие им вещи - досмотру. Предметы, изделия и вещества, хранение и использование которых запрещено, сдаются на хранение или в необходимых случаях уничтожаются.

После прохождения медицинского осмотра и, в случае необходимости, санитарной обработки осужденные размещаются в карантинном помещении ИТК, ВТК на срок до 15 суток, а в тюрьмах - в камерах сборного отделения на срок не более одних суток. Во время нахождения в карантинном помещении осужденные знакомятся со своими правами и обязанностями, предупреждаются об ответственности за нарушение установленного режима отбывания наказания, уточняется уровень их общеобразовательной и профессиональной подготовки, выявляются личностные особенности.

Решение о распределении осужденных с учетом их личностных особенностей по отрядам (отделениям, камерам), привлечении их к труду, общеобразовательному и профессионально-техническому обучению принимается комиссией ИТУ, возглавляемой начальником учреждения или одним из его заместителей.

Семье или близким родственникам осужденного в течение 10 суток со дня его прибытия в ИТУ направляется извещение с указанием почтового адреса учреждения, перечня продуктов питания и предметов первой необходимости, которые можно получать осужденным в посылках, передачах или бандеролях, основных требований порядка и проведения свиданий с осужденным.

Порядок передвижения осужденных в пределах колонии

Передвижение групп осужденных по территории колонии осуществляется строем под управлением старшего или в сопровождении представителя администрации.

В личное время осужденные могут передвигаться в пределах локального участка, а по остальной части территории - с разрешения представителей администрации. Передвижение осужденных в период от отбоя до подъема за пределами помещения отряда допускается только с разрешения администрации ИТУ.

Правила поведения осужденных во время работы и отдыха

1. Осужденные обязаны:

- соблюдать распорядок дня, установленный в ИТУ;
- бережно относиться к имуществу ИТУ и другим видам имущества;
- добросовестно относиться к труду и учебе;
- быть вежливыми между собой и в обращении с сотрудниками ИТУ, беспрекословно выполнять их требования;
- здороваться при встрече с сотрудниками ИТУ и другими лицами, посещающими ИТЦ, вставая, обращаться к ним на "вы" и называть их "гражданин", "гражданка" и далее по званию или занимаемой должности либо по имени-отчеству;
- содержать в чистоте жилые и служебные помещения, рабочие места, одежду, по установленному образцу заправлять постель, соблюдать правила личной гигиены, хранить продукты питания и предметы индивидуального пользования в специально оборудованных местах и помещениях;
- иметь при себе личную карточку, выданную администрацией;
- в тюрьмах, помещениях камерного типа, штрафных и дисциплинарных изоляторах выходить на прогулку и соблюдать установленные при этом правила поведения, поочередно нести дежурство.

2. Осужденным запрещается:

- нарушать линию охраны объектов ИТУ;

- выходить без разрешения администрации за пределы изолированных друг от друга участков и локальных зон жилых, производственных объектов и цехов;
- находиться без разрешения администрации в общежитиях, в которых они не проживают, либо на производственных объектах, на которых они не работают;
- приобретать, изготовлять, употреблять и хранить алкогольные напитки, другие предметы, изделия и вещества, не предусмотренные перечнем;
- курить в не отведенных для этого местах;
- продавать или отчуждать иным способом в пользу других осужденных продукты питания, предметы, изделия и вещества, находящиеся в личном пользовании;
- играть в карты, в другие игры с целью извлечения материальной или иной выгоды;
- наносить себе и другим лицам татуировки;
- употреблять жаргонные слова, давать и присваивать клички;
- вывешивать фотографии, репродукции, открытки, вырезки из газет и журналов на стенах жилых и производственных помещений, тумбочках и кроватях;
- занавешивать и менять без разрешения администрации спальные места, а также оборудовать спальные места в коммунально-бытовых и других служебных и подсобных помещениях;
- самовольно возводить на производственных и иных объектах ИТУ различные постройки, шкафы, сейфы и т.п.;
- пользоваться без разрешения администрации ИТУ заточным оборудованием, инструментом, электроэнергией, механизмами и материалами не для производственных нужд;
- приготовлять и употреблять пищу, чай в не предусмотренных для этого местах;
- проводить митинги, манифестации, другие массовые мероприятия без разрешения администрации ИТУ;
- залезать на крыши домов, цехов и других строений, подходить к запретной зоне основного ограждения;
- оставлять без разрешения рабочие места, общежития и другие помещения, в которых происходят массовые мероприятия.

Порядок изъятия у осужденных предметов, не разрешенных к использованию в ИТУ

Предметы (деньги, вещи, изделия, вещества, продукты питания), запрещенные к использованию в ИТУ, у осужденных изымаются в момент обнаружения.

Правом изъятия запрещенных предметов обладают представители администрации или воинского подразделения, а в установленном порядке также и другие сотрудники органов внутренних дел.

Обнаруженные у осужденных деньги и ценные вещи изымаются и, как правило, обращаются в доход государства. Изъятые у осужденных продукты питания, предметы, изделия и вещи, использование которых им запрещено, но не относящиеся к ценным (спиртные напитки и т.д.), уничтожаются в присутствии осужденного либо сдаются на склад для хранения. Если хранящиеся на складе предметы, изделия или вещи понадобятся осужденным и не будут излишними в ассортименте и количестве, они выдаются владельцам.

По каждому случаю обращения в доход государства денег и ценных вещей выносится постановление. О сдаче на хранение или уничтожении запрещенных к использованию в ИТУ предметов составляется акт с ознакомлением осужденного под роспись.

Проверки наличия осужденных

Проверки наличия осужденных в ИТУ и ВТК осуществляются ежедневно утром и вечером в часы, определенные распорядком дня, при этом проверяется их внешний вид. В необходимых случаях они могут проводиться в любое время суток.

Проверки производятся в установленном месте на общем построении путем количественного подсчета и пофамильной переклички по отрядным спискам и должны длиться, как правило, не более 30 минут. От построения освобождаются отдыхающие после работы, имеющие освобождение по болезни (с постельным режимом), а также занятые на работах, оставление которых невозможно. Их проверка проводится по местам пребывания.

В ненастную погоду и при низкой температуре, когда работы вне помещений в соответствии с Правилами о работе на открытом воздухе в холодное время года не допускаются, проверки производятся в помещении.

Проверки наличия осужденных в камерах колоний и тюрем проводятся покамерно.

Проверки наличия осужденных в колониях-поселениях осуществляются путем явки их в установленное время ежедневно, а лиц, проживающих с семьями, - не реже одного раза в 10 дней, для регистрации к дежурному помощнику начальника ИТК-поселения.

Порядок предоставления осужденным свиданий и телефонных переговоров

Осужденным предоставляются краткосрочные, длительные свидания на территории ИТУ, длительные свидания за пределами ИТУ по нормам, установленным законодательством.

При эпидемиологических заболеваниях, стихийных бедствиях и других чрезвычайных обстоятельствах свидания могут быть временно прекращены. Разрешение на свидание дается начальником ИТУ или лицом, его замещающим, по заявлению осужденного либо лица, прибывшего к нему на свидание. При отказе в предоставлении свидания делается пометка о причинах отказа.

Продолжительность свидания устанавливается администрацией ИТУ исходя из требований законодательства и местных условий. Во всех случаях краткосрочные свидания не могут устанавливаться продолжительностью менее двух часов, а длительные - менее суток.

Телефонные переговоры осуществляются при наличии технических возможностей и под контролем администрации. Оплата осуществляется по действующим тарифам с лицевых счетов осужденных. На свидания осужденные должны являться в опрятном виде. На период свиданий им могут выдаваться одежда, белье и обувь из обменного фонда, постоянно хранящегося у контролера по проведению свиданий или одежда гражданского образца, принесенная родственниками на длительное свидание. Осужденные до и после свиданий подвергаются полному обыску.

Объединение свиданий либо разъединение одного свидания на несколько не допускается. Осужденному разрешается свидание одновременно не более чем с двумя взрослыми лицами, вместе с которыми могут быть несовершеннолетние (братья, сестры, дети осужденного).

Лица, прибывшие на свидание с осужденным, сдают деньги, а также предметы, не разрешенные к использованию в ИТУ, на хранение контролеру по проведению свиданий под расписку.

При наличии достаточных оснований полагать, что лицо, прибывшее на свидание, намерено передать осужденному предметы, изделия или вещества, хранение которых в ИТУ не разрешено, начальник ИТУ объявляет такому лицу о том, что свидание будет предоставлено лишь при согласии на досмотр принадлежащих ему вещей и одежды.

Если лицо, прибывшее на свидание, откажется от досмотра вещей и одежды, длительное свидание с осужденным ему не разрешается, однако может быть предоставлено краткосрочное.

При нарушении прибывшими на свидание установленного порядка проведения свидания оно немедленно прерывается.

Краткосрочные свидания предоставляются в присутствии представителей администрации ИТУ.

Пронос лицами, прибывшими на свидание с осужденными, в комнаты краткосрочных свиданий какихлибо продуктов или вещей не допускается. В ВТК - по усмотрению администрации.

Длительные свидания предоставляются с правом совместного проживания с близкими родствениками (супруг, родители, дети, усыновители, усыновленные, братья, сестры, дед, бабушка, внуки).

Администрация ИТУ, как правило, освобождает осужденных от работы на период длительных свиданий с последующей или предшествующей отработкой.

На длительные свидания могут проноситься продукты питания (за исключением винно-водочных изделий и пива), вещи гражданского образца для переодевания осужденных, а также предметы, изделия и вещества, хранение которых не запрещено.

Осужденному, которому разрешено длительное свидание за пределами ИТУ, выдается пропуск с правом передвижения без конвоя. Место проведения свидания определяет начальник ИТУ с учетом обеспечения надзора за поведением осужденного. Самовольное оставление места свиданий за пределами ИТУ осужденному запрещается.

Первое свидание осужденному может быть предоставлено сразу же по прибытии в ИТУ, независимо от того, когда он имел предыдущее свидание в местах предварительного заключения. При наличии права на краткосрочное и длительное свидание вид первого определяет осужденный.

Последующие свидания предоставляются по истечении периода, равного частному от деления двенадцати месяцев на количество свиданий данного вида, полагающихся осужденному в год.

Время, в течение которого свидания осужденным не предоставлялись в связи с карантином, стихийным бедствием или другими чрезвычайными обстоятельствами, препятствующими нормальной деятельности ИТУ, засчитывается в срок, по истечении которого осужденным могут быть предоставлены свидания.

Свидания осужденных с адвокатами

Осужденным по их письменному заявлению или заявлению их близких родственников либо общественных организаций предоставляются свидания с адвокатами. По желанию осужденного или адвоката их свидание может проводиться наедине. Свидания осужденных с адвокатами в число свиданий, установленных законодательством, не зачисляются, их количество и продолжительность не ограничивается, однако проводятся они в нерабочее для осужденных время и лишь в часы от подъема до отбоя.

Порядок приема и получения осужденными посылок, передач, бандеролей

Осужденным разрешается получение установленного числа посылок, передач и бандеролей.

В счет очередных не засчитываются:

- посылка или передача с одеждой и обувью для осужденного, получаемая не ранее чем за месяц до его освобождения, которая хранится на складе и выдается в день освобождения;

- бандероли, полученные по заказу осужденного из книготорговой сети. Осужденные, не имеющие родственников и иных лиц, которые могли бы направить им посылку или передачу, вправе за счет средств, имеющихся на их лицевых счетах, приобрести продукты питания и предметы первой необходимости через магазины ИТУ.

Посылки и бандероли, адресованные осужденным, не имеющим права на их получение, а также освобожденным либо умершим, возвращаются отправителям наложенным платежом с пометкой "подлежит возврату".

Вскрытие и досмотр содержимого посылок, передач или бандеролей производятся контролерами в присутствии адресатов. Обнаруженные деньги изымаются и зачисляются на лицевые счета осужденных со взысканием на пересылку по тарифу почтовых переводов. Деньги, скрытые ухищренным способом, обращаются в доход государства. Неположенные вложения из посылок и бандеролей изымаются и сдаются на склад или уничтожаются, а содержащиеся в передачах возвращаются передающему лицу с указанием причин возврата.

По фактам изъятия из посылок, передач и бандеролей предметов, изделий и веществ, которые могли быть использованы осужденным в преступных целях, в установленном порядке проводится проверка. Перечень и вес вложений посылок, передач и бандеролей регистрируется в специальном журнале, после чего они выдаются осужденному под роспись.

Родственникам осужденных или иным лицам, прибывшим в ИТУ, администрация разъясняет, что они имеют возможность приобрести через магазин ИТУ продукты питания и предметы первой необходимости с целью последующей передачи осужденному. В этом случае указанные лица подают заявление в двух экзеплярах, в котором перечисляют количество продуктов питания и предметов первой необходимости, желаемых передать осужденным, и оплачивают их стоимость. После получения осужденными таких передач первые экземпляры заявлений вручаются лицам, оплатившим эти передачи, а вторые приобщаются к делу.

Передачи, посылки и бандероли осужденным, содержащимся в штрафных и дисциплинарных изоляторах, карцерах, вручаются им после отбытия меры наказания.

Администрация ИТУ обеспечивает сохранность вложений посылок и бандеролей, однако при естественной порче этих вложений в силу длительного хранения ответственности не несет.

Между предыдущей и последующей посылками, передачами и бандеролями выдерживается период, равный частному от деления двенадцати месяцев на общее количество посылок (передач и бандеролей), полагающихся осужденному в год (без учета полученных в порядке поощрения).

Посылки, передачи и бандероли осужденные могут получать сразу же по прибытии в ИТУ.

Порядок отправления и получения осужденными писем, денежных переводов

Осужденным разрешается отправлять и получать письма и телеграммы без ограничения их количества. Отправление и получение писем производится только через администрацию ИТУ.

Письма опускаются в почтовые ящики или передаются представителям администрации в незапечатанном виде.

Письма, исполненные тайнописью, шифром или с применением других условностей или жаргона, а также носящие циничный характер, адресату не направляются, о чем объявляется осужденному, после чего уничтожаются.

Поступающие осужденным денежные переводы зачисляются на их лицевые счета.

Особенности размещения и условий содержания осужденных в лечебных учреждениях мест лишения свободы

В лечебных учреждениях мест лишения свободы изолированно от других категорий осужденных содержатся только особо опасные рецидивисты, лица, смертная казнь которым в порядке помилования или амнистии заменена лишением свободы, и осужденные за особо опасные государственные преступления. Эти осужденные содержатся в специально выделенных и оборудованных по тюремному типу палатах. Раздельно содержатся также несовершеннолетние, а женщины - отдельно от мужчин.

Длительные свидания осужденным, находящимся в лечебных учреждениях, как правило, не предоставляются.

Краткосрочные свидания предоставляются начальниками лечебных учреждений по нормам, установленным для соответствующих видов ИТУ.

В случае тяжелой болезни осужденного, ставящего в опасность его жизнь, начальник ИТУ (лечебного) предоставляет возможность близким родственникам посетить его. Такое посещение в счет очередного свидания не засчитывается.

Если осужденные переводятся в лечебные учреждения из штрафных и дисциплинарных изоляторов, либо помещений камерного типа колоний общего, усиленного и строгого режимов, равно как из одиночных камер колоний особого режима, карцеров либо со строгого режима в тюрьмах в связи с членовредительством или симуляцией болезни, время их нахождения в лечебном учреждении в срок отбывания дисциплинарного взыскания не зачисляется.

Осужденные, нарушающие дисциплину в лечебных учреждениях, несут ответственность в полном объеме, за следующим исключением:

а) они не могут быть переведены в помещения камерного типа и одиночные камеры;

б) в штрафных изоляторах они получают питание по больничной норме и имеют право на прогулку до двух часов в день.

Осужденные, систематически злостно нарушающие дисциплину, выписываются из лечебного учреждения и переводятся по месту содержания только в случаях, не представляющих опасности для жизни и здоровья больного, а также окружающих.

Особенности условий содержания осужденных в штрафных, дисциплинарных изоляторах и в карцерах тюрем

В штрафных, дисциплинарных изоляторах и в карцерах тюрем осужденные лишаются права получения свиданий, посылок, передач, бандеролей, приобретения продуктов питания и предметов первой необходимости, за исключением полотенца, мыла, зубного порошка или пасты, зубной щетки. Им не разрешается пользоваться настольными играми, книгами, газетами, журналами и иной литературой, отправлять письма.

Продукты питания сдаются на склад и выдаются осужденным после отбытия ими меры взыскания. Администрация прршимает меры к их сохранности, однако если в силу естественных причин от длительного хранения продукты испортились, об этом комиссионно составляется акт и они уничтожаются.

При приеме осужденных в штрафные и дисциплинарные изоляторы либо в карцеры осужденные подвергаются полному обыску, после чего, при наличии возможностей, они переодеваются в одежду, закрепленную за этими помещениями.

Осужденные, содержащиеся в штрафных и дисциплинарных изоляторах либо в карцерах, санитарную обработку проходят отдельно от остальных осужденных.

Уборка помещений штрафных или дисциплинарных изоляторов и карцеров проводится поочередно лицами, содержащимися в них.

Досрочное освобождение осужденных из штрафных изоляторов и карцеров, кроме случаев, когда это производится по медицинским показаниям или по требованию прокурора, не допускается. Досрочное освобождение осужденных из дисциплинарного изолятора разрешается начальником воспитательно-трудовой колонии.

С осужденных, содержащихся в штрафных изоляторах колоний-поселений, взыскивается полная стоимость питания, предоставленного им по установленной норме.

Примечание. В экстренных случаях при отсутствии начальника учреждения, когда иными мерами пресечь совершаемое преступление или злостное нарушение режима невозможно, осужденные могут быть помещены в штрафные, дисциплинарные изоляторы, карцеры по постановлению дежурных помощников начальников учреждений до прихода начальника ИТУ, но не более чем на 24 часа. Такая изоляция дисциплинарным взысканием не является.

Особенности условий содержания осужденных, переведенных в помещения камерного типа и одиночные камеры

Осужденным, переведенным в помещения камерного типа (в ИТК общего, усиленного и строгого режима) и одиночные камеры (в колониях особого режима) в порядке взыскания, не разрешается брать с собой имеющиеся у них личные вещи, кроме полотенца, мыла, зубного порошка, пасты, зубной щетки, табачных изделий и спичек.

Осужденным, содержащимся в помещениях камерного типа и в одиночных камерах, разрешается иметь при себе учебники, простые карандаши, авторучки, стержни с мастикой, тетради, почтовые марки, открытки, конверты, пользоваться библиотекой, выписывать книги, журналы и газеты. Лица, обучающиеся в общеобразовательных школах, ПТУ и на курсах профподготовки, в период пребывания в помещениях камерного типа и в одиночных камерах на занятия не выводятся. Им предоставляется возможность самостоятельной учебы и консультаций с преподавателями.

При переводе осужденных из помещений камерного типа ИТК общего, усиленного и строгого режимов либо из одиночных камер особого режима в штрафные изоляторы за проступки, совершенные в помещениях камерного типа и в одиночных камерах, срок их содержания в штрафных изоляторах в срок содержания в помещениях камерного типа и в одиночных камерах не засчитывается. В случае перевода осужденного в помещение камерного типа за злостное нарушение режима в штрафном изоляторе срок содержания в помещении камерного типа исчисляется после отбытия взыскания в штрафном изоляторе. Эти лица привлекаются к труду изолированно от других осужденных. При выводе на работу вне помещений им выдается одежда по сезону.

Дневальные в помещении камерного типа не назначаются. Уборка камер возлагается поочередно на каждого осужденного. Уборку одиночных камер осуществляют лица, в них содержащиеся. Медицинский осмотр и амбулаторное лечение осужденных, содержащихся в помещениях камерного типа и в одиночных камерах, осуществляются в специально оборудованном помещении. Санитарная обработка производится изолированно от других осужденных.

В случаях перевода осужденных из помещений камерного типа и одиночных камер в лечебные учреждения по причинам, не связанным с членовредительством и симуляцией болезни, срок их нахождения в лечебных учреждениях засчитывается в срок пребывания в помещениях камерного типа или одиночных камерах.

Досрочное освобождение осужденных из помещений камерного типа колоний общего, усиленного и строгого режимов и одиночных камер колоний особого режима, кроме случаев, когда производится по медицинским показаниям или по требованию прокурора, не допускается.

Перевод осужденного в безопасное место При возникновении угрозы жизни, здоровью либо угрозы совершения иного преступления против личности осужденного со стороны других осужденных и обращении его по данному вопросу к представителям администрации, последние обязаны незамедлительно принять меры по переводу этого лица в безопасное место.

В этих целях могут быть использованы, помимо других помещений, камеры штрафных, дисциплинарных изоляторов, помещений камерного типа. Перевод такого лица в камеру производится по постановлению начальника учреждения на срок не свыше 30 суток, в экстренных случаях дежурным помощником начальника учреждения до прихода начальника, но не более чем на 24 часа. При необходимости срок содержания в камере может быть продлен еще до 30 суток с согласия прокурора, осуществляющего надзор за соблюдением законов в данном ИТУ. Перевод осужденного в камеру по указанным основаниям наказанием не является.

Приложение 2

Перечень работ и должностей, на которых запрещается использовать осужденных:

- в службах, управлениях, отделах по исполнению наказаний, других подразделениях министерств и управлений внутренних дел;
- в штабах и помещениях войсковых подразделений, где размещается личный состав, находится оружие, служебная документация;
- с множительной, радиотелеграфной, телефонной, телефаксной техникой;
- связанных с учетом, хранением и выдачей медикаментов, взрывчатых и отравляющих веществ;
- с подчинением им вольнонаемных работников;
- в качестве водителей оперативных машин;
- в качестве продавцов, бухгалтеров-операционистов, кассиров, ведающих продовольственными, вещевыми складами, а также складами со сложным и дорогостоящим оборудованием.

Приложение 3

Перечень продуктов питания и предметов первой необходимости, обуви, одежды и других промышленных товаров, которые осужденные могут иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях и приобретать в магазинах ИТУ

- Продукты питания (кроме требующих тепловой обработки, сахара, дрожжей, алкогольных напитков и пива);
- табачные изделия, спички;
- одежда, головные уборы, обувь и постельные принадлежности установленного для осужденных образца;
- нательное белье (теплое и простое);
- платки носовые, поясные ремни, чулочно-носочные изделия, колготки, перчатки, варежки, тапочки комнатные (спортивные), нитки, шарфы;
- туалетные принадлежности (туалетное, хозяйственное мыло, зубная щетка, зубной порошок, зубная паста, кремы, гребень, расческа);
- косынки, рейтузы, пояса, бюстгальтеры, марля, заколки, вазелин, вата, шампунь, губная помада, пудра (для лиц женского пола);
- зеркало, бритва электрическая либо механическая, бритвы безопасные разового использования;
- сапожные щетки и щетки для одежды;
- посуда, футляры для очков, мыла и зубных щеток, кружка, ложка;
- настольные игры, кроме карт;
- учебники, ученические тетради, почтовые конверты, открытки, марки, карандаши, авторучки, чернила и стержни;
- литература;
- фотокарточки, фотоальбомы;
- спортивные костюмы;
- электрокипятильники бытовые заводского исполнения;
- нательные крестики и предметы культа, изготовленные из недрагоценных металлов;
- костыли, деревянные трости, протезы (по разрешению врачей);
- часы наручные или карманные из недрагоценных металлов, кроме ВТК и тюрем.

Примечания:

1. Указанный перечень товаров обеспечивается в магазинах ИТУ в пределах выделяемых на местах торговых фондов.
2. Осужденным, находящимся в помещениях камерного типа колоний общего, усиленного и строгого режимов, в одиночных камерах колоний особого режима, а также переведенным на строгий режим в тюрьмах, продажа чая не производится. Поступивший в посылках и бандеролях чай им не выдается.
3. При переводе в другое учреждение осужденным разрешается брать с собой только личные вещи, продукты питания и предметы первой необходимости, приобретенные ими в установленном порядке.

4. Количество продуктов питания, предметов первой необходимости, обуви, одежды и других промышленных товаров, которые осужденные могут иметь при себе, определяется начальником учреждения, исходя из местных условий и возможностей.

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Сегодня в СИЗО сидит 280 тысяч. Всего в СИЗО 159 тысяч мест.

Более 1 миллиона в тюрьмах и на зонах.

100 тысяч каждый год освобождается из СИЗО как невиновные.

Полагается на каждого зека в тюрьме 4 квадратных метра площади. Подозреваемый может находиться под стражей до 1,5 лет. Суд может продлить срок еще на полгода.

В 1939 году в лагерях находилось 8 млн. На 1950 год на принудительных работах было 10 млн.

На сегодняшний день в местах лишения свободы каждый четвертый осужден за умышленное убийство или нанесение тяжких телесных повреждений. Каждый пятый - за грабеж, разбойное нападение, изнасилование. Примерно две трети судимы неоднократно.

Среди уголовных наказаний лишение свободы применяется в каждом третьем случае. Каждый четвертый изолятор переполнен в 2-3 раза, более половины на грани аварийного состояния, а каждый седьмой - аварийный.

НТК (Ст. 54 в редакции от 12 июня 1992 г.): предельные сроки пребывания в течение года в штрафном и дисциплинарном изоляторах - 60 и 40 суток.

В помещении камерного типа - шесть месяцев.

В отличие от западных стран, где заключенные содержатся в основном в тюрьмах, в России исторически сложилось так, что заключенные отбывают срок в системе лагерей и колоний. Только один человек из 200 в настоящее время отбывает наказание в тюрьме. Сегодня в России 743 исправительнотрудовые колонии и всего 13 тюрем. (СИЗО сюда не относится.)

(Информ. бюллетень ГУИН МВД РФ. 1995. N 28. С. 49.)

В ИТУ четвертая часть осужденных не обеспечена оплачиваемым трудом. В тюрьмах постоянно работают только 16% заключенных.

Каждый год только официально регистрируется около 4 тысяч фактов неслужебной связи сотрудников ИТУ и заключенных. Пятая часть сотрудников увольняется, не проработав и года.

Расстреляно:
1960 - 1880 чел.
1961 - 2159 чел.
1965-70 - ежегодно 379-577 чел.
1985 - 407 чел.
1989 - 100 чел.

Зарегистрировано убийств в России:
1993 - 29213
Тюрьма "Кресты" построена до революции в расчете на 1000 зеков.
По нынешним нормам в ней должно сидеть не более 3300.
На 1992 год сидело 6500, в начале 1993 - 8000 человек.

ЗАГРАНИЦА

В 1987 году были приняты Европейские тюремные правила, и поскольку Россия вступила в Совет Европы, она должна постепенно приводить свою уголовно-исправительную систему в соответствие с этими правилами.

Вот несколько ключевых требований.

Окна в камерах, где находятся заключенные, должны быть достаточно большими для того, чтобы те могли свободно работать и читать при естественном дневном освещении. Должно быть обеспечено постоянное циркулирование свежего воздуха.

Арестант обеспечивается постельным бельем, имеет право носить чистую одежду, которая не унижает его достоинства. При выходе за пределы тюрьмы заключенный имеет право носить собственную одежду.

Администрация обязана регулярно в определенное время обеспечивать заключенного качественной пищей в достаточном количестве.

При назначении заключенному дополнительного наказания он должен быть заранее предупрежден об этом, ему обязаны сообщить о проступке, за который он наказывается. При этом заключенный имеет право на защиту, может привлечь к этому делу адвоката.

Запрещаются телесные наказания и помещение в темную камеру. Ограничение питания считается недопустимым. Врач должен дать добро, причем зафиксировать это письменно, на помещение заключенного в одиночку или применение к нему какого-либо иного наказания, которое может повредить здоровью заключенного.

На 100 тысяч населения в России приходится 670 подследственных и осужденных.

В Англии - 96.

В Италии - 88.

В Голландии - 44.

На содержание заключенного в России тратится в 70 раз меньше, чем в Италии. В 50 раз меньше, чем в Англии.

В России содержание одного заключенного обходится бюджету в тысячу долларов в год. Если приблизить наши тюрьмы к международным нормам и стандартам, сумма эта должна составить более 20 тысяч долларов.

На тысячу регистрируемых преступлений в России приходится около 400 заключенных. Это в сто раз больше, чем в Западной Европе.

Средняя продолжительность срока в России - 3 года.

В Италии - чуть больше 6 месяцев.

В тюрьмах Англии строго следят за хулиганством в камерах, а в случае проявления агрессивности хулигана переводят в другую камеру.

Заключенный имеет право получать образование, пройти курс изучения языка, математики, сдать экзамены за среднюю школу, поступить в высшее учебное заведение. Он может также учиться на вечерних или заочных курсах.

Заключенным полагается одно свидание, не менее часа, каждые две недели. И раз в месяц одно свидание на выходные дни. Во время свиданий запрещено прослушивание разговоров со стороны администрации. Заключенный может накопить до 24 свиданий, и по его заявлению его доставляют в тюрьму, которая находится недалеко от его дома, для встречи с родственниками, адвокатами и т.п. Место для свидания продумано до мелочей, здесь есть комнаты отдыха, комната матери и ребенка, детская площадка, туалеты, телефон.

Заключенный иностранец имеет право позвонить семье раз в месяц по служебному телефону.

Надзирателям рекомендовано избегать конфликтов с заключенными. Поэтому не производятся обыски тюремных камер.

К каждому служащему тюрьмы прикреплены свои заключенные, и он является их воспитателем. Воспитатель обязан помогать заключенному, когда тому необходимо связаться с теми или иными учреждениями, фирмами, если это необходимо для его бизнеса и т.д. Воспитатель также обязан консультировать родственников и семью заключенного, если возникнет такая необходимость, по поводу условий отбывания наказания.

Заключенный имеет право заниматься физической подготовкой, и ему предлагается на выбор не менее восьми видов спорта. Занятия эти обычно проводятся на свежем воздухе.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Общество дестабилизировано. Как и в двадцатых годах, над многими даже светлыми умами властвует блатная неоромантика с уклоном в бандитизм, любовно называемый "рэкетом". И рэкет давно уже не "Робин Гуд", как убеждала нас в начале перестройки популярная рок-группа. Нынче это "работа", которая, как и милицейская служба, "опасна и трудна".

Соседка одного моего приятеля жаловалась, что "сын работу потерял; провинился - и выгнали. Даже машину "Жигули" назад забрали и знаки отличия сорвали!" (Имелась в виду золотая цепь.)

"Вход копейка, выход - рупь". Эта поговорка годится для тех, кто уже находится на более или менее "высоте". В рядовом составе преступного мира идет постоянная ротация кадров. На место выбывших (погибших в кровавых разборках, а чаще - арестованных) бойцов прибывают добровольцы из воспитательно-трудовых колоний, зон общего режима, секций айкидо, таэквондо и бокса. Отсутствие стабильной работы и перспектив любого диплома заставляет молодежь, не имеющую в кармане и ломаного гроша, подключаются (иногда на короткое время) к деятельности преступной. Большинство из них затем пополняет ряды узников тюрем и лагерей: здесь-то и начинается настоящая жизнь, полная настоящих опасностей, непохожих на опасности из американских боевиков.

Поднявшийся на "взросляк" малолетка гнет пальцы, сплевывает сквозь зубы, как Доцент из "Джентльменов удачи", хвастает сексуальными победами над зоновскими "петухами", не познав женщины. Именно здесь, за решеткой и колючей проволокой, предстоит ему выбор жизненного пути, и чаще всего почти любой выбранный путь ведет его обратно в тюрьму и зону. Вглядитесь в лица этих "пацанов", оставленных матерью-Родиной. Да, они жестоки; они забивают ногами пьяного за полупустой кошелек; они взламывают ларьки с шоколадками и насилуют в подвалах "хором" таких же малолетних девчушек. Но если их самих нельзя назвать "несчастными" - тогда кого же? Они нынче
- и на длительный срок - узники... И те, кто уже счел тюрьму "родным домом", кто зачерствел сердцем и оледенел взглядом, они тоже узники. И те, кто добровольно взвалил на свои плечи тяжкий и ответственный груз служения "тюрьме и зоне", - соузники их всех... И мы, находящиеся по эту сторону всех "запреток", - таковы же по сути...

И чтобы не заканчивать скупое повествование на чересчур официальной, нравоучительной или куражисто-блатной ноте, послушаем лучше слова священника, сказанные им в 1901 году, но отнюдь не потерявшие актуальность.

ПРИЙТИ К ЗАКЛЮЧЕННЫМ В ТЕМНИЦЕ

В темнице был, и вы пришли ко мне (Мф. 25, 26). В числе несчастных, которым мы обязаны оказывать свое милосердие, заключенные составляют особенность: эти люди связаны по рукам и ногам и не могут сами просить нас о помощи, как просят ее нищие и бедные, приходящие к нам в дом; они от нас за крепкими стенами, и, сколь бы ни вопияли о какой-либо своей нужде до нас, голос их будет слышаться только ими самими. Затем, как же мы можем перестать считать их ближними, когда между ними, может быть, найдутся и невинные? Наконец, пусть они будут совсем посторонние для нас; пусть они закоснелые и вполне виновные преступники. Но их темничное состояние напоминает нам о возлюбленном Спасителе нашем. В каком смысле? В том, что Спаситель наш также был за наши грехи в темничных узах, а невидимо и доселе - пребывает, как обещался, с заключенными. Первые христиане по простоте времени и чрез подарки стражам темницы могли еще входить к заключенным. Ныне тюремные двери широки только для тех, которые имеют несчастье дойти до преступлений, да еще для лиц, заведующих темницами или служащих в них.

Если мы не имеем права входить в остроги: в таком случае можем милосердствовать заключенных чрез тех, которые по праву входят туда. Одарите заключенных крестиками на грудь; доставьте им возможность видеть у себя перед иконой горящую лампадку или свечу (особенно для больных); доставьте им для чтения книгу духовную; устройте церковь, но если постройка церкви в тюрьме требует особенных средств, то, во всяком случае, библиотека-то духовная была бы самою умною и незаменимою милостынею.

И вся эта польза для души и утешения и назидания преступников последует от чьих-то умных пожертвований. Не верная ли после этого надежда жертвователям на воздание от Господа Бога царством небесным? Стоит, стоит вообще позаботиться тем, которые имеют средства, о пожертвованиях для тюрем; потому, что ведь не десятки там заключенных лиц, а сотни и тысячи, а со всех тюрем составится этого рода людей и целый мир!

Что же сказать о тех, которые по должности и за плату обращаются каждый день с заключенными и по долгу христианского человеколюбия считаются попечителями заключенных? Как же эти лица должны выполнять евангельскую заповедь в отношении к ним? По праву или обязанности они уже лицом к лицу поставлены к нуждам и лишениям узников; и вот многие из них действительно: "милосердные отцы и братья"... Зато есть такие, которые обращают все внимание

свое и других на одну только сторону узников - на пороки, за которыми, конечно, дело не встанет; например, указывают на ложь и коварство арестантов, на готовность их злоупотреблять всяким благодеянием, на строптивость их, на буйство и закоснелость. Лишений же и нужд тюремной жизни служащие и бывающие в тюрьмах как будто не замечают. А им ли не видеть этих лишений и нужд?! Первое лишение заключенных - потеря свободы. Сколь тяжело ее лишиться - можно судить по тому, что иной нетерпеливый арестант решается перенести всякую опасность, чтоб только воспользоваться свободой, и часто (как уже и сам знает) на короткое лишь время. К потере свободы присоединяются разлука с родными, сознание бесчестия тюремного, волнение при допросах, ожидание наказания, теснота и духота тюремных помещений, злое товарищество и ночная бессонница. Кажется, все это ясно дает видеть в узнике человека придавленного тяжестью, убитого. Но вот лица, посещающие заключенных, так или иначе действующие на их судьбу, хвалящиеся знанием их характера, рассуждают, что "они недостойны никакого сострадания и попечения". Как рассуждают эти влиятельные лица - так и поступают. Иные и в тоне голоса, и во всем обращении своем с заключенными выражают злорадование стесненному положению их и полную зависимость их от себя. (Не без того, что некоторые ловко присвояют себе многое, что должно быть достоянием несчастного узника, т. е. скрадывают его.) Боже мой! Как же эти люди не поймут, что преступники - своего рода больные, с которыми нужно обращаться и строго и милосердно (отечески!), что у них и самая кровь от стесненного и гнилостного воздуха изменяется и располагает к раздражительности!

И вот, стоя уже на самом пути к царству небесному, эти лица (служащие и начальники тюрем) напротив отягчают свою вечную участь. Не лучше ли было им вовсе не вступать на прекрасный сам по себе путь служения в тюрьмах? Получить бы им царство небесное, а они между тем еще дальше отдаляют себя от него, навлекая на себя и земное отмщение. Почему так? Потому что невинное угнетение убогих, которыми преимущественно надобно назвать лишенных свободы, есть грех вопиющий на небо. О милосердный христианин! Если тебе открыт вход в темницы - приходи туда чаще в духе терпения, снисхождения и любви. А если не можешь прийти - окажи свое сочувствие узникам хоть через посредство других. Но сохрани тебя Бог ожесточаться против узников!..

Протоиерей Евгений Попов, почетный член Санкт-Петербургской Духовной академии 1901 г.